

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Per. 278975 d. 80

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

1868

№ I ЯНВАРЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи А. А. Бравскаго (Литейная, № 38)

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЯ,

ТОМЪ СЪХХVI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Кравцоваго, (Игольная № 38).

1868.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ

1868

№ I ЯНВАРЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи А. А. Бравскаго (Литейная, № 38)

I. — ПРИТЧА О КИСЕЛѢ. Стих. Н. А. Некрасова . . .	1
II. — ЖИВАЯ ДУША. Романъ. Часть I. Марка-Вовчка . . .	7
III. — ВЫБОРЪ. Стихотвореніе Н. А. Некрасова . . .	75
IV. — НАКАЗЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ о сочи- неніи проекта новаго уложенія. Г. З. Елисеева . . .	77
V. — НОВЫЙ НАРЦИЗЪ или ВЛЮБЛЕННЫЙ ВЪ СЕБЯ. Рассказъ М. Е. Салтыкова (Щедрина) . . .	131
VI. — ДИДРО и ЛЕССИНГЪ. (<i>Статья первая</i>) . . .	147
VII. — ЧИСТИ ЗУБЫ, А ТО МУЖИКОМЪ НАЗОВУТЬ! Рассказъ П. И. Якушкина . . .	213
VIII. — СУДЪ. Современная повѣсть Н. А. Некрасова . . .	227
IX. — ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ МАЛЕНЬКАГО ОБОР- ВЫША. Романъ Джемса Гринвуда . . .	1—48

СОВРЕМЕННОЕ ОВОЗРѢНІЕ.

X. — РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: — НОВОЕ ВРЕМЯ И СТАРЫЕ БОГИ. (Дымъ, повѣсть г. Тургенева. Москва, 1867 г.). Ст. А. М. Скабичевского . . .	1
XI. — НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ, относящіяся къ исторіи сѣ- веро-западной Руси. — Ст. Н. И. Ю.	40
XII. — НОВЫЯ КНИГИ. Мѣсяцословы на 1868 годъ. — Словесность въ образцахъ и разборахъ, В. Во- дозова. — Русская хрестоматія. Томъ 4. А. Фи- лонова. — Исторія земли, Фридриха Мора, пер. И. Шульмина. — Современные вопросы антропологій. — Взглядъ на первобытныя времена человѣческаго рода. — Быть двѣхъ народовъ. — Нравственная статистика, и др.	54
XIII. — ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА: — РОМАНЫ АН- ДРЕ ЛЕО. — I. Un mariage scandaleux. — II. Un divorce. — III. Jacques Galeron. — IV. Une vieille fille. — V. L'idéal au village. <i>Статья первая</i> . . .	85
XIV. — ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ: — I. ИТАЛЬЯНСКАЯ ОПЕРА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ. (Ст. Петербург- скаго жителя). — II. ВАСИЛИСА МЕЛЕНТЬЕВА (новая драма гг. Островскаго и ***).	115

(См. страницу 3-ю).

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ И УЧЕНЫЙ,

ТОМЪ СЛХХVI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Краевского, (Литовскія № 38).

1868.

Handwritten scribbles and markings, possibly including the number '2' and other illegible characters.

ПРИТЧА О «КИСЕЛѢ».

Жилъ-былъ за-тридцать земель,
Въ какомъ-то царствѣ тридцатомъ,
И просвѣщенномъ и богатомъ,
Вельможа, именемъ — Кисель.
За книгой съ дѣтства кромѣ скуки
Онъ ничего не ощущалъ,
Китайской грамотой — науки,
Искусство — бреднями считалъ;
За то въ войнѣ, на полѣ брани
Подобныхъ не было ему:
Онъ несъ съ народовъ дивихъ дани
Пашѣ — владыкѣ своему.
Сломивъ рога крамолѣ вѣшней
Пожаромъ, казнями, мечомъ,
Онъ дѣйствовалъ еще успѣшнѣй
Въ борьбѣ со внутреннимъ врагомъ:
Не только чуждые народы,
Свои дрожали передъ нимъ!
Но измѣнили старцу годы —
Заботы, дальнѣе походы,
Военной славы громъ и дымъ
Израненному мужу въ тягость:
Сложилъ онъ бранныя дѣла,
И краемъ правящая благодать
Гражданскій постъ ему дала.
Подъ солнцемъ сѣвера и юга
Уставъ отъ крови и побѣдъ,
Кисель любилъ въ часы досуга

Театръ, особенно балетъ.
 Чего же лучше? Свѣжь онъ чувствомъ,
 Онъ только удрученъ войной —
 Итакъ, да править онъ искусствомъ,
 Вкусая въ старости покой!

Съ обычной стойкостью и рвениемъ
 Кисель вступилъ на новый постъ:
 Присматривалъ за поведеніемъ,
 Вниманіе обращалъ на ростъ;
 Высокомѣрнымъ задалъ гонку,
 Покорныхъ, тихихъ отличилъ,
 Остригъ актеровъ подъ гребенку,
 Актрисамъ стричься воспретилъ;
 Сталъ роли раздавать по чину,
 И — какъ онъ былъ благочестивъ,
 То женщинѣ играть мужчину
 Не позволялъ, сообразивъ,
 Что это вовсе неприлично:
 — Еще начать бы позволять,
 Чтобы роль женщины публично
 Мужчина началъ исполнять!

Чтобы актёры были гибки,
 Онъ ихъ училъ маршировать,
 Чтобы знали роли безъ ошибки,
 Затѣвалъ экзаменовать;
 Иной придетъ поздненько съ пира
 Къ нему экзаменаторъ шастъ,
 Разбудить: «Монологъ изъ Лира
 Читай!»... Досада — и напасть!

Пріѣхалъ разъ въ театръ вельможа
 И видитъ: зала вся пуста,
 Одна директорская ложа
 Его особой занята.
 Еще случилось тоже дважды —
 И понялъ нашъ Кисель тогда,
 Что въ публикѣ къ театру жажды
 Не остается и слѣда.

Самъ ханъ шута сказавъ однажды:
 «Театръ не годенъ никуда!
 Въ оркестрѣ врутъ и врутъ на сценѣ,
 Совсѣмъ меня не веселя,
 Съ тѣхъ поръ, какъ далъ я Мельпоменѣ
 И Терпсихорѣ — *Кисель!*»

Кисель глубоко огорчился,
 Удвоилъ трудъ — не ѣлъ, не спалъ;
 Но какъ начальникъ ни трудился,
 Театръ ни къ чорту не годился!
 Тогда онъ истину созналъ:
 «Справлялся я съ военной бурей,
 Но мнѣ театръ не поплечу,
 За красоту балетныхъ гурій
 Продать я совѣсть не хочу!
 Мнѣ о душѣ подумать надо,
 И такъ довольно я грѣшил!»
 (Кисель побавивался ада,
 И въ рай, конечно, поровилъ).
 Мысль эту изложилъ круглѣ,
 Передаетъ секретарю:
 Дабы переписалъ крупнѣе
 Для поднесенія визирю.
 Заплавалъ секретарь; печали
 Не могъ, бѣдняга, перевозмочь!
 Бѣжить въ кассирю: «мы пропали!»
 (Они съ кассиромъ виѣсть брали)
 И съ нимъ бесѣдуетъ всю ночь.
 На утро въ труппѣ гулъ раздался,
 Что депутація нужна
 Просить, чтобы Кисель остался,
 Что ужъ собирается она.
 «Да кто жъ идетъ? съ какой же стати?»
 Кричатъ строптивые: — «Давно
 Мы жаждемъ этой благодати!»
 — Тссс! тссс!... упросить неравно! —
 И все пошло путемъ извѣстнымъ:
 Начнетъ дуракъ или подлець,
 А вслѣдъ за глупымъ и безчестнымъ

Пойдетъ и честный наконецъ.
 Тотъ говорить: до пансіона
 Мнѣ остается семь недѣль,
 Тотъ говорить: во время оно
 Мою сестру вкрестилъ Кисель,
 Тотъ говорить: жена больная,
 Тотъ говорить: семья большая —
 Такъ другъ по дружкѣ вся артель
 Благословивъ сначала небо,
 Что онъ уходитъ наконецъ,
 Пошла съ дарами соли-хлѣба
 Просить: «останься, нашъ отецъ!»...

Впереди шли вдовицы преклонныя,
 Прослужившія лѣта законныя,
 Сѣдовласыя, еле ползущія,
 Пансіономъ полвѣка живущія,
 Дальше причетъ трагедіи: вѣстники,
 Щитоносцы, тираны, кудесники,
 Двадцать шесть благородныхъ отцовъ,
     Девять первыхъ любовниковъ;
 Восемьсотъ театральныхъ чиновниковъ
 По три въ рядъ выступали съ боговъ
     Съ многочисленнымъ штабомъ:
     Съ сиротами безпечными,
     Съ бѣдняками увѣчными,
     Прищемленными трапомъ.
 Пѣли гимнъ представителя пѣнія,
 Стройно шествовалъ кор-де-балетъ;
 Въ бѣлыхъ платяцахъ, съ крыльями генія
 Корифейки младенческихъ лѣтъ,
 Довершая эффектъ депутаціи,
 Преклонялись съ простертой рукой,
 И исполнены женственной граціи
 Въ очи старца глядѣли съ мольбой...

Кто устоитъ передъ слезами
 Дѣтей, теряющихъ отца?
 Кисель растрогался мольбами:
 «Я вашъ, о дѣти! до конца!»

Я полагаю, что я не нуженъ,
 Я мнилъ, что даже вреденъ я,
 Но вами я обезоруженъ!
 Идемъ же, милые друзья,
 Идемъ до гробоваго часу
 Путемъ прогресса и добра!...
 Актеры сворчали гримасу,
 Но тутъ же крикнули: ура!
 «Противустать возможно адрамъ,
 Но вашимъ просьбамъ — никогда!»

И снова править онъ театромъ,
 И мечется туда-сюда;
 То острижетъ до кожи труппу,
 То космы разрѣшить носить,
 А самъ не ѣстъ ни шей, ни супу,
 Не можетъ винъ заморскихъ пить.
 Въ пьесахъ ради высшихъ цѣлей
 Виѣ брака допустилъ любовь
 И вапелъдинерамъ съ шинелей
 Доходы предоставилъ вновь;
 Смирившись, съ авторомъ «Гамлета»
 Завестъ знакомство пожелалъ,
 Но Богъ британскаго поэта
 Къ нему откушать не прислалъ.
 Укоротилъ балету платья,
 Мужчиной женщину одѣлъ,
 Но позднія мѣропріятыя
 Не помогли — театръ пустѣлъ!
 Спялись таланты при Ливургѣ,
 Имъ было нечего играть:
 Ни въ комикѣ, ни въ драматургѣ
 Охоты не было писать;
 Танцорки какъ ни горячились,
 Не получали похвалы,
 Онѣ не то чтобы лѣнились,
 Но вѣчно были тяжелы.
 Въ партерѣ явно негодуютъ,
 Свѣтъ Божій Киселю не милъ,
 Грустить: «Чиновники воруютъ

«И съ труппой справиться нѣтъ силы!
 «Вчера статуя командора
 «Ни съ мѣста! Только мелеть вздоръ —
 Мертвецки пьянаго актера
 «Въ нее поставилъ режиссеръ!
 «За то случился фактъ печальной
 «Назадъ тому четыре дня:
 «Съ фронтона крыши театральной
 «Ушло три бронзовыхъ коня!»

Кисель до гроба сценой правилъ,
 Сгубилъ театръ — хотъ закрывай! —
 Свои сѣдины обезславилъ
 Да не попасть ему и въ рай.
 Искусство въ государствѣ пало
 Къ великой грусти взира, —
 И только денегъ прибывало
 У молодца-секретаря:
 Изрядный капиталъ составилъ,
 Домъ нажилъ въ восемь этажей,
 И на воротахъ львовъ поставилъ,
 Сбѣжавшихъ переливъ коней...

Мораль: хотъ крѣпостныя стѣны
 И очень трудно разрушать,
 Однако храмомъ Мельпомены
 Труднѣй безъ знанья управлять.
 Есть и другому поученью
 Тутъ мѣсто: если хочешь въ рай,
 Путеводителемъ къ спасенью
 Секретаря не дзбирай.

Н. НЕБРАСОВЪ.

ЖИВАЯ ДУША.

Часть первая.

I.

ИЗВРАНИННІЕ ЛЮДИ.

Многіе жители города N. очень его бранятъ, но спѣшу прибавить, бранятъ нарочно, потому что въ душѣ не только любятъ его, но даже довольны имъ. И въ самомъ дѣлѣ, даже со стороны глядя, онъ нисколько не хуже прочихъ губернскихъ городовъ, а вѣдь, какъ вошло въ поговорку у тамошнихъ же жителей (и не безъ основанія), Аркадіи въ нынѣшнія времена гдѣ же взять?

Мѣстоположеніе города N., нельзя сказать, чтобы необыкновенно живописное, но и очень недурное. Есть большая рѣка, есть густые сады. Соборъ какъ-то такъ построенъ, что куда ни зайди, онъ отовсюда видѣнъ; тоже каланча. Тамошніе купцы разводятъ много пѣвчихъ птицъ, съ любовью украшаютъ иконы,—и въ хорошую погоду пріятное чирканье и щебетанье слышится изъ открытыхъ оконъ, а сіянье отъ золотыхъ и серебряныхъ ризъ бываетъ въ вѣкоторыхъ домахъ даже невыносимо для слабыхъ глазъ. Помѣщичьи жилища отличаются постройкою и убранствомъ,—тутъ все цвѣты видны, хорошая, даже фигурная мѣбель; слышно фортепяно, и не то чтобы какіе вибудъ только польки да вальсы, а слышна серьезная музыка.

Въ городѣ N. богатство оригинальныхъ характеровъ, разнообразіе обычаевъ; тамъ поэтическія преданія, героическія были,—даже поучительные примѣры и примѣрные дѣянія.

Но кто желаетъ изучить городъ N., тотъ не долженъ ни подъ какимъ видомъ полагаться безусловно на показанія туземныхъ жителей, потому что они многое толкуютъ превратно подъ вліяніемъ то пристрастія, то личнаго, особеннаго

взгляда. Напримѣръ, они присягу даютъ въ томъ, что у нихъ не вѣрятъ въ домовыхъ и не любятъ чиновъ. «Еще бы это!» говорятъ они, пожмая плечами, но говорятъ лукаво: и въ домовыхъ у нихъ вѣрятъ, и чины любятъ, конечно не всѣ сплошь да рядомъ, но очень—очень многіе.

Тоже по поводу *правды*. «Еслибы намъ правду! Правду еслибы намъ!» говорятъ они подъ часть съ огорченіемъ. Но хотя правда чрезвычайно любима жителями города N., однако она вообще проникаетъ медленно, по капелькѣ,—больше приправою къ другимъ вещамъ, а если случается кому унитъся ея, то сейчасъ же онъ поступаетъ въ ряды болѣе или менѣе пропащихъ людей. Въ обществѣ его, положимъ, любятъ и цѣнятъ, но такъ, какъ шинкаръ цѣнитъ и любитъ пьяницу: дочери своей ниго за него не отдастъ.

Вообще въ городѣ N., какъ и въ другихъ городахъ, гораздо легче успѣть съ помощію небольшихъ пороковъ, свойственныхъ, такъ-сказать, духу націи, подходящихъ болѣе подъ стать забавамъ и нуждамъ, чѣмъ строгою этою правдою, которая стѣсняетъ васъ и колетъ вамъ глаза съ утра до вечера.

Впрочемъ, въ чему всѣ эти сужденія? Вѣдь Аргадіи-то въ нынѣшнія времена гдѣ же въ самомъ дѣлѣ взять?

Но чѣмъ по справедливости можетъ славиться городъ N., такъ это своею необычайною чуткостью, удивительною впечатлительностію. Только раздайся гдѣнибудь какойнибудь голосъ, навѣрно отголоски сейчасъ же пойдутъ по городу N.

По преданію извѣстно, какъ все сокрушали тамъ когда-то *герои нашего времени*. Потомъ гдѣ-то родился человекъ на другой ладъ,—ищущій себѣ дѣла и венаходящій, томимійся пустотою жизни, изнемогающій подъ гнетомъ собственныхъ богатыхъ силъ и дарованій, которому міръ тѣсенъ. И Боже мой! сколько такихъ вдругъ появилось въ городѣ N.! Просто отъ нихъ тѣсно стало. Стонъ стоялъ въ воздухѣ отъ ихъ нытья и словоохотливости. Была полоса на *непонятыхъ женщинахъ*,—кишмя закишили въ городѣ N. непонятныя женщины и въ самомъ дѣлѣ всѣхъ поставили въ тупикъ. Аукнула откуда-то *женщина съ характеромъ* и, Создатель мой! что характеровъ обнаружилось въ городѣ N.! Выскочили они вдругъ, какъ дождевики, и пошелъ дымъ коромысломъ! Борьба началась вездѣ и во всякомъ родѣ: одна дѣвица умерла отъ силы характера, одна дама прибила въ собраніи предводителя дворянства! Послалъ Богъ на землю добродѣтельнаго и образованнаго чиновника—и въ городѣ N. они развелись и отлично принялись. Нигдѣ лучше не разсуждали, горячѣй не доказывали, что взятки постыдны, что даже онѣ

противны природѣ человѣка. Совѣтница казенной палаты была въ какомъ-то упоеніи, бросила хозяйство, дѣтей, все только ѣздила: «наконецъ-то! наконецъ-то злоупотребленія прекращены!» и забыла совершенно, что еще мѣсяцъ тому назадъ она сшила себѣ изъ злоупотребленій восхитительное платье. И совѣтникъ, человѣкъ сосредоточенный, человѣкъ помнящій все, хотя шепталъ угрюмо: «о, женщины!» однако тоже на вечерахъ у знакомыхъ очень внушительно, очень хорошо выставлялъ на видъ и неудобства, и беззаконіе взятокъ. Настало освобожденіе крестьянъ и показало, сколько ревнителей этого дѣла скрывалось въ неизвѣстности въ городѣ N. Однимъ словомъ, чуткость и впечатлительность очень, очень большія.

Конечно, многое было пересолено во время перваго пыла и безопасно оставалось для другаго, какъ ненужное орудіе, сбрасывалось, какъ изношенное платье, но подобная чуткость, подобная впечатлительность все - таки чрезвычайно похвальны, а если взять на вѣру то, что всякое добро владеть свою печать, оставлять свой слѣдъ, а всякое зло, научая добродѣтели, проходить, то даже очень можетъ быть отраднo.

Дѣло шло къ веснѣ, и хотя еще снѣгъ кое-гдѣ лежалъ, а уже чувлось что-то весеннее, живительное. По ночамъ, когда гамъ утихалъ, а движеніе прекращалось въ городѣ, поднимался другой шумъ, доносились другіе звуки: слышно было, какъ осѣдалъ разрыхлѣвшій снѣгъ, какъ сочилась вода, точно тихонько закипающая; земля какъ будто весело охала, и какой-то свистъ проносился отъ крыльевъ летящихъ на весну птицъ.

Четвертая недѣля великаго поста была на исходѣ.

Въ N—скомъ женскомъ монастырѣ отзвонили къ вечернѣ, и пять-шесть купеческихъ старушекъ въ черныхъ и темныхъ душегрѣйкахъ съ перехватцами, удивительно похожія на пауковъ, быстро ползли съ разныхъ сторонъ по улицѣ къ монастырскимъ воротамъ.

Женскій монастырь стоялъ почти на выѣздѣ изъ города и улица была очень безлюдна. Немного было домовъ и все съ садами. Дома все большіе деревянные, съ итальянскими окнами, съ двумя крыльцами подъ навѣсами на улицу, съ балконами въ сады. Въ безлистныхъ еще садахъ видѣлись, сквозь высокіе частоколы или низкія каменные ограды, сѣрыя бесѣдки, зеленныя лавочки, выгнутые мостыки, дорожки, аллеи, узорные цвѣтники, прошлогоднія гнѣзда на деревьяхъ, а въ нѣкоторыхъ садахъ красовались и статуи.

Вечеръ былъ изумительный, — весь изъ золота и пурпура. Каждая тончайшая древесная вѣточка озерчивалась въ этомъ ослѣ-

пительномъ блескѣ, и паукообразныя старушки на улицѣ озолотились, и оконныя стекла сіяли и сверкали. Воробьи потеряли свой сѣрый цвѣтъ и тоже представлялись золотистыми. Небо было чистое и голубое, только одно круглое облачко точкою темнѣло на западѣ.

Очень благообразный молодой человѣкъ, въ бекешѣ съ бобровымъ воротникомъ и въ свѣтло-коричневыхъ перчаткахъ показался на улицѣ. Внимательный наблюдатель съ разу бы замѣтилъ, что молодой человѣкъ находится въ какомъ-то нерѣшительномъ состояніи духа: онъ то шелъ очень быстро, то гораздо тише, то чрезвычайно медленно, то среднимъ благоразумнымъ шагомъ, какъ человѣкъ, рѣшившійся быть хладнокровнымъ и даже безмятежнымъ, то опять пускался рысью.

Одна старушка, которую онъ чуть не задѣлъ, пронесся мимо, приостановилась, поглядѣла ему въ слѣдъ и въ негодованіи прошептала:—о, вѣтрогоны повяты! вертопрахи окаянныя! все въ мірскихъ помыслахъ! чтобы вамъ съвозъ землю провал... Но вдругъ спохватилась, умолкла, переврестилась, начала охать и съ набожнымъ видомъ поползла дальше своимъ дорогомъ.

А молодой человѣкъ, дойдя до одного дома съ итальянскими окнами, остановился и на лицѣ его какъ нельзя яснѣе выразилось: а вѣдь я все дѣлаю глупости! Онъ постоялъ, подумалъ, что-то казалось взвѣшивалъ, что-то казалось рассчитывалъ, и вдругъ быстро взомель на крыльцо и позвонилъ у дверей, какъ будто ему наконецъ надоѣло торговаться самому съ собою и онъ, куда ни шло, поканчиваетъ разомъ всѣ сомнѣнія и пренія.

Ему отворилъ двери пожилой человѣкъ съ недоброжелательнымъ лицомъ и на вопросъ: «а что, Еремѣй, господа дома?» отвѣчалъ нѣсколько раздражительно: «дома-съ!» снялъ съ гостя бекешу и распахнулъ передъ нимъ двери въ залу.

Зала была большая и свѣтлая. По угламъ, по окнамъ цвѣты и растенія. Нѣсколько распутившихся желтофіолей пріятно пахли. Дверныя занавѣси были спущены изъ гостиной.

— Ахъ, здравствуйте, Катя! какъ поживаете? проговорилъ гость, увидя пухленькую, смуглую дѣвочку лѣтъ семи и подходя къ ней съ улыбкою.

Съ перваго взгляда не оставалось никакого сомнѣнія, что дѣвочка была очень умна и очень взбалована. Она сидѣла на стулѣ чинно, какъ монашенка, приподнявши нѣсколько голову, сложивши ручки, хотя глаза у нея горѣли, волосы рассыпались, кружева на фартучкѣ всѣли истерзанныя, свѣжая царина перекрещивала щечку и вся она до конца крохотныхъ ушекъ была ярваго розоваго цвѣта. А сѣрый котъ, весь взъерошенный, измятый, встряхивал-

ся, фыркать, лизалъ собѣ лапки, вертѣлся, крутился и вообще казалося—только что вырвался изъ какой-то пытки.

На привѣтствіе гостя дѣвочка отвѣчала серьезнымъ взглядомъ и степеннымъ, даже нѣсколько чопорнымъ поклономъ. Гость протянулъ ей руку,—съ достоинствомъ и степенно она позволила ему пожать свою.

— А гдѣ мама? спросилъ гость, садясь около нея.

— Она въ гостиной.

Гость глянулъ на спущенныя занавѣски на дверяхъ изъ гостиной. Катя прибавила въ поясненіе:

— Мама спитъ. Она читала, сказала мнѣ не мѣшать. Я не мѣшала, — вотъ она и заснула.

— Пусть отдыхаетъ мама, отвѣчалъ гость, понижая голосъ:—а мы съ вами покамѣстъ посидимъ. Хорошо, Катя?

— Хорошо, проговорила Катя.

Гость помолчалъ. Казалося, цѣлый рой важнѣхъ-то мыслей, все тревожныхъ и мучительныхъ, перевернулся у него въ головѣ.

— Ну, что же вы тутъ подѣлывали, Катя? спросилъ онъ дѣвочку.

— Сидѣла съ Другомъ.

— А, съ Другомъ! повторилъ гость и сталъ звать: — Другъ! Другъ! кись-кись-кись!

Но Другъ при первомъ зовѣ подскочилъ на аршинъ отъ полу, будто его укололо булавкою, стремглавъ кинулся подъ рояль, безпокойно сверкнувъ оттуда глазами и стрѣлою перенесся въ уголъ, гдѣ и забился между цвѣтовъ.

— Чтó это съ нимъ такое сегодня? спросилъ сильно занятый своимъ и потому мало внимающій въ окружающее гость.

— Такъ, дикость!—отвѣчала Катя небрежно.

Помолчали немножко.

— Ну что-жъ, были вы на гуляньѣ, Катя? Понравилось вамъ гулянье?

Гость вообще говорилъ съ Катей нѣсколько подобострастно, а Катя говорила съ тостемъ какъ обыкновенно говорятъ съ тѣми, кому въ нашей волѣ сдѣлать неприятность или удовольствіе, между тѣмъ какъ они безсильны передъ нами.

— Да, отвѣчала Катя: — гулянье понравилось. И пристально впиваясь въ гостя своими искрометными глазами, она прибавила:—а на гуляньѣ мы встрѣтили Павла Ивановича!

Гость вспыхнулъ.

— Видѣли вы, какъ качаются на бруглихъ качеляхъ? спросилъ онъ.

— Да. И Павелъ Ивановичъ тоже видѣлъ.

— Миѣ кажется, это должно быть страшно, когда вдругъ начнутъ васъ вертѣть такъ...

И гость какъ-то судорожно завертѣлъ рукою, представляя, какъ вертять на круглыхъ качеляхъ.

— Нѣтъ, ничего.

— Вы вѣдь охотница до качелей, Катя?

— Да. Потому мы пришли домой, и Павелъ Ивановичъ съ нами. Павелъ Ивановичъ былъ такой веселый!

Гость чутьчку поблѣднѣлъ. Онъ видимо не хотѣлъ ничего выпитывать у дѣвочки, даже очень избѣгалъ и похожаго на выпитыванье, видимо бросался изъ стороны въ сторону, но дѣвочка какъ нарочно именно отвѣчала ему на то, что было для него самымъ близкимъ, самымъ жгучимъ дѣломъ.

— Павелъ Ивановичъ былъ такой веселый! повторила Катя, доставая изъ карманика какое-то миндальное печенье въ розовой бумажѣ, которое начала развертывать съ умышленнымъ шелестомъ. При первомъ шелестѣ голова Друга высунулась изъ-за листьевъ и вскорѣ онъ весь побазался, мягко выступая и умильно повода мордочкою.

— Ахъ, вотъ и Другъ явился! сказалъ гость.

Другъ приостановился на разстояніи, въ тревогѣ,—но если что ведетъ прямымъ путемъ къ опасности и къ гибели, такъ это именно жадность къ лакомымъ вѣщамъ и соединенная съ нею тревога. Они, если нападаютъ на какое нибудь бѣдное созданье, будь то Другъ или человѣкъ, то предають его въ руки противника, чему безъ счастливыхъ обстоятельствъ рѣдко бываетъ хорошій конецъ.

Другъ приостановился, но Катя уже держала между двумя пальчиками печенье и то опускала его, то поднимала. Другъ не могъ или не желалъ противиться, и медленно, не спуская съ печенья глазъ, съ легкимъ мяуканьемъ, похожимъ на вѣжливый шутивый уворъ, подошелъ и сѣлъ на заднія лапки у ногъ Кати.

— Павелъ Ивановичъ подарилъ Машѣ книгу, и Маша была очень рада, говорила Катя, давая нюхать Другу печенье и быстро его отдергивая, какъ только Другова лапка наровила снапнуть.

— И Маша была очень рада... Другъ! у тебя лапочки коротки! Ты прежде послужи-ка миѣ! Да, и Маша была очень....

Катя остановилась и поглядывала то на Друга, то на гостя, будто сравнивая ихъ. Лукавство такъ и било изъ ея черныхъ глазъ. И вдругъ она залилась хохотомъ.

А они, и Другъ, и гость, оставались передъ нею, уставивши на нее глаза, исполненные, хотя различнаго, но одинаково томительнаго ожиданія.

Катя хохотала, хохотала, потомъ всочила со стула и пусти-

лась по залѣ въ какомъ-то упоеннѣ прыгать, подтанцовывать, подсакивать, кружиться, точно говоря всѣмъ этимъ буйствомъ: Господи! какъ забавно на свѣтѣ!

Наконецъ она остановилась противъ Друга и гостя, которне все слѣдили за нею тревожными и нѣскольکو жадными глазами, съ тою разницею, что у гостя эта жадность чуть-чуть просвѣчивала, умѣряясь грустью и побѣждаясь достоинствомъ, между тѣмъ какъ у Друга она уже начинала переходить въ свирѣпость.

Нахохотавшись досыта, Катя вдругъ сдѣлалась предоброю, превеликодушною дѣвочкою. Другъ щедро былъ угощенъ печеньемъ, и глядя его ручкою, она сказала, глядя на гостя еще съ лукавствомъ, но уже очень ласково:

— Маша васъ больше любитъ, чѣмъ Павла Ивановича.

• Точно горячимъ желѣзомъ привоснулись къ гостю, такъ онъ вздрогнулъ, и схватывая Катю на руки, прошепталъ, стараясь улыбнуться, но чуть не плача:

— Что это вы говорите, Катя! Почему вы это знаете....? думаете... милая... милая... Катя?

— О, я все знаю! отвѣчала увѣренно Катя, точно всѣ тайны міра были ей извѣстны, какъ карманы ея собственнаго фартучка.

— Вы такая догадливая? спросилъ гость шутливымъ тономъ и съ улыбкою. А сердце у него такъ стучало, что чуткій Другъ слышалъ и хищно наострилъ уши.

— Я догадлива, отвѣчала Катя.—Какая вѣдь мамѣ обманщица... Ахъ, какая она обманщица! вскрикнула Катя, всплеснувъ ручками и съ тѣмъ почительнымъ удивленіемъ, которое чувствуется передъ мастеромъ своего дѣла.—А меня она никогда не можетъ обмануть! Никогда! Я все знаю, что у насъ дѣлается, все! А Маша не обманываетъ,—она только ни за что не говоритъ, что думаетъ. Ни за что! А я все-таки знаю! Когда она засмѣется, тихонько, вотъ такъ,—и Катя пальчиками раздвинула ему губы:—то это значить хорошо, а если засмѣется вотъ такъ,—опять она раздвинула ему губы въ другую сторону:—то это значить нехорошо!

А ему представлялась и первая улыбка: улыбка какая-то рѣдная и лучезарная, и вторая, отъ которой иногда такъ сжималось мучительно его сердце.

— Такъ все скрываютъ! Такъ скрываютъ! продолжала Катя съ увлеченіемъ. — Тетя Фанни ссорится потихоньку—потихоньку,—я войду, она меня называетъ голубчикъ Катенька! а у самой глаза круглые—круглые—круглые! Я сейчасъ и догадаюсь! Я знаю, что Маша васъ больше любитъ, чѣмъ Павла Ивановича.

Еслибы ему сказали, что когда-нибудь онъ будетъ слушать съ

такую отрадою лепетанье семилѣтней дѣвочки, онъ вѣрно бы не повѣрилъ.

— И самые догадливые ошибаются, проговорилъ онъ.— Ошибаются, милая Ката!

«Милая Ката» едва дѣвочка разслышала, потому что произнося эти слова, губы его прильнули къ ея ручкѣ и благодарный, сердечный поцалуй долго длился.

Дѣвочка пристально поглядѣла въ его улыбавшееся ей лицо, не обманулась притворнымъ веселымъ выраженіемъ и, обнявши его за шею обѣими ручками, поцаловала въ щеку такъ усердно, что на щекѣ выступило алое пятно. Очень это была хорошая и серьезная ласка: ея лукавые веселые глаза вдругъ удивительно смягчились и звонкій голосокъ, даже въ шопотѣ звонкій — потишалъ.

— Маша васъ любить лучше, чѣмъ Павла Ивановича, проговорила она снова.

Онъ сознавалъ, что это глупость, чувствовалъ, что это слабость, а все-таки не устоялъ противъ искушенія, спросилъ:

— Да почему же можете знать вы, Катенька? Кто вамъ сказалъ?

— Никто. Вы мнѣ не сказали, что любите Машу больше всѣхъ, вы тоже скрываете, а я знаю!

— Но, Катенька, отвѣтилъ онъ съ запинкою: — но... всѣхъ надо любить...

— А, это какъ Богъ-то велѣлъ, да? Нѣтъ, вы не такъ Машу любите, какъ Богъ велѣлъ. Я вотъ тѣтю Фанни люблю, какъ Богъ велѣлъ, а вы Машу не такъ, вы сами ее любите. Хоть бы Богъ и не велѣлъ, все равно вы бы ее любили.

— Ахъ, Катенька! проговорилъ онъ. Потомъ спросилъ: — а вы очень ее любите?

— Кого? Машу? Очень.

Онъ опять прижалъ ее къ груди и поцаловалъ, будто желая сказать: «дорогая моя дѣвочка! не переставай лепетать!»

Въ это время раздался глухой стукъ въ гостиной отъ упавшей на коверъ книги.

— Книгу мама уронила, сказала Ката.

— Ахъ, Ката! послышался оттуда нѣсколько одичавшій со сна голосъ.— Ты все съ кошкой вознишься!

Потомъ послышались шаги и хозяйка дома, Надежда Сергѣевна Рославлева, очень большая, но не очень красивая дама, съ належающимъ узоромъ на правой щекѣ, отдернула дверную занавѣску и показала съ книгою въ рукѣ.

Гость быстро всталъ и усердно пожалъ протянутую ему руку,

а у Надежды Сергѣевны, при видѣ его, просвѣтлѣло лицо и она привѣтливо сказала:

— Ахъ, Михаилъ Яковлевичъ! очень рада. Впрочемъ, развѣ это новость? Вѣдь я всегда вамъ рада! Идите въ гостиную — здѣсь уютнѣе.

Сейчасъ видно было, что Надежда Сергѣевна не только владѣла гладкимъ, легкимъ и пріятнымъ слогомъ, но и задушевинымъ, и что она пускала его въ ходъ не безъ отрады.

Перешли въ гостиную. Надежда Сергѣевна помѣстилась на диванѣ, облокотившись на вышитую шерстями съ бисеромъ подушку, на ту самую, съ которой узоръ еще ясно отпечатывался у нея на правой щекѣ. Катя вошла за ними, Другъ за Катей.

Гостиная тоже выходила окнами въ садъ и была убрана очень хорошо. Видно было, что это гостиная образованной и развитой хозяйки, какъ говорится въ городѣ N.

— Садитесь поближе, Михаилъ Яковлевичъ. Что это вы такъ далеко!...

Михаилъ Яковлевичъ пересѣлъ поближе съ великой готовностію: онъ очевидно радъ былъ угодить, чѣмъ только могъ.

— Что это вы такъ долго глазъ не казали? спросила Надежда Сергѣевна. — Мы думали, что вы на гулянье съ нами пойдете, ждали васъ.

— Ахъ, Надежда Сергѣевна, я не собрался... мнѣ послѣ было очень жаль...

— Скука тамъ царилла смертная — не жалѣйте. Мы рано вернулись. Ужасно пусты и пошлы всѣ эти гулянья. Еще разъ я въ этомъ горько убѣдилась. Ольга Порфировна и Маша скучали до головной боли. Одна Катя только забавлялась.

Въ это самое время Другъ такъ пронзительно маукнулъ, что Надежда Сергѣевна и Михаилъ Яковлевичъ встрепенулись.

— Катя! съ укоромъ произнесла Надежда Сергѣевна.

— Чтò, мамà? спросила Катя невиннымъ голосомъ, глядя невинными глазами и поглаживая по спинкѣ Друга, котораго держала на рукахъ.

— Очень ты хорошо знаешь *что!* съ досадой сказала Надежда Сергѣевна. — И зачѣмъ ты ушла отъ Ольги Порфировны, скажи пожалуйста?

— Мамà, мнѣ надобло съ ней сидѣть. Я всѣ уроки знаю! отвѣчала Катя, вспыхнувши и уже готовясь вступить въ борьбу, а въ случаѣ надобности пустить въ дѣло крикъ и слезы.

Но тутъ кстатн раздался звонокъ.

— Кто-то ваетъ пріѣхалъ, сказала Надежда Сергѣевна, прислушиваясь къ шуму въ передней.

— Да, кто-то пріѣхалъ, подтвердилъ Михаилъ Яковлевичъ.

Ката выбѣжала на встрѣчу новымъ гостямъ и слышно уже было, какъ ее цаловали и говорили ей:

— Здравствуй, Катенька! Ахъ, шалунья!

— Это Анна Петровна съ дочерью, сказала въ полголоса Надежда Сергѣевна, тѣмъ полуголосомъ, какимъ говорятъ съ близкими людьми о людяхъ гораздо менѣ близкихъ.

Анна Петровна Подколотная была такая дама, что слабому человѣку при видѣ ея невольно хотѣлось стать за столъ, или поставить передъ собою стулъ, или прикрыться нѣсколько дверью, хотя обращеніе у нея было самое любезное, самое мягкое: руки въ пожатія только слегка давали себя чувствовать; губы въ поцалуѣ только чуть-чуть прикасались, а сильному человѣку невольно хотѣлось остановить ее и спросить у нея отчета въ чемъ-то ехидномъ, хотя и самъ онъ не могъ опредѣлить, въ чемъ именно. За то дочь ея напоминала собою тѣ крошечныя блѣдно-розовыя степныя цвѣтки, къ которымъ жаль и притронуться: до того они крохотны, до того нѣжны!

— Мы не заставили себя ждать, сказала Анна Петровна съ улыбкою.

Тутъ рукопожатія и привѣтствія.

— Я, впрочемъ, къ вамъ всегда такъ спѣшу, и моя Полина безъ ума отъ вашихъ литературныхъ вечеровъ.

Она взглянула на дочь съ улыбкою, съ тою, съ какою глядятъ на людей, пріученныхъ понимать каждое мгновеніе ока. И Полина проговорила своимъ нѣжнымъ, но утратившимъ уже веселыя ноты голосомъ:

— Ахъ, да, я очень люблю литературные вечера!

— Я признаюсь, что я не могла бы теперь жить безъ нихъ, сказала хозяйка съ нѣкоторою восторженностью.— Не нарадуюсь, что вздумала это устроить!

— Mais c'est un bienfait! подхватила Анна Петровна.

Михаилъ Яковлевичъ, ужасно занятый своими чувствами, своими мыслями, сознавалъ однакоже, что не совсѣмъ пристойно ему все молча сидѣть, но самъ-то, будучи исполненъ не ясно опредѣленныхъ надеждъ и смутныхъ сомнѣній, не могъ ничего сказать положительнаго вопрошанія:

— Чтѣ бы тогда было?

И при этомъ вопросѣ всѣ недоумѣнія — не по поводу, чтѣ было бы безъ вечеровъ, а его собственныя недоумѣнія, яснѣе и томительнѣе выразились на его лицѣ, и вопрошаніе вышло не только съ участіемъ, но даже со страстью, за что Надежда Сергѣевна посмотрѣла на него не по его заслугѣ.

— А какова погода! сказала Анна Петровна.

— Весной вѣтъ уже, отвѣчала хозяйка.— Не знаю я ничего лучше весны! Когда первая травка зазеленѣтъ, все оживать станетъ — прелесты! Сегодня весной вѣтъ, весной!

Съ тѣхъ поръ, какъ одинъ умный человекъ привезъ въ городъ N. вѣсть, что о погодѣ говорить вовсе не показываетъ несостоятельности ума, а напротивъ—въ городѣ N. перестали бояться разговора о погодѣ и, если всю правду сказать, даже часто злоупотребляли имъ.

Раздался еще звонокъ.

— Ахъ, это вѣрно Камышевы, сказала Анна Петровна.— Мы видѣли, какъ они шли.

Это въ самомъ дѣлѣ были Камышевы, братъ съ сестрою, оба очень молодые люди. Братъ, Алексѣй Алексѣевичъ Камышевъ, былъ совсѣмъ еще юный, имѣлъ нѣсколько вопрошающій видъ и ничто въ немъ не обѣщало, чтобы это вопрошеніе перешло во что-нибудь другое даже въ зрѣломъ возрастѣ. Онъ сильно былъ надушенъ и безжалостно, какъ здоровый и вѣрникій мальчикъ, которому ни почемъ перетерпѣть муку для своего удовольствія, всего себя изувѣчилъ тѣснымъ платьемъ и стиснулъ ноги узкими лаковыми ботинками.

Сестра, Агнеса Алексѣевна Камышева, постарше его, была чрезвычайно красива, съ своимъ матовымъ цвѣтомъ лица, съ большими блестящими черными глазами, а что главное въ ней привлекало, такъ это тотъ пріятный царъ въ головѣ, который и безобразнаго скрасить — при этомъ сдержанность, холодная со всѣми ласковость и выраженіе, казалось говорящее: «вы, можетъ, безъ меня и не обойдетесь, но я! я навѣрно безъ васъ обойдусь».

При входѣ Камышевыхъ, конечно, снова повторились рукопожатія и здравствования.

— Совсѣмъ весна! проговорила дѣвица Камышева милымъ, нѣсколько пѣвучимъ голосомъ.— Такъ тепло!

— Ужасно тепло! подхватилъ ее братъ съ жаромъ, да такимъ убѣждающимъ тономъ, точно никто не могъ повѣрить теплу на свѣтѣ.

— Въ апрѣлѣ иногда бываютъ удивительные дни, нашелся Михаилъ Яковлевичъ.

— Да! съ чувствомъ согласилась хозяйка, а потомъ приказала Катѣ пойти и сказать Ольгѣ Порфировнѣ и Машѣ, что гости пришли.

Катя побѣжала.

Не успѣли еще кончить рѣчь о прелести апрѣльскихъ дней,

какъ Катя вѣжала обратно, а за нею вошла Ольга Порфировна, ея гувернантка, очень миленькая дѣвушка, нѣсколько будто заморенная какой-то меланхоліей, и другая, головою выше Ольги Порфировны, родственница хозяйки, Маша, серьезное, совершенно особенное лицо, которое разъ увидавши всегда узнаешь и почему-то съ волненіемъ подумаешь: ахъ, вотъ оно!

Всѣ дѣвушки сейчасъ же вышли въ залу—въ гостиной осталась хозяйка съ Анной Петровной, Михаилъ Яковлевичъ, поддерживавшій разговоръ, сколько хватало силъ, а думавшій о томъ, какъ бы прилично выбраться въ залу, и Камышевъ, который тоже горѣлъ желаніемъ оставить гостиную, но не смѣлъ, и потому очень огорчился и вдругъ сталъ чувствовать муки отъ узкихъ сапоговъ и тѣснаго платья, и до того упалъ духомъ, до того погрузился въ огорченіе, что когда Катя, подкрившись, бросила ему на плечи Друга, онъ громко ахнулъ и чуть не залился вслѣдъ за тѣмъ слезами. Жалкій его видъ доставилъ Катѣ великое наслажденіе, и Другъ былъ пойманъ на руки, испалованъ въ самую мордочку съ многократными восклицаніями: «Другъ! какой ты храбрый! Ахъ, Дружокъ! Какой же ты храбрый храбрецъ!»

Надежда Сергѣевна стала-было усовѣщевать Катю и гнать Друга, но Катя непочтительно убѣжала, унося Друга въ объятіяхъ.

Это прервало разговоръ о веснѣ и перевело его на трудность воспитывать дѣвочекъ, а Михаилъ Яковлевичъ и Камышевъ ускользнули въ залу.

Агнеса Алексѣевна Камышева сидѣла поодаль отъ всѣхъ, въ углу, и такъ уютилась, что ея красивая голова очутилась въ зелени и цвѣтахъ, глаза ея были опущены, и она обрывала медленно и разсѣянно цвѣточекъ желтофіоля. Около Агнесы Алексѣевны сидѣла Ольга Порфировна и казалась еще замореннѣе при ея пышной красотѣ. Онѣ перебрасывались какими-то пустыми, незанимательными словами, какъ люди, между которыми не существуетъ и существовать не можетъ дружбы, и нѣтъ тоже ничего одинаково близкаго, одинаково интереснаго, что могло бы дать смыслъ разговору. Въ другомъ углу сидѣла Полина съ Машей, и Полина говорила:

— Чтѣ-то насъ ждетъ въ жизни? Встрѣтимъ ли мы человѣка, который бы все понялъ, на все отвѣтилъ? Ужасно пустая, пошлая жизнь! Ужасно прозабать только, а не жить...

А Маша слушала.

Михаилъ Яковлевичъ вошелъ какъ-то робко, точно шелъ онъ по льду, на которомъ, того и гляди, провалится и поминай, какъ звали!

Агнеса Алексѣевна подыла на него свои красивые глаза и поглядѣла насмѣшливо; ея взглядъ говорилъ: «какъ же ты простъ!» что часто у женщинъ выражаетъ: «какъ же ты не цѣнишь меня, негодяй ты самъ!» Ольга Порфиревна посмотрѣла на него доброжелательно, но Михаилъ Яковлевичъ глядѣлъ только на одну Машу, и подошелъ къ ней.

— Я не помѣшаю вамъ? спросилъ онъ Машу и Полину.

— О, нѣтъ, отвѣчала Полина.

Михаилъ Яковлевичъ сѣлъ возлѣ нихъ, и Камышевъ тоже.

Михаилъ Яковлевичъ былъ въ ужасномъ положеніи человѣка, владѣющаго хорошо рѣчью, отлично образованнаго, нелишённаго высшихъ даровъ природы, и не находящаго при всемъ этомъ ни единого слова путнаго именно въ томъ случаѣ, когда дѣло шло для него чуть не о жизни или смерти. Зашелъ умъ за разумъ, все въ головѣ спуталось и перемѣшалось и ничего онъ изъ себя не могъ выжать, кромѣ постыднѣйшаго: «какъ ваше здоровье?» Онъ пробовалъ хоть припомнить что-нибудь изъ читаннаго, изъ слыханнаго, но ему приходили на память, какъ на смѣхъ, вещи въ родѣ такой: «люблю тебя, булатный мой князь» или слухи о недавней дракѣ у соборнаго дьячка въ погребѣ.

— Какъ ваше здоровье, Марья Григорьевна? проговорилъ онъ слабо и тихо.

— Я здорова, отвѣтила она.

При звукѣ этого любимаго голоса у него сердце замерло и онъ совсѣмъ уже потерялъ даръ слова.

Вся надежда, какая у него была въ ея отсутствіе, теперь, при видѣ ея, исчезла. Онъ старался теперь припомнить, точно подробности забытаго сна, и далъ бы все на свѣтѣ, чтобъ снова отыскать то, на чемъ онъ основывалъ эту свою исчезнувшую надежду.

— А вы читали книгу, Полина Ефимовна? спрашивалъ Камышевъ.

— Какую книгу, Алексѣй Алексѣевичъ?

— Какъ, вы не знаете? Удивительная!

— Да какая книга?

— Да нашего любимаго автора, конечно!

— А! Разумѣется, читала. Какая грустная книга!

— И справедливая! Не ужасно ли, Полина Ефимовна, какъ это у насъ на Руси люди гибнутъ! Нѣтъ хода талантамъ! Вѣдь это возмутительно!

— Что же дѣлать? Всегда и вездѣ людямъ высшимъ въ жизни удѣлъ страданіе, неудачи и оскорбленія! отвѣчала Полина Ефимовна со вздохомъ.

Раздался звонокъ.

— Вотъ Павелъ Ивановичъ! сказала Камышевъ.

Вошелъ человекъ лѣтъ тридцати-пяти, живой, молодцоватый, изъ тѣхъ, о которыхъ съ перваго взгляда можно сказать, что у нихъ ходкій языкъ и, по всей вѣроятности, предприимчивый характеръ.

Михаилъ Яковлевичъ съ страшнымъ замيرانіемъ обратилъ глаза на Машу, но она оставалась безмятежною, какъ и была: ни малѣйшей перемѣны въ ея лицѣ. Онъ такъ обрадовался. Словно въ этомъ былъ ему залогъ спокойствія на цѣлый вѣкъ! Отъ радости онъ весь покраснѣлъ.

Остальныя женскія лица преобразились при входѣ Павла Ивановича, каждое по своему: у Камышевой блеснули глаза, Ольга Порфировна поблѣднѣла, Полина вспыхнула.

А Камышева даже въ потъ бросило отъ удовольствія: онъ и заулыбался, и завздыхалъ.

— Какая это книга, Павелъ Ивановичъ? спросила Камышева, — у него была въ рукахъ книга.

— А это на сегодняшнее чтеніе, отвѣчалъ Павелъ Ивановичъ.

— А! начинайте читать поскорѣе — мнѣ хочется ее послушать!

Это были самыя простые слова, но она умѣла ихъ такъ связать, что они вышли не только преприятныя, но и преумныя, такъ что Павелъ Ивановичъ подумалъ: «умная дѣвушка и чудесная натура!»

Въ гостиной встрѣтили Павла Ивановича самыя привѣтливыя, самыя радушныя восклицанія. Всѣ туда перебрались изъ залы и всѣ усѣлись тамъ. Пришла тоже тѣтя Фанни, о которой Катя говорила Михаилу Яковлевичу, что любить ее потому, что Богъ велѣлъ. Тѣтю Фанни, должно быть, и всѣ, кто ни любитъ, любили потому только, что Богъ велѣлъ.

Видно было, что здѣсь сошлись люди «развитые», какъ изъ зовутъ въ городѣ N, люди, которые, о чемъ рѣчь ни заведутъ, тотчасъ свернутъ на назначеніе человека, на силу характера, на развитіе. И говорятъ съ жаромъ, отъ души, съ удовольствіемъ, съ сердечнымъ біеніемъ даже, а все какъ-то оно выйдетъ по пословицѣ: размахнулъ широко, зачерпнулъ глубоко, аяъ та же вода!

Какъ только всѣ усѣлись, такъ и пошла рѣчь о неудовлетворительности русской жизни. Больше всѣхъ говорилъ Павелъ Ивановичъ, и говорилъ красно и увлекательно; хозяйка время отъ времени ему возражала тоже недурно, или лучше связать, сердечно; остальные вторили не безъ пріятности.

Маша одна только молчала и слушала.

— Что же, когда читать? спросила Катя.—Я хочу слушать, когда будутъ читать.

Ее пробовали-было усмирить, заставить молчать, но Катя, если что забирала себѣ въ голову, такъ на томъ и стояла: когда она разъ уже усѣлась на диванѣ съ Другомъ и рѣшила слушать чтеніе, ей ни почему было мѣшать умному разговору и вослѣдствіемъ поминутно: «когда же читать? когда же читать?»

Наконецъ чтеніе началось.

Читалъ Павелъ Ивановичъ и читалъ очень выразительно. Чтеніе продолжалось часа полтора безъ перерыву. Хотя случалось съ каждымъ слушателемъ, что время отъ времени онъ вдругъ встрепенется, какъ будто опомнившись, пробудившись отъ унесшихъ его въ даль мыслей, но вообще слушали со вниманіемъ, съ интересомъ, съ удовольствіемъ. Мѣшала нѣсколько Катя вознею съ Другомъ, которому она никакъ не хотѣла позволить спать, почему и теребила его; Другъ же, несмотря на то, что жизнь съ Катей научала его терпѣнію, все-таки былъ не изъ дерева и мзугалъ.

— Какія у него мысли! сказала Надежда Сергѣевна въ восторгѣ, когда Павелъ Ивановичъ окончилъ послѣднюю страницу и задумчиво закрылъ книгу. — Это великій умъ! великій человекъ!

— Да, проговорилъ Павелъ Ивановичъ: — да! Это называется любить родину! это не то, что мы грѣшныя! *Какъ мы любимъ Россію?*

— У насъ совѣтъ Россію не любятъ! вскрикнулъ Камышевъ съ волненіемъ.

— У насъ всѣ спать спомъ праведныхъ! сказала его сестра, блеснувши своими красивыми глазами. Очень хорошо у нея выходило это поблескиванье.

Михаилъ Яковлевичъ хотѣлъ что-то сказать, но взглянулъ на нее, не скажетъ ли она чегонибудь? Полина было открыла ротикъ, но мать ее предупредила:

— Я протестую! сказала она: — я протестую! Не любить русскимъ Россіи! Развѣ это возможно? *Le patrie, mais...* отечество, вѣдь это слово одно заставляетъ дрожать наше сердце! *Chère amie*, обратилась она къ хозяйкѣ: — поддержите вы меня. Я *malheureusement...* Я, къ несчастію, была воспитана не по-русски, я доказывать не могу, я только чувствую сердцемъ, но вы изучали русскій народъ, вы изучали общество, скажите, кто не любитъ Россію? Кто! *Mais ce serait monstrueux!*

— У меня языкъ не повернется сказать, что Россію не лю-

бать! промолвила хозяйка, вдруг ужасно расстрогавшись. — Я сознаю, что съ этой любовью мы справиться не умѣемъ, но не любить!

— Ахъ, нельзя не любить! вдругъ вскрикнула тѣтя Фанни пронзительно и ревностно.

— Когда была война въ Севастополѣ, вмѣшалась Катя: — тогда всѣ любили Россію. И я тогда любила. До того любила!

— А когда война окончилась? спросилъ смѣясь Павелъ Ивановичъ.

— Окончилась — и я забыла.

— Ну, а когда вспомнила — ну вотъ теперь?

— Люблю, только не до того, отвѣчала Катя.

— Ахъ, Катя! какія ты глупости все говоришь! сказала съ досадою Надежда Сергѣевна. — Ни на что не похоже!

— Помилуйте, вѣдь она еще совершенный ребѣнокъ! увѣщательно сказала Анна Петровна: — une petite égarée. Она не обдумала, что говорить — а, Катенька?

Но Катенька глядѣла очень сознательно и, казалось, снова готова была повторить и подтвердить, что послѣ войны она не до того, поэтому Анна Петровна оставила ее въ покоѣ, а свела рѣчь опять на прежнее.

— Вотъ вамъ лучшее доказательство, Павелъ Ивановичъ, начала она: — вспомните, что за смятеніе, что за волненіе у насъ было во время войны! Вспомните!

— Ахъ, подхватила хозяйка: — что это за время мы тогда переживали! Бывало, газеты читаютъ, а люди всѣ такъ и толпятся въ дверяхъ, и видно по лицамъ — всѣ ни живы, ни мертвы! Наша няня только политикой и занималась. Ей-богу!

— Она преоригинальная старушка! сказала Анна Петровна.

— И какъ презираетъ все нерусское! Вообразите, зашла какъ-то у насъ рѣчь о Франціи, о Наполеонѣ — она у дверей слушаетъ и съ такимъ пренебреженіемъ! Что вы, няня, думаете о французскомъ-то царѣ? говорю ей. «Да что о немъ думать, сударыня, отвѣчаетъ: — о немъ думать не стоитъ: какой это царь — ничтожество! У него, должно быть, и чайники-то съ отбитыми носиками на столъ подаютъ!»

Всѣ засмѣялись, кромѣ Ольги Порфировны и Маши, которые анекдотъ этотъ давно уже знали.

— Однако, эти наивныя дѣтскія слова... началъ опять Павелъ Ивановичъ: — эти наивныя дѣтскія слова имѣютъ для меня особое, глубокое значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, у насъ любовь къ Россіи бываетъ только во время войны, я хочу сказать — *временами*, при какихънибудь особыхъ обстоятельствахъ, а любивъ

постоянной, любви неуспынной нѣтъ. Нѣтъ этой живой, всепроникающей волны...

И разговоръ завязался очень увлекательно и надолго.

Наконецъ поутомились всё, и поданный чай былъ встрѣченъ съ большимъ удовольствіемъ.

Удивительно, какое иногда значеніе получаетъ на вечерахъ чай! просто служить какимъ-то прибѣжищемъ. Всѣ показываютъ видъ, что пьютъ его такъ себѣ, по привычкѣ, безъ всякаго вниманія, машинально, что ему предпочли бы конечно разговоръ, сужденія, а между тѣмъ въ душѣ готовы чуть не годъ жизни отдать за стоящія передъ ними чашки, избавляющія ихъ отъ разговора, и скрывающія ихъ несостоятельность на это время. Если читатель бывалъ на вечерахъ и выпивалъ изъ чувства самосохраненія по двѣ лишніе чашки, то онъ вполнѣ пойметъ меня.

И чай кончился. Кромѣ «силы и слабости характера», кромѣ «назначенія характерѣ» вообще, призвали на помощь себѣ силу и слабость характера и назначеніе лично знакомыхъ людей, потребили ихъ, подергали — прошелъ еще часокъ-другой.

А знакомые-то люди! что это за драгоценное средство, что это за несравненный источникъ! Это-то, я полагаю, каждый читатель знаетъ отлично.

Около одиннадцати часовъ Другъ началъ зѣвать такъ, что, казалось, онъ и не переживетъ этихъ зѣвковъ. За нимъ принялась зѣвать Катя, громко, звонко и на распѣвъ.

— Полно же, Катя! говорила раздражительно Надежда Сергѣевна. — Иди ты спать ради Бога!

— Нѣтъ, отвѣчала Катя.

— Ты зѣваешь!

— Да это я потому, что ты зѣвнула, и Анна Петровна тоже зѣвнула — имъ съ Другомъ вѣдь видѣли! И ми не можемъ теперь удержаться.

Но обвиненія Катю замали объ зѣвкахъ рѣчь и все свалили на то, что Катя большая шалунья и что ей давно спать пора. Катя, понимая, что опасность ей грозить не на шутку, приутихла. И всѣ какъ-то приутихли, приутихли — точно будто приутихли.

По большей части самые наилучшіе литературные вечера постигаютъ такая участь, что сперва они наводятъ какое-то объясненіе — до того имъ рады. И загода всѣ сбиваются, заранѣе всѣ на лицо, на другой день еще въ восторгѣ и только о томъ и толкуютъ, каково хорошо было; а потомъ, что дальше, то всѣ становится спокойнѣй, идутъ не спѣша, приходятъ во время,

приопаздываютъ, замѣчаютъ, если чай поданъ слишкомъ поздно, задумываются, и только подъ конецъ при прощаньѣ иногда снова вспыхиваетъ жаръ. И тутъ, когда стали прощаться, при прощаньѣ вдругъ опять всё одушевились и неожиданно, уже стоя въ дверяхъ, проговорили еще съ часъ. Наконецъ разстались всё очень душевно, очень тепло, и разошлись.

II.

Няниѣа сказка.

Проводивши гостей, хозяйка поцаловала Катю, врикнула мимоходомъ нянѣ, чтобы она уложила Катю спать, и скрылась въ своей спальнѣ.

Мама и Ольга Порфировна стали ходить взадъ и впередъ по залѣ.

Няня не замедлила явиться на зовъ; ерѣпкая, высокая старуха, съ лицомъ, похожимъ на то, какое встрѣчается на старинныхъ иконахъ чудотворцевъ: и грозное, и смиренное виѣстѣ.

— Пожалуйте въ кроватку! сказала няня.

— Ахъ, няня! а мама разсказала про тебя, какъ ты говорила, что у Наполеона чайникъ подаютъ съ отбитымъ носикомъ!

— Извольте почивать идти — ужъ давно пора!

— И всё смѣялись, няня... А я забыла разсказать, что ты назвала Павла Ивановича пустозвономъ — помнишь? Я имъ это скажу! Я имъ это скажу!

— Оно и дѣло барышнѣ переносчицей быть, сказала няня, уводя Катю въ дѣтскую.

Явился Еремѣй, спросилъ: прикажете тушить? и потушилъ вездѣ лампы и свѣчн.

Дѣвушки все еще ходили по залѣ.

— Ольга, вы что-то сегодня опять грустны, сказала Мама.

— Ахъ, Marie, отвѣчала та: — да развѣ я могу веселиться? Вы знаете всю мою жизнь, знаете все, что я вынесла! Теперь конечно мнѣ хорошо... Мнѣ хорошо, повторила она съ раздраженіемъ и съ горечью: — какъ можетъ быть хорошо наемницѣ въ чужомъ домѣ, гдѣ всё добры и деликатны. Ахъ, Marie! эта доброта, эта деликатность, могутъ вѣдь тоже отравлять жизнь. Когда всё думаютъ, какъ бы не оскорбить... вы понимаете меня... Къ тому же я теперь, какъ больная, какъ израенная, ко мнѣ прикоснуться нельзя, все болитъ! И нѣжныя руки для меня жествы!

— Развѣ вы не ждете ничего хорошаго?

— Я? ждать хорошаго? Вы не въ первый уже разъ меня объ этомъ спрашиваете, вы ребенокъ, Marie! Чего мнѣ ждать? Откуда?

- Отъ жизни. Все, что жизнь даетъ.
- Мнѣ ничего не даетъ она, все для меня давнымъ-давно окончено! Умру старой учительницей гдѣ нибудь въ чужомъ домѣ — вотъ и все! До старости буду въ службѣ, въ зависимости!
- Васъ болѣе всего тяготитъ *эта* зависимость, да?
- Ахъ, Магіе, еслибы вы знали, что это такое!
- Но я тоже живу въ чужомъ домѣ.
- Другое дѣло: вы родня.
- Это хуже, что по родству живу. Гораздо лучше, еслибы у меня не родство, а дѣло было.
- Да, мы съ вами такъ разсуждаемъ, а люди иначе!
- Но тутъ главное, какъ мы разсуждаемъ.
- Собственное сознание, да? Конечно, это укрѣпляетъ, это отрада... но ежечасные улоны берутъ свое! Вы не перечувствовали этого, Магіе, не можете судить.
- Нѣтъ, я знаю, что это такое. Было время, что я очень этимъ мучилась, но теперь прошло.
- Прошло?
- Да, прошло. Сначала я какъ-то пала ницъ, ни на что не глядя, ничего не искала, только мучилась, а потомъ приподнялась и стала выхода искать.
- И нашли?
- Почти.
- Какой же? Да вы что-то задумали, Магіе! Что вы задумали?
- Я задумала поступить учительницей куда нибудь.
- Учительницей? Вы? Такъ это вотъ для чего вы все учитесь съ утра до вечера?
- Да.
- Но вѣдь это мечта! Надежда Сергѣевна никогда этого не допустить!
- Вы полагаете, она запретъ меня въ темную темницу, что ли?
- Нѣтъ, конечно, но ея огорченіе...
- Я постараюсь какъ можно меньше ее огорчить; потому-то я еще не на мѣстѣ, а тутъ.
- Ахъ, Магіе, Магіе! что вы задумали! Какой адъ вы себѣ сами готовите! Мнѣ за васъ страшно! Какой конецъ!
- Это начало, а не конецъ!
- Но я напрасно волнуюсь: все это мечты. Я предвижу со-всѣмъ другое, Магіе; я думаю, вы замужъ выйдете скоро. Вы не можете же остаться равнодушной къ такой любви, къ такой преданности!
- Ахъ, вы еще не спите? спросила тѣтя Фанни, показываясь въ дверяхъ въ ночной кофтѣ и въ папильоткахъ.

— Прощаемся, отвѣчала ей Ольга Порфировна.

— Ахъ, прощаетесь! А я было-пришла тоже немножко съ вами поговорить. Впрочемъ, въ самомъ дѣлѣ поздно.

— Да, поздно. Покойной ночи!

— Ахъ, покойной ночи!

Всѣ разошлись по своимъ уголкамъ и Маша очутилась въ своей комнатѣ.

Это была небольшая комната въ одно окно, безъ всякихъ мелкихъ украшеній. Узкая бѣлая кровать, столикъ, плетенный стулъ, на окнѣ широкія длинныя бѣлыя занавѣски. Тѣтя Фанни говорила, что здѣсь «грустно и строго».

Или у меня здѣсь въ самомъ дѣлѣ только «грустно и строго», мелькнула у Маши мысль, когда она вошла въ свою комнату.

Въ комнатѣ слышенъ былъ сильный запахъ гіацинта. Маша откинула оконную занавѣску и наклонилась къ цвѣтку; онъ роскошно и свѣжо распустился; каждый лепестокъ, казалось, дышалъ жизнью.

Маша вдругъ почувствовала въ самой себѣ удивительный приливъ жизни и силы, точно не кровь билась, а били какіе-то ключи могучіе, свѣжіе, какіе-то трезвые.

Она сѣла у окна и сидѣла тихонько, время отъ времени вздрагивая.

Въ погодѣ сдѣлалась сильная переменъ: наступило мягкое, тихое тепло. Въ саду, передъ ея окномъ, можно было слѣдить глазами, какъ таяли остатки снѣга; слышно было, какъ все громче и громче бурчала бѣгущая ручейками вода; вдали громъ прогремѣлъ, собиралась первая, весенняя гроза; молнія мигала; большихъ, черныхъ тяжелыхъ тучъ не было, а бродили по небу разорванныя облака, то тамъ, то сямъ задерживая точно дымкой сіяющія звѣзды.

Въ домѣ все уже тихо было, все спало, только Катя никакъ не могла утомиться. Въ этотъ вечеръ она особенно разблажилась, и Маша слышала за стѣною, какъ она сначала не хотѣла читать «Отче нашъ» и настаивала на томъ, что Богъ уже знаетъ давно ея «Отче нашъ», а что ей надо сегодня съ Богомъ поговорить о чемъ-то нужномъ и потихоньку отъ няни; потомъ, когда няня всѣми правдами и неправдами уложила ее наконецъ въ постельку, она стала требовать, чтобы няня рассказывала ей сказки, и Маша слышала, какъ няня дремлющимъ голосомъ, спотыкаясь на каждомъ словѣ, тянула: «И вотъ это жилъ-былъ царь съ царицей, и не было у нихъ дѣтей; и поѣхалъ царь въ отъѣзжее поле»... А Катя ежеминутно вскрикивала: «ну, няня? Что жъ, ты спишь? Няня! Няня, няня, няня, няня! Ты спишь!» «Какое сплю!» отвѣчала няня очнувшись, и слова затягивала: «и не было у нихъ дѣтей, и поѣхалъ царь въ отъѣзжее поле».

Маша слушала, а мысли у нея роились и стремились, и на каждую такъ отзывно билось сердце! И все это такъ быстро стремилось и мельгало, такъ быстро! а между тѣмъ такъ живо затрогивало, такой слѣдъ оставляло! Передъ ней проходила вся ея жизнь, всѣ знакомые люди. Съ волненіемъ вглядывалась она во все и въ каждого, и ни на комъ, ни на чемъ не отдыхала.

Ей стали вдругъ несносны разговоры эти о добрѣ и правдѣ, о силѣ характера и назначеніи человѣка; опостылѣли издѣванья надъ вседневною пошlostью житейскою, опротивѣли похвалбы и жалобы, потеряли свое значеніе и цѣну страданія и добродѣтели Ольги Порфиловны и развитость Надежды Сергѣевны, все печальное, ликующее, смиренное, самонадѣянное, все, что ни встрѣчалось, все ее какъ-то теперь раздражало. Это, впрочемъ, не было мелкое, суетливое раздраженіе, нѣтъ. Внимательно и серьезно, терпѣливо и вдумчиво вызывала она все и всѣхъ, вопрошала и судила.

Тутъ же примѣшивались и припутывались тысячи воспоминаній, тысячи неясныхъ плановъ, много внезапныхъ открытій, неожиданныхъ прозрѣній. Прежнія вѣрованія ломались и стремленія прежнія замирали. Прежніе кумиры шатались и многіе уже летѣли съ высоты. Новаго еще ничего не явилось, отчетливаго и опредѣленнаго, но смутное, неясное начинало уже рисоваться и обозначаться чуть-чуть.

Она вспоминала дѣтское свое, то время, когда ее дома звали въ шутку *бродягой* и говорили, что она лѣтъ любить, какъ истый волкъ; то время, когда, бывало, мать, чѣмъ-нибудь огорченная, вдругъ сдѣлается внезапно строга и засадитъ ее въ комнату, и она тоскливо глядитъ изъ окна; потомъ она вспомнила себя дѣвочкой на возрастѣ, чтенія свои тогдашнія, тогдашнія свои волненія и недоумѣнія; промелькнула передъ нею смерть матери, то жаркое лѣто, когда ей дышать было трудно въ ихъ деревенскомъ домѣ отъ запаха лекарствъ, а въ саду голова кружилась отъ аромата пышно и сильно распустившихся цвѣтовъ, отпѣванье, послѣднее прощанье, образъ смерти; потомъ дорога сюда, къ Надеждѣ Сергѣевнѣ, жгучая грусть и печаль при разставаньи съ родными краями, чувство одиночества на новомъ мѣстѣ, рой новыхъ впечатлѣній, радъ новыхъ лицъ, приливъ новыхъ думъ и чувствъ.

Что это за жизнь? какова? Что даетъ? Куда ведетъ?

А за стѣной слышно было: «и уморившись въ отъѣземъ полѣ, захотѣлъ царь водицы испить, вотъ передъ нимъ лѣтъ дремучій, ключъ текучій».

И здѣсь жизнь была почти такая же точно, какъ тамъ дома,

почти то же давала для развитія: *хорошую библиотеку, удаленіе отъ свѣтской пошлости, природу*; прибавились краснорѣчивые разговоры, увлекательныя проповѣди.

Но есть конецъ чтенію всякой книги, не всегда удовлетворяетъ природа, и къ чему ведетъ самый краснорѣчивый разговоръ? Онъ вѣдь долженъ къ чему-нибудь вести? Можно ли одну и ту же книгу все читать сначала? Можно ли разговаривать все объ одномъ и томъ же?

Всѣ эти знакомыя лица — чтимые люди, за всякаго она хватывалась, во всякаго всматривалась съ томленіемъ, съ надеждою и — всякаго печально выпускала, сама очень удивленная и глубоко огорченная.

Надежда Сергѣевна, ея родственница, она добра и развитая женщина, понимаетъ всякія тонкости — да, все это такъ, но сколько вопіющаго во всемъ разлада! Отчего же это? Какъ можетъ, *почему* можетъ человекъ искренно оплакивать пошлости и не позже, какъ черезъ часъ впадать въ худшія? Что ждетъ другихъ? Полиньку, напримѣръ, что ждетъ ее самаго лучшаго? Выучится понимать высокія вещи, читать умныя книги, знать будетъ, что свѣтъ пусть, что люди слабы и ничтожны, что женщины осуждены страдать, особенно тонко будетъ понимать любовь, особенно тщательно будетъ ее искать, ивъ любви у нея разыгрываться будутъ драмы; кончится любовь грустно — на всю жизнь задасть ей гора безъисходнаго, безпомощнаго; кончится любовь весело — счастье вмѣстѣ съ собою подарить какому-то застою, какому-то усталымъ равнодушіемъ... какъ сталося вотъ съ такою-то... или съ такою-то...

А Ольга Порфировна? цѣлый вѣкъ проведетъ въ томъ, что будетъ угомонять свои горькія чувства, считать свои уязвленія и жертвы, принесенныя добродѣтели, какъ всѣ признанныя, но ничѣмъ не награжденныя страдалацы?

А Павелъ Ивановичъ? Все будетъ говорить — говорить — говорить и только? все собираться куда-то? все не нынче — завтра?...

А Камышева? Что дастъ ея умъ и ея сильный характеръ? Неужели только одну славу, что была умна и характерна, и что умъ и характеръ бесслѣдно прошли, какъ пройдетъ ея красота?

А тотъ, кого ей прочать въ мужа, Михаилъ Яковлевичъ? Что онъ такое? Онъ и уменъ, и честенъ, и великодушенъ, и даже твердъ и стоекъ; молодой, очень богатый человекъ, онъ не шелъ по дорогѣ молодыхъ богатыхъ людей, онъ кажется достоинъ и любви, и уваженія, и всего хорошаго, что же ей мѣшаетъ предаться ему душою? что?

Она долго всматривалась въ это лицо, старалась вычитать, что скажутъ эти хорошіе, красивые глаза. Глаза глядѣли на нее, какъ всегда, съ любовью, и казалось говорили: «мы добрые глаза, мы честные. Вотъ наша жизнь: мы плакали отъ тихой грусти, отъ страстной своей тоски, все по своимъ домашнимъ дѣламъ, а что за воротами творится, мы хотя то и соображали и тѣмъ сокрушались, но не до горечи, не до той жгучей горечи, которая мѣшаетъ вольно дышать—мы добрые, но простые глаза!»

А маленькая Ката? И она вѣдь какъ-то стала обращать свой умъ больше на капризные выходки, и она стала какъ-то утучняться, и ужъ иногда глядѣла какимъ-то соннымъ взглядомъ.

Все какъ-то, за что она ни бралась, все оказывалось несостоятельно, ни къ чему не приводило ее, томилло и волновало.

А за стѣною няня рассказывала, какъ сказочный царь, не сообразивши дѣла, уступилъ новорожденного сына за ковшъ студеной воды.

Ну, положимъ, полюбитъ она, выйдетъ замужъ и найдетъ самое завидное, какъ говорить, счастье. Что это такое, это называемое завидное-то счастье?

А няня за стѣною рассказывала, «какъ царевичъ невѣсту себѣ отыскалъ, нарядилъ ее въ парчи да въ жемчуги, въ золотой каретѣ каталъ, а тамъ привелъ въ золотой дворецъ, и поселились они въ томъ дворцѣ на покой, и стали жить да поживать, да добра наживать».

— А потомъ что? вскрикнула Ката.

— И во дворцѣ своемъ стали жить да поживать, да добро наж...

— А потомъ? Потомъ? кричала Ката.

— Ахъ, Господи! вздохнула дремлющая няня:—потомъ ничего!

— Я хочу что-нибудь еще!

— И стали жить да поживать, да добра наживать!

Нѣтъ, нѣтъ! подумала Маша. О, нѣтъ!

III.

Романъ Аркадьевичъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ литературнаго вечера у Надежды Сергѣевны Рославлевой, прибылъ изъ столицы въ городъ Н. Романъ Аркадьевичъ Квачъ, и своимъ прїѣздомъ очень взволновалъ жителей. Всѣ чрезвычайно занялись имъ: незнакомыя дамы говорили о немъ съ умиленіемъ, знакомыя дамы съ умиленіемъ и съ гордостью; знакомые мужчины спѣшили съ нимъ уви-

даться, а мужчины незнакомые искали случая завязать знакомство — всё вмѣстѣ, говоря о Романѣ Аркадьевичѣ, прибавляли къ его имени «*пострадавшій*» и единодушно заявляли, что Романъ Аркадьевичъ человѣкъ благородный, и что всякій изъ нихъ, будь на его мѣстѣ, поступилъ бы, а слѣдовательно, и пострадалъ бы точно такъ же. За что именно пострадалъ Романъ Аркадьевичъ — объ этомъ никто не распространялся, а если какой нибудь чужой неотвязный человѣкъ лѣзъ какъ съ ножомъ къ горлу: скажи да скажи, за что? то коротко отвѣчали ему: за правду.

Конечно, молва, разъ расходившись, не могла остановиться на одномъ настоящемъ — явилось и прошедшее со всѣми подробностями. Нашлись люди, носившіе Романа Аркадьевича на рукахъ, знавшіе его родителей, ихъ бытъ и характеръ, выдавшіе Романа Аркадьевича въ ранней его юности, встрѣчавшіе его тамъ, гдѣ, пострадавши, онъ былъ поселенъ — и столько вдругъ воскресло воспоминаній!

Удивительно, какъ это живо воскресають воспоминанія о томъ, кто въ ходу! Удивительно живо!

Изъ всего моря возникшихъ сказаній можно было вывести, что Романъ Аркадьевичъ родился недалеко отъ города N, въ наследственной деревнѣ Горлицахъ, потерялъ на седьмомъ году своего рожденія отца, утонувшаго на охотѣ за дикими утками при переправѣ черезъ болото, воспитанъ былъ матерью, нѣжно его любившею и лелѣявшею.

Еще въ дѣтствѣ Романъ Аркадьевичъ отличался особенною любовью къ пѣнію соловьевъ и дѣвиць, къ чтенію книгъ, и преимущественно книгъ героическихъ; любилъ въ зной сидѣть въ прохладныхъ аллеяхъ деревенскаго сада и мечтать; въ зимнее время любилъ вглядываться въ потухающіе уголья и тоже мечтать. Нрава былъ мягкаго, нѣжнаго, деликатности, тонкости чувства изумительной. Во время дѣтскихъ своихъ игръ выбиралъ особенно многозначительныя игры, напримѣръ, наряжался какимъ нибудь святымъ угодникомъ и проповѣдывалъ. Никогда не запрыгалъ онъ, подобно прочимъ помѣщичьимъ дѣтямъ, дворовыхъ мальчиговъ въ лошадки, а игралъ съ ними въ исполненіе отъ недуговъ, въ изгнаніе бѣсовъ и надѣвалъ себѣ на голову сѣніе изъ золотой фольги, и въ такомъ видѣ любилъ смотрѣть на себя въ зеркало. Дальняя его родственница, благочестивая старушка, желавшая непременно попасть современемъ въ рай, предсказала, что Ромашу особенно взыщеть Господь. Онъ не былъ отроду дикаремъ, какъ нѣмнѣ дѣти, воспитывающіяся въ сельской тишинѣ, но былъ очень обходителенъ и любилъ общество. Кротко принималъ всякія

случайныя лишенія и непріятности — былъ вообще тихимъ, милымъ, задумчивымъ, поэтическимъ ребёнкомъ.

Поступивши въ университетъ, онъ попалъ въ кругъ честныхъ, дѣятельныхъ и, какъ всѣ честные и дѣятельные, до поры до времени простодушныхъ товарищей. Онъ обворожилъ ихъ своею поэтическою натурой. Онъ такимъ задушевнымъ голосомъ говорилъ о своихъ убѣжденіяхъ, о добрѣ и злѣ, о страданіи и мученичествѣ, на его голубыхъ глазахъ на выкатѣ такъ сверкали слезы душевнаго волненія, онъ такъ мягко касался до чужихъ ранъ, что скоро сдѣлался всеобщимъ идоломъ. Одному изъ его восторженныхъ почитателей положительно показалось, что изъ Романа Аркадьевича исходить сіяніе въ видѣ ореола вокругъ головы, другіе повѣрили, и слава эта осталась за Романомъ Аркадьевичемъ. Правда, что онъ при видѣ страждущаго всегда старался положить свою мягкую руку ему на голову, что онъ умѣлъ какъ-то особенно терпѣливо и настойчиво баюкать больныхъ и, казалось, готовъ былъ на всякій часъ распинаться за друзей. Конецъ-концовъ, товарищи его обожали, лелѣяли, оберегали отъ всякой непріятности, боясь, что она слишкомъ болѣзненно подѣйствуетъ на такую «не отъ міра сего» натуру, и съ наслажденіемъ тѣлаивали на простыя свои плечи всѣ ноши, которыя, казалось имъ, слишкомъ были тяжелы для избранныхъ плечей человѣка, изъ котораго выходитъ божественное сіяніе.

Между товарищами онъ отличался всегда чистотою квартиры, порядкомъ одежды — не суровымъ порядкомъ и не нѣмецкимъ тоже — нѣтъ, помнящіе его помнили небрежно повязанный галстучекъ и разсыпавшіеся волосы — но какимъ-то особеннымъ поэтическимъ порядкомъ, который товарищи называли *гармоническимъ*.

Во время пребыванія въ университетѣ и случилось то происшествіе — назовемъ его недоразумѣніемъ — изъ-за котораго Романъ Аркадьевичъ пострадалъ.

Страданіе это тоже было преисполнено поэзіи, самоотверженія и великодушія. Закинутый въ отдаленный, чуждый, дикій городъ, онъ сохранилъ и способность такъ же глубоко, благородно чувствовать, и вѣру въ людей.

И это было награждено. Силою ли правды, или помощію счастливыхъ обстоятельствъ, но Романъ Аркадьевичъ былъ возвращенъ родимой губерніи въ чинѣ коллежскаго совѣтника и поставленъ на очень важное мѣсто.

Именно по этому поводу онъ и прибылъ въ городъ N.

Надежда Сергѣевна Рославлева была въ восторгѣ отъ пріѣзда Романа Аркадьевича; когда онъ вошелъ, она расплакалась и обняла его, называя роднымъ по душѣ, созвала весь домъ знакомить съ

нимъ, цѣлое утро шептала ему что-то и, вся сіяющая удовольствіемъ, немножко усталая, чувствуя, что языкъ у нея нѣсколько «сомлѣлъ», по выраженію няни, привела его въ столовую съ восклицаніемъ:

— Какъ давно мы не обѣдали вмѣстѣ!

— И сколько съ тѣхъ поръ пережито! проговорилъ Романъ Аркадьевичъ мягко, съ оттѣнкомъ и грусти, и легкой ироніи надъ судьбою, что вотъ, дескать, мы-таки не пропали, хоть ты и скрутила насъ, судьба! и съ оттѣнкомъ ликованія, что вотъ снова приелось праздновать среди своихъ.

Сѣли за столъ.

— Катенька, сказалъ Романъ Аркадьевичъ: — хотите състь подлѣ меня?

Катя хотя польщена была очень вниманіемъ такого человѣка, которымъ всѣ дорожили, и у нея шевельнулось желаніе его отблагодарить, однако, она Машѣ не измѣнила и отвѣчала:

— Нѣтъ, я около Маши. И сѣла около Маши.

— Ахъ, Катя! Катя! вскричала Надежда Сергѣевна: — какъ же это ты не сядешь, когда онъ проситъ!

На Надежду Сергѣевну свиданіе такъ дѣйствовало, что она начала, какъ говорится, ходенемъ ходить.

— Ахъ, Катенька! звонко выкрикнула тѣтя Фанни, точно ее укусили. Она еще передъ обѣдомъ шепнула Ольгѣ Порфировнѣ и Машѣ, что Романъ Аркадьевичъ «такой обворожительный», и за обѣдомъ смотрѣла на него, какъ маленькая собачка смотритъ на большую собаку.

— Ахъ, да это прекрасная черта, сказалъ Романъ Аркадьевичъ мягкимъ, ласкающимъ голосомъ. — Она не оставляетъ старыхъ друзей — это прекрасная черта!

При этомъ онъ обвелъ мягкимъ, ласкающимъ взглядомъ Машу и Ольгу Порфировну, между которыми Катя сидѣла.

До того его взглядъ былъ мягокъ и ласкающъ, какъ-то сладостно ласкающъ, что Ольга Порфировна вспыхнула отъ признательности и улыбнулась, а Маша, хотя не вспыхнула и не улыбнулась, но изумилась и подумала: за что онъ такъ смотритъ?

Обѣдъ былъ превосходный, и Еремѣй, носившій блюда, на вопросъ повара: ну что? отвѣчалъ: ничего, смѣются, разговариваютъ — и добавилъ: еще бы имъ не разговаривать — вѣдь располагаетъ!

Разговоръ за столомъ былъ несравненно пріятенъ. Надежда Сергѣевна нѣсколько разъ уронила по пятку или по десятку слезинокъ, говоря, что она дура, но вонечно, не считая этого за правду, а такъ; по Роману Аркадьевичу пошли какія-то просто

радуги и сіянія; Ольга Порфировна разгорѣлась слабѣтъ, точно ливнящимъ румянцемъ; Катя дурачилась, хохотала, угостила Друга горчицей, пролила вино, пролила воду, и время отъ времени строила гримасы нянѣ, выглядывавшей изъ-за двери наблюдательно и равнодушно. Маша смотрѣла иногда на новаго знакомаго, и очень ей странныя приходили въ голову мысли. Она брала разныя вещи изъ слышаннаго о немъ и какъ будто ихъ на него примѣривала. Любитъ ли онъ теперь, какъ ребенкомъ любилъ, сидѣть въ зной въ прохладныхъ аллеяхъ деревенскаго сада? Да, навѣрно онъ и теперь это любитъ—и тоже зимою, ввечеру, при потухающихъ угольяхъ, и тоже мечтать. Можетъ ли онъ такъ говорить, какъ когда-то говаривалъ въ кругу университетскихъ товарищей? Да, можетъ, еще лучше пожалуй можетъ теперь. А сіяніе? Ореоль? Когда онъ исходитъ изъ него? Глядя на него теперь, какъ онъ сидѣлъ и съ задумчивой улыбкой слушая рассказы Надежды Сергѣевны, внимательно составлялъ себѣ соусъ изъ горчицы, она никакъ не могла вообразить его съ сіяніемъ, никакъ. Она могла его представить себѣ всачески—даже вдругъ почему-то въ костюмѣ времени Людовика XIV, и это очень шло къ нему, но въ сіяньи,—нѣтъ! ни за что! Тоже никакъ она не могла ничѣмъ замѣнить это мягкое выраженіе лица въ минуту, напримѣръ, настоящей опасности или серьезной борьбы, ничѣмъ...

«Какъ это мнѣ не стыдно!» подумала Маша. «Съ какаго права, съ какой стати я все это выдумываю? Онъ пострадать, онъ такъ хорошо говорилъ вотъ о томъ... еще лучше говорилъ вотъ объ этомъ...»

Въ это время Романъ Архадьевичъ протанулъ свою руку, чтобы взять стаканъ, и видѣ его руки, бѣлой, полнозатой, гибкой, съ красивыми ямками, произвелъ на нее странно-неприятное впечатлѣніе. Она вообще бѣлыхъ рукъ не любила, но эта рука особенно какъ-то была ей не по душѣ, просто почти заставила забиться ее сердце отъ болѣзненно-неприятнаго чувства.

Послѣ обѣда всѣ перешли въ гостиную.

Маша стояла у окна и глядѣла въ садъ. Она была глубоко и какъ-то странно взволнована. Чѣмъ? Маша сама хорошенько этого не сознавала. Она только чувствовала себя очень одинокою, было очень ей грустно, и грусть была не то, что грусть безотчетная, тихая, — нѣтъ, не безотчетная, хотя еще и не вполне сознанныя, какая-то тоже особенная грусть, переходящая въ живую, живую боль. Или это ее такъ взволновало обманутое ожиданіе? Да чѣмъ же обмануто оно, это ожиданіе? Ей сказали, что она встрѣтитъ такого-то человѣка, и вотъ онъ тутъ и ни-

тѣмъ себя не уронилъ, только что онъ ей не такъ пришелъ по душѣ, какъ она бы желала. Такъ что-жъ такое? Что-жъ изъ этого? Ничего! Ничего, а между тѣмъ глаза ея наполнились слезами.

Есть у насъ въ жизни такіе часы, такія времена, когда все дѣйствуетъ на насъ изумительно живо, когда все насъ потрясаетъ до глубины. Это бываетъ послѣ того, какъ долго умъ искалъ и пыталъ, когда жизнь еще ничего не дала, а только дала смутно понять: «смотри, сколько я могу дать». Точно стоишь заключенъ въ каюкъ-то громадномъ, ваетея, пространствѣ, но будто безъ выходу, съ запертыми дверями. Съ страннымъ біеніемъ сердца пріотворяешь ту или другую дверь, и что за нею ни увидишь, остаешься пораженъ, будь то великое, мелко или посредственно.

Маша именно переживала такое время: «Я точно передъ грозю, — душно, — и я жду не дожусь», думала она, глядя на ясное, голубое весеннее небо.

— Какъ вы безмятежно задумались, Марья Григорьевна! пронесъ около нея бархатный голось.

Романъ Аркадьевичъ съ чашной кофе въ рукахъ, съ улыбкою на устахъ, стоялъ около нея. Она не слышала, какъ онъ подошелъ, ни какъ всѣ другіе вышли изъ гостиной.

Она взглянула на него. Слегка разбурившиіся волосъ лакового обѣда, улыбающійся, съ немного посоловѣвшими глазами, онъ показался ей едва выносимъ въ эту минуту. Она ничего не отвѣтила.

— У васъ такое безмятежное и ясное лицо! проговорилъ Романъ Аркадьичъ еще пѣвучѣе и мягче.

Маша все молчала. Въ эту минуту она ни за что бы на свѣтѣ не стала отвѣчать условными фразами, ее все охватило съ новою силою какое-то странное волненіе, живое и горестное. Потому она все молчала, между тѣмъ, какъ алая яркая краска медленно заливала ея лицо. А Романъ Аркадьевичъ стоялъ около нея, улыбался и, не свѣдя съ нея глазъ, не то что прихлебывалъ, а какъ-то духомъ вбиралъ въ себя съ ложечки по полукapеллькѣ кофе.

Въ это время вошла Надежда Сергѣевна съ пачкой писемъ и съ такимъ видомъ, съ какииъ вносятъ самое рѣдкое и дорогое угощеніе.

— Вотъ они! сказала Надежда Сергѣевна. Романъ Аркадьевичъ слегка ахнулъ и быстро подошелъ къ столу, гдѣ они вмѣстѣ стали разбирать пачку.

Маша пошла-блие въ садъ, но увидала ходящую по дорожкѣ Ольгу Перфирьевну въ сѣромъ капорѣ и въ мажорантическомъ

расположенія духа. Мама приостановилась, поглядывая на нее и воротилась. Она хотѣла пройти въ свою комнату, какъ вдругъ набѣжала Катя, обняла ее и поцаловала. Объятіе и поцалуй были такого рода, что Мама сейчасъ же догадалась, что Катя что-то замышляетъ.

— Что ты замышляешь, Катя? спросила она.

У Кати глаза блеснули, и она улыбнулась, какъ улыбаются тѣ, которыхъ угадали любимые и близкіе ихъ люди — улыбнулась съ какою-то веселою признательностію.

— Пойдемъ въ Любочѣ Подколенной, Мама, а? Вдвоемъ съ тобою, а? Ты къ Полинкѣ, а я къ Любочѣ?

— Пойдемъ, отвѣчала Мама.

— О, милая! О, милая и самая драгоценная! Ойкая, самая, самая драгоценная! Такъ сейчасъ?

— Сейчасъ. А мама пустить?

— О, отпустить! Она теперь всюду отпустить, увѣренно сказала Катя и полетѣла вихремъ въ гостиную.

Катя нимало не ошиблась: Надежда Сергѣевна всюду бы отпустила. Она читала важнѣйше-то задыхающійся шопотомъ письмо за письмомъ Роману Аркадьевичу, и при видѣ влетѣвшей Кати нетерпѣливо ахнула и послѣшно отвѣтила, даже не вслушиваясь въ ея слова: «хорошо! хорошо!»

Катя возвратилась въ торжествѣ и съ сверкающіе глаза слезами Машѣ: «а видишь, я знаю, что говорю!»

Въ минуту она одѣлась, укусила няню за щеку, рѣшила взять въ гости къ Любочѣ Друга, для чего напомадила ему уши и надушила мордочку и лапки любимыми пачули Надежды Сергѣевны, и отправилась.

Проходя черезъ гостиную, Мама слышала, какъ Романъ Аркадьевичъ говоритъ: «Я теперь знаю цѣну свободѣ». Она подумала: можетъ, это непривычное наслажденіе и даетъ ему такой видъ? Вѣдь больные, послѣ тяжелой болѣзни выдоравливающіе, тоже бывають сами не свои — капризны, мелочны, странны.

Надежда Сергѣевна не обратила на Машу и на Катю ни малѣйшаго вниманія, поглощенная разговоромъ, а Романъ Аркадьевичъ проводилъ ихъ ласкающимъ взоромъ и легкимъ, ласкающимъ тоже поклономъ.

«Да, онъ какъ больной, послѣ тяжелой несносной болѣзни», думала Мама.

— Я знаю цѣну свободѣ, долетѣло до нее опять изъ гостиной.

«И свобода его теперь волнуетъ, восхищаетъ», думала Мама: «у него еще голова кружится, какъ у больного, еще силы не пришли въ порядокъ... Свобода! Это лучше всего на свѣтѣ!»

Однако... Однако, биваютъ случаи, когда предпочтешь... Да, биваютъ. Въ *этихъ* случаяхъ что онъ предпочтетъ? Конечно то, что слѣдуетъ... Чего жъ еще надо мнѣ? Чего мнѣ надо еще?»

Тутъ Маша очень рѣшительно хотѣла примѣрить ему сiяніе и убрать его въ ореоль, но въ изумленію и огорченію, опять не пристало — вовсе не пристало. Только что она подумала: «вотъ теперь ему сiяніе» — какъ вмѣсто сiянія на немъ явился костюмъ временъ Людовика XIV, яркій, весь расшитый золотомъ.

«Какъ я начиталась этой французской исторіи!» подумала Маша.

Тутъ можно бы все, или по крайней-мѣрѣ многое свалить на исторію, но Маша этого не могла, даже не желала. Она вообще ничего не любила затушевывать. Еще въ тѣ времена, когда она вѣровала въ *Буку*, первымъ ея дѣломъ было всячески искать съ нимъ общенія для того, чтобы объяснить его худые поступки и въкоторыя вопіющія несправедливости, несообразности и промахи.

— Какъ я люблю ходить съ тобою вдвоемъ, Маша! говорила Катя. — Совсѣмъ вдвоемъ, чтобы никто, никто не провожалъ... Ухъ, милая! милая!

Катя бросилась обниматься и цаловаться, при чемъ повредила лапку Другу. Другъ мяукнулъ, изъ слуховаго окна чьего-то дома высунулась косматая, какъ влубокъ перекачи-поля, голова, и произнесла: «ахъ, барышни на улицѣ цалуются и кошечекъ носятъ!»

Катя залилась смѣхомъ, и изъ того же дома, изъ нижняго этажа, выглянула и неодобрительно проводила ихъ глазами очень благочестивая старушка, съ тонкими въ ниточку губами.

День былъ очень хорошій: тихій, теплый, солнечный. Еще ничего не цвѣло, не развивалось, но уже чувствовалось, что вотъ-вотъ все расцвѣтетъ. Вездѣ уже были выставлены двойныя рамы и окна открыты. Въ одномъ дворѣ черная корова, положивши морду на плетень, неподвижно смотрѣла въ даль, и думала, по увѣренію Кати: «а вотъ скоро новое сѣно будетъ!» Богатый купецъ Подшиваловъ, мужчина лѣтъ сорока, съ умнымъ лицомъ и съ черною бородою, сидѣлъ у себя на балконѣ и грызъ орѣхи, съ такимъ усердіемъ и рвеніемъ, словно отъ этого зависѣла цѣлая его жизнь; подальше, купецъ Пискаревъ, тоже съ черной бородою, но съ болѣе благодушнымъ лицомъ, прикармливалъ изъ окна голубей и воробьевъ, между тѣмъ, какъ жена его, съ подвитыми колечками на вискахъ, вышивала шерстами и пѣла: «куда ты, ангелъ мой, стремишься?»; голосокъ у нея хотя былъ маленькій, но очень фальшивый и неприятный,

и сидѣлецъ въ лавочкѣ, находившейся подъ окнами дома, читалъ какую-то книжку, испещренную синими и красными славянскими буквами, заложивши себѣ пальцами уши; соборный дьяконъ, стоя подъ окномъ чистенькаго домика съ зелеными ставнями, говорилъ кому-то: «а вы все меч-ч-чтаете?». Проѣхалъ старшій испитой мужикъ въ тряской тележкѣ; прошла дама, сопровождаемая лакеемъ въ бѣлой ливреѣ, дама до того накрахмаленная, что проходила, она не только шумѣла и шуршала, но даже свистѣла и звонѣла, и съ такимъ упорнымъ изумленіемъ поглядывала на двухъ барышень съ котомъ, что Катя, къ сожалѣнію, не могла совладать съ своими чувствами и показала ей языкъ.

— Катя, ты ей языкъ показала? спросила Маша.

— Да кто же ей покажетъ, кромѣ меня? возразила Катя.

— А по твоему это непременно надо?

— О, надо! увѣренно отвѣтила Катя и прибавила:—какъ она покраснѣла и фыркнула!

Въ это время Другъ рванулся и чуть не выскочилъ у нея изъ рукъ.

— Ахъ, Другъ, что за наказанье божье съ тобою!—Ну, на кого ты похожъ! Гдѣ очутился баятикъ? Не можешь видѣть ни одного воробья безъ ладности! Фи! что о тебѣ скажутъ!

Другъ въ отвѣтъ жалобно мяукнулъ, но затѣмъ успокоился.

— Маша, опять начала Катя:—а ты думаешь, не надо было показывать ей языкъ? Не стоитъ того, а? Это правда. Только я все послѣ правду нахожу—знаешь, когда уже воротить нельзя. Какъ я увидала ея мину, такъ мнѣ точно кто выдернулъ языкъ... не могла не показать! Ты какъ думаешь, а? Ахъ, когда ты только взглянешь—я тебя до того люблю, и мнѣ съ тобой до того весело!

Она подошли къ дому Подколотныхъ.

IV.

Новая полоса.

Обширный дворъ, за рѣшеткой во дворѣ домъ, бѣлый, чистый каменный домъ, балконы и крыльца съ колоннами, цвѣтники, тщательно разбитые, дорожки въ саду, заботливо укатанныя, въ передней вышколенный мальчикъ, открывающій ловко двери; комнаты прекрасныя, мебель отличная, картины хорошия, цвѣты рѣдкіе.

— Барини дома нѣтъ-съ, сказалъ мальчикъ почтительною скороговоркою. Онъ даже не показалъ изумленія при видѣ kota въ розовомъ галстучкѣ.

— Ахъ, какъ я рада! вскрикнула пылая и вѣтряная Катя, но

обитает не спохватываясь и галч жалобно взглянула на Ману, такую сморщив ротину, что Маша улыбнулась.

— А баринни дома? спросила Маша.

— Баринни дома-съ— Любовь Ефимовна въ классной, а Полина Ефимовна въ своей комнатѣ-съ.

Въ классной сидѣла за столомъ дѣвочка въ сѣренцѣмъ платьѣцѣ, въ бѣломъ фартуцѣ и въ бѣлой пелерничкѣ и, смеяши на всеѣ свои веселыми пальчиками перо, усердно и энергично вывела круглыми буквами: «Богъ любить добродѣтелихъ; Ему пріятен непорочны въ нутахъ своихъ». Передъ нею лежала уже одна тетрадь готовая, гдѣ тѣми же круглыми и энергическими буквами быде выведено:

«Dieu desire aux hommes de pratiquer le bien et de fuir le mal».

Когда, слышавши шагъ, она подняла нахмуренное сосредоточенное лицо, темныя дудри откинулись назадъ, а большіе, сердитые, голубые глаза взглянули, она предвѣдливо напомнила собой тѣ подземные маленькіе ключи, которые вовсе не слышно, но которые не иссыкаютъ, текутъ до поры до времени вихомолку и потомъ вдругъ вырываются на свѣтъ брызгъ свѣжою, сильною и чистою струею. Или еще лучше можно было сравнить ее не то что съ злымъ или добрымъ, а съ умнымъ и смущеннымъ духомъ, привоаннымъ гнетущею силою у этого класснаго стола выводить круглыми буквами «Богъ любитъ добродѣтелихъ» и проч.

Она очень обрадовалась появленію Кати и по тому, какъ дѣвочки поцеловались, видно было, что онѣ любили и дѣлили другъ друга.

— Ты что это пишешь, Любочка? спросила Катя, заглядывая въ тетрадку. — Ахъ, это ты все — «Богъ любить добродѣтелихъ...» А вотъ ты тутъ у «Бога» кривую голову сдѣлала — о, какую кривую. Да и весь «Богъ» у тебя на сторону.

— У меня рука очень устала, отвѣчала Любочка, глядя Друга своею поблѣднѣвшею ручкою.

Другъ велъ себя хорошо: хотя нѣсколько уныло, но смиренно сидѣлъ на столѣ, гдѣ его посадила, и ровнымъ бантикомъ былъ въ порядкѣ.

— Ну, а пойду къ Полинькѣ, сказала Маша. — Она въ своей комнатѣ?

— Да, отвѣчала Любочка.

Пройдя въ залу Полиньки, Маша услышала изъ кабинета пѣніе ксантина, Ефима Юрьевича Подколодного. Слышно было, что пѣвецъ быстрыми шагами ходилъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ.

Шёшня его была довольно странная: на голосъ «Подъ вечеръ осенню неастаной» онъ нѣлъ какимъ-то раздраженнѣмъ ироническимъ полуречитативой: «О, ты, что въ горести напрасно на Бога ропщешь, человекъ!» Машѣ живо представилась его высокая, немного сгорбленная фигура, добрейшее, отеревеннѣйшее лицо съ немного протужными темными глазами и съ грустною, но въ то же время безпечною улыбкою, и какъ онъ скороговоркою говоритъ: «Я теперь позналъ, что такое женщина, что такое добродѣтель», «чувство долга должно руководить насъ во всемъ», «совнание собственной правоты — единственная прочная поддержка въ трудныхъ испытаніяхъ», и какъ тутъ же онъ сбивается, кончаетъ невѣроятными противорѣчіями, напримѣръ тѣмъ, что «всѣмъ ~~отъ~~ праведниковъ перешагать стоитъ», спохватывается, самъ на себя пожимаетъ плечами и, пристыженный, пораженный скорбнымъ и изумленнымъ взглядомъ жены, взглядомъ, горестно вопрошающимъ: какъ, снова? — поскорѣй уходитъ въ кабинетъ и запирается тамъ.

— Ахъ, Маша! какъ я тебѣ рада! воскликнула Полинья, сирггнувши съ душетки, на которой лежала.

— Ты нездорова? спросила Маша.

— Да, намножко, такъ легкая простуда... Впрочемъ, я молодцомъ...

На холода, однако, Полинья вовсе не была тогда пожожа: щеки у нея горѣли, глаза были влажными и она вся дрожала отъ волненія, какъ въ лихорадкѣ.

— Садись же, садись, Маша! Ахъ, какъ я тебѣ рада! Скучно одной сидѣть... Я не разъ подумала: еслибъ Маша пришла! Я ужасно тебѣ рада!

Полинья потянулась къ Машѣ и горячими губами прильнула къ ея щецѣ. Она хотѣла-было еще дохрабриться, улыбнулась, но слезы чуть-чуть не брызнули изъ глазъ и она смогла только еще разъ повторить деревенскимъ голосомъ: какъ, я тебѣ ужасно рада!

Она въ самомъ дѣлѣ была ужасно рада Машѣ. Не потому, чтобъ она особенно любила Машу, не потому, чтобъ особенно дружна была съ нею, но Машу для нея теперь не замѣнилъ бы никакой любимой другъ, еслибъ не былъ на Машу пожожа. Когда впечатлительные и слабые люди растеряются отъ огорченія и ихъ начнеть одолевать сомнѣнье и недоумѣніе, когда у нихъ все въ глазахъ завертится, голова пойдетъ кругомъ и точно земля исчезаетъ изъ-подъ ногъ, Господа! какъ они рады хватиться тогда за кого-нибудь, кто твердо и спокойно стоитъ на своихъ ногахъ. Создатель! какъ жадно и радостно льнутъ

они къ такому человѣку, какими признательными глазами на него смотреть! какъ дорого и необходимо имъ его присутствие!

Впрочемъ, все это пріятно не только слабымъ, впечатлительнымъ людямъ, но и всякому.

Маша замѣтила, что Полинья огорчена и разстроена, только храбрится, а не знаетъ, что съ собою дѣлать, но, отъ природы не навязчивая, она не спрашивала.

Съ четверть часа онѣ разговаривали ни вѣсть о чемъ: Полинья собралась когда-нибудь, куда-нибудь полетѣть въ воздушномъ шарѣ, высказать свое презрѣніе одному отставному генералу за его дурное обращеніе съ родной сестрой, но регистраторшей, разсуждала о мирѣ и блаженствѣ загробной жизни.

— Ну, что наша земная жизнь, Маша? сказала она съ молодечествомъ: — что...

Тутъ слова у нея замерли, она покашляла, поморгала, чтобы остановить слезы, и уже очень дрожащимъ голосомъ прибавила: «не стоитъ о ней заботиться!»

— А я думаю, что стоитъ, сказала Маша.

— Ахъ, ты думаешь, что стоитъ, Мама? повторила Полинья. — Но вѣдь столько въ ней... огорченій...

— Такъ что-жь, что столько огорченій? спросила Маша.

— Какъ, Маша? Огорченія? Но... (голосъ ея сталъ прерываться и молодечество начало ей измѣнять), но вѣдь это ужасно! Знаешь, Маша, иногда я хотѣла бы умереть!

Нѣсколько слезинокъ быстро-быстро сватились у нея по щекамъ.

— Нѣтъ, я хотѣла бы жить, сказала Маша.

— Гдѣ же это счастье, что все сулитъ намъ, Маша? продолжала Полинья. — Ну, гдѣ оно? И что такое счастье? Ну, скажи, что такое земное счастье? Преходящее такое, такое невѣрное, непрочное... Все, Маша, проходить, все пройдетъ...

— Да и мы сами пройдемъ, сказала Маша, слегка улыбаясь: — а все-таки нельзя же загодя заживо въ могилу закопаться.

— Ну и счастье-то, Маша!

— А что счастье?

— Да невѣрно оно, ненадежно! Нѣтъ его! А какъ безъ него быть?

Маша нѣсколько призадумалась. Она чула, что счастье есть на свѣтѣ, но она не знала его еще въ лицо; одно только знала она, что это не было то довольное, полусонное, измѣненное, блѣлое лицо съ вѣчною улыбкою, съ безмятежными и умиленнымъ взоромъ, которое обыкновенно показываютъ за счастье — нѣтъ! Такого счастья она не взяла бы, и при одной мысли о

такомъ она вздрогнула. Такого ни за что не надо, а иное? Иное смутно, неопредѣленно, далеко рисовалось какими-то удивительно смѣлыми, строгими и трепещущими жизнью чертами. Безъ перваго счастья можно прожить на свѣтѣ, но безъ втораго?

— Я не знаю, отвѣтила она Полинья: — я теперь какъ-то не очень гонюсь за счастьемъ — за тѣмъ, что зовутъ у насъ счастьемъ.

— О, Маша, я съ тобой согласна, да, согласна! подхватила Полинья. — Я понимаю, что можно отрѣшиться отъ всего земнаго, жить одному, вдали отъ всѣхъ, стать выше окружающаго...

Все это Полинья говорила по молодечеству и на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ желала полетѣть когда-нибудь куда-нибудь въ воздушномъ шарѣ, хотя говорила очень искренно, а Маша, слушая ее, чувствовала въ себѣ, точно пробуждающуюся отъ крѣпкаго сна, горячую, живую привязанность и глубокое участіе къ этой, именно къ этой, окружающей жизни. Ей было и жутко, и хорошо. Она вся была исполнена какого-то особеннаго смятенія, что нисколько не мѣшало ей обычному спокойствію, не заставляло дрожать ее голоса, не придавало даже блеску глазамъ, только алая краска медленно-медленно разливалась по лицу, потомъ медленно-медленно смѣнялась блѣдностью, и точно такъ же медленно-медленно снова проступала.

— А что, ты видѣла Романа Аркадьевича? спросила Полинья.

— Видѣла, отвѣчала Маша.

— Ну, что-жь, Маша? Вотъ должно быть человекъ-то! Я готова передъ нимъ на колѣни упасть при встрѣчѣ!

Зашла рѣчь о сіяніи, исходящемъ изъ головы Романа Аркадьевича.

— Знаешь, Маша, сказала Полинья: — я тоже знаю человека... съ ореоломъ...

Маша посмотрѣла, будто спросила: кто же? гдѣ же?

— Ты не угадываешь, Маша?

Она взглянула сквозь слезы на Машу и увидала, что Маша угадываетъ, хотѣла улыбнуться, но губы у нея такъ задрожали, что улыбка вышла трогательнѣе всякаго плача.

— Ты вѣдь замѣчаешь, Маша, что у меня глаза заплаканы сегодня, продолжала она, собравшись съ духомъ и снова принимаясь за молодечество. — Я уже нѣсколько дней только и дѣлаю, что плачу...

Тутъ она стала смѣяться и плакать вмѣстѣ.

— У насъ съ мамѣ былъ разговоръ... Когда мы пошли отъ васъ съ вечера, я пошла съ мамѣ рядомъ, мамѣ дѣлала мнѣ зна-

ки, но я пошла-таки съ нимъ рядомъ... Ну, ты знаешь, мамѣ изъ мухи сдѣлала слона и начала меня упрекать, стыдить... Господи! вѣдь она всегда изъ мухи слона дѣлаетъ!

Полинька принужденно засмѣялась и, казалась, ждала, чтобы Маша теперь начинала.

— А мука? спросила Маша.

— Какая мука?

— Да изъ которой сдѣлали слона — значитъ, мука-то была?

— Ахъ, да! сказала, разсмѣявшись, Полинька и вдругъ, припавши головою къ Машѣ на колѣни, презентала: — Маша, голубушка, я его очень люблю! что мнѣ дѣлать! и заплакала на вскрикъ.

Она долго рыдала еще и плакала, но уже безъ особой горечи, безъ прежняго отчаянія, и, лежа на колѣняхъ у Машки, напоминала собою дѣвѣй, которые послѣ ушиба ибѣжались на колѣняхъ у старшей сестры, съ полными горстями сладкой въ утѣшеніе.

Тихонько всхлипывая и полузакрывши глаза, она говорила Машѣ, какъ она его любитъ, какъ она несчастная, какъ она великъ и хороша, какъ она страдаетъ, какъ мать ее ужасно мучить, и эти рассказы прерывала время отъ времени восклицаніемъ: «ахъ, Маша! какъ я рада, что ты пришла!»

Повѣствуя такъ, съ тихими вздохами, не отирая перѣдѣ вѣтвишихся еще по лицу слезъ, она, точно усыпленная, плыла по рѣкѣ — неси куда хочешь, куда знаешь, лишь на эту вотъ минуту колыхай меня бережно и ласково, и пожалуйста никуда не выбрасывай!

Когда Маша спросила: «что же ты думать дѣлать?» она содрогнулась и отвѣтила ей: «совершенно не знаю, Маша!» и жалобно прибавила, будто ей разбередили большое мѣсто: «что же мнѣ дѣлать? Ну, что же мнѣ дѣлать, Маша?... Ну, что же мнѣ дѣлать?» повторила она еще разъ, неохотно и печально обращая свои мысли на тяжелую сторону дѣла.

— Любить онъ тебя? спросила Маша.

— Не знаю... Мама говорить, что онъ тебя любитъ и что ты ему настоящая пара... Но мама это сказала вѣроятно для того, чтобы меня помучить... Ахъ, какъ она меня мучитъ, Господи! Она даже увѣрала, что ты его тоже любишь и что у васъ все уже кончено...

Тутъ она залилась слезами.

— Это неправда, сказала Маша.

— Она даже говорила, что разъ встала васъ въ залѣ рука съ рукою, и что вы оба очень сконфузились...

Машѣ представилась добродѣтельная фигура Анны Петровны, вдругъ вся проникивающаяся тѣмъ особымъ дикованьемъ, какимъ проникаются добродѣтельные люди, поймавши ближняго на пороки или беззаконіи.

— Если Анна Петровна видѣла насъ рука съ рукой, то мы прощались или здоровались, сказала она. — Я впрочемъ этого не помню; вѣроятно, ошиблась Анна Петровна.

— О, это она все чтобы меня мучить! Ахъ, Маша, вообрази, вижу поутру къ чаю и вся дрожу при одной мысли, что войду, а она на меня поглядитъ и вздохнетъ... Конечно, она сама какъ святая: у нея ни ошибокъ, ни грѣховъ никогда не бываетъ... такъ мнѣ совѣстно, такъ тяжело встрѣтить ее взглядъ... Такъ онъ тебѣ никогда о любви не говорилъ?

— О любви не говорилъ. Сначала, зимою, онъ часто на меня смотрѣлъ, заговаривалъ со мною и намекалъ на то, что я для него много значу; будто я облегчаю ему жизнь, разъ сказать. Но я не знаю, чѣмъ же я ему жизнь облегчала?

— Что жъ ты? О, счастливица! И ты не упала на колѣни передъ божествомъ?

— Нѣтъ, отвѣчала Маша, слегка улыбаясь.

— Но вѣдь онъ божество! вскрикнула Полинъка.

— Я его божествомъ не считаю, а считаю... апостоламъ что-ли, съ которыми, пожалуй, и вмѣстѣ готова пойдти, если надо, и котораго провожу съ удовольствіемъ дотъ на край свѣта проповѣдывать.

— О, Маша, Маша! Я бы все у его ногъ лежала! А теперь что онъ тебѣ говорить?

— Ничего особеннаго. Мы вообще теперь рѣдко разговариваемъ.

— Онъ со мной такой ласковій, Маша! Можетъ, онъ меня полюбитъ, и я... я могла бы быть такъ счастлива! О, Господи!

— Такъ что жъ помѣшаетъ тебѣ быть счастливою?

— А мамá? Что я съ нею сдѣлаю? Она вѣдь какъ каменная стала, ее не разжалобишь! Какъ скажеть «не дождно» и днѣмъ не разжалобишь!

— Но ты любишь, значитъ, не уступишь своей любви, а отстоишь ее?

— О, Маша! Я, конечно, буду отстаивать, жадно отвѣчала Полинъка. — Сколько страданій прибавила она еще жалобнѣй. — Но мнѣ будетъ во всякомъ горѣ утѣшеніемъ, что за *нею* я страдаю. Ахъ, еслибы онъ меня такъ любилъ, какъ я его люблю! Но если онъ меня не полюбитъ, что тогда? Тогда я погубю!

Она опять поплакала, а потомъ нѣсколько ободрилась снова и успокоилась.

А Маша между тѣмъ думала: «что же остается на свѣтѣ той, кому любовь не дается въ руки? что, кромѣ отреченья отъ міра и надежды на загробную жизнь, что остается въ этой-то земной, живой жизни?»

Вдругъ дверь отворилась и въ комнату вошла няня.

— Ужь восьмой часъ, барышня, сказала она Машѣ.

— Вы за нами пришли, няня?

— Да-съ.

Маша простилась съ Полиньюкой, а Полинья обняла ее, заплакалась, что она уходитъ, что придется остаться одной, и утирая слезы, пошла ее провожать, не внимая няинному предостереженію, что при нездоровьи вредно выходить, а надо лежать и потерпѣть до выздоровленья.

Онѣ застали въ классной Катю съ Любочкой въ очень серьезномъ настроеніи, сидящихъ рядышкомъ и видимо повѣряющихъ другъ другу близкія свои дѣла: у обѣихъ зрачки расширились, щеки разгорѣлись; Любочку одолевало сдержанное волненье, а Катя ужь готова была разразиться. Другъ, прожившій вѣкъ не безъ ошибокъ, чувствовалъ на себѣ точно гнетъ строгой и неумолимой добродѣтели, проникавшей собою весь домъ, забивался тревожною дремотою, но поминутно пробуждался и фыркалъ, будто хотѣлъ сказать: ну, добровольно меня сюда не заманишь никакими мышами въ свѣтѣ!

— Катя, няня за нами пришла; пора домой, сказала Маша.

— Кто няню просилъ приходить? Кто просилъ? запальчиво вскрикнула Катя. — Любочка, пойдѣмъ съ нами! Ахъ, пойдѣмъ съ нами!

— Я не смѣю, сказала Любочка.

— Отчего не смѣешь? вскрикнула Катя. — Смѣй! О, смѣй, смѣй!

Она схватила Любочку за руку, но Любочка не двигалась съ мѣста и только повторяла: «я не смѣю».

Маша глядѣла на нее, и ее поразило это личико съ крѣпко сжатыми губами, съ умными сердитыми глазами; поразила вся эта крошечная, чуть не съ маковое зернышко, фигура, граціозная и хрупкая, но до того задорная, характерная и сдержанная — и Маша подумала: «какъ же ты много современѣе посмѣешь!»

— О, смѣй, смѣй! молила пламенная Катя и тянула Любочку за руку. Любочка все отвѣчала «не смѣю». Полинья грустно улыбалась «этой дѣтской вознѣ», а няня стояла у дверей и равнодушно ждала исхода.

Раздраженная Катя, въ шляпѣ на сторону, ничему не внимаа

и ни на что не обращая вниманія, тянула Любочку за руку къ дверямъ и вдругъ задѣла плечомъ за алебастровую статую Сократа на этажеркѣ, ушиблась, и не помня уже себя отъ негодованія, съ крикомъ «ахъ ты!» она толкнула этажерку ушибеннымъ плечомъ — Сократъ полетѣлъ съ этажерки и разбился въ дребезги.

Полинья взвизгнула и упала на диванъ, будто и ей отбили разомъ руки и ноги; няня спокойно и равнодушно ахнула ради приличія и принялась подбирать съ полу Сократовы дребезги. Любочка очень поблѣднѣла. Катя на всѣхъ поглядѣла мрачно и рѣшительно.

На звукъ разбитой вещи влетѣла въ гостиную молодая горничная, какъ двѣ капли воды похожая на ащерицу; ловкая, легкая, улыбающаяся, казалось, она съ одинавовой готовностью надѣнетъ вамъ башмакъ на ногу, или искрошитъ васъ самихъ въ окрошку, если ей это будетъ выгодно, и представитъ, по поводу окрошки, попу на исповѣди, что и «ножь къ несчастью попался остеръ черезчуръ», и что желаніе было благое, и усердіе благочестивое, и случай несчастный, и врагъ попуталь, и Богъ милостивъ», такъ что самый строгій попъ будетъ вынужденъ разрѣшить ее отъ грѣховъ.

— Ахъ, чтѣ это такое случилось? вскрикнула Анюта. — Ахъ, Боже мой!

И тоже кинулась подбирать Сократовы остатки.

— Ахъ, чтѣ дѣлать! Чтѣ дѣлать! шептала Полинья Машѣ:— сказать на себя?

— Лучше я на себя, прервала Любочка.

— О, нѣтъ! Скажемъ, что онъ самъ упалъ! Упалъ самъ, да и только... Ну, пожалуй, вѣтеръ подулъ... Это бываетъ... Ей-богу это иногда бываетъ, говорила растерянная Полинья.

— Я разбила! крикнула Катя во весь голосъ.

— Ну, теперь кончено! проговорила Полинья. — Анюта перескажетъ мамашѣ, теперь кончено!

Катя подошла къ Любочкѣ и, крѣпко ее обнявши, проговорила:

— Прости меня! Ты теперь за меня терпѣть будешь... О, какъ ты будешь терпѣть!

Любочка въ отвѣтъ тоже крѣпко-на-крѣпко ее поцаловала, будто давая понять: не безпокойся, я терпѣть умѣю!

Разстались очень печально, и дорогою домой Катя шла одна впереди и несла Друга безъ всякихъ разговоровъ. Маша догадалась, что Катя плачетъ, и поотстала немного, идя слѣдомъ за нею съ нянею.

— Ну, теперь надѣлали мы дѣлъ у Подколотныхъ! сказала

няня.—Старшая-то барышня какъ листъ трясется. Робка очень. Прежнихъ достоинствъ барышня.

— Какъ прежнихъ достоинствъ, няня? спросила Маша.

— А такъ-съ! Вѣдь на все своя полоса есть, свое время. И люди тоже рождаются какъ плоды. Одна весна теперъ погожая, а другая ненастная — и такіе плоды Богъ даетъ, каковой воздухъ вѣетъ; каково повѣтріе, таковы и урожаи. Вотъ я помню, одно время было у господъ пристрастіе къ танцамъ — бывало на балахъ носятся какъ одержимые, куда зря, и что жъ вы думаете, Марья Григорьевна, я замѣчала, и поистинѣ, какъ только бывало родится младенецъ, такъ ужъ и не можетъ спокійно ножки держать. Наважи меня Богъ, если не правда. И помню это я, какъ бывало танецъ качучу танцовали — одна другой лучше — и изогнется и выпрямится, и перевернется и вывернется — Матерь Божія, заступница ты наша милосердная! Теперъ ужъ такъ никто не протанцуетъ — не та полоса! Теперъ совсѣмъ другіе характеры. Вотъ вы наблюдайте сами, Марья Григорьевна: извольте вы сравнить Полину Ефимовну съ Любовью Ефимовной — одна все внизъ, кротко, со смиреніемъ, а другой вѣдь головы не наклоняешь! И хоть скрытна, а съ какиимъ азартомъ... Тоже наша Катерина Ивановна — вѣдь воинъ воинкомъ; море ей по колѣна!

— Да, говорить, что Ката очень похожа характеромъ на свою бабушку покойницу.

— Точно похожа. Бабушка такая самая неукротимая была. Только видите, Марья Григорьевна, бабушка не сдобрывала, потому что не во время она родилась.

— Какъ не во время родилась?

— Да такъ-съ. Родилась не въ свою полосу она, и очутилась какъ пѣшій соколъ между воронами — и вороны заклевали.

— Каково это соколу, котораго вороны клюютъ, няня? сказала Маша.

— Конечно неприятно, Марья Григорьевна.

Помолчавши, няня прибавила:

— А вы, Марья Григорьевна, сами остерегайтесь.

— Чего, няня?

— Да вы тоже не въ своей полосѣ народились, какъ присмотрюсь я къ вамъ.

— Такъ что жъ дѣлать? спросила Маша, улыбаясь.

— Дѣлать-то нечего, Марья Григорьевна, а вы осторожность наблюдайте въ жизни.

— Какую же это осторожность наблюдать, няня?

— А укрощайте свое сердце, Марья Григорьевна. Истинно говорю вамъ, укрощайте свое сердце, а то будетъ неблагополуч-

но. Уже очень вы зарывчати! изорвете силу въ бою! Такъ-то и накладно выйдетъ, и ненесуся.

— А какъ по вашему надо жить, няня?

— А такъ надо жить, какъ воиъ другіе прочіе живутъ: и святы, и очень богаты.

— Ну, няня, я такъ жить не хочу.

— Постоите, Марья Григорьевна. Экія вы строгія казія! Такъ не годится!

Хотя няня и говорила «такъ не годится», но въ голосѣ у нея выражалось большое удовольствіе и сочувствіе. Даже тонъ ея разговора перемѣнился, когда, помолчавъ, она снова заговорила: выразилось много довѣрчивости и признанія.

— Марья Григорьевна, вы больно молоды, себя не бережете! По молодости еще не все ваши глаза видать. Вы все ширью да высюю хотите! А люда-то не такъ. Вотъ теперь много хорошихъ господъ развелось и присмотрѣлась я къ нимъ, — точно господа хорошие, но голову они смосають, а вы свою берегите...

— Отчего-жь я не сношу, няня?

— А оттого, Марья Григорьевна, что у нихъ и на языкѣ медокъ, и на сердцѣ ледокъ...

— Ну, нѣтъ, няня, это вы ошибаетесь...

— Погудите, Марья Григорьевна, я знаю, есть и зарные кое-гдѣ, да все-таки они бѣлоручки, частоплюйки: чуть гдѣ грази маленько, такъ и отпрыгиваютъ, какъ горошины отъ стѣны. Да вотъ ужъ на что Павелъ-то Ивановичъ, на словахъ города беретъ! А случилась мнѣ его видѣть на дѣлѣ, такъ вѣдь котъ на вязкой галиѣ: не знаеть, куда лапки дѣтъ! Бѣлоручки! Частоплюйки!

Мама слушала все это съ тѣмъ особымъ замраніемъ сердца, съ которымъ слушаютъ подтвержденіе мексныхъ догадокъ: точно въ наболѣвшее уже сердце вкладить осавательное острое жало. Няня умалама и нѣсколько времени онѣ шли молча.

— Берегите вы себя, Марья Григорьевна, опять начала няня. — Лучше беречь себя: и здоровѣе будете, и больше дѣлъ сдѣлаете. На свѣтъ-то жить хуже, чѣмъ по морю плыть! Нельзя такъ: сказаль слово, а за словомъ и дѣло. Невозможно-сь. Наде потихоньку. И не извольте тоже вы печалиться жизнью, Марья Григорьевна, принимайте и такую, какъ Богъ далъ. Онъ самъ, отецъ милосердный, попустилъ напасть и бѣду за наши прегрѣшенія и беззаконія — надо терпѣть. Съ Господомъ не подерешься — Его святая воля!

Онѣ подошли къ дому. Когда онѣ всходили на крыльцо, Катя прильнула къ Машѣ и шеннула:

— До того мнѣ, милая, горько! Точно я полнии маѣлсы! и онѣ вѣрѣно пожаи другъ другу руки.

V.

Въ потемкахъ и искру знать.

Дома онѣ еще застали Романа Аркадьевича, и Надежда Сергѣевна тотчасъ объявила Машѣ, что завтра рѣшено идти сурпризомъ въ гости къ Павлу Ивановичу, идти цѣлымъ обществомъ и провести у него вечеръ.

Надежда Сергѣевна любила Машу, и даже по своему очень любила, и вмѣстѣ съ тѣмъ питала къ ней какое-то особенное чувство; трудно опредѣлить его точно и назвать точнымъ именемъ: это было что-то похоее — какъ ни странно можетъ оно показаться — что-то похоее на боязнь потерять во мнѣнн бѣдной, зависимой отъ нея родственницы, что-то похоее на непреодолимое желаніе заслужить похвалу отъ спокойной, нерасточительной на похвалы дѣвочки; она Богъ знаетъ что дала бы, чтобы одобрительно на нее взглянули серьезные, все замѣчающіе глаза, чтобы не часто улыбавшіяся губы признательно улыбнулись въ отвѣтъ на ея слово или дѣло; къ этому иногда примѣшивалось раздраженіе, обидчивость; возмущались всякія начальнческія чувства: да какъ же смѣетъ она, эта семнадцатилѣтняя дѣвочка! да какъ же это такъ? Будетъ продолжаться подобное... а что подобное—Надежда Сергѣевна никогда съ ясностію не могла опредѣлить, и рѣшила, что это недостатокъ любви и странный характеръ. Конечно, случалось, что она и прикрякивала на Машу, и читала ей наставленія, но всегда, при всякомъ своемъ подвигѣ она спѣшила похвалиться передъ Машей, что вотъ какова я женщина, какіе я могу подвиги дѣлать.

Выходили иногда забавныя вещи. Надежда Сергѣевна давно не заботилась о своей красотѣ, — не то что, какъ говорятъ: «я не забочусь о такихъ пустякахъ, — по мнѣ хоть оспа приди — такъ я не боюсь», а между тѣмъ приди-ба оспа въ самомъ дѣлѣ, такъ вѣдь на цѣлѣй вѣкъ погубить. Нѣтъ, Надежда Сергѣевна вправду оспы не боялась, никому не желала и не искала нравиться, не собиралась замужъ и ни за что на свѣтѣ не пошла бы, — развѣ за какого нибудь необычайнаго героя, для того, чтобы отличиться, пошла бы, какъ люди на войну идутъ. Въ молодости, носились слухи, у нея была какая-то трагическая исторія, отъ которой она чуть не помѣшалась. Впрочемъ, и теперь еще старыя родственницы, наѣзжавшія къ ней разъ въ годъ изъ глуши въ какихъ-то особо устроенныхъ каретахъ, низкихъ и ши-

ровныхъ, смахивающихъ на садки, смотрѣли на нее, на всѣ ея слова и поступки недоувѣрчиво и нѣсколько иронически, и даже тогда, когда ей удавалось ублажить ихъ какимъ нибудь вниманіемъ или угодою, онѣ и тогда, желая приласкать, не могли выкинуть изъ своей рѣчи ни «сумасбродка», ни «романическая голова», а только прибавляли къ нимъ «милая» или «другъ мой». Это имѣло и свою хорошую сторону: родственницы не такъ взискивали строго съ Надежды Сергѣевны, какъ съ другихъ, болѣе состоятельныхъ, по ихъ мнѣнію, женщинъ. А онѣ были очень взискательны. Онѣ, какъ многія другія, считали за родственную измѣну, если кто осмѣливался дѣлать то, что не могли уже онѣ, или желать того, чего имъ уже не хотѣлось. Лѣтъ пять тому назадъ, Надежда Сергѣевна овдовѣла и пріѣхала изъ деревни, гдѣ постоянно безвыѣздно прожила лѣтъ десять, на житье въ городъ N. Тутъ она устроилась очень хорошо и удобно, и зажила очень спокойно и пріятно. Знакомыхъ завелось множество, и все или избранные, понимавшіе и цѣнившіе ея умъ и развитость, или плохенькіе, чудные, о которыхъ, разговаривая съ избранными, очень пріятно пожать плечами: дескать, что за чудачки! Книжки выходили все хорошія, — одна одной лучше, Катя была здорова и, хотя баловалась и порой смущала, но умѣла и хорошѣла съ каждымъ днемъ: ни откуда заботъ, ни печалей, въ общемъ итогѣ все благополучно, отрадно и какъ нельзя болѣе пріятно и весело. Конечно, не безъ мелкихъ непріятностей, не безъ маленькихъ неудовольствій, но вѣдь, говорятъ, живши и у Бога за дверью, непременно, рано или поздно, а ужъ прищепишь палецъ, — таковъ законъ жизни; но дѣло было не въ непріятностяхъ и неудовольствіяхъ случайныхъ, а въ томъ, что они осмысливались иначе — однимъ присутствіемъ Маши. Все тщеславіе Надежды Сергѣевны сосредоточилось теперь въ умѣ — и тщеславіе это было очень большое. Она ужасно любила быть умной, развитой, образованной Надеждой Сергѣевной, безъ глупыхъ предразсудковъ и безъ смѣшныхъ претензій, — Надеждой Сергѣевной съ тонкими чувствами, съ превосходнымъ чутьемъ въ поэзіи и въ музыкѣ, въ пониманіи всего высокаго и толпѣ недоступнаго, — Надеждой Сергѣевной, разумѣющей природу не хуже Гёте и не оставляющей ничего «подъ солнцемъ живыхъ безъ прѣвѣта». Все казалось отлично, еслибы на бѣду къ этому не прииѣшалась какая-то роковая страсть, удивить губернатора не только умственнымъ и нравственнымъ превосходствомъ, но и варекою съ сиреневою матовою обивкою; не только дать себя узнать въ кругу избранныхъ смѣлымъ сужденіемъ, но и растерзать сердце внягини Ахтырской, урожденной внягини Казанской,

обмѣномъ дружескихъ привѣтствій съ сенаторомъ Побѣдинимъ, у котораго жилъ въ домѣ знатный иностранецъ, былъ мраморный фонтанъ изъ розовой воды, и что ни жена — онъ былъ женатъ три раза, — то все или грузинская царевна, или русская вельможа чистой крови, что ни дочь — дочерей было семь, — то фрейлина при дворѣ. Конечно, ничто не могло сравниться для Надежды Сергѣевны съ задушевнымъ разговоромъ въ кругу своихъ избранныхъ, но также невыразимымъ наслажденіемъ для нея былъ почетъ въ кругу простыхъ смертныхъ, даже нѣсколько презрѣнныхъ смертныхъ. Ее привлекъ бы въ отчаяніе всякій непріятный случай «въ мірѣ идей», но затронулъ бы сильно и насмѣшливый взглядъ тѣхъ, о которыхъ она говорила: «Боже мой, не понимаю какъ они живутъ, до того погравли въ пошлости!» Двойственность ея проглядывалась, прорывалась во всемъ: она, напримѣръ, безъ ума была отъ великолѣпной ночи, сіяющей искрометными звѣздами, но жизнь ея была бы отравлена, еслибы кромѣ небесныхъ звѣздъ она не могла у себя въ гостиной видѣть — звѣздъ на фракахъ. Она восхищалась прудомъ, осѣненнымъ граціозно поникшими ивами, и хотѣла въ то же время, чтобы тамъ водились и караси. Вотъ изъ таковой-то двойственности и выходили забавныя, а иногда и неловкія вещи. Говорить, говорить, напримѣръ, Надежда Сергѣевна противъ «этихъ глупѣйшихъ баръ», и вдругъ появятся на ливреѣ у Еремѣя пуговицы съ такими львами и шлемами, что за версту кричатъ о благородномъ происхожденіи, и сама Надежда Сергѣевна краснѣетъ и начинаетъ сочинять неправдоподобную исторію о томъ, какъ эти пуговицы очутились у Еремѣя на ливреѣ будто бы въ угоду какой-то родственницы, «недалекой, но несчастной, одинокой и добрѣйшей старушки»; или Надежда Сергѣевна негодуетъ, негодуетъ на чиновочитаніе, и вдругъ сама принесетъ ему жертву — и опять сочинить, что это она собственно для «Льва Львовича, что Богъ ужъ съ нимъ! къ тому же разъ онъ оказалъ покойнику мужу одну изъ тѣхъ услугъ, которыя не забываются»; называетъ Надежда Сергѣевна хоть бы и ту же Анну Петровну Подлодную непріятною, а встрѣчаетъ ее какъ самую пріятную, будто бы во имя гостепрѣимства, называетъ Глафиру Федоровну Слезову дуру, а цалуетъ ее какъ самую умную — тоже во имя гостепрѣимства. Да еще и не то бываетъ: случается, назоветъ человѣка, и не безъ основанія, безчестнымъ, а жметъ ему руку и приглашаетъ къ себѣ, и его посѣщаетъ, какъ ни въ чемъ не бывало, тоже все во имя гостепрѣимства, опиралась на древнихъ славянъ, своихъ предковъ, даже на черкесовъ и на дикихъ индѣйцевъ, считающихъ гостя, хотя и врага, священною особою.

Однако, ни «недалекая, но несчастная старушка родственница», ни «Левъ Львовичъ съ одною изъ тѣхъ услугъ, которыя не забываются», ни шутки о древнихъ славянахъ, ни черкесы, ни индѣйцы, ни что не вывозило: она чувствовала тайное смущеніе и въ подобныя минуты Маша была ей что бѣльмо на глазу, хотя Маша, раза два, въ началѣ, спросивши объясненія, больше не спрашивала и никогда рѣчи не заводила, даже не бросала тѣхъ взглядовъ, которые имѣютъ привычку бросать сценическія королевы и московскія дамы.

Въ послѣднее время явилась у Надежды Сергѣевны новая напасть — это необузданность Кати, которая ее иногда зарѣзывала безъ ножа. Надежда Сергѣевна приписывала это вліанію Маши, раздражалась чрезвычайно, много разъ собиралась мѣшать ихъ сближенію, но не имѣла духу этого сдѣлать, а только волновалась и была, какъ-то приливами, то черезчуръ ласкова, то черезчуръ подозрительна и даже придиричива.

Маша и Катя застали, кромѣ Романа Аркадьевича, еще одного помѣщика изъ Костромы, смирнаго, но какого-то вепреобразнаго. Онъ сидѣлъ, облокотившись на ручки кресла, внимательно слушалъ все, чтѣ говорилось, пристально на всѣхъ глядѣлъ, и иногда, удивляясь или восхищаясь, желалъ, но никакъ не могъ поднять глаза къ небу: глаза, какъ испорченная машинка въ извѣстной всѣмъ игрушкѣ «уточки по воду бѣгутъ», только поднимались чуть-чуть и сейчасъ же опускались. Камышевы тоже были, братъ и сестра. Братъ упивался Романомъ Аркадьевичемъ, а сестра такъ и сіяла бѣлыми платьемъ, розовыми лентами, черными глазами и обворожительными улыбками. Въ этотъ вечеръ Агнеса Алексѣевна была особенно *авантюжна*. Приложила ли она къ себѣ особое стараніе во имя интереснаго пріѣзжаго, или это просто такъ Богъ ей далъ, только она была до того блистательна, что няня, глядѣвшая на нее изъ-за двери, своего любимаго мѣста наблюденія, не разъ проговорила: «Матерь божія троеручица, владычица милосердная, попускаешь же ты красоту подобную, и всѣмъ-то она разноцвѣтные глаза дѣлает!»

Катя до того была огорчена, что услышавши о вечерѣ у Павла Ивановича, не вскрикнула по своему обыновенію: «и я тоже!» съ видомъ львенка, требующаго свою часть добычи, она не сказала слова, и даже, пожимая плечами, взглянула на Машу съ выраженіемъ, которое ясно говорило: дорогая моя, мы съ тобой понимаемъ, что тутъ нѣтъ великой радости!

Маша помѣстилась въ залѣ, у окна — она приотворила окно, и струя живительнаго весеннаго воздуха пріятно освѣжала ее точно

1170 голову — и принялась вышивать по канвѣ коверъ для Надь Сергѣевны, перекидываясь словами, взглядами и ласками съ Катю.

Бата примостила кресло свое очень близко къ Машиному, присѣдилась къ ней такъ, что могла только протянувши немножко шею, цаловать Машу сколько душѣ угодно въ щеку, въ плечи и въ шею. Она цаловала Машу очень часто и съ тою горячностью и пылкостью, какія биваютъ у разсерженныхъ людей, цаловала брѣвно, раздражительно, приговаривая: «охъ, милая, какъ я набѣлась этой полгни!» и критиковала все и всѣхъ безпощадно. Попалась ей на глаза Ольга Порфировна, она проворчала: «охъ, эта граматика въ укусу!» подвернулась тѣтя Фанни, она вознегодовала: «что эта тѣтя Фанни за безобразная!» заговорила очень хорошо Надежда Сергѣевна о природѣ, она сейчасъ же рѣшила: «это мама о поляхъ и лѣсахъ не сама, а только ввучилась у Тургенева»; назвала Камышева королевичемъ Елисеємъ, котораго считала за плаксу и простофилю, и несмотря на всѣ убѣжденія Ольги Порфировны, ставила ниже братьевъ богатырей; передразнила Агнесу Николаевну, какъ она склоняетъ на сторону голову *по бизнесски*, то-есть, какъ богиня, объявила, что Романъ Аркадьевичъ ей разоправился и она не желаетъ больше видѣть его лица. О костромскомъ помѣщикѣ она даже и говорить не стала, хотя, будь въ хорошемъ расположеніи духа, она вѣрно бы замѣтила у него на лицѣ букетники волосковъ очень занимательно расположенные. Словомъ, Катя, огорченная и разстроенная, была въ томъ настроеніи духа, когда, по выраженію няни, «и любезный кумъ за собаку».

А Маша, слушая Катю и время отъ времени отвѣчая ей, думала свое. Между прочимъ, она думала о любви Полинки къ Павлу Ивановичу; о томъ, чѣмъ эта любовь кончится, что изъ этой любви выйдетъ. Будетъ сильная борьба, и что Полинку подберутъ раненую и побѣжденную, было очень вѣроятно. Машѣ вспомнилось время, когда Павелъ Ивановичъ въ первый разъ появился у нихъ, какъ она его тогда слушала! боялась слово пропустить. Какъ ждала тогда отъ него много! Ждала чего-то новаго, необычнаго. А потомъ... потомъ почему-то перестала ждать. Почему именно перестала ждать—она себя отчета яснаго не отдавала. Дѣло было похоже нѣсколько на то старое сказаніе о песчаной пустынѣ, гдѣ вдругъ встрѣчается человѣку зеленая долина, и человѣкъ, томимый зноемъ и жаждою, бѣжитъ и ищетъ источника, и думаетъ: непременно здѣсь свѣжій и чистый ключъ! и ждеть, ждеть, ждеть, а ключа все нѣтъ — и человѣкъ перестаетъ наконецъ ждать и, хотя не совсѣмъ увѣренный, что ключа

живого тутъ вѣтъ, онъ отходитъ, говоря: «однако, пора идти дальше!»

Къ концу вечера пришелъ Михаилъ Яковлевичъ. Должно быть, онъ крѣпился, не шель долго, но наконецъ-таки повончилъ тѣмъ, чѣмъ всегда въ такихъ случаяхъ кончаютъ — пришелъ. Онъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго, и хотя улыбался и отвѣчалъ на привѣтствія, но видно было, что его терзала печаль. У Маши, при взглядѣ на него, дрогнуло сердце. Когда онъ подошелъ къ ней и заговорилъ, это ее взволновало. И чѣмъ дальше, тѣмъ волненіе ея усиливалось, сердце шибче билось: «его счастье въ моихъ рукахъ!» думала она.

А кто не знаетъ чувства женщины, когда чужое счастье у нея въ рукахъ? Часто слова: «вы для меня все!» заставляютъ биться ея сердце. У всякой женщины, кромѣ того, есть вѣра во что-то чудесное въ будущемъ — и сожалѣніе, участіе, окружающая пустота, эта вѣра въ будущее, одиночество, надежда на какое-то чудо завладѣваютъ ею и часто доводятъ до любви. Такая любовь бываетъ иногда очень прочна и хороша, но отъ нея, такъ-сказать, не захватываетъ духъ, и беспокойные характеры, испытавшіе только подобную любовь, все смущаются какою-то, иногда самими несознанною тревогою, все ищутъ, все волнуются.

Катя довольно благосклонно приняла Михаила Яковлевича, хотя перестала говорить, а только вздыхала такъ, что листья трепетали на цвѣтахъ и растеніяхъ, около которыхъ они помѣщались.

«Его счастье у меня въ рукахъ!» думала Маша.

У нея вдругъ явилось желаніе лучше узнать его, явилось стремленіе полюбить его. Ее до глубины души трогали его несмѣльные слова, его почти робкіе взгляды; ей ужасно жалко стало его, сильнаго и хорошаго человѣка, отдавашагося совершенно своему чувству.

«Его счастье у меня въ рукахъ!» все думала она.

И вдругъ ее смущалъ и тревожилъ его благодарный взглядъ или слово, и она чего-то словно пугалась, умолкала.

Вечеръ прошелъ очень быстро и незамѣтно, и ей жалко было проститься съ нимъ до завтра.

А Михаилъ Яковлевичъ ушелъ въ какомъ-то чаду. Костромской помѣщикъ предлагалъ ему ѣхать вмѣстѣ, но онъ въ отвѣтъ только что не пожалъ плечами. Костромской помѣщикъ нѣсколько обидѣлся, удивился и уѣхалъ въ своей коляскѣ, а Михаилъ Яковлевичъ пошелъ пѣшкомъ, совсѣмъ опынѣвши отъ неожиданныхъ радостей.

IV.

П и с ь м о.

Утро было облачное и сырое. Вездѣ на горахъ лежалъ туманъ и точно свитогъ дымчатыхъ лентъ развѣтывался по ручьямъ монастырскаго луга, но свѣжій живой вѣтерокъ уже приподнималъ туманъ; шумъ, паденіе и журчаніе воды слышались отовсюду и яркій лучъ солнца хотъ еще не прорѣзался сквозь облака, но уже его можно было угадать за ними, по ихъ особому свѣтозарному, золотистому цвѣту.

Маша сидѣла подъ окномъ за работою, но иголку она выдергивала небрежно, пристально глядѣла на тихо стоящія деревья въ саду, разсѣянно прислушивалась къ ропоту полои воды и была задумчива и озабочена.

Въ комнату въ ней доносились разныя знакомыя звуки. За стѣною, въ дѣтской няня предсказываетъ горничной Дунѣ, смышленной и бойкой дѣвушкѣ, что не сдобровать ей, если она не ускромится, а Дуня лицемѣрно вздыхаетъ, и время отъ времени у нея вырываются такія восклицанія: «ахъ, нянюшка, да вы, ей-Богу, не такъ это поняли... ей-Богу, нянюшка... ахъ, Господи!»... Изъ классной слышны пѣвучія и унылыя увѣщанія Ольги Порфировны и живыя выкрикиванья Катя, то по поводу историческихъ лицъ, то по поводу собственныхъ необузданныхъ чувствъ; голосъ Надежды Сергѣевны раздражительно спрашиваетъ: «что съ тобою такое, Еремѣй, боленъ ты, что ли?» А унылый и упрямый Еремѣй отвѣчаетъ: «со мной ничего-съ, Надежда Сергѣевна».

Этотъ Еремѣй не мало доставлялъ мученій Надеждѣ Сергѣевнѣ. Онъ какъ-то злоумышленно положилъ себѣ быть унылымъ, являться всегда съ убитымъ видомъ, точно онъ вполне понималъ, каково это должно задѣвать развитую женщину, сочувствующую «меньшей братіи» и опасующуюся, что знакомые ея скажутъ: «да, да, толкуетъ она о меньшей братіи, а у самой какіе люди съ убитыми лицами!» Надежда Сергѣевна вслѣски старалась его побѣдить. Она даже доходила до нѣкотораго рода лести, даже пробовала пускаться въ дѣло подкупъ.

— А что твоя мать, Еремѣй? вдругъ спрашиваетъ благосклонно Надежда Сергѣевна, надѣвая салопъ, который ей подаетъ унылый, совершенно убитый Еремѣй.

— Ничего-съ, отвѣчаетъ Еремѣй, едва шевеля губами.

— Ну, что она дѣлаетъ, а? спрашиваетъ Надежда Сергѣевна еще благосклоннѣе.

— Не могу знать-съ, отвѣчаетъ Еремей, и все тотъ же у него убитый видъ!

— Еремѣй, вотъ тебѣ три рубля, говоритъ Надежда Сергѣевна, подавая ему бумажку.

Еремѣй беретъ и уныло, безжизненно и вопросительно глядитъ на Надежду Сергѣевну, держа деньги между двумя пальцами, словно ожидая, что еще прикажутъ съ ними сдѣлать.

— Это тебѣ, Еремѣй, возьми себѣ! говоритъ Надежда Сергѣевна.

— Поворно благодарю-съ, произноситъ Еремѣй, и ни одинъ мускулъ въ его лицѣ не шевелится чувствомъ — кажется, не то что три рубля, ничто въ Божьемъ мирѣ не можетъ помочь его тайному страданію.

— Да что съ тобою такое, Еремѣй? спрашиваетъ раздражительно Надежда Сергѣевна.

— Со мною, ничего-съ.

— Да какъ ничего! Ну, что такое?

— Не могу знать-съ!

Подобнымъ поведеніемъ онъ иногда чуть не доводилъ до слезъ Надежду Сергѣевну. Она нѣсколько разъ хотѣла его отправить, но ее останавливала мысль, что вотъ пойдетъ онъ къ тому-то или къ тому, начнетъ передъ нимъ безмолвно плавать — этими безмолвными слезами хуже всякихъ жалобъ осрамить... Пробовала его Надежда Сергѣевна спроводить на самыхъ выгодныхъ условіяхъ въ другую губернію—Еремѣй ни за что не соглашался и уныло, но твердо говорилъ, что будетъ жить и умереть въ городѣ N. Можно бы причислить Еремѣя къ ипохондрикамъ и дѣло съ концомъ, еслибы этому не противорѣчилъ одинъ знаменательный случай. Прекрасный, обширный садъ Надежды Сергѣевны выходилъ однимъ угломъ въ глухой переулокъ, гдѣ стояли все сбочившіеся древніе мѣщанскіе дома и красовался одинъ новехонькій, недавно выстроенный. На новенькомъ домѣ вывѣсна, изображающая большого мужчину, съ выпуклыми, какъ у раба глазами, въ синемъ сюртукѣ, въ бархатныхъ шароварахъ и миниатюрныхъ сапожкахъ, съ стаганомъ алаго вина въ рукѣ; надъ головою у него подписано мудрыми буквами: «Парфенъ Савельевъ», а внизу, подъ сапожками: «и на выносъ».

Цѣлую недѣлю въ этомъ переулкѣ очень тихо, только иногда ссорятся визгливыя мѣщанки, басомъ плачутъ какіе-то два мальчика, да алая шавка задорно лаетъ, вѣроятно отъ нечего дѣлать, потому что въ будни въ переулкѣ не показываются чужіе люди, не проѣзжаютъ другіе экипажи, кромѣ тележки съ мочеными грушами.

Но въ воскресные вечера у крыльца Парфена Савельева поднимается говоръ, смѣхъ, пѣсни, топотъ. Разъ Маша гуляла въ саду и ей пришло въ голову: «посмотрю я, что это тамъ за шумъ, какъ тамъ веселятся». Она отворила калитку, выходящую въ переулочекъ; въ переулокъ была темь совершенная, только вдали, у дома Парфена Савельева, свѣтился огонь и какія-то фигуры мелькали, вертѣлись, подпрыгивали, шумъ былъ большой. Гармоника раздирала уши какою-то плясовою пѣснью. Все тутъ было нестройно, дико и болѣзненно поразило Машу. «Это отдыхъ! это удовольствіе!» подумала она.

Но когда больно сжалось у нея сердце—такъ это тогда, когда она поискала, поискала и не нашла *иного* отдыха, *иного* удовольствія, доступнаго работнику города N. Но Маша не была изъ тѣхъ «бѣлоручекъ» и «частоплюшекъ», о которыхъ говорила строгая няня, изъ тѣхъ, которыя при видѣ непоэтическихъ, грязныхъ, грубыхъ явленій, бросаются въ сторону: пусть наши бѣдные глаза не видятъ, пусть наши деликатныя уши не слышатъ! Совсѣмъ напротивъ: если все отрадное, хорошее ее радовало, то неотразимо ее тянуло къ себѣ все безотрадное — даже порочное, даже преступное. «Здѣсь хорошо, отратно, ну и слава Богу! а здѣсь что? какъ? почему?»

У всѣхъ свѣжихъ и сильныхъ людей бываетъ, должно быть, такое чувство при встрѣчѣ съ тѣмъ, что вообще называютъ «добротъ и злотъ». Сильный и свѣжій человекъ видитъ «добро» — ну, и отлично! и спѣшитъ дальше, къ «злу», съ несомнаннымъ имъ самимъ намѣреніемъ что-то сдѣлать, что-то переимѣнить къ лучшему, что-то объяснить — съ тою предприимчивою пытливостію, съ тою безбоязненною надеждою, которую даетъ чувство собственной, хотя бы еще и не смѣренной, хотя бы еще и не сознанный силы.

Маша пошла къ домику Парфена Савельева, держась поближе къ садовой оградѣ; черезъ ограду свѣшивались вѣтвистыя старыя деревья; она, незамѣченная никѣмъ, очень близко подошла къ собравшемуся обществу. Вблизи оно ей показалось лучше, чѣмъ вдали, во все не такъ отвратительно. Правда, пьяныхъ было много, но были и трезвые люди, спокойно стоящіе тутъ, толкующіе и разсуждающіе о своихъ дѣлахъ. Молодой человекъ лѣтъ двадцати игралъ на гармоникѣ и видимо упивался и своимъ талантомъ, и всѣмъ шумомъ и гамомъ. По землѣ носилось въ присядку нѣсколько человекъ съ гитаньемъ, и между ними Маша увидала хорошія молодые лица, явно прибѣжавшія сюда отъ избытка молодого, здороваго веселья — подурачиться, попрованничать, однимъ словомъ, поплясать. Вдругъ Маша увидала знакомое лицо — лицо

Еремѣя. Онъ съ жаромъ танцовалъ въ присядку и совершенно преобразился. У Еремѣя было совсѣмъ особенное лицо: няня прозвала его ужомъ, и онъ въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно былъ похожъ на ужа, даже манера говорить походила на ужиное шипѣнье — но теперь этотъ ужъ былъ веселый, и шипѣнье его было веселое, не видать и конца смѣющемуся рту и почти до самыхъ ушей сверкають бѣлые зубы. Не больше какъ черезъ часъ послѣ этого, подавая самоваръ, онъ явился съ обычнымъ убитымъ видомъ, такъ что невольно рождалось сомнѣнiе, не во снѣ ли приснилась его пляска.

Въ это утро, когда Маша работала у окна въ своей комнатѣ, передъ нею проходило много образовъ и картинъ, между прочимъ, и картина Еремѣевой пляски; но она вглядываться не вглядывалась теперь въ эти образы и картины, такъ пропускала ихъ, безъ вопросовъ, безъ замѣчавшй, ни мысль ими не возбуждалась, ни чувство. Она вся находилась подъ гнетомъ, именно подъ гнетомъ одного недоумѣнiя: отчего она сомнѣвается, отчего она не полюбитъ Михаила Яковлевича, какъ выражается Полинъка Подкогодная, «беззавѣтно?» Отчего, отчего, отчего? Когда всѣ эти, ей самой непонятныя недоумѣнiя и сомнѣнiя пройдутъ? Откуда они берутся у нея? А хорошо бы, еслибы они прошли, а на ихъ мѣсто только бы одна любовь...

Она окончила свою работу, машинально разсматривала ее нѣсколько минутъ, потомъ сложила руки и задумалась.

Да, хорошо, еслибы прошли всѣ эти недоумѣнiя и сомнѣнiя, а на ихъ мѣсто одна бы любовь... Любить кого-нибудь, любить до того... до того, чтобы приклониться къ его плечу усталой головой и вдругъ глубоко почувствовать всѣмъ существомъ своимъ, что жизнь, несмотря на всѣ бѣды, напасти, противорѣчiя и непрочность, все-таки несравненное благо. Вотъ въ эту минуту, напримѣръ, когда всѣ горькiя и мелкiя стороны и жизни вообще, и жизни своей собственной, особенно ярко и неумолимо бросаются ей въ глаза, когда усталая голова у нея кружится отъ нерѣшенныхъ вопросовъ, необъясненныхъ явленiй, поражающихъ противорѣчiй, теперь бы, когда она недоумѣваетъ, словно ищетъ какого-то клада, который все собою долженъ ей разъяснить — теперь бы ей хорошо склонить голову къ такому плечу...

Ей представился Михаилъ Яковлевичъ, нѣжный, любящй, добрый, и — и ей его почему-то очень стало жалко. Развѣ не отрадно прилечь къ его плечу — ей, одинокой, очень одинокой дѣвушкѣ, у которой нѣтъ никого и ничего на бѣломъ свѣтѣ? О, да! конечно! Но только не почувствуешь около него, что кладъ найденъ, что послѣднее слово сказано, что жизнь великое благо...

Клады! Что́ это за кладъ? Какая-то сила особенная, которой она не находила нигдѣ...

Ей попалось на глаза Евангеліе; она раскрыла его наугадъ и стала читать.

Она наизусть знала эту книгу, но любила перечитывать знакомыя строки, встрѣчать передуманныя притчи, находить до сихъ поръ нерѣшенные вопросы. Когда-то (впрочемъ, всѣ *когда-то* ея жизни заключались въ семнадцать годовъ, которыя она прожила на свѣтѣ), когда-то это была не только любимая книга, но прибѣжище въ трудныя минуты, а трудныя минуты пришли къ ней очень-очень рано; бывало, среди бессонной ночи, наплававшись въ волю, она принималась за Евангеліе и прочитывала его отъ доски до доски, съ страшнымъ біеніемъ сердца, съ жгучимъ нетерпѣніемъ, все отыскивая чего-то, все вопрошая о чемъ-то. Иногда послѣ чтенія глубокой миръ сходилъ ей на душу, но не надолго: опять являлись вопросы, мучительные вопросы! и опять она хваталась за книгу, какъ больной за послѣднее лекарство: ну, или конецъ болѣзни, или... Часто она сокрушалась, признавала себя великой грѣшницей, ужасалась своего прилѣпленія къ земному и вдругъ отрѣшалась отъ всего земного, отрѣшалась искренно, честно, всѣмъ сердцемъ, ничуть не хуже всѣхъ прославленныхъ пустынниковъ и пустынницъ. Но и это было не на долго: скоро опять пробуждалась, и пробуждалась съ удвоенною силою, жажда жизни, дѣятельности, любви — свѣжей, живой любви, а не мертвой, отъ всѣхъ оторвавшейся, безцвѣтной любви. Отрѣшеніе отъ міра! но эта книга, говорящая объ отрѣшеніи отъ міра, сама вся преисполнена кипучей земной дѣятельности, страстной земной заботы о землѣ... На небѣ упокоеніе, или гдѣ тамъ, положимъ да, но дѣятельность, но любовь, но *главная жизнь* вѣдь это на землѣ!

Вошелъ Еремѣй и подалъ Машѣ письмо.

— Отъ Михайла Яковлевича, проговорилъ онъ.

— Что́ же, ждутъ отвѣта? спросила Маша.

— Нѣтъ-съ. Человѣкъ отдалъ письмо и ушелъ.

— Ну, хорошо. Благодарю васъ.

Еремѣй ушелъ. Маша держала письмо въ рукахъ и смотрѣла на него. Красивый ровный почеркъ нѣсколько измѣнился: должно быть, сильно дрожала рука.

Вдругъ распахнулась дверь, и Надежда Сергѣевна въ шляпкѣ, въ перчаткахъ, съ зонтикомъ въ рукахъ, влетѣла въ комнату.

— Маша, я забыла тебя спросить, не надо ли тебѣ чего въ лавкахъ, а? Я ѣду сейчасъ, а?

Надежда Сергѣевна говорила безпечнымъ тономъ, но очень хищный взглядъ бросила на письмо.

— Нѣтъ, мнѣ ничего не надо, отвѣчала Мама.

— Ничего? Ты подумай получше, какъ же это ничего!

И опять хищный, еще хищнѣе взглядъ на письмо.

— Нѣтъ, не надо ничего.

— Ну, прощай. А ты письмо получила?

— Получила.

— Отъ Михаила Яковлевича?

— Отъ Михаила Яковлевича.

— Что онъ, ко мнѣ не присылываетъ?

— Я еще не читала письма.

На лицѣ Надежды Сергѣевны очень ясно выразилось: да кто жъ тебѣ мѣшаетъ? Читай скорѣе, мнѣ очень любопытно послушать! Однако, она этого не сказала, а сказала: такъ прощай, и было-ушла, но тотчасъ же вернулась, спрашивая, не забыла ли тутъ флакончика, поглядѣла на Машу съ преласковою улыбкою и поцаловала ее очень крѣпко. Она за этимъ только и возвращалась, а исторію о флакончикѣ выдумала только для благовиднаго предлога.

Надежда Сергѣевна была очень-очень довольна; передъ глазами у нея уже мелькали разные знакомыя лица, съ разными выраженіями удивленія и зависти; ей видѣлся уже обрядъ вѣнчанія, горящая огнями церковь, величественный отецъ Елисей въ своей парадной ризѣ со шлейфомъ, ей слышались шумныя поздравленія, говоръ, и на ея лицѣ выражалось столько удовольствія, что какакто согбенная старушка, мимо которой она проѣхала, съ завистью проводила ее глазами и проговорила: экъ тебѣ радости-то привалило!

А Мама между тѣмъ распечатала письмо и стала читать.

Вотъ это письмо:

«Я васъ люблю и долго не могъ собраться съ духомъ сказать вамъ. Не отвергайте меня, прошу васъ, подождите. Позвольте мнѣ чаще видѣть васъ, чаще говорить съ вами, позвольте мнѣ писать къ вамъ. Не отвергайте меня, погодите, пусть хоть годъ пройдетъ. Я такъ люблю васъ, что не боюсь ни мученій ожиданія, ни мученій неизвѣстности, ни даже самого страшнаго исхода. Чтò бы ни вышло, чтò бы ни случилось: послѣ счастья вашей любви, у меня одно остается въ жизни—видѣть васъ. Счастіе вашей любви! Я не могу себѣ ясно представить, чтò это такое, меня охватываетъ сладкій ужасъ, я теряюсь. Я встрѣчалъ въ жизни другихъ женщинъ и любилъ многихъ, но то все были обыкновенныя любви, съ условными счастьями, съ условными огорченіями — любовь къ вамъ, кака она иная! Цѣлое море неизвѣданнаго въ мысли и въ чувствѣ, и

некогда остановиться посмотреть, что пережито, как пережито, новыя сокровища сыплются на голову и дух захватываетъ. Бывало, любя, я строилъ разные планы въ жизни; теперь не могу, не умѣю. Я не знаю, какъ-бы я сталъ охранять и беречь васъ; я только чувствую, что готовъ для васъ и жить, и умереть. Я не знаю, чѣмъ я могу сдѣлать вашу жизнь краше и лучше. То, что для другихъ необходимо, того вамъ вовсе не надобно; то, что для другихъ отрадно, то вамъ тяжело, а что для другихъ нестерпимо, то, можетъ, вамъ въ радость будетъ. Бывало, любя, я устраивалъ въ мечтахъ уютное гнѣздышко для любимой женщины, окружалъ ее всею поэзіею, даже мысленно устанавливалъ любимыя книги и цвѣты, предпринималъ далекія путешествія, уединенныя прогулки, представлялъ себѣ вечера вдвоемъ, чтеніе вмѣстѣ, сбирался удалиться отъ нея всякое безпокойство и огорченіе, всякую трудность въ жизни, носить ее на рукахъ, укрывать ее собою отъ всякой бури, чтобы и вѣтерокъ не пахнулъ, а теперь совсѣмъ не то. Я тогда ждалъ милаго гостя, а теперь я чаю божество. Я не могу примѣнить всей этой условной поэзіи къ вамъ, къ вамъ она непримѣнима, къ вамъ непримѣнимо условное. Я чувствую себя какимъ-то жалкимъ, униженнымъ и безсильнымъ передъ вами, какъ передъ богиней, которой ничего не могу дать, кромѣ того, что дается простымъ невѣстамъ — эмалевыя часы, удобно устроенное существованіе и неумѣлая преданность. Научите меня, что мнѣ дѣлать—я все сдѣлаю, что вы захотите. Что еще сказать вамъ? Я люблю васъ, вы для меня все въ жизни»...

Въ это время дверь стала тихонько приотворяться, а въ дверь тихонько просовывалась голова тѣти Фанни въ мелкихъ букляхъ, въ чепчикѣ съ лиловыми лентами.

Жизнь тѣти Фанни сложилась похоже на то, какъ складывается жизнь многихъ пожилыхъ дѣвицъ: обожаніе ея обратилось на чудотворца Воронежской Губерніи, Тихона Задонскаго, любовь—на попавшуюся подъ руку родственницу Надежду Сергѣевну, и на трусливую, злую, безобразную бѣлую собачку Мушку, а дѣятельность—на разныя рукодѣлья изъ бисера, шерсти и бумаги. Надъ всѣмъ же этимъ господствовала и всѣмъ этимъ управляла одна страсть—страшное любопытство. Когда эта страсть развѣгивалась, тѣтя Фанни могла забыть о молебнѣ Тихону Задонскому, могла поссориться съ Надеждой Сергѣевной, высѣчь Мушку, и бывали примѣры, что въ пылу нетерпѣнія, она топтала ногами или разрывала въ клочки рукодѣлья, на которое посвятила цѣлые мѣсяцы самой прилежной и усидчивой работы и заботы.

— Ахъ, Машенька! проговорила тѣтя Фанни:—можно къ тебѣ войти?

И вошла, и притворила тщательно дверь за собою. Глаза у нея горѣли, лицо, шея, руки, все это поалѣло отъ волненія, точно она только что вышла изъ теплой ванны съ горчицей. Даже голосъ у нея нѣсколько дрожалъ.

— Ахъ, Машенька! я право тебѣ помѣшала, ты вѣдь письмо читаешь... такое интересное! Я, впрочемъ, къ тебѣ на минуточку... Ты читай, Маша, вѣдь я все знаю... ей-богу, я все знаю давно, а только я молчу, потому что... Читай же, Маша!

— Послѣ прочту, отвѣчала Маша.

— Ну, что ты скрытничаетъ, Маша? Вѣдь клянусь тебѣ, я все знаю...

Главная уловка у тѣти Фанни—это увѣрить, что она все знаетъ и, приведя въ замѣшательство такимъ коварнымъ увѣреніемъ, вырвать признаніе. Но эта уловка никогда почти ей неудается, потому что тѣти Фанни ужь черезчуръ запальчиво, слишкомъ страстно принимается за дѣло и на своихъ же собственныхъ коварствахъ проваливается, какъ на весеннемъ льду: неожиданно, мгновенно и безпомощно.

— Я все знаю, Маша, милый мой другъ, читай! Ты меня не остерегайся... Я все знаю. Ты не вѣришь, что я знаю? Ты недовольна, что я знаю?...

— Нѣтъ, отвѣчала Маша: — за что же мнѣ тутъ быть недовольной?

— Да вѣдь ты ужасная скрытница, Маша! Ахъ, мой другъ! мнѣ ты все можешь довѣрять, все! Я вѣдь тебя на рукахъ носила! Ну, читай же. Мнѣ пріятно послушать, какъ онъ объясняется. Одно только условіе, Маша: начинай поскорѣе и кончай поскорѣе, мнѣ некогда.

Тѣти Фанни тутъ опять думала схитрить и повернула такъ, будто уже рѣшено было читать вмѣстѣ.

— Я не могу вамъ читать этого письма, отвѣчала Маша. Она сказала это спокойно, мягко, но непреклонно. Тѣти Фанни быстро заморгала и сдѣлалась совсѣмъ пунцовая отъ огорченія.

— Ну! заговорила она: — ну! не ожидала я, Маша! И къ чему таяться? Богъ тебѣ судья! Время тебѣ покажетъ! ты неопытна... Я вовсе не любопытна... Увидимъ... въ священномъ писаніи сказано...

— Подумайте, такъ увидите, что я тутъ не виновата, сказала Маша. — Мнѣ жаль, что я васъ огорчаю. Еслибы я могла, я бы не огорчала.

При этихъ словахъ тѣти Фанни утратила послѣднюю надежду и ушла, говоря безсвязныя рѣчи, въ которыхъ только и можно было разобрать, что: хорошо... благодарю... со временемъ...

Маша опять вздась за письмо...

«Я вашъ; дѣлайте со мною, что хотите. Вы все можете. Я вижу, чувствую, что вашъ идеалъ совсѣмъ особенный, но скажите, чего вы желаете? Научите меня, что мнѣ дѣлать? Да, научите! Хотя я вдвое старше васъ, но вы можете научать. Вы неопытны, ничто еще вами въ жизни не извѣдано, но вы можете! Развѣ силѣ надо опытность, надо умѣнье? Она сила — и учить. Узнайте меня, узнайте какъ я люблю васъ. Позвольте мнѣ говорить съ вами, писать къ вамъ. Что надо дѣлать, скажите? За что бы вы могли полюбить человѣка?»

«Моя жизнь чиста, не запятнана даже ни единымъ случайнымъ проступкомъ; съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, я никому не сдѣлалъ зла, ни даже сильнаго огорченія; на сколько возможно, я пытался, я старался дѣлать добро; скажите, что еще надо дѣлать, куда идти, что исполнить? Одинъ вашъ взглядъ—и я все сдѣлаю, всюду пойду. Еслибы эти умные, незабвенно-умные глаза на меня обратились! Еслибы эти плѣнительныя уста сказали мнѣ...»

Дальше шло повтореніе того же. Маша нѣсколько разъ перечитала письмо съ начала до конца, оперлась головою на руку и стала думать.

Ее поразили эти слова: «моя жизнь чиста, не запятнана ни однимъ, даже невольнымъ, случайнымъ проступкомъ; съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, я никому не сдѣлалъ зла, ни даже сильнаго огорченія; на сколько возможно, я пытался, я старался дѣлать добро».

Передъ этимъ она перечитывала евангеліе и развернула на страницѣ сказыаніе о добродѣтельномъ богачѣ. *Вся сія сохранилъ отъ юности моя*, промелькнуло у нея въ мысли, и сердце забилось еще сильнѣе.

Евангельскій добродѣтельный богачъ былъ старый знакомый. Много надъ нимъ было передумано. Молодая, сильная, пытливая, она сейчасъ же взяла его, какъ говорится, за бѣлую руку и примѣнила къ живой, настоящей жизни, каковъ онъ тутъ, на что, при чемъ? Что эта за *богатая* добродѣтель? Какъ это *никому никогда огорченія*? Это проводить жизнь съ улыбкой на устахъ, въ мягкомъ настроеніи духа, сегодня тихо погрузить при закатѣ солнца, завтра благодушно обрадоваться торжеству какой-нибудь истинки въ хорошенькой рамкѣ; подчасъ умилиться и отереть слезу; подчасъ слегка понегодовать, жить благочестиво въ свое полное удовольствіе, думать съ отрадою о наградахъ, однимъ словомъ, печь пироги на весь міръ, а если придется къ дѣлу жизни—пойдти прочь и заплакать. И еще заплакать!

Какъ молнія все это у нея промелькнуло въ мысли и она, точно испуганная и пораженная, долго оставалась неподвижною съ

письмомъ въ рукахъ. Потомъ медленные, обильныя, очень горькія слезы стали катиться по ея лицу. У нея не вырвалось ни одного рыданія, даже лицо ея было тихо и спокойно, но всякій, самый недалновидный человѣкъ, сказалъ бы, что эти слезы не будутъ простыя, безслѣдныя дѣвичьи слезы.

— Ахъ, Надежда Сергѣевна, сказалъ встрѣтившій ее въ лавкахъ отставной генералъ, остроумный человѣкъ: — вы летаете на крыльяхъ удовольствія! И точно, Надежда Сергѣевна и летала и домой прилетѣла на крыльяхъ удовольствія и, все на тѣхъ же крыльяхъ, влетѣла къ Машѣ. Заставши ее въ слезахъ, она сейчасъ же растрогалась и понесла о томъ, что слезы понятны, что все понятно, мѣшала Машѣ плакать по крайней-мѣрѣ съ часъ, потомъ оставила ее и, втайнѣ очень довольная тѣмъ, что какъ это все выходитъ интересно, и любовь, и слезы, и богатый женихъ, и возвышенныя чувства—принялась ходить взадъ и впередъ по залѣ и напѣвать какую-то русскую унылую пѣсню, уносясь мечтами въ самое плѣнительное будущее. Тѣтя Фанни то и дѣло подходила къ ней и заговаривала. Надежда Сергѣевна имѣла жестокость отвѣчать ей загадочно, неопредѣленно. Въ домѣ уже всѣ узнали о полученномъ письмѣ. Ольга Порфировна глядѣла на Машу, какъ глядятъ всѣмъ обдѣленные люди на тѣхъ, кому судьба благоприятствуетъ и талантъ служить — съ нѣкоторымъ укоромъ, что вотъ вамъ что; а мнѣ ничего, а я не хуже, да ужъ такова несправедливость; ну, дай вамъ Богъ! съ нѣкоторою тоже подозрительностію, что не безъ коварства тутъ съ вашей стороны, что неправными путями вы себѣ это захватили! Конечно, все это тонуло въ удовольствіи отъ счастья и удачи близкаго существа, тонуло, но не утопало. У няни мелькала время отъ времени усмѣшка на губахъ, усмѣшка очень пролическая и веселая, и она что-то даже выразила очень похощее на торжество, когда на восклицаніе Дуни: «ахъ, вотъ счастье нашей Марьѣ Григорьевнѣ» отвѣтила: «не все жъ ангелы хвалу поютъ, подтягиваютъ имъ и простые голоса». Ката ничего не говорила, но съ участіемъ все слушала и разъ, подойдя къ Машѣ, вдругъ прильнула губами къ ея рукѣ, и сейчасъ же хотѣла убѣжать, но Маша ее удержала. Тогда Ката обняла ее крѣпко на крѣпко и попросила рассказать, *какъ должно*, что все это значить.

— Послѣ, Ката, теперь не говорится, отвѣтила Маша.

— Ну послѣ, сказала Ката. И еще крѣпче поцаловала Машу и оставила ее одну.

Въ домѣ всѣ Машу очень любили, хотя она не могла дѣлать подарковъ и даже никогда не говорила особенно пріятныхъ словъ, хотя обращеніе ея нельзя было назвать ласковымъ, а

только серьёзнымъ, не обиднымъ и всегда одинаковымъ. Всѣ къ ней имѣли полное довѣріе и стояли за нее, какъ за какую-то добрую силу, которую никакое барство въ свѣтѣ не въ состояніи ни смирить, ни подавить. Даже Еремѣй, и тотъ оживился, и только къ вечеру ему удалось опять напустить на себя всегдашній свой убитый видъ.

VII.

Со временемъ!

Рѣшено было отправиться къ Павлу Ивановичу въ 7 часовъ вечера. Уже въ 6 часовъ Надежда Сергѣевна, одѣтая очень дорого и просто, прохаживалась по комнатамъ въ веселомъ нетерпѣніи. Тѣтя Фанни показывалась то въ гостиной, то въ залѣ, нароча проходя около большихъ зеркалъ и бросая туда тревожные взгляды на свою юбку: то ей казалось, что правый бокъ виситъ; то ей казалось, что виситъ лѣвый. Какъ только тѣтя Фанни куда-нибудь собиралась, у нея тотчасъ же являлся цѣлый рой мучительныхъ сомнѣній насчетъ какой-нибудь части ея туалета; она начинала ихъ высказывать, надоедала всѣмъ, обижалась этимъ, отставала, терзалась втайнѣ, шла въ гости исполненная смутенія и приходила туда разстроенная.

— Катенька, сказала она Катѣ, смиренно и мрачно стоявшей въ залѣ у притолки: — что это мнѣ кажется, правый бокъ у меня виситъ? а?

— Охъ, какъ виситъ! отвѣчала Катя съ жестокою улыбкою.

— Неужели?

И тѣтя Фанни начала вертѣться передъ зеркаломъ какъ дровишъ.

— Такъ виситъ, Катенька?

— О, виситъ!

— Я такъ и знала!

Вошла Ольга Порфировна, въ черномъ платьѣ и съ коралловымъ крестикомъ на шеѣ и съ алыми пятнами на блѣдномъ лицѣ.

— Ахъ, дружокъ мой, Ольга Порфировна! посмотрите, какъ у меня правый бокъ виситъ!

— Нѣтъ!

— Ахъ, да вы, мой другъ, не видите! Поглядите хорошенько!

— Это вамъ кажется.

— Ахъ, не кажется!

— Бокъ виситъ! зловѣще проговорила Катя.—Это Ольга Порфировна только утѣшаетъ, что онъ будто не виситъ...

— Катя, вы вѣчно съ шалостями, съ укоромъ проговорила Ольга Порфировна.

— Всегда мнѣ говорить съ шалостями, когда я правду говорю! еще зловѣщѣ прошептала Катя. — Богъ у тѣти Фанни виситъ!

Тѣти Фанни то присѣдала, то подсказывала передъ зеркаломъ.

— Фанни, ты опять прыгаешь передъ зеркаломъ! сказала, проходя по залѣ, веселая и довольная Надежда Сергѣевна.

— Ахъ, сестрица, да вотъ богъ виситъ...

— А гдѣ же Маша? спросила Надежда Сергѣевна. — Готова она? Маша! Маша! готова ты?

Маша вошла и сказала: «я готова».

Надежда Сергѣевна съ нѣкоторымъ безпокойствомъ взглянула, какова она, *интересна ли*, какъ говорится въ городѣ N. — но сейчасъ же успокоилась и осталась очень довольна ея видомъ: Маша была блѣдна, правда, но это было какъ нельзя больше встать. И этотъ отгѣвкозъ грусти тоже встать.

«Только бы ей немножечко еще растрепать волосы!» подумала Надежда Сергѣевна, и съ такимъ умысломъ будто пригладила, а на дѣлѣ растрепала на сколько возможно Машѣ волосы. Точно такъ же воровски она поправила ей поясъ и воротничокъ. Очень хорошо. Она почувствовала къ Машѣ приливъ веселой нѣжности и поцаловала ее въ лобъ, говоря: «яснокая моя!» Потомъ погладила по шеѣ, сказавши: «нухъ лебязій!»; потомъ, обнявши за талию, игриво сказала: «пальма!»

Маша легкимъ движеніемъ плечъ освободилась отъ нея. Ей почему-то эти ласки пришлись очень не по душѣ съ самаго начала, а потомъ даже показались какъ-то оскорбительны.

— Ахъ ты, дикари! сказала ей, нѣжно улыбаясь, Надежда Сергѣевна.

Пришелъ Романъ Аркадьевичъ, а за нимъ слѣдомъ братъ и сестра Камышевы.

— Идемъ! Идемъ! вскрикнула Надежда Сергѣевна съ увлеченіемъ.

И пошли.

Катя шла рука объ руку съ Машею; Ольга Порфировна съ тѣтей Фанни поодаль; впереди всѣхъ Надежда Сергѣевна подъ руку съ Романомъ Аркадьевичемъ, а за ними Камышевы. Надежда Сергѣевна, Романъ Аркадьевичъ и Агнеса Алексѣевна говорили о томъ, какова жизнь должна быть; разговоръ у нихъ велся очень живой, такъ что Алексѣй Алексѣевичъ никакъ не могъ вставить слово, какъ ни держалъ его наготовѣ: только и удавалось ему что время отъ времени ахнуть.

— Наслажденія не дадутся тому, кто служитъ истинѣ, доносился до Маши голосъ Романа Аркадьевича.

— Страдать такъ и страдать! доносился голосъ Надежды Сергѣевны.

— Я не хочу мертваго спокойствія, а лучше пусть бури приходятъ, доносятся голось Агнесы Алексѣевны.

— Наступить иная жизнь...

— Тогда будемъ бороться....

— Вольнѣе вдыхнемъ...

Они миновали нѣсколько темныхъ улицъ, освѣщенныхъ только свѣтомъ, падавшимъ изъ щелей неплотно закрывавшихся ставень, да мерцаніемъ звѣздъ. Въ иныхъ дворахъ раздражительно лаяли цѣпныя собаки; въ садахъ громко пѣли соловьи.

— Ахъ, соловей! соловей! нѣсколько разъ вскрикнула Надежда Сергѣевна.

— Чудная ночь! сказалъ Романъ Ареадѣвичъ.

— Прекрасная погода! вдругъ для всѣхъ неожиданно вскрикнула тѣтя Фанни.

Наконецъ добрались до дома купчихи Жабочки, гдѣ жилъ Павелъ Ивановичъ. Ворота на затворѣ, калитка настежь, а въ калиткѣ стоитъ большая черная корова и смотритъ пристально на улицу. Романъ Ареадѣвичъ хотѣлъ ее прогнать, но корова не двинулась, а только съ угрожающимъ видомъ мотнула головой. Надежда Сергѣевна отшатнулась и захлопнула калитку. Тѣтя Фанни прозвительно взвизгнула. Стали стучать и звать дворника. Никто не отзывался и не откликался очень долго. Наконецъ откуда-то издалека начало приближаться лѣтнее пѣніе, сопровождаемое лѣтнимъ подергиваніемъ гармоники. Стали стучать и звать еще громче, но это нисколько не помогло. Точно такъ же медленно и лѣтнею разносилось по двору и приближалось: «ахъ, я оставилъ, я повинулъ домъ родителейъ моихъ», точно такъ же лѣтнею и медленно подергивалась гармоника; можно было подумать, что пѣвецъ не идетъ по зову, а плыветъ по какому-нибудь тихому заливу въ лодкѣ, по волѣ теченія, отдавшійся безпечному наслажденію колыхаться на волнахъ.

Наконецъ лодка таин-подъѣхала къ калиткѣ, послышалось: «пошла, Чернуха!» и вслѣдъ затѣмъ калитка отворилась, появился бородастый дворникъ, и мужественный голось, въ которомъ, однако, можно было узнать голось, пѣвшій дискантомъ, спросилъ:

— Кого вамъ?

— Что жъ ты не отворяешь? вскрикнула Надежда Сергѣевна.

— А вотъ и отворилъ!

— Входите, сказалъ Романъ Ареадѣвичъ обществу. — Здѣсь живетъ Павелъ Ивановичъ?

— Здѣсь три Павлы Иванычи живутъ, отвѣчалъ небрежно дворникъ.

Ясно было, какъ день, что онъ не считалъ ни одного изъ трехъ важною птицею.

— Павелъ Ивановичъ Протасовъ?

— И Протасовъ есть.

— Какъ пройти къ нему?

— Да извѣстно, какъ ходить...

— Послушай, любезный, ты не можешь ли отвѣчать толковѣй, когда тебя спрашиваютъ? сказалъ Романъ Аркадьевичъ и, не смотря на скромный оборотъ рѣчи, сказалъ такъ внушительно, что дворникъ тотчасъ почувалъ, что передъ нимъ благородный человекъ, встрепенулся и вдругъ перемѣнилъ тонъ, голосъ, хватку и всю фигуру; даже борода, какъ будто у него свернулась и утратила свой объемъ и величiе.

— Ахъ, ей-богу, темно-то какъ! зги не видать! Не распозналъ-съ! Пожалуйте-съ.

— Ахъ, корова! пролепетала тѣтя Фанни...

— Не извольте беспокоиться! Пожалуйте-съ! говорилъ онъ скороговоркою, и повелъ ихъ черезъ широкій дворъ къ темному крылечку, потомъ темнымъ узкимъ коридоромъ направо, по дорогѣ добылъ изъ кармана огарокъ, на ходу его засвѣтилъ, въ концѣ коридора показалъ обветшавшую дверь и сказалъ съ прiятностью: «вотъ они, здѣсь-съ!»

За дверью слышались мужскiе голоса, и когда Романъ Аркадьевичъ отворилъ дверь, три головы выглянули изъ тускло освѣщенной комнаты въ темную прихожую.

— Это мы... къ вамъ... въ гости... проговорила Надежда Сергѣевна радостнымъ голосомъ.

Павелъ Ивановичъ ахнулъ и выбѣжалъ со свѣчой въ рукѣ. Двѣ высокiя фигуры остались во мракѣ. Началось привѣтствiе. Павелъ Ивановичъ былъ изумленъ, растроганъ и обрадованъ до-нельзя, всѣмъ очень вѣжливо жалъ руки и всѣмъ смущенно улыбался.

— Кто у васъ? шепнула ему Надежда Сергѣевна.

— Любимъ Николаичъ, и...

— А! Это развитой... помѣщикъ изъ Калуги, скороговоркой шепнула она Роману Аркадьевичу:—а другой?

— Амосовъ.

— А! это добрѣйшiй, честнѣйшiй... Я о немъ слышала.

Всѣ вошли въ прiемную комнату.

Надежда Сергѣевна сейчасъ же привѣтствовала дружескию развитого помѣщика изъ Калуги и познакомила его съ Романомъ Аркадьевичемъ. Г. Амосовъ, о которомъ Надежда Сергѣевна слышала, что добрѣйшiй, честнѣйшiй и умнѣйшiй, былъ представленъ ей и всѣмъ прочимъ.

Развитой помѣщикъ изъ Калуги былъ очень большой и массивный мужчина, бѣлокурый, съ надушенной бородой. Эта борода не только кругомъ облекала его лицо, но лѣзла ему въ самые глаза. Лицо у него было какое-то недоразвившееся: глаза точно еще не совсѣмъ раскрылись, черты не ясно обозначились. Одѣтъ онъ былъ такъ безукоризненно, что это въ глаза бросалось, и смотрѣлъ на всѣхъ и на все пристально и подозрительно, точно ждалъ вездѣ и отовсюду засады.

А господинъ Амосовъ былъ изъ тѣхъ людей, о которыхъ всѣ говорятъ: «какое умное и выразительное лицо». Время идетъ, ума никакого не показывается, но впечатлѣніе при его видѣ всегда пріятное.

Всѣ разсѣлись по мѣстамъ и Павелъ Ивановичъ, поглядывая на всѣхъ, старался вести пошутливый разговоръ о томъ, какъ трудно добраться къ нему, въ его берлогу. Романъ Аркадьевичъ отшучивался деликатно и мягко. Надежда Сергѣевна сидѣла сложа руки и, нѣсколько сбочивши голову, глядѣла на Павла Ивановича умиленнымъ взоромъ, будто говоря: ты дорогой страдалецъ! я понимаю тебя!

При этомъ надо сказать, что и тутъ двойственность Надежды Сергѣевны проявлялась: она и жалѣла его, и очень ей было пріятно, что именно въ такомъ положеніи находился жалѣемый, что волновалъ ее сердце; такъ что, превратись вдругъ вся эта его убогая обстановка въ иную, въ лучшую для него, она бы ужасно этимъ была поражена непріятно, и онъ тотчасъ же потерялъ бы для нея половину своей цѣны, если не всю цѣну и прелесть.

Ольга Порфиревна сидѣла, глядѣла на него и, казалось, думала: «онъ знаетъ горе! онъ знаетъ униженіе. Онъ великъ!» Агнеса Алексѣевна улыбалась очень трогательно и сочувственно, но предпочла бы или понарядный комнату, или повеликолѣпный хозяина: въ этотъ вечеръ онъ, хозяинъ, какъ-то вдругъ у нея въ глазахъ понизился, и какъ это иногда бываетъ — она сама еще не знала чѣмъ — такъ повказался вдругъ хуже — вотъ и все. Тѣтя Фанни одеревенѣла въ уголку, и ее можно бы принять за ее собственную чучелу, еслибы она не моргала безпрестанно. Камышевъ готовъ былъ плавать отъ удовольствія. Катя, все еще въ мрачномъ настроеніи, смиренно держалась около Маши.

Маша входила сюда съ томительнымъ сжатіемъ сердца. Ей казалось несправедливымъ, нехорошимъ вламываться цѣлою праздною гурьбою къ бѣдному человѣку. Чтò это такое? Войдя, она почувствовала радость, что не такъ у него плохо, какъ она думала и представляла; но скоро это чувство удовольствія перешло въ чувство самой тяжелой грусти и ей по

казалось, что эта сносная бѣдность хуже самой голодной и холодной бѣдности. Комната оклеена сѣрыми запыленными обоями, на обояхъ изображены какія-то синія вазы съ двумя тонкими перехватами, наполненныя красными цвѣточками. На одной стѣнѣ висѣла гравюра съ картины Делароша «Мученица», на другой стѣнѣ висѣлъ видъ моря при восходѣ солнца. Кромѣ плохихъ ненадежныхъ стульевъ, стояли по угламъ низенькіе темные диванчики. Они застали Павла Ивановича за чаемъ, тусклый самоваръ глухо шипѣлъ на узкомъ длинномъ столѣ, гдѣ было разбросано нѣсколько книгъ, въ кучу сдвинуты бумаги, беспорядочно исписанныя, точно писалъ человѣкъ урывками, безъ связи. На столѣ стояли три налитые стакана чаю, сухари и хлѣбъ въ лубочной коробкѣ и табашница съ сигарами и съ папиросами. Ужасно все это показалось Машѣ безцвѣтно, безжизненно. Эта комната не носила на себѣ никакого отпечатка живой дѣятельности, никакого признава спѣшной работы; съ своимъ глухимъ резонансомъ и затхлымъ запахомъ она напоминала погребъ, гдѣ сложены старыя запасы.

Павелъ Ивановичъ предложилъ имъ чай, замѣтилъ, что чай у него плоховатъ, улыбнулся, прибавилъ, что бѣдность — не порокъ, и ушелъ къ хозяйкѣ просить чайныхъ приборовъ.

— Ахъ, какой это чудный человѣкъ! вскрикнула Надежда Сергѣевна ему вслѣдъ.

— Чудный человѣкъ! мягко и пѣвуче проговорилъ Романъ Арядьевичъ.

— О! это геній! вослибнула Камышевъ, который плохо зналъ мѣру и въсь, и отсыпалъ, что попадетса и сколько случитса.

Развитой помѣщикъ изъ Калуги тоже хотѣлъ что-то сказать, но онъ всегда желалъ сказать умнѣе всѣхъ, старался, пугался и опаздывалъ въ бѣльшей части случаетъ.

Амосову было не до словъ: его видимо поразила съ первой встрѣчи красота Агнесы Алексѣевны, и онъ весь былъ ею поглощенъ. Агнеса Алексѣевна замѣтила это съ живымъ удовольствіемъ, потому что и она, съ своей стороны, была поражена его умнымъ лицомъ и выразительными, страстными глазами.

Павелъ Ивановичъ возвратился съ словами: «разгоревалъ!» Та же улыбка у него была на лицѣ и тотъ же тонъ голоса, смущенно-шуточный.

За нимъ вошла рабая, какъ рѣшето, хозяйка, въ розовомъ платьѣ, и внесла на подносѣ чайныя чашки разныхъ формъ и величинъ, звонко и неприятно пропѣла «здравствовать желаю», потомъ точно такъ же пропѣла «прошенъя просимъ», и скрылась.

Павелъ Ивановичъ очень неловко принался-было разливать чай.

— Дайте, я разолью чай — вы не умѣете, сказала Надежда Сергѣевна: — ваше ли это дѣло? добавила она восторженно, подойдя къ самовару, схватила Павла Ивановича за руку, крѣпко пожала ее и занялась разливаньемъ чаю.

Павель Ивановичъ отошелъ и сѣлъ въ сторонѣ.

Именно была та минута, когда всѣ собирались говорить, но никто еще не собрался — та тяжелая минута, когда у самыхъ находчивыхъ и развязныхъ людей рты точно вдругъ наглухо заклеились и всякій чувствуетъ, что, преодоливъ онъ эту нѣмоту, непременно скажетъ что-нибудь нестати и не въ пору.

— Вы обратите вниманіе на эти чашки, сказалъ Павель Ивановичъ. — Каковы надписи!

Онъ подошелъ и сталъ читать надписи на чашкахъ: «въ знакъ любви», «въ знакъ подарка», «въ знакъ удовлетворенія», «въ знакъ мира» и проч.

Всѣ очень желали придраться къ этимъ надписямъ, развеселиться и завести разговоръ, но это не вышло. Чувствовалось, что хозяину, того и гляди, разбередишь то или другое болельное мѣсто нечаянно и неожиданно, и всякій опасался и принималъ на себя поскорѣе тотъ сочувственно-сдержанный виль, который въ такихъ случаяхъ благополучиѣ всего съ рукъ сходить.

— Какой онъ бѣдный! шепнула Катя Машѣ.

— Да, отвѣчала ей Маша.

А между тѣмъ, вопреки жгучему состраданію, Маша чувствовала, что все могло бы быть иначе! Да, совсѣмъ иначе! — несмотря на рябую хозяйку, на чашку «въ знакъ любви» и на темные диванчики въ видѣ гробовыхъ насыпей.

Наконецъ, кое-какъ выплыли, и честь этого подвига принадлежала Роману Арвадьевичу.

Затронули *вопросы*, хозяинъ воспламенился. Поднялись восклицанія разныя и комната наполнилась шумомъ.

— Истинная ярмарка была — спать не дали! говорила на другой день рябая хозяйка своей сосѣдкѣ.

Когда пришелъ Михаилъ Яковлевичъ, его въ пылу преній не замѣтилъ никто, кромѣ Маши. Она не участвовала въ разговорѣ и, къ тому же, думала о немъ и ждала его. Катя, наводновавшись вдоволь, уснула на подоконникѣ; тѣтя Фанни задремала въ своемъ уголку; остальные всѣ разсуждали. Амосовъ какъ-то незамѣтно перебрался изъ-за стола, откуда, казалось, нельзя пробраться, не раздвинувши всего кружка, и сидѣлъ уже въ пол-аршинѣ разстоянія отъ Агнесы Алексѣевны.

Михаилъ Яковлевичъ подошелъ къ Машѣ и сѣлъ около нея. Когда они взглянули другъ на друга, они оба безъ словъ по-

или, она — его вопросъ, онъ — ея отвѣтъ. Но въ такихъ дѣлахъ недостаточна увѣренность, что угадалъ, а хочется перевести это на слова — не для большей увѣренности, а просто для того, чтобы эти слова услышать.

— Вы позволите мнѣ видать васъ?

— Да.

— И писать вамъ?

— Да.

Его лицо озарилось тѣмъ свѣтомъ нерѣшительнаго счастья, который такъ трогаетъ и волнуетъ ту, въ чьихъ рукахъ казнить или мловать.

— Ахъ, Михаилъ Яковлевичъ! вы пришли! мягко. пѣвуче воскликнулъ Романъ Аркадьевичъ, и всѣ обратились къ Михаилу Яковлевичу съ привѣтствіями. Надежда Сергѣевна многозначительно сжала ему руку обѣими руками. Всѣ опять заговорили, и онъ вмѣшался въ общій разговоръ.

Маша смотрѣла на него, слѣдила за его рѣчью, за его движеніями, за выраженіемъ его лица. Какъ все въ немъ было безупречно и стройно! Ни приторной мягкости, ни нескромной безцеремонности — пріятно и легко становилось всякому въ его присутствіи. Машѣ даже показалось, что и хозяину полегчало съ его приходомъ, что онъ, никому незамѣтно, съумѣлъ приподнять его выше...

Подъ конецъ вечера Павелъ Ивановичъ такъ былъ доволенъ и одушевленъ, какъ уже давно не бывалъ. Онъ вдругъ подошелъ къ Машѣ и сказалъ ей:

— Не красна моя хата, Марья Григорьевна, а и тутъ бывають добрыя минуты!

— Для добрыхъ минутъ красныхъ стѣнъ не надо, отвѣтила Маша.

Онъ давно не говорилъ съ нею, не подходилъ къ ней и держалъ себя какъ-то особенно сдержанно, будто оскорбленный, легкомысленно непризнанный человѣкъ.

Онъ, въ самомъ дѣлѣ, считалъ себя и оскорбленнымъ и легкомысленно непризнаннымъ. Въ первое время ихъ знакомства, въ самое блестящее время его вліянія и славы на вечерахъ, когда всѣ ему въ глаза глядѣли, она была не удовлетворена, не успокоена, недовольна. Онъ ее такъ любилъ, а она его не полюбила, даже не оцѣнила. Онъ рѣшился отдалиться, и отдалился, и до этого вечера ни разу не измѣнилъ своему рѣшенію. Но въ этотъ вечеръ душа у него разыгралась и, отъ быстрого перехода отъ непріятныхъ ощущеній къ пріятнымъ, онъ какъ будто немного опьянѣлъ. Переходъ случился неожиданно и нечаянно, и

онъ, какъ бѣднякъ, голодный, негаданно получившій червонецъ, вдругъ откинулъ прежнюю мнительность и гордость, и сталъ прицѣпляться къ тысячному дому, въ надеждѣ на какія-то будущія блага.

— Марья Григорьевна, чѣмъ завоевывается счастье? Чѣмъ покупается? Не любовью вѣдь, не страданіями? Чѣмъ же?

— Я не знаю, чѣмъ, отвѣчала Маша. — Должно быть, какою нибудь силою.

— Силою?

— Да. Я другого слова не нахожу, не знаю, какъ лучше выразиться.

— А познають ли ее, эту силу? Не пугаетъ ли она? Не бѣгутъ ли отъ нея, повидая ее на жертву той нестерпимой жаднѣ, той жаднѣ, для утоленія которой человѣкъ открываетъ собственную жилу и пьетъ собственную кровь?

Маша спохватилась. Она знала, что эти витіеватыя, неясныя притчи приводили къ недоразумѣніямъ. Въ былое время не разъ случалось, что общіе отвѣты и разсужденія онъ принималъ за частныя намеки и за личныя интересы. Она теперь боялась всякой неясности и спросила:

— Чтѣ вы хотите сказать этимъ?

Онъ какъ будто смутился нѣсколько, нѣкоторое время не находилъ, чтѣ отвѣтить, потомъ сказалъ:

— Другіе люди, можетъ быть, слишкомъ пристрастны ко мнѣ, но вы — вы ко мнѣ несправедливы!

Онъ не далъ ей времени отвѣтить, отошелъ и вмѣшался опять въ общій разговоръ.

Разговоры длились до поздней ночи. Обо всемъ на свѣтѣ переговаривали, обо всемъ на свѣтѣ переспорили, и всѣ почувствовали усталость — какую-то, такъ-сказать, безпечную усталость, дѣтскую — вотъ какъ бываетъ у дѣтей, когда они бьютъ-бьютъ по водѣ хлыстомъ и, наконецъ, руки у нихъ утомятся и опустятся.

Въ N-скомъ монастырѣ уже ударили къ заутрени, когда гости уходили отъ Павла Ивановича. Тѣтя Фанни твердила: «ахъ, тутъ на дворѣ черная корова!» — «Вонъ она! вонъ она! какая рогатая!» вскрикивала Катя, которую не могъ усмирить ни одолаживающій сонъ, ни сердечныя огорченія. «Наступить время!» мягко пѣлъ Романъ Аркадьевичъ. «Придетъ часъ!» восторженно провозглашалъ Павелъ Ивановичъ. Агнеса Алексѣевна обращалась къ Амосову съ словами: «чему же и посвятить жизнь, если не добру, не истинѣ?» — «О, да!» отвѣчалъ Амосовъ, думая не о добрѣ и истинѣ, а о самой Агнесѣ Алексѣевнѣ. Ольга Порфировна одиноко вздыхала и терзалась общимъ равнодушіемъ къ себѣ. Камышевъ сыпалъ всякія слова, какія только попадались на языкъ; развитой помѣщикъ изъ Калуги губилъ себя мучительными усиліями отличиться какимъ нибудь необыкновенно умнымъ выраженіемъ, а пока только глухо мычалъ. Надежда Сергѣевна и восклицала, и шептала, и вздыхала, и

радостно смѣялась — однимъ словомъ, тѣшилась до-сыта. Всѣ вмѣстѣ они подняли немалый шумъ во дворѣ, и въ отдаленномъ углу какіе-то, видно еще безтолковые, но презадорные щенята принялись неистово лаять, кружась на одномъ мѣстѣ и кусая другъ друга.

Михаилъ Яковлевичъ шелъ рядомъ съ Машею и спросилъ:

— Развѣ вамъ будущее не кажется свѣтло и хорошо?

А она отвѣчала:

— Все будущее — а настоящее? Все сборы одни!

Проводивши гостей, Павелъ Ивановичъ медленными шагами воротился въ свою комнату.

Онъ было-разговорился, одушевился, но, когда остался одинъ, все это одушевленіе у него пропало, и онъ точно проснулся отъ какого-то волшебнаго сна.

— Какое одиночество! проговорилъ онъ. — Веселая публика удалилась, и вотъ я одинъ!

Не въ первый разъ онъ почувствовалъ, что былъ для «веселой публики» чѣмъ-то въ родѣ актѣра; не въ первый разъ смутно связалось ему и то, что публика уже попривыкла къ нему, что вмѣсто прежнихъ восторженныхъ удивленій и восхищеній, фамильярно треплетъ его по плечу. «О, люди, люди!» съ глубокимъ огорченіемъ говаривалъ онъ въ такіа минуты, старался и почти всегда успѣвалъ утѣшиться сознаніемъ собственной цѣнны и доброты. Но теперь въ первый разъ онъ почувствовалъ, что самъ-то себѣ онъ не находитъ опредѣленнаго и точнаго имени. Чтò онъ такое? Чтò такое его трудъ? Гдѣ его трудъ? Гдѣ — не плоды — а хоть слѣды этого труда? Много, много говорено, но чтò сдѣлано? На чтò пошла вся предпріимчивость и смѣтливость? Куда потрачены свѣжія силы?

Уныніе, сомнѣніе, упадокъ духа — все это было ему не новость. Онъ закурилъ сигару, сталъ ходить изъ угла въ уголъ по комнатѣ и старался думать о другомъ. Но инныя мысли привязываются упорно и ничѣмъ ихъ не отогнать. Напрасно старался онъ обратить свои думы на суету мірскую, на несправедливость и мелочность людскую — мысль о себѣ точно впиалась и ничѣмъ онъ не могъ ее разсѣять; напрасно онъ твердилъ: «суета суетъ и всяческая суета!» хода быстрыми шагами изъ угла въ уголъ — онъ не могъ ее заглушить, она все становилась отчетливѣе и переводилась на слова: «мнѣ скоро тридцатьшесть лѣтъ и я до сихъ поръ не приложилъ двухъ здоровыхъ рукъ къ дѣлу! Я все время только пронадѣялся! Я все думалъ — вотъ не нынче — завтра! вотъ — вотъ! Современемъ!»

Ему вдругъ стало очень горько на эту, обманувшую его надежду. Какъ эта надежда тѣшила его, какъ ослѣпляла и какъ жестоко подвела!

Онъ тряхнулъ головою, подошелъ къ окну, отворилъ его и старался слушать соловья, который заливался въ хозяйскомъ садикѣ, но мысль его все бѣжала дальше, все забирала глубже

и вдругъ двѣ слезы выкатились у него изъ глазъ, за ними еще двѣ, и еще.

«Я честно служилъ добру, твердилъ онъ самъ себѣ точно въ какое-то извиненіе и оправданіе. Я и страдалъ за него, и радовался имъ... Мнѣ не въ чемъ упрекнуть себя... не въ чемъ...»

Но горечь, безпокойная, тревожная горечь, все тѣснѣе подступала ему къ сердцу и слезы бѣжали все обильнѣе и горячѣе.

— Какое одиночество! прошептала онъ, приклоняясь головою къ оконной рамѣ и закрывая глаза.

Не чувство одиночества, а чувство собственной несостоятельности его душило. Въ эту минуту онъ не испытывалъ той потребности личнаго счастья, которую и онъ, и всѣ обдѣленные счастьемъ испытываютъ — его терзала невозможность осознать, такъ-сказать, схватить выработанное его трудомъ или мыслию, невозможность сказать себѣ: вотъ черта — я ее провелъ! Все у него въ жизни шло и прошло между рукъ безслѣдно и ничего у него не осталось.

Онъ испытывалъ чувство, очень похожее на то, какое испытывалъ первое время, когда любилъ Машу безъ взаимности. Тогда ему казалось, лишь бы только разъ прижать ее къ своей груди и легко послѣ будетъ и умереть, и жить. Теперь ему казалось, лишь бы ухватиться за что нибудь *дѣловое* въ своей жизни, и какъ бы онъ возродился! Дѣло не въ удачѣ, не въ чужомъ одобреніи, только бы себѣ самому сказать: вотъ моя борозда! Не надо торжества, ни радостей — ничего кромѣ собственнаго сознанія: я то-то сдѣлалъ!

«Великія открытія! Новыя истины!» Онъ съ горечью пожалъ плечами, и слезы опять заструились у него по лицу. «Да кому же это удастся? Гдѣ эти міровые двигатели у насъ?»

Онъ походилъ по комнатѣ, какъ усмиренный звѣрь по клѣткѣ, и опять подошелъ къ окну.

«Однако... Однако, заслуги мои все-таки велики... Я выше тысячъ людей — выше неизмѣримо, но... но... О, еслибы прежняя сила да свѣжестъ! Я бы иначе пошелъ... Теперь мысль какъ-то неповоротлива стала, смирна...»

«Это ничета меня задавила!» проговорилъ онъ, и нѣсколько разъ повторялъ, долго и тупо смотря въ одну темную точку въ хозяйскомъ садикѣ и лова слухомъ перекаты соловьянаго пѣнія.

Когда стала заниматься заря, онъ вздохнулъ, провелъ рукою по лицу, бросился на диванъ и скоро заснулъ тяжелымъ сномъ.

На другой день онъ проснулся очень поздно, въ крайне дурномъ расположеніи духа, и сейчасъ же ушелъ въ гости къ Роману Арвадьевичу, гдѣ былъ устроенъ завтракъ, собралось десятка полтора «хорошихъ» людей и гдѣ много всѣ они, а больше всѣхъ Павелъ Ивановичъ, толковали, разсуждали и шумѣли.

ВЫБОРЪ.

Ночка сегодня морозная, ясная.
Въ горѣ стоитъ надъ рѣкой
Русская дѣвица, дѣвица красная,
Щупаетъ прорубь ногой.
Тонкій ледокъ подъ ногою ломается,
Вотъ на него набѣжала вода;
Царь водяной изъ воды появляется,
Шепчетъ: «бросайся, бросайся сюда!
Любо здѣсь!» Дѣвица, зову покорная,
Вся наклонилась къ нему.
«Сердце покинетъ кручянушва черная,
Только разовъ обойму,
Прянь!»... И руками къ ней длинными тянется...

Синіе льды затрещали кругомъ,
Дрогнула дѣвица! Ждетъ — не оглянется —
Кто-то шагаетъ, идетъ прямокомъ.

«Прянь! Будь царицею царства подводнаго!»...

Тутъ подошелъ воевода Морозъ:
— Я тебя, я тебя, вора негоднаго!
Чуть было дѣвку мою не унесъ! —
Бѣлый старикъ съ бородою пушистою
На воду трижды дохнулъ,
Прорубь подернулась ворочкой льдистою,
Царь водяной подо льдомъ потонулъ.

Молвилъ Морозъ: не топнися, красавица!
Слезь не осушишь водой,
Жадная рыба, рѣчная пиявица,
Тамъ твой нарушать покой;
Тамъ зашекотятъ тебя водяные,
Раки вопьются въ высокую грудь,
Ноги опутаютъ травы рѣчныя.
Лучше со мной эту ночь побудь!

Къ утру я горе твое успокою,
 Сладкія грезы его усыпять,
 Будешь ты также пригожа собою,
 Только красивѣе дамъ я нарядъ:
 Въ бѣломъ вѣннѣ голова засіяетъ
 Завтра, чуть красное солнце взойдетъ. —

Дѣвица берегъ рѣки покидаетъ,
 Къ темному лѣсу идетъ.

Сѣла на пень у дороги: ласкается
 Къ ней воевода-старикъ.
 Дрогнется — зубы колотять — зѣвается —
 Вотъ и заврыла глаза... забывается...
 Вдругъ разбудилъ ее Лѣшаго крикъ:

«Дѣвонька! встань ты на рѣвныя ноги,
 Долго Морозко тебя протомить.
 Спалъ я и слышалъ давно: у дороги
 Кто-то зубами стучить,
 Жалко мнѣ стало. Иди-ка за мною,
 Что за охота всю ноченьку ждать!
 Да и умрешь — тутъ не будетъ покою:
 Станутъ оттаивать, станутъ качать!
 Я заведу тебя въ чашу лѣсную,
 Гдѣ никому до тебя не дойти,
 Выберемъ, дѣвонька, сосну люблю...»

Дѣвица съ Лѣшимъ рѣшилась ийти.

Идутъ. На встрѣчу медвѣдь попадаетъ,
 Дѣвица вскрикнула — страхъ обуялъ...
 Хохотомъ Лѣшаго лѣсъ наполняется:
 «Смерть не страшна, а медвѣдь испугалъ!
 Экой лѣсокъ, что ни дерево — чудо!
 Дѣвонька! глянь-ка, какіе стволы!
 Глянь на вершины — съ синицу оттуда
 Кажутся спящіе лѣтомъ орлы!
 Темень тутъ вѣчная, тайна великая,
 Солнце сюда не доносить лучей.
 Буря възграетъ — ревушая, дивая —
 Лѣсъ не подумаетъ кланяться ей!
 Только вершины поропшутъ тревожно...
 Ну, полѣзай! подсажу осторожно...
 Любовь тебѣ, дѣвица, лѣсъ вѣковой!
 Съ каждаго дерева бросаться можно
 Внизъ головой!»

Н. НЕКРАСОВЪ.

НАКАЗЪ

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ

О СОЧИНЕНИИ ПРОЕКТА НОВАГО УЛОЖЕНІЯ.

Въ прошедшемъ году исполнилась столѣтняя годовщина со времени изданія императрицею Екатериною «Наказа о сочиненіи проекта новаго уложенія». День этотъ не былъ замѣченъ нашимъ обществомъ и не былъ отличенъ никакимъ особеннымъ торжествомъ, а онъ стоилъ бы нашего національнаго торжества во всякомъ случаѣ болѣе, чѣмъ, напримѣръ, юбилей Шекспира, имѣвшаго самое ничтожное значеніе въ исторіи нашего развитія. Ибо день изданія «Наказа» былъ днемъ нашего дѣйствительнаго вступленія въ европейскую жизнь, нашего внутреннаго пріобщенія къ европейской цивилизаціи, днемъ, въ которой русскіе въ первый разъ получили право именоваться не *сиротами*, какъ они называли себя прежде въ официальныхъ актахъ, а гражданами. Пётръ только вырвалъ азіатскій идеалъ, насильственно вдавленный въ христіанское государство окровавленными руками Ивана IV-го. Разрушая дѣло насилія, онъ былъ поставленъ въ необходимости дѣйствовать почти такими же сильными средствами, какими дѣйствовалъ и Иванъ IV. И первый русскій царь и первый русскій императоръ — оба принесли въ жертву по смыслу въ основу двухъ разныхъ своихъ завѣтовъ. И хотя эти одинаковыя, повидимому, жертвы были безконечно различны по своимъ цѣлямъ, ибо одинъ дѣйствовалъ во имя произвола и насилія, другой во имя закона и правды, гѣмъ не менѣе европейская цивилизація въ рукахъ Петра выглядывала какимъ-то страшнѣйшемъ среди его азіатскихъ пріемовъ и орудій. Екатерина въ своемъ «Наказѣ» въ первый разъ совлекла съ нея этотъ страшный образъ и представила ее въ привлекательномъ для всѣхъ видѣ, начертавъ вполне планъ того величественнаго зданія,

которое должно было воздвигаться на мѣстѣ, расчищенномъ Петромъ. Выполненіе этого плана, приложеніе идей, изображенныхъ въ «Наказѣ», къ нашему законодательству и усвоеніе ихъ общественною мыслию и дѣятельностію — вотъ чтó составляетъ съ того времени лучшую сторону нашей государственной и общественной дѣятельности. Еслибы назадъ тому сто лѣтъ великая жена не издала своего безсмертнаго «Наказа», то нѣтъ никакого сомнѣнія, что не только мы, но и наши дѣти, быть можетъ, не увидѣли бы еще тѣхъ великихъ преобразованій, какія совершились въ наши дни. Но и теперь, когда совершились эти преобразованія, мы прошли только значительную часть екатерининской программы, но далеко еще не исчерпали ея содержанія, въ особенности если будемъ разсматривать ее не въ ея внѣшнемъ только объемѣ, но въ ея духѣ и направленіи.

Многимъ можетъ показаться страннымъ, что мы даемъ такое великое значеніе нѣсколькимъ лоскуткамъ бумаги, на которыхъ набросаны были безсвязно, на скорую руку, разныя *мечтательныя* идеи, то-есть именно то, чтó мы называемъ «Наказомъ», идеи, которыя въ свое время не нашли, повидимому, никакого признанія ни въ законодательствѣ, ни въ учрежденіяхъ, ни въ жизни, и которыя стоятъ въ большемъ или меньшемъ несоотвѣтствіи съ послѣдующими воззрѣніями и дѣятельностію самой императрицы.

Но тѣ, которые думаютъ подобнымъ образомъ, забываютъ, что болѣе или менѣе такова бываетъ участь всякой идеи, являющейся въ первый разъ въ обществахъ. Ее обыкновенно пренебрегаетъ, осмѣиваетъ, преслѣдуетъ большинство и знамя ея несутъ только немногіе избранники. Такъ часто смѣняется много поколѣній до того времени, пока новоявившаяся идея успѣваетъ достигнуть общаго признанія и торжества. Но время непризнанія и преслѣдованія идеи не есть погибшее для нея время, напротивъ, это есть время ея роста и распространенія. Пока зерно лежитъ въ землѣ, до того времени никто не видитъ его роста и развитія. Однакожъ, еслибъ зерно не было брошено въ землю и не развивалось въ ней невидимо ни для кого, то не было бы никакого восхода на нивѣ и не было бы жатвы. Такъ точно всякую великую идею общество первоначально должно долго вынашивать въ своихъ нѣдрахъ незримо для дѣтей суеты и пошлости, пока она созрѣетъ и дастъ замѣтный для всѣхъ уже восходъ и плодъ. Еслибы «Наказъ», назадъ тому сто лѣтъ, не бросилъ новаго европейскаго идеала въ нашу жизнь, къ достиженію котораго направились съ того времени всѣ усилія нашихъ лучшихъ людей и въ правительствѣ и въ

обществѣ, то движеніе современной европейской цивилизаціи нашло бы еще менѣе сочувствія въ нашемъ обществѣ, чѣмъ оно находитъ теперь, и либеральныя учрежденія нынѣшняго царствованія остались бы также непонятыми нами или бездѣйственными въ своемъ примѣненіи къ жизни, какъ они остались бы бездѣйственными и непонятыми у бухарцевъ или кокандцевъ.

Идеаль, начертанный въ «Наказѣ», данномъ императрицею, былъ очень высокъ. Императрица хотѣла новыми законами, составленными подъ вліяніемъ этого идеала, дать табулю полноту счастья своему народу, какою не пользуется ни одинъ народъ въ мірѣ. «Все сіе — писала она, между прочимъ, въ заключеніе своего «Наказа» — не можетъ понравиться ласкателямъ, которые по вся дни всѣмъ земнымъ обладателямъ говорятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены. Однакожь, мы думаемъ, и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа и по сей причинѣ мы обязаны говорить о вещахъ такъ, какъ онѣ быть должны. Ибо, Боже сохрани! чтобъ послѣ окончанія сего законодательства былъ какой народъ больше справедливъ и слѣдовательно, больше процвѣтающъ на землѣ; намѣреніе законовъ нашихъ было бы несполнено: несчастіе, до котораго я дожить не желаю!» (ст. 520). И въ самомъ дѣлѣ, въ «Наказѣ» вошло все, что было тогда придумано лучшаго избраннѣйшими умами для государственнаго и общественнаго благоустройства; въ основу его легли новыя человѣчныя начала, выработанныя философіею XVIII столѣтія. Въ свое время «Наказъ» гуманностію и либеральностію своихъ воззрѣній привелъ въ изумленіе всю Европу, а во Франціи, при первомъ появленіи своемъ, былъ даже запрещенъ, какъ книга опасная для тогдашней французской политики. Но уже по одному этому можно судить, какъ начертанный въ «Наказѣ» идеаль былъ мало понятенъ для современнаго ему русскаго общества, которое хотя и было одѣто въ европейскіе кафтаны, но въ образѣ мыслей даже во многихъ изъ лучшихъ своихъ представителей, друзей петровской реформы, ушло еще слишкомъ недалеко отъ котошихинскихъ воззрѣній. Естественно, что вскорѣ по обнародованіи «Наказа» должна была обнаружиться вся неудобносполнимость, и даже совершенная невозможность пракческаго приложенія его началъ. Сама императрица, по мѣрѣ ближайшаго своего знакомства съ дѣлами управленія, съ людьми, ее окружавшими, съ состояніемъ русскаго общества, вообще должна была встрѣчать все болѣе и болѣе затрудненій въ осуществленіи своихъ первоначальныхъ идеаловъ, и постоянно уступая дѣйствительности, стать, наконецъ, въ своей дѣятельности въ извѣстное съ ними несогласіе.

Многіе, основываясь на томъ, что царствованіе Екатерины представляеть мало похожаго на то, что она обѣщала въ своихъ первыхъ манифестахъ и въ особенности своемъ «Наказѣ», думаютъ, что императрица Екатерина дѣлала все это не искренно, для одного тщеславія, что она давала свои обѣщанія съ тѣмъ, чтобъ никогда ихъ не исполнять.

Мы никакъ не можемъ согласиться съ такимъ мнѣніемъ. Мы вѣримъ, какъ вѣрили и всѣ современники, что императрица Екатерина давала свои обѣщанія вполне искренно, что первоначально она была совершенно убѣждена въ осуществимости тѣхъ идеаловъ, которые впоследствии признала неосуществимомъ мечтою. Мысль, что учрежденія и законы, основанные на философскихъ идеяхъ, могутъ сдѣлать народъ счастливымъ, была тогда болѣе или менѣе общею всюду въ Европѣ и существовала при многихъ дворахъ. «Философъ на тронѣ» былъ идеаломъ того времени. Фридрихъ II, современникъ императрицы, гордился именемъ вѣнчаннаго философа. Императрица можетъ быть болѣе, чѣмъ кто-нибудь изъ современныхъ ей монарховъ, имѣла право смотрѣть на себя, какъ на воспитанницу философіи. Мать ея была ревностная почитательница Вольтера. Сама она съ 17-ти лѣтъ начала читать Вольтера и воспиталась на философскихъ твореніяхъ. Творенія эти составляли вообще и впоследствии любимое ея чтеніе. Могла ли натура такая пылкая, воспримчивая, одаренная самою пламенною фантазіею, какова была натура императрицы Екатерины, не увлечься грандіозною мыслию доставить счастье своему народу — мыслию, осуществленіе которой философія признавала вполне возможнымъ? Юной принцессѣ ангальтъ-цербстской, едва вступившей на престолъ, полной силы, вѣри въ себя, чувствовавшей свое нравственное превосходство надъ всѣмъ ее окружающимъ, недопускавшей и тѣни возможности своей внутренней зависимости когда бы то ни было отъ чьей бы то ни было воли, могло казаться нетолько вполне возможнымъ, но и очень легкимъ, то, что впоследствии, по разнымъ обстоятельствамъ, показалось нетолько очень труднымъ, но и вполне невозможнымъ императрицѣ.

И дѣйствительно пересматривая замѣтки, писанныя Екатериною въ то время, когда она была еще великою княгинею и не могла думать о самостоятельномъ царствованіи, замѣтки, которыя она набрасывала, между дѣломъ, для себя собственно, ибо между разными замѣтками серьезнаго содержанія, здѣсь встрѣчаются и замѣтки мелочныя; интересовавшія лично Екатерину, напримѣръ, о садкахъ и средствахъ для сбереженія устриць—мы видимъ, что уже въ это время идеаль монарха предносился ей

въ тѣхъ же самыхъ чертахъ и съ тѣми же самыми стремленіями и идеями, которыя потомъ мы находимъ развитыми въ «Наказѣ» въ полномъ ихъ очертаніи и ясности.

Приведемъ здѣсь нѣкоторыя изъ этихъ замѣтокъ.

«Общественное уваженіе пріобрѣтается не саномъ или не должностію; ничтожество лица, облеченнаго извѣстнымъ саномъ или должностію, унижаетъ самое мѣсто, такъ точно, какъ достоинство другого возвышаетъ мѣсто имъ занимаемое, и никто безъ исключенія не въ состояніи избавиться отъ общественнаго суда, выражающаго или презрѣніе или уваженіе. Если вы хотите этого уваженія, пріобрѣтите себѣ довѣріе, основывая все ваше управленіе на истинѣ и благѣ общества. Если при этомъ природа одарила васъ полезными талантами, вы сдѣлаете блестящую карьеру и избѣгнете того смѣшнаго положенія, въ которое ставятъ великій постъ людей безъ всякихъ достоинствъ, обнаруживая ихъ ничтожество».

«Власть безъ довѣрія націи ничто для того, кто желаетъ быть любимымъ и хотеть славы. Онъ всячески постарается пріобрѣсти себѣ это довѣріе: для этого поставьте правиломъ всѣхъ вашихъ дѣйствій, всѣхъ вашихъ постановленій благо націи и справедливость, которыя всегда неразрывны между собою. Вы не будете имѣть и не должны имѣть никакого другаго интереса. Если ваша душа благородна, вотъ ея цѣль».

«Тотъ, кто не уважаетъ достоинствъ, самъ не имѣетъ ихъ; тотъ, кто не ищетъ достоинствъ и не умѣетъ находить ихъ, не достоинъ и не способенъ царствовать».

«Я не желаю, я не хочу ничего, кромѣ блага страны, въ которой меня поставилъ Богъ; онъ мнѣ въ томъ свидѣтель. Слава страны есть моя слава, вотъ мой принципъ; и я была бы слишкомъ счастлива, еслибы мои идеи могли тому содѣйствовать».

«Рабство есть гражданская язва, убивающая соревнованіе, индустрію, искусства, науки, честь и счастье».

«Противно христіанской религіи и справедливости дѣлать рабами людей (которые рождаются всѣ свободными). Соборъ даетъ свободу всѣмъ крестьянамъ (бывшимъ прежде рабами въ Германіи, Франціи, Испаніи и проч.); обнародовать вдругъ свободу всѣмъ, значило бы вооружить противъ себя всѣхъ поземельныхъ собственниковъ, полныхъ упорства и предрасудковъ. Но вотъ средство легкое. Постановить, что на будущее время всякій можетъ пріобрѣтать землю подъ тѣмъ лишь условіемъ, что со времени пріобрѣтенія земли новымъ владѣльцемъ, всѣ рабы должны дѣлаться свободными, и такъ-какъ въ теченіе сотни лѣтъ пере-

иѣнятся всѣ, или по крайней-мѣрѣ большая часть землевладѣльцевъ, то вотъ и свободный народъ».

Къ подробному развитію и извѣщенію этихъ своихъ мыслей въ «Наказѣ» императрица была вызвана необходимостію. Вотъ какъ императрица въ своемъ разсказѣ о первыхъ пяти годахъ своего царствованія разясняетъ причины, заставившія ее предварительно изданія законовъ, приняться за изложеніе общихъ началъ и идей законодательства и своихъ воззрѣній на этотъ предметъ. «Въ первые три года царствованія моего—пишетъ она—усмотрѣвъ изъ прошеній мнѣ подаваемыхъ, изъ сенатскихъ и разныхъ коллегій дѣлъ, изъ сенаторскихъ разсужденій и прочихъ многихъ людей разговоровъ не единообразны объ единой вещи установленныя правила, что законы по временамъ сдѣланные (въ соотвѣтствіе тогдашнихъ умовъ расположенія), многимъ казались законами противорѣчащими, и что всѣ требовали и желали, дабы законодательство было приведено въ лучшій порядокъ—изъ сего вывела я у себя въ умѣ заключеніе, что образъ мыслей вообще, да и самый гражданскій законъ не можетъ получить направленія инако, какъ установленіемъ полезныхъ для всѣхъ въ имперіи живущихъ и для всѣхъ вообще вещей правилъ, мною писанныхъ и утвержденныхъ. И для того я начала читать, потомъ писать Наказъ комисіи уложенія. Два года я читала и писалъ, не говоря о томъ полтора года ни слова, послѣдую единственно уму и сердцу своему съ ревностнѣйшимъ желаніемъ пользы, чести и счастья имперіи и чтобы довести до высшей степени благополучія всякаго рода живущихъ въ ней, какъ всѣхъ вообще, такъ и каждаго особенно. Предуспѣвъ по мнѣнію моему довольно въ сей работѣ, я начала казать по частямъ статьи мною заготовленныя, людямъ разнымъ, всякому по его способности» и проч. Далѣе императрица разсказываетъ объ отзывавъ, какіе дѣлали о ея «Наказѣ» разные лица, и о томъ, какъ предварительная комисія, назначенная по ея выбору, изъ собравшихся депутатовъ для разсмотрѣнія «Наказа», вымарала его на половину. Наконецъ сказавъ о пользѣ, какою доставила ей собранная изъ депутатовъ комисія для составленія уложенія, императрица заключаетъ свой разсказъ краткимъ указаніемъ на ту пользу, которую принесъ составленный ею «Наказъ», въ этой комисіи и вообще для общества: «Наказъ» комисіи уложенія—говоритъ она—ввелъ единство въ правила и въ разсужденія, не въ примѣръ болѣе прежняго: стали многіе о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, а не яко слѣпые о цвѣтахъ. По крайней-мѣрѣ стали знать волю законодавца и по оной поступать» *.

* «Библи. Записки». 1861 г. III, стр. 510. «Руск. Арх.» 1865 № 4.

Потребность новаго законодательства стала чувствоваться со времени Петра Великаго, и чѣмъ далѣе, тѣмъ съ каждымъ днемъ дѣлалась все болѣе и болѣе настоятельно. Выявнуть въ это дѣло сама, императрица увидала, что изъ разнородной массы узавовъ и постановленій, данныхъ въ разное время и имѣвшихъ характеръ чисто казуистическій, создать никакого стройнаго законодательства было невозможно. Главное, чего недоставало для новаго законодательства — это единства началъ, единства возрѣвній — каждый старый законъ и постановленіе носили на себѣ печать *умовъ расположенія*, какъ выражается императрица, своего времени. Но императрица видѣла, что этого единства началъ и возрѣвній не существуетъ и въ живомъ, современномъ ей обществѣ, по отсутствію всякаго болѣе или менѣе объединяющаго умы образованія. Различныя фракціи, на которыя русское общество распалось со времени Петра, были такъ противоположны другъ другу по образу своихъ мыслей, что отъ нихъ было невозможно ожидать какаго бы ни было соглашенія по разнымъ предметамъ законодательства. Раскольникъ во многомъ также бы рѣзко сталъ противорѣчить истинно православному, придерживающемуся старинки, какъ послѣдній сталъ бы противорѣчить поклоннику петровской реформы, а всѣ они, хотя и не въ одинаковой степени, отнеслись бы неблагопріятно къ идеямъ, принесеннымъ новымъ царствованіемъ. Необходимо было указать общія начала законодательства, которыя бы, сдерживая въ предѣлахъ партикуляризмъ фракцій, развивали и объединяли умы и служили имъ руководствующею нитью при разработкѣ разныхъ законодательныхъ вопросовъ. Проницательный умъ императрицы весьма справедливо рѣшилъ, что не только гражданскій законъ, но и *самый образъ мыслей* ея поданныхъ не можетъ иначе получить *поправленіе, какъ установленіемъ общихъ для всѣхъ и относительно всѣхъ вещей правилъ, ею самою изданныхъ и утвержденныхъ*. По различнымъ причинамъ собраніе депутатовъ не выполнило законодательной задачи, для которой оно было создано. Но уже при его первоначальныхъ работахъ императрица имѣла удовольствіе видѣть, что трудъ ея надъ составленіемъ наказа былъ не безплоденъ, что наказъ былъ годенъ къ той дѣлу, для которой былъ написанъ: *всеюсъ единство въ правилахъ и въ разсужденіяхъ*, говоритъ она, *не стримиръ болѣе презрѣно, стали многіе о цѣптахъ судить по цѣптахъ, а не яко слѣтне о цѣптахъ...* Но это было только началомъ того развивающаго и объединяющаго дѣйствія на умы, какое суждено было имѣть наказу въ нашемъ законодательствѣ и обществѣ.

Что императрица сначала имѣла полную вѣру въ свои идеалы,

что она была убѣждена въ возможности ихъ осуществленія, это доказывается многими первоначальными дѣйствіями ея царствованія, отъ начинанія которыхъ, если не предположить въ ней полной искренности, она не могла ожидать для себя ничего, кромѣ вреда въ будущемъ, и отъ начинанія которыхъ должно было бы удержать ее простое благоразуміе.

Немедленно по восшествіи на престолъ императрица издаетъ манифестъ, въ которомъ не только не скрываетъ произведеннаго ею печальнаго переворота, напротивъ рассказываетъ полную его исторію — и затѣмъ прямо говоритъ, что она самымъ дѣломъ доказаетъ, что она достойна любви того народа, для котораго почитаетъ себя возведенною на престолъ и потому *наиторжественнѣйше* обѣщаетъ своимъ императорскимъ словомъ узаконить такія государственныя установленія, по которымъ бы правительство любезнаго отечества въ своей силѣ и принадлежащихъ границахъ теченіе свое имѣло такъ, чтобы и въ потолки каждое государственное мѣсто имѣло свои предѣлы и законы съ соблюденію добраго во всемъ порядка, и тѣмъ уповаетъ *предохранить* цѣлость имперіи и самодержавной власти, бывшимъ несчастіемъ нѣсколько испроверженную, а *прямымъ вѣрноусердствующимъ своему отечеству* снова вывести изъ униженія и оскорбленія.

Черезъ 12 дней послѣ этого манифеста, именно 18-го іюля 1762 года послѣдовалъ второй манифестъ о лихоимствѣ, въ которомъ изображая самыми яркими красками жалкое состояніе правосудія въ имперіи отъ низшихъ до самыхъ высшихъ правительственныхъ мѣстъ, императрица снова упоминаетъ о томъ переворотѣ, посредствомъ котораго она взошла на престолъ и говоритъ, что этотъ самый переворотъ долженъ служить залогомъ, что она не потеряетъ ни въ комъ лихоимства, что для совершеннаго ею переворота не было бы никакого оправданія, если и въ ея царствованіе не будетъ правды въ судахъ.

19-го октября того же года послѣдовалъ указъ объ уничтоженіи тайной канцеляріи. Объяснивъ въ началѣ указа, что въ основанію этого учрежденія побудили Петра-Великаго только особенныя случайныя обстоятельства и грубые еще нравы того времени, императрица говоритъ, что послѣ него существовавіемъ этой канцеляріи *только подавался способъ злымъ, подлымъ и бездѣльнымъ людямъ или ложными затѣями протягивать вдаль за служеніями или казни и наказанія, или же злостными клеветами обносить своихъ начальниковъ и неприятелей. Мы — продолжаетъ императрица — послѣдуя нашему челоуколюбію и милосердію, и прилагая крайнее стараніе, не только неповинныхъ людей отъ напрасныхъ арестовъ, а иногда и самыхъ извѣстныхъ защитить,*

но наче и самимъ злоправнымъ пресечь пути къ приведенію въ дѣйство ихъ ненависти, мщенья и клеветы, а подавать способы къ ихъ исправленію — повелѣваемъ: тайнымъ розыскнымъ дѣлъ канцеляріи не бытъ и оную соевсмъ уничтожить, а дѣла, буде иногда такія случатся, кои до сей канцеляріи принадлежали бы, смотря по важности, разсматривати и рѣшени будутъ въ сенатѣ.

11-го февраля 1763 года императрица остановила манифестъ Петра III о вольности дворянъ и назначила особенную комисію для разсмотрѣнія крестьянскаго дѣла, и только слишкомъ черезъ двадцать лѣтъ, то-есть въ 1785 году послѣдовало изданіе дворянской грамоты.

14-го декабря 1766 года изданъ былъ манифестъ о созваніи депутатовъ со всего государства для составленія новаго уложенія. Какъ комисія для составленія уложенія, такъ и депутаты въ нее созванные имѣли совершенно другое значеніе, чѣмъ прежде бывшіе земскіе соборы и депутаты на нихъ собиравшіеся. Земскіе соборы созывались для выслушанія нуждъ разныхъ мѣстностей, и депутаты присутствовали на нихъ въ качествѣ государевыхъ сиротъ, какъ они обыкновенно называли себя, призванныхъ разсказать о своемъ горѣ. Комисія для составленія уложенія облакалась законодательнымъ правомъ и каждый депутатъ уполномочивался участіемъ въ этомъ правѣ. «Снихъ депутатовъ — пишетъ императрица въ своемъ манифестѣ — мы созываемъ не только для того, чтобы отъ нихъ выслушать нужды и недостатки важдаго мѣста, но и допущены они имѣютъ бытъ въ комисію, которой дадимъ наказъ и образъ управленія для заготовленія проекта новаго уложенія, къ поднесенію намъ на конфирмацію». Всѣмъ депутатамъ были дарованы особенныя преимущества. «Во всю жизнь свою—такъ опредѣлила императрица — всякой депутатъ свободенъ, въ какое бы ни впалъ прегрѣшеніе: 1) отъ смертнаго казни, 2) отъ пытокъ, 3) отъ тѣлеснаго наказанія. Какъ всѣ депутаты—продолжаетъ императрица — суть подъ собственнымъ нашимъ охраненіемъ, то безъ нашего конфирмаціи никакой судъ въ замѣнѣ вышеупомянутыхъ трехъ статей, до ихъ особы касающейся, не долженъ исполнить безъ доклада намъ, а дожидаться на то нашего приказанія. Имѣнія ихъ отъ дня выбора всякаго депутата освобождаются отъ конфискаціи во всѣхъ случаяхъ, кромѣ за долги. Кто же на депутата, пока уложеніе сочиняется, нападетъ, прѣбьетъ его или убьетъ, тому учинить вдвое противъ того, что въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно». Какъ всѣ упомянутые нами выше указы и манифестъ ничѣмъ рѣшительно не вынуждались, такъ точно ничѣмъ не вынуждались

ни собраніе депутатовъ, ни изданіе наказа. Напротивъ; относительно собранія депутатовъ императрица встрѣтила сильное возращеніе даже въ образованнѣйшихъ людяхъ того времени. Одна-коже она настояла на своемъ.

Предположить, что императрица, давая поминутіе нами манифесты и свой наказъ, не думала объ исполненіи ничего этого, значило бы предположить, что императрица намѣренно приготавлила себѣ нареканія, неудовольствія и пожалуй волненія для послѣдующихъ лѣтъ своего царствованія. Вѣроятно ли это? Замѣтимъ при этомъ, что наказъ, немедленно по изданіи, получалъ, по волѣ императрицы, если не силу закона, то силу руководства для присутственныхъ мѣстъ при рѣшеніи дѣлъ.

Наконецъ мы должны сказать нѣсколько словъ о литературѣ. Литература, какъ общественная сила, въ своихъ начаткахъ является у насъ только при Екатеринѣ. Екатерина вызвала, ободрила ее, не только своимъ наказомъ, но и своимъ личнымъ участіемъ и примѣромъ. Вызывать литературу, какъ общественную силу, императрица также ничѣмъ не вынуждалась! Но что она имѣла дѣйствительно это намѣреніе, что она первоначально желала привлечь литературу именно къ обсужденію серьезныхъ общественныхъ вопросовъ, это всего лучше доказывается тѣмъ сатирически-обличительнымъ направленіемъ, которое она дала литературѣ. Не ея вина, если литература по крайней своей молодости не поняла широты своей задачи или не въ состояніи была выполнить ее, и сосредоточившись на исключительно подручной ей обличительной формѣ жесткимъ прикосновеніемъ къ болѣзненнымъ ранамъ своего времени — раздражила умы и задушила себя. Мы говоримъ: *задушила себя*, ибо по собственному ли личному желанію императрица остановила въ началѣ семидесятихъ годовъ свободное развитіе нашей сатиры, или вслѣдствіе стороннихъ обстоятельствъ, имѣвшихъ, какъ увидимъ ниже, значительное вліяніе на ея дѣятельность, рѣшить въ настоящее время трудно.

Вообще, разсматривая направленіе всей первоначальной дѣятельности императрицы Екатерины, едва-ли можно сомнѣваться, что она долго сильно ошибалась относительно истиннаго положенія вещей въ Россіи и степени общественнаго развитія, и находясь подъ сильнымъ вліяніемъ современной ей философіи, искренно вѣрила въ возможность дать Россіи то, чего послѣдняя принять была рѣшительно неспособна. Возьмемъ, на примѣръ, хоть отношенія императрицы къ современнымъ ей знаменитостямъ изъ философовъ и писателей. Тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ, императрица предлагаетъ знаменитому

Даламберу быть воспитателемъ наследника престола, и когда Даламберъ отказывается отъ этой чести, ссылаясь на слабость своего здоровья, императрица собственноручнымъ письмомъ (отъ 17-го ноября 1762 года) снова просить его принять на себя эту обязанность, присовокупляя къ этому, что онъ можетъ прибыть въ Россію со всѣми своими друзьями и что она общается «всѣмъ имъ всѣ удовольствія и удобства, отъ нея зависящія, и что, можетъ быть, они найдутъ у нея болѣе свободы и спокойствія, нежели въ своемъ отечествѣ». Но Даламберъ былъ не единственная знаменитость, которую императрица хотѣла приобрести для Россіи. Тогда же былъ возвысанъ ея милостями Дидро, у котораго она купила бібліотеку за 50,000 франковъ, оставивъ ее во владѣніи Дидро до смерти его и положивъ вмѣстѣ съ тѣмъ ему ежегодное жалованье, какъ своему бібліотекару. Около того же времени она предлагала переселиться въ Россію извѣстному Беккариа, когда онъ подвергся преслѣдованіямъ за свое сочиненіе «О преступленіи и наказаніи». Тогда же, по рекомендаціи Дидро, она пригласила въ Россію политико-эконома Мерсье де-ла-Ривьера, сдѣлавшагося извѣстнымъ своимъ сочиненіемъ въ Парижѣ «О естественномъ и существенномъ порядкѣ политическихъ обществъ». Правда, императрица и впослѣдствіи смотрѣла на Россію, какъ на лучшій, подъ ея покровительствомъ, аylumъ для всѣхъ друзей истины и свободы, гонимыхъ въ другихъ странахъ. Такъ она приглашала Вольтера издавать сочиненія Вольтера въ Петербургѣ и поставить здѣсь на сценѣ его комедію «Свадьбу Фигаро», которую долго запрещало французское правительство; такъ она не выдала швейцарскому правительству, осужденнаго на казнь бывшаго воспитателя императора Александра, впослѣдствіи директора Цизальпинской Республики женева Лагарпа. Но первоначальное отношеніе ея къ философскимъ и другимъ знаменитостямъ было совсѣмъ другого рода. Она хотѣла имѣть и видѣть ихъ у себя; какъ людей нужныхъ ей при задуманномъ ею преобразованіи имперіи. Въ этомъ призывалась сама императрица въ своихъ разговорахъ съ графомъ Сегеромъ въ 1787 году, когда она давно уже разочаровалась въ волотныхъ снахъ своей юности и въ своемъ увлеченіи разными философскими знаменитостями, и стала думать, что «гораздо болѣе можно узнать, бесѣдуя съ простыми людьми о дѣлахъ ихъ, чѣмъ разсуждая съ учеными, зараженными теоріями» и проч. И какъ кажется, въ приглашеніяхъ знаменитостямъ очень опредѣлительно выяснялось, что они призываются къ участию въ дѣ-

* Зап. граф. Сегюра. Свб. 1865, стр. 147.

лахъ управленія имперією. Такъ по крайней-мѣрѣ можно думать по образу дѣйствій Мерсье де-ла-Ривьера, который, пріѣхавъ въ Москву, гдѣ императрица просила его ожидать себя, немедленно по пріѣздѣ своемъ нанялъ три смежныхъ дома, тотчасъ же перестроилъ ихъ совершенно, устроивъ изъ переднихъ покоевъ пріемныя залы, а изъ прочихъ комнаты для присутствія, надъ всѣми этими комнатами прибилъ надписи большими буквами: *департаментъ внутреннихъ дѣлъ, департаментъ торговли, департаментъ юстиціи, департаментъ финансовъ, отдѣленіе для сбора податей и проч.*, и затѣмъ пригласилъ многихъ жителей столицы, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, которыхъ представилъ ему, какъ людей свѣдущихъ, явиться къ нему для занятія различныхъ должностей соотвѣтственно ихъ способностямъ. Все это надѣлало шуму въ Москвѣ; императрица, пріѣхавъ въ Москву, тотчасъ поняла выписаннаго ею ученаго глупца и конечно разочаровала его. Но тѣмъ не менѣе трудно предположить, чтобы Мерсье де-ла-Ривьеръ, какъ бы онъ ни былъ простъ, могъ рѣшиться на подобныя дѣйствія, не имѣя въ рукахъ болѣе или менѣе опредѣленнаго приглашенія отъ императрицы для дѣла управленія.

Но если дѣятельность императрицы въ одномъ направленіи представляется очень прогрессивною, стремящуюся провести въ жизнь самыя свѣтлыя воззрѣнія, то рядомъ съ нею, въ одно и то же время, идетъ другая дѣятельность, нисколько непохожая на нее, стоящая даже въ прямомъ съ нею противорѣчій. Въ этомъ отношеніи въ особенности выдается дѣятельность императрицы по самому горячему вопросу XVIII столѣтія—о закрѣпленіи крестьянъ въ Россіи за помѣщиками. Потому мы войдемъ здѣсь въ нѣкоторыя подробности по этому дѣлу.

Петръ I, не разрѣшивъ ненавистнаго народу прикрѣпленія къ землѣ, введеннаго Годуновымъ, и неизбежно соединеннаго съ этимъ прикрѣпленіемъ несвободнаго отношенія къ владѣльцамъ, помирилъ народъ съ этимъ положеніемъ тѣмъ, что поставилъ прикрѣпленіе крестьянъ въ тѣсную зависимость отъ службъ ихъ владѣльцевъ государству. Только тотъ помѣщикъ могъ владѣть населенною землею, который служилъ государству; кто не хотѣлъ служить государству, тотъ по этому самому лишился права владѣть помѣстьями, хотя бы она были и родовныя или приобрѣтены имъ покупкою. Вслѣдствіе такого строгаго обусловленія владѣльческаго права служебными отношеніями владѣльцевъ къ государству, у крестьянъ образовалось убѣжденіе, что они прикрѣплены къ помѣщикамъ только временно, по нуждамъ государства, съ прекращеніемъ которыхъ они получаютъ свободу. Уже

современникъ Петра, Посошковъ говорилъ: «крестьянамъ помѣщичи не вѣковне владѣльцы, того ради они не весьма ихъ берутъ; а впрямой, ихъ владѣтель россійскій самодержецъ, а они владѣютъ временно». Съ этого времени начинаютъ ходить и разсѣваться въ народѣ то и дѣло ложные слухи объ имѣющемъ вскорѣ послѣдовать освобожденіи крестьянъ отъ помѣщичьихъ. Когда Петръ III 18-го февраля 1762 года издалъ манифестъ или дворянскую грамоту, освобождающую дворянъ отъ всякой обязательной службы государству, то народъ взглянулъ на этотъ манифестъ, какъ на начало и крестьянскаго освобожденія. Думали, что вскорѣ за этимъ манифестомъ послѣдуетъ другой, освобождающій крестьянъ отъ пріакрѣпленія помѣщикамъ. Распространились слухи, что такой манифестъ о свободѣ крестьянъ уже изданъ, но его скрываютъ отъ народа. Вслѣдствіе этого въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне явно стали отказываться отъ повинненія помѣщикамъ, ссылаясь на слухи о своемъ освобожденіи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ начались возстанія крестьянъ. Для прекращенія ихъ императрица Екатерина, вскорѣ послѣ вступленія своего на престолъ, именно 11-го февраля 1763 года приостановила, какъ мы видѣли уже, дѣйствіе манифеста о вольности дворянства, назначивъ для разсмотрѣнія этого вопроса особую комиссію, и вопросъ о томъ, быть или не быть крѣпостному праву въ Россіи оставался въ колебательномъ положеніи въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ.

Сама императрица находилась по отношенію къ крестьянскому вопросу подъ двойственнымъ вліяніемъ. Противъ крѣпостнаго права говорили ей ея внутреннее убѣжденіе, ея воспитаніе, современная наука; друзья-философы, наконецъ слава законодательницы. За крѣпостныя права стояло страшное *statu quo*, и интересы всѣхъ окружающихъ ее вельможъ, всего дворянства, съ которыми бороться было нелегко. Нѣтъ сомнѣнія, что императрица въ принципѣ совершенно отвергала крѣпостное право. Но этотъ принципъ въ чистомъ его видѣ она не рѣшается высказать даже на бумагѣ. Она могла заявлять его только косвенно. Такъ въ 1766 году, то-есть въ годъ перваго манифеста о созваніи комиссіи для составленія новаго уложенія, она предложила въ вольно-экономическомъ обществѣ конкурсъ съ назначеніемъ премии за лучшее сочиненіе по вопросу: «что полезнѣе для общества: чтобы крестьянинъ имѣлъ собственную землю, или токмо движимое имѣніе, и сколь далеко его права изъ то или другое имѣніе продолжаться должны?» Въ Назавѣ также самыми яркими красками изображается жалкое положеніе крестьянъ, происходящее отъ безчеловѣчія и небреженія

помѣщиковъ, и настаивается на необходимости улучшения ихъ быта. Но въ дѣйствительныхъ узаконеніяхъ и распоряженіяхъ, которыя начали приводиться въ исполненіе почти съ самаго начала ея царствованія, не видно даже и такой легкой уступки въ пользу принципа. Напротивъ, крестьяне съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе лишались своихъ гражданскихъ правъ и отдавались въ полную волю помѣщиковъ. Такъ указомъ 1765 года отъ 17-го января помѣщикамъ дано было право ссылать своихъ крѣпостныхъ людей въ каторжную работу на столько лѣтъ, на сколько пожелають помѣщики; указомъ отъ 28-го января слѣдующаго года помѣщикамъ подтверждено право ссылать крестьянъ и дворовыхъ людей въ Сибирь на поселеніе за продерзости. Отъ 30-го января того же года подтверждено помѣщикамъ право отдавать крестьянъ и дворовыхъ людей въ рекруты въ зачетъ, въ какое угодно время. Указомъ 22-го августа 1767 года у помѣщичьихъ крестьянъ отнято право приносить жалобы на своихъ владѣльцевъ.

Такимъ образомъ, въ то самое время, когда императрица возбуждала въ вольно-экономическомъ обществѣ вопросъ о свободѣ и собственности крестьянъ, въ то самое время, когда въ «Наказѣ» она настаивала на улучшеніи ихъ жалкаго состоянія, въ дѣйствительности она лишала ихъ и тѣхъ скудныхъ остатковъ собственности, свободы и благосостоянія, какіе они имѣли доселѣ, и передавала въ качествѣ вещей въ полную власть помѣщиковъ. Противорѣчіе ужасное, возмущающее! Для насъ, находящихся совершенно въ другихъ общественныхъ условіяхъ, это противорѣчіе представляется неразрѣшимымъ. Намъ совершенно непонятно: чѣмъ могла вызываться такая странная двойственность въ дѣятельности самодержавной императрицы? Но выслушаемъ, что говоритъ сама императрица о той обстановкѣ, въ которой она находилась.

Никто не будетъ спорить, что нигдѣ императрица не имѣла столько правъ слѣдовать своему собственному, независимому образу мыслей, какъ въ воспитаніи своего сына. Она имѣла на это право какъ мать, какъ императрица, наконецъ, какъ женщина отлично образованная, по своему развитію и званіямъ стоявшая выше всѣхъ ее окружавшихъ. Мы уже видѣли, что императрица желала сдѣлать воспитателемъ своего сына Даламбера. Но когда онъ отказался, воспитаніе наследника престола было поручено графу П. И. Панину. Повидимому, выборъ палъ на человѣка, вполне способнаго и достойнаго. Графъ П. И. Панинъ принадлежалъ къ просвѣщеннѣйшимъ людямъ прошедшаго столѣтія, пользовался репутаціею серьезнаго, честнаго и

образованнѣйшаго человѣка между современниками. Когда кончено было воспитаніе, императрица наградила Панина такъ, какъ едва-ли когда былъ награждаемъ какой нибудь воспитатель наследника престола. Повидимому, императрица была вполне довольна воспитаніемъ сына. Однакожь, когда пришло время воспитывать внука, императрица снова обратилась къ иностранцамъ и выборъ палъ на извѣстнаго женева Лагарпа, одного изъ честнѣйшихъ, благороднѣйшихъ и образованнѣйшихъ республиканцевъ прошедшаго столѣтія. Впослѣдствіи, когда подъ руководствомъ этого достойнаго человѣка оканчивалось воспитаніе старшаго внука императрицы, то-есть покойнаго императора Александра Павловича, императрица, разъ любуясь его моральнымъ и физическимъ развитіемъ, сказала Храповицкому: «Какая разность между воспитателемъ его и отца. Тамъ не было мнѣ воли сначала, а послѣ, по политическимъ причинамъ, не брали отъ Панина. Всѣ думали, что если не у Панина, такъ онъ пропасть» *.

Изъ этого ясно видно, что была сила, отъ которой императрица себя чувствовала зависимою, которая препятствовала ей въ исполненіи ея лучшихъ намѣреній.

Какая же была эта сила?

Эта сила была то страшное *statu quo*, въ борьбѣ съ которымъ Петръ I принесъ столько кровавыхъ и жестокихъ жертвъ. Конечно, *statu quo* екатерининскаго времени было совсѣмъ не то, что *statu quo* петровскаго времени. Предъ Екатериною стояли уже люди въ европейскихъ мундирахъ, петровскіе птенцы, которые не только не шли противъ европейской цивилизаціи, а напротивъ, гордились тѣмъ, что они стоятъ въ ряду ея защитниковъ и охранителей. Къ сожалѣнію, ихъ пониманіе европейской цивилизаціи было узкое и мелкое, въ бѣльшей части sluчаевъ не простиралось далѣе знавія пунктовъ военнаго артикула, вообще же ограничивалось одною ея внѣшнею, матеріальною стороною. На цивилизацію смотрѣли только какъ на средство усвоить нужныя въ государственномъ обиходѣ мастерства и ремесла. И такъ-какъ путь для такихъ пріобрѣтеній былъ расчищенъ, средства обезпечены, то имъ казалось, что у иностранцевъ болѣе заимствовать нечего. Петровскіе птенцы оказались такими же ретроgrадами, какими были люди до-петровской старины, съ тѣмъ только различіемъ, что послѣдніе не понимали нужды какой бы то ни было реформы, а первые не понимали тѣхъ идей современной науки, тѣхъ гуманныхъ на-

* Записки Храповицкаго, стр. 291.

часть, которая хотѣла насадить Екатерина въ обществѣ. Началась опять борьба противъ иностраннаго вліянія, которая усиливалась наступившею послѣ Петра III реакціею противъ иностранцевъ вообще, успѣвшихъ во время Бирона и Петра III возбудить къ себѣ ненависть во всемъ русскомъ образованномъ обществѣ и народѣ своею жестокостію, пренебреженіемъ къ русскимъ правамъ и обычаямъ, посягательствомъ на самую вѣру. Упорство этой борьбы по отношенію къ крестьянскому вопросу увеличивалъ личный интересъ помѣщиковъ. До насъ дошло замѣчательное сочиненіе по крестьянскому вопросу, писанное, по видимому, передъ самымъ изданіемъ Екатериною грамоты дворянству, то-есть въ концѣ 1784 или началѣ 1785 года, подъ названіемъ: *«Размышленіе о неудобствахъ въ Россіи дать свободу крестьянамъ и служителямъ или сдѣлать собственность ихъ имѣній»* *. Надъ сочиненіемъ трудился человекъ образованный и свѣдущій, но до мозга костей проникнутый интересами сословія, и потому глубоко негодующій на всѣ либеральныя и гуманныя начинанія императрицы.

Мы уже сказали выше, что вслѣдствіе манифеста, изданнаго Петромъ III о вольности дворянства, начались крестьянскія возстанія въ разныхъ мѣстностяхъ. Когда императрица приостановила дѣйствіе этого манифеста, возстанія утихли, но потомъ, когда императрица стала издавать вышеназванные нами указы, дававшія крестьянъ всякихъ правъ, даже права приносить справедливыя жалобы на помѣщиковъ — эти возстанія снова начались и, наконецъ, помогли пугачевскому бунту развиться до громадныхъ размѣровъ. Авторъ сочиненія, напротивъ, причину всѣхъ крестьянскихъ возстаній и даже пугачевского бунта видитъ въ либеральныхъ стремленіяхъ императрицы, въ данной ею на конкурсъ задачѣ о собственности крестьянъ, въ созваніи комисіи для составленія Уложенія, а крестьянскія возстанія послѣ пугачевского бунта приписываетъ тому, что участвовавшіе въ этомъ бунтѣ были не довольно строго наказаны.

«Съ 1766 года — такъ начинается авторъ свое размышленіе — то-есть съ того времени, какъ прислана была задача въ вольное экономическое общество, состоящая: «что полезнѣе для общества — чтобы крестьянинъ имѣлъ собственностію землю или токмо движимое имѣніе, и сколько далеко его права на то или другое имѣніе простираться должны», мы можемъ положить эпоху расторженія связи, многіе вѣка пребывающей между

* Чт. Общ. Истор. Дрвн. 1861. Книга III.

крестьянъ и ихъ владѣтелей. Колико въ угѣренныхъ словахъ сія задача ни была изъяснена, и единственно яко вопросъ предложена, но подаде случай къ разглагольствію, ко виѣшанію мысли мятенныхъ и неподвластію. Въ бывшей 1767, 1768 и 1769 году комисіи о сочиненіи Уложенія неосторожно предлагаемыя мнѣнія отъ господъ депутатовъ, а паче отъ Коробьина, всѣяли паче сію заразу въ сердца низкихъ людей, тутъ находящихся депутатами, и тщетно весьма разумное на задачу учинилъ рѣшеніе *Беарде де-ла-Бей*; тщетно многими лучшими силами отечества совсѣмъ испровержено было мнѣніе г. Коробьина; упившіеся сердца лестнымъ ядомъ симъ не могли вкусить представляемаго имъ лекарства, и духъ неподданства и разврата въ грубыя и несмысленныя души вкоренился, зарождающійся отъ разныхъ несправедливыхъ слуховъ и отъ разглагольствій крестьянскихъ однодворческихъ, старыхъ службъ и другихъ низкихъ чиновъ депутатовъ, которныя, по развѣздѣ своемъ, сѣмена сія злыя и въ отдаленнѣйшія области Россіи распростерли. Еще прежде роспуску сей комисіи, а только по нѣсколькихъ мѣсяцахъ послѣ означенной задачи, 1767 годъ учинился примѣчательнъ въ Россіи убіеніемъ многоаго числа господъ отъ ихъ подданныхъ, а по роспускѣ депутатовъ и вѣщее зло произошло присоединеніемъ почти всѣхъ крестьянъ, которымъ только малѣйшій случай былъ, во врагу отечества и государя, къ самозванцу Емелькѣ Пугачеву, не токмо въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, но въ немалой части нашего пространнаго отечества: разрушилася вѣрность къ государю, полилася кровь гражданская, опустошилися грады и селенія и тысячи семей дворянскихъ, вѣрныхъ сыновъ отечества, конхъ предковъ кровь текла для распространенія и успокоенія онаго въ тѣхъ самихъ странахъ, кои они скиπτру россійскому покорили, мучительною и позорною смертію истреблены стали. Невинная ихъ кровь отъ руки злодѣевъ, прежде облагодѣтельствованныхъ ими, проліенная текла ручьями; труны ихъ растерзанныя, непогребенныя предались въ снѣдь дивнымъ звѣрямъ и хищнымъ птицамъ: жены и дщери ихъ впали въ поруганіе злодѣевъ. Се зрѣли мы, се зрѣли мы побѣдоносное россійское оружіе, упоенное кровію враговъ Россіи и христіанскихъ, противъ единоплеменныхъ своихъ обращенное, точащее, можно сказать, собственную свою кровь. Недавно прошедшее время послѣ сего зла у насъ еще въ свѣжей памяти находится, и, можетъ быть, поздніе исторязки не будутъ и вѣдать того, что зараза сія, духъ бунту тщетной надежды и неподданства не токмо былъ въ тѣхъ, которые явными злодѣйствами развратность свою оказали, но и почти во всѣхъ другихъ крестьянахъ,

которые только ожидали случая подобныя жь преступленія считать. Таковое, можно сказать, почти всеобщее преступленіе, кажется, должноствовало бы, еслибы они и право имѣли въ вольности и собственности, на немалое время ихъ онаго лишити, и еслибы не были рабами, предать ихъ въ рабство, дондеже искоренятся злѣе сѣмена изъ сердца ихъ. Но не входя въ мысли правительства, *мы въ утѣшенное имъ наказаніе*, потщуся я — такъ заключаетъ авторъ вступленіе въ свое «размышленіе — о вольности и собственности крестьянъ и дворовыхъ разсмотрѣть» и проч.

Возставая далѣе противъ тѣхъ гуманнхъ воззрѣній, въ силу которыхъ еще со времени императрицы Елисаветы уничтожена смертная казнь и стали смягчаться вообще наказанія, а вслѣдствіе того, по замѣчанію многихъ, стали уменьшаться повсюду разбои, авторъ сочиненія говорить, что «не отъ того разбои уменьшились, что уменьшились наказанія—чудное предположеніе, яко бы можно пожаръ тѣмъ унять, что огонь не заливать; но уменьшились они отъ того, что учинилась слабѣе отставка», то-есть, что легче стало дворянамъ получать отставку отъ службы, и что, поселясь въ своихъ помѣстьяхъ, они озаботились истребленіемъ разбоевъ.

Не отрицая въ заключеніе своего «размышленія» того, что между помѣщиками есть люди безумные и сами себѣ злодѣи, которыхъ надобно обуздывать, авторъ говорить, что «лучшимъ средствомъ для укрощенія нравовъ и смягченія сердець помѣщиковъ пусть послужитъ распространенное просвѣщеніе разумовъ и чистое нравоученіе. Ибо, если—продолжаетъ авторъ— по разлитіи просвѣщенія и нравоученія въ Европѣ, не видимы уже ни Христерновъ, ни таковыхъ государей, заковъ былъ Лудвигъ Первойнадесятъ, когда Азія и Африка позорище безчеловѣчія представляютъ, а Европа среди благоустройства и милосердія повоюетъ, когда просвѣщеніе проникло въ самую сераль турецкаго императора, а Порты Оттоманская не столь щедрѣ стала въ разсыланіи удавковъ своимъ визирямъ, то если, говорю я, просвѣщеніе и нравоученіе воздѣйствовали надъ такими лицами, которыя, къ несчастію нашему, не подвластны ничему себя почитаютъ, если во врата, хранимыя самовластіемъ, распутствомъ, гордостію, лестнымъ честолюбіемъ и мстію они проникли и сердца сихъ властителей свѣта могли умягчить, то какъ не умягчатъ они сердца подданныхъ, претерпѣвающихъ всѣ нужды званія своего и по собственнымъ своимъ чувствіямъ, ощущающихъ чувства и нужды нисшихъ себя?»

Читатель видитъ, какое сильное раздраженіе и озлобленіе во-

дать перомъ автора. Но мы забыли выше, что авторъ писалъ вслануи окончательнаго закрѣпленія крестьянъ дворянскою грамотою. Слѣдовательно, ни раздача Екатериною крестьянъ во мѣдѣнне разнымъ частнымъ лицамъ, ни различныя помянутыя нами указы ея, которыми крестьяне передавались въ полную волю помѣщиковъ, ничто не удовлетворяло послѣднихъ до изданія дворянской грамоты. Какое же было, спрашивается, раздраженіе и озлобленіе между помѣщиками въ то время, когда императрица, остановивъ манифестъ Петра III о вольности дворянства, предложила на конкурсъ вопросъ: «о свободѣ и собственности крестьянъ», издала свой «Наказъ», созвала комисію для составленія уложенія!

Императрицѣ трудно было вести борьбу съ противодействующею ей силою. Самый переворотъ, посредствомъ котораго она взошла на престолъ, долженъ былъ удерживать ее отъ всякихъ радикальныхъ реформъ, касавшихся существенныхъ интересовъ сильной партіи; оиъ же заставлялъ ее быть крайне осторожною и крайне уступчивою и въ другихъ своихъ либеральныхъ начинаніяхъ. Императрица со своими высокими стремленіями и идеями стояла слишкомъ одинокою, въ особенности въ началѣ своего царствованія въ томъ обществѣ, среди котораго и при помощи котораго и могла только дѣйствовать, чтобы дѣйствовать съ успѣхомъ.

Противъ нея было большинство такъ-называемаго образованнаго общества: одни потому, какъ мы сказали уже, что не видѣли потребности въ идеяхъ и началахъ, провозглашаемыхъ императрицею, не понимали ихъ; другіе потому, что находили эти начала и идеи опасными и гибельными для своего личнаго интереса. Но не за нее, не за императрицу было и лучшее меньшинство образованнаго общества, то меньшинство, которое и понимало, по крайней-мѣрѣ отчасти, новыя идеи и начала, понимало ихъ потребность для общества, и можетъ быть было не прочь принести въ жертву свой личный интересъ для общаго благосостоянія, но которое страшилось выступить на опасный и скользкій путь, неуверенное въ успѣхѣ дѣла. Оно не стало бы противодействовать начинаніямъ императрицы, но оно и не готово было стать за нихъ грудью, со всею пылою внутренняго убѣжденія и одушевленія. Оно находилось по отношенію въ немъ въ колебательномъ состояніи.

Почва для дѣйствія была очень шаткая, непрочноя. Ибо политическое развитіе даже въ лучшихъ людяхъ было очень слабое, ничтожное.

Наше общество въ политическомъ отношеніи и въ настоящее

время развито не очень значительно. Однако, что это развитіе есть, и что оно болѣе или менѣе проникаетъ не одно только сословіе, а всё слою такъ-называемаго образованнаго общества, въ томъ не можетъ быть сомнѣнія. Всѣ реформы, которыя совершились въ настоящее царствованіе, не только были встрѣчаемы съ восторгомъ, но и предварялись горячимъ желаніемъ общества и литературы. И не было ни одной изъ нихъ, въ обсужденіи которой литература, на сколько ей было то дозволено, не приняла бы самого дѣятельнаго участія.

Именно такого общественнаго участія и сочувствія къ своимъ начинаніямъ, искала императрица въ современномъ ей обществѣ и литературѣ, и не нашла ни въ томъ, ни въ другой.

Будемъ рассказывать факты.

Вольно-экономическое общество, основанное вѣроятно по инициативѣ императрицы за годъ до собранія депутатовъ, находилось подъ особеннымъ ея покровительствомъ. Въ числѣ членовъ его были очень близкія къ императрицѣ лица. Въ это именно общество императрица прислала, какъ мы сказали уже, задачу на конкурсъ о поземельной собственности крестьянъ. Но чтобы члены общества не стѣснялись въ своихъ постановленіяхъ, а участвующіе въ конкурсѣ въ рѣшеніи задачи, дѣло было облечено въ такую форму. 1766 года ноября 1-го дня, въ вольно-экономическое общество прислана была отъ *неизвѣстной особы* тысяча червонцевъ «на такое употребленіе, какое оно заблагоразсудитъ», при письмѣ, въ которомъ предлагался на обсужденіе сказанный вопросъ. Вольно-экономическое общество положило для рѣшенія вопроса учредить конкурсъ, назначивъ за лучшее сочиненіе, которое будетъ представлено по этому вопросу къ 1-му ноябрю слѣдующаго года, премію въ сто червонцевъ и золотую медаль. Чтобы дать какъ можно болѣе огласки дѣлу, произвѣсти о немъ какъ можно болѣе разговоровъ и толковъ, къ публикаціи вольно-экономическаго общества о конкурсѣ была прибавлена еще слѣдующая публикація: «ея императорское величество всемилостивѣйшая наша государыня о патриотическомъ усердіи неизвѣстнаго предложителя изображеннаго выше сего вопроса толикое изволила оказать благоволеніе, что высочайше повелѣла тому, кто объявитъ о себѣ и докажетъ, что при предложеніи онаго вопроса прислалъ 1,000 червонныхъ въ экономическое общество, дать 2,000 червонныхъ».

Изъ 164 сочиненій, поступившихъ на соисканіе, лучшими признаны были два: сочиненіе *Беарде Делабей* (Beardè de l'Abbaye), доктора церковныхъ и гражданскихъ правъ изъ Ахена, съ девизомъ: «in favorem libertatis omnia jura clamant, mais est modus».

in rebus», т.-е. въ нелюбу свободы говорить всё права, но всему есть мѣра; другое — русскаго юриста, костромскаго дворянина А. Я. Полѣнова съ девизомъ: «plus boni mores valent, quam bonalleges», т.-е. хорошіе обычай имѣють болѣе силы, чѣмъ хорошіе законы.

Оба писателя въ общемъ окончательномъ выводѣ сходятся между собою, именно тотъ и другой говорятъ, что крестьянамъ слѣдуетъ дать собственность, но не прежде, какъ предварительно воспитавъ ихъ для этого владѣнія собственностию. Но въ частности есть большое различіе. Беарде Делабей незнакомъ съ русскими отношеніями. Онъ пишетъ по чистому увлеченію идею. Ему, какъ доктору правъ и при этомъ еще и сельскому хозяину, или по крайней мѣрѣ какъ человѣку, интересовавшемуся устройствомъ сельскаго хозяйства, какъ видно это изъ его сочиненій, пріятно было думать, что въ такомъ огромномъ государствѣ какъ Россія, можетъ современемъ образоваться, по его плану, сплошная масса свободныхъ крестьянъ-собственниковъ, предварительно тщательно приготовленная и испытанная въ умѣнь вести сельско-хозяйственное дѣло. Поэтому онъ предлагаетъ каждому крестьянина, какъ скоро онъ прошелъ предписанный имъ искусъ, дѣлать немедленно свободнымъ в надѣлать его поземельною собственностію безъ всякихъ условій. — Русскій юристъ оказывается въ этомъ отношеніи потуже. Онъ тоже предоставляетъ землю въ распоряженіе крестьянъ не иначе, какъ послѣ приготовленія ихъ къ тому посредствомъ предписаннаго имъ искусства, но не безусловно, а 1) за опредѣленную повинность въ пользу помѣщика; 2) на правѣ наслѣдственнаго только пользованія землею, а не владѣнія ею, т.-е. безъ права отчуждать ее какими бы то ни было образомъ и 3) съ предоставленіемъ помѣщику права отнимать у крестьянина данную ему землю, еслибы крестьянинъ, сверхъ всякаго чаянія, и по искусѣ оказался несправнымъ. «Каждый крестьянинъ — говоритъ Полѣновъ — долженъ имѣть довольно земли, для сѣянія хлѣба и паствы скота и владѣть оною наслѣдственнымъ образомъ такъ, чтобы помѣщикъ ни мало не имѣлъ власти угнетать какимъ нибудь образомъ, или совсѣмъ оную отнимать, т.-е. пока крестьянинъ исправно будетъ наблюдать всѣ свои должности; ибо иначе можно его въ наказаніе лишить сихъ выгодъ, какъ недостойнаго и снабдить оными другога. Однако, прежде нежели помѣщикъ можетъ сіе сдѣлать, то дѣло должно быть рассмотрѣно въ приличномъ судѣ. — Наслѣдственное сіе въ земляхъ право не должно къ невозвратному владѣльцевъ вреду и великому ихъ разоренію такъ далеко простирается, чтобы крестьянинъ былъ

въ состояніи данною отъ другаго землею располагать по произволению; довольно, ежели онъ ею можетъ невозбранно и безпритчетственно пользоваться и отъ того себѣ получить пропитаніе. Для сей причины не дозволяется ему, подъ какимъ бы видомъ онъ ни хотѣлъ сіе сдѣлать, продавать свою землю, или дарить, или закладывать, или раздѣлять между многими дѣтьми, но по смерти одинъ изъ сычовъ будетъ оною владѣть; такимъ образомъ помѣщикъ всегда удержитъ свое право, а крестьянинъ свободно будетъ пользоваться дозволенными ему выгодами». Говоря проще, русскій юристъ хотѣлъ только улучшить крѣпостное состояніе крестьянъ, устранявъ изъ него по возможности всѣ существовавшія злоупотребленія.

Но это улучшеніе крѣпостнаго состоянія или, чтѣ то же, устраненіе изъ него злоупотребленій могло произойти, по предположенію. Полѣнова, не иначе какъ по доброй волѣ помѣщиковъ Полѣновъ предлагаетъ испытывать свой проектъ исключительно на дворцовыхъ и государственныхъ крестьянахъ, не касаясь крестьянъ помѣщичьихъ. Онъ находится въ томъ убѣжденіи, что когда помѣщики увидятъ добрые плоды новыхъ порядковъ, то непреминутъ и своихъ крестьянъ повести по тому же пути. «Извѣстно—говоритъ Полѣновъ, вложивъ весь свой проектъ—что сего вдругъ безъ великой опасности произвести въ дѣйство не можно, и многими примѣрами уже подтверждено, сколь далеко въ подобныхъ случаяхъ простирается неистовство подлаго (т.-е. простаго по старинному словоупотребленію) народа; и такъ бесполезно принять такіа мѣры, которыя, не нарушая общаго покоя, могли бы всѣмъ ясно показать, что сіа намѣренія клонятся къ собственному ихъ благополучію. — Прежде, нежели можно что начать въ разсужденіи этой перемѣны, то я за полезное признаю приготовить напередъ крестьянъ чрезъ воспитаніе, подъ предводительствомъ благонравныхъ церковниковъ производиться имѣющее; по учиненіи чего съ надлежащею точностію во 1-хъ должно, зачавъ, для показанія примѣра дворянству, съ дворцовыхъ и государственныхъ крестьянъ, изъ которыхъ вознаграждать сими выгодами только рачительныхъ и добрыхъ крестьянъ, а лѣнивыхъ и злонравныхъ до сихъ преимуществъ не допускать; но давъ время къ исправленію, увѣщевать возможнымъ образомъ, дабы отвратить отъ худой жизни и для бѣльшаго поощренія предлагать имъ тѣ же выгоды, ежели только исправятся. Дворянство, до котораго особливо касается сіе дѣло, нимало къ сему не принуждать, ибо каждый изъ нихъ, будучи убѣжденъ собственною пользою, съ доброй воли согласится ввести у себя такия учрежденія, которыя, не причиняя ему ни малѣйшаго вре-

да, служить къ благополучію такихъ людей, о сохраненіи которыхъ человеколюбіе и собственная его польза повелѣваютъ ему прилагать всевозможное попеченіе» *.

Читатель видитъ, что проектъ Полѣнова въ сущности не вводилъ никакихъ перемѣнъ въ существованіи крѣпостнаго положенія. Онъ никого и ни къ чему не принуждалъ, никого ни къ чему не обязывалъ, всё улучшенія крестьянскаго быта представлялъ доброй воли и усмотрѣнію помѣщиковъ. Еслибы проектъ Полѣнова былъ принятъ и введенъ въ дѣло, то крѣпостное право могло бы преспокойно себѣ существовать безконечныя лѣта въ тѣхъ же самыхъ формахъ и проявленіяхъ, въ какивъ оно существовало до нашего времени. Ибо отъ воли каждаго помѣщика зависѣло принять и ввести тѣ улучшенія, какія усмотрѣлъ бы онъ въ бытѣ государственныхъ и дворцовыхъ крестьянъ, или не обращать на нихъ вовсе никакого вниманія и продолжать жить на прежнемъ основаніи.

Кажется, проектъ былъ для всѣхъ безобидный и не угрожалъ личнымъ интересамъ. Этимъ онъ очень долженъ былъ нравиться большинству; по этой же, мы думаемъ, причинѣ онъ понравился и членамъ вольно-экономическаго общества, опасавшимся всякихъ крутыхъ нововведеній, и они одобрили его наравнѣ съ проектомъ Беарде-Делабея. Однакожъ, предпочтеніе оказали послѣднему. Почему?

Особый комитетъ, составленный при вольно-экономическомъ обществѣ, для разсмотрѣнія 164-хъ сочиненій, поступившихъ на соисканіе преміи, представилъ обществу о сочиненіи Полѣнова такой отзывъ: «Россійская піеса, подъ № 148, съ девизомъ: «plus boni mores valent, quam bonae leges», хотя изъ нѣкоторыхъ членовъ нашего комитета и признана за лучшую и основательнѣйшую послѣ № 154 (т.-е. сочиненія Беарде-Делабея), почему слѣдовало бы ей дать «accessit», но другіе, разсмотря сверхъ матеріи и самый слогъ, находятъ въ ономъ многія подѣры сильныя и, по здѣшнему состоянію, неприличныя выраженія и потому за нужное признаютъ, что если кому въ собраніи знакомъ авторъ, то чрезъ него велѣтъ ему немедленно оное исправить и тогда его піесу также включить во второй

* Всѣ эти, равно какъ и послѣдующія сдѣланы о Полѣновѣ читатель найдетъ въ «Русскомъ Архивѣ» за 1865 № 2, 4, 5 и 6. Намъ странно, что редакція «Русскаго Архива» въ примѣчаніи къ сочиненію Полѣнова находитъ какое-то сходство между проектомъ Полѣнова и Положеніемъ 19 февраля. Скорѣе тутъ можно говорить о безконечной разницѣ возрѣній, лежащихъ въ основаніи того и другого наматыва.

классъ и удостойтъ опредѣленныхъ тому классу преимуществъ, промѣ печатанія».

Въ засѣданіи 23-го апрѣля 1768 года общество положило: означенное сочиненіе признать удовлетворительнымъ, однако онаго не печатать. Когда затѣмъ Полѣновъ письмомъ увѣдомилъ общество, что сочиненіе съ девизомъ: plus boni moris et проч. принадлежитъ ему, тогда въ засѣданіи общества, іюля 1768 года, было положено: наградить его золотою медалью въ 12 червонныхъ, съ прописаніемъ на оной имени автора.

Итакъ, сочиненіе Полѣнова удостоено меньшей преміи за рѣзкость и неприличіе выраженій! Читатель напрасно бы, однакожь, сталъ искать чего-нибудь подобнаго въ сочиненіи Полѣнова. Оно написано самымъ умѣреннымъ и спокойнымъ тономъ. Уже если кого можно было обвинить въ рѣзкости и неприличіи выраженій, то скорѣе всего Беарде-Делабеа, у котораго дѣйствительно можно находить мѣстами нѣкоторую рѣзкость. Такъ, напримѣръ, доказавъ, что только свободный трудъ доставляетъ дѣйствительный прибытокъ и совершается съ удовольствіемъ, а трудъ не-свободный, доставляя пользу сомнительную, притомъ безъ цали и немислимъ, Беарде-Делабей продолжаетъ: «наказаніе столь же тягостно тому, отъ кого происходитъ, когда онъ имѣетъ душу чувствительную, сколько болѣзненно для того, кто наказывается. Знаю, что есть люди жестокосердаго, лютаго, свирѣпаго, варварскаго и кровожаждущаго нрава; знаю, что есть столь злые, что, муча другихъ людей, чувствуютъ изъ того нѣкое себѣ удовольствіе. Не намѣренъ я простирать рѣчь свою въ снѣ чудовищамъ, безбожіемъ своимъ человѣчество посрамляющимъ. Пусть сіи тигры грызутъ, терзаютъ несчастливныя жертвы ихъ неистовства, доколѣ Богъ мститель не поразитъ ихъ самихъ» * и проч. Навѣяныхъ подобныхъ взрывовъ бурнаго краснорѣчія нѣтъ въ сочиненіи Полѣнова. Онъ, какъ мы уже замѣтили, говорить умѣренно и спокойно.

Однакожь взрывы бурнаго краснорѣчія Беарде-Делабеа не тронули комитета, а простая рѣчь Полѣнова произвела на него непріятное впечатлѣніе. Это потому, что Беарде-Делабей былъ, какъ мы замѣтили выше, незнакомъ съ нашими отношеніями; его краснорѣчіе было для нашего общества слишкомъ отвлеченное, простая же рѣчь Полѣнова слишкомъ вѣрно изображала существующія отношенія и слишкомъ жестоко приасалась къ нѣкоторымъ очень большимъ мѣстамъ. Такъ, предоставляя своимъ мирнымъ проектомъ процвѣтать крѣпостному праву на безконеч-

* Чт. Общ. Истор. и Древн. 1862. Кн. 11.

ныя лѣта, Полѣновъ требуетъ отъ него однакожь и кой-какихъ жертвъ, немедленно, на примѣръ, лишенія права продавать семьи въ раздробь. «Прежде всего должно помышлять — говорить онъ — чтобъ для славы народа и пользы общества вывести производимый человѣческою кровію безчестный торгъ. Мы въ семъ случаѣ не дѣлая ни малой разницы между неодушевленными вещами и человѣкомъ, продаемъ нашихъ ближнихъ, какъ кусокъ дерева, и больше жалѣемъ нашъ скоть, нежели людей. Сіе должно неотмѣнно уничтожить и ни мало не смотрѣть, какія бы кто ни представлялъ причины. Довольно, что благосостояніе общества того требуетъ, и особенно малаго числа людей польза ежели можно то назвать пользою, что къ собственному ихъ вреду клонится, не должно быть принимаемо въ разсужденіе. Я не разумѣю здѣсь конечное запрещеніе: но кто намѣренъ продавать, то долженъ продавать все вмѣстѣ и землю, и людей, а не разлучать родителей съ дѣтьми, братьевъ — съ сестрами, пріятелей — съ пріятелями: ибо не упоминая о прочихъ несходствахъ, отъ сей продажи порознь переводится народъ, и земледѣліе въ ужасный приходитъ упадокъ».

Безчеловѣчіе и варварство такой продажи, какъ продажа семей въ раздробь, для насъ очевидно, но это совсѣмъ не такъ было очевидно для нашихъ соотечественниковъ XVIII столѣтія. Мы увидимъ ниже, что даже образованнѣйшіе изъ нихъ не только не стыдились вести подобнаго торга, но и отстаивали его, какъ законный источникъ своихъ доходовъ. Понятно, что при такомъ возрѣніи, требованіе, заявленное Полѣновымъ о немедленномъ запрещеніи продажи людей безъ земли, не могло нравиться не только большинству, но даже и всему меньшинству образованнаго общества.

Не могли также нравиться ни тому, ни другому, встрѣчающіяся въ сочиненіи Полѣнова изображенія крестьянскаго быта въ родѣ слѣдующаго:

«Я не нахожу бѣднѣйшихъ людей, какъ нашихъ крестьянъ, которые, не имѣя ни малой отъ законовъ защиты, подвержены всевозможнымъ не только въ разсужденіи имѣнія, но и самой жизни обидамъ, и претерпѣваютъ безпрестанныя наглости, истязанія и насильства; отчего неотмѣнно должны они опуститься и придти въ сіе преисполненное бѣдствій какъ для нихъ самихъ, такъ и для всего общества состояніе, въ которомъ мы ихъ теперь, дѣйствительно, видимъ».

Вотъ тѣ истинныя причины, по которымъ, какъ комитетъ вольно-экономическаго общества, такъ и само общество нашихъ

сочиненіе Полѣнова рѣзкимъ и неприличнымъ, и не позволили его напечатать.

Изъ всего сказаннаго нами, читатель можетъ видѣть, каково было то лучшее меньшинство нашего образованнаго общества, на поддержку котораго должна была рассчитывать императрица. А. Я. Полѣновъ былъ одинъ изъ нашихъ образованнѣйшихъ людей прошлаго столѣтія. Поступивъ 11 лѣтъ въ бывшую при академіи наукъ гимназію, и кончивъ въ ней первоначальное ученіе, онъ перешелъ въ 1754 году въ учрежденный при академіи же университетъ, и былъ здѣсь въ числѣ лучшихъ студентовъ по части юриспруденціи. Послѣ этого, въ продолженіе пяти лѣтъ, онъ выслушалъ полный курсъ юридическихъ наукъ въ страсбургскомъ и гёттингенскомъ университетахъ, и дѣйствительно, основательно изучилъ свою спеціальность. Но спеціальность не превратила его въ ходячую ученую мумію, безчувственную и одервенѣлую для всѣхъ живыхъ человѣческихъ впечатлѣній, какъ это бываетъ со многими специалистами. Изъ сочиненія его мы видимъ, что онъ понималъ бѣдственное состояніе народа и глубоко сочувствовалъ ему. Тѣмъ болѣе, поэтому, удивительно то благодушіе, съ которымъ онъ относится въ своемъ проектѣ къ крѣпостному праву. Отчего бы ни происходило это благодушіе—отъ мягкости ли и слабости его природнаго характера, отъ моральнаго ли тяготѣнія мысли большинства надъ его собственной личною мыслию, отъ другихъ ли менѣе извинительныхъ причинъ, во всякомъ случаѣ, этотъ человѣкъ, при всемъ своемъ образованіи, для плановъ Екатерины съ ея новыми идеями и стремленіями былъ вовсе не находка.

То же самое мы должны сказать и о вольно-экономическомъ обществѣ. Его дѣйствія выражали не стремленіе содѣйствовать новымъ идеямъ и началамъ, провозглашаемымъ императрицею, а скорѣе желаніе уклониться отъ нихъ, удержать *statu quo*. Какъ! неужели изъ 164 сочиненій, присланныхъ для соисканія на предложенную императрицею задачу, оно не могло найти ничего лучше сочиненій Беарде-Делабея и Полѣнова, санкціонировавшихъ наше крѣпостное право, и отлагавшихъ разрѣшеніе его на безконечное время? Еслибы въ грудѣ сочиненій, поступившихъ на разсмотрѣніе общества, и дѣйствительно не нашлось ничего лучше этого, то оно должно было признать конкурсъ неудавшимся и назначить новый, а никакъ не присуждать премій сочиненіямъ Беарде-Делабея и Полѣнова, утверждавшимъ ложную точку зрѣнія на наше крѣпостное право. Крѣпостное право у насъ не имѣло законной санкціи, оно было только обычаемъ, который, впрочемъ, не отрицалъ у крестьянъ права ни поль-

зованія землею, подъ тѣми условіями, которыя выставлялъ Полѣновъ въ своемъ проевтѣ, ни гражданскаго полноправія крѣпостныхъ. Что касается до того, что и за крестьянами государственными и дворцовыми Полѣновъ признаетъ только право пользования землею, а не право собственнаго владѣнія, то такая дистрикція крестьянской поземельной собственности для нашего обычая XVIII столѣтія была вѣщю вовсе неслыханною. И Полѣновъ былъ едва-ли не первый русскій человѣкъ, который въ XVIII столѣтіи хотѣлъ ввести въ дѣло эту дистрикцію, прилагая почерпнутыя имъ изъ римскаго и германскаго права юридическія тонкости въ такому государству, которое не знало ничего подобнаго въ своей исторіи, и до послѣдняго времени владѣло поземельною собственностію на патріархальномъ правѣ кочевыхъ народовъ. Вообще, стоя совершенно на невѣрной точкѣ зрѣнія относительно русскаго поземельнаго владѣнія, и Беарде-Делабей и Полѣновъ въ своихъ сочиненіяхъ, въ качествѣ чего-то идеальнаго, требовали для русскаго крестьянина отъ закона того, чего послѣдній никогда и не думалъ у него отнимать, и на что крестьянинъ имѣлъ исконное право, и что не отрицалось отъ него даже и обычаемъ, а отнято было только злоупотребленіемъ.

Но еще замѣчательнѣе та опасливость, или та рабская робость передъ мнѣніемъ большинства, которую выказало вольно-экономическое общество, запретивъ печатать сочиненіе Полѣнова. Собственно что особеннаго заключалось въ этомъ сочиненіи, въ основѣ своей вполне совпадавшемъ съ желаніемъ большинства? Нѣсколько правдивыхъ строкъ относительно безнравственной и безчеловѣчной продажи крѣпостныхъ людей, и вѣскольکو такихъ же строкъ о бѣдственномъ положеніи простаго народа! И только! Но вольно-экономическое общество даже *такую неприятность* не рѣшилось высказать большинству!

Могла ли императрица много разсчитывать въ своихъ великихъ начинаніяхъ на лучшее меньшинство, подобнымъ образомъ настроенное?

Но будемъ продолжать:

Мы уже видѣли выше изъ разсказа самой императрицы, что казъ во время составленія Наказа, такъ и по его составленіи еще до официальной передачи собранной комисіи для составленія уложенія, она показывала его разнымъ образованнѣйшимъ лицамъ по ея выбору. Но «Наказомъ» никто изъ нихъ не увлекся, кромѣ князя Орлова, который, по словамъ императрицы, не зналъ чѣмъ ея работѣ и требовалъ часто, чтобы она показывала ее тому или другому. Графъ Никита Ивановичъ Панинъ отозвался

о Наказѣ такимъ образомъ, что подобными правилами можно разрушить зданіе. Тѣхъ же мыслей держалась, повидимому, и предварительная комісія, составленная изъ сѣѣхавшихся въ Москву депутатовъ по выбору императрицы, для выслушанія приготовленнаго «Наказа». Для засѣданія въ этой комісії нарочно были назначены, по выраженію императрицы, лица весьма разномыслящіе. «Тутъ — говоритъ императрица — при каждой статьѣ родились пренія. Я дала имъ волю чернить и вымарать все, что хотѣли. Они болѣе половины изъ того, что написано было мною, помарали, и остался наказъ уложенія, яко оный напечатанъ». Весьма сомнительно, чтобы всѣ персоны, засѣдавшія въ этой предварительной комісії, были вполне согласны и со всѣмъ тѣмъ, что осталось въ «Наказѣ» еще невымараннымъ. Но нельзя же было вымарать всего «Наказа», составленнаго самою императрицею!

Въ числѣ другихъ «Наказъ» предварительно былъ показываемъ и нашему знаменитому поэту прошедшаго столѣтія Сумарокову, который сдѣлалъ на него свои замѣчанія, а на этихъ замѣчаніяхъ сдѣлала свои отмѣтки императрица. Все это въ высшей степени любопытно, и служить вмѣстѣ съ тѣмъ нагляднымъ доказательствомъ, какіе дѣти въ сравненіи съ императрицею были наши образованнѣйшіе люди XVIII столѣтія. Сумароковъ, самый ярый преслѣдователь тирановъ и самый пламенный пѣвецъ свободы и утонченнѣйшаго гуманизма въ своихъ трагедіяхъ, является защитникомъ и печальникомъ самаго грубаго тиранства, варварства и рабства, когда дѣло доходитъ до существующихъ, дѣйствительныхъ отношеній. Онъ противъ всего возражаетъ, и прежде всего противъ учрежденія самой комісії, противъ составленія законовъ черезъ выбранныхъ депутатовъ. «Большинство голосовъ — пишетъ онъ — истины не утверждаетъ; утверждаетъ мнѣніе великій разумъ и безпристрастіе». «Большинство истины не утверждаетъ — замѣчаетъ императрица — а только показываетъ желаніе большинства». «Ежели кто за недозволеннымъ отсутствіемъ — продолжаетъ Сумароковъ — голоса своего лишится, такъ не онъ, но общество пострадаетъ, ежели полезное его мнѣніе не примется послѣ». «И всякій, слѣдовательно, всякое дѣло остановить, и выдѣть хаосъ», замѣчаетъ императрица. «Законовъ — пишетъ Сумароковъ — съ умствованіемъ народа соглашать не надобно, ибо у честныхъ людей все умствованіе нагая истина, а законы предписываются борющимся истину». «Есть законы, ведущіе къ добру, есть наказывающіе преступленія», отвѣчаетъ императрица. «Умѣренности правосудіе не терпится, а требуетъ надлежащей мѣры, а не строгости и не кротости».

«Воображеніе въ поэтѣ работаетъ — отиѣчаетъ императрица — а связи въ мысляхъ имѣть ему тяжело».

Относительно училищъ Сумароковъ замѣчаетъ, что «вмѣсто нашихъ училищъ и особливо вмѣсто кадетскаго корпуса потребны великіе и всею Европою почитаемые авторы, а особливо несравненный Монтескье, но и въ немъ многое критикѣ подлежитъ». Императрица дѣлаетъ отиѣтку: «многіе критиковали Монтескье, не разумѣя его; а вижу, что я сей жребій съ нимъ раздѣлю».

Но всего интереснѣе замѣчанія Сумарокова, относящіяся къ крѣпостному праву. Здѣсь поэтъ сходитъ съ пьедестала своихъ возвышенныхъ воззрѣній. Въ немъ начинаетъ говорить прямо, безъ эвфемовъ, русскій баринъ, который въ защиту крѣпостнаго права представляетъ просто-на-просто житейскую потребу и доморощенную крѣпостную философію. «Вольности—говоритъ Сумароковъ—и коронѣ и народу больше приносятъ пользы, чѣмъ неволя, но своевольство еще и неволи вреднѣе». Императрица отвѣчаетъ, что о пользѣ вольности у ней много говорится въ Наказѣ, но нигдѣ нѣтъ похвалы своеволю. «Между крѣпостнаго и невольника, пишетъ Сумароковъ, разность: одинъ привязанъ къ землѣ, а другой къ помѣщику». Императрица замѣчаетъ: «какъ это сказать можно! Отверзните очи!» — «Господинъ долженъ быть судья—говоритъ Сумароковъ—это правда, но иное быть господиномъ, иное тиранномъ, а добрые господа всѣ судьи слугамъ своимъ, и отдать это лучше на совѣсть господамъ, нежели на совѣсть слугамъ». «Богъ знаетъ» — замѣчаетъ на это императрица — «Развѣ по чинамъ качества считать!» — «Сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными нельзя—пишетъ Сумароковъ; скудные люди ни повара, ни кучера, ни лакея имѣть не будутъ и будутъ ласкать слугъ своихъ, пропуская имъ многія бездѣльства, дабы не остаться безъ слугъ и безъ повинувшихся имъ крестьянъ, и будетъ ужасное несогласіе между помѣщиковъ и крестьянъ, ради усмиренія которыхъ потребны будутъ многіе полки: непрестанная будетъ въ государствѣ междоусобная брань, и вмѣсто того, что нынѣ помѣщики живутъ покойно въ вотчинахъ («и бывають зарѣзаны отчасти отъ своихъ», прим. Екатерины), вотчины ихъ превратятся въ опаснѣйшія имъ жилища, ибо они будутъ зависѣть отъ крестьянъ, а не крестьяне отъ нихъ. Примѣчено, что помѣщики крестьянъ, и крестьяне помѣщиковъ очень любятъ, а нашъ низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій не имѣетъ». Императрица замѣчаетъ на это: «и имѣть не можетъ въ нынѣшнемъ своемъ состояніи». — «Продавать людей, какъ скотину—пишетъ далѣе Сумароковъ—не должно, но гдѣ же брать, когда крестьяне будутъ вольны? И только будутъ къ опу-

стошенію деревень. Холопей набери, а какъ скоро чему нибудь его внучишь, такъ онъ и отойдетъ къ знатному господину, ибо тамъ ему больше жалованья, а дворяне учать людей своихъ брить, волосы убирать, кушанье варить и проч. И такъ всякъ будетъ тратить деньги на другихъ, выучивая. Малоросійскій подліи народъ отъ сей воли почти несносенъ». Императрица замѣчаетъ: «господинъ Сумароковъ хорошій поэтъ; но слишкомъ скоро думаетъ, чтобы быть хорошимъ законодавцемъ: онъ связи довольной въ мысляхъ не имѣетъ, чтобы критиковать цѣль, и для того привязывается къ наружности вольцевъ, составляющихъ цѣль, и находитъ, что здѣсь или тамъ ошибки есть, которыхъ пороковъ онъ бы оставилъ, если бы понялъ связь. Двѣ возможности въ семъ дѣлѣ суть: возможность въ разсужденіи законодавца и возможность въ разсужденіи подданныхъ или, лучше сказать, тѣхъ, для которыхъ законы дѣлаются; часто прямая истина въ разсужденіи сихъ возможности должна быть употребляема такъ, чтобы она сама себя вреда не нанесла и болѣе отъ добра отвращеніе нежели привлеченіе не сдѣлала» *.

Замѣчательно, что для большинства именно образованнаго класса общества, мысль объ уничтоженіи пытки была ненавистна едва-ли не въ той же мѣрѣ, какъ и мысль объ уничтоженіи крѣпостнаго права. Мы уже видѣли выше, какъ авторъ *Размышленія о неудобствѣхъ въ Россіи дать свободу крестьянамъ* и проч. причину крестьянскихъ возстаній послѣ пугачевского бунта приписывалъ тому, что участвовавшіе въ этомъ бунтѣ были недобровольно строго наказаны. Эта мысль автора *Размышленія* имѣетъ очевидную связь съ распоряженіемъ, которое императрица въ 1774 году дала Бибикову относительно дѣйствій секретной комисіи по пугачевскому бунту. «Пожалуй прикажите — писала она Бибикову — секретной комисіи осторожно быть въ разборѣ о наказаніи людей: при распросахъ какая нужда съчь? Двѣнадцать лѣтъ тайная экспедиція ни одного человека при допросахъ не съела ничѣмъ, а всякое дѣло на чисто разобрано было и всегда болѣе выходило, нежели мы желали знать». Въ комисіи для составленія уложенія именно въ однихъ только наказахъ, представленнхъ депутатами отъ дворянства, выставлено было требованіе «о произведеніи по прежнему въ городахъ ворами, и разбойникамъ, и смертоубійцамъ указныхъ пытокъ». Вліяніе большинства отразилось въ этомъ случаѣ и на лучшемъ меньшинствѣ. Нѣкто Василій Баскаковъ, принадлежавшій къ числу тѣхъ лицъ, кото-

* «Рус. Вѣсти.» 1861 г. Октябрь. «Разказы изъ русской исторіи XVIII в.» Соловьева.

рымъ императрица считала нужнымъ давать свой Наказъ на предварительное рассмотрениеъ, написалъ относительно совершеннаго уничтоженія пытки слѣдующее: «Не благоволено ли будетъ прибавить: *кромя необходимыхъ случаевъ*, которые надобно означить именно». Басваковъ представлялъ въ примѣръ слѣдующій случай: разбойникъ, убивъ хозяевъ дома, вынесъ такую вещь, которую ему одному вынести было никакъ нельзя, между тѣмъ говорить, что товарищей у него не было. Императрица замѣтила на это: «О семъ слышать не можно; и казусъ не казусъ, гдѣ челоѣчество страждетъ»^{*}.

Итакъ, вотъ каково было то лучшее меньшинство образованнаго общества, на которое должна была опираться императрица. Обратимся теперь къ литературѣ.

Мы уже сказали выше, что императрица создала у насъ литературу, какъ общественную силу, всячески поддерживала ее, чтобы дать обществу средство говорить, сама учила его, какъ говорить. Самый способъ реформъ приняла такой, чтобы общество могло выразиться въ нихъ на сколько можетъ и хочетъ. Современныя намъ реформы были дѣломъ правительства. За исключеніемъ реформы крестьянской, онѣ готовились органами правительства и общество не привлекалось къ ихъ обсужденію, хотя ему и не запрещалось высказывать въ извѣстныхъ границахъ свое мнѣніе о нѣкоторыхъ проектахъ реформъ. Наказъ Екатерины былъ только программой, разработка и выполненіе которой вполнѣ предоставлялось обществу, избраннымъ имъ депутатамъ со всей Россіи. Обществу указаны были только начала, на основаніи которыхъ должно было быть разработано новое законодательство.

Какой богатый и почтенный трудъ представлялся литературѣ XVIII столѣтія въ разработкѣ этого Наказа, еслибы въ обществѣ было какое нибудь политическое развитіе. Здѣсь литература не нашла бы никакихъ изъ тѣхъ препятствій и неудобствъ, которыя она встрѣтила въ направленіи обличительно-сатирическомъ. Наказъ, конечно, не былъ закономъ, но основныя его начала не подлежали измѣненію. «Я запретила — говорить императрица — на оный никакъ взирать, какъ единственно оный есть, то-есть правила, на которыхъ можно основать мнѣніе, но не яко законъ и для того по дѣламъ не выписывать яко законъ, но мнѣніе основать на немъ дозволено»^{**}. Какія же это были начала, которыя императрица дозволила даже въ практическому

^{*} Ibid.

^{**} «Рус. Арх.» 1865 № 4, стр. 460.

руководству при рѣшеніи дѣлъ? Это были начала тогдашней современной науки, это были начала почти тѣ же самыя, которыя проповѣдуетъ и за которыя борется современная наука. Такимъ образомъ въ Наказѣ литература имѣла прочный и широкій фундаментъ для своихъ работъ. Къ этому мы должны присовокупить, что Наказъ не представлялъ собою шахматъ тогдашняго свободомыслія императрицы. Ибо мы уже видѣли, что Наказъ въ томъ видѣ, какъ мы его знаемъ, то-есть печатный Наказъ, не содержалъ и половины того, что было въ подлинникѣ, такъ-какъ тѣ просвѣщенные депутаты, которымъ императрица нашла нужнымъ дать Наказъ на предварительное разсмотрѣніе, ужаснулись его вольномыслія и вымарали изъ него болѣе половины*.

Что же? Какъ отнеслась литература къ «Наказу»? Поняла ли она, что разработка вопросовъ, данныхъ «Наказомъ», и есть ея настоящее дѣло, какъ истинно полезное для общественнаго развитія, а не плетеніе виршей? Ничего подобнаго, никакого слѣда подобной попытки мы не встрѣчаемъ въ нашей литературѣ XVIII столѣтія. Напротивъ, литература отнеслась къ «Наказу» такъ, какъ только и могла отнестись, по своему младенческому состоянію, чисто поребачески. Прославленіе милосердія, правосудія, мудрости монархини, громкія фразы о тиранахъ и т. п., вотъ чѣмъ обозначился «Наказъ» въ литературѣ XVIII столѣтія.

Болѣе серьезное употребленіе изъ «Наказа» сдѣлала литература сатирическая или обличительная. Ставъ на точку зрѣнія «Наказа» и руководствуясь его началами, она стала предавать осмѣянію разные современные ей пороки и злоупотребленія. Но дѣйствіе сатиры въ обществѣ неразвитомъ, крайне самолюбивомъ и щекотливомъ, какъ бываетъ со всякимъ обществомъ, пребывающимъ въ самодовольномъ невѣжествѣ, не могло быть ни особенно плодотворно, ни особенно обширно, въ концѣ же концовъ могло окончиться ничѣмъ другимъ, какъ преслѣдованіемъ и уничтоженіемъ самыхъ сатириковъ, какъ оно дѣйствительно и случилось. Къ этому мы должны присовокупить, что русская сатира временъ Елизаветы даже и въ тѣхъ узкихъ предѣлахъ, въ которыхъ она могла дѣйствовать, дѣйствовала очень нерѣдко съ примѣчательною безтактностію, такъ что еслибы не допустить въ ней политической незрѣлости, то ее надобно бы было заподозрить прямо въ неблагонамѣренности.

Возьмемъ, на примѣръ, самаго лучшаго изъ нашихъ сатирическихъ писателей, нашу звѣзду первой величины, блескомъ кото-

* «Рус. Арх.» 1865. № 4, стр. 480.

рой наслаждались не только современники Екатерины, но наслаждаются многие и доселѣ — мы разумѣемъ Фонвизина, и посмотримъ, въ какомъ онъ отношеніи стоялъ къ великимъ идеямъ императрицы?

Лучшіе тогда люди въ Европѣ, Вольтеръ, Д'Аламберъ, Дидро, передъ гениемъ которыхъ преклонялась вся Европа, были и единственными истинными друзьями Екатерины на тронѣ. Они поддерживали императрицу въ тѣхъ идеяхъ и стремленіяхъ ея молодости, для которыхъ она не находила пріивѣта въ Россіи. Дидро, напримѣръ, видѣвшій княгиню Дашкову всего нѣсколько разъ, почелъ долгомъ поговорить съ княгинею неоднократно о необходимости освободить крестьянъ въ Россіи изъ вѣрностнаго состоянія. Странное дѣло! Въ то время, когда въ Россіи всѣ хлопотали объ утвержденіи вѣрностнаго права, французъ, которому, повидимому, не было никакого дѣла до Россіи, хлопочеть о свободѣ русскихъ мужиковъ! Изъ какихъ видовъ? Для чего? Вотъ какими чертами описываетъ княгиня Дашкова Дидро: «Искренность и теплота его сердца, блескъ гевія, вмѣстѣ съ его вниманіемъ и уваженіемъ ко мнѣ, привязали меня къ этому человѣку на всю его жизнь, и даже въ настоящую минуту я свято чту его память. Миръ не счумѣлъ достойно оцѣнить этого велиаго человѣка. Простота и правда проникали каждое его дѣйствіе, и главная задача всей его жизни состояла въ томъ, чтобы содѣйствовать благу его ближнихъ. Если онъ иногда увлекался заблужденіями, то никогда не шелъ противъ своихъ убѣжденій». Таковъ былъ Дидро. На его путешествіе въ 1773 году въ Петербургъ, предпринятое имъ уже въ преклонные годы, на его пребываніе при русскомъ дворѣ въ теченіе пяти мѣсяцевъ и вѣждодневную въ это время бесѣду съ императрицею мы не можемъ смотрѣть иначе, какъ на служеніе дѣлу идеи. «Еслибы я пожелалъ — говорить онъ — черпать полными пригоршнями въ царской шкатулкѣ, то, вѣроятно, дѣло отъ меня зависѣло; но я предпочелъ заставить молчать петербургскихъ злоязычниковъ и дать вѣру во мнѣ парижскимъ невѣрующимъ». «Я обвелъ щедрость императрицы самыми тѣсными границами». «Ничего не надѣясь и не опасаясь, я могъ говорить, какъ мнѣ было угодно»^{*}. Д'Аламберъ своимъ безкорыстіемъ былъ извѣстенъ всей Европѣ. Онъ отказался отъ чести быть воспитателемъ наследника русскаго престола, несмотря на настойчивыя предложенія императрицы Екатерины и громадныя выгоды; точно также отказался отъ предложенія прусскаго короля занять мѣсто въ берлинской акаде-

^{*} Фонвизинъ, соч. вв. Ваземскаго. 1848, стр. 818—816.

ми. Изъ благодарности къ своей кормилицѣ, прирѣвшею его въ дѣтствѣ, Д'Аламберъ прожилъ съ нею около тридцати лѣтъ, называя ее гласно своею матерью и довольствуясь скромнымъ ея жилищемъ въ то время, когда, по своей извѣстности и связямъ, онъ могъ бы имѣть самую блестящую обстановку. Таковы были люди, вниманіемъ, совѣтомъ и дружбою которыхъ дорожила императрица. Фонвизинъ, рѣдкостнѣйшій изъ русскихъ либераловъ екатерининскаго времени, познакомившись съ этими людьми во время путешествія своего за границу, нашелъ въ нихъ не болѣе, какъ площадныхъ шарлатановъ. «Корыстолюбіе — пишеть онъ въ письмѣ своемъ изъ Ахена Панину отъ 18-го (29-го) сентября 1778 года — заразило всѣ состоянія, не исключая самыхъ философовъ нынѣшняго вѣка. Въ разсужденіе денегъ не гнушаются и они человѣческою слабостію. *Даламберты, Дидероты* въ своемъ родѣ такіе же шарлатаны, какиихъ видаль я всякій день на бульварѣ; всѣ они народъ обманываютъ за деньги, а различіа между шарлатаномъ и философомъ только та, что послѣдній къ сребролюбію присовокупляетъ безпримѣрное тщеславіе». Въ частности о Д'Аламберѣ Фонвизинъ говоритъ: «Изъ всѣхъ ученыхъ болѣе всѣхъ удивилъ меня Даламбертъ; я воображалъ лицо важное, почтешное, а нашелъ премерзкую фигуру и преподленькую физиономію». О тщеславіи, какъ французскихъ философовъ, такъ и вообще ученыхъ Фонвизинъ заключаетъ изъ ихъ ожесточенной борьбы за различныя мнѣнія. Видя, что русскіе писатели ея времени жили между собою мирно и любовно и умѣли уважать и даже похвалявать другъ друга, несмотря на то, что одинъ писалъ похвальныя оды, другой комедіи, третій драмы и т. п., Фонвизинъ не понималъ, за что могли бы ссориться и французскіе писатели, еслибы они были такіе же хорошіе люди, какъ и русскіе писатели. А такъ-какъ они ссорились за такіе пустяки, какъ *мнѣнія*, за что русскіе писатели считали тогда стыдомъ ссориться, то Фонвизинъ отсюда и заключилъ, что они люди очень дурные, тщеславные и въ добавокъ къ тому, незнающіе никакихъ приличій. «Тщеславіе ихъ — говоритъ Фонвизинъ — простирается до того, что сама наука сдѣлалась источникомъ непримиримой вражды между семьями. Братъ гонитъ брата за то, что одинъ любитъ Расина, а другой Корнеля, ибо острота французскаго разума велитъ одному брату, любя Расина, ругать язвительно Корнеля, и влястися передъ свѣтомъ, что Расинъ передъ Корнелемъ, и братъ его передъ нимъ гроша не стоятъ. Вообще ни одинъ писатель не можетъ терпѣть другого, и почитаетъ праздникомъ всякой случай уязвить своего совѣстника. При всѣхъ ихъ премудрости вѣтъ въ нихъ

и столько разсуда, чтобы осмотрѣться, какъ безчестять себя сами, ругая другъ друга, и въ какое посмѣяніе приводятъ себя у тѣхъ, въ конкъ хотятъ вселить къ себѣ почтеніе» *.

Подобные взгляды такъ дики для нашего времени, что князь Вяземскій, несмотря на свое сильное расположеніе къ Фонвизину, нашель нужнымъ безпристрастно показать всю нелѣпость подобнаго отношенія Фонвизина къ французскимъ философамъ XVIII вѣка. Разсужденіе объ этомъ предметѣ составляетъ одну изъ лучшихъ мѣстъ въ сочиненіи князя Вяземскаго о Фонвизинѣ, и мы можемъ пожалѣть только, что князь Вяземскій оставялъ при этомъ безъ разсмотрѣнія вопросъ о томъ: въ какой мѣрѣ солидарны были эти взгляды Фонвизина на французскихъ философовъ и писателей съ воззрѣніями вообще тогдашняго русскаго общества. Фонвизинъ былъ заграницею въ 1777 году, то-есть спустя три года послѣ пребыванія при нашемъ дворѣ Дидро. Ему, конечно, было хорошо извѣстно то вниманіе, которымъ пользовался Дидро у императрицы, а равно и вообще ея уваженіе къ французскимъ философамъ. Очевидно, что Фонвизинъ не рѣшился бы высказать своего рѣзко противорѣчащаго воззрѣніемъ императрицы взгляда въ письмахъ къ Панину, если бы самъ Панинъ болѣе или менѣе не раздѣлялъ этого взгляда. Въ отзывахъ Фонвизина мы можемъ видѣть взглядъ Панинскихъ и вообще старорусской партіи, косо взиравшей на новыя идеи науки, проводимыя императрицей. Императрица въ упомянутомъ нами выше «своемъ разсказѣ о первыхъ пяти годахъ своего царствованія» пишетъ, что когда она показала нѣкоторыя части своего «Наказа» Никитѣ Ивановичу Панину, то онъ замѣтилъ: «*ce sont des axiomes à renverser des murailles*» (такими правилами разрушаютъ зданія) **.

Мы сочли нужнымъ прежде всего выяснитъ взглядъ Фонвизина на французскихъ философовъ, потому что взглядъ этотъ лучше всего характеризуетъ мѣру умственнаго урона Фонвизина, и показываетъ ясно его отношеніе къ идеямъ современной ему науки, а слѣдовательно къ идеямъ «Наказа».

Дѣйствительно, изъ сочиненій Фонвизина, тщательно наприсканныхъ благовопіями либеральнаго острословія, всюду отдаетъ тѣмъ гнилымъ и удушливымъ запахомъ ретроградной русской партіи, противъ котораго именно былъ направленъ «Наказъ».

Императрица, напимѣръ, говоритъ въ своемъ «Наказѣ», что дворянство не есть какое-нибудь замкнутое сословіе, что оно при-

* Соч. Фонвизина, изд. Смирдина. 1847, стр. 301—307.

** «Рус. Арх.» 1865 № 4, стр. 480.

обрѣтается добродѣтелю, соединенной [съ заслугами, слѣдовательно можетъ быть достигнуто каждымъ.

Фонвизинъ относительно дворянства стоитъ на точкѣ зрѣнія исключительныхъ родовыхъ привилегій. Онъ не хочетъ, чтобы званія дворянина были удостоиваемы люди, которыхъ отцы не были дворянами, даже думаетъ, что по самой природѣ своей они неспособны носить такое званіе. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ отзывался о товарищѣ своемъ по службѣ (у кабинет-министра Елагина) Лукинѣ, такомъ же чиновникѣ, какъ и онъ, и писателѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ гораздо замѣчательнѣйшемъ Фонвизина, но который имѣлъ несчастье быть не дворянскаго происхожденія и недолюбливалъ Фонвизина. «Иванъ Перфильевичъ (Елагинъ) — такъ пишетъ Фонвизинъ въ одномъ письмѣ своимъ родителямъ (отъ 26 іюня 1766 года) — ежедневно показываетъ мнѣ знаки своей милости; но крайней-мѣрѣ нынѣ не имѣю я того смертельнаго огорченія, которое прежде чувствовалъ отъ человѣка, коего и самая природа и въ насъ нѣтъ законы сдѣлали ниже меня, и который, несмотря на то, хотѣлъ не только имѣть надо мною преимущество, но еще и править мною такъ, какъ обыкновенно правятъ честными людьми (то-есть дворянами, см. ниже) мноія твари одинакой съ нимъ природы. Иванъ Перфильевичъ, будучи самъ благородный и честный человѣкъ, раскаявается въ прежнемъ своемъ поступкѣ съ Лукинымъ и поклялся впредь не производить въ чины никого изъ тѣхъ, которыхъ отцы и предки въ свой стѣкъ чиновъ не имѣли, и родились служить, а не господствовать» *.

Исходя изъ той мысли, что одни самую природою предназначаются къ господству, а другіе самую природою же обрекаются на рабство, Фонвизинъ самымъ правильнымъ политическимъ устройствомъ государства почитаетъ то, гдѣ одни пристроены для вѣчнаго господства, другіе для вѣчнаго рабства; дѣло мудрой политики должно состоять только въ томъ, чтобы соразмѣрить число господствующихъ съ числомъ рабствующихъ. Изъ разрушенія такихъ социальныхъ отношеній Фонвизинъ объясняетъ бѣдствія Франціи. Въ пьесѣ «Выборъ губернатора» Сеумъ, предводитель дворянства, ведетъ между прочимъ слѣдующій разговоръ съ офицеромъ *Нельстецовымъ*, который, какъ показываетъ уже самая фамилія, играетъ въ пьесѣ роль *Стародума* или человѣка, высказывающаго мысли и воззрѣнія Фонвизина:

Сеумъ. Читая въ газетахъ описаніе гибельнаго состоянія Франціи, желалъ бы я знать, противъ какого политическаго пра-

* Соч. Фонвизина, изд. Смирд., стр. 628.

вила грѣшать французы, заводя равенство состояній (къ *Нельстецову*). Миѣ не случилось съ вами объ этомъ говорить, а право, желалъ бы знать ваше о томъ мнѣніе.

Нельстецовъ. Я никакъ не беру на себя рѣшить вашъ вопросъ; однако готовъ отдать на судъ вамъ мое о томъ мнѣніе; вотъ оно: нигдѣ и никогда не бывали и быть не могутъ такіе законы, кои бы каждаго частнаго человѣка дѣлали счастливымъ. Необходимо надобно, чтобы одна часть подданныхъ для блага государства чѣмъ нибудь жертвовала, слѣдственно, равенство состояній и быть не можетъ и проч.

Скумъ. Но когда не могутъ быть законы, кои бы всякаго частнаго человѣка дѣлали благополучнымъ, то что же остается дѣлать законодателю?

Нельстецовъ. Остается расчислить такъ, чтобы число жертвующихъ соразмѣрно было числу тѣхъ, для благополучія коихъ жертвуется *.

Выборъ гувернера написанъ Фонвизинимъ уже послѣ изданія императрицею дворянской грамоты. И приведенное нами мѣсто заключается похвалою законодательному уму Екатерины, умѣвшей соразмѣрить число господствующихъ съ числомъ рабствующихъ. До изданія дворянской грамоты, Фонвизинъ является въ своихъ сочиненіяхъ печальникомъ за права дворянства. Мысль о преимуществахъ дворянской природы сквозитъ сквозъ всё сочиненія Фонвизина, — и *возвышеніе* (т. е. ободреніе) дворянскихъ душъ было постоянною его заботою. «Я видѣлъ отъ почтеннѣйшихъ предковъ презрительныхъ потомковъ; я видѣлъ дворянъ раболѣпствующихъ. Я дворянинъ, и вотъ что растерзало мое сердце». Такъ писалъ Фонвизинъ въ свое оправданіе императрицѣ, когда та, принявъ смѣлый вопросъ его о возвышеніи дворянскихъ душъ за упрекъ себѣ, отвѣчала съ неудовольствіемъ, что «кажется ея сравнительно съ прежнимъ временемъ дворянскія души значительно ободрены» **. Вопросы были писаны Фонвизинимъ въ 1782 году, т.-е. до изданія дворянской грамоты, и

* Соч. Фонвизина, стр. 208.

** Вопросы Фонвизина и отвѣтъ императрицы см. Соч. Фонвизина, стр. 659. *Вопросъ 18.* Чѣмъ можно возвысить унащія души дворянства? Какимъ образомъ изгнать изъ сердецъ нечувственность къ достоинству благороднаго званія? Какъ сдѣлать, чтобы почтенное званіе дворянина было несомнѣннымъ доказательствомъ душевнаго благородства? *Отвѣтъ на 18.* Сравненіе прежнихъ временъ съ нынѣшнимъ покажетъ несомнѣнно, koliko души ободрены либо унали; самая наружность, походна и проч. то уже оказываютъ.

Т. CLXXVI. — Отд. I.

императрица очевидно поняла вопросъ Фонвизина болѣе существенно, чѣмъ онъ предполагалъ (если, впрочемъ, только будемъ вѣрить его объясненію).

Типъ того идеальнаго дворянина, о которомъ хлопочетъ Фонвизинъ въ своихъ комедіяхъ, представляетъ Стародумъ. Портретъ этого Стародума снятъ, вѣроятно, съ Н. И. Панина, которому, по выраженію Фонвизина, «титло *честнаго* человѣка дано было гласомъ цѣлой націи», и котораго самъ Фонвизинъ называетъ «мужемъ истиннаго разума и честности, превыше нравовъ сего вѣка». Въ жизнеописаніи графа Панина Фонвизинъ говоритъ о себѣ, что «онъ былъ неотлучно при своемъ благодѣтелѣ до послѣдней минуты его жизни, сохраняя къ нему непоколебимую преданность и вѣрность». Въ свою очередь графъ Панинъ, по словамъ Фонвизина, «удостоивалъ его полной во всемъ довѣренности», и почиталъ его не только человѣкомъ умнымъ, но и, какъ кажется, человѣкомъ ума государственнаго, ибо поручилъ ему написать какое-то политическое сочиненіе для наслѣдника престола.

Стародумъ рассказываетъ о себѣ, что онъ родился при Петрѣ-Великомъ. Отецъ его служилъ при дворѣ Петра-Великаго, но «въ тогдашній вѣкъ, придворные были воины, да воины не были придворными». Воспитаніе дано ему было по тогдашнимъ способамъ — хотя и наилучшее, но въ то время мало было способовъ къ ученію, «да и не умѣли еще чужимъ умомъ набивать пустую голову». За то оно дало ему *душу*, безъ которой «просвѣщеннѣйшая умница — жалкая тварь». Ибо «на все прочее мода: на умъ — мода, на знанія — мода, какъ на пряжки, на пуговицы, а на *душу* нѣтъ моды». Имѣть душу значить, по терминологіи Фонвизина, имѣть *честь*, *честность*. Фонвизинъ разграничиваетъ рѣзко три разряда добродѣтели: *безпорочность*, *добродѣтель*, *честь*. Безпорочность поставляетъ себѣ правиломъ не дѣлать того другому, чего себѣ не пожелаешь; *добродѣтель* велитъ дѣлать другимъ то, чего бы пожелалъ себѣ. Все это дѣлаетъ и честность, но разность та, что *безпорочный* бываетъ таковымъ по воспитанію и повинуется законамъ; *добродѣтельный* слѣдуетъ часто въ дѣлахъ своихъ разсужденію; *честный* же человѣкъ не закону повинуется, не разсужденію слѣдуетъ, не примѣрамъ подражаетъ: въ душѣ его есть нѣчто величавое, влекущее его мыслить и дѣйствовать благородно. Онъ, кажется, самъ себѣ законодателемъ: въ немъ нѣтъ робости, подавляющей въ слабыхъ душахъ самую добродѣтель. Онъ вькогда не бываетъ орудіемъ порока; онъ въ своей добродѣтели самъ на себя твердо пола-

гается *. Честность, по воззрѣнію Фонвизина, есть прирожденное и какъ-бы привилегированное свойство дворянства. И вооруженный имъ Стародумъ презрительно относится ко всему прочему, въ особенности къ знанію. Сначала, когда Стародумъ поступилъ въ военную службу, прелесть знанія увлекла было его въ лицѣ одного его товарища, молодого графа, сына случайнаго отца, воспитаннаго въ большомъ свѣтѣ и имѣвшаго особенный случай научиться тому, что въ воспитаніе Стародума еще не входило. Стародумъ употребилъ всѣ силы снискать его дружбу, чтобы всегдашнимъ обращеніемъ съ нимъ наградить недостатки собственнаго». Дѣло было-пошло на ладъ. Но въ это время случилась война. Стародумъ при извѣстіи о войнѣ съ радостію бросился въ объятія графа. «Пойдемъ тотчасъ въ армію—сказалъ онъ ему—и сдѣлаемся достойными званія дворянина, которое дала намъ природа». Но графъ пожелалъ Стародуму счастливаго пути, а самъ остался дома. «Ни съ чѣмъ нельзя сравнить презрѣнія — говоритъ Стародумъ — которое я ощутилъ къ нему въ ту же минуту. Тутъ я увидѣлъ, что и съ великимъ просвѣщеніемъ можно быть великому скареду». Съ этого времени утвердилась въ Стародумѣ навсегда, если не вражда, то недовѣріе къ современному знанію. Увидавъ, что племянница его читаетъ книгу, Стародумъ спрашиваетъ ее: «Какую она читаетъ книгу?» «Французскую—отвѣчаетъ ему племянница—Фенелона о воспитаніи дѣвицъ». «Фенелона? автора Телемака? — отвѣчаетъ ей Стародумъ.—Хорошо, я не знаю твоей книжки, но читай ее, читай. Кто написалъ Телемака, тотъ перомъ своимъ правовъ развращать не станетъ. Я боюсь за васъ, нынѣшнихъ мудрецовъ. Мнѣ случалось читать изъ нихъ все то, что переведено порусски. Они, правда, искореняютъ сильно предрассудки, но воротятъ съ корня добродѣтель» **.

Но будемъ продолжать исторію Стародума. На войнѣ Стародумъ отличился, получилъ множество ранъ, но въ то время, когда онъ лежалъ больной отъ ранъ, вдругъ онъ получаетъ извѣстіе, что графъ, который не пошелъ на войну, получилъ чинъ, а онъ обойденъ—онъ, лежавшій на одрѣ отъ ранъ, въ тяжелой болѣзни. Это растерзало его сердце, онъ съ горяча взялъ отставку, пріѣхалъ въ Петербургъ, и тутъ по слѣпому случаю попалъ на службу ко двору. Въ службѣ при дворѣ Стародумъ нашелъ одни огорченія и бѣжалъ изъ нея, «не принеши домой—по его сло-

* Соч. Фонвизина, стр. 599, 606, 601.

** Соч. Фонвизина, 639.

вамъ — ничего кромѣ души, честности и правилъ! Это, разумѣется, заставляетъ его говорить о придворной службѣ самымъ озлобленнымъ языкомъ. Но спрашивается: кто жь его тащилъ въ придворную службу? Зачѣмъ онъ лѣзъ туда? На это Стародумъ отвѣчаетъ, что дворянинъ не можетъ не служить своему отечеству; взять отставку позволительно ему только «въ одномъ случаѣ: когда онъ внутренно удостовѣренъ, что служба его прямой пользы отечеству не приносить». Стародумъ признается, что онъ погорячился, вышедши въ отставку изъ военной службы, гдѣ онъ былъ полезенъ; но отъ двора, говорить Стародумъ, онъ обязанъ былъ бѣжать, чтобы не заразиться самому. Однакожь, если всѣ честные люди будутъ поставлены въ необходимость бѣжать изъ службы, то въ службѣ не останется ни одного честнаго человѣка. Потому Стародумъ и находитъ съ одной стороны необходимымъ воспитаніе, которое бы приготовляло для службы все Стародумовъ, а съ другой, чтобы, достойный престола государь стремился возвысить души своихъ подданныхъ. Мы это и видимъ говорить онъ — своими глазами. «Способы сдѣлать людей добрыми — говорить Стародумъ — всѣ въ рукахъ государя. Какъ скоро всѣ увидятъ, что безъ благоправія никто не можетъ выйти въ люди, что ни подлюю заслугою и ни за какія деньги нельзя купить того, чѣмъ награждается заслуга, что люди выбираютъ для мѣстъ, а не мѣста похищаются людьми, тогда всякій найдетъ свою выгоду быть благоправнымъ, и всякій хорошъ будетъ». *Правдинъ*, съ которымъ ведетъ свой разговоръ Стародумъ, замѣчаетъ на это: «справедливо, великій государь даетъ»... Стародумъ перебиваетъ его: «милость и дружбу тѣмъ, кому изволитъ; мѣста и чины тѣмъ, кто достоинъ».

Разбирая комедію Фонвизина, наша критика обыкновенно говоритъ, что въ «Недорослѣ» Стародумъ лицо вовсе ненужное, резонерствующее вовсе не кстати и пустяки — и говоритъ совершенную правду. Но такъ это съ точки зрѣнія критики. Съ точки зрѣнія Фонвизина, напротивъ, Стародумъ самое существенное лицо въ комедіи. Въ уста Стародума онъ влагаетъ всѣ свои задушевные убѣжденія, всѣ затаенныя жалобы, всѣ тщательно, впрочемъ, прикрываемыя нотации разнымъ нелюбимымъ личностямъ. По мнѣнію Фонвизина Стародумъ и есть именно настоящій герой, и онъ гордился созданіемъ этого типа. Въ одной небольшой статейкѣ, заготовленной Фонвизинимъ для сатирическаго журнала, который онъ хотѣлъ издавать въ 1788 году, вновь введенный въ качествѣ будто бы сотрудника журнала, Стародумъ говорить между прочимъ о себѣ: «Я самъ жилъ боль-

шею частію тогда, когда каждый слушаа двонхъ тахъ бесѣдующихъ, какъ я говорилъ съ Правдиннымъ (въ «Недорослѣ»), бѣжалъ прочь отъ нихъ стрелгавъ, трелеща, чтобы не сдѣлаи его свидѣтелемъ вольныхъ разсужденій о дворѣ и о дурныхъ вельможахъ; но чтобы сей мой разговоръ приведенъ былъ въ театральное сочиненіе, о томъ и помышлать было невозможно; ибо погибель сочинителя была бы наградою за сочиненіе. Екатерина расторгла узъ* и проч. Далѣе слѣдуютъ похвалы императрицѣ, за дарованную ею свободу слова. Фонвизинъ и не подозрѣвалъ, что его Стародумъ имѣетъ видъ вовсе не смѣлаго протестанта, гордо во имя принципа бросающаго перчатку обществу, а видъ обойденнаго чиновника, который высказываетъ свои претензіи передъ начальствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ льститъ ему самымъ грубымъ образомъ и плачется, чтобы оно не оставило его своими милостями на будущее время. Фонвизинъ, конечно, удивился бы, еслибы ему сказали, что самое безчестное лицо въ его комедіи есть именно его идеальный дворянинъ, изображенный въ образѣ Стародума. А между тѣмъ оно дѣйствительно такъ; потому что никто такъ пошло не канючить, какъ онъ.

Вообще Фонвизинъ былъ очень недурной карикатуристъ, ловкій остроловъ, но плохой мыслитель, и всего менѣе политикъ. Кругозоръ его мысли былъ крайне ограниченный и узкій. И потому нѣтъ ничего забавнѣе, когда Фонвизинъ воображаетъ себя великимъ политическимъ писателемъ, который «можетъ въ своей комнатѣ, съ перомъ въ рукахъ, быть иногда полезнымъ совѣтователемъ государю, а иногда и спасителемъ согражданъ своихъ и отечества». Императрица очень хорошо понимала смѣшныя въ этомъ отношеніи претензіи Фонвизина, и потому, когда услышала, что Панинъ поручилъ написать Фонвизину какое-то политическое сочиненіе для наследника престола, замѣтила въ кругу своихъ приближенныхъ съ свойственною ей находчивостію: «худо мнѣ жить приходится, ужъ и г. Фонвизинъ хочетъ учить меня царствовать**».

Все это мы говоримъ не для того, конечно, чтобы унижать талантъ Фонвизина — подобная задача не стоида бы ни времени, ни труда, а для того, чтобы показать, какъ мало великія идеи Екатерины могли находить себѣ поддержки и сочувствія, даже въ лучшихъ представителяхъ тогдашней литературы. О Фонви-

* Соч. Фонвизина, стр. 533.

** Фонвизинъ, соч. Вяземскаго, стр. 285.

знаніи мы распространились потому, что многіе доселѣ почитаютъ его великимъ политикомъ, принимая его мелкія чиновничьи огорченія, проглядывающія на каждомъ шагу въ его сочиненіяхъ, за великія гражданскія скорби. Но то, что мы сказали о Фонвизинѣ, какъ политикѣ, можетъ быть почти вполнѣ приложено ко всѣмъ литераторамъ тогдашняго времени. Даже княгиня Дашкова, женщина замѣчательно образованная и знакомая съ современною тогдашнею философіею, доказывала Дидро пользу и необходимость крѣпостнаго права въ Россіи. Что касается до друга Фонвизина, Державина, то послѣдній былъ вполнѣ согласенъ съ Фонвизинимъ, какъ относительно того, что дворянинъ долженъ заботиться не столько о приобрѣтеніи знаній, сколько о приобрѣтеніи души, и что послѣднюю всего легче приобрѣсть и сохранить въ полкахъ и канцеляріяхъ, чѣмъ гдѣ-нибудь, такъ и относительно того, что рабы необходимы для благосостоянія всякаго общества, и что вся мудрость управленія должна состоять только въ томъ, чтобы соразмѣрять число рабствующихъ съ числомъ господствующихъ. Извѣстны двѣ его знаменитыя борьбы, которыя, въ званіи министра юстиціи и генерал-прокурора при императорѣ Александрѣ, велъ онъ не только съ сенатомъ, но даже съ самимъ государемъ: одну изъ-за указа о свободныхъ хлѣбопашцахъ, другую — за принятое сенатомъ мнѣніе графа Потоцкаго объ освобожденіи молодыхъ дворянъ отъ обязательной двѣнадцатилѣтней службы въ унтер-офицерскихъ чинахъ. Защищая свои отсталыя воззрѣнія, Державинъ, относительно своихъ противниковъ, прибѣгалъ къ тому же недостойному приему, къ какому у насъ и доселѣ не стыдятся прибѣгать люди ему подобные, то-есть взводилъ на нихъ обвиненіе въ государственной измѣнѣ, называлъ врагами отечества, самодержавія, революціонерами, готовящими гибель государству, и т. п.

По доселѣ сказанному нами, читатель можетъ судить, какъ одинокою стояла императрица въ современномъ ей обществѣ съ своими либеральными начинаніями. Она лично также не нашла поддержки своимъ идеямъ и стремленіямъ, какъ и Петръ-Великій; но ея борьба была гораздо труднѣе. Ея личное положеніе было совсѣмъ другое, чѣмъ Петра-Великаго, и притомъ борьба, которую она должна была вести, была гораздо внутреннѣе, духовнѣе, чѣмъ борьба послѣдняго. Ей надобно было имѣть дѣло вслѣдствіемъ съ общественною мыслию, на которую можно было дѣйствовать только мыслию же, и которой нельзя было измѣнить ни регламентами, ни указами. Вотъ почему Петръ до конца остался вѣренъ своимъ первоначальнымъ идеямъ и начинаніямъ,

и съ распростертыми объятіями принимала новыхъ людей, имъ самимъ приготовленныхъ; Екатерина, уступая мало-по-малу напору общественной мысли, съ которой не имѣла средствъ бороться, вышла, наконецъ, на путь, мало соответствовавшій первоначальной программѣ ея царствованія, и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнилась въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ, воспитаннымъ въ ея собственныхъ идеяхъ.

Все это, конечно, очень грустно, тѣмъ не менѣе, за императрицею Екатериною навсегда и безспорно останется нѣма великой, какъ первой насадительницы у насъ идей истинно европейской цивилизаціи и культуры. Сѣмена, брошенная ею въ первые годы ея царствованія, не исчезли безслѣдно. Они дали всходы и плодъ. Сама императрица, даже въ то время, когда отказалась въ своей собственно законодательной дѣятельности отъ идеаловъ своею молодости, какъ совершенно неисполнимыхъ для ея времени, твердо вѣрила однакожь, что когда-нибудь придетъ время ихъ исполненія, и только тогда Россія будетъ счастлива. Въ такихъ именно надеждахъ и вѣрованіяхъ былъ воспитанъ ею внукъ ея Александръ. Потомцы Екатерины же были и тѣ люди, которые окружали его престолъ и были дѣятельнѣйшими его помощниками при началѣ его царствованія. Сама императрица въ своей личной дѣятельности, несмотря на постепенно все болѣе и болѣе возрастающую въ ней перемѣну къ первоначальнымъ идеямъ ея молодости, старалась, на сколько то казалось ей возможнымъ, не отступать отъ нихъ. Такъ, графъ Сегюръ рассказываетъ, что императрицу только съ трудомъ уговорили подписать приговоръ о смертной казни Пугачеву * (Пугачевъ казненъ 10-го января 1775 года). Такъ, въ 1788 году, когда императрица стала недоувѣрять распространявшемуся просвѣщенію, и въ особенности просвѣтительной дѣятельности Новикова, о которомъ она прямо сказала Храповицкому: «c'est un fanatique», она ограничилась только тѣмъ, что не велѣла отдавать ему въ аренду московской университетской типографіи, но не касалась лично ни его самого, ни его дѣятельности, тѣмъ болѣе, дозволенной свободой печати вообще и учрежденія вольныхъ типографій. И хотя въ это время существовалъ уже страшный Шешковскій, и императрица имѣла полное понятіе о его талантахъ, но она не давала еще полного ходу его ревности. Такъ, отдавая ему для разбора письма Пашковой (1787), она нѣкоторыя изъ нихъ

---

* Записки графа Сегюра, стр. 19.

согля собственноручно, боясь лишняго усердія Шешковскаго *. Только съ 1789 года, то-есть со времени революціи, и въ особенності со времени казни Лудовика XVI, императрица принимаетъ открыто и прямо образъ дѣйствій, совершенно противоположный идеаламъ ея молодости. Но и то впрочемъ не вдругъ. Закрытіе вольныхъ типографій, установленіе цензуры, было уже однимъ изъ послѣднихъ распоряженій императрицы Екатерины. Замѣтимъ при этомъ, что даже Радищевъ, издавшій въ это тревожное время книгу, которую была глубоко оскорблена императрица, и котораго она называла передъ Храповицкимъ бунтовщикомъ хуже Пугачева, былъ, вмѣсто смертной казни, къ которой приговорилъ его судъ, сосланъ на 10 лѣтъ на житье въ влискій острогъ.

Вотъ почему самое царствованіе императрицы, при всемъ несоотвѣтствіи его съ первоначальною программю, провозглашенною императрицею въ «Наказѣ», не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ предшествовавшими царствованіями по той безопасности, спокойствію, увѣренности въ своей цѣлости на завтрашній день, которыми пользовался всякій. Это, повидямому, было немного, но въ самомъ дѣлѣ было очень много, если вспомнимъ, что въ предшествовавшія царствованія наше общество не всегда пользовалось этими благами. Императрица не перемѣняла законовъ до ея царствовавшихъ, но ея личныя гуманныя воззрѣнія въ связи съ сохранявшимся въ ней нѣкоторымъ уваженіемъ къ провозглашеннымъ ею самою началамъ давали другой видъ всему. Всякій знаетъ, какъ во всякомъ монархическомъ правленіи быстро смягчается острота самыхъ строгихъ законовъ и суровость ихъ исполнителей отъ личныхъ воззрѣній и отношеній монарха. Въ царствованіе Екатерины въ первый разъ русское общество стало чувствовать себя легко и свободно. Вотъ почему ни объ одномъ царствованіи современники не отзывались съ такимъ восторгомъ, какъ о царствованіи Екатерины. Императоръ Александръ I-й дѣйствительно обрадовалъ всѣхъ, когда въ манифестѣ своемъ о восшествіи на престолъ объявилъ, что онъ будетъ править Богомъ врученнымъ ему народомъ по законамъ и сердцу премудрой бабки своей Екатерины Великой, и вслѣдъ за тѣмъ, какъ-бы разъясняя истинныя желанія своей бабки, освободилъ всѣхъ содержавшихся по дѣламъ тайной экспедиціи въ крѣпостяхъ и сосланныхъ въ Сибирь или

* Записки Храповицкаго, стр. 121—49.

отдаленные города и деревни подъ надзоръ мѣстныхъ властей и уничтожилъ самую тайную экспедицію.

Такимъ образомъ «Наказъ» императрицы не остался ничего незначущимъ кускомъ бумаги, какъ думаютъ нѣкоторые. Онъ бросилъ массу новыхъ идей въ общество, въ которыхъ воспиталась новая порода людей, дѣйствовавшихъ при императорѣ Александрѣ. Въ началахъ его былъ воспитанъ императоръ Александръ, давшій новое направленіе нашему законодательству. Во время самой императрицы «Наказъ» былъ нѣкоторымъ оплотомъ той дозы свободы, которую пользовались общество и литература почти во все ея царствованіе.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію самаго «Наказа».

«Наказъ» не есть какой нибудь связанный законодательный кодексъ. Онъ, какъ показываетъ и самое названіе его, есть не болѣе, какъ инструкція, данная Екаториной въ руководство при составленіи законовъ — инструкція, выясняющая взглядъ императрицы на разные начала и предметы права государственнаго, уголовнаго, гражданскаго и т. п. Естественно, что въ своемъ «Наказѣ» императрица должна была говорить или о тѣхъ предметахъ, на которые она имѣла взглядъ новый отъ общепринятаго, или о тѣхъ, которые по обстоятельствамъ времени казались ей требовавшими особеннаго вниманія и разъясненія. Поэтому хотя «Наказъ» заимствованъ и изъ иностранныхъ источниковъ, въ особенности изъ Монтескье и Беккариа, но этими заимствованиями руководили насущныя потребности русскаго общества.

Самое значительное мѣсто дано въ «Наказѣ» разъясненію понятій о предметахъ уголовнаго законодательства, ибо «вольность гражданина — по словамъ «Наказа» — ни отъ чего не претерпѣваетъ большаго нападенія, какъ отъ обвиненія судебныхъ или стороннихъ (частныхъ) вообще» (ст. 466). Потому на этой части «Наказа» остановимся и мы, чтобъ познакомиться съ его духомъ и направленіемъ.

«Гораздо лучше — говорить «Наказъ» — предупреждать преступленія, нежели наказывать» (ст. 240).

«Предупреждать преступленія есть мѣрение и конецъ хорошаго законодательства, которое есть не что иное, какъ искусство приводить людей къ самому совершенному благу или оставлять между ними, если всего искоренить нельзя, самое малѣйшее зло» (ст. 241).

«Хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобъ законы меньше благоденствовали разнымъ, между гражданами,

чинать, нежели всякому гражданину особо. Сдѣлайте, чтобы люди боялись законовъ и никого, кромѣ ихъ не боялись» (243, 244).

«Хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобы про-свѣщеніе распространилось между людьми» (245).

«Еще можно предупредить преступленія награжденіемъ добродѣтели» (247).

«Наконецъ, самое надежное, но и самое труднѣйшее средство сдѣлать людей лучшими, есть приведеніе въ совершенство воспитанія» (248).

Итакъ, по взгляду «Наказа», преступленіе въ обществѣ есть нѣчто случайное, нѣчто такое, что самимъ же обществомъ можетъ быть уничтожено или, по крайней мѣрѣ, доведено до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ. И если этого не сдѣлано въ какомъ-нибудь обществѣ доселѣ, то, очевидно, что въ этомъ виновна не частная воля, совершающая преступленіе, а само общество, неустранившее условій, порождающихъ и питающихъ преступленіе. Спрашивается: какое же право имѣетъ общество наказывать преступленія? Къ этому вопросу приходять и «Наказъ».

«Откуда — говорить ояъ — имѣютъ начало свое наказанія и на какомъ основаніи утверждается право наказывать людей?» (144).

«Законы — отвѣчаетъ ояъ — можно назвать способами, коими люди соединяются и сохраняются въ обществѣ и безъ которыхъ бы общество разрушилось. Но недовольно было уставать сіи способы, кои сдѣлались залогомъ (общества), надлежало и предохранить оный: наказанія установлены на нарушителей» (145, 146).

«Всякое наказаніе несправедливо, какъ скоро оно не надобное для сохраненія въ цѣлости сего залога» (147).

«Когда бы жестокость наказанія не была уже опровергнута добродѣтелями, человѣчество милующими (т.-е. еслибъ жестокость наказаній не была противна человѣколюбію), то къ отриновенію оныя довольно было бы и сего, что она бесполезна; и сіе служить къ показанію, что она несправедлива» (150).

«Намѣреніе установленныхъ наказаній не то, чтобы мучить тварь, чувствами одаренную; они на тотъ конецъ предписаны, чтобы воспрепятствовать виноватому, дабы ояъ впредь не могъ вредить обществу и чтобы отвратить согражданъ отъ содѣланія подобныхъ преступленій. Для сего между наказаніями надлежитъ употреблять такіа, которыя, будучи уравнены съ преступ-

леніями, впечатлѣли бы въ сердцахъ людскихъ начертаніе самое живое и долго пребывающее, и въ то же время были бы меньше люты надъ преступниковымъ тѣломъ» (205).

«Гражданская вольность тогда торжествуетъ, когда законы на преступниковъ всякое наказаніе выводятъ изъ особливаго каждому преступленію свойства. Все произвольное въ наложеніи наказанія исчезаетъ. Наказаніе не должно происходить отъ прихоти законоположника, но отъ самой вещи, и не человѣкъ здѣсь долженъ дѣлать насиліе человѣку, но собственное дѣйствіе человека» (67).

Раздѣливъ затѣмъ всѣ преступленія на четыре разряда: 1) на преступленія противъ закона или вѣры; 2) противъ нравовъ; 3) противъ тишины и спокойствія, и 4) противъ безопасности общественной — «Наказъ» для первыхъ трехъ родовъ преступленій считаетъ достаточными наказаніи исключительно *исправительными*, и только для послѣдняго рода наказанія *уголовныя*.

Преступленія противъ *тыри* или *закона*, называемыя въ «Наказѣ» святотатствомъ, должны быть по «Наказу» наказываемы лишеніемъ тѣхъ выгодъ, которыя намъ даруетъ вѣра, то-есть изгнаніемъ изъ храмовъ, исключеніемъ изъ собранія вѣрущихъ на время или навсегда, удаленіемъ отъ ихъ присутствія (74).

Преступленія противъ нравовъ должны наказываться *лишеніемъ* выгодъ отъ всего общества присоединенныхъ къ чистотѣ нравовъ, денежнымъ наказаніемъ; стыдомъ или безславіемъ, принужденіемъ скриваться отъ людей, безчестіемъ всенароднымъ, изгнаніемъ изъ города или общества» (77).

Преступленія противъ спокойствія и тишины гражданъ должны наказываться лишеніемъ сего спокойства, ссылкой, исправленіями и другими наказаніями, которыя безпокойныхъ людей возвращаютъ на путь правый и приводятъ ихъ опять въ порядокъ установленный (78).

Только преступленія послѣдняго рода, то-есть противу безопасности общественной, подлежатъ, по «Наказу», наказаніямъ уголовнымъ. Какъ высшее въ числѣ этихъ наказаній, «Наказъ» допускаетъ наказаніе тѣлесное, но при этомъ отвергаетъ, какъ всѣ тѣ наказанія, «которыя можно изуродовать человеческое тѣло», такъ съ особенною силою и краснорѣчіемъ вооружается противъ смертной казни (96, 211).

Высшее изъ преступленій противъ безопасности общественной, по «Наказу», есть оскорбленіе величества. Не выдѣляя наказаній за это преступленіе изъ ряда другихъ того же рода, «Наказъ» посвящаетъ особую главу разъясненію этого преступленія, и дѣ-

ласть это на томъ основаніи, что «свободѣ гражданъ угрожала бы великая опасность, еслибы столь важный пунктъ не былъ точно разъясненъ въ законѣ».

Точное разъясненіе этого пункта было въ то время, какъ мы знаемъ, необходимо по тогдашнему азіатскому взгляду общества на оскорбленіе величества.

Извѣстно, сколько слезъ, бѣдствій и всякаго зла причинило Россіи ужасное: *слово и дѣло*, тяготѣвшее надъ нею впродолженіе полувѣка. Петръ III указомъ отъ 21-го февраля 1762 года уничтожилъ тайную канцелярію съ наводившимъ трепеть на всѣхъ словомъ и дѣломъ; императрица черезъ 9 мѣсяцевъ послѣ этого (19-го октября) нашла нужнымъ снова повторить указъ Петра III. Но этого было недостаточно, чтобы уничтожить зло. Общество, воспитанное въ своихъ понятіяхъ объ оскорбленіи величества, подъ ферулой страшнаго слова и дѣла, имѣло самое темное представленіе о существѣ этого преступленія и находилось въ запуганномъ состояніи. А между тѣмъ корыстолюбіе, месть, лакейство расплодили въ обществѣ охотниковъ отыскивать это преступленіе во всемъ. «Наказъ» справедливо говоритъ, что «если преступленіе въ оскорбленіи величества даже и описано въ законахъ, но словами неопредѣленными, то уже довольно изъ сего можетъ произойти различныхъ злоупотребленій».

Съ исчисленія этихъ злоупотребленій «Наказъ» и начинается слово о преступленіи противъ оскорбленія величества.

«Китайскіе законы, напримѣръ, говоритъ онъ, присуждаютъ, что если кто почтенія государю не окажетъ, долженъ казненъ быть смертію. Но какъ они не опредѣляютъ, что есть неопознаніе почтенія, то все можетъ тамъ дать поводъ къ отнятію жизни, у кого захотятъ и въ истребленію поколѣнія, чье погубить желаютъ. Два человѣка, опредѣленные сочинять предворныя вѣдомости при описаніи нѣкотораго совсѣмъ неважнаго случая, поставили обстоятельства съ истинною несходственныя; сказано на нихъ, что лгать въ придворныхъ вѣдомостяхъ не что иное есть, какъ должнаго почтенія двору не оказывать, и казнены они оба смертію».

«Нѣкто изъ князей на представленіи, подписанномъ императоромъ, изъ неосторожности поставилъ какой-то знакъ: *заключимъ изъ сего*, что онъ должнаго почтенія не оказалъ богдыхану. *И сіе причинило* всему сего князя *поколѣнію* ужасное гоненіе» (470).

«Законъ римскихъ кесарей какъ съ святотатцами (богохульниками) поступалъ съ тѣми, кои сомнѣвались о достоинствахъ и

заслугахъ *модей*, избранныхъ ими къ какому ни есть званію, слѣдовательно и осуждалъ ихъ на смерть» (471).

«Другой законъ тѣхъ, которые дѣлаютъ воровскія (фальшивыя) деньги, объявлялъ виновными въ преступленіи оскорбленія величества. Но они не что иное суть, какъ воры государственныя» (472).

«Еще между римскими законами находился такой, который повелѣвалъ наказывать, какъ преступниковъ въ оскорбленія величества, тѣхъ, кои хотъ изъ неосторожности бросили что-нибудь предъ изображениями императоровъ» (475).

«Въ Англіи законъ одинъ почиталъ виновными въ самой высочайшей измѣнѣ всѣхъ тѣхъ, которые предвѣщаютъ королевскую смерть. Въ болѣзни королей врачи не смѣли сказать, что есть опасность; можно думать, что они поступали посему и въ леченіи» (476).

«Человѣку снилося, что онъ умертвилъ царя; сей царь признавалъ казнить его смертію, говоря, что не приснилось бы ему сіе ночью, еслибы онъ о томъ днемъ наяву не подумалъ. Сей поступокъ былъ великое тиранство, ибо еслибы онъ то и думалъ, однакожь на исполненіе мысли своей еще не поступилъ; законы не обязали наказывать никакихъ другихъ, кромѣ внѣшнихъ или наружныхъ дѣйствій» (477).

Перечисливъ эти примѣры, «Наказъ» говоритъ:

«Когда введено было много преступленій въ оскорбленія величества, то и надлежало непременно различить и умѣрять (опредѣлить) сіи преступленія. Такъ наконецъ дошли до того, чтобы не почитать за такія преступленія кромѣ тѣхъ только, кои заключаютъ въ себѣ умыселъ противу жизни и безопасности государя и измѣну противъ государства и тому подобныя» (478).

Такъ-какъ по опредѣленію «Наказа» оскорбленіемъ противу величества можетъ почитаться только дѣйствіе, то «слова не вмѣняются никогда въ преступленіе, развѣ они приуготовляютъ, или соединяются, или послѣдуютъ дѣйствию незаконному». «Такии образомъ человѣкъ, пришедшій, на примѣръ, на мѣсто народнаго собранія увѣщевать подданныхъ къ возмущенію, будетъ виновенъ въ оскорбленія величества, потому что слова совокуплены съ дѣйствиемъ и заимствуютъ нѣчто отъ онаго. Въ семъ случаѣ не за слово наказуютъ, но за произведенное дѣйствіе, при которомъ слова были употреблены» (480).

«Письма (то-есть сочиненія, *Schriften, les écrits*) суть вещь не такъ скоро преходящая, какъ слова; но когда они не приуго-

товляютъ въ преступленіи оскорбленія величества, то и они не могутъ быть вещію, содержащею въ себѣ преступленіе въ оскорбленія величества» (483).

«Запрещаютъ въ самодержавныхъ государствахъ сочлененія очень язвительныя; но онны дѣлаются предлогомъ, подлежащимъ градскому чиноправленію, а не преступленіемъ, и весьма беречься надобно изысканія о семъ далече распространять, представляя себѣ ту опасность, что умы почувствуютъ притѣсненіе и угнетеніе, а сіе ничего иного не произведетъ, какъ невѣжество, отвергнеть дарованія разума человѣческаго, и охоту писать отниметь» (484).

Неменьшее вниманіе «Наказъ» обращаетъ и на формальную сторону уголовного законодательства, и старается утвердить и здѣсь гуманныя и твердыя начала. Онъ требуетъ, чтобы законъ точно и подробно опредѣлялъ случаи, когда могутъ быть производимы аресты при слѣдствіи, чтобы ни одинъ арестъ не могъ производиться произвольно, чтобы каждое подобное арестованіе, сдѣланное и въ согласность закону, «дѣлалось сколь возможно меньше и было столь снисходительно, какъ можно»; онъ возстаетъ противъ всякихъ пристрастныхъ допросовъ при слѣдствіи и съ особенною силою вооружается противъ пытки, находя ее дѣломъ бессмысленнымъ, вреднымъ и жестокимъ; онъ возстаетъ наконецъ противъ наряда всякихъ чрезвычайныхъ, особыхъ, въ обыкновеннаго порядка судопроизводства, судовъ, признавая ихъ дѣломъ совершенно бесполезнымъ и даже вреднымъ. «Самая безтолковая вещь государямъ въ самодержавныхъ правленіяхъ, есть наряжать иногда особливыхъ судей, судить кого набудь изъ *подданныхъ* своихъ. Надлежитъ быть весьма добродѣтельнымъ и справедливымъ таковымъ судьямъ, чтобы они не думали, что они всегда оправдаться могутъ ихъ (государей) повелѣніями, скрытною какою-то государственною пользою, выборомъ въ ихъ особѣ учиненнымъ, и собственнымъ ихъ страхомъ. Столь мало отъ таковыхъ судовъ происходитъ пользы, что не стоятъ сіе того труда, чтобы для того превращать порядокъ суда обыкновенный» (489). «Еще же можетъ сіе произвестъ злоупотребленія, весьма вредныя для спокойства гражданъ. Примѣръ сему здѣсь предлагается. Въ Англіи при многихъ короляхъ судили членовъ верхней камеры, чрезъ наряженныхъ въ той же камеры судей; сими способомъ предавали смерти всѣхъ, кого хотѣли въ того вельможъ собравшія» (490).

Для судебныхъ приговоровъ, равно какъ вообще для судебного процесса, «Наказъ» требуетъ полной гласности. «Приговоры

судей — говорить онъ — должны быть народу видны, такъ-какъ и доказательства преступленій, чтобы всякъ изъ гражданъ могъ свазати, что онъ живетъ подъ защитою законовъ: мысль, которая подаетъ гражданамъ ободреніе, и которая больше всѣхъ угодна и выгодна самодержавному правителю, на истинную свою пользу прямо взирающему» (183).

Еще бѣльшимъ зломъ, чѣмъ жалкое состояніе правосудія, было во время императрицы крѣпостное право. Мы уже видѣли, что императрица не имѣла возможности возставать противъ этого зла съ тою прямою и силою, какъ бы она хотѣла. Тѣмъ не менѣе косвенно всюду, гдѣ только представляется возможность, «Наказъ» касается этого предмета и даетъ понять истинное желаніе императрицы. Въ главѣ XI, трактующей о «порядкѣ въ гражданскомъ обществѣ», императрица говоритъ: «мы должны избѣгать случаевъ, чтобы не приводить людей въ неволю, развѣ крайняя необходимость къ учиненію того привлечетъ, и то не для собственной корысти, но для пользы государственной; однако и та едва-ли не весьма рѣдко бываетъ» (253). Въ главѣ XIII о руководствѣ и торговлѣ императрица говоритъ: «не можетъ земледѣльство процвѣтать тутъ, гдѣ никто (вмѣсто этого въ нѣмецкомъ: *der Ackermann*, во французскомъ: *le cultivateur ou laboureur*) не имѣетъ ничего собственного. Сіе основано на правилѣ весьма простомъ: «всякій человекъ имѣетъ болѣе попеченія о своемъ собственномъ, нежели о томъ, что другому принадлежитъ; и никакого не прилагаетъ старанія о томъ, въ чемъ опасаться можетъ, что другой отъ него отниметъ» (295, 296).

На этомъ основаніи въ особомъ наставленіи, данномъ комисіи въ 1768 году, императрица, предоставляя разсмотрѣнію самой комисіи: дать свободу крестьянамъ или нѣтъ, требуетъ однакожь во всякомъ случаѣ настоятельно, чтобы она обратила вниманіе на ст. 261 «Наказа», въ которой говорится: «законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственного рабовъ имуществва». (*Die Gesetze können dadurch etwas Gutes stiften, wenn sie den Leibeigenen ein Eigenthum bestimmen*), то-есть императрица хотѣла, чтобы въ случаѣ оставленія крестьянъ въ прежнемъ крѣпостномъ состояніи, за ними утверждено было право имѣть свою собственность.

Разсматривая крѣпостное состояніе, какъ фактъ существующій, «Наказъ» находитъ нужнымъ принять самыя строгія мѣры противъ господъ, жестоко обращающихся съ своими крѣпостными. «Петръ I-й, говоритъ онъ, узаконилъ въ 1722 году, чтобы безумные и подданныхъ своихъ мучашіе были подѣ смотруемъ

опекуновъ. По первой статьѣ сего указа чинится исполненіе, а послѣдняя для чего безъ дѣйства осталась — неизвѣстно» (256). Вмѣстѣ съ этимъ «Наказъ» требуетъ, чтобы комисія сдѣлала такіе законы, «которые отнимали бы всѣ способы пропитанія у тѣхъ, кои не будутъ трудиться. «Всякій народъ лѣнливый, говорить онъ, надмѣянъ въ своемъ поведеніи; ибо нетрудящіеся почитаютъ себя нѣкоторымъ образомъ властелинами трудящихся» (303, 304).

Далѣе «Наказъ» входитъ въ ближайшія отношенія помѣщиковъ къ вѣрнопостнымъ, и требуетъ опредѣлять эти отношенія такъ, чтобы они не разстроивали государственнаго благосостоянія.

«Кажется еще, говорить онъ, что новозаведенный способъ отъ дворянъ собирать свои доходы уменьшаетъ народъ и *земледѣліе*; всѣ деревни почти на оброкѣ. Хозяева, не бывъ вовсе или мало въ деревняхъ своихъ, обложатъ каждую душу по рублю, по два и даже до пяти рублей, несмотря на то, какимъ образомъ ихъ крестьяне достаютъ сіи деньги» (269).

«Весьма бы нужно было предписать помѣщикамъ закономъ, чтобы они съ большимъ разсмотрѣніемъ располагали свои поборы, и тѣ бы поборы брали, которые менѣе мужика отлучаютъ отъ его дома и семейства: тѣмъ бы распространилось большее земледѣліе и число бы народа въ государствѣ умножилось» (270).

«Страна, которая податями столь много отягчена, что раченіемъ и трудолюбіемъ своимъ люди съ великою нуждою могутъ найти себѣ пропитаніе, черезъ долгое время должна быть обнажена жителей» (275).

«Гдѣ люди не для чего инаго убоги, какъ только что живутъ подъ тяжкими законами и земля свои почитаютъ не столько за основаніе къ содержанію своему, какъ за подлогъ къ удрученію, въ такихъ мѣстахъ народъ не размножается. Они сами для себя не имѣютъ пропитанія; такъ какъ имъ можно думать удѣлить отъ онаго еще своему потомству? Они не могутъ сами въ своихъ болѣзняхъ надлежащимъ пользоваться присмотромъ; такъ какъ же можно имъ воспитывать твари, находящіяся въ непрерывной болѣзни, то-есть во младенчествѣ? Они закапываютъ въ земля деньги свои, боясь пустить оныя въ обращеніе; боясь богатыми казаться; боясь чтобы богатство не навлекло на нихъ гоненія и притѣсненія» (276).

«Многіе, пользуясь удобностию говорить, но не будучи въ силахъ испытать въ тонкость о томъ, о чемъ говорятъ, сказываютъ: *чѣмъ съ болѣею подданные живутъ убожествомъ, тѣмъ*

многочисленные ихъ семьи. Также и то: чѣмъ большія на нихъ положены дани, тѣмъ больше они приходятъ въ состояніе платить оныя. Сіи суть два мудрованія, которыя всегда нагубу наносили, и всегда будутъ причинять вогибель самодержавнымъ государствамъ» (277).

Наконецъ, какъ относительно народа «Наказъ» требуетъ, чтобы не было ни одной семьи, неимѣющей опредѣленнаго принадлежащаго ей участка земли, рекомендуя въ этомъ случаѣ, по примѣру римлянъ, «раздѣлѣти земли всѣмъ семьямъ, которыя никакыхъ не имѣютъ, подать имъ способы всахать оныя и обработать» (280), такъ относительно дворянскихъ имѣній требуетъ, чтобы они не сосредоточивались въ немногихъ рукахъ. «Мое намѣреніе въ семь дѣлъ—говоритъ императрица въ XVIII главѣ «Наказа» о наслѣдствахъ—склоняется больше къ раздѣленію имѣнія, понеже я почитаю себѣ за долгъ желать, чтобы каждый довольную часть на свое пропитаніе имѣлъ. Сверхъ сего земледѣліе такимъ образомъ можетъ прійти въ лучшее состояніе, и государство чрезъ то большую получить пользу, имѣя нѣсколько тысячей подданныхъ, наслаждающихся умѣреннымъ достаткомъ, нежели имѣя нѣсколько сотъ великихъ богачей» (425).

Читатель видитъ, какимъ богатствомъ идей, самыхъ свѣтлыхъ и самыхъ плодотворныхъ для общественнаго развитія, блистаетъ «Наказъ» Екатерины, и, конечно, пожалѣетъ вмѣстѣ съ нами, что этотъ памятникъ находится у насъ въ крайнемъ небреженіи и безвѣстности. Императрица писала «Наказъ» болѣею частію на французскомъ языкѣ — съ этого языка сдѣланъ переводъ его на языки: латинскій, нѣмецкій и русскій. Русскому переводу, хотя онъ и составляетъ основный текстъ, или точнѣе сказать, отчасти именно потому, что онъ составляетъ основный текстъ «Наказа» — особенно не посчастливилось. Въ нѣкоторыя статьи русскаго «Наказа» внесена намѣренно извѣстная доза неясности противу подлинника, чтобы рѣзкимъ слишкомъ свѣтомъ не повредить дѣлу (см. выше). Въ другихъ статьяхъ неясность происходитъ отъ дурнаго перевода, который, вѣроятно, тяжеловатъ былъ для чтенія и въ екатерининское время, въ настоящее же время сдѣлался совершенно невыносимымъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ безъ помощи французскаго и нѣмецкаго текстовъ его вовсе невозможно и понять. Было бы желательно, чтобы кто-нибудь занялся изданіемъ «Наказа», сдѣлавъ новый переводъ его съ французскаго подлинника.

Подлинникъ «Наказа» состоитъ изъ 123 съ половиною листовъ, которые всѣ, исключая двѣнадцати, писаны собственною

рукою императрицы, по большей части на французскомъ, а отчасти на русскомъ языкѣ, и называется: *matériaux dont les traductions sont dans le Senat et qui ont servi pour composer l'instruction de la commission établie pour faire le projet des loix*, то есть матеріалы, переводъ съ которыхъ хранится въ сенатѣ и изъ которыхъ составленъ «Наказъ» для сочиненія проекта новаго Уложенія.

Думаемъ, что названіе *материаловъ* дано здѣсь «Наказу» потому, что въ немъ содержится и та часть «Наказа», которая была вымарана его предварительными разсматривателями (*см. выше*) и не вошла въ печатный «Наказъ». Этотъ подлинникъ «Наказа» хранится въ императорской академіи наукъ *.

Г. ЕЛИСЕЕВЪ.

* Библиогр. Зап. 1859 г. Т. II., стр. 114.

НОВЫЙ НАРЦИЗЪ

или

ВЛЮБЛЕННЫЙ ВЪ СЕБЯ.

Цѣлый мѣсяцъ городъ въ волненіи, цѣлый мѣсяцъ нельзя съѣсть куска, чтобы кусокъ этотъ не былъ отравленъ, или: «рутинными путями, проложенными себялюбивою и всесосущею бюрократіей», или «великимъ будущимъ, которое готовятъ Россіи новыя учрежденія». Кажется, будто у всякаго человѣка вбитъ въ голову гвоздь. Люди скромные и, повидному, порядочные—и у тѣхъ глаза горятъ дикимъ огнемъ, и тѣ ходятъ въ изступленіи. Одинъ говоритъ о полахъ, другой о мостахъ, третій о «всеобщемъ и неслыханномъ распространеніи пьянства», четвертый о наддешевѣйшемъ способѣ изготовленія нижняго бѣлья для лицъ гражданскаго вѣдомства, пользующихся въ мѣстной больницѣ; всякій за что нибудъ ухватился, всякій убѣждаетъ, угрожаетъ, и такъ-какъ всѣ говорятъ вдругъ, то никто ничего не понимаетъ, никто никому не внимаетъ и никто никому не отвѣчаетъ...

Даже лица такъ-называемаго «посторонняго вѣдомства» увлекаются общей тревогой, и тоже начинаютъ говорить о мостахъ, о полахъ и объ изготовленіи нижняго бѣлья. Редакторъ мѣстныхъ вѣдомостей выскребъ цѣлую статью подъ названіемъ «Святели и дѣатели», въ которой выразилъ твердую увѣренность, что вопросъ о снабженіи мѣстной больницы новыми и хорошо вылуженными мѣдными рукомойниками получить, наконецъ, надлежащее разрѣшеніе. Полицеймейстеръ, который сначала ожидалъ невѣсть какого волненія и даже мечталъ о томъ, какъ онъ, во главѣ пожарныхъ, ворвется, разсѣветъ и расточитъ, теперь этотъ самый полицеймейстеръ, узнавши, что дѣло идетъ о рукомойникахъ, охотно пристааетъ къ диспутирующимъ и говорить «ги... да... рукомойники... хвалю!» Предсѣдателя, засѣдателя, завѣдующіе отдѣльными частями, управляющіе—всѣ открыто вы-

ражают удивленіе: какъ это имъ никогда даже въ голову не зашло разсмотрѣть вопросъ о нижнемъ бѣльѣ какъ въ его сущности, такъ и въ отношеніи къ тѣмъ послѣдствіямъ, которыя изъ сего проистекать должны. Словомъ, нѣтъ того живаго дыханія, которое не принимало бы живѣйшаго участія, не оказывало бы содѣйствія, не удивлялось, не хвалило...

Представьте себѣ, что вы приглашены на раутъ, на одинъ изъ тѣхъ раутовъ, гдѣ еще вчера вы были увѣрены встрѣтить столь извѣстную картину нашего провинціального гостеприимства: столы, покрытые зеленымъ сукномъ, и тѣ интимнаго свойства разговоры, которые въ особенноти веселятъ сердца дамъ. Что сдѣлалось съ этимъ раутомъ? Гдѣ глубокомысленные споры о королѣ самъ-другъ и королѣ самъ-третей, гдѣ веселый смѣхъ, раздававшійся во всѣхъ углахъ, гдѣ интимные разговоры?

— А у насъ сегодня «коммисію» выбрали! говоритъ полицеймейстеру молоденькая дамочка, и вдругъ задумывается, какъ будто нѣчто ущемило ея ничѣмъ дотолѣ нетревожившееся сердце.

Полицеймейстеръ вздрагиваетъ, ибо все еще опасается волненія.

— Коммисію-съ, какую же это коммисію-съ? ловко выштытываетъ онъ, утробная подозрительное выраженіе своихъ глазъ.

— Мы еще сами... то-есть, конечно, мы знаемъ, но наши messieurs не условились еще, какъ ее назвать... Нѣкоторые изъ нашихъ messieurs предлагали назвать ее иностраннѣмъ словомъ «ревизионная», но мой Alexandre положительно сказалъ имъ: messieurs, вы забываете 1864 годъ! Вышпивается другая дамочка, которой очень хочется показать, что она не чужда «Московскихъ Вѣдомостей».

Полицеймейстеръ окончательно убѣждается, что тревожить пожарныхъ надобности не предстоитъ.

— Господа, да скажите же, чѣмъ замѣнить это поганое французское слово «матеріаль»? мучительно вопіеть кто-то изъ «сѣятелей», обращаясь къ окружающимъ.

Въ отвѣтъ, вдругъ налетаетъ заблудившееся гдѣ-то облагоисконной русской веселости, и раздражается ливнемъ.

— Сапожный товаръ! предлагаетъ одинъ.

— Мусоръ! остроумничаетъ другой.

— Съ позволенія сказать! совѣтуетъ третій.

— Никакъ не называть, а дѣйствовать обнякомъ, рѣшаетъ четвертый.

— Позвольте, господа, рассказать вамъ одинъ анекдотъ на счетъ этого самаго «обняка»...

Начинается неудобный для печати разговоръ, который на минуту успокаиваетъ взволнованные умы. Но это спокойствіе крат-

ковременное; черезъ мгновенье, вновь начинается рознь, раздоръ и галдѣнье.

— Нѣтъ, вы не можете себѣ представить, что такое эти поны! говорить одинъ собесѣдникъ другому.

— Позвольте! отвѣчаетъ другой собесѣдникъ:—и такъ, я имъ говорю: госнода, говорю я, вы не имѣете никакой идеи о томъ, что происходило въ нашей больницѣ, пока мы не приняли ее въ свое завѣдыванье! Это, говорю я...

— Я представляю факты; поны, говорю я...

— Вотъ простой фактъ, говорю я: — однажды вечеромъ, я прихожу въ больницу, разумѣется, секретно, и вижу рукомошники...

— Одинъ попъ дошелъ до такой дерзости...

— Гдѣ же вода? спрашиваю я:—отчево нѣтъ воды?

Святые крѣпко держатъ другъ друга за пуговицы, взаимно обдаютъ себя брызгами, негодуютъ, волнуются, пронизируютъ, хохочутъ и никакъ не понимаютъ, что каждый изъ нихъ ораторствуетъ, негодуетъ, пронизируетъ единственно для самого себя.

— Давеча, зашелъ у насъ разговоръ о мостахъ, ораторствуетъ между тѣмъ другой свѣтель: — предлагаю я, знаете, этотъ сборъ, чтобы съ каждаго, значить, моста по силѣ возможности... и вдругъ — это Петръ Ивановичъ: «а позвольте, говорить, приняли ли вы во вниманіе, что въ семь разъ расходы взиманія могутъ превысить доходы поступленія?» Я, знаете, туда-сюда — куда тебѣ, такъ и сыплеть словами! — «Вы приняли ли, милостивый государь, во вниманіе, что при каждомъ мостѣ необходимо будетъ поставить сторожа, что для каждаго сторожа необходимо будетъ выстроить хижину, ибо въ нашемъ климатѣ...» — И пошелъ, и пошелъ! И такъ онъ меня, старика, этимъ обидѣлъ, что я слѣва не придумалъ ему въ отвѣтъ...

— Хорошо-съ, вступается третій свѣтель:—сборъ съ мостовъ—это можно. Но приняли ли вы, почтенѣйшій Николай Степановичъ, въ соображеніе вотъ какую штуку. Теперича, вы ѣдете...

— Ѣду-съ.

— Позвольте, не въ томъ штука, что вы ѣдете, а въ томъ, что у васъ въ карманѣ нѣтъ денежнаго знака менѣе... ну, положимъ, хоть двугривеннаго...

Присутствующіе начинаютъ смекать въ чемъ дѣло, и лица ихъ нѣсколько проясняются.

— Ну-съ, пріѣхали вы въ мосту, подходитъ къ вамъ сторожъ и требуетъ двѣ копейки, хорошо-съ, вы вынимаете двугривенный, онъ отвѣчаетъ, что у него сдачи всего три копейки! Спрашивается, какъ поступить въ этомъ разѣ: пропустить ли васъ безъ

платежа денегъ, или же заставить возвратиться до ближайшаго селенія, чтобъ размѣнять вашъ двугривенный на менѣе цѣнные денежные знаки? А если въ ближайшемъ селеніи всѣхъ капиталовъ въ совокупности три копейки съ половиной, а если у васъ не двугривенный, а цѣлый рубль?

Святель постепенно поднимается, поднимается съ мѣста, и, наконецъ, вытягивается во весь ростъ.

— Заставитъ ли васъ, уже не говорить, а гремить онъ: — заставить ли васъ совершить вашъ путь обратно? А если и на обратномъ пути такой же мостъ? Заставитъ ли васъ жить между двумя мостами неопредѣленное время?!

Въ виду такого множества вопросовъ, присутствующихъ прошибаетъ потъ.

— Нѣтъ, вы выслушайте меня, да ради же Христа выслушайте меня! раздастся среди всеобщаго хаоса голосъ еще одного святеля, который, повидимому, до того ужъ надоѣлъ, что всѣ отъ него убѣжали.

— Только ужъ эти мнѣ поны, вотъ они у меня гдѣ сидятъ! Говорю я имъ: — раздайтесь, господа, и что-жь вижу!

Хозяинъ дома только ходитъ и отдувается. Ему смерть хочется помѣстить и свою лепточку въ общую сокровищницу вопроса о рукоюйникахъ, но онъ видитъ, что тутъ ужъ не до него, и потому слоняется изъ угла въ уголъ, какъ оглашенный, и самымъ любезнымъ образомъ всѣмъ улыбается. Подойдетъ къ одному — одинъ обрызжетъ, подойдетъ къ другому — другой обрызжетъ. Видно, только въ этомъ и рауть весь состоятъ будетъ! восклицаетъ онъ мысленно, и влнеть ту минуту, когда посѣтила его голову ужасная мысль о созваніи святелей.

Вотъ правдивая, хотя и довольно грустная картина нашего современнаго провинціального существованія. Конечно, святелямъ хорошо; они, какъ молодны рыбки, рѣзво плещутся въ безбрежномъ океанѣ словозверженій; но каково другимъ? каково тѣмъ, впервыхъ, кои за недостаткомъ сѣмянъ, къ сѣванію не призываются, и вовторыхъ тѣмъ, коимъ угрожаетъ въ ближайшемъ будущемъ быстрое обсѣменение. Какую роль должны играть эти люди въ происходящихъ передъ ихъ глазами словесныхъ турнирахъ? Должны ли они ожидать предстоящаго оплодотворенія съ смиреніемъ и кротостью, или обязаны озаботиться прискавіемъ мѣръ, чтобъ сдѣлать это оплодотвореніе взаимнымъ, то-есть съ-временемъ, въ свою очередь обсѣменить самихъ святелей?

Но пуще всего достается тутъ бюрократамъ. Съ ними обходятся или совсѣмъ безцеремонно, т.-е. напрямки объявляютъ, что часъ ликвидаціи для бюрократіи насталь, или же пренебре-

жительно-нисходятельно, какъ будто говорить: «Э, любезные! куда ужъ вамъ рѣшать вопросы о рукомойникахъ!» И никто, положительно-таки никто не хочетъ признать за бюрократіей никакихъ заслугъ... даже въ прошедшемъ; никто не хочетъ сообразить, что не съ неба же свалились всё эти вопросы о рукомойникахъ, а были вызваны на свѣтъ, поставлены и разработаны все тою же бюрократіей...

И что всего замѣчательнѣе, бюрократы не только не протестуютъ, но, напротивъ того, понуриваютъ головы и поджимаютъ хвосты, какъ-бы говоря: «Что съ насъ взять! извѣстно, мы народъ отпѣтый!» Удоставляются ли они, что время постепенно оципываетъ ихъ, провидать ли, что исторія, въ дѣлѣ оципыванья, никогда не останавливается на половинѣ пути, но всегда покажетъ сначала цвѣточекъ, а потомъ уже всякіе ягоды и плоды?

Вообще, вопросовъ возникаетъ множество. Признаюсь, однако, что я отнюдь не встрѣчаю затрудненій въ разрѣшеніи ихъ. Я твердо убѣжденъ, что, въ концѣ концовъ, теорія взаимнаго оплодотворенія восторжествуетъ, и тогда сразу, и самъ собой, прекратятся всё недоумѣнія. Образуются одни обширныя объятія, которыя заключать въ себѣ и свѣтелей и сѣмныхъ, да кстати прихватятъ и бюрократовъ. И будетъ тогда радость великая; бюрократъ уважаетъ на свѣтеля и скажетъ: «весь въ меня!» свѣтель уважаетъ на бюрократа и скажетъ: «вотъ моя опора!» сѣмне, съ своей стороны, будутъ въ умаленіи приплясывать и приговаривать: «Concordia res parvae crescunt!», что въ русскомъ переводѣ означаетъ: «вотъ они! вотъ наши благодѣтели!» И тогда-то воистину разрѣшится вопросъ о нижнемъ бѣльѣ, который нынѣ лишь безплодно волнуетъ умы и поселяетъ въ обществѣ раздоръ, анархію и чуть не братоубійство.

Не могу сказать, чтобы съ моей стороны были какія-нибудь препятствія къ появленію свѣтелей. Напротивъ того, я очень радъ. Я знаю, что для многихъ свѣтели хуже ножа востраго, но убѣжденъ, что мнѣніе это совершенно ошибочно, и имѣетъ истиннокомъ кажущуюся заносчивость нѣкоторыхъ изъ нихъ. Какой-нибудь алармистъ, взирая, какъ у много свѣтеля пѣна изъ усть клубится, готовъ воскликнуть: «пожаръ!» Я же, напротивъ, при этомъ видѣ восклицаю: «плоть отъ плоти! кость отъ костей!» и, затѣмъ, только утѣшаюсь и окриляюсь. Я знаю, что пѣна въ этомъ случаѣ служитъ сама себѣ и поводомъ, и содер-

жаниемъ, и цѣлью, что стоитъ только оберечь губы съятаи платкомъ, чтобъ увидѣть, что, съ исчезновеніемъ пѣны, болѣе ничего не осталось. Никакихъ этакихъ порывовъ, или пожелановеній... ей Богу, никакихъ! Изъ-за чего же тутъ волноваться? Изъ-за чего трепетать? Изъ-за какихъ-нибудь «рутинныхъ путей»? Изъ-за какой-нибудь якобы предстоящей «ликвидаци!» Да Боже меня упаси!

Надо же, наконецъ, понять, что никакая пѣна въ мирѣ не можетъ обойтись безъ такъ-называемыхъ ораторскихъ движеній, и что всѣ эти «рутинные пути» и «ликвидаци» не больше, какъ удобная формула, къ которой прибѣгаетъ ораторъ, дабы выразить въ самомъ лучшемъ видѣ пареніе своей души. Душа парить — кому и когда бывалъ отъ того вредъ? Рѣшительно никому и никогда, а польза, напротивъ того, большая. Душа парить — слѣдовательно, ораторское искусство неуклонно идетъ впередъ; душа парить — слѣдовательно, отечественная литература ежедневно обогащается новыми терминами; душа парить — слѣдовательно, отечественная исторія украшается новыми подвигами, отнюдь неуступающими таковымъ же старымъ...

Надобно смотрѣть въ глубь, милостивые государи! надобно смотрѣть въ глубь!

Смотрю въ глубь, и что же вижу?

Какой вопросъ прежде всего занялъ умы съятелей? — Вопросъ о снабженіи другъ друга фондами. Миѣ тысячу, тебѣ тысячу — вотъ первый вопль, первое движеніе. Спрашивается: когда и какой бюрократъ имѣлъ что-нибудь сказать противъ этого? Когда и какой бюрократъ не трепеталъ при мысли объ лишней тысячѣ? Когда и какой не былъ убѣжденъ, что Россія есть пироги, къ которому можно свободно подходить и закусывать? -- Никакой и никогда.

Какимъ образомъ достать эти тысячи? Какъ устроить, чтобъ бумажный дождь падалъ въ изобиліи и безпрепятственно? Отвѣтъ: сходить въ карманъ своего ближняго. И правично и просто. Но спрашивается: когда и какой бюрократъ предлагалъ что либо иное? — Никакой и никогда. Напротивъ того, не были ли они всѣ и всегда на сей счетъ единодушны?

Чѣмъ заявить міру о своемъ существованіи? Чѣмъ ознаменовать свой въездъ въ дебри отечественной цивилизаціи? Отвѣтъ: пререканіями, пререканіями по дѣлу о выѣденномъ яйцѣ. Спрашивается: когда и какой бюрократъ не облизывалъ себѣ губы при словѣ «пререканія»? Когда и какой заскорузный повитчикъ не старалъ жадной узвить другого, не менѣе заскорузлаго по-

вытиска? — Нивакой и никогда. Помилуйте! да въ пререкапяхъ-то именно и таится самая настоящая бюрократическая сласть!

И затѣмъ мириадами, какъ тучи комаровъ, выступаютъ впередъ вопросы о рукомынникахъ, вопросы о нижнемъ бѣльѣ, вопросы о станомъ приставѣ, дозволяющемъ себѣ ѣздить на трехъ лошадахъ, вмѣсто двухъ... Спрашивается: когда и какой бюрократъ не скорбѣлъ этими вопросами? Когда и какой не чувствовалъ священнаго ужаса при мысли о невъчищенной плевалъницѣ, о ненамертыхъ, какъ зеркало, полахъ? — Нивакой и никогда.

Вотъ что видится на днѣ той глубины, въ которую я вперяю взоры мои. Все это лежитъ тамъ нетронутое и неповрежденное, во всемъ блескѣ первобытной красоты. А поштите-ка, милостивые государи, поштите! не найдете ли вы тутъ рядомъ и «рутинныхъ путей» и столь любезной вамъ «ливвадаціи»?

А потому я не только не озлобляюсь и не огорчаюсь, но радуюсь...

Я радуюсь потому, что ничто окрестъ меня не измѣнилось, что хотя изъ всѣхъ щелей вылѣзаютъ запросы, но запросы эти мнѣ словно родные, да и отвѣты на нихъ тоже словно родные. Выходя изъ дома, я, какъ рыбакъ рыбака, издали усматриваю моего милаго сѣятеля, и кричу ему: «ау!» И хотя онъ ни подъ какимъ видомъ не хочетъ отвѣтить на мой окликъ, но я нимало не обижаясь этимъ, ибо знаю, что онъ, какъ малый конфузливый, еще не приобыкъ.

Я радуюсь, потому что сѣятель не перевернулъ вверхъ дномъ моего отечества, что онъ сразу понялъ, что возмущать воду, поей поверхность гладка, не слѣдуетъ, что вызывать наружу раны, кои скрыты — не полезно; что вообще соображать, испытывать, изслѣдовать — голова заболитъ. Онъ принялъ то самое наслѣдство, которое я ему оставилъ, и дѣветъ изъ кожи, чтобъ сохранить его неприкосновеннымъ и неизмѣннымъ.

Если онъ поднялъ (и именно въ укоръ мнѣ поднялъ) вопросы о рукомынникахъ и нижнемъ бѣльѣ, и если онъ пользуется этими вопросами, чтобы наглядно показать мою неспособность и поразить меня — я прощаю ему. Отъ него я охотно свесу всевозможныя укоризны и пораженія, и положительно ни однимъ словомъ не отвѣчу на нихъ. «Вяновать! не досмотрѣлъ!» — вотъ единственное оправданіе, которое я могу допустить въ свою пользу на скользкомъ поприщѣ рукомынниковъ. И твердо вѣрю, что сѣятель, въ свою очередь (хоть и не скоро!), проститъ меня.

Ты мнѣ милъ, сѣятель! ты мнѣ родственъ, а потому я радуюсь,

утѣшаюсь и надѣюсь. Всюду, куда ни обращаю свои взоры, я вижу свое собственное отраженіе, и такъ-какъ я очень высокаго понятія о моей дѣятельности, то весьма естественно, что мнѣ приходитъ на мысль: если я одинъ столько дѣлать надѣлаю, то чего не предприму, чего не совершу въ согласіи съ тавими ребятами!

И тѣмъ не менѣе, о сѣятель! я примѣчаю въ тебѣ нѣкоторый порокъ, который можетъ современемъ погубить тебя. Въ чемъ заключается этотъ порокъ — ты увидишь изъ слѣдующаго за симъ разсказа.

Вотъ, наконецъ, и послѣдній актъ драмы. Въ городѣ предсказываютъ нѣчто необыкновенное. Выжившая изъ ума, но все еще принимающая дѣятельное участіе въ политическихъ раздорахъ, бабушка Татьяна Юрьевна (она же, въ просторѣчїи, именуется Нанной) торжественно увѣряетъ, что готовится «лекведація». Рѣзвыя дѣвѣнцы-внучки подхватываютъ это выраженіе и трунятъ надъ бабушкой.

— Какъ, бабушка? какъ? «лекведація»? пристають онѣ и, обращаясь къ одному изъ вѣчно-слоняющихся франтовъ-сѣятелей, продолжаютъ: — слышите, мсьѣ, бабушка увѣряетъ, что сегодня будетъ «лекведація»!

— «Лекведація»! charman!

— «Лекведація»! imprayable!

— Да, мои миленькія, «лекведація»! шамкаетъ бабушка: — сегодня братецъ Сила Терентьичъ побѣдитъ брата Порфирія Петровича!

(Несмотря на то, что первый — обер-сѣятель, а послѣдній — обер-бюрократъ, прозорливая бабушка продолжаетъ называть ихъ «братцами»).

Съ почтительною осторожностью вхожу я на хоры той самой залы, въ которой, по словамъ сѣятелей, изготовляется великое будущее Россіи. Тихо. И публика и сѣятели — все смолкло подъ гнетомъ впечатлѣнія, произведеннаго заключительною рѣчью одного изъ ораторовъ, смѣлая мысль котораго, по породе вопроса о возобновленіи верстовыхъ столбовъ, успѣла въ какую-нибудь четверть часа, облетѣть всѣ страны Европы, сходить въ Америку, обунуться въ мракъ прошедшаго и приподнять таинственную завѣсу будущаго. Въ воздухѣ коломъ стоятъ и «рутинные пути», и «великое будущее», и «твердая упованія», и «свѣтлыя надежды», словомъ, все, чѣмъ красна рѣчь всякаго благонадежнаго сѣятеля. Сидяція на хорахъ дамы обмахиваются вѣрами,

и встрѣчаютъ мое появленіе съ видимою недоувѣрчивостію, какъ будто подозрѣваютъ, что я хочу «смутить веселость ихъ». Но такъ-какъ я ни на чью веселость не посягаю, а хочу только поучиться, то и пробираюсь себѣ полегоньку впередъ, въ тотъ угрюмый уголокъ, гдѣ привѣтаетъ добрая бабушка Татьяна Юрьевна, окруженная рѣзвухами-внучками.

— Чтѣ, родной, много ли сегодня по міру пустилъ? спрашиваетъ меня бабушка, какъ только замѣчаетъ, что я стремлюсь пристроиться поближе къ ней.

Въ сущности, она любитъ меня (я знаю довольно много скандальныхъ анекдотовъ, которые по временамъ сообщаю ей, и до которыхъ она страстная охотница); но съ тѣхъ поръ, какъ случилась извѣстная «катастрофа», милая бабушка глубоко убѣждена, что каждый бюрократъ поставилъ себѣ за правило ежедневно «пускать го міру» по нѣсколько душъ «неповинныхъ», и потому, при всякой встрѣчѣ, считаетъ полезнымъ напомнить мнѣ объ этомъ.

— Да человѣка съ четыре-съ! скромно отвѣчаю я, и съ удовольствіемъ вижу, что отвѣтъ мой производитъ весьма пріятное дѣйствіе на внучекъ-вострушекъ.

Однако, внизу что-то позамялось. Слышится шопотъ, образуются кружки; нѣкоторые изъ свѣтелъ спѣшать сходятъ въ буфетъ, и возвращаются оттуда значительно приободренными. Бабушка впадаетъ въ забытѣ, и, словно въ бреду, спрашиваетъ, скоро ли будутъ палить.

— Слышите, мсьѣ? слышите? подхватываютъ внучки: — бабушка спрашиваетъ: скоро ли будутъ палить?

Я начинаю доказывать, что бабушка не совсѣмъ права, и что ежели взглянуть на предметъ съ точки зрѣнія переносной, то конечно осяжется...

— Шт... внезапно раздается по залѣ. Я умоляю, бабушка просыпается, внучки превращаются въ слухъ. Свѣтели скучиваются въ одну группу.

Сила Терентичъ требуетъ слова. Но, съ непривычки, онъ такъ сильно сконфуженъ, что нѣкоторое время только шевелить усами. Онъ сознаетъ, что ему, какъ свѣтелю изъ свѣтелъ, предлежитъ сказать комплиментъ, но въ сѣдой его головѣ, кромѣ «милости просимъ откушать», ничего не слогается. Наконецъ, чувство долга оказываетъ свое дѣйствіе, и изъ устъ почтеннаго старца вылетаетъ ожидаемый комплиментъ.

— Итакъ, господа, говорить онъ: — слава Богу, все кончилось. Съ божьей помощью, мы наше дѣло сдѣлали. Во первыхъ, назначили нашимъ будущимъ дѣтелямъ приличное содержаніе;

вовторыхъ, кого слѣдуетъ обложили соответствующими сборами. Въ эту минуту, нѣтъ почти ни одного благороднаго дворянина, который бы не получалъ содержанія, и намъ остается только разойтись и принести домой пріятныя впечатлѣнія. Себя не хвалю. Если и есть у меня заслуги, то онѣ не мои, а моихъ благородныхъ господъ сослуживцевъ. Миѣ оставалось смотрѣть и радоваться... и въ особенности благодарить. Да-съ, благодарю-съ (сила Терентьичъ низко кланяется, касаясь рукой земли). Я очень понимаю, господа, что труда было довольно, что на насъ были обращены взоры цѣлой губерніи, и что, несмотря на это, мы превозмогли. То-есть, превозмогли мои благородные сослуживцы, я же съ своей стороны могу только радоваться и благодарить. Да-съ, благодарю-съ. Можетъ быть, я не литераторъ, и не все выразилъ, но скажу: губернія видѣла, и часть этотъ пробьетъ въ потомствѣ. Милости просимъ откушать!

Сила Терентьичъ обходить сѣятелей, и поочередно со всѣми цалуется. «Благодарю!» «милости просимъ откушать!» — вотъ лестные звуки, которые льются изъ устъ его, и которые, казалось, должны бы тронуть даже каменные сердца. Но, увн! мельница спущена, затворъ потерянъ, вода бѣжитъ — и жерновъ мотается, какъ угорѣлый, на своей оси, изумляя и огорчая вселенную своимъ безпутнымъ досужествомъ.

На этотъ разъ, роль жернова берется выполнить Voldemar Кочкарниковъ. Онъ лихо выступаетъ на середину, вставляетъ въ глазъ стельничко, выворачиваетъ голову назадъ, и вообще старается придать своему туловищу тотъ самый видъ, который, во дни юности, составилъ ему репутацію на балахъ у Кессенихъ. Между сѣятелями, Кочкарниковъ слыветъ умникомъ. Онъ считается специалистомъ по части желѣзныхъ дорогъ, потому что ѣзжалъ по николаевской дорогѣ, специалистомъ по части кредита, потому что вкладывалъ свои имѣнія въ опекуновскомъ обществѣ, специалистомъ по части народной нравственности, потому что держитъ около десятка кабаковъ, специалистомъ по части мостовъ и перевозовъ, потому что не далѣе, какъ прошлой весной единолично и собственноручно разбилъ на голову цѣлую армію перевозчиковъ за то, что они замѣшались подать ему парбѣ, и, наконецъ, специалистомъ по части больницъ, потому что видалъ-таки на своемъ вѣку виды. Поэтому, когда, при обсужденіи какого-нибудь дѣла, сѣятели становятся въ тупикъ, то обыкновенно бладеетъ резолюція такого рода: «сѣятелю Кочкарникову, какъ специалисту по части такой-то, поручить озботиться о безотлагательномъ устройствѣ въ нашей губерніи желѣзныхъ дорогъ, и о неотложномъ усовершенствованіи народ-

ной нравственности». И затѣмъ, сѣятели успокоиваются, въ твердой увѣренности, что желѣзные пути будутъ безотлагательно устроены, а народная нравственность неотложно усовершенствована.

Понятно, что появленіе такого человѣка должно произвести нѣкоторый трепетъ въ публикѣ. Дамы колышутся, demuзельки мечутся и безъ толку лепечуть на всѣ стороны: ахъ, та снѣге, ахъ, та снѣге! Одна барыня на сносихъ втихомолку молится Бегу, чтобъ будущій плодъ ея былъ похожъ на Кочварникова; бабушка просыпается и думаетъ, что вокругъ нея происходитъ «воспоминаніе баталіи при Галгеудѣ».

— Въ мое время тоже въ колокола звонили... да! а лгали какъ... ужаси! обращается она ко мнѣ, и тутъ же опять засыпаетъ.

— Позвольте мнѣ, господа, сдѣлать небольшую поправку къ привѣтствію нашего почтеннаго представителя, начинаетъ Кочварниковъ среди общаго молчанія. Съ свойственною ему скромностію, онъ умолчалъ о тѣхъ трудахъ, которые подняты имъ лично на пользу общественнаго благоустройства, развитія и процвѣтанія...

Но такъ-какъ ораторъ съ утра ничего не ѣлъ, то въ эту минуту передъ глазами его внезапно проносятся: майонезы изъ дичи, майонезы изъ рыбы, уха изъ стерлядей, отпоенная до-бѣла телатина, однимъ словомъ вся сласть, которую черезъ какойнибудь часъ ему вмѣстѣ съ прочими предстоитъ обонять, ощущать и смаковать. На душѣ его становится горько. Зачѣмъ онъ началъ болтать? Къ чему самъ добровольно отдаляетъ отъ себя мигъ блаженства? На секунду онъ даже останавливается въ нерѣшимости, и думаетъ, не наплевать ли. Прозорливѣйшіе изъ зрителей начинаютъ беспокоиться, ибо провидятъ борьбу, которая происходитъ въ ораторѣ. Но ораторъ уже сбросилъ съ себя иго кухоннаго матеріализма; онъ вздрагиваетъ и полегоньку трясетъ головой, какъ-бы освобождая свою мысль отъ ненужныхъ примѣсей. Черезъ минуту онъ попрежнему свѣжъ и бодръ, и какъ ни въ чемъ не бывалъ продолжаетъ выбрасывать изъ себя потоки.

— Да, господа, говоритъ онъ:—это было отрадное и отчасти грустное время. Это было время борьбы съ бюрократіей и всею ея темною свитой. Озрѣялись молодыя надежды, развивались молодыя упованія, росли и вѣрили въ тиши молодыя силы. Кровавое знамя социализма пряталось. Чувствовалось жутко и вмѣстѣ съ тѣмъ легко и отратно. Какъ путникъ, застигнутый въ степи буряномъ, прислушивается, не донесется ли до него звукъ

колокола родной колокольни, такъ и мы, въ нашемъ святомъ дѣлѣ, среди тѣхъ великихъ задачъ молодаго возрожденія, которыя намъ предстояли, прислушивались... чутко прислушивались...

Опять проносятся майонезы и сюпремы, а бѣлоснѣжная телятина, словно живая, такъ и глядитъ въ глаза. Ораторъ съ трудомъ, но преодолеваетъ.

— И вотъ, продолжаетъ онъ: — среди этихъ надеждъ, среди этихъ молодыхъ силъ и молодыхъ упованій, въ самомъ жару битвы, наша алчущая мысль, наше жаждущее чувство были внезапно удовлетворены самымъ блистательнымъ, даже, можно сказать, самымъ неожиданнымъ образомъ. Да, «неожиданнымъ», смѣло повторяю это слово—ибо никто не могъ и не имѣлъ права ожидать ни той полноты, ни той безавѣтности! («Майонезы! майонезы!» словно злой духъ какою шепчетъ на ухо). Среди этихъ трудовъ, видовъ и предположеній, въ виду отрывавшихся кругозоровъ, мы встрѣтили, милостивые государи, руководителя! («Майонезы!») Мы были путниками—и перестали быть ими; мы были отданы на жертву стихіямъ—и приобрѣли надежную кровь, подъ сѣнью котораго наши молодые упованія могли окрыляться, наши молодые силы укрѣпляться и развиваться. Наша мысль не блуждала, ибо нашла для себя надлежащую руководящую нить; наша рука была прямо, дѣлила вѣрно, ибо опорой ей былъ твердый оплотъ. Если мы, на первыхъ порахъ, могли еще на минуту усомниться насчетъ размѣра слѣдующаго намъ содержанія, то сомнѣнія эти, милостивые государи, разсѣялись подобно туману, удручающему въ осенніе дни поля земледѣльца...

«Майонезы! майонезы!» Ораторъ изнемогаетъ.

— Сила Терентъичъ! съ трудомъ дотаскиваетъ онъ свой грузъ: — съ свойственною вамъ скромностью, вы хотѣли умолчать о трудахъ своихъ! Вы хотѣли всю честь нашего молодаго возрожденія приписать намъ, вашимъ слабымъ сотрудникамъ...

— Прихлебателямъ! вдругъ совершенно явственно раздается по залу. Всѣ глаза ищутъ дерзкаго нарушителя общественнаго порядка, но виновницею оказывается старая бабушка, которая и въ забытыи не утратила своей прозорливости. Чтобы избѣжать повторенія подобныхъ сценъ, ее увѣраютъ, что давно уже отуживала и увозить домой.

— Прихлеба... то-бишь, сотрудникамъ. Но мы этого не допустимъ («нѣтъ! нѣтъ! не допустимъ!» гудитъ кругомъ свѣтательный рой). Мы скажемъ вамъ: въ первый разъ въ жизни вы позволили себѣ неправду! въ первый разъ въ жизни вы сказали слово, несогласное съ истиной! Нѣтъ, не тотъ дѣйствительный

святель, который исполняетъ предназначенія и приводитъ къ осуществленію преднамѣренія! Не тотъ. Тотъ дѣйствительный труженникъ и святель, достойнѣйшій нашъ Сила Терентьичъ (произнося эти слова, ораторъ снисходительно улыбается, какъ будто говоритъ: а дай-ко, я тебя пощечочу!), который эти предназначенія умѣетъ внушать, который, расширяя горизонты, измысливаетъ пути, тогъ, наконецъ, который на самихъ этихъ путяхъ, умѣетъ найти дѣятелей, бодрыхъ не дерзостью или самонадѣянностью, но твердою и неуклонною готовностью слѣдовать по указанной разъ стезѣ. Нашъ трудъ скромнень, Сила Терентьичъ! нашъ трудъ не великъ! Не на васъ были обращены взоры дѣлой губерніи, Сила Терентьичъ! нѣтъ, не на васъ! Они были обращены на нашего руководителя... они были обращены на васъ!

— Милости просимъ откушать! начинаеть Сила Терентьичъ, но тутъ поднимается такая суматоха, что голосъ достойнаго представителя совершенно теряется. Его окружаютъ; кричатъ: «на васъ! на васъ!» — такъ что онъ видитъ себя въ необходимости опять со всѣми цаловаться. Пользуясь этимъ случаемъ, благоразумнѣйшіе изъ святелей успѣваютъ сбѣгать въ буфетъ и подкрѣпится.

— А сѣмка, и я что-нибудь хлопну! думаетъ между тѣмъ Сени Наватниковъ, и, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, тутъ же приводитъ намѣреніе свое въ исполненіе.

— Господа! мы забываемъ достойныхъ членовъ нашей комисіи! взываетъ онъ. — Нѣтъ слова, что мы потрудились, да и достойнѣйшій представитель нашъ тоже потрудился, по спрашиваю я васъ: что бы это такое было, еслибы у насъ не было комисіи?! Не забудьте, господа, что прежде всего намъ надо было собрать факты, а гдѣ ихъ взять? Гдѣ, спрашиваю я васъ, отыскать факты? и какъ ихъ взять? Факты, говорю я, бываютъ разные. Есть факты подходящіе, есть факты неподходящіе, есть даже факты, которые совсѣмъ, такъ-сказать, не факты... Вотъ это я называю: трудъ! Однажды я возвращаюсь въ четвертомъ часу ночи изъ клуба («было мало-мало выпито!» вдругъ шепчетъ воскресшее воспоминаніе), и замѣчаю въ домѣ одного изъ членовъ комисіи огонь. Слѣзая, стучусь, вхожу — и что же вижу? Сидитъ почтенный нашъ сотоварищъ съ перомъ въ зубахъ... по правую руку—счеты... по лѣвую—липы исписанной цифрами бумаги... вдали—потухшая сигара! Вотъ это я называю: трудъ, потому что это фактъ. Что сдѣлали бы мы безъ факта? что стало бы съ нашими трудами, еслибы они не были основаны на фактахъ? Эти факты кто намъ далъ? Спрашиваю: кто, такъ-

сказать, возродилъ факты изъ пещи? Чѣмъ мы сильны передъ бюрократіей, какъ не тѣмъ, что у насъ фактъ, а у ней одни рутинные пути? Спрашиваю: кто далъ намъ этотъ фактъ — и отвѣчаю: намъ дала его комисія. Надъ чѣмъ трудился почтенный нашъ сотоварищъ въ тиши уединенія? — Надъ фактомъ. Что озабочивало мысль этого истиннаго пустыннова въ столь неурочное время? — Фактъ... Послѣ этого, что жъ еще говорить? что еще говорить? спрашиваю я васъ. Нужно ли прибавлять, какого рода фактомъ приличествуетъ ознаменовать заключеніе нашей дѣятельности? Если древніе римляне даже гусамъ...

Оратору не даютъ кончить. Клики: «благодаримъ! благодаримъ!», прерываютъ его рѣчь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ намѣревался сдѣлать краткую экскурсію въ исторію гусей. Члены комисіи, два брата Зуботыкины, одинъ Недотыкинъ и одинъ Перемыкинъ, выступаютъ впередъ. Ихъ поочередно палуютъ, но самые сладкіе безѣ, конечно, достаются на долю Недотыкина, въ которомъ всѣ сразу узнали «истиннаго пустыннова», отыскивавшаго въ четвертомъ часу ночи фактъ, съ веромъ въ зубъ.

Недотыкинъ человѣкъ не безъ дарованій. Онъ одинъ знаетъ табличку умноженія до такой степени твердо, что можетъ во всякое время съ увѣренностью отвѣтить, что $8 \times 9 = 72$. Сверхъ того, онъ скромнѣе и трудолюбивѣе. Какой-нибудь сѣятель возьметъ счетъ провѣрить, возится съ нимъ, пока совсѣмъ не измаслитъ, и все-то у него неудача: либо переложитъ копейку, либо недоложитъ двѣ. Сейчасъ къ Недотыкину. Недотыкинъ взглянетъ, сообразитъ, поколдуетъ («шестью-шесть», «семью-семь», «восемью-девять» и т. д.) и, смотришь, недоложенная копейка найдена и отечество нѣкоторымъ образомъ спасено. На этомъ основанія сѣятели прочать Недотыкина въ мѣстные финансисты и опасаются только одного: что, по врожденной скромности, у него не хватитъ смѣлости, чтобъ вольнымъ духомъ заключать займы, черезъ что, конечно, финансовое положеніе страны утратить много блеска. Что касается до меня, то я, съ своей стороны, никакихъ препятствій къ совершенію Недотыкинмъ блестящей карьеры не встрѣчаю, ибо нахожу равно среднимъ истинному финансисту: и скромность фіалки, въ тиши уединенія протверживающей табличку умноженія, и держаніе орла, съ высотъ заоблачныхъ испытующаго, не выглаживаетъ ли изъ чьего-либо кармана кредитный рубль, могущій послужить на пользу.

Недотыкинъ смущенъ; похвалы застали его врасплохъ въ то самое время, когда въ головѣ его почти совершенно удовлетво-

рительно разрѣшилась задача: «летѣло стадо гусей», въ примѣненіи къ обществѣнательскому дѣлу. Тѣмъ не менѣе, онъ понимаетъ, что его цаловали не даромъ, что самъ: воздухъ, которымъ онъ дышитъ, зараженъ жаждой комплимента. Скрѣпя сердце, онъ начинаетъ:

— Право, господа, я не знаю... какъ членъ комисіи, я даже просто не вижу... Семень Семеннычъ говорить: «не будь комисіи», а я, напротивъ того, говорю: «не будь васъ». Это глубоко мое убѣжденіе, это убѣжденіе и всѣхъ моихъ товарищей. Вы насъ просвѣтили, насъ направили и наставили — что же намъ оставалось дѣлать? Оставалось покориться волѣ Провидѣнія и благодарить. Мы и благодаримъ, и не только благодаримъ, но и присовокупляемъ: во всякое время общество найдетъ насъ готовыми. Позвольте же, господа, отъ полноты души возвратить вамъ тотъ братскій подалуй, которымъ вы почтили меня и моихъ товарищей.

Недотмигивъ лѣветъ цаловаться. Раздаются сочныя чмованья; на хорахъ слышится движеніе стульевъ; Сила Терентьичъ развѣиваетъ ротъ, чтобы въ сотый разъ вымолвить: милости просимъ откушать.

— Позвольте, господа! вдругъ вопіеть кто-то изъ толпы. — Я нахожу, что наше торжество будетъ неполно, если мы не сдѣлаемъ участникомъ его нашего уважаемаго товарища, Владиміра Тимоеенча Кочкарникова. Владиміръ Тимоеенчъ! положи руку на сердце, вы можете сказать себѣ и вашему уважаемому семейству: да, я жилъ не даромъ! я сдѣлалъ все для родной земли, что было въ моихъ силахъ! Съ вашей просвѣщенной помощью, мы пришли къ разрѣшенію вопроса о проведеніи желѣзныхъ путей въ нашемъ краю! Благодаря вашимъ неутомимымъ изысканіямъ, вопросъ объ усовершенствованіи народной нравственности для насъ окончательно уяснился! Вы первый открыли ту тѣсную, неразрывную связь, которая существуетъ между общественнымъ призрѣніемъ и хозяйственнымъ способомъ заготовленія больничнаго бѣлья и вещей! По вашей плодотворной инициативѣ, состоялась у насъ вѣчно памятная резолюція: немедленно принять мѣры къ искорененію пьянства! Вы указали на опасность, которою угрожаютъ странѣ безпрерывныя захваты алчной и беспочвенной бюрократіи! Вы, наконецъ, подняли нашъ духъ, подвергнувъ тщательной критикѣ вопросъ о взаимномъ самовознагражденіи! Хвала вамъ, Владиміръ Тимоеенчъ! Хвала и вѣчное, неугасимо-благодарное пламя сердецъ нашихъ! Думаю, милостивые государи, что выражаю пашу общую мысль, говоря: Владиміръ Тимоеенчъ! передайте всему вашему многоуважаемому

семейству, что вы много потрудились, много поревновали для родной земли, и что родная земля благодарить васъ!

Кочварниковъ блѣдень, какъ полотно; у него, что называется, дыханіе въ зобу сперло. Но на этотъ разъ, представленіе о майонезахъ и супремахъ дѣйствуетъ такъ побѣдительно, что онъ даже не поддается искушенію болтовни, и рѣшается покончить какъ можно скорѣе.

— Господа, говорятъ онъ: — вмѣсто отвѣта, позвольте припомнить вамъ одно обстоятельство. Когда ваше высокое довѣріе налагало на меня новыя обязанности, я сказала: господа! я силенъ только вами! Отъ души повторяю это теперь, въ эту торжественную минуту, и влянусь...

Кочварниковъ закусываетъ нижнюю губу, и умоляетъ, ибо желудокъ его окончательно отощаль. Всѣ бросаются на него, и съ остервененіемъ мнутъ въ объятіяхъ. Стулья на хорахъ вновь начинаютъ двигаться.

— Старичка! старичка-то и позабыли! уворяеть чей-то голосъ съ хоръ.

Выводятъ подъ руби «старичка», отставного инженер-прапорщика Дѣдушкина, такого дряхлаго, что онъ и самъ сомнѣвается, точно ли онъ живъ. Про «старичка» рассказываютъ, что онъ получилъ свой чинъ еще при Петрѣ I за то, что построилъ въ селѣ Преображенскомъ первую фортецію, которую великій отрокъ изволилъ потомъ самолично взять приступомъ съ своими потѣшными.

Но инженер-прапорщику уже не до хвастовства. Онъ кланяется и издаетъ слабый пискъ...

Въ залѣ пусто; изъ хоръ выходятъ крысы. Онѣ степенно ползутъ одна за другой, и скучиваются на серединѣ. Поднимается пискъ. Повидимому онѣ подражаютъ. Одна, совсѣмъ сѣдая, съ оттопыривающимися во всѣ стороны усами; кажется говорить: «милости просимъ ко мнѣ на сало!» Другія по очереди хвастаютъ.

Сторожъ, свидѣтель этого протѣвоестественнаго сходбища, убѣгаетъ въ смятеніи...

Н. Щадринъ.

ДИДРО И ЛЕССИНГЪ.

Karl Rosenkranz: «Diderot's Leben und Werke». Leipzig. 1866, 2 тома.

F. Laurent: «Etudes sur l'histoire de l'humanité» XIII: La Philosophie au XVIII-me siècle et le christianisme» (Paris, 1866).

Herman Hettner: «Litteraturgeschichte des achtzehnten Jahrhundert» I, II (1865, 2-te umgearbeitete Auflage), III, 1, 2 (1862, 1864).

Jul. Schmidt: «Geschichte des geistigen Lebens in Deutschland von Leibnitz bis auf Lessings Tod» I (1862), II (1864).

Jules Borni: «Histoire des idées morales et politiques en France au XVIII-me siècle» (1865).

Ad. Stahr: «G. E. Lessing» (1863, 2-te vermehrte Auflage).

I.

ПРОЛОГЪ.

---

1. ПРЕДСТАВИТЕЛИ ДВИЖЕНІЯ XVIII-ГО ВѢКА.

Первый годъ второй половины XVIII-го вѣка былъ довольно замѣчательною эпохою въ исторіи человѣческой мысли: въ этомъ году вышелъ первый томъ французской большой энциклопедіи; въ этомъ же году появился въ «Берлинской Газетѣ» рядъ критикъ неизвѣстнаго до тѣхъ поръ молодаго писателя, смѣло призывавшаго предъ свой судъ высшіе литературные авторитеты: Готшеда, Клопштока, Вольтера, Руссо, Дидро. На первый фактъ обратила вниманіе вся мыслящая Европа. Во главѣ предпріятія стояли два замѣчательные представителя новой французской школы. Тридцатичетырехлѣтній д'Аламберъ былъ одинъ изъ первостепенныхъ ученикъ Европы, достойный продолжатель Галилея и Ньютона, корреспондентъ и главный представитель въ Парижѣ царя современной мысли, Вольтера. Тридцатисемилѣтній Дидро уже издавъ свое «Письмо о слѣпыхъ», посмѣлъ

за него болѣе трехъ мѣсяцевъ въ Бастиліи, вошелъ въ сношенія съ Вольтеромъ, далъ Руссо мысль его знаменитой рѣчи, увѣнчанной дижонскою академіею въ 1750 году и разомъ индвинувшей совершенно неизвѣстнаго до тѣхъ поръ автора въ первый рядъ европейскихъ знаменитостей. Энциклопедія была въ глазахъ всѣхъ результатомъ различныхъ приобрѣтеній за послѣдніе полтора вѣка, отчетомъ новой Европы о ея правахъ и преимуществахъ предъ давно отшедшимъ древнимъ міромъ и предъ отходящимъ міромъ средневѣковой схоластики. Въ то же время она была заявленнымъ центромъ, около котораго группировалось воинство французскихъ мыслителей, законодателей тогдашней Европы, въ ихъ борьбѣ противу этого отходящаго міра. Появленіе ея было событіемъ.—Немногіе внимательные читатели оцѣнили силу и независимость, съ которою выступалъ неизвѣстный критикъ «Берлинской Газеты»; «должно быть еще очень молодой», писалъ Зульцеръ въ томъ же году въ Бодмеру. Между тѣмъ въ этихъ фельетонныхъ отчетахъ двадцатидвулѣтнаго дѣнителя основывалась независимая критика, чуждая всѣхъ авторитетовъ, всѣхъ кружковъ, критика во имя свободной и послѣдовательной мысли. Она была не только проявленіемъ своего времени, но основой, которая опредѣляла направленіе мысли слѣдующаго столѣтія. «Очень молодой» авторъ, о которомъ упоминалъ Зульцеръ, былъ Лессингъ.

Когда говорятъ о представителяхъ европейской мысли въ XVIII вѣкѣ, предъ нами возникаютъ образы нѣсколькихъ гигантовъ, которые служили учителями и руководителями ряду поколѣній. Предъ ихъ памятью преклонялись и преклоняются тѣ, которые ищутъ въ XVIII вѣкѣ рѣшенія вопросовъ мысли и жизни. На ихъ головы обращались и обращаются проклятія или насмѣшки тѣхъ, которые полагаютъ, что XVIII-й вѣкъ оставилъ намъ преданія, свернувшія человѣчество съ его настоящаго пути. Франція XVIII вѣка, это для большинства—Вольтеръ и Руссо. Изъ Германіи XVIII вѣка, большинство видитъ въ послѣдующемъ столѣтіи лишь вліяніе Канта, Гёте и Шиллера. Какъ первыя два имени повидимому исчерпываютъ всѣ проявленія борьбы съ минувшимъ, характеризующія прошлое столѣтіе, такъ послѣднія три личности заключаютъ, кажется, въ своей дѣятельности, всѣ элементы, почерпнутые первою половиною нашего вѣка изъ предшествовавшаго періода. Современники двухъ великихъ французскихъ царей мысли XVIII-го вѣка исчезаютъ предъ громадностью вліянія послѣднихъ, точно также, какъ предшественники трехъ нѣмецкихъ знаменитостей конца этого вѣка на столько заслужены послѣдними, что повидимому ничего не имѣютъ общаго съ на-

правленіями, проявившимися въ XIX столѣтіи, и составляютъ лишь предметъ библиографическаго изученія, но весьма не важныя явленія въ исторіи мысли.

Однако, стоитъ взглянуть попристальнѣе въ самую постановку предыдущихъ положеній, чтобы убѣдиться въ невозможности этимъ путемъ понять мысль XVIII вѣка ни въ ней самой, ни въ ея вліяніи на послѣдующее время. Прежде всего, замѣтимъ, что исключительно даровитыя, особенно вліятельныя личности, можетъ быть, менѣе другихъ могутъ служить выраженіемъ своей современности. Онѣ именно потому вліятельны, что оригинальны, менѣе другихъ способны подчиняться различнымъ влеченіямъ періода и, скорѣе, способны сама служить источникомъ для новыхъ рождающихся стремленій. Ихъ именами обозначаются эпохи человѣческой цивилизаціи, потому что послѣдующее время легко возводитъ къ нимъ свои воззрѣнія, но ихъ воззрѣнія ему трудно возвести выше. Конечно, безусловно новаго никто не создаетъ; самые великіе гени вырастаютъ, пропитанные атмосферю своего времени, и каждый элементъ ихъ нравственнаго бытія произошелъ изъ элементовъ міра ихъ окружавшаго; но замѣчательныя личности можно считать весьма искусно устроенными приборами, изъ которыхъ ничто не выходитъ такъ, какъ оно въ нихъ вошло; въ нихъ все перерабатывается и, въ своей новой формѣ, получаетъ неизгладимый отпечатокъ особенности того прибора, чрезъ который оно прошло. Великія личности, съ ихъ особенностями, служатъ хорошими разгадками для запутанныхъ явленій въ *послѣдующей* исторіи человѣческой цивилизаціи, но *свою* современность онѣ объясняютъ плохо, какъ личность военачальника скорѣе объясняетъ состояніе арміи послѣ него, чѣмъ въ первый его битвы. Великія личности всегда остаются передовыми, исключительными. Ихъ современники, можетъ быть, несравненно болѣе удивляются имъ, чѣмъ проникаются ихъ мыслью, если еще (какъ весьма часто случается) не приходится потомству угадывать величіе и вліяніе личностей, едва замѣченныхъ современниками. Кроме того въ каждую эпоху существуетъ нѣсколько разнообразныхъ стремленій, иногда вовсе несогласныхъ между собою. Они всѣ вмѣстѣ сообщаютъ эпохѣ ея отличительный характеръ, но, обыкновенно, каждое изъ нихъ находитъ свое лучшее воплощеніе въ одной замѣчательной личности и къ ней возводитъ свое историческое начало. Иногда же такого представителя и вовсе не оказывается.

Во второмъ ряду дѣятелей гораздо чаще встрѣчаются личности весьма талантливыя, чуть воспринимающія всѣ передовыя стремленія, но въ то же время, можетъ быть, именно вслѣдствіе своей

впечатлительности, менѣ способныя противустоять окружающимъ ихъ вліяніямъ, легче подчиняющіяся этимъ вліяніямъ и вносящія въ свою дѣятельность не столько оригинальности, но болѣе полное отраженіе современности. Эти люди не руководятъ движеніемъ эпохи, несмотря на свой неоспоримый талантъ; они рѣдко оставляютъ безсмертныя произведенія, хотя ихъ приходится поставить высоко въ ряду представителей человѣчества; но они *переживаютъ* свое время со всѣми его великими стремленіями и со всѣми его слабостями. Ихъ біографія и ихъ произведенія служатъ полнѣйшимъ, хотя не всегда послѣдовательнымъ выраженіемъ этого времени. Въ нихъ же всего удобнѣе изучать это время, тогда какъ болѣе исключительные дѣятели его заслоняютъ ихъ своею преобладающею личностью.

Едва-ли не такова роль Дидро для современнаго ему французскаго общества.

Еслибы археологъ чрезъ тысячу лѣтъ имѣлъ въ рукахъ отъ Франціи XVIII вѣка только два-три произведенія Вольтера и Руссо, да темное преданіе о ихъ великомъ значеніи, онъ едва-ли бы счелъ ихъ современниками и дѣятелями одного и того же общества. Возможно ли, чтобы тѣ же читатели восхищались письмами «Новой Элоизы» и «Кандидомъ» или еще «La ruscelle»? Могло ли одно и то же время идти за авторомъ диссертаций о вредѣ наукъ и искусствъ, о вредѣ театровъ, и за авторомъ «Философскаго Словаря», комментаторомъ Ньютона, авторомъ «Заиръ» и «Магомета»? Могла ли одна и та же эпоха давать неисчислимыя поклонниковъ республиканцу, написавшему «Общественный договоръ», и камергеру его величества короля Франціи, автору «Вѣка Лудовика XIV» и многочисленныхъ льстивыхъ посланій къ разнымъ коронованнымъ особамъ. Мы свѣдѣлись съ толкованіями историковъ, объясняющихъ одновременное появленіе Вольтера и Руссо. Они жили въ одну и ту же эпоху, умерли въ одинъ и тотъ же годъ; это фактъ. Его пришлось объяснить, потому что оспаривать не приходилось. И, конечно, подъ микроскопомъ изслѣдователей, знавшихъ, каковъ долженъ былъ получиться результатъ, нашлись въ твореніяхъ двухъ знаменитыхъ соперниковъ элементы общіе, то-есть элементы, зависѣвшіе уже не отъ личности того или другаго дѣятеля, но отъ того, были ли эти личности передовыми или отсталыми. Но еслибы изслѣдователи не знали, что имѣютъ дѣло съ двумя современниками, то по всей вѣроятности все общее отнесли бы лишь къ неизбѣжному психическому развитію, а различія показались бы столь громадными, что оказалось бы нужнымъ раздѣлить этихъ дѣятелей или въ разные вѣка, или въ разныя страны, или, по

крайней-мѣрѣ, допустить, что общество, читавшее Руссо и имъ восхищавшееся, было отлично по жизни, привычкамъ, по любимой литературѣ вообще, отъ общества, читавшаго Вольтера и его превозносившаго; что это были два враждебныя общества, нѣчто въ родѣ шитовъ и сунитовъ мусульманства, или приверженцевъ епископальной церкви и индепендентовъ въ Англіи XVIII вѣка. Между тѣмъ Вольтера и Руссо читали и ими зачитывались одни и тѣ же люди; ихъ выростило и поставило на пьедесталъ одно и то же общество; соперничество ихъ зависѣло несравненно болѣе отъ мелочныхъ сторонъ въ характерѣ того и другаго, чѣмъ отъ различія ихъ направленій. Чтобы понять французское общество XVIII вѣка, надо именно понять не отвлеченные принципы, общіе Вольтеру и Руссо, но возможность *одновременнаго* появленія этихъ, почти противорѣчивыхъ, дѣателей во всей рѣзкости антитезы, ими представляемой. Конечно, подобное объясненіе выходитъ далеко за предѣлы этой статьи, но можетъ быть, путемъ къ этому объясненію можетъ служить изложеніе развитія личности, совмѣстившей въ себѣ эти два противоположныя направленія, личности, оставившей на страницахъ своихъ произведеній яркіе слѣды презрительной борьбы со старымъ міромъ во имя правъ человѣческаго ума, и страстной борьбы съ привычками ума во имя правъ человѣческаго чувства. Я полагаю, что въ этомъ отношеніи вдумываясь въ развитіе Дидро, можно ближе подойти къ объясненію Франціи XVIII вѣка, чѣмъ изучая кого либо изъ его современниковъ.

Гриммы, Гольбахи, Мопертюи входятъ въ движеніе XVIII вѣка лишь нѣкоторыми сторонами своей жизни: она выражаютъ лишь тотъ или другой моментъ этого движенія. Д'Аламберъ, одинъ изъ всѣхъ, котораго имя можно поставить рядомъ съ могущественнѣйшими дѣателями своего времени, цѣлою половиною своей жизни принадлежитъ отвлеченной области, гдѣ исчезаетъ различіе всего временнаго, всего волнующаго массы. Въ математическихъ формулахъ сходились безо всякаго столкновения «Защитникъ Откровенія» Леонгардъ Эйлеръ и редакторъ «Энциклопедіи», какъ въ своей механикѣ жидкостей д'Аламберъ былъ прямымъ наслѣдникомъ Архимеда, несмотря на два тысячелѣтія, ихъ раздѣляющія*. Если высокое положеніе д'Аламбера въ ряду научныхъ дѣателей давало ему болѣе авторитета и болѣе сдержанности, чѣмъ другимъ его товарищамъ въ борьбѣ противъ

---

* Отъ рожденія Архимеда до рожденія д'Аламбера прошло 2004 года (принимая за дату перваго 287 г. до Р. Х.). Отъ смерти сиракузскаго до смерти парижскаго математика 1995.

«l'infame», то оно же и мѣшало ему всецѣло предаться этой борьбѣ, сообщало его выраженіямъ и дѣйствіямъ иногда черемѣрную боязливость и сохраняло въ немъ сознаніе, что какъ бы ни пошли перипетіи борьбы, онъ всегда отдохнетъ отъ горькихъ неудачъ и пораженій въ мирныхъ отвлеченностяхъ своей науки. Энциклопедію могли запретить и сжечь. Дѣйствъ и материалистовъ могли уничтожить, опровергнуть во имя мысли или во имя страсти, оружіемъ философіи или оружіемъ инквизиціи. На двигателей XVIII вѣка могло потомство обрушиться съ ругательствами католическихъ ретроградовъ * или съ презрительнымъ снисхожденіемъ идеалистовъ ** Но «Динамики» д'Аламбера не могли отрицать; «Начало» д'Аламбера должны были положить въ основаніе своего построенія люди всѣхъ партій. Поэтому д'Аламберъ не могъ выражать на столько современности, какъ Дедро. Послѣдній положилъ въ нее себя *всего*; съ нею онъ вышпается и падаетъ. Кто порицаетъ XVIII вѣкъ во Франціи, *долженъ* порицать Дедро. Кто сочувствуетъ Дедро, *не можетъ* не относиться симпатически къ общему характеру французскаго движенія XVIII вѣка. Мало того: въ наше время есть и должны быть писатели, признающіе величіе Руссо и отрицающіе величіе Вольтера, или на оборотъ; но лишь тотъ, кто вдумался въ Де-

* Вельо пишетъ въ «Melanges» VI, 584: Oui, certes! nous nous revoltions, et nous nous en faisons gloire, contre les renommées de ce siècle imbecile et impur. Il a tout faussé, tout gâté: la politique, la littérature, les arts, et, plus que tout, la conscience publique. Il commence dans l'obscenité, il avance dans l'impiété, il achève dans une dissolution sanglante. On prétend vous faire admirer cette longue fermentation du sophisme, de l'impiété, de la sottise, terminée par une irruption des cannibales, surgissant à la fois de tous les égouts et communiquant à la France et au monde la peste la plus meurtrière qui ait desolé et chatié la civilisation chrétienne! On propose à votre veneration ces hommes, dont la biographie souillée traîne comme appendice des noms sur lesquels l'humanité tout entière ne peut accumuler assez d'exécration.

** Кунц Фишеръ пишетъ въ «Franz Baco von Verulam» (1856), 25: «Einer der glücklichsten und einflussreichsten Schriftsteller, welche die Welt je gehabt hat, war Voltaire zugleich einer der beschränktesten Schüler der Lockeschen Philosophie, welche selbst nicht eben weite Aussichten hatte. Niemals war so viel Geistesreichthum mit so viel Gedankenarmuth verbunden. Niemals hat die Aufklärung so schnell und spielend ihre Eroberungen so weit ausgebreitet». И далѣе о всей школѣ: «Die Geschichte der bacouischen Philosophie von Locke an strebt in England auf den Scepticismus zu, der sie in Hume erreicht, in Frankreich auf den Materialismus, dessen leichtes Gewicht durch die leichten Talente erfüllt wird, deren weitläufige Arriergarde sich bis auf unsere Tage erstreckt und, wie es scheint, in Deutschland endet. Je geringer die Denkkraft ist, welche ein philosophischer Standpunkt fordert, um so grösser ist natürlich die Ausbreitung die er gewinnt» (426—27).

дро, можетъ одновременно признавать обоихъ бойцами за истину, какъ подчинилась имъ одновременно Франція XVIII вѣка.

Второе имя, поставленное во главѣ предлагаемаго очерка, имѣеть совершенно иное значеніе, чѣмъ имя Дидро. Лессингъ принадлежитъ не къ кружку дѣятелей: онъ стоитъ довольно одного. Онъ не принадлежитъ къ вольфіанцамъ, занимающимъ кафедры университетовъ. Онъ обособляется отъ берлинскаго кружка Николая. Онъ не имѣеть никакихъ сношеній съ Кантомъ, развивающимся одновременно съ нимъ. Онъ разрушаетъ педантическія славны нѣмецкихъ стихотворцевъ первой половины XVIII вѣка. Онъ дѣятель, а не поклонникъ Клопштока и его школы. Онъ видитъ начало дѣятельности Гёте, понимаетъ его значеніе, но уже не участвуетъ въ этомъ движеніи. Къ французскимъ авторитетамъ, которымъ поклоняется вся Европа, онъ относится критически съ первой минуты, когда беретъ въ руки перо, какъ молодой, совершенно неизвѣстный фельетонистъ. Вездѣ, во всемъ онъ самостоятеленъ, дѣйствуетъ одиноко, не имѣеть ни товарищей, ни школы. Казалось бы, поѣтому, что личность Лессинга можетъ быть рассмотрѣна лишь особо, какъ личность замѣчательнаго мыслителя, критика, эстетика, борца противъ предрассудковъ, но едва-ли годится для уясненія историческаго смысла его времени. Онъ *жилъ* въ это время, повидимому, жилъ совершенно отдѣльно отъ своихъ современниковъ, какъ ихъ судья и дѣятель, но не какъ товарищъ ихъ. Между тѣмъ я полагаю, что Лессингъ представляетъ самую характеристическую личность для германской мысли во второй половинѣ XVIII вѣка. Конечно, его значеніе на столько же отлично отъ значенія Дидро, на сколько историческая роль германской мысли ему современной отлична отъ роли французской мысли того же періода.

Франція въ эпоху Дидро имѣла за собою самостоятельную обширную литературу, которой удивлялась и подражала Европа. Она имѣла выработанный языкъ, сдѣлавшійся языкомъ дипломатіи, языкомъ образованнаго общества. На этой почвѣ, подготовленной ея исторіею, французская мысль основала свои завоеванія въ XVIII вѣкѣ. Ни одна европейская національность не находилась въ столь выгодномъ положеніи. Ни одна литература не могла, обращаясь къ своимъ соотечественникамъ, толкуя объ интересахъ своего угла, возбуждать на столько же интереса во всѣхъ концахъ Европы, какъ французская. Ей приходилось дѣйствовать на сотни тысячъ читателей, быть учительницею Европы; въ ней искали отвѣта на все, что волновало современные умы. Она обязана была сдѣлаться литературою данной минуты. Французская мысль должна была по своей ясности, общедоступности,

по опредѣленности своихъ вопросовъ и по разнообразію своихъ предложеній, господствовать *въ настоящемъ*. Самый живой вопросъ настоящаго дня XVIII вѣка заключался въ борьбѣ съ средне-вѣковымъ преданіемъ; создавать въ этомъ отношеніи было нечего; XVII вѣкъ далъ всѣ матеріалы для этой борьбы: ни сущность ея, ни поводы къ ней, ни оружіе для нея не представляло уже предмета сомнѣнія. Но надо было воплотить эту борьбу въ жизнь, въ дѣло. Французская мысль XVIII вѣка сдѣлалась воплощеніемъ и представительницею этой борьбы. Вся энергія ея была направлена на этотъ пунктъ, на вопросъ дня, вопросъ минуты.

Германія была въ иномъ положеніи. XVII вѣкъ ее оставилъ разоренною, одичалою, потерявшею вѣру въ вопросъ, изъ-за котораго она сама терзала себя и призывала въ себя грабителей-чужеземцевъ въ продолженіе полувѣка. Ея государи говорили пофранцузски и подражали Франціи. Ея ученые писали полатыни или пофранцузски. Ея проповѣдники вдавались въ самую дикую схоластику или въ подслащенную мистіку. О нѣмецкомъ языкѣ еще повторяли остроуту Карла V, что нѣмецкіи можно говорить лишь съ лошадыю. Французы дерзко спрашивали: можетъ ли нѣмецъ обладать умомъ? Сами нѣмецкіе ученые порицали своего собрата, если ему приходило на мысль написать замѣчательное произведеніе на родномъ языкѣ. Въ началѣ XIX вѣка положеніе Германіи въ общеевропейской цивилизаціи совершенно измѣнилось. Ея мыслители стали учителями Европы. Ея поэты стали образцами. Ея университеты сдѣлались центрами научнаго движенія. Самая Франція черпала изъ германской сокровищницы науки. Одна изъ столицъ Германіи называла себя *городомъ ума* (Stadt der Intelligenz) и нѣмцы говорили почти съ такимъ же презрѣніемъ о славныхъ именахъ Франціи прежняго времени, съ какимъ въ былое время говорили французы о ихъ соотечественникахъ.

Очевидно, въ XVIII вѣкѣ Германія пережила важный періодъ своего умственнаго развитія. Главный смыслъ ея исторіи за этотъ періодъ долженъ заключаться именно въ этомъ переходѣ отъ полной незначительности, какъ національность, къ важной роли передоваго народа въ европейской цивилизаціи. Представителями Германіи за XVIII вѣкъ всего вѣрнѣе могутъ считаться люди, дѣятельность которыхъ всего лучше уясняетъ этотъ переворотъ, всего болѣе связываетъ прошедшее Германіи съ будущимъ. Но всѣ личности, ограничившіяся только вопросами настоящаго, только вопросами минуты, суть лишь элементы этого перехода, такъ-какъ самое значеніе Германіи лежало тогда не

въ ея настоящемъ, а въ ея будущемъ. Поэтому вольфианцы и пьетисты, Николай и Клопштокъ суть явленія второстепенныя. Они или повторяютъ старое, или отражаютъ въ себѣ движеніе, котораго центръ на берегахъ Сены, или сообщаютъ матеріалъ будущаго лишь въ самой ограниченной сферѣ (напримѣръ Клопштокъ въ выработкѣ нѣмецкаго стиха). Кантъ, начавшій свою дѣятельность въ 1747 году (равнѣ Лессинга), только съ осьмидесятихъ годовъ этого вѣка сталъ двигателемъ европейской мысли*. Гёте и другіе члены іенскаго кружка вошли въ исторію цивилизаціи нѣсколько ранѣе, но все-таки ихъ вліяніе въ Германіи нашло подготовленную почву, а въ европейской мысли они получили значеніе гораздо позже. Я полагаю, что самую характеристическую личность для Германіи можетъ быть названъ человекъ, который участвовалъ въ великой борьбѣ XVIII вѣка, но не какъ поклонникъ французскихъ авторитетовъ, а какъ самостоятельный дѣятель и цѣнитель этихъ авторитетовъ; человекъ, который боролся не только оружіемъ насмѣшекъ французскихъ популяризаторовъ, но и безстрастнымъ оружіемъ науки и научной критики, столь страшнымъ въ тридцатыхъ годахъ нашего вѣка; человекъ, который вносилъ въ свои поэтическія про-

---

* Юліанъ Шмидтъ, въ «Geschichte des geistigen Lebens in Deutschland von Leibnitz bis auf Lessings Tod» II, 231—232, говоритъ: «Не всѣ великіе люди облакаются миеомъ; съ Кантомъ это случилось. Преданіе знаетъ только рассказы о старомъ Фрицѣ, о старомъ Кантѣ; не дурно замѣтить исторически, что существовалъ нѣкогда и молодой Кантъ. И въ личности этого молодого человека весьма много характеристическаго... Хотѣлось бы поставить вопросъ: какова бы вышла «Критика чистаго разума», еслибы онъ написалъ ее въ эту эпоху полнѣйшей жизненной силы, а не послѣ того, какъ онъ, въ продолженіе тридцати лѣтъ, училъ несовершеннолѣтнихъ мальчиковъ, медленно и основательно, азбуку мышленія, по шести часовъ ежедневно». «Критика чистаго разума» потому именно и оказала свое громадное вліяніе въ европейской цивилизаціи, что явилась *од-время*. Конечно, 23-хлѣтній Кантъ написалъ бы ее живѣе, смѣлѣе, но можетъ быть и самъ не выработалъ бы въ себѣ той самостоятельности и прочности мысли, которая сдѣлала его родоначальникомъ европейской философіи XIX-го вѣка; а главное, въ половинѣ XVIII-го вѣка европейская мысль оставила бы его книгу въ сторонѣ, какъ достояніе немногихъ, подобно тому, какъ въ концѣ XVII вѣка осталась въ сторонѣ «Этика» Спинозы. Преданіе знаетъ лишь *старого* Канта, потому что Кантъ, сдѣлавшійся двигателемъ европейской цивилизаціи, носитъ на себѣ печать старости, какъ *необходимый* элементъ своего вліянія. Цивилизація первой половины XIX вѣка, между различными элементами, ее обуславливающими, не лишена элемента старчества мысли, утомленія и безнадежности. Можетъ быть, книга *молодого* Канта, написанная въ осьмидесятихъ годахъ, не могла бы имѣть того значенія въ цивилизаціи, которое имѣла книга *старого* Канта, именно потому что онъ уже былъ старъ. Впрочемъ, здѣсь я не имю возможности развить эту мысль.

изведенія современныя ему волненія, но положили начало требованію искусства, какъ самостоятельнаго элемента человѣческой дѣятельности, гдѣ художникъ можетъ уединиться отъ жизни—начало, воплотившееся въ идеализмъ нѣмецкихъ философовъ, какъ въ фантастичный міръ романтиковъ, въ безчисленныя произведенія субъективной литературы, какъ въ теорію исторической объективности; человѣкъ, который писалъ «Эмилию Галотти» и относился совершенно равнодушно къ борьбѣ американцевъ за самостоятельность, къ продажѣ нѣмцевъ ихъ князькамъ англійскимъ вербовщикамъ. Лессингъ въ своихъ достоинствахъ, какъ въ своихъ недостаткахъ, былъ представителемъ переворота, подготовившагося въ европейской мысли въ то самое время, когда еще все, повидному, шло за французскими борцами, когда еще ни одно ихъ требованіе не перешло въ жизнь, когда поклонялись ихъ недостаткамъ, какъ въ слѣдующій періодъ перестали видѣть ихъ достоинства. Вдумываясь въ творенія Лессинга, можно, мнѣ кажется, всего яснѣе понять, какъ переворотъ, совершившійся въ развитіи Германіи между Лейбницемъ и Гёте, такъ и переходъ въ европейской мысли отъ подчиненія Франціи къ подчиненію Германіи, который совершился въ эпоху Гёте. Если Дидро есть едва-ли не полнѣйшій представитель *настолицаго* въ XVIII вѣкѣ и расчетовъ этого настоящаго съ прошедшимъ, какъ они совершились подъ вліяніемъ французской среды, то Лессингъ есть, точно также, едва-ли не вѣрнѣйшій представитель выростанія будущаго періода, какъ онъ безсознательно развивался среди вѣрованій и волненій XVIII вѣка, подъ вліяніемъ германской разъединенности.

Потому-то мы постараемся очертить дѣятельность Дидро и Лессинга, какъ двухъ самыхъ характеристическихъ представителей XVIII вѣка въ области мысли. Но въ исторіи нѣтъ обрывовъ, и самое важное уясненіе значенія какого-либо историческаго дѣятеля заключается въ прошедшемъ, подготовившемъ и почву для его дѣятельности и матеріалъ его мысли. Поэтому приходится предпослать самому разсказу о Дидро и Лессингѣ очеркъ развитія мысли, подготовившаго энциклопедистовъ и сдѣлавшаго возможнымъ Лессинга. Это и составляетъ цѣль настоящаго *пролога*.

2. Европа новаго времени.

«Энциклопедія», съ которой неразрывно связано имя Дидро, была не началомъ новаго ряда явленій въ исторіи европейской мысли, но завершеніемъ процесса, давно начавшагося. Впродол-

женіе тысячи лѣтъ средневѣковой жизни, мысль западноевропейскихъ расъ искала исхода изъ тяжелаго положенія общества. Одни шли въ монастыри, другіе предавались магіи. Одни отправлялись въ веригахъ въ городъ верховныхъ апостоловъ, другіе собирались въ еретическія секты. Искали знанія и прочныхъ началъ для дѣятельности. Это знаніе и эти начала думали найти въ католическомъ преданіи, въ древней мудрости. Читали и перечитывали жалкій матеріалъ, доступный жаждущимъ знанія, не жалѣли ни трудовъ, ни времени, чтобы добыть казую-нибудь исваженную рукопись; ее приковывали дѣлами; на ней писали проклетія возможнымъ похитителямъ; въ ней искали не только то содержаніе, которое было видимо, но самый таинственный смыслъ, недоступный простому читателю. Если ни знанія, ни жизненныхъ началъ не находили, то обвиняли не источники, а свое малоуміе; жаловались на недостатки древняго матеріала, на искаженіе преданія его истолкователями, воинственными прелатами, или невѣжественными монахами; но ни минуты не сомнѣвались, что знаніе и житейская мудрость могутъ срываться и быть отысканы *только* въ тѣхъ двухъ источникахъ, гдѣ ихъ предполагали.

Открылись университеты. Были переведены арабскіе комментаторы. Католицизмъ выставилъ лучшихъ своихъ учителей, на жизни которыхъ не было пятна, ученость которыхъ обнимала все сущее, естественное и сверхъестественное, они съ полнымъ безпристрастіемъ опровергали мусульманство въ своихъ многотомныхъ «суммахъ» и черпали въ него матеріалы знанія; зажигали костры для еретиковъ и вносили силлогистичну Аристотеля въ самыя неисповѣдимыя таинства католицизма. Десятки тысячъ слушателей хлынули въ Оксфордъ, въ Парижъ, переходя отъ одной кафедры къ другой, слушая Роберта Гротэтъ и Альберта Великаго, Тому Аквината и Дунса Скотта. Но жажда знанія и житейской мудрости не удовлетворилась. Сильнѣе прежняго стали требовать реформу церкви на соборахъ; чаще прежняго пришлось сожигать еретиковъ и невѣрующихъ; жарче прежняго стали желать открытія основныхъ источниковъ греческой мудрости; мистичнѣе прежняго стали приемы алхимиковъ, заклинанія вабалистовъ.

Бѣглецы греки привезли, наконецъ, Европѣ *настоящую* греческую мудрость. Станки Гуттенберга и Альдовъ сдѣлали доступными для всей Европы творенія величайшихъ умовъ древности. Съ жаромъ бросилась на филологію вся мыслящая Европа. Предъ бюстами Платона зажглись лампы. Языческое обожаніе красоты воплотилось въ образы еврейскихъ пророковъ Буанаротти и Ма-

донъ Рафаэля. Насмѣшка надъ католическимъ преданіемъ про-
 нпела не только по дворамъ итальянскихъ князей, но въ самыя
 стѣны Ватикана. И еще разъ разочаровалась европейская мысль.
 Въ сочиненіяхъ древности не оказалось ни неисчерпаемаго источ-
 ника знанія, ни непоколебимаго начала житейской мудрости. Фи-
 лологія могла быть достояніемъ кабинетныхъ ученыхъ, но вос-
 кресить древній міръ послѣ тысячелѣтнаго погребенія оказа-
 лось невозможнымъ. Въ лабораторіи алхимиковъ уже возникли
 знанія, которыхъ не оказывалось у древнихъ ученыхъ. Великая
 хартія Англіи обуславливала жизнь, для которой аеинскій де-
 мось и римскій патриціатъ не давали образцовъ. Птоломея былъ
 удаченъ въ ошибкѣ Коперникомъ. Открытія Колумба не уклады-
 вались въ рамы древняго землевѣдѣнія. Новая Европа, отправляя
 флотилии въ кругосвѣтныя путешествія и созидая государства,
 гдѣ не заходило никогда солнце, могла съ нѣкоторымъ сожалѣ-
 ніемъ смотрѣть на своихъ предшественниковъ, которые, по ви-
 раженію Платона, «занимали лишь малѣйшую часть земли, по-
 селившись вокругъ моря, какъ муравьи или лягушки вокругъ бо-
 лота» и самыя громадныя имперіи которыхъ простырались отъ
 Адриатики до Инда или отъ Атлантическаго океана до Евфрата.
 Древній міръ потерялъ возможность быть авторитетомъ для
 новаго.

Оставался еще средневѣковой авторитетъ, и его попытались
 спасти нѣмецкіе реформаторы, отрехшись отъ Рима, когда го-
 лось соборовъ о всеобщемъ исправленіи католицизма заглохъ
 предъ авторитетомъ папъ, а сами папы дали въ личностяхъ Борд-
 жій, Ровере, Медичи слишкомъ ясныя доказательства своей по-
 грѣшимости. Исчезли епископы-феодалы, нищенствующіе монахи,
 пестрыя легенды католическихъ святыхъ, чудотворныя мадонны,
 продажа индульгенцій, духовники—семейные шпіоны; отброшено
 было тысячелѣтное преданіе Іеронимовъ, Августиновъ, Григорі-
 евъ, Бернардовъ, Доминиковъ, Францисковъ, чтобы поставить
 новый міръ лицомъ къ лицу съ основными документами христіан-
 ства, съ библіею, которая должна была замѣнить для послѣдо-
 вателей реформы все остальное. Рухнула преграда между святое-
 святыхъ католицизма и общиною вѣрующахъ, во дворцѣ князя,
 какъ на чердакѣ ремесленника, открыта была *книга*, заключающая
всю истину и всю мудрость. Каждый могъ читать ее; каждый
 могъ и толковать. Но весьма скоро оказались нѣкоторые не-
 удобства подобнаго всеобщаго толкованія. Если Лютеръ вычиталъ
 въ непогрѣшимой книгѣ подчиненіе церкви патронату князей,
 Мюнцеръ читалъ въ ней другое, и Іоаннъ Лейденскій, отправляя
 свои кровавыя оргіи въ Мюнстерѣ, опирался на тѣ же тексты,

которые были для другихъ проповѣдью любви и прощенія врагамъ. Изъ того же источника черпали торійскіе епископы ученіе о неприкосновенности власти Стюартовъ и Кромвелевскіе индепенденты право—судить и казнить ихъ. Каедръ проповѣдниковъ, гордо отличавшихъ свое ученіе отъ прочихъ исповѣданій названіемъ *евангельскаго*, гремѣли самой ожесточенной, грубой и скаластической полемикой. При безконечномъ разнообразіи сектъ пришлось каждой изъ нихъ заключиться въ опредѣленный символъ, установить свое преданіе, и европейская мысль въ этомъ разнообразіи ученій могла узнать лишь одно: что путь, которымъ пошла реформа, не далъ ни безспорнаго практическаго руководства, ни безспорной теоретической истины. Кромѣ того, еврейскіе источники, удержанные реформой, были столь же безмолвны, какъ греческіе и римскіе, прославленные возрожденіемъ, относительно всего того, что составляло современный вопросъ новой Европы: они не знали ни новаго міра, открытаго среди океана, ни настоящаго строенія вселенной, ни политическихъ, экономическихъ, юридическихъ вопросовъ, наполнявшихъ жизнь европейскаго общества. Для большей части этой жизни оказывалось, что нѣтъ возможности принять за руководство ни одинъ изъ средневѣковыхъ авторитетовъ.

Конечно, это оказывалось постепенно, и часть цивилизованнаго общества Европы удержала еще долго привычное поклоненіе средневѣковымъ авторитетамъ. Еще долго встрѣчались тамъ и здѣсь профессора, ссылавшіеся на слова древнихъ, какъ на безспорный доводъ. Но для передовыхъ дѣятелей Европы, во всѣхъ отрасляхъ жизни, вопросъ объ отношеніи этой жизни къ еврейскимъ, греческимъ и латинскимъ текстамъ былъ рѣшенъ въ концѣ XVI вѣка. Эти тексты могли служить авторитетами въ *своихъ* особыхъ сферахъ. Предѣлы этихъ сферъ и авторитетность текстовъ предстояло еще установить, но уже не путемъ свидѣтельствъ, а путемъ *науки*. Въ этихъ выдѣленныхъ сферахъ, подлежащихъ авторитету, все остальное должно было подлежать изслѣдованію *науки*.

Научное изслѣдованіе, научный методъ — вотъ было знамя, выставленное новою европейскою мыслью. Требованія ея шли издавна. Ихъ могли бы найти еще у Аристотеля. Имъ безусловно слѣдовали всегда въ области математики. Они мало по малу утверждались путемъ личнаго наблюденія въ лабораторіяхъ алхимиковъ, путемъ жизненнаго опыта у политическихъ мыслителей. Въ XVI вѣкѣ они стали формулироваться опредѣленно въ двухъ теоретическихъ вопросахъ: въ вопросѣ о строеніи вселенной при появленіи системы Коперника, въ вопросѣ о строеніи человѣче-

сваго тѣла при разсѣченіяхъ труповъ въ школѣ Везалія. Но свое *общее* значеніе требованія научной критики и научнаго изслѣдованія получили въ началѣ XVII вѣка. Съ него началась *новая Европа*.

Бэконъ, Галилей, Кеплеръ, Гэрвей, Гроотъ, Гоббсъ, Декартъ положили начало этому движенію. Въ періодъ одного человѣческаго поволенія (33 года), протекшій отъ открытія первыхъ законовъ Кеплера до появленія книги Гоббса «De cive», совершены знаменитыя открытія Галилея, открытіе кровообращенія, появились: «Новый органонъ» Бэкона, «О методѣ» Декарта, «О правѣ войны и мира» Гроота. Физика, механика, астрономія, физиологія, естественное право, теорія государства получили образцы для своего развитія. Конечно, нельзя даже сравнить приобрѣтеннѣ естествознанія за это время съ попытками въ области общественныхъ теорій, повсюду господствовалъ тотъ же методъ: какъ выводы Кеплера, Галилея, Гэрвея опирались на наблюденія и на самостоятельное обсужденіе этихъ наблюденій, такъ Гроотъ и Гоббсъ пытались построить свои теоріи на основаніи наблюденій надъ челомъкомъ, конечно, менѣе точныхъ, и разсужденій надъ этими наблюденіями, конечно, менѣе строгихъ. Всѣ они однаково признавали невозможность опираться на авторитеты при рѣшеніи вопросовъ въ своей области; всѣ однаково допускали полное право новаго изслѣдователя наблюдать и дѣлать выводы изъ этихъ наблюденій, каковы бы ни были эти выводы. Но этотъ взглядъ не ограничивался лишь практическимъ примѣненіемъ: въ «Методѣ» Декарта и въ «Органонѣ» Бэкона новая европейская мысль получила опредѣленную формулировку для своей дѣятельности во всевозможныхъ областяхъ, куда ей дозволено было прикасаться. Лишь постоянная борьба съ идолами привычки, предразсудка, авторитета могла оградить изслѣдователя отъ ошибки. Лишь постепенное обобщеніе частныхъ истинъ могло быть вѣрнымъ путемъ для построенія науки.

Начала были установлены. Путь былъ указанъ. Оставалось доказать на дѣлѣ: на сколько плодотворны новыя начала? Допускаютъ ли они обширныя приложенія къ различнымъ областямъ человѣческаго изслѣдованія, или приведутъ къ такимъ же разочарованіямъ въ теоріи и практикѣ, къ какимъ привело безусловное поклоненіе средневѣковымъ авторитетамъ? Это могла рѣшить лишь сама разработка науки, и въ XVII вѣкѣ мы замѣчаемъ въ ея средѣ необычное оживленіе: она организуется. Уже Бэконъ набрасываетъ полуфантастическій очеркъ «Соломонова дома». Уже въ началѣ XVII вѣка возникаютъ въ разныхъ мѣстахъ научныя общества. Лондонъ и Парижъ были самые могуществен-

ные центры этого движенія. Но оно поддерживалось не только обществами. Самая обширная переписка между учеными разныхъ странъ позволяла слѣдить повсюду за научными вопросами въ ихъ развитіи, содѣйствовать ихъ всестороннему обсужденію, одѣлгѣ возможныхъ возраженій, и сближала ученый міръ Европы въ одно общее дѣло. Съ 1665 года начали появляться «Philosophical Transactions» и «Journal des savants»; съ 1682 года «Acta eruditorum».

Но вся эта разработка шла въ областяхъ, безспорно отошедшихъ къ наукѣ. Были области, къ которымъ предводители умственнаго движенія начала XVII вѣка отнеслись съ крайнею осторожностью, какъ-бы признавая, что въ этихъ областяхъ научный методъ неприменимъ. Даже въ тѣхъ вопросахъ, которые вошли въ разборъ Гроота и Гоббса, представлялось сомнѣніе, насколько они доступны научному изслѣдованію. Законы психическихъ отклоненій человѣка, законы, управляющіе экономическими отношеніями между мѣстностями, были едва затронуты или вовсе неизслѣдованы, а безъ нихъ нельзя было думать о рациональномъ построеніи теоріи права, теоріи вѣрованій, теоріи государства, теоріи общества вообще. Между тѣмъ, неотступно возбуждались и требовали себѣ рѣшенія вопросы: на сколько вообще правомѣренъ методъ научной критики? Гдѣ предѣлъ, на которомъ эта критика должна остановиться? Почему именно можетъ какая-либо область человѣческаго сознанія оставаться внѣ научной критики? Чтѣ вышло бы, еслибы кто пробовалъ внести критику и въ эти запрещенныя области? Наука не могла рѣшить эти вопросы точно, но ихъ принялась рѣшать философія. Отъ рѣшенія ихъ зависѣлъ умственный прогрессъ Европы и постепенные успѣхи ихъ рѣшенія составляютъ до нашего времени всю исторію этого прогресса съ его отступленіями, порывчатыми движеніями впередъ, выдвигеніемъ на первый планъ *одного* изъ вопросовъ цивилизаціи на счетъ всѣхъ другихъ и скептическаго разочарованія, когда оказывалось, что одною стороною жизни общество развиваться не можетъ. *Нынѣшня* Европа довершить свой фазисъ, когда окончательно рѣшить *для себя*, не только въ кабинетахъ уединенныхъ мыслителей, но и въ практикѣ жизни большинства, вопросъ о правахъ научной критики во всей его обширности. Конечно, намъ, принадлежащимъ къ этому фазису, кажется и должно казаться, что этотъ фазисъ будетъ окончательнымъ, что торжество науки во всѣхъ сферахъ теоретическихъ и практическихъ есть предѣлъ ума человѣческаго. Такъ ли оно — рѣшитъ исторія, которую переживутъ наши отдаленные потомки. Но средневѣковныя понятія еще крѣпко держатся своихъ позицій и

пытаются остановить расширение приложений научного метода. Единственная опора европейского прогресса, единственная преграда решительному низвержению новой европейской мысли заключается в той прочности, с которой научный методъ установился для цивилизованнаго меньшинства въ сферѣ, завоеванной Галилеями и Гэрвелли, въ сферѣ такъ-называемой *точной науки* (какъ будто что-либо *источное* заслуживаетъ названіе *науки*). Въ этой сферѣ, съ начала XVII вѣка, европейская мысль дѣлала только завоеванія, и эти завоеванія были такъ блестящи, безпрестанныя подтвержденія научныхъ приемовъ были такъ неоспоримы, что, мало по малу, должны были замоленуть самые упорные противники. Успѣхи въ этой сферѣ, до сихъ поръ еще довольно скромной, составляютъ неопровержимый аргументъ для дѣятелей европейской мысли, желающихъ далѣе и далѣе расширить права научнаго метода. Имъ весьма легко доказать, что заблужденія и противорѣчія, приписываемыя наукѣ ея противниками, происходили лишь тогда, когда, подъ именемъ науки, прилагали *ненаучный* методъ или когда прилагали научный методъ *неисполнѣ*. Оспорить точность *научнаго* метода тамъ, гдѣ онъ приложимъ, уже *нельзя*, и ея не оспариваютъ, но шагъ за шагомъ отстаиваютъ области, къ которымъ его еще не приложили исполнѣ. Кое-что пришлось уступить съ XVII вѣка, но не особенно много. Все остальное подлежитъ еще борьбѣ философскихъ міросозерцавій и жизненныхъ увлеченій, а не отмежевано еще въ прочное владѣніе установившейся науки.

Объ эти точки зрѣнія необходимо имѣть въ виду, чтобы понять, почему энциклопедія, то-есть «Словарь наукъ и искусствъ», громоздкое алфавитное изданіе, полное мелкихъ специальныхъ статей и техническихъ частности, могла сдѣлаться центромъ и органомъ могущественнаго движенія въ общественной мысли. Борцы XVIII вѣка во Франціи представляли въ этомъ изданіи и доказательство правъ научнаго метода, свидѣтельство о *безспорныхъ* его заявленіяхъ, и попытку міросозерцанія, прилагавшаго научную критику къ самымъ запретнымъ областямъ общественной жизни. Ученныя диссертациі давали истины весьма важныя, но мимо ихъ общество проходило хладнокровно: эти истины не затрагивали его жизненныхъ интересовъ; эти истины въ значительномъ числѣ можно было найти и въ сочиненіяхъ Ленгарда Эйлера, всторого XVIII вѣка нивагъ не могъ уже поставить въ числѣ передовыхъ борцовъ за вопросы его занимавшіе. Съ другой стороны немолваемая борьба за живые вопросы въ брошюрахъ, эпитаграммахъ, на сценѣ и въ философскихъ разсужденіяхъ, борьба, которая имѣла центромъ Фернэ и одушевляла тысячу

остроумныхъ писателей, встрѣчала постоянно укоръ въ легкомысліи, въ недостаткѣ основательности, въ недостаткѣ научности. Все могущество энциклопедіи заключалось въ томъ, что она являлась *заразою* въ панцирь науки, только что одержавшей свои самыя блестящія побѣды, и съ мечомъ отрицанія, смѣло поражающаго самыя большыя мѣста общества. Это соединеніе придало энциклопедіи такую силу и такое значеніе, что она дала свое имя школѣ отрицателей и осталась въ воображеніи потомства какъ символъ отрицанія, хотя читатель нашего времени, если рѣшится заглянуть въ эти фолианты, найдетъ ихъ статьи, въ своему удивленію, крайне мягкими и осторожными, даже въ сравненіи съ тѣмъ, что писалось и печаталось въ то же время въ другихъ изданіяхъ. Поэтому, для объясненія значенія энциклопедіи и Дидро, положившаго въ нее часть своей жизни, намъ необходимо указать какъ ту опору, которую давали ей предшествовавшія движенія науки, такъ и то философское движеніе, котораго она являлась органомъ.

3. Успѣхи наукъ.

Чтобы показать научное значеніе конца XVII и начала XVIII вѣка, не нужно вовсе вдаваться въ большія подробности, перечислять частныя работы, утомлять читателя длиннымъ спискомъ именъ и техническихъ терминовъ. Эта эпоха заключаетъ нѣсколько именъ, знаменитость которыхъ дошла и до тѣхъ, кто никогда не потрудился проникнуть въ области научныхъ изслѣдованій. Результаты ихъ работъ этого періода такъ популярны, что о нихъ знаютъ и къ нимъ относятся съ уваженіемъ даже люди, весьма неясно понимающіе, въ чемъ тутъ было дѣло. Другія имена, не менѣе знаменитыя для ученаго и не менѣе важныя въ исторіи научнаго развитія, на столько уже заслонены послѣдующимъ періодомъ, что о нихъ приходится напомнить современному читателю. Тѣмъ не менѣе немногихъ страницъ достаточно, чтобы выказать, какъ широко и прочно раскинулись завоеванія науки въ сто лѣтъ, протекшихъ отъ смерти Декарта до энциклопедіи, какъ сильно было и должно было быть ихъ дѣйствіе на умы современниковъ, и какіе неоспоримые успѣхи могла выставить энциклопедія въ пользу обширнѣйшаго приложенія научнаго метода.

Если середина XVIII вѣка была весьма важною эпохою въ развитіи общаго движенія мысли въ XVIII вѣкѣ, то 1684 годъ для науки былъ неменѣе значителенъ. Въ этотъ годъ два великіе соперника, Ньютонъ и Лейбницъ, выступили съ открытіями, ко-

тории доставили наиболѣе извѣстности ихъ именамъ, несмотря на многочисленность научныхъ приобрѣтеній, связанныхъ съ этими именами. Въ 1684 году происходило въ лондонскомъ королевскомъ обществѣ первое заявленіе теоріи Ньютона о всеобщемъ тяготѣніи, началѣ, связывавшемъ въ одну формулу всѣ міры, разъясненные въ пространствѣ, о началѣ, подводившемъ подъ одинъ законъ паденіе камня на землю, обращеніе луны около земли, движеніе всѣхъ планетъ около солнца, форму земнаго сфероида, явленія прилива и отлива, а въ будущемъ долженствовавшаго распространиться на неоткрытыя еще небесныя тѣла, на отдаленныя системы двойныхъ звѣздъ и давшаго возможность предсказать существованіе планетъ тамъ, гдѣ еще не открыты ихъ телескопъ наблюдателя. Черезъ три года появилось въ печати твореніе Ньютона: «Математическія начала естествознанія» (*Philosophiæ naturalis principia mathematica*), эти скрижали завѣта для новой европейской мысли, заключавшія изложенія его открытія.

Въ томъ же 1684 году въ лейпцигскомъ ученомъ журналѣ: «*Acta eruditorum*» появилась диссертация Лейбница, давшая въ руки всей ученой Европѣ самое сильное оружіе для трудныхъ математическихъ изслѣдованій. Онъ показалъ, что изученіе элементарнаго измѣненія перемѣнныхъ величинъ, подлежащихъ измѣренію, можетъ вести къ разрѣшенію многихъ вопросовъ относительно этихъ величинъ, вопросовъ неразрѣшимыхъ другими путемъ, и это изученіе элементарнаго измѣненія представляло общій методъ съ легко изучаемыми приемами, что дѣлало изъ новаго математическаго орудія не достойніе исключительныхъ умовъ, подобно приемамъ великихъ геометровъ древности, а достойніе общества. Такъ-называемый *высшій* анализъ (дифференціальное и интегральное исчисленіе) могъ быть изученъ и приложенъ къ самымъ разнообразнымъ вопросамъ всякимъ способнымъ ученикомъ, тогда какъ *элементарная* геометрія древнихъ, для приложенія къ нѣсколько сложному вопросу, требовала исключительной выработки ума, и каждое рѣшеніе этимъ путемъ новаго, хотя и весьма частнаго, вопроса было доказательствомъ замѣчательныхъ математическихъ способностей. Съ обнародованіемъ метода Лейбница, самая отвлеченная наука выходила изъ своего святилища, недоступнаго профанамъ и вступала въ связь съ жизнью, предлагая свое могущество всякому, кто захочетъ употребить нѣсколько времени и труда, для ея изученія.

Конечно, ни открытіе Ньютона, ни открытіе Лейбница не были совершенною новостью. Движеніе научной мысли, получившее въ началѣ XVII вѣка правильное и прочное развитіе, не-

необъяснимо влекло къ этимъ завоеваніямъ. Начиная съ Галилея и Кеплера, въ сочиненіяхъ Бульо, Борелли, Гюйгенса, Гука ближе и ближе человѣческая мысль подходила къ теоріи всеобщаго тяготѣнія*. Начиная съ Виѣты, рядъ математиковъ, современныхъ Декарту, шелъ путемъ, неизбежно приводившимъ къ высшему анализу: многіе употребляли приемы, подобныя приемамъ Лейбница, для рѣшенія того или другого вопроса. Ньютонъ несомнѣнно и вполнѣ обладалъ совершенно тѣмъ же научнымъ орудіемъ, какъ Лейбницъ за 18 лѣтъ до обнародованія первой диссертациі Лейбница по этому предмету, и, вѣроятно, болѣе глубоко понималъ все могущество этого орудія, чѣмъ Лейбницъ. Но было бы крайне несправедливо, еслибы слава того или другого, на сколько бы то ни было, казалась уменьшенной ихъ предшественниками. Съ начала XVII вѣка дѣло открывателей новыхъ истинъ стало уже не столь легко, какъ прежде. Не частный намекъ, не счастливая догадка, не удачная гипотеза могли составить теперь важный шагъ въ наукѣ, и не таково было открытіе Ньютона. Могущество открытія заключалось именно въ томъ, что простая формула обобщала огромное число явленій, что она была строго доказана, точно опредѣлена, и что Ньютонъ ее выставлялъ не какъ гипотезу *о сущности* явленій природы, а какъ математическую *мѣру* силъ, при этомъ дѣйствующихъ, оставляя въ сторонѣ самую причину силъ, какъ нѣчто совершенно гипотетическое. Эта чистая научность была такъ необычна, что самъ Ньютонъ недостаточно выставилъ ее на видъ, и во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій возвращался, по видимому, къ возвращенію на теорію тяготѣнія, какъ на гипотезу особеннаго физическаго міросозерцанія. Но съ этой послѣдней точкой зрѣнія теорія тяготѣнія въ его время представляла еще немало несообразностей. Съ одной стороны, она требовала, по взгляду Ньютона, толчковъ, имѣющихъ своимъ источникомъ вѣдмировую силу, и до Лапласа это затрудненіе ея не было устранено. Съ другой стороны, дѣйствіе частицъ матеріи одной на

* Бульо писалъ въ «*Astronomia philolaica*» 1645 года, что сила солнца, дѣйствующая на планеты, обратно пропорціональна квадратамъ ихъ разстояній. Гюйгенсъ зналъ, что тяжесть уменьшается по мѣрѣ удаленія тѣлъ отъ земли. Борелли 1666 г. въ «*Теоріи медіцейскихъ планетъ*» (спутниковъ Юпитера) не только отождествлялъ законы движенія спутниковъ около планеты съ законами движенія планетъ около солнца, но гипотетически объяснилъ весьма вѣрно движеніе планетъ въ пространствѣ двумя силами: притяженіемъ къ солнцу и центробѣжной силою. То же находимъ въ лавискахъ Гука, представленныхъ королевскому обществу 1666 и 1674 г. Причемъ онъ предсказываетъ, что ученый, сдѣлавшій успѣхи на пути этихъ изслѣдованій, откроетъ причину небесныхъ движеній.

другую, принимая, что эти частицы были раздѣлены пустынъ пространствомъ, не могло не казаться мистическимъ свойствомъ похвалѣннѣмъ мыслителей, которые только что въ ученіи Декарта успокоились на совершенно механическомъ міросозерцаніи всей вещественной природы. Казалось, среднѣвѣковое воззрѣніе, съ его тайными качествами вещей, возвращается на свѣтъ божій. Этими только можно объяснить то упорное несочувствіе, которое встрѣтила на материкѣ теорія тяготѣнія, такъ что личности, подобныя Гюйгенсу и Лейбницю, стоявшія выше другихъ по степени пониманія, не согласились принять ее, а парижская академія наукъ преспокойно увѣличивала до 1740 года сочиненія съ картезіанскимъ міросозерцаніемъ, объяснявшія все вихрями и механическимъ толчкомъ частицъ. Лейбницъ, напримѣръ, по поводу системы Ньютона, писалъ: «Эта божественная машина даже столь несовершенна, что ее приходится чистить отъ времени до времени сверхъестественнымъ содѣйствіемъ, и даже чинить, какъ часовщику, котораго надо считать тѣмъ худшимъ мастеромъ, чѣмъ чаще ему придется исправлять свое произведеніе. По мнѣ, въ немъ (въ мірѣ) присутствуетъ постоянно одна и та же сила, переходящая съ одного вещества на другое, по законамъ природы и по прекрасному предуставленному порядку». Послѣдній картезіанецъ въ парижской академіи наукъ, старикъ Мэранъ, писалъ еще въ сороковыхъ годахъ XVIII вѣка, сознаваясь въ недостаткахъ системы Декарта: «Противоположная система, заставляющая небесныя тѣла двигаться въ неизмѣримой пустотѣ, какъ-бы предоставленныя самимъ себѣ и удерживаемыя въ своихъ сферахъ неизвѣстною метафизическою силою, о которой трудно составить себѣ понятіе, не представляетъ ли тѣ же затрудненія, быть можетъ, еще менѣе одолжныя». Всѣ противники тяготѣнія спорили противу него, какъ философскаго міросозерцанія, и легко видѣтъ изъ вышеприведенныхъ словъ Лейбница, что онъ выставлялъ противъ Ньютона то самое начало *сохраненія силы*, которое составляетъ послѣдній результатъ современныхъ намъ физическихъ теорій. Ньютонъ не примирилъ своей системы, какъ міросозерцанія, съ этимъ началомъ, которое лишь теперь начинаетъ переходить изъ области философій въ область точной науки, и Лейбницъ былъ правъ, высказывая свое возраженіе противъ нестройнаго міросозерцанія, какъ Ньютонъ былъ правъ, отрицая вихри Декарта, когда они не могли служить достаточнымъ объясненіемъ всей совокупности явленій. Но Ньютонъ стоялъ неизмѣримо выше всѣхъ своихъ противниковъ въ томъ отношеніи, что онъ, въ главномъ своемъ сочиненіи, говорилъ вовсе не о причинахъ и не о сущности тяго-

тѣніа, а только о его законахъ; если ему случалось выражаться иногда въ смыслѣ болѣе широко, то это было крайне рѣдко; но его противники не могли вовсе отдѣлить научное пониманіе явленій отъ философскаго его представленія, и система Ньютона послужила однимъ изъ лучшихъ упражненій человѣческаго ума въ этомъ отношеніи.

Возраженія, встрѣтившія новый методъ математическаго изслѣдованія, несравненно менѣе значительны для исторіи европейской мысли; но этотъ методъ возбудилъ споръ по вопросу вовсе ненаучному и довольно пустому, тѣмъ не менѣе, впрочемъ, выставившему на видъ въ двухъ первостепенныхъ дѣтеляхъ науки два типа ученыхъ, изъ которыхъ каждый принадлежалъ частью старому міру, а частью требованіямъ новой жизни. Эта жизнь должна была изъ обонхъ типовъ выдѣлать свою долю, чтобы создать идеалъ новыхъ дѣтелей: Мѣнжеръ, Араго, Фирхововъ.

Одинокій и неутомимый работникъ, Ньютонъ былъ обязанъ своими великими открытіями тому, что его мысль была постоянно направлена на представлявшіеся ему вопросы. «Я все о нихъ думалъ», говорилъ онъ. Къ 1666 году относятъ его біографы первый планъ его работъ по математикѣ, по астрономіи, по оптикѣ; но лишь долго послѣ того онъ сталъ ихъ обнародовать. Неохотно выпускалъ онъ изъ своихъ рукъ рукописи. Много гдѣ употребляя для своихъ открытій свой методъ высшаго анализа (методъ флюксіа), онъ едва-ли бы его обнародовалъ при жизни, еслибы не зналъ, что и другой обладалъ подобнымъ же методомъ. Возраженія раздражали его до крайности. Въ первомъ изданіи «Началъ» онъ не хотѣлъ-было помѣстить замѣчанія о своихъ предшественникахъ въ теоріи тяготѣнія. Изъ послѣдующихъ изданій выключилъ замѣчаніе, помѣщенное прежде, въ которомъ сознавался, что Лейбницъ независимо отъ него дошелъ до своего математическаго метода. Какъ предсѣдатель королевскаго общества, онъ употребилъ все свое вліяніе, чтобы дать сборнику документовъ, изданному этимъ обществомъ, по вопросу объ открытіи высшаго анализа, характеръ обвинительный для Лейбница, и не пощадилъ его памяти даже послѣ его смерти. Тяжелы были его отношенія къ астроному Флѣмстиду. Избранный два раза въ парламентъ, однажды въ ту самую минуту, когда Англія, избавившаяся во второй разъ отъ Стюартовъ, устанавливала основныя положенія своего государственнаго строя, Ньютонъ хранилъ въ засѣданіяхъ постоянное молчаніе. Онъ принималъ это назначеніе точно такъ же, какъ принималъ должности съ хорошимъ содержаніемъ по монетному двору,

титулъ баронета, какъ почесть, воздаваемую его ученымъ заслугамъ; но, весь преданный мысли о наукѣ, онъ ни разу не подумалъ объ обязанности гражданина, на него возложенной, объ обязанности направить свой обширный умъ на пользу отечества, въ законодательное собраніе котораго его послали. Но за то, по всѣмъ даннымъ, онъ никогда не искалъ почестей и наградъ, которыми былъ оснанъ. Свое достоинство царя науки онъ не унижалъ ни при Стюартахъ, ни при Вильгельмѣ, ни при Аннѣ. Онъ чувствовалъ себя довольно высоко стоящимъ среди своихъ современниковъ, чтобъ не нуждаться въ какомъ-либо другомъ общественномъ значеніи. Въ религиозныхъ мнѣніяхъ онъ былъ фанатикъ. Онъ заставлялъ молчать своихъ друзей или ссорился съ ними навсегда, изъ-за одного неосторожнаго слова на этотъ счетъ. Лордъ Брумъ говорилъ Араго, что Ньютонъ хотѣлъ идти воевать противъ Лудовика XIV, за гонимыхъ камизаровъ. Онъ составилъ комментаріи на пророчества Даниила и на апокалипсисъ, ничѣмъ неуступающіе въ произвольности толкованіи другимъ подобнымъ комментаріямъ, и объясняющіе изъ мнѣчскихъ фигуръ еврейскаго преданія, что конецъ палству наступитъ въ 2060 году. Письмо къ Локку, на которомъ нѣкоторые біографы основываютъ мнѣніе о временномъ помѣшательствѣ Ньютона въ 1692 году, во всякомъ случаѣ, выказываетъ чрезвычайно странный складъ мысли. Повидному, въ умѣ гениальнаго автора «Началъ», наука составляла обособленную область мышленія, которая одна требовала строгаго критическаго метода; но привычки мыслить вообще критически онъ никогда не могъ приобрести, онъ не думалъ приложить къ жизненнымъ отношеніямъ и въ общей области убѣжденій ту могучую критику, съ которою анализировалъ вихри Декарта, устраивалъ оптическіе опыты, выводилъ изъ нихъ результаты и создавалъ теорію всеобщаго тяготѣнія. Только въ области научныхъ изслѣдованій онъ жилъ *новой* жизнью Европы. Безучастный къ политической жизни, гдѣ его отечество служило образцомъ Европѣ, безучастный къ Стюартамъ и къ оранжистамъ, въ метафизическихъ воззрѣніяхъ своихъ онъ принадлежалъ еще среднимъ вѣкамъ.

Совсѣмъ иной характеръ представляетъ Лейбницъ. Юристъ, математикъ, политикъ, богословъ, лингвистъ, философъ, онъ живетъ въ своей громадной перепискѣ. Быстро схватываетъ онъ вопросы въ разныхъ областяхъ своей дѣятельности, немедленно обрабатываетъ ихъ, хотя бы по частямъ, и сообщаетъ другимъ ученымъ въ письмахъ, диссертаціяхъ, большихъ сочиненіяхъ. По первому желанію Ньютона, онъ излагаетъ ему въ письмѣ свой способъ высшаго математическаго анализа за нѣсколько лѣтъ до

его обнародованія. Его интересуеъ и внутренняя политика Германіи, и планъ примиренія протестантизма съ католицизмомъ, и миссін въ Китай, и скептическія сочиненія Боля, и анимизмъ Штала, и психологическіе труды Ловва. Вся жизнь современнаго ему человѣчества находитъ постоянный отголосокъ въ его душѣ. Всюду онъ стремится организовать трудъ для принесенія наибольшей пользы человѣчеству. Съ этою цѣлью онъ устраиваетъ берлинскую академію, пишетъ для Петра I ученые проекты, хочетъ устроить академію въ Вѣнѣ, предлагаетъ даже преобразовать монашескіе ордена, съ цѣлью распредѣлить между ними занятія наукою. Какъ философъ, онъ становится въ ряду главныхъ представителей новой европейской мысли, между Декартомъ и Кантомъ, по вліянію выше Спинозы, хотя Спиноза и превосходитъ его глубиною теоретическаго творчества. Но въ разбросанности работъ Лейбница, какъ въ разнообразіи жизненныхъ интересовъ, наполняющихъ его дѣятельность, иногда съ сожалѣніемъ видимъ слишкомъ малое честолюбіе, порою и недостатокъ личнаго достоинства. Гоньба за вліяніемъ при дворахъ ганноверскомъ и берлинскомъ, заискиваніе въ Вѣнѣ и въ Парижѣ неприятно поражаетъ въ соперникѣ Ньютона, хотя и объясняется весьма непрочнымъ положеніемъ ученыхъ въ Германіи. Въ перепискѣ, иногда весьма уклончивой, выказывается слишкомъ много индифферентизма къ тѣмъ самымъ убѣжденіямъ, которыхъ онъ является официальнымъ защитникомъ. За могучимъ и разнообразнымъ умомъ, за искусною діалектикою, въ Лейбницѣ проглядываетъ недостатокъ характера. Онъ представитель новой науки настолько, на сколько она является не только могучимъ орудіемъ открытій, но и элементомъ общественной жизни. Его слова: «вообще хорошо писать общедоступно, лишь бы истина отъ этого не страдала», сдѣлались программою научно-популярной литературы на столько же, на сколько его математическій взглядъ вошелъ во всѣ учебники. Но мысль новаго времени требовала отъ ученыхъ не только сочувствія всѣмъ современнымъ вопросамъ, а еще твердыхъ, установившихся убѣжденій, искренности въ ихъ защитѣ и достоинства характера, воплощающаго въ *дѣйствіи* сознаніе, что представители науки стоятъ наравнѣ съ почетнѣйшими органами общества и не нуждаются ни въ чемъ покровительствѣ для увеличенія значенія своей личности.

Мы остановились особенно на двухъ главныхъ представителяхъ физико-механическихъ наукъ, такъ-какъ на эти громкія имена могли съ особенною силою ссылаться защитники научнаго метода, и въ области математики, механики и физики продолжались самыя быстрые успѣхи, опиравшіеся преимущественно на

труды Ньютона. Если Эйлеръ, съ 1727 года переѣхавшій въ Петербургъ, занималъ первое мѣсто между математиками Европы по смерти Ньютона (1726 г.), то Парижъ могъ ему выставить двухъ во всякомъ случаѣ достойныхъ соперниковъ, и одинъ изъ нихъ долженъ былъ скоро стать въ ряду самыхъ лучшихъ двигателей мысли во Франціи, а чрезъ нея и въ Европѣ. Клеро, уже двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ читавшій мемуаръ въ средѣ парижской академіи, издалъ въ 1743 г. свое сочиненіе о фигурѣ земли. Д'Аламберъ въ томъ же году издалъ свою «Динамику», гдѣ заключалось знаменитое начало, удержавшее имя д'Аламбера и сдѣлавшееся однимъ изъ основныхъ положеній современной теоретической механики; въ слѣдующемъ году появилось его сочиненіе о движеніи жидкостей, которое, вмѣстѣ съ трудомъ Даниила Бернулли по этому предмету (1738 г.), составило основаніе механики жидкихъ тѣлъ. Въ то же время (1744 г.) Мопертюи выставилъ свое начало наименьшаго дѣйствія, какъ основной метафизическій законъ природы, и вызывалъ этимъ ожесточенные споры. На сколько для движенія мысли въ XVIII вѣкѣ были важны эти успѣхи отвлеченныхъ наукъ, видно изъ того, что главный предводитель въ начавшейся борьбѣ, Вольтеръ, крайне чуткій ко всему, что могло служить ему орудіемъ, выступилъ въ 1738 году съ общепонятнымъ изложеніемъ системы Ньютона (или, какъ говорили тогда, философіи Ньютона), а чрезъ три года счелъ нужнымъ участвовать въ спорѣ о живыхъ силахъ, понятіи, введенномъ Лейбницомъ въ механику, и долго неувоенномъ вполнѣ европейскими учеными, можетъ быть вслѣдствіе не совсѣмъ удачнаго названія. Конечно, участіе Вольтера въ этихъ вопросахъ надо въ извѣстной степени приписать и вліянію его подруги, маркизы дю-Шатле, которая съ 1733 по 1749 годъ (годъ ея смерти) не мало содѣйствовала направленію трудовъ царя мысли XVIII вѣка. Она была по уму достойною его сотрудницею; въ 1738 г. она едва не оспорила у современниковъ ей ученыхъ академической преміи по вопросу объ огнѣ; чрезъ два года издавала свои «Физическія начала», спорила съ Мэраномъ, секретаремъ академіи наукъ, по вопросамъ механики и оставила послѣ своей смерти въ рукописи замѣчательный переводъ «Началъ» Ньютона — книги, о которой первоначальные ученые говорили, что читать ее нелегко. Припомнимъ, что она внушила Вольтеру самое прочное изъ его произведеній: «Опытъ о правахъ и о духѣ народовъ», и подивимся біографамъ, которые считаютъ нужнымъ обращать особенное вниманіе на увлеченія странной женщины, когда она оставила немаловажный слѣдъ въ движеніи мысли XVIII вѣка. Изъ ея частной жизни важно

лишь то, что она многою года была для Вольтера подругою по уму и по чувству.

Около того же времени, какъ Вольтеръ началъ свое наложеніе системы Ньютона, вниманіе парижской публики было возбуждено электрическими опытами Дюфа (1733—37) полученіемъ искры изъ тѣла человѣка. Эти опыты, для которыхъ составлялись цѣпи изъ большого числа лицъ, сильно дѣйствовали на воображеніе. Теорія двухъ электрическихъ жидкостей Дюфа болѣе и болѣе устанавливалась. Не менѣе живой интересъ возбуждали новыя зоологическія изслѣдованія. Почти въ одно время съ теоріею тяготѣнія и началами высшаго анализа, появилась полатини знаменитая книга Сваммердама о насѣкомыхъ, напечатанная голландски за 16 лѣтъ ранѣе, и вслѣдствіе того самаго, мало извѣстная. Еще ранѣе, Аввенгэнъ обнародовалъ свои микроскопическія изслѣдованія о кровообращеніи, о строеніи мозга, о сперматозоидахъ. Въ 1740 году сдѣлались извѣстны опыты Трамблѣ о томъ, что низшія животныя, разрѣзанныя на куски опредѣленнымъ образомъ, не только продолжаютъ жить, но что при этомъ, каждая часть разрастается въ цѣлое животное. Въ слѣдующемъ году, Бернаръ Жюсье доказывалъ, что кораллы принадлежатъ къ животнымъ. Почти одновременно (1737—1748) выходилъ рядъ меумаровъ Реомюра объ исторіи насѣкомыхъ и появилась «Инсектологія» Бонне, гдѣ между прочимъ открыта способность блохъ производить дѣтейшей впродолженіи ряда неоплодотворенныхъ поколѣній. Труды Реомюра и Бонне обобщали и расширяли предыдущія изслѣдованія о насѣкомыхъ. Въ это же самое время, многочисленныя накопившіяся приобрѣтенія химіи обобщались въ флогистической теоріи Штала; появилось (1735) первое изданіе «Системы природы» Линнея; Вокансонъ устроивалъ свои автоматы, а Воэргавъ достигалъ той знаменитости, которая высказалась въ извѣстномъ анекдотѣ: до него вѣрно дошло письмо китайскаго мандарана, адресованное просто: «Воэргаву, медику въ Европѣ».

И не должно думать, что это движеніе науки оставалось лишь въ сферѣ ученыхъ. Нѣтъ, оно успѣло коснуться того переходчиваго настроенія духа общества, которое выражается словомъ *мода*. Филистеры знанія весьма часто думаютъ изрѣчь странное порицаніе такъ-называемому цивилизованному меньшинству, когда влеймятъ словомъ *мода* тѣ рѣдкія минуты интереса къ

---

* Гэферъ приписываетъ это открытіе Реомюру. Я не имѣю возможности повѣрить, въ которомъ году послѣдній принялъ это мнѣніе, котораго сначала не хотѣлъ допустить. Я поэтому слѣдую Морю въ его исторіи парижской академіи наукъ, какъ весьма достовѣрному автору.

научнымъ вопросамъ, которыя иногда проявляются въ этой средѣ, вообще чуждой наукѣ. Едва-ли подобное презрѣніе не показываетъ полнаго непониманія строя общественной мысли въ его совокупности. Надолго еще общество будетъ представлять весьма небольшое число единицъ съ яснымъ пониманіемъ и съ твердыми убѣжденіями, а около нихъ огромное число личностей, руководящихся интересами и привычками, а вовсе, не идеями или идеалами. Если программа цивилизаціи заключается въ увеличеніи числа первыхъ, то не менѣе того она заключается и въ томъ, чтобы вторые приобрѣтали *лучшія* привычки и связывали свою жизнь съ *высшими* интересами. Эти люди никогда путемъ пониманія и убѣжденія не дойдутъ до истины и правды; надо чтобы истина и правда проникли въ нравственное существо незамѣтно, безсознательно для нихъ. А это совершается лишь путемъ того процесса, который называется увлеченіемъ, модою или какъ угодно иначе. Эти люди всегда будутъ служить модѣ, но мода можетъ направить ихъ мысль на поклоненіе мистическому величію версальскихъ владыкъ, на аплодированіе выселенію гугенотовъ, на романы Кребильона младшаго; или они могутъ заинтересоваться явленіями природы, страданіемъ большинства людей, осмѣяніемъ человѣческихъ заблужденій, неизмѣнными законами, управляющими человѣческимъ существомъ. Въ обоихъ случаяхъ пониманія и убѣжденія мало. Нетолько ползающіе искатели мѣсть и пенсій готовы были молиться послѣднимъ Бурбонамъ; нетолько кровожадные и презрѣнные люди находили прекраснымъ дѣломъ гоненіе еретиковъ. Точно также читали Вольтера и проповѣдывали войну противъ «*l'infame*» далеко не одни люди дѣйствительно возмущенные средневѣковымъ строемъ мысли. И тому и другому служили преимущественно люди, приобрѣвшіе *привычку* думать такъ, а не иначе, или связывавшіе *интересъ* тщеславія, а пожалуй какой либо другой, болѣе мелкій съ образомъ мыслей, непротивнымъ для нихъ, но нисколько и невошедшимъ въ ихъ плоть и кровь. Однако, для цивилизаціи разница въ двухъ случаяхъ была огромная. Однѣ привычки, вкоренясь въ поколѣнія, развращали ихъ болѣе и болѣе, развивая въ нихъ стадное начало, кровожадные инстинкты и уменьшая способность пониманія истины и правды въ обществѣ. Другія привычки развивали въ личностяхъ способность сознательно относиться къ внѣшнему міру, къ собственнымъ дѣйствіямъ, къ историческимъ явленіямъ, обогащали мысль общества, укрѣпляли въ немъ человѣчность. Мода на науку, если эта мода продолжительна, есть одно изъ весьма могущественныхъ средствъ для

расширенія вліянія науки, для усвоенія обществомъ привычки смотрѣть на предметы научно, для подготовленія поколѣній, въ которыхъ подобная мода обращается въ естественное влеченіе, даже для увеличенія числа тѣхъ немногихъ единицъ, которыя въ *самомъ дѣлѣ* понимаютъ смыслъ научныхъ фактовъ и въ *самомъ дѣлѣ* живутъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Профанируютъ науку вовсе не тѣ, которые, не имѣя возможности проникнуть далѣе ея внѣшности, прельщаются этою внѣшностью, играютъ ею и воображаютъ, что въ ней-то и вся суть науки. Профанируютъ науку тѣ изворотливые, иногда весьма сильные, умы, которые готовы сдѣлать изъ своего обширнаго знанія подножіе жи, совнанной ими какъ ложъ; тѣ гибкіе искатели жизненныхъ благъ, которые въ своей личности унижаютъ науку, ими представляемую, предъ идолами власти. Первые нравственно правы, а привычная игрушка можетъ когда нибудь сдѣлаться и полезнымъ орудіемъ; вторые внушаютъ отвращеніе къ наукѣ въ неразвитыхъ умахъ, соединенныхъ съ честнымъ характеромъ.

Въ XVIII вѣкѣ во Франціи наука сдѣлалась модою, и орудіемъ ея распространенія явились женщины. Романы замѣняются на этажеркахъ и столахъ гостинныхъ трактатами о физикѣ. Латинское сочиненіе Этьена Жофруа о сперматозоидахъ (семенныхъ животныхъ) пришлось перевести на французскій языкъ, потому что предметъ его «возбудилъ любопытство дамъ», какъ говоритъ Фонтенель. Герцогиня де-Шонъ (Chaulnes) затруднила своими вопросами ученыхъ академиковъ. Мопертюи былъ окруженъ модными женщинами Парижа. Онъ сѣзжался толпами на электрическіе опыты аббата Ноллэ. Во второй половинѣ вѣка стали уже образоваться кружки для прослушванія курсовъ физики, прикладной химіи, естественной исторіи или мнѣологіи. На портретѣ г-жи Гонтё, она была изображена въ своей лабораторіи. Маркиза де-Нэль, графиня де-Бранка, графиня Полиньякъ, госпожа Дюпэнъ слѣдили за опытами Рузля, доказывавшаго горючесть алмаза. Маркиза де-Войе слѣдила за теченіемъ хилуса въ чловѣческихъ внутренностяхъ. Графиня де-Куаньи брала съ собою даже въ путешествія, въ сундукъ своего экипажа, части трупа для анатомическихъ разсѣченій. Чѣмъ далѣе подвигается вѣкъ, тѣмъ жадна научныхъ знаній (или мода на нихъ, если угодно) становится шире. Частныхъ лекцій недостаточно. Отрываются музеи, лица съ разнообразными популярными чтеніями. За нѣсколько лѣтъ до революціи начинается появляться популярно-научный журналъ, приварованный къ образованію дамъ «*Journal polutirique*». Въ томъ же году женщины проникаютъ и на лекціи «*королевской коллегіи*». Были эпохи, когда наука дѣлалась,

сравнительно, болѣе быстрее и блестяще успѣхи, чѣмъ въ XVIII вѣкѣ. Такъ было для математическихъ наукъ въ періодъ Евклида и Архимеда, для всѣхъ наукъ въ первой половинѣ XVII вѣка, для естествознанія и филологіи въ первой половинѣ XIX вѣка, но никогда научное движеніе не проникало на столько въ привычки и интересы цивилизованнаго общества, не дѣлалось элементомъ обыденной обстановки жизни, какъ во Франціи XVIII вѣка. Поэтому именно историкъ цивилизаціи, какъ историкъ мысли, обязанъ въ эту эпоху обратить болѣе вниманія на самые факты научнаго развитія, чѣмъ онъ бы это сдѣлалъ для какого либо другаго періода. Безъ указанія этой стороны европейскаго развитія, и прочія стороны его для этого времени становятся неясны. Лишь неоспоримая прочность научныхъ завоеваній и общій интересъ, возбужденный постоянно приобретаемыми новыми результатами, могли произвести то настроеніе духа, направленное на критику всѣхъ основъ прежняго порядка вещей, которое такъ характеризуетъ французскихъ энциклопедистовъ и ихъ время.

4. Бэконъ и Декартъ.

Это критическое настроеніе духа началось не во Франціи. Сѣмена его взорши по одиночкѣ, на болѣе удобной политической почвѣ Англіи и Голландіи, но тамъ они были однимъ изъ многихъ разнообразныхъ явленій жизни, свободно развивавшейся и представлявшей различныя исходы для желанія дѣйствовать. Лишь перейдя въ надлежащую минуту на почву Франціи, эта умственная растительность сконцентрировала на себѣ всѣ лучшія силы страны, опредѣлила собою весь характеръ литературной и общественной флоры, дала самые пышные экземпляры, и въ этомъ перерожденномъ видѣ распространилась по Европѣ.

Задача о предѣлахъ права научной критики являлась сама собою вмѣстѣ съ самымъ завлеченіемъ права этой критики. Нельзя не видѣть въ оборонѣ Галилея отъ обвиненій, на него вводимыхъ, наивнаго удивленія еще неопытнаго ученаго, который весь провинуть сознаниемъ, что своимъ методомъ онъ достигаетъ истины, лежащей вовсе не въ области вѣрованій, и непонимающаго, какъ это могутъ приложить къ примымъ результатамъ наблюденія и вычисленія какія-то соображенія совѣтъ другаго міра. Онъ желалъ бы вовсе и не касаться богословско-католическихъ вопросовъ, лишь бы его сфера научной мысли осталась сама по себѣ. Но въ этомъ предоставленіи одному уголку мысли самостоятельнаго существованія *по праву* внѣ католическаго авто-

ритета лежалъ болѣе глубокий вопросъ цивилизаціи, чѣмъ подозревалъ гениальный ученый. Вопросъ шелъ о замѣнѣ одной цивилизаціи другою. Съ такою же наивностью знаменитый современникъ и корреспондентъ Галлея, Кеплеръ, удивляется въ противоположномъ лагерѣ, почему протестанты не хотятъ принять грегорианскаго лѣтосчисленія, бесспорно вѣрнѣйшаго, такъ-какъ для него, ученаго, это былъ вопросъ *научный*, принадлежащій сферѣ совершенно *независимой* отъ религиозныхъ споровъ. Этотъ вопросъ долженъ былъ оставаться *самъ по себѣ*. Но дѣло было въ томъ, что протестанты были продолжатели средневѣковаго міросозерцанія, и столь же мало какъ католики соглашались на существованіе сферъ, неподчиненныхъ строю мыслей, который господствовалъ во всѣхъ средніе вѣка.

Третій представитель новой мысли въ началѣ XVII вѣка выказалъ прямо и опредѣленно требованія, лежавшія въ сознаніяхъ его современниковъ. При гибкомъ и обширномъ умѣ Френсиса Бэкона, изощренномъ политическими вопросами и придворными интригами, само собою возникло представленіе о юридическомъ разграниченіи между областями, лежащими внутри и внѣ науки. Привычка свободнаго развитія оппозиціи въ предѣлахъ закона и остановивъ въ мысли и въ дѣйствіяхъ какъ разъ на границѣ дозволеннаго, эта привычка, столь характеристичная въ исторіи Англіи, отразилась и здѣсь. Каждому свое, и каждый совершенно свободенъ въ своей сферѣ, этотъ девизъ Англіи Бэконъ внесъ въ свое міросозерцаніе. Сферы физики и метафизики для него такъ же строго отдѣлены, какъ болѣе обширныя сферы науки и теологіи. Физика, долженствовавшая дать человѣку знаніе и могущество, есть сфера чистой критики. Здѣсь неумолимо разбираетъ принципиальный канцлеръ всѣ идолы человѣческой мысли и сбрасываетъ ихъ съ пьедесталовъ. Здѣсь онъ борется противъ внесенія представленія о *цѣлостн* въ пониманіе природы, противъ психологическихъ объясненій, до сихъ поръ еще невыжитыхъ изъ научной литературы. «Исслѣдованіе цѣлей — говорить, мыслитель-протестантъ — бесплодно и бездѣтно, какъ дѣла посвященная Богу». Въ физикѣ основаніе — опытъ, цѣль изслѣдованія — дѣйствующія причины, силы природы. Бэконъ не отрицаетъ изслѣдованія цѣлей въ природѣ, то-есть разсмотрѣніе ея сознательно-разумныхъ началъ; но этому онъ отводитъ *свою* область, метафизику, которая можетъ тамъ себѣ разсуждать сколько угодно, лишь бы не мѣшалась въ физику, то-есть въ настоящую науку. Съ еще бѣльшимъ уваженіемъ относится канцлеръ Якова I къ богословію. Какъ безпристрастный юристъ, онъ пишетъ договоръ, *безобидный* для обѣихъ сторонъ, но строго разграничи-

вающій права договаривающихся. Критика не имѣетъ *никакого* права въ области теологій; законы первой тамъ на столько непримѣнны, что Бэконъ возвращается къ точкѣ зрѣнія Тертуліана. «Чѣмъ непонятнѣе разуму божественное таинство — говоритъ мыслитель XVII вѣка — тѣмъ болѣе ему слѣдуетъ вѣрить въ славу Божию». Точно также какъ строгая, крайне основательная критика, есть *безусловный* законъ науки, такъ самая исходная точка критики, пониманіе, разумность, не должны имѣть мѣста въ теологій. Каждому свое. Для эпохи Бэкона вопросъ былъ рѣшенъ, и мы не имѣемъ никакихъ причинъ предполагать неискренность въ этомъ рѣшеніи, какъ думали сенсуалисты XVIII вѣка и реакціонеры XIX. Затрудненіе явилось позже, когда приступили къ разработкѣ двухъ областей, еще неравобранныхъ надлежащимъ образомъ при Бэконѣ, именно къ психологическому развитію идей и къ историческому развитію вѣрованій. Здѣсь приходилось рѣшать въ частности, на сколько подлежатъ критикѣ разума представленія и понятія, которыя, съ одной стороны, являются результатами процессовъ личнаго духа и историческаго развитія общества, слѣдовательно въ той же мѣрѣ подчинены разуму; съ другой же стороны, эти понятія и представленія составляли все содержаніе области, гдѣ, по правилу Бэкона, разумъ неумѣстенъ, такъ-какъ недоступность разуму есть отличительный признакъ этой области.

Повидимому, совершенную противоположность Бэкону представляетъ младшій современникъ его и соперникъ по философскому вліанію, Рене Декартъ. Признанный прародитель идеалистовъ новаго времени, онъ съ особенною любовью пытался дать прочное, разумное основаніе главнымъ началамъ теологій: бытію божества, независимаго отъ міра и составляющаго единственную, совершенно самостоятельную субстанцію; бытію духа, независимаго отъ тѣла и носящаго въ себѣ бессмертную мысль, какъ свою неотъемлемую принадлежность. Вопросы о существованіи вѣшняго міра, о метафизической основѣ истинности нашихъ воспріятій, о принципѣ, съ котораго должно начинать построеніе философій — эти вопросы, оставленные въ сторонѣ канцлеромъ - реалистомъ, какъ непрактическіе и неидущіе къ дѣлу, составляли именно главный предметъ мышленія великаго математика, привычнаго къ отвлеченностямъ, и его труды въ этой сферѣ остались главными его заслугами въ исторіи европейской мысли. Но какъ ни бросаются въ глаза эти различія, тѣмъ не менѣе, Декартъ, въ такой же степени, какъ Бэконъ, хотя, можетъ быть, независимо отъ своей воли, внеслъ въ свое міросозерцаніе требованіе отдѣленія области, подлежащей науч-

ной критикѣ отъ области ей неподсудной, и заключать въ это міросозерцаніе вопросы, долженствовавшіе въ послѣдующее время дать начало совершенно инымъ взглядамъ на основныя положенія вѣрованія. Отыскивая твердую опору среди сомнительныхъ, недостоверныхъ знаній человѣка, не считая ничего достовернымъ, пока оно не прошло чрезъ критерій изслѣдованія, Декартъ остановился на *сознаніи* (мысли), какъ на основномъ фактѣ всякой дѣйствительности. Изъ этого психологическаго принципа философія (указаннаго еще Августиномъ) онъ получилъ основной логическій принципъ: требованіе яснаго и отчетливаго понятія для всего познаваемаго. Убѣжденіе, что ясное представленіе о существѣ соотвѣтствуетъ реальному бытію существа, Декартъ положилъ въ основу своего построенія и получилъ, такимъ образомъ, доказательство бытія божія. Это построеніе концентрировалось въ противоположеніи сознающаго духа протяженному веществу, въ противоположеніи божества, какъ единственной самостоятельной и самодѣлательной субстанции, міру, состоящему изъ духовъ, по сущности чуждыхъ всему тѣлесному, и изъ тѣлъ, по сущности чуждыхъ не только всему духовному, но чуждыхъ движенію и всякому намѣненію. Божество соединяетъ тѣло съ духомъ въ человѣкѣ, сообщаетъ духамъ воспріятія міра тѣлъ, о которыхъ духамъ собственно ничего и знать невозможно; наконецъ, онъ же сообщаетъ тѣламъ движеніе и образуетъ чисто-механическій міръ вещества. Здѣсь, начиная съ движенія міровъ и теченія воды до движенія животныхъ, все совершается по законамъ, математически строгимъ, такъ что вся вещественная вселенная представляетъ лашь огромную машину, приведенную въ дѣйствіе и части которой движутся вслѣдствіе взаимнаго столкновенія и давленія. Для объясненія этихъ движеній Декартъ разсматривалъ міръ, какъ непрерывно наполненный веществомъ, и ввелъ свою систему вихрей, самую общезвѣстную, хотя самую маловажную часть его міросозерцанія. Раздѣленіе трехъ міровъ: божества, духовъ и тѣлъ было отвлѣтомъ на требованіе времени о квантовѣхъ предѣлахъ для области, гдѣ допускалась научная критика. Міръ вещества, совершенно выдѣленный изъ всего духовнаго, подчиненный одному механизму, представлялъ эту безусловно-научную область; здѣсь математика и естествознаніе не встрѣчали препятствій и Декартъ ставилъ будущему времени задачу, надъ которой оно трудится и до сихъ поръ: представить вселенную, какъ одно механическое цѣлое; свести всѣ вопросы о вселенной на вопросы механики. Правда, къ міру духовъ эта задача объявлялась столь же безусловно неприменимою. Но въ самой си-

стемъ Декарта заключалось два пути, по которымъ наука могла проникнуть и въ эту область. Онъ ставилъ основнымъ явленіемъ духа сознание: не представлялось ли возможности построить такую же точную теорію явленій сознания, какую механика и физика давали возможность построить для явленій вещества? Противопологая духъ тѣлу, Декартъ долженъ былъ признать фактъ ихъ соединенія въ человѣкѣ и не прочь былъ даже специализировать мѣсто, гдѣ ихъ сопряженіе происходитъ: нельзя ли было изучить явленіе духа путемъ изученія сопутствующихъ явленій въ тѣхъ частяхъ тѣла, на которыя духъ непосредственно дѣйствуетъ? Задачи психологіи и физиологіи мозга становились источникомъ распространенія научной критики на второй родъ субстанцій Декарта. Что касается до субстанцій третьяго рода, то для ближайшаго будущаго Декартъ давалъ все, что было нужно: отъ средневѣковаго католическаго и протестантскаго построенія въ его міросозерцаніи оставались лишь немногія черты, и это построеніе само собою наводило на дальнѣйшую разработку вопросовъ: на сколько дѣйствительность чего-либо въ представленіи можетъ считаться аргументомъ для доказательства реального существованія субстанціи, соотвѣтствующей представленію? на сколько механическое объясненіе вселенной нуждается въ особой немеханической субстанціи, для сообщенія движенія тѣламъ? на сколько слѣдуетъ считать сознание и протяженіе столь несогласимыми явленіями, что ихъ существованіе предполагаетъ особую силу, ихъ соединяющую? Очевидно, разработка этихъ вопросовъ могла повести очень далеко.

Но Бэконъ и Декартъ замѣчательны не только какъ теоретическіе мыслители. И въ области практической философіи, на которую вообще въ ихъ твореніяхъ мало обращаютъ вниманія, они указатели пути къ новой мысли. Въ этой области отличія новаго времени отъ предыдущаго несравненно менѣе замѣтны потому, что главныя формы проявленія человѣческой нравственности и немногочисленны и на столько присущи духу человѣка, что ихъ можно встрѣтить въ исторіи почти во всѣ періоды жизни человѣчества. Въ теоретическомъ развитіи мысли можно указать приобрѣтенія безспорныя, новыя факты мысли. Въ практическомъ ея развитіи факты, вообще говоря, повторяются съ нѣсколько утомительнымъ однообразіемъ, и новаго можно указать крайне немного; но измѣняются методы утвержденія фактовъ, и въ этомъ едва-ли не важнѣйшая часть исторіи нравственной философіи. Школа средневѣковыхъ практическихъ мыслителей (захватывающая и писателей реформы) отличалась отъ новыхъ мыслителей не своими выводами, а способомъ основывать эти

выводы. Тексты—вотъ начала, изъ которыхъ черпали прежде; реальное наблюденіе или отвлеченная идея — вотъ начала новаго времени. Конечно, это самѣе обусловливало устраненіе нѣкоторыхъ принциповъ и распространеніе другихъ, но, вообще, новыхъ результатовъ было высказано очень мало. Практическія требованія опредѣляли нравственное ученіе гораздо болѣе, чѣмъ какая либо руководящая идея. Пока реформа слаба, Люгеръ пишетъ о свободѣ совѣсти. Когда ему приходится опираться на свѣтскую власть противу духовной, онъ переноситъ на представителей первой средневѣковныя атрабуты второй, проповѣдуетъ крестьянамъ, возставшимъ противу феодализма, смиреніе и забвеніе всего мірскаго, какъ единственное практическое ученіе христіанства. Какъ только возстають ереси въ самой реформѣ, *мужской* Меланхтонъ доказываетъ, что еретиковъ и оскорбителей сватыни можно казнить, и знаменитый Теодоръ де-Базъ пишетъ длинную диссертацию въ защиту сожженія Сервъ Кальвиномъ. Религіозныя войны во Франціи внушили честнымъ умамъ канцлера д'Ошюталя и протестанта-воина Лаву (La Noue) ученіе терпимости. Варооломеевская ночь вызвала книги протестантовъ Готмана и Лангэ, провинутыя враждою къ королевской власти. Сближеніе Генриха III съ гугенотами и воцареніе Генриха IV, вызвало уже прямо-революціонную литературу лигеровъ и книгу іезуита Маріаны, гдѣ царевубаство не только разбиралось, но и оправдывалось. Схоластикъ іезуитъ Суарецъ, изворотливый кардиналъ Белларминъ, ученый юристъ Боденъ высказали весьма много идей, обращавшихъ на себя вниманіе. Послѣдній въ этомъ отношеніи былъ даже поставленъ инымъ французскими писателями такъ высоко, что въ немъ видѣли отца европейской политической науки. Но это едва-ли справедливо. Боденъ высказалъ идеи болѣе близкія *по формѣ* къ установившимся позже учениямъ, потому что жилъ ближе къ XVII вѣву, по своей обширной учености могъ привести болѣе разнообразныя тексты и по своей юридической карьерѣ былъ способенъ болѣе отдѣлаться отъ религіозныхъ споровъ его времени (что не мѣшало ему написать свою книгу «Демоніанію»), но по своимъ приемамъ онъ насколько не отличается отъ предшественниковъ, которыхъ очень много, и которые идутъ очень далеко въ глубь среднихъ вѣковъ. Его ученіе о вліяніи климатовъ на государственный и общественный строй, хотя и въ высшей степени заслуживаетъ вниманіе, но не даетъ ему еще права на мѣсто родоначальника новой политической мысли, точно также какъ многочисленныя, но уединенныя ученіе XV и XVI вѣковъ не могутъ считаться родоначальниками науки XVII вѣка: они лишь предвѣстники ея. Съ

большимъ правомъ можно было бы искать источника новыхъ взглядовъ на жизненные вопросы у сатирическаго Рабля, у скептика Монтэна, у моралиста Шаррона, еслибы отрывочныя черты доказывали что либо, кромѣ общаго настроенія умовъ, которымъ съ каждымъ годомъ все тяжелѣе становилась практическая сторона средневѣковаго общественнаго строя, какъ и его теоретическія міросозерцанія. Всѣ практическія ученія этого времени, на сколько они представляются въ нѣсколько связномъ видѣ, имѣютъ одинъ и тотъ же характеръ: въ однихъ и тѣхъ же источникахъ черпаются тексты, подвергаются всевозможнымъ натяжкамъ, сближеніямъ и толкованіямъ для вывода всевозможныхъ нравственныхъ, безнравственныхъ и противонравственныхъ результатовъ; для утвержденія покорности установленнымъ властямъ и права сопротивленія, доходящаго до крайнихъ результатовъ; для поддержанія самодержавія государей и самодержавія народовъ; для опоры господства свѣтской власти въ вопросахъ вѣры и для доказательства права виѣшателства папы въ дѣла государствъ; для построенія требованій человѣческаго достоинства, любви, справедливости и для отрицанія всякой человѣческой самодѣятельности, всякой человѣчности, для проповѣди, что нарушение договора, клятвы не только дозволительно иногда, но и обязательно. Повсюду господствуетъ одинъ основной взглядъ, восходящій въ глубь среднихъ вѣковъ: истину надо доказывать помощью авторитетовъ, и оспаривать авторитеты лишь на основаніи другихъ авторитетовъ.

Именно постепенное исчезновеніе этого взгляда характеризуетъ практическихъ мыслителей новаго времени, и намъ важны не столько результаты, до которыхъ они доходятъ, сколько точки исхода ихъ и способы полученія этихъ результатовъ. Конечно, ни Бэконъ, ни Декартъ не могли по самому строю своихъ мыслей опираться въ своихъ выводахъ на тексты; послѣдній даже прямо высказалъ, что онъ не станетъ отвѣчать на возраженія, противопоставляющія его взглядамъ ссылки на авторитеты. Бэконъ и въ этой области былъ болѣе указателемъ пути для будущихъ стремленій, чѣмъ дѣйствительнымъ работникомъ, но его указанія были важны. Какъ изученіе природы есть для Бэкона единственный источникъ естествознанія, такъ изученіе людей—единственный источникъ этики. Онъ поставилъ общественную пользу, какъ руководящій принципъ нравственности личной и общественной, и положилъ такимъ образомъ начало утилитаризму. Онъ указалъ на привычку, какъ на основной элементъ общественной нравственности, къ направленію котораго должны быть устремлены усилія моралистовъ. Онъ поставилъ требова-

нiя предпослать положительнымъ законодательствамъ философскiя начала права вообще, то-есть требованiе *естественнаго права*, которое бы могло служить, въ исправленiю положительнаго законодательства. Собственно *выводы* его не представляютъ ничего характеристичнаго, а въ теорiи правленiя онъ прямо ссылается на необходимость искусства *молчать* въ этомъ случаѣ. Въ ученiи Декарта важна въ разсматриваемомъ отношенiи лишь теорiя страстей, которыя для Декарта суть естественныя волненiя души, имѣющiя свое начало въ тѣлѣ и свои дѣйствiя въ духѣ. Какъ естественный элементъ, страсти для него не представляютъ зла и въ своей сущности не могутъ быть отрицаемы, но онѣ соответствуютъ неясному и неотчетливому желанiю, какъ ошибки въ теорiи соответствуютъ неясному и неотчетливому представленiю. Духъ не можетъ и не долженъ ихъ уничтожать, но онъ можетъ и долженъ въ нихъ внести ясность и отчетливость, которыя доставляютъ истину въ области теорiи, добра въ области практики; онъ можетъ и долженъ *направлять* страсти. Естественное влеченiе, проникнутое разумомъ, обращается въ добро. Дѣло моралистовъ—пріучить насъ желать правильно и побуждать пустныя желанiя; средство для этого—уяснить намъ сущности собственныхъ желанiй. Ясное и отчетливое желанiе всегда направлено къ добру, какъ ясное и отчетливое пониманiе всегда схватываетъ истину. Въ дальнѣйшихъ результатахъ практической философiи, Декартъ не представляетъ ничего важнаго, но является даже скорѣе отсталымъ мыслителемъ. Во всякомъ случаѣ, теорiя страсти, какъ естественнаго элемента духа, доступна развитiю, давала поводъ къ болѣе полному изслѣдованiю; на сколько наши влеченiя правомѣрны и что именно вносятъ въ нихъ разумъ при ихъ ученiи? Сопоставленiе этого ученiя съ ученiемъ объ общественной пользѣ, выставленномъ Бэкономъ, требовало разъясненiя: въ какой зависимости и въ какомъ подчиненiи стоятъ уясненные разумомъ влеченiя личности къ требованiямъ общественной пользы? Задача естественнаго права открывала поле для критики юридическихъ формъ и положительныхъ законодательствъ во имя личной нравственности или общепользости. А затѣмъ возставалъ самый жгучiй вопросъ: можно ли связать всѣ основы государственнаго и общественнаго строя съ началами идеаловъ личной нравственности или съ требованiями пользы большинства? Можно ли подвергнуть практическiй мiръ столь же строгой научной критикѣ, какъ подвергли природу и мiръ количествъ?

5. Гроотъ, Говвзъ, Спиноза.

Попытка распространить критику на вопросы общественные вышла сначала изъ среды чисто-практической. Государственный человекъ и гуманистъ, поэтъ на латинскомъ языкѣ и богословъ, Гуго де-Гроотъ (Гроцій), бѣжавъ во Францію послѣ двухгодоваго заключенія, издалъ свою книгу «О правѣ войны и мира» въ то самое время, когда въ Германіи разгоралась съ особенною силою тридцатилѣтняя война со всѣми ея варварствами, въ тотъ самый годъ, когда на сцену исторіи выступалъ Валентштейнъ. Уже самая мысль, что на войнѣ *не все дозволено*, что есть права человекъ, которыя должны быть священны для врага, была мысль новаго міра, ставившаго разумъ и нравственный судъ мѣрною самыхъ ожесточенныхъ проявленій страсти. Франсисъ Бэконъ могъ видѣть начало осуществленія своей мысли о естественномъ правѣ за годъ до своей смерти. Человѣческой разумъ и стремленіе къ общественности, присущее человекъ, были начала, поставленныя де-Гроотомъ въ основу *естественнаго права* человекъ, какъ само собою разумѣющіяся аксіомы. Законы этого права, независимые отъ самого бытія Божія, составляютъ, по мнѣнію де-Гроота, невидѣляемую собственность личности и не могутъ быть отъ нея отняты никакою властію. Собственно значеніе книги де-Гроота въ исторіи мысли, преимущественно заключается въ этихъ основныхъ принципахъ, имъ выставленныхъ, потому что переходя къ частнымъ вопросамъ, онъ выказалъ себя черезчуръ юристомъ, поклонникомъ установившагося факта и весьма мало мыслителемъ, способнымъ построить міросозерданіе, проникнутое однимъ общимъ характеромъ.

При всѣхъ недостаткахъ книги де-Гроота, новость самой мысли установить практически права человекъ вообще и ввести начало права въ войну, придали этой книгѣ огромное значеніе. Въ двадцать лѣтъ, протекшія отъ позвленія ея до смерти автора, она имѣла до шести изданій, вызывала затѣмъ рядъ комментаріевъ и переведена была скоро на всѣ главныя европейскіе языки. Въ 1661 году, чрезъ 16-ть лѣтъ по смерти Гуго де-Гроота, въ Гейдельбергѣ основана была каведра естественнаго и международнаго права, и ее занялъ Пуффендорфъ, одинъ изъ самыхъ энергическихъ продолжателей де-Гроота, не особенно сильный мыслитель, но человекъ, рѣшительно провозгласившій независимость естественнаго права отъ всякаго теологическаго авторитета, неприложимость къ философіи критерія ортодок-

сальности и гетеродоксальности и объявившій, что человеческій разумъ совершенно достаточенъ для построения теоріи правъ. Онъ считалъ ее совершенно отдѣльною отъ области нравственности. Конечно, его ученіе вызвало ожесточенные нападки, и полемика противниковъ теоріи Пурфендорфа противу него самого и его приверженцевъ, занимаетъ не мало мѣста въ послѣднюю четверть XVII вѣка.

Но это были частныя попытки. XVII вѣкъ эгимъ не ограничился. Два могучіе мыслителя, Гоббсъ и Спиноза, взялись дать міросозерцанія, смѣло и спокойно охватывающія процесомъ критики все сущее, отъ метафизическихъ источниковъ бытія, до самыхъ сложныхъ результатовъ общественнаго строя. По силѣ и по независимости своихъ построений, они стоятъ въ первомъ ряду философовъ всѣхъ временъ и въ исторіи философіи требовали бы самаго подробнаго разбора. Въ исторіи цивилизаціи вообще, ихъ роль несравненно менѣе значительна, потому что ихъ рѣшительный и послѣдовательный умъ придалъ ихъ міросозерцаніямъ рѣзкость, слишкомъ отдѣлявшую ихъ отъ ихъ современниковъ. Оттого они остались уединены, плохо поняты или вовсе непоняты современниками, а потомство лишь постепенно уясняетъ себѣ ихъ мысль. Ихъ ближайшіе послѣдователи, становясь на менѣе философскую точку зрѣнія, ограничивая свою задачу или отказываясь отъ вѣкоторыхъ слишкомъ рѣзкихъ, хотя весьма логическихъ выводовъ, дали своему времени умственную пищу легче переваримую, а потому стали прямыми источниками сильнаго движенія умовъ и обозначили своими именами періоды общественной мысли. Слишкомъ строгіе философы остались уединенными: противъ нихъ писали люди другаго поколѣнія, оспаривали частности (да и теперь еще оспариваютъ) выказывая часто изумительное непониманіе цѣлаго, и развивали ихъ же ихъ мысли, не считая себя нисколько послѣдователями. Въ ихъ міросозерцаніяхъ остались веземплары могущества личной мысли въ XVII вѣкѣ, но не отраженіе современнаго имъ движенія. Съ этимъ движеніемъ они раздѣляли лишь направление, но шли одиноко. Намъ важны они въ особенности, какъ самые неуклонные указатели стремленій времени. Къ тому же съ Лессинга начинается воскресеніе Спинозы, и намъ придется впоследствии видѣть, какъ его теорія становится двигателемъ другаго, болѣе близкаго намъ періода. Поэтому нельзя не остановиться на міросозерцаніи этихъ двухъ характеристическихъ личностей.

Обстоятельства ихъ жизни были очень различны. Современникъ вдоваго переворота въ исторіи Англіи и двукратнаго измѣненія въ общественномъ мнѣніи, близкій сродѣтель неумо-

лимаго раздраженія партій, низости и измѣнчивости личностей, Гоббсъ вынесъ изъ своей долгой жизни много презрѣнія въ людямъ и политическаго утомленія. Проведя тринадцать лѣтъ во Франціи, управляемой Ришельё и Мазарини, онъ свылся съ политическимъ строемъ, который казался ему тѣмъ лучше, чѣмъ болѣе онъ отличался отъ волненій его отечества. Личный ученикъ Бэкона, лично связанный съ Галилеемъ и Гассенди, корреспондентъ и критикъ Декарта, Гоббсъ жилъ въ общеніи съ высшими умами вѣка. Главныя свои сочиненія онъ издалъ уже старикомъ отъ 54 до 63 лѣтъ. Общественный вопросъ составляетъ главный предметъ его мысли и онъ его разбпраетъ безучастно, какъ предметъ критическаго изслѣдованія, а не какъ источникъ душевныхъ волненій. Пишетъ онъ просто, ясно, коротко, безо всякой риторики, какъ-бы отдавая отчетъ въ фактахъ, до него вовсе неотносящихся. Механическая точка зрѣнія Декарта на вещество есть общая и единственная основа построенія Гоббса. Вещество движется и передаетъ движеніе. Движеніе ничего другаго и произвести не можетъ, какъ движеніе. Различныя движенія, производящія различныя давленія на наши органы, переходятъ въ ощущенія. Ощущаемъ мы не качества того, что производитъ ощущеніе, а измѣненіе того, что его воспринимаетъ. Движеніе, происходящее внутри насъ вслѣдъ за полученнымъ ощущеніемъ, даетъ образы, пребывающіе въ нашемъ воображеніи. Изъ ощущеній и образовъ, ими оставляемыхъ, составляется все наше знаніе. Получивъ одновременно два ощущенія, мы, при повтореніи ощущенія, легко получаемъ образъ другаго, ему соотвѣтствовавшаго. Ничего безконечнаго мы ни ощутить, ни вообразить не можемъ. Все наше знаніе есть лишь опытъ: опытъ ощущенія внѣшняго міра или опытъ употребленія словъ языка. Ощущеніе, перейдя изъ мозга въ сердце, становится удовольствіемъ или страданіемъ; предметъ его возбуждаетъ любовь или ненависть. Столкновеніе желаній и боязней (проявленій любви и ненависти) составляетъ размышленіе. Результатъ этого столкновенія есть воля. Отсутствіе помѣхи въ дѣйствіи, согласномъ съ неизбежно-полученнымъ результатомъ воли, есть свобода. Удовольствіе и страданіе, это для насъ добро и зло. Влеченіе въ одному и отвращеніе отъ другаго необходимы, слѣдовательно разумны, а потому справедливы и законны. Они составляютъ наше естественное право. Высшее благо—сохраненіе жизни; высшее зло—смерть; отсюда основное право: самозащита; и другое, изъ него вытекающее—право употребленія всѣхъ средствъ для самосохраненія. Въ этомъ отношеніи всѣ люди равны, всякій самъ судья своей пользы; всякій имѣетъ право на всѣ вещи и *полезность*

есть единственная мѣра права въ естественномъ состояніи. Дойдя до этого утилитарнаго начала, выставленнаго Бэкономъ, Гоббсъ ищетъ помощью его исходъ изъ анархическаго состоянія, въ которое, по его теоріи, становятся люди. Право всѣхъ на все, это война всѣхъ противъ всѣхъ: по природѣ «человѣкъ для человѣка—волкъ». Сила и хитрость—высшія добродѣтели. Справедливость, несправедливость, собственность, право—не существуютъ. Это бѣдственное состояніе возбуждаетъ желаніе изъ него выйти и пользоваться *миромъ*. Отсюда естественный законъ, ограничивающій во имя пользы естественное право каждаго на всякое дѣйствіе. Это взаимное ограниченіе заключается въ изрѣченіяхъ: «поступай съ другимъ, какъ желаешь, чтобы онъ поступалъ относительно тебя; не дѣлай другому то, что себѣ отъ него не желаешь». Основа ограниченія—три естественныхъ закона: надо желать мира; надо отказаться отъ безусловнаго права на все; надо соблюдать договоры. Договоры необязательны лишь въ случаѣ, когда съ человѣкомъ обращаются какъ-бы въ состояніи войны, когда требуютъ отъ него дѣйствій противу высшаго его блага—собственной жизни. противу самаго себя и лицъ, которыя ему слишкомъ дороги. Кромѣ трехъ названныхъ естественныхъ законовъ, разумъ выводитъ и много другихъ изъ основнаго закона: надо желать мира. Они составляютъ *естественную нравственность*. Но она необязательна для насъ относительно людей, несоблюдающихъ ея законы относительно насъ, и становится обязательною лишь какъ *законъ гражданскій*, налагаемый на всѣхъ государствомъ, «Левіааномъ или земнымъ богомъ». Оно должно дать миръ людямъ, и для этого въ пользу государства каждый отказывается отъ права и власти самоуправленія съ условіемъ, что и всѣ другіе сдѣлаютъ то же. Отсюда истекаетъ безусловная власть государства надъ личностями: оно соединяетъ въ себѣ всѣ права. Оно есть единственный правомѣрный собственникъ всего, и частные люди владѣютъ лишь по его уступкѣ: до государства нѣтъ собственности. Оно не только судитъ, но и опредѣляетъ, что справедливо и несправедливо; до государства нѣтъ ничего справедливаго. Оно опредѣляетъ въ области свѣтской и религіозной, какія ученія могутъ быть и какія не могутъ быть допущены. Въ предѣлахъ незапрещенныхъ дѣйствій личность свободна. Во всемъ остальномъ высшая обязанность—повиноваться государству; но предѣлъ повиновенія находится тамъ, гдѣ личность согласна лучше умереть, чѣмъ повиноваться. Никто не имѣетъ права вооружиться противъ государства, кромѣ личностей, жизни которыхъ угрожаетъ законъ государства безусловною опасностью. Съ

концомъ могущества государственной власти ограждать личности, вончается и право этой власти на ихъ повиновеніе. Мы не останавливаемся на подробностяхъ, въ которыхъ Гоббсъ развиваеъ логическія послѣдствія того безусловнаго преобладанія, которое онъ далъ государству.

Совсѣмъ иное было положеніе Баруха (или Бенедикта) Спинозы. Еврей, проклятый синагогою, чуждый христіанамъ и не хотѣвшій принять профессуры изъ опасенія стѣснить свою независимость, онъ добровольно прожилъ одинокій и малоизвѣстный въ небольшомъ городѣ свою недолгую жизнь. Онъ родился 44 годами позже Гоббза и умеръ тремя годами ранѣе его. Его «Теологико-политическій трактатъ» заключалъ, между прочимъ, первую попытку критическаго разбора католическихъ ветхозавѣтныхъ книгъ съ чисто-исторической точки зрѣнія. Недовольный полемикою, возникшею изъ этого перваго его оригинальнаго сочиненія, Спиноза не обнаруживалъ до своей смерти ни одного изъ своихъ главныхъ трудовъ, которые оставались извѣстны лишь немногимъ его друзьямъ. Онъ весь жилъ въ своей мысли, со своею мыслию, и люди были для него важны не столько въ ихъ политической и общественной борьбѣ, въ частностихъ исторіи, сколько въ связи ихъ дѣйствій съ основнымъ началомъ всего сущаго. И онъ воспринималъ вліяніе мысли Декарта, но называть его картезіанцемъ крайне несправедливо. Лишь тотъ, кто не читалъ или не понималъ его произведеній, можетъ поставить таковаго мыслителя, какъ Спиноза, въ ряды какой-либо школы. Онъ внесъ въ свое мышленіе самую неумолимую, безпристрастную, математическую строгость. «Я разсматриваю, говорилъ онъ, человѣческія дѣйствія и желанія, какъ-бы дѣло шло о линіяхъ, поверхностяхъ, тѣлахъ». Но равнодушно относился онъ къ результатамъ своего мышленія. Онъ любилъ ихъ, любилъ истину со всею самоотверженностью могучей натуры, со всею страстью, какою можетъ внушить міръ идей, сознанный въ его полной стройности, лишь уму человѣка, который и сознавалъ этотъ міръ своимъ міромъ и вѣрилъ въ его безусловную, научную истину, независимую отъ чьего бы то ни было преходящаго существованія. Эта страстная, нѣсколько мистическая сторона Спинозы была прочувствована Якоби, когда этотъ религіозный мыслитель, доказывая, что Спиноза былъ атеистъ, восторженно воскликнулъ: «Будь благословенъ, великій, святой Бенедиктъ! какъ бы ты ни философствовалъ о высшемъ существѣ, и какъ бы ни ошибался въ словахъ, Его истина была въ душѣ твоей, и Его любовь была твоею живнью».

Ясное и отчетливое представлѣніе есть истина, но на какой точкѣ зрѣнія оно возможно? Вотъ основной вопросъ Спинозы. Первая ступень познанія есть для насъ ощущение, но оно даетъ представлѣніе не о самихъ вещахъ и не вполне, а объ ихъ отношеніяхъ къ намъ. Это неполное и неточное представлѣніе составляетъ начало дѣятельности *воображенія*, т.-е. ошибочной теоріи міра, дѣлающей человѣка центромъ міра, вносящей въ міръ человѣческое пониманіе дѣлей и т. под. Истина, то-есть ясное и отчетливое представлѣніе, возможна лишь тогда, когда мы сойдемъ съ этой точки зрѣнія на точку зрѣнія разсудка, гдѣ человѣкъ становится въ ряду всего другаго, какъ вещь между вещами, гдѣ мы относимся ко всѣмъ явленіямъ такъ же безучастно, строго научно и послѣдовательно, какъ къ математическимъ выводамъ; гдѣ мы ко всему прилагаемъ математическій методъ вѣчно необходимой и неизмѣнной зависимости между вещами. На этой точкѣ зрѣнія основа всему есть лишь начало, само себя объясняющее. Все остальное есть выводъ, болѣе или менѣе отдаленный отъ начала или приложеніе неизмѣннаго начала къ переходящему явленію. Обратимся съ этимъ требованіемъ къ вещамъ, въ ряду которыхъ стоитъ человѣкъ. Вещи существуютъ, но онѣ ограничены, измѣнчивы и каждая изъ нихъ сама изъ себя объяснена быть не можетъ. Это лишь конечные способы (модусы) существованія. Въ ихъ совокупности, въ системѣ движущагося и покоющагося, въ связи всего мыслимаго, во вселенной, обнимающей всѣ отдѣльныя вещи съ ихъ измѣненіями, мы имѣемъ безконечное и необходимое существованіе, но все-таки способъ (модусъ) существованія, который можетъ быть мыслимъ, какъ иной, какъ несуществующій въ настоящей формѣ, какъ случайный результатъ безконечныхъ свойствъ природы, вѣчно и неизмѣнно сущихъ и вѣчно проявляющихся въ различныхъ, безконечныхъ способахъ существованія (какъ міръ движущагося и покоющагося, какъ міръ идей, какъ вселенная и т. д.). при чемъ эти безконечные модусы даютъ въ частныхъ проявленіяхъ конечные модусы вещей. Но вѣчныя и неизмѣнно-сущія свойства природы не суть вѣчто особое одинъ отъ другаго. Законы чиселъ суть законы протяженій и наоборотъ, или, точнѣе, законы всѣхъ родовъ величинъ суть законы величинъ вообще; точно такъ же вѣчныя свойства, проявляющіяся какъ въ совокупности сумаго, такъ и въ каждомъ существѣ отдѣльно, суть лишь принадлежности, атрибуты единаго начала существованія. Это начало есть причина всего, понимаемая изъ самой себя, сущая въ силу невозможности не бытія для нея. Эта причина всего бытія есть единственно сущее, ни отъ чего незави-

самое, а потому свободное бытіе, субстанція, Богъ *. Но это бытіе, какъ присущая (имманентная) причина всего, есть и вѣчно-необходимое единство безчисленнаго множества своихъ вѣчныхъ и неизмѣнныхъ силъ (атрибутовъ); оно есть *природа*, вѣчный и неизмѣнный *порядокъ бытія*, проявляющійся въ способахъ существованія вещей. Чуждый разсужденій (*intellectus*) и воли, чуждый цѣлей, этотъ порядокъ развивается въ общихъ и частныхъ способахъ своего существованія (въ своихъ модусахъ) по вѣчно-неизмѣннымъ, математическимъ выводамъ въ мірѣ мышленія (*cogitatio*), совпадающимъ съ вѣчно-неизмѣнными законами причинности въ мірѣ протяженій. Человѣкъ, одинъ изъ переходящихъ модусовъ, различаетъ въ своемъ разсудкѣ (*intellectus*) лишь два изъ безчисленныхъ атрибутовъ природы: мышленіе и протяженіе, поэтому о нихъ и есть лишь рѣчь въ системѣ. Вещи, какъ результаты дѣйствій, суть мѣры силъ, совокупляющихся для даннаго дѣйствія. Всякая вещь стремится къ тому, что ее усиливаетъ и способствуетъ ея существованію, точно такъ же она противодѣйствуетъ, на сколько возможно, всему ее ослабляющему или направленному противу ея существованія. Чѣмъ болѣе сложны дѣйствія, тѣмъ вещь выше по значенію, то-есть измѣряетъ большее количество силъ. Человѣкъ на столько выше другихъ существъ въ ряду вещей, на сколько

* Неупотреблять слова *Богъ* въ изложеніи теоріи Спинозы невозможно, потому что оно у него встрѣчается на каждомъ шагѣ въ самой системѣ и оно-то именно вызвало тѣ многочисленныя споры, которые происходили, да и теперь происходятъ, около имени Спинозы. Немудрено было замѣтить, что это слово употребляется имъ въ смыслѣ существенно отличномъ отъ христіанскаго, еврейскаго, мусульманскаго, гомерическаго смысла, да, пожалуй, почти отъ всѣхъ мыслителей до него. Привычныя представленія возмущались, потому что казались оскорбительнымъ приписаніе существу, совершенно опредѣленному въ умѣ каждаго читателя, свойствъ, относящихся къ чему-то совершенно другому. Никому столько Спиноза не повредила этимъ, какъ самому себѣ. Несмотря на очевидность, что онъ беретъ слово въ совершенно иномъ значеніи, все сказанное имъ приурочивали къ *обычному* смыслу слова и не понимали Спинозы. Онъ самъ далъ многочисленныя синонимы для замѣны этого слова, но все-таки преимущественно употреблялъ его. Этимъ *употребленіемъ* онъ всталъ въ сторонѣ отъ стремленія времени. Это была немаловажная *ошибка* причина его одиночества. По дѣйствительному смыслу, его система вполнѣ принадлежитъ общему характеру времени и есть самое полное его выраженіе на той ступени, которой мысль достигла до Локка, то-есть до выступленія психологическихъ изслѣдованій на первый планъ. Зналъ, какое значеніе имѣютъ для читателя слова съ привычнымъ смысломъ, и постоянно замѣнялъ любимый терминъ Спинозы синонимами, которые даетъ самъ Спиноза, но считая своею обязанностью указать читателю, незнакому съ сочиненіями Спинозы, что авторъ почти исключительно употребляетъ именно этотъ терминъ.

ко его тѣло представляетъ сложнѣйшій результатъ совокупности силъ, съ чѣмъ связано сложнѣйшее представленіе въ порядкѣ мысленія, такъ-какъ тѣло есть лишь протяженная душа (то-есть представленіе различныхъ ощущеній, размѣщенныхъ въ пространствѣ) и душа есть лишь тѣло, мыслящее само себя (т.-е. всѣ мысли соотвѣтствуютъ лишь тѣлеснымъ ощущеніямъ). Человѣкъ есть столь же необходимый результатъ воспринимаемыхъ извнѣ дѣйствій, какъ и все другое. Дѣйствіе это выражается въ эффектахъ, усиливающихъ или ослабляющихъ силу человѣка, а потому проявляющихся любовью ко всему радостному и ненавистью ко всему печальному. Страсти суть естественныя и неизбѣжныя силы человѣка, опредѣляющія его естественный характеръ, его особенность и его дѣятельность при новыхъ получаемыхъ впечатлѣніяхъ, такъ что неразрывная цѣпь причинъ и слѣдствій связываетъ въ человѣкѣ его природу, его аффекты, его дѣйствія и его судьбу. Въ первоначальномъ своемъ состояніи, воля человѣка есть ни что иное, какъ желаніе. Но это неясная воля, такъ-какъ она руководится неясными представленіями воображенія, относя вещи къ *человѣку*, какъ центру, разсматривая ихъ, какъ пріятныя или непріятныя, полезныя или вредныя *для человѣка*. Ясная воля тождественна съ разсудкомъ, познающимъ вещи, какъ ясныя представленія въ ихъ связи съ общею сущностью и съ атрибутами. Ясное знаніе становится самымъ свободнымъ дѣйствіемъ и высшимъ аффектомъ человѣка. Въ его человѣкъ страдаетъ отъ неясности пониманія, подавленный міромъ на него дѣйствующимъ; помощью яснаго пониманія онъ самъ дѣйствуетъ на міръ, владычествуетъ надъ послѣднимъ и съ возрастаніемъ его могущества растетъ его способность дѣйствовать, сообразно истиннымъ законамъ своей природы, могущество, которое есть и добродѣтель, какъ порокъ есть безсиліе противостоять внѣшнимъ влияніямъ. Человѣческая природа, какъ всякая вещь, стремится увеличить свою силу, слѣдовательно стремится къ познанію, къ могуществу, къ добродѣтели, всегда торжествующей, такъ-какъ она есть могущество, а могущество всегда торжествуетъ. Въ этомъ ясномъ пониманіи, въ этой ясной волѣ заключается радость человѣка; представленіе того, что доставляетъ намъ это пониманіе, это могущество, внушаетъ намъ и любовь. Вѣчная радость возможна для человѣка тогда, когда его пониманіе такъ ясно, что онъ сквозь измѣняющіеся рядъ модусовъ, предвидитъ вѣчныя и неизмѣнныя атрибуты единства всего сущаго, когда въ этомъ ясномъ пониманіи онъ любитъ не измѣняющіяся вещи, а источникъ бытія вещей. Здѣсь онъ достигъ блаженства, такъ-какъ преходимость всего сущаго ему уже не вну-

шаетъ боязни: предметъ его знанія, радости, любви — вѣчная сущность вещей. Здѣсь его любовь безкорыстна, такъ-какъ онъ не хочетъ вырвать себя предметъ своей любви, знаетъ что сущность вещей не можетъ ни любить его, ни даже знать о немъ. Въ этой страстной любви къ вѣчному, непреходящему, любви тождественной съ познаниемъ, съ могуществомъ, съ добродѣтелью, съ блаженствомъ, собственная личность, собственная жизнь имѣетъ лишь значеніе мимолетнаго явленія въ дѣиіи явленія и смерть теряетъ всякое значеніе. «Свободный человѣкъ—говоритъ Спиноза—изъ всѣхъ вещей наименѣе думаетъ о смерти, и его мудрость есть размышленіе не о смерти, а о жизни». Въ мышленіи любовь; въ мышленіи примиреніе; въ мышленіи вѣчная жизнь въ вѣчномъ атрибутѣ единого сущаго.

Но въ механическомъ дѣйствіи аффектовъ люди несвободны, и естественное столкновеніе ихъ страстей вызываетъ необходимость механическаго строя общества, какъ столкновеніе тѣлъ вызываетъ необходимость такого состоянія, гдѣ бы тѣла пришли въ устойчивое равновѣсіе. Отсюда теорія права и государства. И Спиноза говоритъ о естественномъ правѣ, какъ де-Гроотъ за полвѣка до него, но для голландскаго еврея естественное право есть право природы, безусловно сообщаемое ея законами вещамъ. На этой точкѣ зрѣнія право тождественно съ силою. Лишь подобныя права вѣчны, только они дѣйствительны, такъ-какъ они суть не только права, но силы. На сколько природа вещей ограничена, на столько же ограничено и ихъ право. Для человѣка въ естественномъ состояніи существуетъ право на все, на что простирается его сила. Противно естественному праву лишь то, чего никто не желаетъ, и что ни для кого невозможно. Каждый человѣкъ стремится расширить свою силу и свое право по возможности и ограничить силу и право другого; отсюда борьба всѣхъ противъ всѣхъ, какъ у Гоббса, но эта борьба липаетъ всѣхъ и cadaго ихъ силы, а слѣдовательно есть отрицаніе права. Такъ люди составляютъ общество, образующее коллективную силу, безусловно превосходящую силу личности, слѣдовательно дѣющую начало новому безусловному праву, праву государства. Но для Спинозы естественное право личности на дѣятельность сообразно влеченіямъ не исчезло въ государствѣ, потому что для образованія преобладающей силы (слѣдовательно и права) государства не нужно, чтобы личность передала ему всю свою силу, а слѣдовательно все свое право. Часть силы и часть права остается за человѣкомъ и для охраненія и осуществленія этой части государство и образовалось. Ему уступлено лишь то, что нельзя не уступить; но эта уступка влечетъ за собою дѣйствитель-

ность всего остального естественнаго права, охраненнаго силою государства, а до тѣхъ поръ довольно сомнительнаго. Предъ закономъ государства, личности суть равноправные граждане. Законъ требуетъ повиновенія, но предѣлъ права и здѣсь предѣлъ силы. Этотъ предѣлъ лежитъ тамъ, гдѣ кончаются внѣшнія дѣйствія, независимыя отъ помысловъ. Миръ помысловъ недоступенъ силѣ, а потому не можетъ быть подчиненъ закону государства: чувства, сужденія, наука, вѣра суть права личности, предъ которыми безсильно, а слѣдовательно безправно государство. Государство облечено безусловною властью надъ личностью, такъ-какъ оно безусловно сильнѣе ея, но всякое злоупотребленіе властью, со стороны правителей есть расшатываніе собственной власти, такъ-какъ личности подавленныя становятся враждебны, образуютъ коллективную враждебную силу, а слѣдовательно враждебное право, тѣмъ болѣе опасное для государства, чѣмъ болѣе растетъ неудовольствіе гражданъ. Если враждебная сила превозможетъ, то право перейдетъ на ея сторону. Миръ, который должно доставить гражданамъ государство (какъ говорилъ Гоббсъ), есть не только отсутствіе войны, но единство умовъ и согласіе. «Если миръ есть рабство, варварство, уединеніе — говоритъ Спиноза — нѣтъ ничего несчастнѣе мира». Наилучшій строй государства для Спинозы есть самый естественный потому, что онъ самый прочный. Спиноза старается отыскать этотъ естественнѣйшій строй, при чемъ устойчивость государства и предупрежденіе потрясеній составляетъ главную цѣль теоретика. Государство есть единственный собственникъ, и рента имъ получаемая за отдачу земель въ наемъ, замѣняетъ всѣ налоги. Въ первомъ сочиненіи (*Tractatus theologico politicus*, 1670) Спиноза склонялся болѣе къ демократіи; въ позднѣйшемъ (*Tractatus politicus*, 1677), впрочемъ неоконченномъ, къ передачѣ власти въ руки меньшинства. Подробности конституцій, имъ предполагаемой, конечно не могутъ имѣть особеннаго значенія.

Нельзя невидѣть глубокой внутренней связи этихъ двухъ міросозерцаній*. Въ обоихъ одно и то же стремленіе исключать изъ всеобщаго хода вещей все нарушающее механической, неумолимый порядокъ, подчинить все научной законности, не отрицать ничего наблюдаемаго въ физическомъ или нравственномъ мірѣ, какъ наука не имѣетъ права отворачиваться ни отъ одного по-

* Льюисъ въ доказательство, что Локкъ не зналъ сочиненій Гоббса, выставилъ аргументъ, что Локкъ въ одномъ мѣстѣ упоминаетъ объ ученіяхъ Гоббса и Спинозы, какъ однородныхъ. Едва-ли въ этомъ случаѣ мыслитель XVII-го вѣка не посмотрѣлъ глубже на философскій смыслъ ученій, чѣмъ яснѣе историко-философскій въ XIX-мъ вѣкѣ.

ложительнаго факта. Судь нравственный, личное чувство изслѣдователя, его вѣрованія и желанія — все это не имѣетъ права высказаться. Объясненіе сущаго—вотъ единственная цѣль; научная критика—вотъ единственное орудіе; установленіе неизмѣннаго закона—вотъ единственный идеаль. Что не подходитъ подъ эту мѣру, то просто отрицается, и мыслители XVII-го вѣка провозглашаютъ: внѣ науки нѣтъ ничего. Запретныя области для нея немислимы. Именно эта сторона міросозерцаній Гоббза и Спинозы составляетъ ихъ огромное значеніе, какъ указателей времени, какъ идеаловъ поставленныхъ новому европейскому мышленію. Въ частности, эти міросозерцанія представляли много вопросовъ, требовавшихъ разрѣшенія, и рѣшеніе этихъ вопросовъ должно было неизбѣжно повести къ частному дополненію предложенныхъ истинъ, къ существенному развитію нѣкоторыхъ сторонъ ихъ, а, вслѣдствіе того, и къ перестройкѣ ихъ при удержаніи тѣхъ же требованій.

Прежде всего представлялись вопросы теоретическіе. Гоббзъ, какъ ученикъ Бэкона, ставилъ выше всего наблюденіе. Спиноза, подъ вліяніемъ Декарта, давалъ болѣе всего значенія математическому методу доказательства, опредѣленіямъ, изъ которыхъ вытекали неизбѣжныя послѣдствія. Но гдѣ кончается наблюденіе и гдѣ начинается умозаключеніе изъ него? Что въ правѣ человѣкъ заключать изъ наблюденій? Если мы ощущаемъ (какъ замѣтилъ Гоббзъ) лишь измѣненія того, что *въ насъ* воспринимаетъ ощущеніе, то, очевидно, *все* знаніе коренится въ точномъ изслѣдованіи этого процесса воспріятія ощущеній, составленія представленій и понятій, то-есть въ вопросахъ психологіи. Ея успѣхи должны опредѣлить новыя стороны изслѣдованій и, слѣдовательно, дальнѣйшую разработку чисто-матеріалистическаго міросозерцанія, выставленнаго Гоббзомъ, а если придется придать законамъ психическихъ процессовъ преобладающее значеніе, то научная послѣдовательность заставитъ философскія міросозерцанія перейти отъ матеріалистической къ идеалистической точкѣ зрѣнія или искать еще далѣе, болѣе основнаго философскаго принципа. Къ тому же приводила система Спинозы: математическій методъ требовалъ точныхъ опредѣленій, но въ правѣ ли мы опредѣлять слова языка какъ угодно и употреблять привычныя слова, въ смыслѣ совершенно отличномъ отъ обычнаго? Если все знаніе заключается въ ясной и отчетливой мысли, то надобно бы изслѣдовать, что именно мы можемъ знать ясно и отчетливо? Представленія, понятія, идеи должны были быть различены и въ терминологіи и въ генетическомъ развитіи. Предстояло узнать, ясно ли можно понять, а слѣдовательно, можно

ли понять *вообще* сущность вещей? Не есть ли безконечный модуль, или общій порядокъ существъ, предѣлъ научнаго пониманія и высшій идеаль науки? Не есть ли сущность вещей, съ ея вѣчными атрибутами, нѣчто *внесенное* человѣкомъ, по законамъ своего мышленія, въ свое пониманіе вещей? Не есть ли она невольное возвращеніе къ мышленію о вещахъ съ точки зрѣнія *человѣка*, которой избѣгалъ Спиноза? Въ самой постановкѣ мышленія, какъ основнаго атрибута природы, не явилось ли требованіе объяснить законы мысли, какъ источникъ пониманія природы, а слѣдовательно, вернуться отъ гордаго вопроса: каковы вещи въ ихъ вѣчномъ порядкѣ? къ другому, болѣе скромному: какъ *сознаетъ* *человѣкъ* вещи по законамъ своего мышленія? Сознаніе, поставленное Декартомъ въ основу всякой истины; сознаніе, обращенное въ *познаніе*, и въ этомъ видѣ сдѣлавшееся высшимъ блаженствомъ *человѣка* для Спинозы, дѣлалось самымъ важнымъ предметомъ изученія и психологія предъявляла свои права, которыя могли повести къ самымъ существеннымъ измѣненіямъ въ постройкѣ міросозерцанія, оставляя за нимъ основное его требованіе, требованіе строгой научности, неумолимой критики.

Но еще важнѣе вопросы представлялись въ практической области. Если наблюденіе есть нашъ руководитель, то на сколько можно исключить изъ построенія фактъ свободы воли, то-есть произвольнаго поставленія цѣлей и ихъ преслѣдованія, фактъ, наблюдаемый каждымъ *человѣкомъ* надъ самимъ собою? Представленіе его, какъ призрака воображенія, могло основываться уже никакъ не на наблюденіи, а на теоретическомъ выводѣ изъ общихъ теоретическихъ положеній. Призрачный или дѣйствительный, этотъ фактъ оставался тѣмъ не менѣе всеобщимъ, и его участіе должно было быть внесено въ систему, или эта система искажилась бы теоретически и оставалась достоинствомъ кабинетныхъ мыслителей, потеряла бы практическую приложимость. Да и точно ли великіе мыслители исключали этотъ фактъ изъ своихъ построеній? Когда Геббозъ предписывалъ гражданамъ повиноваться государству, а государству признавать тѣ или другія ученія за истинныя, то не стоялъ ли онъ неизбѣжно на точкѣ зрѣнія *возможности* поступать такъ или иначе? Когда Спиноза возставалъ противу общества, гдѣ вѣншній миръ связанъ со внутреннимъ раздоромъ, не осуждалъ ли онъ *нравственно* подобное состояніе, то-есть не ставилъ ли онъ обществу невысказаннаго *требованія*? Конечно, то и другое могло быть объяснено приравновкою къ обыкновенному способу выраженія, но представлялся вопросъ:

возможна ли научная теорія практическихъ вопросовъ, исключаящая самую основу всякой сознательной человѣческой дѣятельности, въ томъ видѣ какъ эта дѣятельность сознается людьми? Не приходится ли или отречься ото всякой научности въ жизненныхъ вопросахъ, или рѣшать ихъ съ точки зрѣнія, какъ бы человѣкъ былъ свободенъ? Не явилось ли въ этихъ могучихъ теоріяхъ всего сущаго, сводившихъ все къ единству, болѣе страшнаго, болѣе гибельнаго раздвоенія, чѣмъ всѣ предъидущія: раздвоенія — между мыслителемъ, безстрастно блаженствующимъ въ созерцаніи вѣчнаго, неизмѣннаго порядка вещей, и живымъ человекомъ, страстно борющимся противъ сознаваемого и ощущаемаго беспорядка тѣхъ же самыхъ вещей? Между философомъ, говорящимъ: истинная сила есть истинное право, неизбѣжный механизмъ опредѣляетъ наше страданіе и нашу радость; и гражданиномъ, требующимъ справедливости, возмущеннымъ насиліемъ, страдающимъ и радующимся! Не грозили ли эти самыя великія попытки внести совершенную научность въ жизнь полнѣйшимъ распаденіемъ между наукою и жизнію? Не вызывало ли самое требованіе иснаго пониманія Спинозы, или общей пользы Гоббса на дальнѣйшій вопросъ: какимъ образомъ изъ неотразимаго факта наблюденія, изъ сознанія свободы (хотя бы призрачной) вырастаютъ требованія права, независимаго отъ силы, блага, независимаго отъ пользы, нравственный судъ и радъ личныхъ и гражданскихъ идеаловъ? Какимъ образомъ, на точкѣ зрѣнія этого факта, человѣкъ долженъ поступить, чтобы его призрачное право сдѣлалось силою, то-есть *дѣйствительнымъ* правомъ, чтобы его личное благо совпадало съ общею пользою? Какимъ образомъ поступить мыслителю, сознающему метафизическую неизбѣжность всего и блаженному въ этомъ сознаніи, когда жизнь ставитъ предъ нимъ преходящій модусъ крайне возмутительнаго свойства? и какъ поступить не по увлеченію, а по строго-научному требованію? Что ему *дѣлать*, когда его братьевъ давятъ, продаютъ, губятъ! когда справедливость фактически нарушается! Если онъ выдѣлитъ эту область изъ міросозерцанія, и будетъ поступать какъ всѣ, страдаая и борясь за свои идеалы, то онъ нарушитъ основной руководящій принципъ: нѣтъ ничего внѣ науки. Если онъ станетъ какъ *понимающій*, отдѣльно отъ страдающихъ, онъ уничтожитъ всякое значеніе философіи; она обратится изъ силы, слѣдовательно истины, въ одинъ изъ видовъ аскетизма, то-есть въ призракъ. Если же онъ захочетъ найти смыслъ въ своемъ страданіи за людей, въ своей борьбѣ за правду, то онъ этимъ самымъ указываетъ, что система успокоенія во всемірномъ порядкѣ есть система *исполнан*; что ее слѣдуетъ достроить, со-

образно требованіямъ научности, теорією *сознаннаго* права внѣ силы, теорією права личныхъ *идеаловъ* внѣ пользы, теорією жизни и дѣятельности, какъ ея *требуютъ* права, стремящіяся перейти изъ сознанія въ дѣйствительность, изъ права въ силу; какъ ея *требуютъ* идеалы, стремящіеся воплотиться въ полезное дѣло. Конечно, лишь послѣдняя точка зрѣнія была законна для системы Спинозы и Гоббза, но видимое раздвоеніе научнаго пониманія жизни и ея практическаго процесса было самымъ гибельнымъ явленіемъ въ мысли XVIII вѣка. Чѣмъ послѣдовательнѣе были умы, тѣмъ въ нихъ глубже оно отзывалось, и неспособность къ примиренію метафизической необходимости съ практическою борьбою во имя идеаловъ проходитъ рядомъ грустныхъ колебаній, нерѣшительности чрезъ большинство міросозерцаній этого періода; а въ началѣ XIX, подъ вліяніемъ только что испытанныхъ политическихъ бурь, производитъ сильную реакцію умозрительнаго индифферентизма. Поэтому намъ неизбѣжно было остановиться особенно на этой сторонѣ въ развитіи мысли XVII вѣка, кзгь на элементъ, который въ ученіяхъ двухъ величайшихъ мыслителей, представляется всего опредѣленнѣе.

6. Локкъ, Бэль, Лейбницъ.

На смѣну современниковъ Гоббза и Спинозы выступило новое поколѣніе, и къ нему принадлежали три человѣка, которые обозначили своими трудами новые шаги въ исторіи европейской мысли: это были Бэль, Локкъ и Лейбницъ.

Мы указали выше на осьмидесятые годы XVII вѣка, какъ на важную эпоху въ исторіи науки, но эти годы были не мѣнье важны и для другихъ сторонъ европейскаго развитія. Въ осьмидесятыхъ годахъ уврѣпилась въ Голландіи французская эмиграція, и французскій языкъ сдѣлался обычнымъ литературнымъ языкомъ въ Роттердамѣ и Амстердамѣ. Въ первомъ, въ 1681 году поселились Жюрье и Бэль; въ Амстердамѣ нѣсколько позже началъ работать женевецъ Леклеркъ, тѣсно связанный съ армянявиномъ Лимборхомъ и съ англійскимъ эмигрантомъ Локкомъ. Энергія проповѣди Жюрье ставила его въ первомъ ряду реллигознаго кальвинистскаго движенія эмигрантовъ. Многосторонній эрудистъ и защитникъ правъ свободы совѣсти, Леклеркъ въ своихъ многочисленныхъ трудахъ по толкованію библіи былъ представителемъ умѣренной критики. Бэль выступилъ 1682 года, со своимъ «Мыслимъ о кометахъ», въ 1684 году началъ издавать свой знаменитый критическій журналъ «Nouvelles de la republique des

lettres», за которымъ чрезъ два года послѣдовалъ журналъ Леклера «Bibliothèque universelle» и его продолженія. Въ 1685 году, появилась въ Роттердамѣ критическая исторія ветхаго завѣта, Ришара Симона—книга, уничтоженная за семь лѣтъ до того въ Парижѣ, и представлявшая первый опытъ исторіи библіи, какъ чисто-литературнаго произведенія. Въ 1689—95 году затѣмъ слѣдовала «Критическая исторія новаго завѣта». Достоверность именъ авторовъ, которымъ приписывалась та или другая книга, здѣсь подвержена была довольно смѣлой критикѣ и въ полемикѣ, вызванной этимъ сочиненіемъ, возраженія Леклера, по смѣлости взглядовъ послѣдняго во многихъ случаяхъ превосходили самыя положенія Симона. Эта полемика доставила богатый матеріалъ эрудиціи послѣдующимъ иногда менѣе ученымъ критикамъ. Между тѣмъ въ томъ же 1685 году Лудовикъ XIV отменилъ папскій эдиктъ; давно уже начавшаяся эмиграція французскихъ кальвинистовъ хлынула массами въ Швейцарію, въ Голландію, въ сѣверную Германію. Журье сталъ издавать громовыя «Lettres pastorales» (1685 г.) противу гонителя протестантизма, и доходилъ до мистическаго предсказанія въ своемъ «Accomplissement des propheties» (1687 г.). Бэзъ написалъ свою ѣдкую сатиру: «Что такое весьма католическая Франція?» (1685 г.), гдѣ доказывалъ, что виноваты не столько Лудовикъ, какъ вся страна. Локкъ выступилъ съ своимъ «Письмомъ о терпимости». Но пророчество Журье, указывавшее королю Франціи, съ угрозою на 1689 годъ, по странной игрѣ судьбы, какъ-бы осуществлялось. Либеральныя стремленія оппозиціи, вызванной неразуміемъ Стюартовъ, хотя и были остановлены казнью Альджернова Сиднея и Росселя, но успѣли въ царствованіе ограниченнаго католика Якова II, нашли себѣ предводителя въ лицѣ Вильгельма Оранскаго и этотъ предводитель сѣлъ на тронъ Англіи въ 1688 году. Въ томъ же самомъ году, когда въ Англіи обнародованъ билль правъ (Bill of right), въ журналѣ Леклера появился очеркъ Локка, долженствовавшій вскорѣ обратиться въ его «Опытъ о человѣческомъ пониманіи», а вслѣдъ затѣмъ вышелъ и его трактатъ «О правленіи». Въ девяностыхъ годахъ обнародованы его книги о монетѣ, о воспитаніи, наконецъ, трактаты о разумности христіанства. Вслѣдъ затѣмъ замѣчательнѣйшій изъ англійскихъ современниковъ Локка, Пеоландъ, выступилъ съ своими смѣлыми нападеніями на христіанское преданіе, опираясь на авторитетъ Локка, и началась въ Англіи на этой почвѣ полемика, которая продолжалась въ Англіи, Франціи и Германіи впродолженіе всего XVIII вѣка. Въ 1695—99 годахъ появился и лексиконъ Бэля. Такимъ образомъ въ осьмидесятыхъ

и девяностыхъ годахъ Голландія сдѣлалась мѣстомъ развитія обширной оппозиціонной и всесторонне-критической литературы на французскомъ языкѣ, а измѣненіе политическаго строя Англіи позволяло и тамъ появиться широкой политической и богословской критикѣ.

Личности, выступающія въ это время руководителями новаго поколѣнія, носятъ совершенно иной характеръ, чѣмъ ихъ предшественники. Новые дѣятели не имѣютъ той дѣльности въ мысли и характерѣ, той неукротимой послѣдовательности, которая внушаетъ невольное уваженіе къ Спинозѣ и Гоббзу. Нравственная независимость и смѣлость уменьшились. Писатели не доводятъ своихъ принциповъ до конца, если замѣчаютъ, что выводы слишкомъ расходятся съ тѣмъ, что можетъ быть воспринято ихъ временемъ. Они не договариваютъ своей мысли. Они прикрываются щитами ортодоксальныхъ положеній для проведенія самыхъ рѣзкихъ мнѣній. Иногда кажется, что самый процессъ доказательствъ для нихъ важнѣе полученнаго вывода. Иногда можно заподозрить искренность того, что они говорятъ. Это люди, сознающіе, что имъ приходится начать страшную борьбу противъ могучаго противника. Навивная увѣренность въ необходимости побѣдѣ научнаго метода, въ само собою разумѣющемся торжествѣ науки, эта увѣренность, одушевляющая начало XVII вѣка, къ концу его ослабѣла. Мыслители этого времени знаютъ, что за нихъ право, истина; но они сознаютъ, что надо обратитъ это право *въ силу*, надо найти союзниковъ, надо имѣть за себя *общественное мнѣніе*. Они сами сознаютъ себя, какъ участниковъ въ борьбѣ, не особенно выше другихъ, и раздѣляютъ нелюбовь массы къ тому, что слишкомъ далеко отходитъ отъ ея уровня мысли. Стройной, послѣдовательной философіи не нужно ни обществу, ни имъ: это слишкомъ широкое требованіе. Нужны научныя рѣшенія частныхъ вопросовъ; нуженъ *здравый смыслъ*, ограничивающій выводы науки тамъ, гдѣ эти выводы перестаютъ быть доступными обществу. Педагогъ не долженъ пугать неподготовленного ума ученика слишкомъ глубокою диссертациею, идущею во всѣ развѣтленія вопроса. Педагогъ долженъ дать опредѣленный урокъ и болѣе развить воспримчивость ученика, чѣмъ его знанія. Лучше научить немногому, но хорошо. Ученикъ завлечется предметомъ и *самъ* пойдетъ далѣе. Важно не то, чтобы два-три высшіе ума повали всю глубину построенія философа и явились его продолжателями. Важно, чтобы масса читателей воспиталась на литературѣ, придающей опредѣленное направленіе мысли, опредѣленную привычку уму. Чѣмъ шире пойдетъ развитіе, тѣмъ больше изъ этой массы можетъ выдвинуться борцовъ за истину.

Вслѣдствіе этого, всѣ лучшіе представители мысли этого времени, полемизируя другъ съ другомъ, становясь на самыя различныя точки зрѣнія, сходятся въ одномъ: они пишутъ для понимающаго большинства. Бэля издаетъ журналы, брошюры, словари и всю жизнь не сходитъ со своей литературной батареи, снаряды которой не перестаютъ сыпаться во всевозможныхъ формахъ на всѣ области, гдѣ отсутствуетъ критика. Локкъ всѣ свои сочиненія выдаетъ по данному случаю, для уясненія живого вопроса въ теоріи знанія, для поддержки партіи Вальгельма, для воспитанія опредѣленныхъ личностей, и пишетъ эти сочиненія съ цѣлью, чтобы они имѣли широкое распространеніе. Лейбницъ (слова котораго объ общепонятной наукѣ были уже приведены выше) разбрасываетъ свою мысль въ тысячѣ писемъ, въ самую разнообразную полемику, въ самую многостороннюю литературную дѣятельность. Для всѣхъ ихъ — слово есть оружіе, и должно быть употреблено съ расчетомъ. Но потому именно оно и дозволяетъ уступки: высказавъ мысль вполнѣ, пожалуй, оттолкнешь *возможнаго* союзника; откровенность можетъ усилить врага. А литературные бойцы, какъ политическіе, должны имѣть въ виду *побѣду*. Лучше уступить городъ союзнику безо всякаго его права на это, но отгнать врага и вырвать у него провинцію; лучше отказаться отъ искренности выраженія, отъ строгой послѣдовательности вывода, но имѣть на своей сторонѣ всѣхъ тѣхъ, кого бы испугали искреннее выраженіе, послѣдовательный выводъ. Надо стать общественной *силою*. Конечно, при этомъ, нравственное значеніе уменьшается, и бойцамъ за истину грозитъ страшная опасность: въ своей личности узнать свое дѣло; свою уклончивость завести за предѣлы личнаго достоинства. Оно, дѣйствительно, такъ и было не разъ въ концѣ XVII вѣка и въ XVIII, который принялъ отъ эпохи Бэля традицію борьбы литературнымъ оружіемъ, какъ принялъ отъ эпохи Бэкона и Спинозы традицію научной критики.

Сходясь въ этой общей характеристикѣ личности, дѣятельность и вліянія трехъ двигателей европейской мысли въ концѣ XVII вѣка были весьма различны. Джонъ Локкъ можетъ быть поставленъ на одно изъ первыхъ мѣстъ по вліянію на ходъ европейской мысли. Психологическій вопросъ, опредѣлившій собою все развитіе послѣдующихъ систематическихъ міросозерцаній, былъ поставленъ имъ. Психологія, какъ наука, должна послѣ Аристотеля дать первое мѣсто ему. Современная педагогія, послѣ славянина Амоса Коменскаго, можетъ указать на сочиненіе Локка, какъ на источникъ многихъ воззрѣній, вполнѣ развитыхъ, но во многихъ случаяхъ до сихъ поръ неосуществившихся. Ли-

беральная политика, послѣ республиканца Мильтона, должна видѣть одного изъ замѣчательнѣйшихъ представителей въ Локкѣ. Наконецъ, въ его трактатахъ о цѣнности монеты разсѣяны мнѣнія о капиталѣ, вознагражденіи за трудъ, о системѣ податей и заботѣ о бѣдныхъ — мнѣнія, которыя дѣлаютъ Локка замѣтнымъ предшественникомъ Адама Смита. Правда, онъ былъ непослѣдователенъ. О важномъ вопросѣ относительно свободы воли, вопросѣ, который составляетъ главный камень преткновения въ безусловномъ развитіи механическаго міросозерцанія, Локкъ выражался въ разныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій и въ перепискѣ крайне противорѣчиво, и весьма трудно сказать, какъ рѣшалъ онъ этотъ вопросъ для себя. Написавъ, въ угоду своему пріятелю Шефтсбери, крайне не либеральную конституцію для американской Каролины, Локкъ потомъ является первымъ проповѣдникомъ теоріи конституціонализма, именно раздѣленія законодательной власти отъ исполнительной. Онъ указалъ на неясность сравненія (еще до сихъ поръ не совсѣмъ исчезнувшаго изъ литературы) между семьей и государствомъ, между отношеніемъ взрослого отца къ несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ и отношеніемъ *одимаково*-разумныхъ правителей къ подданнымъ. Онъ помѣстилъ начало собственности не въ государствѣ, не въ владѣніи, а въ трудѣ, представляющемъ принципъ усвоенія: это сдѣлало Локка родоначальникомъ всѣхъ новѣйшихъ защитниковъ собственности. Въ первобытномъ состояніи, онъ указываетъ особенно на свободу и равенство личностей, говоря, что государственный контрактъ имѣетъ именно въ виду охранить эти блага за гражданами, и такъ-сказать, застраховать жизнь, свободу и собственность гражданъ. Власть, выходя изъ народа, передается правительству, согласно контракту, охраняющему эти права, и если правительство нарушило контрактъ, власть немедленно возвращается къ своему источнику. Локкъ старается теоретически оправдать формы англійской конституціи, какъ законодательную власть парламента, такъ и прерогативы короны.

Въ своей книгѣ о воспитаніи, Локкъ вовсе не систематиченъ. Онъ имѣетъ въ виду болѣе мысли по поводу воспитанія, чѣмъ систему его. Здѣсь важно то значеніе, которое онъ придаетъ собственно воспитанію, а не специально обученію. Врагъ школьной рутины, онъ предпочитаетъ домашнее воспитаніе общественному. Онъ ставитъ на видъ необходимость развитія въ ребѣнкѣ тѣла, мысли и характера; вредъ тѣлесныхъ наказаній, пользу раняго обращенія къ нравственнымъ началамъ и къ разумному элементу въ ребѣнкѣ; необходимость для воспитателя стать въ глазахъ воспитанника нравственнымъ авторитетомъ, а не механи-

ческой властью. Онъ высказалъ, что ученику несравненно важнѣе изучать природу и человѣка, чѣмъ древніе языки.

Но безспорно самое важное значеніе изъ всѣхъ твореній Локка имѣлъ его «Опытъ о человѣческомъ пониманіи» (Essay on human understanding), оконченный въ 1687 году и имѣвшій до смерти автора (1704 г.) 6 изданій. Онъ не хотѣлъ написать философской теоріи: онъ рѣшалъ чисто-научный вопросъ объ источникахъ, о достовѣрности и о предѣлахъ человѣческаго знанія. Картезіанцы особенно выставили на видъ одну черту въ ученіи Декарта, которой едва-ли онъ самъ придавалъ такое общее значеніе, какъ его ученики; по крайней-мѣрѣ у него на этотъ счетъ встрѣчаются не совсѣмъ согласныя выраженія. Это было ученіе о врожденныхъ идеяхъ или необходимыхъ истинахъ, присущихъ человѣческому духу. Локкъ доказывалъ, что такихъ идей нѣтъ вовсе готовыхъ во всѣхъ человѣческихъ умахъ, что эти идеи развиваются и что источникъ ихъ есть опытъ. До опыта умъ нашъ гладкая доска (tabula rasa). Но опытъ для Локка двоякъ. Ощущенія доставляютъ намъ матеріалъ одной части нашихъ представленій; размышленіе, которое есть какъ-бы внутренней опытъ, доставляетъ намъ данныя нашего внутреннего міра; и отъ совокупленія этихъ данныхъ получаютъ дальнѣйшія усложненія нашего міра мысли. Поэтому предѣлъ науки тамъ, докуда достигаетъ нашъ опытъ. Мы должны сознаться предъ собою, что все лежащее за его предѣлами, мы вовсе знать не можемъ. Всего вѣрнѣе для насъ явленія, совершающіяся въ нашей мысли. О свойствахъ предметовъ внѣшняго міра, мы кое-что знаемъ, но знаемъ самыя вещи совсѣмъ не такъ, каковы онѣ въ самомъ дѣлѣ. Наши представленія о первоначальныхъ свойствахъ тѣлъ, о протяженіи, о непроницаемости, о движеніи соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ ихъ свойствамъ, но эти послѣднія и суть единственныя, о которыхъ мы знаемъ, которыя понимаемъ — и потому — единственное знаніе внѣшняго міра есть сведеніе всѣхъ прочихъ явленій и процессовъ на чисто-механическую систему движенія тѣлъ. Что касается до нашихъ представленій о второстепенныхъ свойствахъ тѣлъ, о цвѣтѣ, теплотѣ, запахѣ, вкусѣ, то въ самихъ вещахъ не существуетъ ничего подобнаго этимъ представленіямъ, кромѣ нѣкоторой способности вызывать въ насъ подобныя ощущенія и представленія. Какого рода движенія или какого рода тѣла вызываютъ эти явленія нашего духа, удовольствіе и неудовольствіе — мы не можемъ знать. Незмѣнный порядокъ, наблюдаемый нами въ теченіи явленій, соотвѣтствуетъ нѣкоторому закону, но мы

можемъ знать этотъ законъ лишь изъ опыта, такъ-какъ истинная связь вещей и явленій остается неизвѣстною нашей мысли. Что касается до субстанціи вещей или (какъ мы привыкли выражаться со времени Канта) до вещей — самихъ въ себѣ, то это лежитъ за предѣлами нашего знанія и самое представленіе субстанціи есть не иное что, какъ результатъ нашего размышленія надъ воспріятіями внѣшняго и внутренняго міра. Такимъ образомъ ясно и опредѣленно была начерчена грань наукъ въ рядѣ внутреннихъ и внѣшнихъ явленій, въ томъ, что для Спинозы было безконечнымъ способомъ существованія (модусомъ) вѣчныхъ атрибутовъ единой субстанціи; а сама субстанція съ ея атрибутами осталась за этою гранью. Столь же опредѣленно и ясно была поставлена психологическая задача изученія *естественной исторіи духа*, какъ основы всего человѣческаго знанія. Замѣчательно, что Локкъ, хороший медикъ, для психическихъ вопросовъ требовалъ психологическаго метода, а не обращался нисколько къ содѣйствию физиологій, которую такъ охотно вызывали на помощь его послѣдователи XVIII вѣка. Характеристично для Локка и то, что онъ остановился на своей задачѣ о предѣлахъ знанія, едва касаясь двухъ важныхъ вопросовъ, вызванныхъ позже: не есть ли все наше знаніе *только* явленіе мысли, которому не соотвѣтствуетъ ничего во внѣшнемъ мірѣ? Не есть ли *все* наше знаніе игра нашей мысли и можемъ ли мы что-нибудь знать? Эти вопросы казались Локку пустыми, ненаучными, незаслуживающими вниманія, и, во имя *здраваго смысла*, онъ оставилъ ихъ въ сторонѣ. Какъ ни узка была повидимому рамка его изслѣдованія, но оно открывало наукѣ новую область изученія, вызвало въ будущемъ переворотъ въ міросозерцаніяхъ и становилось по своей общедоступности орудіемъ общественной борьбы противу ряда неприкосновенныхъ до тѣхъ поръ субстанцій, которыя подвергались критическому вопросу: каково ихъ происхожденіе? Кромѣ того основной вопросъ, поставленный новою европейскою мыслию, получалъ новый отвѣтъ, который предстояло развить и утвердить: предѣлъ научной критики есть предѣлъ человѣческаго опыта, а за этимъ предѣломъ лежатъ уже міръ не науки.

По обширному вліянію Локка, нельзя пробити молчаніемъ его богословскихъ трудовъ, хотя они и имѣютъ несравненно менѣе значенія. Какъ истинный англичанинъ, Локкъ пытался оставить полную свободу человѣческому разуму, и въ то же время сохранить возможно болѣе неприкосновеннаго преданія старины, освященнаго всеобщимъ уваженіемъ. Въ своихъ письмахъ о терпимости снѣ является краснорѣчивымъ защитникомъ этого великаго начала, которое нашло такихъ могучихъ проповѣдниковъ въ Воль-

терѣ и его современникахъ. Первое изъ этихъ писемъ было писано въ защиту его друзей въ изгнаніи, амстердамскихъ арминьянъ. Въ новомъ изданіи этого письма и въ слѣдующихъ письмахъ Локкъ имѣлъ въ виду защитить отъ нападокъ законъ терпимости, изданный Вильгельмомъ. Но и въ прочихъ своихъ сочиненіяхъ онъ много разъ возвращается къ ученію терпимости, не исключая изъ нея и христіанскія религіи. По странной непослѣдовательности Локкъ исключаетъ изъ этого общаго начала католиковъ и безбожниковъ. Въ своемъ «Опытѣ» Локкъ признавалъ тожество откровенія и разума, *если* первое не искажено предразсудками и обманомъ духовенства, и говорилъ, что откровеніе даетъ безъ труда человѣку истинны, которыя послѣдній не можетъ добыть путемъ разума, или можетъ добыть этимъ путемъ лишь съ трудомъ. Книга Локка о разумности христіанства представляетъ приложенія этихъ положеній въ библіи. Это сочиненіе сдѣлало Локка родоначальникомъ англійскихъ деистовъ и всѣхъ послѣдующихъ европейскихъ просвѣтителей XVIII вѣка. Раздѣленіе церкви отъ государства было также всегда любимую мыслію Локка.

Пьеръ Баль имѣетъ совершенно иное значеніе въ исторіи мысли. Онъ не положилъ основанія никакому новому отдѣлу науки. Онъ не произвелъ переворота въ міросозерцаніяхъ Европы. Онъ не далъ даже ни одного значительнаго сочиненія, которое составило бы систематическій сводъ мыслей о какомъ либо предметѣ. Онъ писалъ крайне небрежно. Начиная съ одного предмета, онъ переходилъ къ другому, случайно встрѣтившемуся на пути его мысли, потомъ къ третьему. Къ маленькой статьѣ, часто сухой, онъ дѣлалъ длинное примѣчаніе; къ этому примѣчанію еще новое примѣчаніе, и обыкновенно эти многочисленныя и многоэтажныя примѣчанія были всего интереснѣе. Онъ связывалъ съ совершенно неизвѣстнымъ именемъ автора самыя глубокія размышленія; неожиданно стаскивалъ предъ читателемъ груду громадной, невообразимой эрудиціи, и среди этой эрудиціи являлся живымъ, насмѣшливымъ рассказчикомъ вседневныхъ анекдотовъ, повидимому, вовсе неидушихъ въ дѣлу, но выбранныхъ съ чрезвычайною ловкостью для произведенія требуемаго впечатлѣнія. Никто лучше его не понималъ, что литература есть *сила*, обращенная наукою на пользу и развитіе общества, и что нужно много истинной науки, чтобы *надлежащимъ* образомъ дѣйствовать общепонятно на массу читателей. Баль создалъ серьезную журналистику для большинства: до тѣхъ поръ существовали лишь совершенно легкія или чисто-научныя изданія. Его «Nouvelles de la republique des lettres» было первымъ критическимъ литературнымъ журналомъ, достойнымъ публики.

Этотъ журналъ, съ его мѣткою оцѣнкою серьезныхъ явленій литературы, воспиталъ въ огромной массѣ читателей вниманіе и любовь къ вопросамъ, до тѣхъ поръ составлявшимъ достояніе специалистовъ-богослововъ, юристовъ, политиковъ, филологовъ. Онъ возбудилъ всеобщее вниманіе, опасеніе, и навлекъ на Баля даже угрозы со стороны королевы, отказавшейся отъ престола, Христины шведской. Бэль недолго велъ свой журналъ, вызвавшій многія подражанія, но только журналы Леклерка были достойными продолжателями Баля, а скоро англійская нравственно-политическая журналистика де-Фоз и Аддисоновъ стала образцомъ для Европы. Оставивъ свой журналъ, лишенный права преподаванія преслѣдованіями Жюрье и другихъ протестантскихъ богослововъ, Бэль весь предался одному дѣлу, составленію своего знаменитаго «Историческаго и критическаго словаря». Онъ началъ его въ 1692 году, работалъ по 14 часовъ въ сутки, и въ 1696 словарь былъ готовъ. Самъ авторъ не рассчитывалъ на такое сильное впечатлѣніе, какое произвела эта книга, которую онъ называлъ «безобразной компиляціей, составленной изъ статей, пришитыхъ одна къ другой». Во Франціи во всѣхъ бібліотекахъ толпы молодыхъ людей просили наперерывъ словарь Баля для чтенія. Англійское королевское общество вступило съ авторомъ въ систематическую переписку. Всѣ богословы-раціоналисты Европы считали своею обязанностью въ продолженіе XVIII вѣка опровергать возраженія, выставленныя Бэлемъ. Всѣ свободные мыслители XVIII вѣка видѣли своего прямого и самаго смѣлаго предшественника въ этой «божественной душѣ», по выраженію Вольтера. Фридрихъ II дѣлалъ изъ него выписки послѣ семилѣтней войны. Екатерина II еще великой княгиней читала сплошь фоліанты Баля въ продолженіе двухъ лѣтъ. Рядъ поколѣній европейскихъ мыслителей и европейскаго общества питался его мыслию и научался мыслить на его критикѣ.

Но на какой же точкѣ зрѣнія стоялъ этотъ учитель европейскихъ поколѣній? На весьма не новой. Бэкопъ говорилъ: область религіи существуетъ совершенно внѣ науки. Спиноза и Гоббсъ говорили: внѣ науки нѣтъ ничего. Локкъ сказалъ: наука имѣетъ предѣлы въ самомъ человѣческомъ разумѣ, но за ея предѣлами лежитъ міръ невѣдомый. Бэль возвращался къ положенію Бэкона. Черезъ всѣ его труды проходитъ опредѣленно и много разъ повторенная мысль, что вопросы вѣры совершенно недоступны критикѣ разума, что недоступное разуму есть истина откровенія, и что разумъ долженъ смириться передъ таинствами, въ которыхъ всѣ его орудія бессильны, всѣ попытки запутываютъ лишь его самого. Но ставя на такой недосыгаемой высотѣ для разума

вопросы вѣры, Бэля не можетъ однакожь отрѣшиться отъ нихъ, оставить ихъ въ сторонѣ, какъ это дѣлаетъ Бэконъ. Его живая натура, жаждающая вѣры, не можетъ забыть тѣхъ сомнѣній, которыя ее волнуютъ, и въ этой борьбѣ, въ этомъ колебаніи между вѣрою и невѣріемъ состоитъ все существо Бэля. Именно потому что вѣра составляетъ живое требованіе его сердца — и его сомнѣнія имѣютъ въ себѣ жизненный, неотразимый характеръ живыхъ впечатлѣній. По сознанію самыхъ ожесточенныхъ враговъ Бэля и его самыхъ жаркихъ приверженцевъ, по словамъ Жюрье и Вольтера, во всѣхъ сочиненіяхъ Бэля едва-ли можно отыскать одну строчку открытаго нападенія на предметы вѣры. Но оставаясь въ благоговѣйномъ къ нимъ отношеніи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ откровенно и со всею силою человѣка, переживающаго внутреннюю борьбу въ себѣ самомъ, передаетъ всѣ сомнѣнія и противорѣчія, какія встрѣчаетъ разумъ на пути къ вѣрѣ. При совокуише къ этому, что Бэля не узкій какой нибудь спеціалистъ, а натура вполне живая, интересующаяся всѣмъ живымъ; въ кругъ его разсужденій входитъ все: и государство и церковь, и религія, и права, и воспитаніе, и искусство — и всюду проникаетъ его одинаково мѣткій, одинаково рѣзкій и откровенный анализъ его сомнѣній, и вы поймете то неотразимое вліяніе, какое имѣлъ онъ на умы современниковъ. Не даромъ же Лейбницъ говорилъ, что его воззрѣнія относительно единства философіи и религіи только тогда будутъ обезпечены, когда опровергнуты будутъ возраженія Бэля. Таковъ былъ Бэля.

Глубоко религіозный въ своемъ внутреннемъ существѣ, вполне искренній и честный, Бэля не умѣлъ ни къ чему прилаживаться и ничѣмъ задаваться. Онъ писалъ то, что онъ думалъ, и что чувствовалъ, и его внутренняя борьба, его внутреннее противорѣчіе, отразившіяся въ его сочиненіяхъ, не отвергая ничего, и не утверждая ничего, были полезны, однакожь, тѣмъ въ общемъ развитіи человѣческаго разума, что дали еще большую пылкость мысли, заставили ее проникнуть въ тѣ области, которыя доселѣ оставались въ сторонѣ, и тщательно осмотрѣть ихъ.

---

* Бэля незадолго до своей смерти въ одномъ совершенно частномъ письмѣ, прощаясь съ другомъ своей молодости, утверждалъ его въ своей искренней религіозности. Вотъ эта записка, которую Саю (*Sayou*: «Histoire de la littérature française à l'étranger» (1853, I, 358) считаетъ достоверною:

«Mon cher ami,

«Ce n'est pas pour vous que j'avais donné les ordres qui m'ont privé de vous voir encore une fois. Je sens que je n'ai plus que quelques moments à vivre: je meurs en philosophe chrétien, persuadé et pénétré de la miséricorde de Dieu et vous souhaite un bonheur parfait.»

Лейбницъ представляетъ собою совершенную противоположность Бэку.

Первостепенный ученый, человекъ съ самою обширною эрудиціею, съ глубокимъ знаніемъ людей и политическихъ обстоятельствъ, онъ поставилъ себѣ явно-высказанною цѣлью опровергнуть механическую теорію Декарта, опровергнуть осторожную опытную психологію Локка, опровергнуть неразрѣшенные сомнѣнія Бэка и, утвердивъ и округливъ въ стройномъ міросозерцаніи самостоятельность міра духовныхъ явленій, соединить не только ученыхъ и богослововъ, но и всѣ европейскія секты на догматахъ откровеннаго ученія. И онъ провелъ всю свою жизнь въ полемикѣ противъ всѣхъ господствовавшихъ ученій. А между тѣмъ постепенно выростала и отдѣлывалась его философская система. Наконецъ онъ выработалъ представленіе монадъ, сознательныхъ и дѣйствующихъ центровъ, силы которыхъ образуютъ міръ, но которыя остаются въ совершенной независимости одна отъ другой, соглашаемыя лишь представленною гармоніею. Это представленіе нельзя пройти молчаніемъ, но должно сознаться, что оно имѣло не особенно важное значеніе въ развитіи европейской мысли. Гораздо важнѣе были нѣкоторыя частныя мысли въ его трудахъ, мысли, изъ которыхъ инныя были общы ему и другимъ его современникамъ, другія были отступленіемъ отъ общаго характера развитія европейской мысли, но нѣкоторыя заключали въ себѣ зародыши будущаго законнаго развитія. Къ первымъ должно отнести убѣжденіе, проходящее чрезъ всѣ сочиненія Лейбница, что разумъ есть оружіе, годное для всѣхъ областей, что его можно и должно прилагать безбоязненно всюду и при правильномъ его употребленіи можно всюду получать вѣрные результаты. Самъ Лейбницъ употреблялъ это орудіе въ защиту протестантскихъ догматовъ и соглашенія между наукою и вѣрою, но въ этой діалектикѣ не видно было ни сердечной преданности дѣлу, ни откровенной искренности мысли — и ему *не вѣрили*. Народъ называлъ его прямо невѣрующимъ; богословы ему писали, что его «Теодицея» нгрушва, смотрѣлъ подозрительно на его трактаты о разныхъ таинственныхъ догматахъ и ни одинъ не пошелъ хоронить соперника Ньютона. Онъ сдѣлался въ исторіи мысли главою богослововъ-раціоналистовъ Германіи или «новѣйшей схоластики», какъ выражаются инне историки, а искренность его личныхъ убѣжденій осталась подъ сильнымъ подозрѣніемъ. Возвращеніе въ исторіи конечныхъ причинъ или цѣлей въ природѣ было одно изъ самыхъ губительныхъ наслѣдствъ, оставленныхъ Лейбницемъ своимъ ученикамъ, и школа Вольфа злоупотребила этимъ началомъ до самой смѣшной край-

ности. Едва-ли не должно отнести къ Лейбницу ту крѣпкую позицію, которую это ученіе до сихъ поръ удерживаетъ въ сочиненіяхъ поверхностныхъ авторовъ. Замѣтный слѣдъ въ литературѣ оставило и представленіе Лейбница о существующемъ мірѣ, какъ «наилучшемъ изъ возможныхъ міровъ», и вліяніе этого представленія также нельзя назвать благопріятнымъ, но все-таки значеніе его было несравненно менѣе велико и обширно. Но есть элементы, внесенные Лейбницемъ въ полемику противу современныхъ ему взглядовъ, элементы, которые дали богатый плодъ. Это были: значеніе, приданное имъ органическимъ процессамъ; представленіе *развитія*, внесенное имъ въ разныя области мышленія; представленіе самосознанія, какъ особеннаго фазиса въ человѣческомъ сознаніи; наконецъ, теорія бессознательныхъ процессовъ мысли, которая до сихъ поръ еще составляетъ одинъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ психологіи. Лейбницъ былъ приведенъ и къ своей теоріи монадъ тѣмъ важнымъ значеніемъ, которое онъ придалъ *индивидуальности* всего живого, въ противоположность всему, гдѣ жизнь отсутствуетъ. Понятіе о жизни, нераздѣльное для Лейбница съ понятіемъ обособленнаго организма, поставлено было имъ, какъ философское представленіе въ настоящемъ, какъ вопросъ наукъ въ будущемъ и всѣ приложенія термина: организмъ, какъ и злоупотребленія имъ, коренятся въ теоріи Лейбница. Но еще важнѣе было понятіе о *развитіи* въ его приложеніяхъ: оно предполагало въ извѣстный моментъ существующую, но не проявившуюся способность развиваться; будущую форму въ возможности, но еще не въ дѣйствительности. Конечно, еще Аристотель выставилъ это начало и оно было однимъ изъ важнѣйшихъ во всемъ его міросозерцаніи. Но Аристотеля постигла трагическая судьба быть учителемъ ряда поколѣній, пониманію которыхъ онъ былъ совершенно недоступенъ, и найти своихъ истинныхъ продолжателей какъ разъ между людьми, отрицавшими его авторитетъ; поэтому весьма старая идея развитія становилась новинкою во время Лейбница, въ виду чисто-механическихъ теорій, точно также, какъ столь же старая идея аристотелевскаго наведенія сдѣлалась новинкою въ европейской мысли во время Бэкона. Важная повсюду, эта идея развитія явилась особенно значительнымъ успѣхомъ въ психологіи, гдѣ способности человѣческаго духа, изъ которыхъ развиваются идеи, стали теперь среднимъ терминомъ между отвергнутыми *врожденными идеями* картезианцевъ и *ладкой доскою* Локка. Конечно, это было не возраженіе Локку, а дополненіе его, такъ-какъ начало развитія не протворѣчило его началамъ, даже

собственно заключалось въ нихъ, хотя неясно высказанное. Вопросъ о томъ, какъ развиваются способности духа, представленія и понятія, становилась все важнѣе, но лишь въ XIX вѣгѣ этотъ вопросъ получилъ полное свое значеніе. Въ фактѣ самосознанія лежалъ зародышъ будущаго идеализма. Но, можетъ быть, важнѣе всего другаго было указаніе на психическіе процессы, совершающіеся въ человѣкѣ безсознательно и доходящіе до его сознанія лишь въ выработанныхъ результатахъ. Это было завоеваніе психологія, которое, съ одной стороны, связывало сознательную жизнь съ физиологическими процессами тѣла, съ другой — открывало до генезиса мысли и, особенно, чувства, путь изслѣдованій, до тѣхъ поръ не тронутый. Психіатрія и судебная медицина могли воспользоваться этимъ открытіемъ практически, какъ теорія памяти, страстей — теоретически. Промежуточное положеніе въ отношеніи общаго вліянія ученія Лейбница должно приписать двумъ элементамъ, имъ внесеннымъ въ обиходъ европейскаго мышленія. Это: понятіе о силѣ и представленіе непрерывности въ родѣ существъ природы. Первое было чрезвычайно важно, обобщающею формулою для всевозможныхъ изслѣдованій, но оно скрывало въ себѣ опасность злоупотребленія, которое и дѣйствительно имѣло мѣсто: изъ силъ создали совершенно такой же фантастическій міръ, какъ въ прежнихъ субстанціяхъ, и стали говорить о нихъ уже не какъ о формулахъ, облегчающихъ разсмотрѣніе явленія, а какъ о чемъ-то реальномъ. Это слово и прежде употреблялось часто, но къ Лейбницу восходитъ его преимущественное употребленіе, такъ какъ его монады были именно центры дѣйствія силъ. Мы видѣли выше, что возражая противъ теоріи таготѣнія Ньютона, Лейбницъ предвидѣлъ современную намъ теорію сохраненія силы. Существованіе совершенной непрерывности въ рядѣ существъ природы было гипотезою, которая принесла пользу тѣмъ, что, отыскивая промежуточные ступени между данными существами, наткнулась часто на дѣйствительныя открытія; но эта гипотеза, какъ міросозерцаніе, имѣла вредное вліяніе въ томъ отношеніи, что сообщала ложное представленіе о мірѣ и направляла розысканіе не въ надлежащую сторону.

Впрочемъ, изъ того, что я привожу взгляды Лейбница отрывочно, читатель не долженъ заключить, что оиѣ не имѣли психологической связи въ его умѣ. Историки новаго времени (особенно Куно Фишеръ), которые пытаются возстановить систему Лейбница, какъ нѣчто неуступающее системѣ Спинозы по цѣльности, связности и закругленности, впадаютъ, мнѣ кажется, въ ошибку, противорѣчающую ихъ собственнымъ требованіямъ отъ

исторіи философіи. Всякое личное міросозерцаніе должно быть объяснено такъ, какъ оно было сознано въ умѣ его творца, а не такъ, какъ мы можемъ его вывести изъ отдѣльныхъ сочиненій даннаго автора. Но умъ Лейбница, быстро схватывавшій идею, обрабатывалъ ее въ главныхъ чертахъ, потомъ бросалъ ее, переходилъ къ другой, возвращался къ первой, перерабатывалъ ее почти заново, и каждый разъ такъ увлекался своимъ дѣломъ, что прежняя мысль блѣднѣла и теряла для него значеніе предъ новою. Подобныя умы едва-ли не иссякаютъ, если дѣлать сводъ изъ всѣхъ ихъ сочиненій, потому что ихъ мысль быстро переживаетъ свое прошедшее. Такимъ образомъ, Куно Фишеръ намъ даетъ систему, которую можно, болѣе или менѣе послѣдовательно, извлечь изъ сочиненій Лейбница, но остается сомнительнымъ, была ли минута въ жизни Лейбница, когда въ *ею* умѣ подобная система представлялась во всемъ своемъ развитіи. Вѣрнѣе, но и труднѣе была бы задача показать, какъ въ разныя эпохи, подъ вліяніемъ разныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, развивались въ Лейбницѣ нѣкоторые *взгляды*, проходившіе съ его ученыхъ трудовъ или житейскихъ вопросовъ на его философіи возрѣвіи. Нѣкоторые подобныя взгляды существовали бесспорно: такъ нельзя не видѣть связи между непрерывнымъ измѣненіемъ математическихъ величинъ помощью дифференціальныхъ приращеній, непрерывностью существъ природы, состоящей изъ системы неизмѣримо малыхъ монадъ, и непрерывнымъ развитіемъ духа накопленіемъ малыхъ воспріятій (*perceptions petites*). Но подробное рѣзсмотрѣніе сочиненій Лейбница съ этой точки зрѣнія еще ожидаетъ себя историка. Въ сущности Лейбницъ достигъ своимъ ученіемъ вовсе не тѣхъ результатовъ, которые онъ имѣлъ въ виду. Попытка соединенія церквей не удалась, такъ-какъ католицизмъ допускалъ и могъ допустить лишь одно: возвращеніе въ его среду заблудшихъ сектаторовъ. Попытка соединенія науки и религіи не удалась, такъ-какъ искренніе богословы не вѣрили этому соединенію, а ученые находили, что у нихъ и своего дѣла довольно. Одинъ изъ самыхъ ревностныхъ поборниковъ новой цивилизаціи, Лейбницъ породилъ самую сухую и жалкую схоластику. Противникъ механической теоріи и религіознаго скептицизма, онъ не могъ ни на одну минуту остановить ихъ распространенія. Противникъ Локка, онъ только дополнилъ его теорію. Онъ хотѣлъ быть Платономъ новаго времени, но забывалъ, что Платонъ предшествовалъ научному движенію въ Греціи, а онъ, Лейбницъ, былъ современникомъ Ньютона. Ему удалось лишь одно, именно то, чему, можетъ быть, онъ придавалъ всего менѣе значенія, и удалось потому, что здѣсь онъ шелъ за стрем-

леніемъ времени, а не противъ него: это было—въ теоріи, внести въ европейскую мысль представленіе органическихъ процессовъ, какъ представляющихъ особенности, отличныя отъ механическихъ явленій; въ практикѣ, способствовать популяризаціи знанія и развитію литературы просвѣтителей, этого могучаго орудія XVIII вѣка.

Таковы были три руководящіе дѣятеля, которые заставляли XVIII вѣку весьма разноцѣнные дары своей мысли: психологическій анализъ, опытъ какъ источникъ всего знанія, представленіе міра какъ совершенства, требованіе либеральной политики, либеральнаго воспитанія, насмѣшливое отношеніе къ прежнимъ ложнымъ вѣрованіямъ, разумъ какъ судьба всего, литературу какъ орудіе дѣйствія на большинство для опредѣленныхъ цѣлей. Почти одновременно сошли они со сцены исторіи и виѣсть съ ними сходили одинъ за другимъ ихъ современники, работавшіе въ оферѣ мысли, въ направленіяхъ, болѣе или менѣе отклонявшихся отъ главнаго теченія европейскаго развитія, даже прямо шедшіе противу этого теченія. Сходили съ ними виѣсть со сцены и повелители Европы, которые были самыми блестящими статистами на пестромъ представленіи политической исторіи и своимъ положеніемъ, гораздо болѣе чѣмъ своею нравственною силою, обуславливали распредѣленіе актеровъ великой драмы. Въ 1704 году умеръ епископъ Мо, высшая слава католичества, послѣдній отецъ католической церкви, какъ выражаются иные писатели, Боссюэтъ. На слѣдующій годъ умеръ Шпенеръ, отецъ піетизма, послѣдней попыткѣ внести протестантское движеніе въ внѣшнихъ формъ жизни въ самую религиозную жизнь души. Въ 1704 году умеръ Локкъ, въ 1706 г. Валь. 1714 годъ унесъ три видныя личности: это былъ послѣдній картезіанецъ, пытавшійся придать ученію Декарта религиозный характеръ, Мальбраншъ; это былъ знаменитый епископъ Камбрэ, Фенелонъ, болѣе знаменитый какъ авторъ «Телемака»; одинъ изъ замѣчательныхъ умовъ Франціи, который въ другое время и въ другомъ положеніи былъ бы болѣе замѣтнымъ двигателемъ мысли, а во Франціи Лудовика XIV, подъ двойнымъ давленіемъ абсолютизма и католической дисциплины, истратилъ свои силы на безплодные политическіе планы, на сближеніе съ мистиками, которые стояли неизмѣримо ниже его. Это былъ наконецъ самъ Лудовикъ XIV, король-солнце, такъ великолѣпно царившій въ своемъ Версалѣ, среди низкопоклоннаго двора и лирическихъ восклицаній; великій монархъ, такъ хорошо умѣвшій разорять чужія провинціи, разорять собственное государство, бросать въ бездну своихъ союзниковъ и усиливать своихъ враговъ; христіаннѣйшій правитель, съ такимъ

благодаріемъ подвергавшіи сотни тысячъ изгнаніемъ, пыткамъ и казни, съ такимъ приличіемъ отдававшій старикъ любовницѣ на посмѣшище новымъ, съ такимъ смиреніемъ позволявшій зажигать лампы предъ своими изображеніями; словомъ, тотъ образецъ государя, котораго именемъ назвали цѣлый періодъ, которому подражали монархи, который принялъ государство сильное внутри и извнѣ, преданное власти и вѣрѣ, а оставилъ его совершенно разореннымъ, униженнымъ, раздраженнымъ противъ королевской власти, готовымъ смѣяться надъ религіею.

Въ слѣдующемъ году похоронили и Лейбница. Всѣхъ ихъ пережилъ Ньютонъ, обруженный почестями и всеобщимъ уваженіемъ, не имѣя ни одного соперника, какъ новый богъ Европы, знавшій что его царство прочно: онъ умеръ въ 1726 году и былъ похороненъ съ королевской пышностью, рядомъ съ королями Англіи, болѣе могущественный и болѣе значительный для исторіи человѣчества, чѣмъ кто либо изъ нихъ.

На его глазахъ совершился цестрый рядъ переворотовъ въ политической и умственной жизни его отечества. Царствовала и взошелъ на эшафотъ Карлъ I, основалась республика индепендентовъ, возникъ военный деспотизмъ Кромвеля — сошелъ со сцены Кромвель и распалась республика. Открылись театры, запрещенные пуританами. Самая разнузданная чувственность вышла на показъ на сценахъ Лондона. Развратъ двора Карла II не уступалъ разврату Версаля. Насмѣшки надъ религіею были въ модѣ. Католицизмъ распространилъ пропаганду на ступени трона. И пошло въ изгнаніе второе поколѣніе Стюартовъ. Англійская конституція утвердилась на прочныхъ основаніяхъ. Либеральная политика получила свои законные органы. Партіи начали законную борьбу за принципы и за власть. Догма стала во главѣ англійской мысли. Реакція противу соблазновъ сцены развилась быстро и рѣшительно. Началъ формироваться духъ новой Англіи, сухой, формально-нравственный и респектебельный. Поучительная комедія замѣнила своими сценическими проповѣдями прежнюю разнузданность. И сошелъ со сцены исторіи установитель англійской конституціи Вильгельмъ (1701). Живѣе и страстнѣе началась борьба партій за власть. Независимый диссидентъ Де-Фоз, будущій авторъ Робинзона, сталъ къ позорному столбу, обруженный прѣвѣтствіями народа, осипанный цвѣтами. Его чисто-народная газета вызвала къ жизни рядъ поучительныхъ, нравственно-политическихъ изданій Аддисона и Стиля. Это специально-англійское направленіе обособило британскую цивилизацію, которая съ тѣхъ поръ до XIX вѣка все болѣе выдѣлялась изъ жизни Европы. Но еще вліяніе прежней Англіи было сильно. Школа действ-

моралистовъ выступила съ своими смѣлыми нападами. Коллинсъ выставилъ право свободной мысли противу всѣхъ религій. Лайонсъ отвергъ чудеса и откровеніе, проповѣдуя въ то же время строгую нравственность. Толандъ началъ съ доказательства разумности *настоящаю* христіанства, но съ отверженія всѣхъ таинствъ и *введенныхъ* формъ (Christianity not mysterious 1696); его книга была сожжена въ Дублинѣ рукою палача и самъ авторъ едва спасся. Онъ выступилъ чистымъ матеріалистомъ въ «Письмахъ къ Серейѣ» (1704). Богъ есть лишь присущая всему жизнь. Она проявляется формою, двѣтомъ, теплотою, звукомъ. Въ вѣчномъ измѣненіи формъ вещество твердое переходитъ въ жидкость и обратно. Животныя, какъ пища, переходятъ въ насъ, а мы сами распадаемся въ воздухъ, воду, землю, переходимъ въ растенія. Мышленіе есть дѣятельность мозга, съ порчей котораго искажается мышленіе, какъ съ его разрушеніемъ оно исчезаетъ. Вѣра въ боговъ и въ бессмертіе вышла изъ почитанія великихъ людей. Всѣ религій изобрѣтены государственными людьми и духовенствомъ съ цѣлью руководить массы. Это же ученіе развилъ Толандъ и въ послѣдующихъ сочиненіяхъ (Adeisidaemon, 1709; Pantheisticon, 1720). Въ послѣднемъ онъ провозглашаетъ, что большое число лицъ (пантеистовъ) въ Парижѣ, въ Венеціи, въ Лондонѣ, въ Амстердамѣ и въ другихъ городахъ Голандіи, даже при папскомъ дворѣ раздѣляетъ его мнѣнія. Онъ предлагаетъ поэтому новый культъ, соответствующій новому строю мыслей. Толандъ вызвалъ возраженіе Лейбница и умеръ 1722 года. Въ самой Англіи было много возраженій противъ рѣзкаго направленія Толанда и его единомышленниковъ. Особенное развитіе всѣ эти споры имѣли при королевѣ Аннѣ. Но и она сошла со сцены (1714). На престолъ Англіи сѣлъ ганноверецъ, убійца Кенигсмарка, Георгъ I. Робинзонъ (1719) вызвалъ цѣлую литературу подражателей. Гулливеръ (1726) былъ послѣднею блестящею сатирою желчнаго Свифта и появился въ самый годъ смерти Ньютона, котораго Георгъ пережилъ лишь однимъ годомъ. И въ то время, какъ мѣнялись около Ньютона правители народа и любимыя направленія мысли, неизмѣнно и неуклонно расширялись завоеванія *единственно прочнаго* царства, науки: все далѣе шли успѣхи математическихъ методовъ, все крѣпче становилась теорія тяготѣнія; все тѣснѣе связывались результаты опытовъ въ физикѣ, въ химіи, въ знаніи организмовъ; все прочиѣе становилось убѣжденіе, что будущее Европы лежитъ въ *научномъ* методѣ, въ *научной* критикѣ.

Между тѣмъ, на смѣну знаменитыхъ дѣятелей XVII-го вѣка уже расло новое поколѣніе, воспитанное во Франціи, обществен-

нымъ неудовольствіемъ противъ деспотизма Лудовика XIV, противъ іезуитовъ и драгонадъ, насмѣшками Бэля, нелѣпными буллами Климента XI, оргіями регентства. Въ 1689 году родился въ отцовскомъ замкѣ Бредъ близъ Бордо, Шарль-де-Секонда баронъ де-ла-Бредъ и де-Монтескьѣ. Въ 1694 явился на свѣтъ въ Парижѣ сынъ казначея счетной камеры Франсуа-Мари Аруэ, прославившій свое прозваніе Вольтера. Въ 1712 году родился въ Женевѣ сынъ часовщика Жанъ-Жакъ Руссо. Въ 1713, въ Лангрѣ родился сынъ кожевника Дени Дидро. Въ 1717 году найденъ на ступеняхъ парижской церкви Сен-Жанъ ле-Ронъ (St. Jean le Rond) ребѣнокъ, который сдѣлался д'Аламберомъ. Эти люди должны были стать теперь руководителями европейской мысли и сдѣлать изъ своего отечества центръ борьбы, которая отозвалась во всей Европѣ.

ЧИСТИ ЗУБЫ,

А ТО МУЖИКОМЪ НАЗОВУТЬ!

Солнце приближалось къ западу; прекрасный осенній день приближался къ окончанію; въ воздухѣ была тишина невозмутимая; груди дышалось легко... Но, впрочемъ, вечера я описывать не стану; а желающіе могутъ прочитать описаніе этого вечера въ Усладѣ Жуковскаго; я скажу кратко. Солнце приближалось къ западу, а я приближался къ деревнѣ и догналъ мальчишка лѣтъ десяти, въ худомъ армячишкѣ.

— Какъ деревня прозывается? спросилъ я мальчугана, чтобъ какънибудь разговоръ завести.

— Назиловка, дядюшка, бойко отвѣчалъ тотъ.

— А ты самъ откуда?

— Да изъ назиловскихъ.

— Гдѣ жъ ты былъ?

— А я былъ въ Порхомовкѣ; тамъ у насъ училище, такъ я изъ училища; учитель насъ распустилъ, которые подалше— вотъ я и иду домой въ Назиловку.

— Давно ты въ училищѣ?

— Да вотъ третью осень туда хожу.

— Что жъ, всѣ слова въ азбучкѣ знаешь?

— Эвона!... Да я тебѣ, дяденька, всѣ слова наизусть скажу!...

— Что ты?!...

— А вотъ слушай: азъ, буви, вѣди, глаголь, добро... зачистилъ мой новый знакомя.

— Постой, постой! А читать умѣешь?

— И читать азбучку умѣю!

— Ну, а другія книжки?

— Тѣ, дядя, не пробовалъ.

— А прочитай чтонибудь изъ азбучки?

Мальчикъ мой порылся въ своей азбучкѣ, нашелъ мѣсто, гдѣ читать можно, и сталъ читать:

- Будь-благочестивъ-уповай-на-Бога.
- Постой!...
- А что?
- Что ты прочиталъ?
- Будь благочестивъ, уповай на Бога.
- Что жь это значить?

Мальчикъ призадумался; думалъ-думалъ, но никакъ не могъ придумать: что такое значить: будь благочестивъ и уповай на Бога. Я, по крайнему своему разумѣнію, растолковалъ ему, эту премудрость.

— Э! понялъ, дядя! радостно крикнулъ мальчикъ: — это значить: работай честно, никому худа не дѣлай, подати [справляй самъ, а на мірскую шею не лѣзь — это и значить: благочестивъ! А худо пришлось: помолись Богу, Богъ тебя помилуетъ, значить, уповай!... Уповай, значить: надѣйся.

- Да ты малый умный.
- Почитай родителей, уважай начальниковъ...
- Ну, а это что сказано?

Мальчикъ призадумался; мнѣ не хотѣлось ему подсказывать: пусть самъ догадывается.

- Знаю! крикнулъ мальчикъ: — понял!
- Ну, расскажи.

— Почитай — значить: вотъ тебѣ родитель — знай, что онъ тебѣ родитель; вотъ тебѣ сосѣдъ — знай, все равно, что считаешь его за сосѣда.

— Уважай начальниковъ? сталъ я подбивать мальчика.

— *Уважай*: значить: какъ увидишь начальника, прямо ему шапку снимай, а нужно, и въ ножки поклонись!

— Какъ такъ?! спросилъ я, немного озадаченный такимъ толкованіемъ.

— Да такъ, дядя.

— Нѣтъ, не такъ: *почитай* и *уважай* почти все равно.

— Нѣтъ, не все равно! бойко заговорилъ мальчуганъ: — разбойника, вора я и долженъ почитать за вора; а старшину, голову, будь самые разбойники, встрѣтишь — изволь шапочку снять!

- Что ты врешь!
- Нѣтъ не вру! зубы чистить будутъ!
- Для чего же?
- А чтобъ мужикомъ не назвали.

— Чтѣ?

— Не будешь чистить никому зубы, тебя сейчасъ же мужикомъ обзовуть.

— Гдѣ же ты этой мудрости набрался?

— А вотъ въ азбучкѣ...

— Гдѣ же, покажи?

Мальчикъ пробѣжалъ нѣсколько строкъ, и сталъ читать:

— «Чисти зубы, не то мужикомъ назовуть»: вѣдь такъ?

— Покажи твою книжку, оторопѣло я проговорилъ.

Мальчикъ, злорадно улыбаясь, подалъ книжку. Прочитавъ: «Чисти зубы — мужикомъ назовуть»... Посмотрѣвъ на обертку: вижу — азбука стоитъ 3 копейки: стало быть, издана для народа.

Какъ ни мудры-хитры были наши образователи народа въ началѣ 50-хъ годовъ, но я все-таки не думалъ, что *мужика* можно ругать *мужикомъ*.

— Ты, братъ, не такъ толкуешь, робко заговорилъ я: — *зубы чистить* — значить: зубы мыть.

— А для чего мыть? Они и такъ бѣлы!

— А для того...

— Эй, дядя!... закричалъ мой собесѣдникъ мимо идущему мужику: — подойди-ко сюда!

Мужикъ подошелъ къ намъ.

— Чтѣ, парень, вынче внучился? ласково спросилъ онъ у мальчика.

— Теперь внучился!... радостно заговорилъ мальчикъ. — А вотъ этотъ дядя, прибавилъ онъ, смѣясь, указывая на меня: — не знаетъ, чтѣ такое зубы чистить: говорить: «мой зубы»... а чего ихъ мыть, они и такъ бѣлы!

— Чтѣ? спросилъ мужикъ.

— Вотъ и нашъ учитель намъ зубы чистить, а самъ вѣдь тоже не изъ большихъ бодръ: сперва и самъ былъ мужикомъ.

— А теперь?

— Теперь до ундеровъ дослужился.

— За чтѣ же онъ зубы чистить?

— А чтобы мужикомъ не обзывали! Онъ колотушку въ мабушку дастъ; ты мужикъ-мужикомъ, сважеть, завсегда мужикомъ и останешься.

— За что же онъ бьетъ учениковъ? спросилъ я подошедшаго мужика-дядю.

— А для порядку, отвѣчалъ мужикъ-дядя: — чтобы къ нему почтеніе, значить, всякъ имѣлъ.

— Да зуботычиной, пожалуй, уваженія и не добудешь?
 — Разговаривай!
 — А безъ зуботычины нельзя развѣ уже и совсѣмъ?
 — Да ты пойми только, убѣдительно сталъ пояснять мнѣ дѣди-мужикъ: — станеть учитель парнишку бить; я, самъ знаешь, мужикъ — это дѣло понимаю; безъ этого ученья не бываетъ; ну, а мать его, или тѣтя — дѣло бабѣ — въ толкъ того не возьмутъ, а мальчишку жаль: сейчасъ къ учителю съ своимъ почтеніемъ.

— Да вы бы перемѣнили учителя.
 — А для чего?
 — Да какъ же онъ только для одного почтенія дерется...
 — Безъ этого ученья не бываетъ: учителя — знай за учителя.
 — А то мужикомъ назовутъ? перебилъ я.
 — Какъ есть мужикомъ обзовутъ! убѣдительно подтвердилъ дѣди-мужикъ.

— Да развѣ мужикъ бранное слово? спросилъ я мужика.
 — Бранное, не бранное: а все нехорошо! серьезно отвѣчалъ тотъ.

Я засмѣялся.

— Да что же ты смѣешься? съ сердцемъ спросилъ меня дѣди-мужикъ.

— Да какъ же не смѣяться: зубы надо другому чистить, а то мужикомъ мужа назовутъ! Вѣдь ундеръ, вашъ учитель, такой же мужикъ, какъ и ты...

— Э, лѣтъ!... Обзови его мужикомъ... не то, что мальчишка какой, а хотъ тебѣ сто лѣтъ будъ!... Прямо въ бороду и вцѣпится.

— Это по твоему и значить, въ азбучкѣ написано: «Зубы чисти, а то мужикомъ назовутъ?»

— Это такъ и значить: бей всякаго въ рыло: почтеніе всякъ къ тебѣ будетъ имѣть!...

— Наврядъ!

— Да я вотъ что тебѣ, братъ, скажу, заговорилъ дѣди, подсаживаясь къ намъ: — вотъ какое дѣло теперь у насъ идетъ... Оповѣстилъ это намъ окружной: сходъ собрать: старшину избирать. Хорошо... Собрали это мы сходъ, да и мѣаемъ: кому старшиной бытъ? Одинъ старикъ объявляетъ — Петру бытъ; другой — Сидору, третій еще кому!... Только кто-то и скажи: не бытъ ни Петру, не бытъ ни Сидору, а бытъ не бытъ Ваньѣ Сялагину! Такъ всѣ со смѣху и померли!... У Ваньки того Сялагина избѣвка развалилась, двора, почитай, что и совсѣмъ

нѣтъ; хлѣба никогда не бывало своего: свою землю въ насѣхъ отдавалъ; возьметъ денежки, пропѣеть, а самъ по міру пойдетъ; тѣмъ и питался!

— Какой же онъ старшина? спросилъ я.

— Стой; слушай!

— Да чѣмъ же дѣло кончилось?

— А вотъ чѣмъ: старички загомонили; а тотъ все свое: Ваньку Силагина, да Ваньку Силагина: больше быть нѣкому, нѣкому! — Да для чего нѣкому? — «А вотъ для чего: выберемъ мы мужика степеннаго — онъ намъ вотъ какъ въ книжѣ сказано — зубы чистить будетъ: захочетъ баринкомъ быть! А Ваньку возьмемъ себѣ старшиной: Ванька міръ уважать будетъ!... противъ міра не пойдетъ: мы будемъ хозяева, а Ванька мірской слуга будетъ!...» Старики посмѣялись-посмѣялись... «Быть Ванькѣ старшиной!» порѣшили міръ. И сталъ Ванька старшиной!... Знаешь ли, другъ любезный, что отъ Ваньки этого вышло?

— А что?

— Ну, какъ ты думаешь?

— Право, не знаю.

— А вотъ что: сидитъ это Ванька въ своей избенкѣ подь окошечкомъ, идетъ тамъ какой человѣкъ мимо, по улицѣ. Ну, самъ знаешь, шапку долой, поклониться надо... А Ванька: «эй поди, крикнетъ, мужикъ, сюда!» Мужикъ, шапку подь мышку, къ нему въ избенку... бывало, а теперь посмотри какіе хоромы... мужикъ въ избу, а Ванька прямо его лась въ зубы: «ахъ ты мужикъ!... я тебя вонъ откуда завидѣлъ, а ты шапку только теперь изволилъ снять!... Да развѣ ты думаешь, что я равный тебѣ!... Да развѣ ты не знаешь, что я твой начальникъ?...» А самъ въ зубы — лась, да лась!... Вотъ-тѣ, думаемъ, и уваженіе!... Вотъ-тѣ и міру слуга!... Ужъ если Ванька Силагинъ не мужикъ; ужъ если Ванька Силагинъ лѣзетъ вонъ изъ мужиковъ, значитъ, мужикомъ плохо называться! А за дѣломъ какимъ — просто къ нему не ходи: водка — водкой, дружба — дружбой, а денежки на столъ. Да и съ деньгами придешь, коли зубы не вычистить — молебень отслужи! Это все правда!... Какой теперь дворъ завелъ себѣ! Просто палаты!... А чѣмъ вздѣ? Зубы всякому чистилъ; всѣ и поняли, что не Ванька, а изволишь видѣть, Иванъ Петровичъ тебѣ начальникъ. И не Силагинимъ сталъ прозваться, а какъ-то по благородному.

— Какъ по благородному?

— Да мы и не скажемъ, по нашему оно ужъ очень плохо выходитъ; при бабахъ и сказать нельзя!... сказалъ мужикъ-дядя, засмѣялся и рукой махнулъ.

— Да какъ же? допытывалъ я мужика, желая узнать прозвище благородное, котораго при бабахъ и сказать нельзя.

— И не спрашивай!... Мужикъ-дядя еще больше захоталъ.

— Да какъ же?

— Спроси у племянника! отвѣчалъ тотъ, во всю ночь заливаясь смѣхомъ.

— А какъ?

— Благодуровъ!, либаясь отвѣчалъ какъ-то лукаво мальчигъ:— Только мужики его не такъ называютъ.

— Кто жъ ему придумалъ такое мудреное прозвище? спросилъ я.

— Писарь!... писарь!... захлебываясь смѣхомъ отвѣчалъ дядя-мужикъ:— писарь-то у насъ пьяница... ученый!...

— Да для чего же ему надо было переимѣнить свое прозвище на другое?

— А писарь говорить, Иванъ Петровичъ Силагинъ — это помужички, продолжая смѣяться отвѣчалъ дядя: — а я вамъ, Иванъ Петровичъ, а я вамъ скажу по благородному...

— Ну, и назвалъ?

— Э-хе!... Назвалъ!... Э-хе-хе!... право, такъ и назвалъ... Э-хе-хе... Какъ, какъ, парнишко?

— Благодуровъ, отвѣчалъ мальчигъ.

— А ты вотъ, братъ, говоришь, прибавилъ мужикъ-дядя: «мой зуби!»... Нѣтъ, братъ, чисти зубы!... Вотъ тебѣ мой наказъ!... Мой себѣ Ванька Силагинъ зубы сколько хочешь, все бы Ванькой Силагинимъ и остался; а сталъ Ванька всѣмъ зубы чистить, сталъ Ванька — Иваномъ Петровичемъ!... Да и не Силагинъ... А-ха-ха!... Какъ, племяшка?... Охъ!... грѣхъ!...

— Благодуровъ! отвѣчалъ смѣясь племяшка дяди-мужика.

— Зачѣмъ же вы такого себѣ старшину выбирали? спросилъ я.

— А чортъ его зналъ, что онъ такой выйдетъ?!... Думали всѣ выбрать хорошаго...

— Ну, спасибо на бесѣдѣ, сказалъ я, вставая.

— Тебѣ на томъ же!

— Прощайте, братцы!

— Прощай! отвѣчалъ дядя-мужикъ:— только знай, какъ надо зуби чистить!

Пошелъ я опять въ путь, а самъ думаю: мужикъ-дядя, кажется, правду сказалъ: надо всѣмъ зубы чистить, чтобы мужикомъ не обозвали, и, повидимому, мы объ одномъ только и хлопочемъ: кому можно — зуби чистить.

Вотъ Ванькѣ Силагину зубы чистили всѣ, кто только могъ; теперь Иванъ Петровичъ дѣлаетъ то же.

Не помню, читалъ ли или слышалъ я слѣдующую исторію:

Передъ выборами прѣзжаетъ къ предводителю одинъ вліятельный помѣщикъ. Хозяинъ, разумѣется, и жаренымъ и печенымъ подучетъ, ухаживаетъ, бѣгаетъ за нимъ, чуть языкъ не высушитъ. Показываетъ свое хозяйство; а какъ и хозяинъ и гость были охотники, то зашли на псарный дворъ.

— Ванька! крикнулъ хозяинъ: — змѣйкиннхъ щенятъ!

Ванька побѣжалъ за змѣйкинними щенятами.

— Принесли змѣйкиннхъ щенятъ.

— Скажите, пожалуйста, спросилъ предводитель своего гостя: — которыхъ надо оставить, а которыхъ закинуть... которые, по вашему мнѣнію, лучше?

Гость призадумался.

— Которые?

— Право не знаю.

— Которые лучше?

— Этого отгадать нельзя.

— Однакожь?

— Этого отгадать нельзя, рѣшилъ вліятельный помѣщикъ: — вѣдь вотъ и мы на выборахъ выбираемъ вашего брата; думаешь, хорошаго человѣка выбираемъ, а выберешь!.. Такая дрянь!.. Такъ вотъ все равно и щенятъ выбрать...

Миръ выбираетъ предводителя; Ваньку Силагина — предводителя; Ванькѣ Силагину всякъ по своему зубы чистить. А войдутъ тѣ въ силу — миръ не назоветъ ихъ мужиками.

Съ такими думами я зашелъ въ какую-то деревню.

— Гдѣ здѣсь переночевать? спросилъ я встрѣтившагося мнѣ мужика.

— Да гдѣ хочешь!

— А у тебя можно?

— Можно.

— Сдѣлай одолженіе.

— А воды можно?

— Можно,

— Пойдемъ въ кабакъ.

— Можно.

Мы вошли въ кабакъ, подошли къ прилавочку, спросили воды.

— Да дайте три стаканчика, сказалъ я, подавая ему пятирублевую ассигнацію — въ то время еще ассигнаціи ходили.

— Съ нашимъ величайшимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ цѣло-

вальники: въ то время еще и цѣловальники процвѣтали; теперь они называются шинкарями.

— Кому прикажете поднести? развязно, точно московскій половой, спросилъ цѣловальникъ.

— Надо съ хозяина начинать, отвѣчалъ я.

— Пожалуйста.

— Нѣтъ-съ... увольте.

— Ну, такъ поднесите ему, сказалъ я, указывая на будущаго своего хозяина.

Такимъ порядкомъ я познакомился съ цѣловальникомъ и у насъ начались разговоры.

— Вы изъ какихъ-такихъ мѣстовъ? спросилъ меня цѣловальникъ.

Я сказалъ.

— Такъ-съ!

— Вотъ я толковалъ сейчасъ съ однимъ мужикомъ: въ книгѣ написано: «Чисти зубы, не то мужикомъ назовутъ...», и рассказывалъ ему наши разговоры и какъ мужикъ это объяснилъ.

— Чудное право дѣло! ухмыляясь сказалъ цѣловальникъ.

— Какъ чудное?

— Мужикъ правъ.

— Какъ-такъ?

— Ей-Богу правъ!

— Да какъ же правъ-то?

— Да я вамъ лучше исторію скажу.

— Пожалуйста.

— Былъ у насъ мужичонка; наборъ пришелъ, очередь за нимъ была, пошелъ въ солдаты... А малый былъ ловкій: безъ мыла въ васъ влѣзетъ! Прослуживши тамъ! сколько времени, пожалованъ въ ундера. Ундеру, сами знаете, 12 лѣтъ отслужилъ, коли грамотъ знаешь — офицеръ. А онъ грамотъ зналъ, стало быть и офицерство получилъ. Получивши, сударь ты мой, это онъ офицерство, изъ полковыхъ вонъ, да въ становые произвошелъ... Какъ же въ становыхъ онъ поступалъ?.. А?..

— А какъ?

— А вотъ, я вамъ скажу, какъ... Дѣло было при мнѣ почти... Заведется въ солѣ вляуза; ее, эту вляузу, не скоро и выведешь!.. Суды пойдутъ... и боже мой!.. И пословица говорить: *поссорь бои народъ, накорми воеводъ*... У насъ поссорились два сосѣда; ѣдутъ судиться. Сперва, какъ надо, бросать жеребьи: чья лошадь, а чья телега; запрягутъ лошадь, садутъ оба

въ ту телегу, только не рядушкомъ, а задъ съ задомъ!... Право такъ.

Я засмѣлся.

— Да что вы смѣетесь!... Я еще вамъ вотъ что скажу: ѣдутъ они; дорогой одинъ станетъ нюхать табакъ и толкаетъ другога локтемъ. «Сердить, а сердить — не назоветъ Иваномъ тамъ, или Петромъ, а *сердить* — сердить, хочешь понюхать?» Тотъ молча понюхаетъ, и во всю дорогу больше никакихъ разговоровъ не бываетъ. Такъ и эти сосѣди доѣхали до становаго. Всѣ знали становаго поваду: какъ только явится къ нему мужикъ: прямо въ бороду!... оттаскаетъ, оттаскаетъ, какъ должно, тогда только станетъ объ дѣлѣ толковать.

Пріѣхали наши сосѣда къ становому.

— Что вамъ надо? спрашиваетъ у нихъ писарь становаго.

— А такъ и такъ, говорятъ ему: — судится пріѣхали къ его благородію.

Разумѣется, сейчасъ писарю въ ручку: одинъ четвертакъ, другой полтинникъ. Писарь-то съ полтинника прежде пустилъ... Становой по двое къ себѣ никогда не допускалъ: все въ одиночку.

Входитъ первый — съ полтинника.

Становой его раза-два въ морду хватилъ, а послѣ и спрашиваетъ:

— Что тебѣ надо? По какому дѣлу?

Мужикъ-то этотъ знаетъ, какъ дѣло повести: сейчасъ цѣлковенькой становому на столить.

— Ну, рассказывай!

— Да это, ваше благородіе, дѣло-то такое, что Сибирью самою пахнетъ.

— Рассказывай!

— Купилъ, значить, я себѣ, ваше благородіе, бревнушекъ, хотѣлъ себѣ еще елѣтушечку пѣставить новую, а та ужъ стара стала...

— Дѣло рассказывай!

— А сусѣдъ курей-то, курей развелъ!

— Тебѣ-то какое дѣло?

— Мой-то бревнушка всѣ измарали: просто въ руи взять нельзя...

— А-а! ступай!

Первый сосѣдъ вышелъ, вошелъ другой.

— Курь развелъ! закричалъ становой, и давай лупить мужика. Ужъ онъ лупилъ его, лупилъ; бросилъ... — Ступай вонъ, пока цѣль!

Мужикъ выбѣжалъ, а тамъ писарь дожидается.

— Ну, что? спрашиваетъ писарь: — какъ твои дѣла пошли?

— Что дѣла?

— А что?

— Обидѣлъ!

— Какъ?

— Исколотилъ... и слова не далъ сказать!... Вошелъ, прямо въ морду!

— Плохо!

— Ужъ знакомое дѣло, что плохо!

— Постой: я къ самому схожу.

Писарь пошелъ къ становому.

— Какъ же тебя не бить, объявилъ писарь воротившись отъ станового:— сосѣдъ-то твой далъ становому цѣлковый, а ты ему что поднесъ?

— Да я два дамъ!

— Дашь два цѣлковыхъ — на два цѣлковыхъ и поколотить: нашъ баринъ на это хороше: правдою живетъ!

— Какъ же дать?

— Ступай къ нему.

Мужикъ пошелъ къ становому, далъ два цѣлковыхъ; становой кивнулъ самъ перваго сосѣда и таску задалъ на два цѣлковыхъ. Тотъ къ писарю.

— Какъ же такъ: я же его благородію заплатилъ, а онъ же меня и поколотилъ, да еще и больнѣй: ужъ его благородіе надомною манлся-манлся...

— Нельзя, другъ! Ты сколько далъ?

— Цѣлковый.

— А тотъ два!...

— Да я три дамъ!...

— А дашь, и того откатаешь! Да откатаешь не на два рубля — на три!

Этотъ понесъ три рубля; а какъ становой правдою жилъ, то врага его и откаталъ не на два, а на три рубля.

Опять къ писарю; писарь объявляетъ, что тотъ далъ три рубля; даютъ четыре, пять... ихъ по перемѣннику бьютъ...

— Охъ, уморился!... Черти!... наконецъ закричалъ становой:— Черти, оба сюда!

Подсудимные явились.

— Запорю до смерти!... кривнулъ становой:— миритесь!... миритесь сейчасъ!... Запорю!...

— Я... я готовъ, ваше благородіе! я... да вотъ не знаю, какъ Федоръ Алексѣичъ...

— Ну!...

— Ежели... Алексѣй Ѳедоровичъ согласенъ, я отъ миру не прочь...

— Кланяйтесь мнѣ въ ноги за правый судъ!... приказалъ становой.

Тѣ поклонились.

— Хорошо разсудилъ?

— Уму научилъ!... заговорили оба *.

— Такъ видите, заключилъ цѣловальникъ:—не почисти онъ имъ зубы, что бы вышло? Теперь по полусотенной съ брата сошло— в конецъ; а судись они по судамъ—больше бъ вышло! За то станового этого и уважають, и мужичье ему же спасибо сказываютъ.

— Да вы смѣтаетесь, спросилъ я цѣловальника:—за что это станового уважають?

— Именно за это!

— Странно.

— Да вотъ я вамъ скажу: у насъ исправникъ, придетъ къ небу баба на бабу-жь съ жалобой... Ужъ онъ ихъ судить, судить: какъ да какъ? Бабы... разумѣтся, бабѣ дѣло... одна станетъ говорить что, другая не дастъ слова той сказать. Крикъ, гамъ такой поднимуть! Чуть не подерутся... А исправникъ все слушаетъ!... Слушаетъ, слушаетъ, да и скажетъ: «помиритесь!» Такъ зачѣмъ же къ нему и ходить: захотѣли бъ помириться—сами-бъ помирились!... И никто его не уважають!...

— Не любятъ?

— Смѣются надъ нимъ!

— Какъ смѣются?

— А такъ: соберутся двѣ бабы:—«пойдемъ, скажутъ, къ исправнику судиться», «пойдемъ». Ну, и пойдуть, а исправникъ ихъ и судеть!

— А къ становому бабы ходять судиться? спросилъ я цѣловальника.

— Э-э!... махнулъ рукой цѣловальникъ, и на такой глупый вопросъ отвѣта не далъ, только рукой махнулъ...

Я сталъ сомнѣваться въ моемъ толкованіи словъ азбуки:—*чисти зубы*. Припомнилъ я, что въ Бѣлгородѣ одинъ чиновникъ, совершенно посторонняго вѣдомства, приказалъ отлупить фуктелями (зубы чистить—не надо принимать въ буквальномъ смыслѣ) почтмейстера, за то, что по закону на станціи не полага-

* Фактъ: одна должность переимѣнена.

лось столько лошадей, сколько ему было нужно; какъ этотъ же доблестный мужъ въ Суржѣ (по географіямъ Суджѣ) на улицѣ выпоролъ градскаго голову за грязныя улицы...

Сталъ я молиться Богу: Господи, дай мнѣ пониманія!... Какъ же мнѣ, положимъ я большой генералъ, какъ же мнѣ будетъ зубы чистить, положимъ, полковнику: вѣдь полковникъ отъ тѣлеснаго наказанія избавленъ?!

Помолясь Богу, я легъ спать.

Я не успѣлъ еще заснуть: предо мною явился нѣкій мужъ.

— О, безпутный мужъ! сталъ онъ говорить:—ты не знаешь, что устами младенца тебѣ правда объявляется?... И ты думаешь, что какому нибудь полковнику зубы нельзя чистить?... О!...

— Не знаю.

— Вѣрь!...

— Какъ, отче...

— Былъ твоимъ наставникомъ благочестивый мужъ Иванъ Иванычъ Давыдовъ?

— Былъ, отче.

— Что онъ тебѣ говорилъ?

— Много, отче, Иванъ Иванычъ говорилъ намъ хорошихъ словесъ.

— А лучше?

— Всѣ хороши.

— А я тебѣ скажу, безпутный мужъ, что лучшее имъ сказано: «Не надо знать чтовы вѣрить; а надо вѣрить, чтовы знаты!»

— Говорилъ и это.

— Вѣрь! сказалъ мужъ:—устами младенца тебѣ истина открывается! Гради въ сей губернской градъ; войдешь въ сей градъ, налѣво будетъ домъ, а въ этомъ домѣ и кабакъ и харчевня. Гради и увѣруешь!

Видѣніе скрылось.

Потутру я посмѣялся своему сну и отправился въ путь; прошелъ верстъ пять — губернской городъ!... прошелъ шаговъ двадцать — на лѣво домъ, а въ томъ домѣ кабакъ и харчевня!... Мужъ правду говорилъ... дай заиду!...

И зашелъ.

Харчевня, въ которую я вошелъ, хоть по вывѣскѣ и была Европой, но по наружности была только Европой Восточною: намъ извѣстно, что, по географіямъ Арсеньева и К^о Европа есть Восточная, есть и Западная. Мнѣ на этотъ разъ пришлось быть въ Европѣ Восточной. Входишь въ первую комнату: бу-

фетчикъ (слово западное) въ будто бы бѣлой рубашкѣ стоитъ за прилавкомъ, сзади его на несчастливомъ ряду полокъ — чашки, чайники... Половые бѣгали и суетились (оптический обманъ) все равно какъ мой пріятель Кузьма, бывшій въ Британіи, но волею судебъ переселенный въ Московскій.

Буфетчикъ по обыкновенію съ полуулыбкой, полукланяясь, указывалъ рукой, пріѣтствовалъ меня словами: — пожалуйста, господинъ.

Я на ту пору былъ господинъ въ донельзя изгрязенной свитѣ съ котомкой за плечами.

Вхожу въ другую комнату: за нѣсколькими столами сидятъ мужики; а за однимъ—человѣка четыре чиновниковъ. Съ мужиками я натолкался; дай послушаю—чиновничьей бесѣды.

— Приходитъ это онъ въ присутствіе, рассказывалъ одинъ изъ чиновниковъ, человѣкъ повидимому испытавшій волни морскія на житейскомъ морѣ:—приходитъ въ присутствіе. «Есть исходящій? Есть входящій?» да таково грозно... Сталъ смотрѣть, видимъ: ни рожна не понимаетъ. Что спросить: «Есть?» Какже-съ, есть!... Видимъ, что барину хочется на кого нибудь покричать, а кричать не на кого!... Да выручилъ Студенковъ писарь! И парнишка такъ: лѣтъ 18—19!... Лѣтъ пять тому назадъ квартальный взялъ у Ефимовны козу; у квартального жена была больна, такъ ей и велѣно было пить козье молоко; потому что у козы молоко теплѣе коровьяго: у козы хвостъ короткій, а у коровы длинный, отъ того и тепло... Только случай такой вышелъ: у квартального жена померла и та, Ефимовнина, коза издохла... Вотъ Студенковъ къ Ефимовнѣ: «Проси на квартального за козу съ прикладомъ за пять лѣтъ». — «Да какъ же?» — «Ты только визжи, говоритъ Студенковъ:—а я самъ буду рассказывать». Мы этого ничего не знаемъ... слышимъ писарь, визгъ въ пріемной!... признаться сказать, всѣ перепугались.

— Это чтò? крикнулъ самъ.

Всѣ молчатъ, только ногами сѣменять.

— Узнать!

Побѣжали.

— Толку не добьешься, доносятъ самому: — какая-то баба плачетъ.

— Какая баба плачетъ?

— Не знаемъ-съ...

Выбѣжалъ самъ въ переднюю.

— Чтò ты?

— Охъ! Коза!... Коза!... батюшка мой, многомилостивый!... завоняла баба.

— Какая коза?

— Ой! коза!... коза...

— Да какая коза?

— Что вы со мной дѣлаете, закричалъ на насъ самъ: — все хорошо, одной козы нѣту!... Да что вы думаете! Да что вы дѣлаете?... На кого вы надѣетесь?

И пошелъ, и пошелъ... Ну, думаемъ, Богъ пронесъ тучу!...

Хотѣлось *самому* поругаться (разумѣй *зубы чистить*), ему это удовольствіе и сдѣлали — и онъ убоготоренъ и мы не причемъ.

Павелъ Явушкинъ.

Октябрь, 1867 г.

С У Д Ъ.

СОВРЕМЕННАЯ ПОВѢСТЬ.

I.

Я мирно задремалъ. Во снѣ
Послышался внезапно мнѣ
Звонокъ... не сонъ ли? Нѣтъ, опять!
Зачѣмъ и кто — какъ угадать?
Какъ сладить съ бѣдной головой,
Когда врывается толпой
Въ нее тревожныхъ мыслей рой?

Вечерній звонокъ! вечерній звонокъ!
Какъ много думъ наводитъ онъ! *

За много лѣтъ всю жизнь мою
Припомнилъ я въ единый мигъ,
Припомнилъ каждую статью
И содержанье двухъ-трехъ книгъ
Недавно выпущенныхъ мной,
А звонокъ зловѣщій, роковой
Межъ тѣмъ на мигъ не умолкалъ —
Пока я брѣжки надѣвалъ...

О, невидимая рука!
Не обрывай же мнѣ звонка!

---

* Изъ известнаго романа Козлова.

Тотчасъ я снѣгъ соберу,
Зажгу свѣчу — и отопру.

Гляжу — чуть теплится каминъ.
Невинный «Модный Магазинъ»
(Издательницы Софьи Мей)
И письма — память лучшихъ дней —
Жены теперешней моей,
Когда наивна и мила
Она невѣстою была,
И пачатой недавно трудъ,
И мемуары — вѣсомъ съ пудъ —
И приглашенья двухъ вельможъ,
Въ дома которыхъ былъ я вхожъ —
До преискуранта крымскихъ влнъ
Все быстро бросилъ я въ каминъ!
И еслибъ истребленъ духъ
Насытить время я имѣлъ,
Каминъ бы долго не потухъ.
Но колокольчикъ мой звенѣлъ
Что мигъ — настойчивѣй и злѣй.
Пылай, каминъ! Гори скорѣй
Записокъ толстая тетрадь!
Пора мнѣ гостя принимать...

Ну, догорѣла! Выхожу
Въ гостиную — и нахожу
Жену... О, вѣрная жена!
Ни слезъ, ни жалобъ, лишь блѣдна...
«Не бойся ничего! повѣрь
Все пустыни!» шепчу жемъ,
Но голосъ измѣняетъ мнѣ.
Иду — и открываю дверь...

Одно изъ славныхъ русскихъ лицъ*
Со взоромъ кроткимъ безъ границъ,

---

* Выраженіе Лермонтова.

Полуопущеннымъ къ землѣ,
 Съ печатью тайны на челѣ*,
 Тогда предсталъ передо мной
 Администраторъ молодой.
 Кивнувъ угрюмо головой,
 Я указалъ ему на стулъ,
 Не сѣлъ онъ; стоя предо мной,
 Онъ листъ бумаги развернулъ
 И подалъ мнѣ. Я прочиталъ
 И ожилъ — духомъ просіялъ!

Вечерній звонъ! вечерній звонъ!
 Какъ много думъ наводятъ онъ!
 Порой такихъ ужасныхъ думъ,
 Что и дѣйствительность сама
 Не помрачаетъ тагъ ума,
 Напротивъ, возвращаетъ умъ!

«Судить назначено меня
 При публикѣ, при свѣтѣ дня!»
 Я крикнулъ весело жёнѣ:
 «Прочти, мой другъ! Поди ко мнѣ!»
 Жена поспѣшно подошла
 И извѣщеніе прочла:
 «Понеже въ вашей книгѣ есть
 Такія дерзкія мѣста,
 Что оскорбилась чья-то честь
 И помрачилась врасота,
 То васъ за дерзость этихъ мѣстъ
 Начальство отдало подъ судъ,
 А книгу взяло подъ арестъ...»
 И дальше чинъ и подпись тутъ...
 Я сущность передалъ — но слогъ...
 Я слога передать не могъ!
 Когда бъ я слогъ такой имѣлъ,
 Когда бъ владѣлъ такимъ перомъ,
 Я не дрожалъ бы, не блѣднѣлъ
 Передъ нечаяннымъ звономъ...

---

* Стихъ Венекинина.

Замятивъ радость, а не злость
 Въ лицѣ моемъ, почтенный гость
 Любезно на меня взглянулъ.
 Вновь указавъ ему на стулъ,
 Я папиросу предложилъ,
 Онъ сѣлъ и скромно закурилъ.
 Тогда бесѣда началась
 О томъ, какъ многое у насъ
 Несовершенно; какъ далекъ
 Тотъ вождѣнный идеалъ,
 Какого всякой бы желалъ
 Родному краю: нѣтъ дорогъ,
 Въ торговлѣ плутни и застои,
 Съ финансами хоть волкомъ вой,
 Мужикъ не чувствуетъ добра,
 Et cetera, et cetera...
 Ужъ часъ въ бесѣдѣ пролетѣлъ,
 А не коснулся между тѣмъ
 Мы очень многихъ важныхъ темъ,
 Но тутъ огарокъ догорѣлъ
 Дымясь, — и вдругъ разстался мы
 Среди зловонія и тьмы.

II.

За утро судъ. Въ судебный залъ
 Сберется грозный трибуналъ,
 Придутъ враги, придутъ друзья,
 Предстану — обвиненный — я,
 И этотъ трудъ, горячій трудъ
 Анатомировать начнутъ!

Когда я отрокомъ блуждалъ
 По тихимъ волжскимъ берегамъ,
 «Судъ въ Подземельи» я читалъ,
 Жуковского поэму, — тамъ,
 Что стихъ, то ужасъ: темный сводъ
 Гроза обрушится, гнететь;

Визжа, заржавленная дверь
 Поеть: «Не вырвешься теперь!»
 И радъ угрюмихъ клубуковъ
 При блѣдномъ свѣтѣ ночниковъ,
 Кивая, вторить ей въ отвѣтъ:
 «Преступнику спасенъя нѣтъ!»
 Потомъ, я помню, цѣлый годъ
 Во снѣ я видѣлъ этотъ сводъ,
 Монаховъ, стражей, палачей:
 И живо такъ въ душѣ моей
 То впечатлѣнныя дѣтскихъ дней,
 Что я и въ зрѣлые года
 Боюсь подземнаго суда.
 Вотъ почему я ликовалъ,
 Когда извѣстье прочиталъ,
 Что гласно буду я судимъ,
 Хотя утверждаютъ — гласность димъ.
 Оло, конечно: гласный судъ
 Все судъ. Притомъ же, говорятъ,
 Тамъ тоже спуску не дають:
 Посмотримъ, въ чемъ я виновать.
 (Сажусь читать, надѣвъ халать).

Какихъ задачъ, какихъ трудовъ
 Для человѣческихъ головъ
 Враждебный рокъ не задавалъ?
 Но — литераторъ прежнихъ дней!
 Ты никогда своихъ статей
 Съ подобнымъ чувствомъ не читалъ,
 Какъ я въ ту роковую ночь.
 Скажу вамъ прямо — скрытность прочь —
 Я съ точки зрѣнiя судьи
 Всю ночь читалъ мои статьи.
 И нѣчто странное со мной
 Происходило... Боже мой!
 То оправданья подобралъ
 Я говорилъ себѣ: я правъ!
 То самъ себя воображалъ
 Тайнымъ злодѣемъ, что дрожалъ

И въ зеркало глядѣлся я...
Занятѣ сверное, друзья!

Примите добрый мой совѣтъ,
Писатели градушникъ лѣтъ!
Когда постигнетъ васъ бѣда,
Да будетъ чуждъ вашъ бѣдный умъ
Судебно-полицейскихъ думъ —
Оставьте дѣло до суда!
Нѣтъ пользы голову трудить
Надъ тѣмъ, что будутъ говорить
Тѣ, конхъ дѣло обвинять,
Какъ наше — книги сочинять.
А если нервы не уснутъ
На миломъ словѣ: гласный судъ,
Подлей побольше рому въ чай
И безмятежно заснай!...

III.

Заснулъ и я, но тяжелъ сонъ
Того, кто горемъ удрученъ.
Во снѣ я видѣлъ, что герой
Моей поэмы роковой
Съ полуобритой головой,
Въ одеждѣ арестантскихъ ротъ
Вдоль по Владиміръѣ идетъ.
А дѣва, далеко отставъ,
По плечамъ кудри разметавъ,
Бѣжитъ за милими, на бѣгу
Ныряя по груди въ снѣгу,
Бѣжитъ и плачетъ, и поетъ...

Дитя фантазій моея,
Не плачь! До снѣговихъ степей,
Я знаю, дѣло не дойдетъ.
Въ твоей судьбѣ срединн нѣтъ:
Или увидишь божиа свѣтъ

Или погибнешь — сожжена.
 Не плачь же, дѣва! — будь умна,
 И объ одномъ проси судьбу,
 Чтобы не вылетѣть въ трубу!
 Молись о томъ, моя краса,
 Чтобы по милости твоей
 Не стали наши небеса
 Еще туманнѣй и темнѣй!

Потомъ другой я видѣлъ сонъ
 И былъ безмѣрно-горекъ онъ:
 «Вхожу я въ судъ — и на скамьяхъ
 Друзей, родныхъ встрѣчаешь взоръ,
 Но не участие въ ихъ чертахъ —
 Негодование и угоръ!
 Они мнѣ взглядомъ говорятъ:
 «Съ тобой мы не знакомы, братья!»
 — Что съ вами, милые мои?
 Тогда невольно я спросилъ;
 Но только я заговорилъ,
 Толпа покинула скамьи,
 И вдругъ остался я одинъ,
 Какъ голый цень среди долинъ*.
 Тогда отчаяньемъ объять,
 Я разревѣлся предъ судомъ
 И повинился даже въ томъ,
 Въ чемъ вовсе не былъ виноватъ!...»

Проснувшись, долго помышлялъ
 Я о моемъ жестокомъ свѣѣ,
 Мужаться — слово я давалъ,
 Но страшно становилось мнѣ:
 Ну какъ и точно разревусь,
 Отъ убѣжденій отрекусь?...
 По чемъ я знаю: хватить силъ
 Или не хватить — устоять?...
 И началъ я припоминать

* Стихъ Лермонтова.

Какъ развивался я, какъ жила:
 Родился я въ большомъ дому,
 Напоминающемъ тюрьму,
 Въ которомъ грозный властелинъ
 Свободно дѣйствовалъ одинъ,
 Держа подъ страхомъ всю семью
 И челядь жалкую свою;
 Разказы няни о чертахъ
 Вносили въ душу тотъ же страхъ;
 Потомъ я въ корпусъ поступилъ
 И тамъ подъ тѣмъ же страхомъ жилъ.
 Случайно началъ я писать,
 Тутъ нѣкій образъ посѣщать
 Меня въ часы работы сталъ:
 Съ перомъ, со склянкою чернилъ
 Онъ надъ душой моею стоялъ,
 Воображенье леденилъ,
 У мысли крылья обрывалъ.
 Но не довольно былъ онъ строгъ
 И я терпѣлъ еще за то,
 Что онъ подъ часъ мой трудъ берегъ,
 Или вычеркивалъ не то.
 И такъ писалъ я двадцать лѣтъ
 И вышелъ я — такой поэтъ,
 Какимъ я выдти могъ... Да, да!
 Грозить послѣдняя бѣда...
 Пошли вамъ Богъ побольше силъ!
 Меня же такъ онъ сотворилъ,
 Что мимо буди городской
 Иду съ стѣсненной душой,
 И право я не поручусь,
 Что предъ судомъ не разревусь...

IV.

Не такъ счастливецъ молодой
 Идетъ въ таинственный покой,
 Гдѣ ветерѣнія полна

Младая ждетъ его жена,
 Съ какииъ я трепетомъ вступаю
 Въ тотъ роковой, священннй залъ,
 Гдѣ жизнь и смѣрть и честь людей
 Въ распорядженіи судей.
 Герой — а я теперь герой —
 Быть долженъ весь передъ тобой,
 О публикѣ! во всей красѣ...
 Итакъ, любуйся: я плѣшивъ,
 Я блѣденъ, нервенъ, а чуть живъ,
 И таковы почти мы всѣ.
 Но ты не думай, что тебя
 Хочу разжалобить: любя
 Свой трудъ — я вовсе не ропщу,
 Я сожалѣній не ищу;
 «Коварный рокъ», «жестокій рокъ»
 Не больше былъ на мнѣ жестокъ,
 Какъ и въ любому бѣдняку.
 То правда: ресь я не въ шелку,
 Подъ бурей долго я стоялъ,
 Меня тиранила нужда,
 Гнела любовь, гнела вражда;
 Мнѣ *** мораль читалъ
 И ценсоръ слогъ мой исправлялъ,
 Но не отъ этихъ общиыхъ бѣдъ
 Я слабъ и хрупокъ какъ скелетъ.
 Ты знаешь, я — «любимецъ музъ»,
 А невозможно разсказать
 Во что обходится союзъ
 Съ иною музой; благодать
 Тому, чья муза не бойка:
 Горить онъ рѣдко и слегка.
 Но горе, ежели она
 Славолюбива и страстна.
 Съ желѣзной грудью надо быть,
 Чтобъ этимъ ласкамъ отвѣчать,
 Объятыя эти выносить,
 Кипѣть, горѣть — и потасать
 И вновь горѣть — и снова стить.

Довольно! развѣ досказать,
Удобный случай благо есть,
Что я, когда начну писать —
Перестаю и спать и ѣсть...

Не то, чтобъ ощутилъ я страхъ,
Когда усѣлись на мѣстахъ
И судьи и народъ честной,
Интересующійся мной,
И приготовился читать
Тотъ, чье призванье — обвинять;
Но живо вспомнилъ я тогда
Счастливой юности года,
Когда придешь бывало въ классъ
И знаешь: съчъ начнуть сейчасъ!

Толпа затихла, начался
Докладъ — и длился два часа...

Я въ дѣлѣ собственномъ моемъ,
Конечно, не судья; но въ томъ,
Что обвинитель мой читалъ,
Свсей статьи я не узналъ.
Такъ пахарь былъ бы удивленъ,
Когда бы рожъ посѣялъ онъ,
А уродилось бы зерно
Ни рожъ, ни греча, ни пшено,
Ячмень колючій — и притомъ
На половину съ дурманомъ!
О, прокуроръ! ты не статью,
Ты душу вывернулъ мою!
Слагая образы мои,
Я только голосу любви
И строгой истинѣ внималъ,
А ты такъ ясно доказалъ,
Что я законы нарушалъ!

Но гдѣ жъ не грозенъ прокуроръ?...
Смягченный властію судей,
Не такъ былъ грозенъ приговоръ:

Безъ поэтическихъ затѣй,
 Не на утесѣ вѣсвомъ,
 Гдѣ море пѣнится кругомъ
 И бьется жадною волной
 О стѣны башни крѣпостной,—
 На гауптвахтѣ городской,
 Подъ вѣчнымъ смрадомъ тютюна,
 Я мѣсяцъ высидѣлъ сполна...
 Тамъ было сыро; по угламъ
 Бѣлѣла плесень; по стѣнамъ
 Клону гуляли; въ щели рамъ
 Дулъ вѣтеръ, порошилъ снѣжокъ.
 Сиди-посиживай, дружокъ!
 Я спать ядоровъ, но сонъ былъ плохъ,
 По милости проклятыхъ блохъ.
 Другая, горшая бѣда:
 Въ мой скромный уголъ иногда
 Являлся гость: дебошъ ночной
 Свершивъ, взяцный офицеръ
 Любезной, статной, молодой
 И либеральный выше мѣръ
 День-два бесѣдовалъ со мной.
 Уйдетъ одинъ, другой придетъ
 И тѣ же басенки плететь...

Блоха — бессонница — тютюнъ —
 Усатый офицеръ болтунъ —
 Тютюнъ — бессонница — блоха, —
 Все это — мелочь, чепуха!
 Но вѣришь ли, читатель мой!
 Такъ иногда съ блохами бой
 Былъ тошень; смрадомъ тютюна
 Такъ жизнь была отравлена,
 Такъ больно клопъ меня кусалъ
 И такъ жестоко донималъ
 Чтò день, то новый либераль,
 Что я закаялся писать...
 Богъ вѣсть, увидимся ль опять!...

Эпиграфъ.

Зимой поэтъ молчалъ упорно,
Зимой писать охоты нѣтъ,
Но вотъ дохнула благотворно
Весна — не выдержалъ поэтъ!
Вновь пишешь онъ, призванью вѣренъ.
Пиши, но будь благонамѣренъ!
И не рискуй опять попасть
На гауптвахту или въ часть!

Н. Некрасовъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

НОВОЕ ВРЕМЯ И СТАРЫЕ БОГИ.

(ДѢМЪ, ПОВѢСТЬ Г. ТУРГЕНЕВА. МОСКВА, 1867 Г.)

I.

Въ 30-ые и 40-ые годы изъ нашей критикѣ безусловно царствовали идеи Шеллинга и Гегеля. Шеллингъ, основывая свою философію на тождествѣ субъективнаго и объективнаго, духа и матеріи, считалъ искусство высшею дѣятельностью человѣка, дѣятельностью, въ которой проявляется полное тождество духа и матеріи. Это тождество проявляется какъ въ самомъ актѣ творчества, который, будучи сознательнымъ актомъ воли поэта, есть въ то же время бессознательный актъ вдохновенія, такъ и въ самомъ продуктѣ творчества, въ произведеніяхъ искусства, которые представляютъ тождество идеи художника и мертвой, матеріальной формы, въ которую воплощена эта идея. Гегель, усматривая въ каждомъ процессѣ развитія три періода развитія идеи, считаетъ художественное творчество первымъ періодомъ въ развитіи индивидуальнаго разума: художественное творчество, по его мнѣнію, есть непосредственное созерцаніе безусловной идеи въ объективной дѣйствительности.

Въ свѣту этихъ идей многіе изъ нашихъ критиковъ до сихъ поръ еще смотрятъ на поэтовъ, какъ на пророковъ, думаютъ, что когда поэтъ овладѣетъ вдохновеніемъ, онъ способенъ открывать міры, бессознательно пронизать въ неизмѣримую глубину людскихъ сердецъ и въ такіе непроницаемые тайники жизни, которые не только недоступны обыкновеннымъ смертнымъ, недоступны даже и самому поэту, когда онъ паруетъ съ друзьями, неокрѣпленный вдохновеніемъ. Исходя изъ такой идеи, многіе просвѣщенные читатели до сихъ поръ еще ищутъ въ поэтиче-

ских произведеніяхъ разрѣшенія всѣхъ вопросовъ жизни. Подобнымъ просвѣщеннымъ читателямъ угождаютъ столь же просвѣщенные критики, которые анализируютъ жизнь исключительно на основаніи поэтическихъ произведеній писателей, пользующихся заранѣе опредѣленнымъ и неоспоримымъ авторитетомъ. Если авторитетный поэтъ смѣется надъ какимъ нибудь явленіемъ жизни, и критики сейчасъ же начинаютъ смѣяться; если поэтъ плачетъ, и критики заливаются слезами, не задавая нисколько мыслию, дѣйствительно ли достойно смѣха то, что осмѣиваетъ поэтъ, и стоять ли слезъ то, что поэтъ оплакиваетъ. Въ то же время, приступая къ разбору какого нибудь произведенія, просвѣщенные критики задаются глубокомысленнымъ вопросомъ: не скрыты ли въ произведеніи писателя какіе нибудь непроницаемые тайны жизни, мудрыя задачи сфинкса, которыя слѣдуетъ критику открыть и повѣдать. Такіе задачи и тайны всегда находятся, и, надо замѣтить, находятся всегда такіе, какихъ именно нужно критикамъ.

Но въявіе духа новаго времени быстро уноситъ эти вѣрованія мистическихъ критиковъ въ поэтическую непогрѣшимость. Нынѣ даже самые упорные изъ нихъ, и тѣ перестаютъ безусловно полагаться на поэтическое чутье таланта и таинственное ясновидѣніе вдохновенія, опираются на непосредственное созерцаніе поэтами безусловной идеи въ объективной дѣйствительности только до тѣхъ поръ, пока это непосредственное созерцаніе соотвѣтствуетъ ихъ личнымъ идеямъ, ласкаетъ ихъ собственныя фантазіи; а чуть поэтическое чутье чужихъ или поэтовъ не оправдываетъ ихъ ожиданій, они возмущаются и, какъ диваны, свѣютъ кумиры, неисполняшіе ихъ моленій. Это показываетъ ясно, что безвозвратно миновало то время, когда смотрѣли на талантъ, какъ на нѣчто непогрѣшимое, а если талантъ погрѣшалъ, то приписывали погрѣшность паденію таланта. Нынѣ стало очевидно для всѣхъ, что талантъ, нисколько не падал, оставаясь во всей своей силѣ, можетъ погрѣшать на каждомъ шагу, можетъ идти по совершенно ложной дорогѣ. Что такое поэтическій талантъ? Это есть сила, исходящая изъ того простого свойства нашей природы, что каждое воспринятое нами впечатлѣніе мы спѣшимъ отразить въ соотвѣтствующихъ движеніяхъ, звукахъ, словахъ, цѣлыхъ рѣчахъ и дѣйствіяхъ. Каждое слово нашего языка есть своего рода поэтическое произведеніе, каждая наша ужимка, каждое размахиванье руки съ цѣлію придать рѣчи большую живость и картинность — есть своего рода поэтическій образъ, художественная метафора.

Различіе между обыкновеннымъ человекомъ и поэтомъ лежатъ не въ томъ, что поэтъ имѣетъ совершенно особенный даръ, которымъ обижень простой смертный, а только въ степени этого дара, общаго всѣмъ людямъ; степень же поэтическаго дара зависитъ прежде всего отъ того закона человѣческой природы, что тѣмъ сильнѣе впечатлѣніе, тѣмъ страстнѣе и богаче отра-

женіе его. Подъ вліяніемъ сильнаго впечатлѣнія самый сухой человѣкъ можетъ сдѣлаться на время поэтомъ; различіе между обыкновеннымъ человѣкомъ и поэтомъ заключается только въ томъ, что поэты чаще обыкновенныхъ людей испытываютъ сильныя впечатлѣнія, потому что на нихъ производятъ сильныя впечатлѣнія такія явленія жизни, которыя на людей обыкновенныхъ не производятъ никакого впечатлѣнія. Но, кромѣ впечатлительности, художественный талантъ зависитъ отъ навыка отражать впечатлѣнія такъ или иначе: художникъ, пишущій прекрасныя картины, не можетъ часто связать двухъ словъ; и это не потому, чтобы у него не было поэтическаго таланта, а потому, что съ дѣтства у него образовался навыкъ отражать овыя впечатлѣнія въ писанія картинъ, а не въ писанія поэмы или пьесы. Каждый человѣкъ съ сильною впечатлительностью можетъ сдѣлаться и общественнымъ дѣятелемъ, и ученымъ, и поэтомъ, и художникомъ, и музыкантомъ, а чѣмъ онъ сдѣлается — это зависитъ оттого, въ какую сторону чаще всего обстоятельства жизни будутъ направлять отраженіе впечатлѣній. Этимъ только и можно объяснить тотъ загадочный фактъ, почему въ революціонныя вѣка является поэтовъ гораздо менѣе, чѣмъ въ вѣка суроваго деспотизма, которые въ исторіи называются часто золотыми вѣками литературы; Америка же не произвела до сихъ поръ ни одного такого гениальнаго поэта, какіе встрѣчаются въ Европѣ. Это происходитъ не оттого, чтобы въ вѣка деспотизма случаевъ рожденія поэтическихъ гениевъ было болѣе, чѣмъ въ вѣка революціонныя; людей, способныхъ сдѣлаться поэтами, во всѣ вѣка рождается достаточно: но въ вѣка революціонныя люди находятъ гораздо болѣе просторъ для отраженія своихъ впечатлѣній, чѣмъ въ вѣка деспотическіе: когда дѣятельность человѣка со всѣхъ сторонъ стѣснена, тогда у него являются единственнымъ резервуаромъ для отраженія впечатлѣній слова, краски, музыкальныя звуки; тогда все вниманіе людей сосредоточивается на искусствахъ; общество живетъ, такъ-сказать, поэтическими произведеніями, картинами, сценою; тогда талантливые люди всѣ силы и все время начинаютъ сосредоточивать на художественномъ творествѣ, и создаютъ такія произведенія, которыхъ они навѣрное не создали бы, еслибы жизнь имѣла широкій просторъ, и еслибы половина силъ, а не то и всѣ силы талантливыхъ людей устремлялись на арену общественной дѣятельности. Но, кромѣ личнаго навыка, обусловливаемаго направленіемъ дѣятельности, для поэта еще въ болѣе степеніи необходимъ традиціонный навыкъ: какъ бы ни былъ силенъ поэтический талантъ поэта, никакое вдохновеніе не поможетъ ему создать какія либо изящныя произведенія, если онъ не имѣетъ за собою цѣлыхъ вѣковъ, въ которые мало-по-малу поколѣніемъ за поколѣніемъ выработывалась возможность подобныхъ произведеній. Дикари вдохновлялись явленіями природы и жизни не менѣе нашего, но они ничего не могли создать, кромѣ безобразныхъ

кривляній, дикихъ воплей и взвизгиваній, и курносыхъ болвановъ, и нужны были дѣлае вѣка, чтобы люди постепенно дошли до созданія Апполона Бельведерскаго. Поэтому весьма жалко заблуждаются тѣ эстетики, которые приписываютъ разныя великія произведенія искусства исключительно генію художниковъ; надъ такими произведеніями, какъ статуи Фидіаса или трагедіи Софокла, работали цѣлыя поколѣнія; личному же генію художника принадлежитъ обыкновенно одинъ послѣдній шагъ, за который онъ и признается геніемъ.

Итакъ, мы видимъ, что для появленія въ свѣтъ поэтическаго произведенія необходимы двѣ силы: 1) сила впечатлительности (вдохновеніе) и традиціонный навыкъ (властѣніе формою). Безъ этихъ двухъ элементовъ невозможно созданіе поэтическихъ произведеній, но довольно ли этихъ двухъ элементовъ? Еслибы было довольно, въ такомъ случаѣ теоріи Шеллинга и Гегеля были бы совершенно вѣрны: въ стремленіи поэта отразить въ своемъ произведеніи впечатлѣнія живой дѣйствительности мы могли бы видѣть и бессознательно-сознательную творческую дѣятельность и непосредственное созерцаніе идеи въ живой дѣйствительности. Но все это было бы вѣрно только въ такомъ случаѣ, еслибы непосредственныя впечатлѣнія поэтовъ были бы въ то же время полныя и вѣрныя впечатлѣнія, то-есть еслибы предметы отражались въ фантазіи художника со всѣхъ сторонъ въ ихъ истинномъ видѣ; этого-то въ дѣйствительности мы и не видимъ: въ дѣйствительности мы видимъ, что впечатлѣнія въ данную минуту бываютъ всегда односторонни: предметъ производитъ на насъ впечатлѣніе много двумя-тремя своими рѣзко-выдающимися чертами, и очень часто это впечатлѣніе бываетъ совершенно ложно вслѣдствіе разныхъ причинъ, лежащихъ въ предметѣ или въ насъ самихъ: предположимъ, что поэтъ, вѣршій въ свою геніальность и непогрѣшимость, встрѣчается съ господиномъ, незнающимъ его, и этотъ господинъ начинаетъ въ присутствіи поэта отзываться дурно о его произведеніяхъ, говорить, что его произведенія приторно-сентиментальны, односторонни, отстали, что тогда производить? Господинъ, такъ дурно отзывающійся о поэтѣ, можетъ быть въ дѣйствительности очень почтенный человѣкъ; надо было бы ожидать, что онъ произведетъ пріятное впечатлѣніе на поэта, но навѣрное можно сказать, что онъ произведетъ на поэта впечатлѣніе самое дурное; поэтъ не замедлитъ увидѣть въ этомъ господинѣ и тупость, и наглость, и отсутствіе гуманности, и въ воображеніи поэта создастся представленіе о господинѣ самое искаженное, совершенно не соответствующее дѣйствительности. Если такихъ господъ представится много и всѣ они будутъ отзываться о произведеніяхъ поэта равно дурно, тогда въ воображеніи поэта составитъ цѣльный типъ этихъ господъ и этотъ типъ будетъ заключать въ себѣ столько же художественной правды, сколько въ представленіи поэта объ отдѣльномъ такомъ господинѣ... Случай подоб-

наго искаженія истины, вслѣдствіе ложныхъ впечатлѣній, могутъ быть разнообразны до безконечности, и мы бы совершенно потеряли всякій критерій истины, еслибы вздумали опираться на такую неопредѣленную, шаткую вещь, какъ непосредственность художественнаго созерцанія дѣйствительности. Для того, чтобъ художественные образы были вѣрны дѣйствительности, необходимо, чтобъ художникъ отъ каждаго предмета воспринималъ цѣлую массу разнородныхъ впечатлѣній, необходимо, чтобъ онъ разсмотрѣлъ предметъ со всѣхъ сторонъ, разсмотрѣлъ его въ связи съ другими предметами, проникъ въ сущность предмета, въ его причину и слѣдствіе; но сдѣлать все это, значить, другими словами, подвергнуть предметъ анализу, изучить его. Но тутъ мы выходимъ уже изъ области чисто художественной и вступаемъ въ иную область — въ область науки... Анализировать предметы, изучать ихъ — дѣло ученаго, и если для поэта тоже необходима эта дѣятельность, то и поэтъ прежде всего долженъ быть ученымъ. Да, онъ долженъ быть ученымъ; онъ можетъ творить непосредственно, но, въ такомъ случаѣ, онъ не въ состояніи ручаться за художественную правду своихъ произведеній; единственный путь, которымъ открывается истина, есть умственный анализъ, составленіе общихъ выводовъ изъ частныхъ впечатлѣній путемъ опытовъ, наблюдений и умозаключеній; эта дѣятельность стоитъ во главѣ всѣхъ прочихъ дѣятельностей человѣка: если *A* дурной человѣкъ, то все равно, какъ бы ни отразилось это сознаніе: отразится ли оно въ томъ, что вы напишете поэтическое произведеніе, въ которомъ изобразите *A* дурнымъ человѣкомъ, или напишете ученое разсужденіе о томъ, почему являются такіе дурные люди, какъ *A*, или обличите *A* съ трибуны, или позаботитесь другими средствами уничтожить его дурное вліаніе — все это будетъ не что иное, какъ различныя формы дѣятельности, вытекшія изъ одного источника: изъ сознанія, что *A* дурной человѣкъ; а это сознаніе можетъ образоваться не иначе въ насъ, какъ путемъ опытовъ, наблюдений, умозаключеній, т. е. научнымъ путемъ, и чѣмъ основательнѣе были эти опыты, наблюденія и умозаключенія, тѣмъ основательнѣе будетъ и дѣйствіе; дѣйствуя же непосредственно вслѣдствіе субъективныхъ впечатлѣній, вы всегда рискуете впасть въ недобросовѣстность и ложь.

Если на каждое поэтическое произведеніе мы должны смотрѣть какъ на продуктъ работы мысли, какъ на своего рода ученый трудъ, то и критика должна стоять къ поэтическому произведенію въ такихъ же отношеніяхъ, какъ къ ученому труду. Смѣшонъ былъ бы естествоиспытатель, еслибы онъ къ своему ученому труду написалъ бы такое предисловіе: я не знаю, вѣрна ли теорія Дарвина, не знаю, изъ какихъ наблюдений или опытовъ она истекла, самъ я этихъ опытовъ не дѣлалъ и Дарвина не провѣрялъ, но Дарвинъ такой великій геній, что мы можемъ вполне положиться на него и вѣрить ему безусловно; давайте

же изслѣдовать фактъ на основаніи теоріи Дарвина. Мы могли бы назвать такого господина популяризаторомъ или компиляторомъ Дарвина, но смѣшно было бы назвать такого господина критикомъ его теоріи. Но таковъ же критикъ, который изслѣдуетъ жизнь на основаніи поэтическихъ произведеній, слѣпо довѣряя автору этихъ произведеній. Прежде чѣмъ дозволить себѣ такой трудъ, критикъ долженъ поступить совершенно наоборотъ: онъ долженъ изслѣдовать поэтическое произведеніе на основаніи фактовъ жизни; онъ долженъ провѣрить умозаключенія, къ которымъ пришелъ поэтъ; если эти умозаключенія невѣрны, онъ долженъ логически и фактически ясно раскрыть эту невѣрность, опредѣлить, почему произошла такая невѣрность, и если возможно исправить ее и показать, какъ нужно смотрѣть на тѣ факты, которые представляются писателю въ искаженномъ видѣ.

Вотъ основанія, которымъ я постараюсь строго слѣдовать при анализѣ новой повѣсти г. Тургенева «Дымъ». Таки основанія тѣмъ болѣе необходимы, что повѣсть г. Тургенева, какъ сейчасъ увидитъ читатель, имѣетъ весьма серьезную задачу. Эта серьезная задача повѣсти получаетъ еще болѣе вѣсу, если принять во вниманіе, что г. Тургеневъ человекъ молодой, много испытавшій, много извѣдавшій въ жизни; если молодой, начинающій писатель ошибается, то ошибки его могутъ происходить изъ той причины, что въ основаніи его выводовъ лежатъ мало фактовъ; всѣ такъ обыкновенно и думаютъ про молодыхъ писателей, а потому молодымъ писателямъ и вѣрять только наполовину, чаще и совсѣмъ не вѣрять: «куда тебѣ, говорить, учить насъ, ты еще молокососъ...» Другое дѣло писатель-ветеранъ: съ каждымъ новымъ произведеніемъ его предполагается за нимъ болѣе опытности, болѣе зрѣлости; является невольная вѣра въ основательность сужденій такого ветерана; вслѣдствіе этой вѣры, если ветеранъ, несмотря на свою многолѣтнюю опытность, ошибается, ошибки приносятъ гораздо болѣе вреда, чѣмъ ошибки молодого, начинающаго писателя. Показать, какія смѣшныя умственныя антрша могутъ выдѣлываться ветераны, несмотря на то, что головы ихъ убѣлены почтенными сѣдинами, значить разрушить весьма важную иллюзію. Это очень полезно и поучительно.

II.

Прежде всего мы обратимъ вниманіе читателя на основное умозаключеніе, къ которому приходитъ авторъ анализомъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ повѣсти. Это основное умозаключеніе тѣмъ важно, что оно касается всей русской жизни. Вотъ какъ строится это умозаключеніе: прежде всего писатель расуетъ передъ нами цѣлый рядъ пустыхъ и тщеславныхъ флистеровъ, которые убиваютъ время и силы въ Вадентъ-Вадентъ; тутъ вы видите и князя Юго, который въ Парижѣ, въ салонѣ принцессы Матильды, въ

присутствіи императора, такъ хорошо сказалъ: «Madame, le principe de la propriété est profondément ébranlé en Russie», и графа X, несравненнаго дилетанта, глубокую музыкальную натуру, который такъ божественно «сказываетъ» романсы, а въ сущности двухъ нотъ разобрать не можетъ, не тыкая вкось и вверивъ указательнымъ пальцемъ по клавишамъ, и поетъ не то, какъ плохой цыганъ, не то какъ парижскій куаферъ, и барона Z, который «мастеръ на всѣ руки, и литераторъ, и администраторъ, и ораторъ, и шулеръ», и князя J, который «другъ религін и народа, составившій себѣ во время оно, въ блаженную эпоху откупа, громадное состояніе продажей сивухи, подмѣшанной дурманомъ, и многихъ другихъ; всѣ эти личности проматываютъ за рулеткой отцовское состояніе, бездѣльничаютъ и скучаютъ. Плохи? спрашиваетъ васъ авторъ.

— А вотъ вамъ русскіе радикалы, продолжаетъ авторъ; вотъ вамъ Губаревъ, глава кружка, человекъ «наружности почтенной и немного глуховатой, лобастый, глазастый, губастый, бородастый, съ широкой шеей, съ косвеннымъ, внизъ устремленнымъ взглядомъ... Онъ и славянофилъ, и демократъ, и социалистъ, и все, что угодно, а имѣвшимъ его управлялъ, и теперь еще управляетъ братъ, хозяинъ въ старомъ вкусѣ, изъ тѣхъ, что давтистами величали!» Вотъ вамъ Ворошиловъ — ординарецъ, присланный къ наукѣ и цивилизаціи, бывшій кадетъ, записанный на золотую доску и трагующій о разныхъ ученыхъ и общественныхъ вопросахъ тономъ кадета, сдающаго экзаменъ. Вотъ вамъ Суханчикова, пискившимъ голосомъ кумушки-сплетницы разсказывающая небывалые ужасы объ аристократахъ. Вотъ вамъ Вамбаевъ, сколокъ съ грибоѣдовскаго Репетилова. Всѣ эти люди спорятъ о будущности Россіи и пьютъ пиво, пьютъ пиво и сплетничаютъ и думаютъ, что они дѣлаютъ какое-то дѣло. Хороши они? спрашиваетъ васъ г. Тургеневъ.

А вотъ вамъ тишъ російскаго Гамлета, вотъ вамъ Цотугинъ, который всю жизнь таялъ служебную лямку подъ начальствомъ дядюшки-самодура, учился терпѣнію, наконецъ вышелъ въ отставку, озлобился на все и на всѣхъ, бьетъ баблужи, нападая то на славянофиловъ, то на радикаловъ, то на художниковъ, и занимается отъ нечего дѣлать складываньемъ слова ци-ви-ли-за-ція. Г. Тургеневъ хотя и сочувствуетъ этому господину, вкладываетъ въ его уста свои собственные мысли, но повидимому не оказываетъ къ нему большаго уваженія, называя его заброшеннымъ, бѣднымъ, жолчнымъ, добрымъ чудакомъ.

Наконецъ, заключаетъ г. Тургеневъ, вотъ вамъ одинъ изъ лучшихъ представителей русскаго общества—Литвиновъ. Онъ не тратитъ по пустому время, какъ вся прочая баденская публика, а занимается честнымъ трудомъ на общую пользу:

«Онъ понималъ, что имѣніе его матери, плохо и вяло управляемое его одряхлѣвшимъ отцомъ, не давало и десятой доли тѣхъ доходовъ, которые могло-бы давать, и что въ опытныхъ,

знающихъ рукахъ оно превратилось бы въ золотое дно; но онъ также понималъ, что именно опыта и знанія ему не доставало — и онъ отправился за границу учиться агрономіи и технологіи, учиться съ азбуки. Четыре года слишкомъ провелъ онъ въ Мемленбургѣ, въ Силезіи, въ Карлсруэ, ѣздилъ въ Бельгію, въ Англію, трудился добросовѣстно, приобрѣлъ познанія: не легко они ему давались, но онъ выдержалъ искусь до конца, и вотъ теперь, увѣренный въ самомъ себѣ, въ своей будущности, въ пользѣ, которую принесетъ землякамъ, пожалуй даже всему краю, онъ собирается возвратиться на родину».

Онъ нетолько не увлекается спорами о будущности Россіи въ родѣ Губарева и его кружка, но находитъ, что въ Россіи рано имѣть какія-бы то ни было политическія убѣжденія. Онъ никому не уступаетъ, ни передъ кѣмъ не кланяется и неподкупная честность его доходитъ до такой степени, что онъ отказывается отъ любви, когда любимая женщина предлагаетъ ему безчестный путь для осуществленія этой любви.

Но въ концѣ концовъ оказывается, что и этотъ лучшій представитель русскаго общества не выдерживаетъ самой слабой критики. Г. Тургеневъ, несмотря на все свое сочувствіе и уваженіе, которыя онъ питаетъ къ своему герою, не можетъ не замѣтить въ то же время несостоятельности его... Изъ этого сознанія вытекаетъ естественный выводъ, служащій заключеніемъ всего силлогизма. Если Литвиновъ лучше всѣхъ прочихъ представителей русской жизни, выведенныхъ въ повѣсти, и если этотъ Литвиновъ никуда не годится, то естественно, что и все русское общество никуда не годится. Это сознаніе г. Тургеневъ высказываетъ во многихъ мѣстахъ своей повѣсти, преимущественно въ рѣчахъ Потугина, но рельефнѣе всего оно выступаетъ въ устахъ самаго героя повѣсти.

«Дымъ, дымъ, повторилъ онъ нѣсколько разъ; и все вдругъ показалось ему дымомъ, все, собственная жизнь, русская жизнь — все людское, особенно все русское. Все дымъ и паръ, думалъ онъ; все какъ будто безпрестанно мѣняется, всюду новые образы, явленія бѣгутъ за явленіями, а въ сущности все то же да то же, все торопится, спѣшитъ куда-то и все исчезаетъ безслѣдно, ничего не достигая; другой вѣтеръ подулъ — и бросилось все въ противоположную сторону, и тамъ опять та же безустанная, тревожная — и ненужная игра. Вспомнилось ему многое, что съ громомъ и трескомъ совершалось на его глазахъ въ послѣдніе годы... дымъ, шепталъ онъ, дымъ; вспомнились горячіе споры, толп и крики у Губарева, у другихъ, высоко и низко поставленныхъ, передовыхъ и отсталыхъ, старыхъ и молодыхъ людей... дымъ, повторялъ онъ, дымъ и паръ; вспомнилса, наконецъ, и знаменитый пивнигъ, вспомнились и другія сужденія и рѣчи другихъ государственныхъ людей — и даже все то, что повѣдывалъ Потугинъ... дымъ, дымъ и больше ничего. А соб-

ственные стремленья и чувства, и попытки, и мечтанья?» Онъ только рукой махнулъ.

Вотъ въ какомъ умозаключеніи привелъ г. Тургенева анализъ русской жизни. Подобное сознание, проведенное по всей повѣсти, послужившее даже заглавіемъ ея, производитъ странное впечатлѣніе; такое впечатлѣніе выносится изъ зрѣлища мрачной агоніи или сумасшедшаго дома... Вы читаете и недоумѣваете, что это дѣлается съ писателемъ: емѣется онъ надъ вами и такъ-только гримасничаетъ, или, и въ самомъ дѣлѣ, онъ дожилъ до такого мрачнаго сознанія... Но вѣдь съ подобнымъ сознаніемъ шутить нельзя. Подобное сознаніе доводило честныхъ римлянъ до самоубійства... Дойти до такого сознанія можно только въ двухъ случаяхъ: или когда человѣкъ среди всеобщаго разложенія и совершеннаго вырожденія общества, въ которомъ живетъ, сохранилъ нравственную и физическую свѣжесть и здоровье, или наоборотъ, когда человѣкъ среди общества молодого, полнаго свѣжихъ силъ и жизни, утратилъ личную энергію отъ какихъ-нибудь обстоятельствъ, самъ лично выродился, износился и свое безсиліе, свое постыдное малодушіе перенесъ на всѣхъ на томъ основаніи, что на людяхъ смерть красна.

Надо глубоко вдуматься и изслѣдовать причины подобнаго условнаго отрицанія... Дѣйствительно ли русское общество представляетъ племя изжившее, выродившееся, ни на что неспособное, и передовымъ людямъ его, сохранившимъ энергію, остается только скорбѣть и вопить при видѣ всеобщаго разложенія, какъ скорбѣлъ и вопилъ когда-то Тацитъ, или наоборотъ — русскому племени, молодому и сильному, представляется долгое и великое существованіе, явятся новыя поколѣнія съ новыми силами, разовьются могучая и богатая жизнь, а на долю писателя, непостижимаго выставить на всеобщее посмѣшище свое личное безсиліе и малодушіе — останется стыдъ и позоръ передъ своими соотечественниками. Наконецъ, если русское общество вовсе не заслуживаетъ разочарованія въ немъ со стороны писателя, въ чемъ же заключается причина такого отношенія къ нему г. Тургенева? Заключается ли она въ разныхъ обстоятельствахъ личной жизни писателя, обстоятельствахъ, небасающихся критики? Въ такомъ случаѣ критика, поставивши свой приговоръ, что писатель боленъ нравственно или физически, должна остановиться и не идти далѣе. Или, можетъ быть, разочарованіе г. Тургенева происходитъ изъ той причины, что среда, окружающая г. Тургенева, дѣйствительно, выродившаяся среда; сама-по себѣ эта среда можетъ быть не что иное, какъ скорлупка на ядрѣ русской жизни, но г. Тургеневъ такъ сжился съ этою средою, что привыкъ принимать ее за средоточіе всего русскаго и такимъ образомъ эта среда, въ которой онъ живетъ, составляетъ ширмы, застилающія отъ г. Тургенева отрадные явленія русской жизни; въ такомъ случаѣ остается пожалѣть за логику человѣка, который,

увидя во рту соеѣда большой зубъ, сообразилъ, что все прочіе члены соеѣда поражены. Критика должна опредѣлить все это.

III.

Не болѣе, какъ 200 лѣтъ тому назадъ Россія представляла изъ себя страну совершенно варварскую, полудикую. Замкнутый въ себя народъ упорно чуждался всякаго общенія съ иностранцами, всякаго нововведенія. Вслѣдствіе этого въ странѣ не было заведено самыхъ первыхъ и самыхъ необходимыхъ удобствъ жизни: хорошихъ дорогъ, почтъ и дилижансовъ. По допотопнымъ дорогамъ, проведеннымъ еще со времени норманской торговли, путешествовали люди, вооруженные съ ногъ до головы, ежеминутно опасаясь какого-либо нападенія. Лѣса и овраги были наполнены разбойничьями шайками. Восточныя и южныя окраины царства постоянно терѣли отъ нападенія татарскихъ ордъ. Помѣщики, окруженные многочисленною дворнею, какъ вассалами, чинили судъ и расправу надъ своею дворнею безапелляціонно, заѣвали кошками даже мелкопомѣстныхъ дворянъ, охотились, пьянствовали и нерѣдко выходили со своею дворнею на большую дорогу грабить проѣзжіе обозы съ товарами; случалось, что на такую поживу выѣзжали и помѣщичьи и дѣлались славными матушками-атаманьшами. При такихъ условіяхъ жизни не только по дорогамъ было ѣздить небезопасно, но и въ домахъ нужно было имѣть оружіе наготовѣ, потому что разбойничьи шайки врвались подчасъ въ селенія, грабили и цѣлые города. Одиачный, запуганный людъ, безразлично смѣшивая свои стародавнія языческія преданія съ догматами христіанской религіи, во всемъ видѣлъ чудеса и чары, каждую болѣзнь и несчастье объяснялъ алхими наговорами, для cadaго шага въ жизни имѣлъ сотни всякаго рода примѣтъ, жегъ и бросалъ въ воду колдунювъ, колдуній и еретиковъ, и въ каждомъ небесномъ явленіи читалъ грядущее бѣдствіе: моръ, голодъ или войну. Въ судахъ господствовали безапелляціонная неправда и ужасающія пытки. Женщины, какъ на Востокѣ, сидѣли запертыя въ теремахъ, а мужчины находили единственное развлеченіе въ пьянствѣ и дикой охотѣ. Единственными общественными увеселеніями были кулачные бои, да хороводы, которые водились въ установленные издревле языческіе праздники не только по селамъ, но и по уличамъ городовъ. Про такой народъ нельзя было сказать въ то время, что онъ выродился, изжилъ; напротивъ того, очевидно было, что онъ и не начиналъ еще жить гасящею жизнью. Затѣмъ исторія представляетъ намъ 200 лѣтъ медленнаго перехода отъ мрака къ свѣту, отъ варварства къ кой-какой цивилизаціи. Этотъ переходъ совершался и теперь еще совершается посредствомъ сближенія нашего съ народами Западной Европы. На первый взглядъ исторія послѣднихъ 200 лѣтъ можетъ показаться дѣйствительно какою-то хаосомъ,

безпорядочнымъ шатаньемъ отъ одного ученія къ другому, безцѣльною ломкою и переломкою... Но если мы взглянемъ въ эту исторію внимательно, мы увидимъ весьма стройный и послѣдовательный ходъ развитія сознанія русской мысли. Первое увлеченіе западною цивилизаціею было, очевидно, слѣпое увлеченіе дикарей, впервые вышедшихъ изъ мрака и увидѣвшихъ свѣтъ... Для того, чтобы усвоить тѣ идеи, которыя развивались въ то время на Западѣ, необходима была нѣкоторая подготовка къ нимъ; но этой-то подготовки у нашихъ предковъ именно и не было. Наши предки, путешествовавшіе по Европѣ вмѣстѣ съ Петромъ, и не подозревали объ этихъ идеяхъ. Первое, что бросилось имъ въ глаза, были разныя внѣшнія явленія западной жизни: механическій, строго размѣренный, неизмѣнно-дѣйствующій строй разныхъ государственныхъ машинъ, гнидость которыхъ трудно было разчухать дикарямъ, но наружный блескъ и стройность не могли не поразить ихъ; красиво вооруженныя и красиво марширующія арміи, громадные флоты на моряхъ, а на сушѣ удобныя дороги, почты, великолѣпныя гостиницы, блескъ и роскошь придворныхъ баловъ, любезность дамъ, свободно-являющихся въ общество и занимающихъ въ немъ первое мѣсто. Все это сейчасъ же начало пересаживаться на русскую почву съ полною энергіею свѣжихъ силъ и съ полнымъ невѣжествомъ варваровъ. Наши предки того времени, одѣваясь въ нѣмецкіе и французскіе камзолы и являясь на доморощенные ассамблеи блистать домашнимъ французскимъ языкомъ, очень были похожи на тѣхъ древнихъ германцевъ, которые любили украшать свои тѣла римскими тогами и корчить изъ себя римлянъ. Германцы увлеклись римскою идеею абсолютизма, безъ которой очень удобно могли обойтись; нѣтъ ничего удивительнаго, что Петръ пересадилъ на нашу почву нѣмецкую бюрократію.

Первая реакція противъ такого безсознательнаго увлеченія одними внѣшними формами европейской жизни, началась со времени Екатерины. Тогда впервые явилось сознаніе, что одного увлеченія внѣшними формами мало, что жизнь должна быть основана не на однихъ формахъ, а на прочныхъ нравственныхъ и общественныхъ началахъ — эта новая мысль сказалась во всемъ: въ «Наказѣ» Екатерины, въ комедіяхъ Фонвизина, въ сатирахъ Новикова. Общественная сатира временъ Екатерины представляется намъ очень жалкою и бѣдною, если мы приложимъ къ ней требованія нашего времени: она не касается коренныхъ общественныхъ золъ и преслѣдуетъ только внѣшнія язвы, каковы: взяточничество, казнокрадство, дурное обращеніе съ крестьянами, съ семьею и пр. Но не въ этомъ караніи внѣшнихъ язвъ заключается значеніе ея для своего времени; въ этомъ — ея ничтожество; значеніе же ея заключается въ проведеніи новаго въ то время сознанія, что истинное образованіе заключается въ усвоеніи тѣхъ или другихъ началъ нравственныхъ и общественныхъ, а не въ пустомъ внѣшнемъ обезьянствѣ. Преслѣдо-

ваніе фрагтовъ и модницъ въ настоящее время представляется какою-то износившеюся пошlostью, давно уже всѣмъ пріѣвшеюся; но не таково оно было во времена Фонвизина и Новикова. Не надо забывать, что русская мысль до Петра-Великаго была преисполнена такого грубаго фетишизма, что обстричь бороду и промѣнять длиннополный кафтанъ на короткій нѣмецкій камзолъ представлялось неслыханною ересью. Люди, которые рѣшались на это, были великими прогресистами своего времени. Для прогресистокъ нашего времени смѣшны тѣ барыни, которыя являлись на асамблею съ громадными, напудренными куафирами, мушками на лицѣ, съ вѣерами въ рукахъ и въ фижамахъ. Но для своего времени эти барыни были прогресистками, не менѣе рѣшительными по своему отношенію къ преданіямъ старины, чѣмъ и нѣкоторыя изъ нашихъ современницъ. Сначала отъ нихъ отплевывались, какъ отъ дочерей грѣха, исчадія антихриста, отчаянныхъ блудницъ, измѣнившихъ благочестивой затворнической жизни своихъ матерей; потомъ ихъ терпѣли, какъ необходимое зло; а еще позже начали смотрѣть на нихъ, какъ на свѣтила прогреса, какъ на образцы образованности, и всѣ бросились подражать имъ. Наконецъ время ихъ прошло; онѣ сдѣлали свое дѣло: въ царствованіе Елисаветы по всей Россіи уже водворились европейскіе костюмы и европейское общежитіе, не было уже и вопроса о томъ, прилично ли совѣтаться женщинѣ въ обществе; не было и рѣчи о томъ, не вреступаетъ ли прачетескій законъ православія тотъ, кто куритъ табакъ, танцуетъ, говоритъ пофранцузски и ѣздитъ за границу. Тогда пришло время сбить съ пьедесталовъ мнимыя свѣтила прогреса, которымъ всѣ подражали, показать, что эти петиметры и модницы, которые находили образованіе единственно въ блестящихъ нарядахъ по послѣдней модѣ, ловкихъ расшаркиваныхъ и необузданномъ волокитствѣ—вовсе не свѣтила прогреса, что истинная образованность заключается въ усвоеніи разныхъ прочныхъ началъ общественныхъ, нравственныхъ, а не въ одномъ подражаніи внѣшнимъ формамъ европейской жизни. Если мы будемъ съ этой точки зрѣнія смотрѣть на общественную сатиру временъ Екваторины, мы поймемъ тогда всю важность ея для своего времени; сатира Новикова и Фонвизина вызвана была развитіемъ новаго сознанія въ обществѣ; она открываетъ собою новую эпоху развитія общества. Этой эпохѣ мы посвятимъ особенно тщательное разсмотрѣніе, потому что она примыкаетъ тѣсно къ нашему времени и отражается всецѣло на произведеніи г. Тургенева, разбираемомъ нами.

Если мы обратимъ вниманіе на послѣдніе годы царствованія Елисаветы и потѣмъ, пробѣжавши быстро 100 лѣтъ, перенесемъ въ годамъ крымской войны, намъ покажется, что общество наше много пережило впродолженіе пяти царствованій: сколько сдѣлано пріобрѣтеній новыхъ земель, сколько построено новыхъ городовъ, дорогъ, мостовъ, зданій; повсюду устроены почты и те-

леграфы, повсюду заведены школы, больницы; общественные нравы въ то же время значительно смягчились: уничтожены пытки и смертная казнь; дворянамъ дарована вольность; мало-по-малу вывелись мрачные, звѣрскіе типы помѣщиковъ, въ родѣ дѣдушки Багрова, Куралесова или Троекурова; самое звѣрство приняло мягкія, гуманныя, отчасти даже нѣжный характеръ: вмѣсто вышупленныхъ отъ гнѣва очей, пѣны у рта и громового голоса, заставлявшаго трепетать всю усадьбу, крестьяне слушали нѣжныя, маниловскія увѣщанія и ласковое призываніе, высѣчь на конюшнѣ для примѣра другихъ и для собственнаго исправленія.

Но если мы взглянемъ глубже и внимательнѣе въ ходъ развитія русской жизни вирожденіе всего этого столѣтія, мы будемъ поражены какою-то странною, непонятною съ перваго взгляда непронизительностью всей этой эпохи... Начиная съ Екатерины II и кончая крымской войною, передовые умы въ литературѣ и государственной жизни постоянно носились съ тѣмъ сознаніемъ, что жизнь должна быть основана на прочныхъ, нравственныхъ и общественныхъ началахъ, но изъ этого сознанія не выходило прочныхъ, фундаментальныхъ реформъ.

Эта крайняя нерѣшительность и инерція въ правительственныхъ сферахъ обуславливалась общимъ состояніемъ образованныхъ слоевъ общества, въ которыхъ не замѣчалось ни малѣйшаго признака той живой, двигающей силы, которая могла бы увлечь за собою правительственныя сферы.—Образованные слои общества во все это время раздѣлились на два лагеря: одни искали прочныхъ началъ жизни въ допетровской Руси, въ преданіяхъ священноі старины; это были такъ-называемые мистики въ царствованіе Екатерины и Александра I; впоследствии они явились въ видѣ славянофиловъ; другіе увлекались французскою литературою XVIII вѣка и началами, выработанными французскою революціею; это были скептики и вольтеріанцы, изъ которыхъ потомъ выработались западники... Несмотря на взаимный антагонизмъ между скептиками и мистиками, между славянофилами и западниками мы видимъ много въ нихъ общаго: большинство нашихъ доморожденныхъ скептиковъ были въ сущности такіе же рутинеры и консерваторы, какъ и мистики: они увлекались тѣми или другими готовыми, модными идеями совершенно такъ же, какъ предки ихъ увлекались западными костюмами и дебоширствомъ, т.-е. какъ предметомъ блестящаго щегольства и пріятной забавы для препровожденія времени.—На Западѣ эти самыя идеи были выработаны вѣками тяжельхъ притѣсненій и страданій. Люди видѣли въ этихъ идеяхъ единственное свое спасеніе, единственный исходъ жизни и смерти. У насъ же этими самими идеями увлекались люди, которые въ осуществленіи этихъ идей въ жизни не только не могли видѣть какого-либо улучшенія своего благосостоянія, а напротивъ того видѣли дѣлныи радъ лишеній: осуществить либеральныя идеи значило лишиться тысячи душъ крестьянъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ

комфорта и блеска. Могли ли эти люди искренно и прочно увлекаться подобными идеями?... Если они и увлекались, то это было ничто иное, как шалость игривой молодости, которая любит пройтись по дощечкѣ через пропасть или пошататься въ бурю на лодкѣ. Подъ старость наши доморощенные снѣптыя обыкновенно отрезвлялись и закидывали зорь въ спасательной гавани мистицизма. Если и встрѣчалось нѣсколько людей упругихъ въ своихъ убѣжденіяхъ и пытавшихся провести ихъ въ жизнь, то эти люди стояли совершенно одиноко; ихъ считали жалкими безумцами и отъ нихъ трижды отрекались люди ихъ же лагеря. Посмотрите на большинство передовыхъ людей этой эпохи: возьмите Державина, Фонвизина, Пушкина, и во всѣхъ этихъ людяхъ вы увидите одно и то же явленіе: сначала они болѣе или менѣе либеральничаютъ, а потомъ начинаютъ оплакивать заблужденія молодости и замалчивать грѣхи; это явленіе очень понятно: человѣкъ не можетъ находиться долго въ разладѣ съ своими убѣжденіями; если онъ не въ силѣ переработать жизнь сообразно своимъ убѣжденіямъ, то навѣрное можно сказать, что раньше или позже онъ поступитъ наоборотъ: онъ измѣнитъ убѣжденія сообразно съ жизнью. Но никогда еще люди не находились въ такомъ поразительномъ разладѣ словъ и дѣлъ, какъ именно въ эту эпоху. Солидно резонерствующіе Правдинъ и Стародумъ, желчныя пессимисты Чацкіе, разочарованные жизнью Онѣгинъ и Печоринъ, наконецъ маниловскіи-гуманные и философствующіе Лавредкие — всѣ они, какъ ни были красивы, ловки, умны, великодушны, какъ ни горячо стояли они за честность и правду въ изящныхъ салонахъ, особенно въ присутствіи дамъ, все это не мѣшало имъ пользоваться выгодами своего положенія и на заднихъ дворахъ обдѣлывать этикомолку разнымъ дряннымъ и грязнымъ дѣлшамъ въ духѣ Стегунова, Пѣночника и коми. Могли ли эти люди представить въ жизни что-нибудь кромѣ безобразнаго шатавья отъ одного увлеченія къ другому? могли ли они выработать какія-нибудь прочныя прогрессивныя идеи, когда мажѣйшій прогрессъ былъ убыточенъ для ихъ благосостоянія, когда единственнымъ выгоднымъ для нихъ политическимъ убѣжденіемъ было неизмѣнное *statu quo*? естественно, что пройдя сивозъ разнымъ увлеченія молодости, они, въ зрѣлые лѣта, только и могли додумываться, что до этого *statu quo*.

Неужели же во все это время не было людей, для которыхъ осуществленіе прогрессивныхъ идей, выработанныхъ западною цивилизаціею, было не только не убыточно, а напротивъ того полезно, не только полезно, а необходимо. Для такихъ людей, если они были, прогрессивныя идеи не могли служить однимъ пріятнымъ шекотаніемъ мозга и праздною забавою; напротивъ, который сегодня можно надѣть, а завтра бросить... Такие люди были, и много было такихъ людей. Но, къ сожалѣнію, идеи, которые были полезны для этихъ людей, были чужды имъ. Откуда было этимъ людямъ взять эти идеи? Додуматься до нихъ самимъ? Но для этого потребны цѣлые вѣка. Занятствовать ихъ

съ Запада? Но какими путемъ? Эти люди не имѣли средствъ, чтобы путешествовать за границею, выписывать иностранныя книги. Эти люди проводили дни, а иногда и ночи, пригвожденные къ какому-нибудь сухому, ваторжному, неблагоприятному труду, едва обеспечивающему ихъ существованіе. Единственныя книжки, которыя были у этихъ людей подъ руками, это были разныя произведенія въ то время еще юной російской литературы. Но что могли они извлечь изъ этихъ книжекъ? Русская литература была въ то время въ рукахъ того образованнаго слоя общества, который въ книжкахъ не искалъ ничего кромѣ пріятнаго развлеченія, и русская литература усердно исполняла то, чего отъ нея требовали: она убаюкивала и нѣжила своими художественными формами, которыя вырабатывались съ каждымъ поколѣніемъ болѣе и болѣе, пока не дошли до своего апогея подъ перомъ Пушкина и Лермонтова; но въ то же время она не представляла никакихъ глубинъ и здоровыхъ идей, которыя развивали и двигали бы общество; съ положительной стороны она ограничивалась изображеніемъ идеаловъ въ видѣ свѣтскихъ ловеласовъ, прикрывавшихъ подъ маской мнимой разочарованности прошлое волокитство и черствое безчеловѣчіе; а съ отрицательной стороны она продолжала неизмѣнно со времени новиковскихъ журналовъ карать франтовъ и модницъ, и ограничивалась этимъ.

При такихъ условіяхъ массѣ бѣдныхъ, честныхъ труженниковъ только и оставалось, что заучивать наизусть стихи Пушкина, увлекаться повѣстями Марлинскаго, плакать, смотря на драмы Полеваго, и довольствоваться идеями, завѣщанными издревле со временъ Никола и Домостроя. А еще ниже, тамъ и не подозревали даже, что существуетъ кака-либо русская литература, имѣющая претензію на народное или, какъ тогда выражались, національное значеніе.

Но уже въ 40-ые годы жизнь начинаетъ нѣсколько проясняться: на кафедрахъ университетовъ начинаютъ появляться профессора въ родѣ Грановскаго, Кудрявцева, дѣятельность которыхъ не ограничивается уже преподаваніемъ схоластической учености; отвлеченной отъ жизни; они проводятъ идеи, которыя невольно возбуждаютъ къ анализу окружающей среды; они имѣютъ своими слушателями не такихъ только людей, которые слушаютъ ихъ лекціи ради пріятнаго щебетанія мозга, но и такихъ, которые пришли слушать ихъ, можетъ быть, изъ-за тридцать земель пѣшкомъ; для такихъ слушателей идеи, проводимыя любимыми профессорами, были не минутными увлеченіями молодости, безъ которыхъ можно обойтись, а вопросами жизни и смерти. Въ то же время литература мало по малу перестаетъ ограничиваться одною работою изысканыхъ формъ ради пріятной услады въ часы досуга. Подъ мощнымъ перомъ Гоголя и Бѣлинскаго она начинаетъ анализировать русскую жизнь, начинаетъ разрѣшать разныя нравственныя и общественныя вопросы. Та среда, для кото-

рой, какъ я выше сказалъ, самое выгодное въ жизни ни о чемъ не думать и пребывать въ сладкомъ *fagiente*, отнеслась и къ Гоголю и къ Вѣлинскому такъ же, какъ прежде она относилась ко всему печатному: новыя литературныя дѣятели послужили для этой среды новымъ орудіемъ пріятнаго щекотанья мозга; забывши Пушкина и Полеваго, увлекшись Гоголемъ и Вѣлинскимъ, эта среда осталась все тою же, неподвижною средою... Но подѣ влияніемъ новыхъ дѣятелей литературы начала образовываться иная среда: это среда тѣхъ бѣдныхъ, честныхъ тружениковъ, о которыхъ мы выше говорили.

До 40-хъ годовъ эти люди, какъ я уже сказалъ, пребывали въ темномъ невѣжествѣ, не находя здоровой пищи для своего развитія ни въ литературѣ, ни въ наукѣ; съ этого же времени, подѣ влияніемъ Гоголя, Вѣлинскаго, Грановскаго и Кудрявцева, эта среда начинаетъ быстро развиваться, возрастать, пока, въ концѣ 59-хъ годовъ, она не овладѣваетъ общественнымъ мнѣніемъ. Къ этому періоду 40-хъ годовъ относится и начало дѣятельности г. Тургенева. Подѣ влияніемъ Гоголя и Вѣлинскаго, и г. Тургеневъ въ своихъ «Запискахъ Охотника» послужилъ тѣмъ идеямъ и тѣмъ общественнымъ вопросамъ, которые въ то время подымались въ обществѣ. Очень можетъ быть, что и на тотъ великій общественный вопросъ, который г. Тургеневъ затронулъ въ «Запискахъ Охотника», онъ смотритъ въ настоящее время, какъ на дымъ и паръ и никому ненужную кучу; но надо думать, что не такъ смотрѣлъ на этотъ вопросъ г. Тургеневъ, когда писалъ свои «Записки Охотника», и тѣмъ болѣе не такъ смотрѣли на него тѣ изъ его читателей, которые во всѣхъ общественныхъ вопросахъ видятъ вопросы жизни и смерти, а не праздную забаву отъ нечего дѣлать.

Наконецъ, настало время, въ которое мертвый застой и убійственный разладъ между дѣломъ и словомъ сдѣлались невыносимыми долѣе... Тогда правительство увидѣло необходимость приступить къ тѣмъ радикальнымъ реформамъ, о которыхъ до того времени только мечтали, не рѣшаясь сдѣлать ни шагу... Въѣстѣ съ этими реформами русское общество вступаетъ въ новый періодъ развитія, періодъ, рѣзко отличающійся отъ всего пережитаго прежде. Мы переживаемъ такой переворотъ, который въ жизни русскаго народа имѣетъ неизмѣримо большее значеніе, чѣмъ всѣ реформы Петра-Великаго. Сблизивши насъ съ Европою и заимствовавши разныя внѣшнія формы европейской жизни, Петръ-Великій не коснулся существенныхъ основъ русской жизни, и эти основы остались неизмѣнными до самаго послѣдняго времени, хотя нѣкоторыя изъ нихъ и прикрывались иностранными названіями. Нынѣ же дѣло касается именно этихъ основъ жизни: такія три реформы, какъ освобожденіе крестьянъ, открытіе гласныхъ судовъ и учрежденіе земства, уже нельзя назвать ничтожною игрою на словахъ и топотнею на одномъ мѣстѣ. Эти реформы вызвали къ полити-

ческой жизни цѣльи массы... Если до крымской войны люди могли существовать, не имѣя никакихъ политическихъ убѣжденій и политическихъ убѣжденій казались какою-то лишнею роскошью, прихотью отъ нечего дѣлать, то теперь имѣть тѣ или другія политическія убѣжденія сдѣлалось существенною необходимостью именно вслѣдствіе этихъ реформъ. Когда, напримѣръ, рѣшался роковой вопросъ, освободить крестьянъ съ землею или безъ земли, и этотъ вопросъ раздѣлилъ общество на два лагеря, рѣшеніе этого вопроса такъ или иначе было не пустымъ мечтаніемъ о будущности Россіи: для людей всѣхъ сословій и состояній, для всей земли это былъ вопросъ, отъ разрѣшенія котораго зависѣли такъ или иначе существенные интересы каждаго. Не менѣе существеннымъ представляется вопросъ о классическомъ и реальномъ воспитаніи: устроить училища реальныя или классическія, иначе сказать, значить рѣшить вопросъ, какіе люди нужны для общества: полезные труженники, которые могли бы прилагать свои знанія на пользу земледѣвца, или ловкіе денди, которые блистали бы въ обществѣ, пересыпая разговоръ латинскими пословицами и щеголяя нѣкому ненужною ученостью. Что такое значить стоять за освобожденіе крестьянъ съ землею или безъ земли, за реальныя или классическія гимназій, какъ не имѣть тѣ или другія политическія убѣжденія? неужели же эти всѣ вопросы ничтожныи дымъ и паръ? неужели высшая степень благоразумія заключается въ томъ, чтобы твердить: въ Россіи рано имѣть какія-либо политическія убѣжденія, и махать на все рукой: освободите, молъ, крестьянъ, какъ хотите, съ землею, или безъ земли; заводите гимназій классическія, реальныя, пожалуй, хоть идеальныя... намъ все равно, мы лучше поѣдемъ въ Ваденъ и займемся наблюденіемъ надъ нашими либеральными соотечественниками.

Рѣзкость переворота, который мы переживаемъ, сказывается во всемъ, даже въ мелочахъ жизни; надо быть совершенно слѣпымъ, чтобы этого не видѣть. Пренія половѣнія были люди по преимуществу словъ, люди развѣдающей рефлексіи и безплоднаго анализа; прежде чѣмъ рѣшиться на какой нибудь шагъ, они пускались въ самыя хитрыя и тонкія размышленія дѣлать этотъ шагъ или не дѣлать, и какъ его дѣлать, и хорошо ли будетъ, если его сдѣлать, а не лучше ли погодить. На эти размышленія тратились обыкновенно все время и вся энергія, такъ что на самый шагъ не хватало уже человѣка. Нынѣ совершенно наоборотъ: горячка дѣла до такой степени овладѣла нынѣшнимъ поколѣніемъ, что оно часто впадаетъ въ противоположную крайность, живеть заднимъ умомъ, то-есть рѣшается на тѣ или другіе шаги, очерта голову, прежде чѣмъ обдумаетъ эти шаги: многія ошибки, неудачи и промахи послѣдняго времени нельзя иначе объяснить, какъ именно излишнею поспѣшностью поскорѣе осуществитъ задуманное, не трата времени на размышленія.

Въ то время, какъ правительство своими реформами положило

первые начатки политическаго развитія Россіи, въ это самое время литература не сдѣлала сложа руки. Если мы оставимъ въ сторонѣ все то, что было написано по поводу тѣхъ или другихъ насущныхъ вопросовъ современной жизни, на томъ основаніи, что не пришло еще время безпристрастно обсуживать значеніе нашей журнальной публицистики послѣдняго десятилѣтія, если мы коснемся самаго скромнаго отдѣла литературы — переводческой дѣятельности, то и тутъ мы будемъ поражены плодovitостью нашего времени. До крымской войны на русскій языкъ переводились исключительно почти одни романы — Жоржъ-Зандъ, Дюма и Сю, Теккерел. И вотъ не болѣе какъ въ 10 лѣтъ образовалась цѣлая литература переводныхъ сочиненій по всѣмъ отраслямъ знаній. Перевести сочиненія такихъ великихъ столповъ европейскаго знанія, какъ Бюкль, Мильт, Дреперъ, Льюисъ, Спенсеръ, Шюссеръ, Гервиндусъ, Маколей, Дарвинъ, Фохтъ, Льюисъ, Вундтъ и пр. значить составить эпоху. Это значить иными словами — сдѣлать доступными великія идеи западной образованности — для той среды труженниковъ, которая не имѣетъ возможности ни путешествовать за границую, ни выписывать иностранныхъ книгъ. Этими не только расширяется масса образованныхъ людей, но образованность пересаживается на истинную свою почву, то-есть въ тотъ слой общества, гдѣ эта образованность является не излишнею роскошью, не красивымъ нарядомъ, а насущною потребностью. И этимъ самымъ вызывается къ жизни и великой дѣятельности этотъ слой общества.

IV.

Изъ этого самаго бѣлаго и поверхностнаго очерка двухъ эпохъ читатель можетъ вывести весьма странное заключеніе для произведенія г. Тургенева. Я не знаю, какое впечатлѣніе производила повѣсть г. Тургенева на читателя, но когда я читалъ эту повѣсть, мнѣ постоянно казалось, что я читаю талантливую повѣсть, написанную 30 лѣтъ назадъ. Въ самомъ дѣлѣ, будь произведеніе г. Тургенева написано 30 лѣтъ назадъ или изображая оно эпоху того времени, въ такомъ случаѣ г. Тургеневъ былъ бы совершенно правъ: дѣйствительно, все, что тогда говоралось, писалось, дѣлалось, было пустыимъ дымомъ, безобразнымъ шатаньемъ отъ Якова къ Сидору, подъ которымъ скрывалось все одно и то же, то-есть, все тѣ же неизмѣнныя формы жизни, завѣщанныя допетровскою старинною: то же вѣрственное право, тѣ же бюрократическіе суды, тѣ же приказы, хотя и подъ иностранными названіями. Дѣйствительно, въ то время невозможны были никакія политическія убѣжденія, потому что общество того времени состояло изъ массы труженниковъ, погруженныхъ въ невежество, и горсти образованныхъ людей, для которыхъ по ихъ общественному положенію самое выгодное было не имѣть никакихъ политическихъ убѣжденій; раздѣленіе же образованнаго слоя обще-

ства на западниковъ и славянофиловъ было одною жалкою паредією на партіи, потому что западникамъ увлеченіе ихъ западными прогрессивными идеями не мѣшало быть въ жизни азіатцами, а славянофилы, какъ ни любили народъ, и какъ ни желали сблизиться съ нимъ, а все-таки заботились прежде всего о томъ, какъ бы собрать съ этого народа побольше годовыхъ доходовъ. Но каждый читатель, хоть сколько нибудь слѣдившій за тѣмъ, что пережило общество наше въ послѣдніе 10 лѣтъ, можетъ очень хорошо судить, на сколько можетъ быть примѣнено къ нашему времени то, что такъ хорошо характеризуетъ 30-ые годы. Что же за причина, что г. Тургеневъ какъ-то странно игнорируетъ, и какъ будто совершенно не видитъ, что дѣлается передъ его глазами? Что за причина, что г. Тургеневъ въ своей повѣсти «Дымъ» представляется намъ словно какъ будто заснувшимъ въ одинъ ненастный вечеръ 1837, 8 или 9 года, внезапно проснувшимся въ 1867 году и наввно думающимъ, что общество наше живетъ все такою же жизнію, какою оно жило въ тотъ ненастный вечеръ, когда г. Тургеневъ заснулъ. Въ просонкахъ г. Тургеневъ забылъ даже и о «Запискахъ Охотника», въ которыхъ онъ заплатилъ дань 40-мъ годамъ. Это весьма любопытный патологическій фактъ. Для объясненія его мы обратимся опять къ тому сядлогизму, на которомъ строить г. Тургеневъ свою повѣсть. Я попрошу читателя припомнить, что несостоятельность современнаго общества г. Тургеневъ выводитъ изъ того, что одинъ изъ лучшихъ представителей русской жизни — Литвиновъ оказывается несостоятельнымъ. Попробуемъ разобратъ этого Литвинова внимательнѣе, дѣйствительно ли онъ лучшій представитель нашей жизни, не ошибается ли г. Тургеневъ въ своемъ героѣ.

Для того, чтобы судить о томъ, принадлежать ли Литвиновъ къ числу лучшихъ людей нашего общества, необходимо имѣть масштабъ, по которому можно было бы измѣрить достоинства Литвинова. Каковъ же долженъ быть этотъ масштабъ? Надо признаться, что до сихъ поръ при вопросѣ о положительныхъ типахъ и хорошихъ людяхъ, употребляется у насъ масштабъ исключительно количественный. Насъ заставляли поклоняться такимъ типамъ, какъ Евгений Онегинъ или Печоринъ единственно потому, что это, такъ-называемыя, сильныя натуры, люди выше другихъ головою.

Г. Тургеневъ въ своемъ романѣ «Наканунѣ» руководствуется тоже исключительно количественнымъ масштабомъ. Выставляя въ лицѣ Инсарова освободителя Болгаріи, то-есть типъ въ родѣ Гарибальди, Вашингтона или Вильгельма-Телля, г. Тургеневъ сѣтуетъ, что въ Россіи нѣтъ хорошихъ людей, единственно потому, что онъ въ нашемъ обществѣ не встрѣчалъ ни одной личности, которая хоть сколько-нибудь подходила къ Инсарову. Но сѣтовать на то, зачѣмъ мы всѣ не Инсаровы, такъ же нелѣпо, какъ и горевать, зачѣмъ мы всѣ не великаны, зачѣмъ Гарибальди въ Италіи только въ одномъ экземплярѣ, а всѣ итальянцы не Гарибальди.

Измѣреніе людей однимъ количественнымъ масштабомъ ни къ чему не можетъ повести, какъ только къ бесплодному отчаянію и разочарованію; живой примѣръ такого разочарованія представляетъ намъ романтизмъ, который, ища повсюду великихъ душъ и избранныхъ натуръ, доискался наконецъ до того, что потерялъ всякую вѣру въ людей. Количественный масштабъ достался намъ по наслѣдству отъ романтизма — и до сихъ поръ еще на каждомъ шагу онъ употребляется въ литературѣ и въ жизни. До сихъ поръ еще у насъ въ ходу выраженія, въ родѣ: сильная натура, неужинный человекъ, личность, возвышающаяся надъ посредственностью. Если мы примемъ иной, качественный масштабъ, тогда всѣ эти выраженія покажутся весьма несостоятельными для опредѣленія истинныхъ достоинствъ людей: истинныя достоинства людей зависать не отъ количества силъ, а отъ качества ихъ, то-есть отъ того, куда и какъ направлены эти силы. Что толку, что Печоринъ заключалъ въ себѣ необъятныя силы, если эти силы всѣ были употреблены на разсѣяніе зла и себѣ и людямъ, если, куда ни являлся Печоринъ, вездѣ отъ его силъ страдали ближніе, и самъ онъ страдалъ больше всѣхъ ихъ? Не достойнѣе ли этого Печорина былъ послѣдній разнощикъ, силъ котораго хватало только на то, чтобы выкрикивать свой товаръ и разносить его, кому нужно. При качественномъ масштабѣ, мы должны будемъ исключить изъ числа хорошихъ людей половину тѣхъ сильныхъ, но дрянныхъ натуръ, которымъ поклонялся романтизмъ, которымъ и теперь еще многіе поклоняются по старой рутинѣ; съ другой стороны, мы должны будемъ включить въ число хорошихъ людей множество честныхъ, добрыхъ и полезныхъ тружениковъ, хотя бы они и не отличались никакими особенными силами, ни физическими, ни умственными.

Качественный масштабъ тѣмъ хорошъ, что онъ приложимъ ко всѣмъ людямъ безъ исключенія, что онъ не предполагаетъ необходимости имѣть титаническія силы для того, чтобы быть хорошимъ человекомъ; онъ находитъ человека въ слабомъ, безпомощномъ, загнанномъ и забитомъ труженикѣ, и караетъ мерзавца, какъ бы ни былъ этотъ мерзавецъ красивъ, уменъ и энергиченъ.

Для опредѣленія качественного масштаба, по которому мы будемъ опѣивать Литвинова, я попрошу читателя перечитать или припомнить біографіи людей въ родѣ Ломоносова, Новикова, Кулибина, Мартынова, Вѣлинскаго, Добролюбова и многихъ другихъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ личностей. Я обращаю вниманіе читателя на этихъ людей вовсе не потому, что они возвышались надъ толпою и были гениальнѣе другихъ. Я попрошу читателя забыть на время это. Я буду обращать вниманіе на качественную сторону ихъ натуры, а не на количественную; я хочу показать, что эта качественная сторона и была главною причиною всего того добра, которое они привнесли людямъ, и не обладая они этою качественною стороною, они были бы способны привести одно зло, и это

зло было бы тѣмъ бѣльшаго размѣра, чѣмъ громаднѣе были ихъ силы. Что же касается до качественной стороны ихъ натуры, которую я буду разбирать, то этою качественною стороною они стоятъ нисколько не выше многихъ Ивановъ Ивановичей и Петровъ Петровичей, моихъ пріятелей и твоихъ пріятелей, читатель, которые не попали въ исторію потому, что не обладаютъ достаточнымъ количествомъ силъ для этого, по которымъ тѣмъ не менѣе очень почтенные люди, и ничѣмъ не хуже Ломоносова, или Бѣлинскаго. Я бы могъ обойтись и безъ историческихъ личностей, а взять одного изъ своихъ знакомыхъ и описать его, для сравненія съ Литвиновымъ; но въ такомъ случаѣ я рискую, что ты, читатель, не повѣришь мнѣ, подумаешь, что я выдумалъ этого знакомаго изъ своей головы, чтобы обморочить тебя; возьмемъ же, коли такъ, общихъ знакомыхъ, каковы Ломоносовъ, Новиковъ и проч.

Прежде всего мы видимъ, что всѣ эти люди были весьма усидчивые и усердные труженики, небросавшіе своего труда до гробовой доски. До сихъ поръ у насъ сохраняются самыя стародавнія взгляды на трудъ, такіе же древніе, какъ и самыя слова, выражающія это понятіе. Слова: *трудъ*, *работа*; составились, очевидно, въ то время, когда не было свободнаго труда, а былъ одинъ принудительный трудъ, рабство. И до сихъ поръ еще, подъ трудомъ разумѣется что-то такое, къ чему человѣкъ принуждается или другимъ человекомъ, или необходимостью, или, наконецъ, силою воли надъ самимъ собою. По этому древнему взгляду, трудъ противопоставляется наслажденію, а человѣкъ, принимающійся за трудъ, когда онъ можетъ гулять или лежать на диванѣ, предполагается непременно обладающимъ сильною волею. Очевидно, что если трудъ есть нѣчто такое, къ чему человѣкъ не чувствуетъ естественнаго влеченія, то необходима огромная сила воли, чтобы заставить себя сдѣлать то, къ чему не принуждаютъ ни власть, ни нужда. Такой взглядъ поддерживается ненормальнымъ распределеніемъ труда, при которомъ, дѣйствительно, большинство людей принуждены бывать тратить весь запасъ воли на принужденіе себя къ труду, къ которому не имѣютъ ни малѣйшаго влеченія.

Совершенно не таковы были люди, о которыхъ мы говоримъ. Тѣ біографы, которые, удивляясь ихъ упорству въ трудѣ, ставятъ въ образецъ колоссальную силу воли этихъ людей, совершенно не понимаютъ ихъ: то, въ чемъ эти біографы видятъ мнимую силу воли, было вовсе не сила воли, а двѣ страсти, которыя владѣли этими людьми. Первая страсть, которая побуждала этихъ людей къ труду, была горячая, глубокая, доходящая до энтузіазма любовь къ родинѣ. Это была не та слѣпая, дикая любовь разныхъ врасныхъ патріотовъ, которые не видятъ въ своей землѣ ничего, кромѣ безусловныхъ совершенствъ, выходить изъ себя, если кто-нибудь замѣтитъ хотя одну мрачную трещину на предметъ ихъ любви, и для которыхъ совершенно достаточно, если родина ихъ достигаетъ наружнаго величія и блеска, хотя бы подъ этимъ блескомъ скрывалась внутренняя гниль.

Подъ любовью къ родинѣ эти люди разумѣли страстное желаніе блага своимъ соотечественникамъ, желаніе всеобщаго счастья и довольства... И это не было какое-нибудь надуманное желаніе, вычитанное изъ хорошихъ книжекъ, мертвый принципъ, подъ которымъ такъ часто скрывается черствый эгоизмъ и холодное высокобріе, соединенное съ брюзгливостью. Это была страсть, которая заставила Ломоносова воскликнуть на смертномъ одрѣ: «я умираю и на смерть гляжу равнодушно; жалѣю о томъ только, чего не успѣлъ совершить для пользы наукъ, для славы отечества и академіи нашей. Къ сожалѣнію вижу, что блага мои намѣренія исчезнуть вмѣстѣ со мною». Какія же это были намѣренія?... Ломоносовъ прежде всего страстно желалъ распространенія просвѣщенія по всей массѣ народа, чтобы могли изъ народа выйти многочисленные Ломоносовы. Вся его академическая дѣятельность была направлена къ этому... Это не было сухое, отвлеченное занятіе кабинетнаго книжника, глухаго и слѣпаго ко всему, что дѣлается внѣ стѣнъ его кабинета; это была тревожная, полная борьбы пропаганда распространенія просвѣщенія въ Россіи. «Чтожь до меня надлежитъ — писалъ Ломоносовъ къ Теплову—то я къ сему себя посвятилъ, чтобы до гроба моего съ неприятелями наукъ російскихъ бороться, какъ ужъ борюсь двадцать лѣтъ; стоялъ за нихъ смолода, на старость не покину»... Одной пропаганды просвѣщенія было бы совершенно достаточно, чтобы посвятить ей всю жизнь, но Ломоносовъ не могъ ограничиться ею; страстная любовь къ народу и притомъ къ народу страдающему, угнетенному, влекла его къ болѣе широкой дѣятельности. Такъ въ одномъ изъ писемъ къ Шувалову, онъ излагаетъ нѣсколько мыслей о сохраненіи и размноженіи русскаго народа и между прочимъ пишетъ слѣдующее: «Божественное дѣло и милосердія, и человеколюбивыя нашея монархини вротваго сердца, достойное дѣло избавлять подданныхъ отъ смерти, хотя бы ине по законамъ и достойны были. Сіе помянованіе есть явное и прямо зависящее отъ ея материнскія высочайшія воли и повелѣнія. Но мною есть *человѣкоубиства и еще самоубиства, народъ умалляющая, кою непосредственными указами, безъ исправленія или совершеннаго истребленія нѣкоторыхъ обычаевъ; и еще нѣкоторыхъ подъ именемъ узиконеній вкоренившихся, истребить невозможно*... И вотъ Ломоносовъ предпринимаетъ цѣлое сочиненіе, въ которомъ намѣревается изложить свои мысли: 1) о размноженіи и сохраненіи русскаго народа, 2) о истребленіи праздности, 3) о исправленіи нравовъ и большемъ народѣ просвѣщеніи, 4) о исправленіи земледѣлія, 5) о исправленіи и размноженіи ремесленныхъ дѣлъ и художествъ, 6) о лучшихъ вользахъ купечества, 7) о лучшей государственной экономіи, 8) о охраненіи военнаго искусства во время долговременнаго мира. Ломоносовъ не успѣлъ написать своего сочиненія. Мысли, изложенныя въ немъ, и предложенныя мѣры, по всей вѣроятности, были бы для настоящаго времени давно устарѣвшія, и нигде

негодныя. Но для насъ дорого въ настоящемъ случаѣ живое, страстное побужденіе къ дѣлу, безъ котораго Ломоносовъ могъ бы отлично обойтись, сладко прожить вѣкъ и все-таки прослыть за полезнаго и талантливаго дѣятеля своего вѣка. То же живое, страстное побужденіе заставляло Новикова раздавать народу даромъ хлѣбъ въ голодный годъ, и издавать книги для народнаго просвѣщенія. Неужели Новиковъ дѣлалъ все это, принуждая себя силою воли на основаніи холоднаго принципа общественной пользы? Онъ могъ бы употребить силу воли на что-нибудь другое: напримѣръ, на приращеніе своего состоянія; могъ бы такимъ образомъ прожить гораздо спокойнѣе и счастливѣе, чѣмъ прожилъ онъ, не пустить своихъ дѣтей по міру, и все-таки остаться полезнымъ дѣтелемъ своего времени. А Вѣлинскій — ну, не смѣшно ли, что онъ ухлопалъ себя преждевременно писаньемъ журнальныхъ статей, Говорятъ, что Добролюбовъ просиживалъ ночи за писаньемъ своихъ статей, и друзья насилу могли отрывать его отъ письменнаго стола, видя что ему вредно такое бдѣніе, насилу могли спровадить его за границу лечиться. Неужели такое страстное занятіе дѣломъ, доходящее до какого-то запоя, заглушающее въ человѣкѣ чувство самосохраненія, происходило изъ холоднаго принципа пользы, и механической силы воли, заставлявшей притворяться себя къ письменному столу, когда жизнь висѣла на волоскѣ?...

Другою страстью, возбуждавшею этихъ людей къ дѣятельности, была любовь къ труду, къ самому процессу его безотносительно приложенія. Жалки тѣ люди, которые вносятъ въ жизнь одни холодные принципы, не оживляя ихъ страстными влеченіями, составляющими могучій двигатель жизни. Такіе люди, додумавшись до той идеи, что слѣдуетъ трудиться на общую пользу, начинаютъ обыкновенно холодно раздумывать, какой же бы это трудъ предпринять имъ? Начать развѣ заниматься наукою? Но какую же? Исторію или ботаникою? Исторію интереснѣе; но... химію полезнѣе... Дай займусь химією... А то не заняться ли переводами, не завести ли бібліотеку?... Нѣтъ, пойду лучше въ адвокаты!... Подобная готовность заниматься, чѣмъ угодно, показываетъ неспособность ни къ чему... Химики или адвокаты сдѣлаются эти люди, все равно, они навсегда останутся жалкими рутинерами и педантами въ своемъ дѣлѣ и ихъ всегда обгонитъ человѣкъ, страстно привязанный къ тому труду, которымъ они занимаются. Страсть, влекущая къ труду, всегда перетянетъ силу воли, принуждающую человѣка къ тому же труду, какъ бы ни была велика эта сила. Страсть къ труду управляется совершенно тѣми же законами, какъ и половая любовь. Только ту любовь мы называемъ истинною, благотворною любовью, которая является свободнымъ, страстнымъ влеченіемъ. Всякаго человѣка, принуждающаго себя къ половой любви, мы называемъ проституттомъ, все равно каковы бы ни были причины такого принужденія. Очень часто

падная женщины руководствуются въ своей проституціи очень высокими цѣлями, добывая деньги своимъ тѣломъ для прокормленія семейства, которое иначе умерло бы съ голоду. Но развѣ мы назовемъ любовь, которую эти женщины расточаютъ своимъ обожателямъ, истинною любовью? развѣ мы назовемъ этихъ женщинъ счастливыми? развѣ подобная любовь не дѣйствуетъ разрушительно на этихъ несчастныхъ, сводя ихъ преждевременно въ могилу? Совершенно точно такъ же слѣдуетъ назвать проституткомъ каждаго человѣка, который занимается трудомъ по принужденію, все равно, откуда бы ни шло такое принужденіе — отъ господина, отъ нужды или отъ принципа, направляющаго силу воли. Всякій такой трудъ есть проституція, и всякій такой трудъ исчажаетъ человѣческую природу не менѣе чѣмъ и проституція половой любви. Слѣдствіемъ принужденія къ труду является отвращеніе отъ труда, побужденіе заить скуку неполненной жизни пьянствомъ или развратомъ, медленное угасаніе физическое, ступѣніе и жалкое прозябаніе подъ старость, или же сумасшествіе и смерть отъ самоубійства... Не таковъ былъ трудъ, который наполнялъ жизнь людей, разсматриваемыхъ нами: онъ не былъ для нихъ принужденіемъ, а напротивъ того, они выносили изъ него то жгучее наслажденіе, которое испытываетъ всякій человѣкъ въ минуты удовлетворенія какой-нибудь страсти: мы видѣли уже, до какого излишества доходилъ въ своемъ трудѣ Вѣлинскій — излишества, которое заставляло его пренебрегать потребностью отдыха въ такое время, когда серьезная болѣзнь угрожала ему смертію. Ломоносовъ былъ еще необузданнѣе въ своемъ трудѣ: случалось, что по цѣлымъ недѣлямъ онъ не выпускалъ изъ рукъ книгу, забывая даже обѣдать и питаясь въ это время однимъ мартовскимъ пивомъ да бутербродами. Такая страстность въ трудѣ происходила у этихъ людей изъ той причины, что трудъ ихъ не былъ надуманный, выбранный ими по произволу; онъ естественно вытекъ изъ самой ихъ жизни, которая создала въ нихъ потребность къ такому труду, а не къ другому. Для такихъ людей съ ихъ горячимъ влеченіемъ къ своему труду, немислимо было бросить разомъ свой трудъ и промѣнять его на что нибудь другое, напримѣръ, на составленіе карьеры ради увлеченія любимой женщиной. А между тѣмъ, они при всей своей страсти къ труду, не были мрачными аскетами, они не говорили, что въ жизни каждая минута должна быть посвящена труду, что человѣкъ долженъ быть глухъ ко всѣмъ прочимъ наслажденіямъ жизни, долженъ считать ихъ ниже себя. Такой надуманный ригоризмъ, сдавливающій природу человѣка въ тиски и исчажающій ее, былъ чуждъ этимъ людямъ... Какъ ни любили они свой трудъ, эта страсть не заглушала въ нихъ всѣхъ прочихъ страстей и они не были чужды разнымъ наслажденіямъ жизни: они всѣ любили и были любимы, хотя не дѣлали изъ любви содержанія всей жизни. Страсть къ труду и страсть къ любимой женщинѣ, не только не мѣшали у нихъ другъ

другу, а напротивъ того помогали одна другой: ни на кого не дѣйствуетъ такъ благотворно любовь, какъ на честнаго труженника; сознание сочувствія дѣлаетъ трудъ его еще слаще и успѣшнѣе, и ничто такъ не можетъ облегчить тяжелыхъ минутъ борьбы съ разными несправедливостями, какъ ободряющее слово и ласка любимой женщины. Но всѣ эти люди не были чужды даже и самыхъ обиденныхъ развлеченій: для Ломоносова былъ праздникъ, когда къ нему прѣзжали архангельскіе земляки и онъ пировалъ съ ними до поздней ночи; Бѣлинскій страстно любилъ играть въ преферансъ и не считалъ эту страсть недостойною себя.

Таковы были люди, стоявшіе во главѣ русскаго прогреса. Я указалъ на самыя главныя черты, показывающія въ нихъ хорошихъ людей. Но эти черты такого свойства, что онѣ нисколько не зависятъ отъ степени гениальности этихъ людей. Горячая любовь къ ближнимъ, такая же горячая любовь къ труду и простое, естественное отношеніе къ жизни безъ всякихъ натяжекъ и аффектацій — вотъ три весьма простые свойства, которыя сдѣлали этихъ людей великими; но, вѣдь эти свойства можетъ имѣть каждый человѣкъ, какъ бы ни были ничтожны его силы въ количественномъ отношеніи. Въ числѣ твоихъ знакомыхъ, читатель, по всей вѣроятности, найдется не одинъ, не два человѣка, обладающихъ такими свойствами. Бѣлинскій воспиталь поколѣніе; ты вслѣдствіе этого знаешь его, читатель... А вопъ тамъ, гдѣ нибудь на чердачкѣ, сидитъ безвѣстный переводчикъ или переводчица и строчатъ они заказную работу къ завтрашнему дню; какъ они бѣдны, просты, даже смѣшны; ничего-то въ нихъ нѣтъ особеннаго, что возвышало бы ихъ надъ толпою; нѣтъ вь нихъ отпечатка высокихъ думъ на челѣ или гордаго страданія во взорахъ; сидятъ и строчатъ переводъ и идутъ вь нихъ дни за днями такъ просто и обыкновенно, дни упорнаго труда, пересыпаемаго обиденными шутками, обиденными забавами, можетъ быть и обиденною любовью безъ романтическихъ страданій и ужасовъ... А между тѣмъ эти простые и безвѣстные труженники такіе же герои, какъ и Бѣлинскій; они тоже воспитываютъ поколѣніе въ числѣ другихъ такихъ же труженниковъ, какъ и они...

Что такіе люди есть, что ихъ много на Руси—въ этомъ никто не сомнѣвается. Не сомнѣвается также никто и въ томъ, что ихъ только можно назвать лучшими представителями русскаго общества. Посмотримъ же, принадлежитъ ли къ ихъ числу Литвиновъ, чтобы по немъ, какъ лучшемъ представителѣ нашего общества, можно было судить о несостоятельности нашей жизни вообще.

V.

Литвиновъ былъ сынъ отставнаго служака-чиновника изъ купеческаго рода, попавшаго въ помѣщики по милости жены дво-

рянки. Онъ получилъ первоначальное воспитаніе въ деревнѣ, а потомъ, по смерти матери, поступилъ въ московскій университетъ. Будучи студентомъ, онъ часто посѣщалъ князей Осининыхъ, проживавшихъ въ Москвѣ въ весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ, чуть не въ бѣдности. Здѣсь онъ сошелся впервые съ дочерью Осининыхъ Ириною, только что вышедшею изъ института.

Большинство критиковъ и рецензентовъ, большинство публики отнеслось къ Иринѣ весьма пренебрежительно, какъ къ пустой, тщеславной, безхарактерной свѣтской кокеткѣ. Она, которая такъ пламенно любила, и такъ нѣжно была любима, промѣняла свою любовь на мишурный и ложный блескъ большого свѣта. Мало того, потомъ, когда она опять встрѣтилась съ любимымъ человѣкомъ, послѣ самыхъ упойтельныхъ свиданій, она вторично промѣняла своего любовника на тотъ же самый ложный и мишурный блескъ!... Первую ея измѣну такъ и быть можно еще простить ради того, что она получила плохое и ложное образованіе, была молода и неопытна... Но во второй разъ!... О, тутъ она вполне извѣдала опытомъ, каковъ этотъ свѣтъ, въ который она устремилась, она успѣла разочароваться въ немъ совершенно, и вдругъ что же: когда милый человѣкъ зоветъ ее вкушать счастье любви подъ соломЕННОЮ крышею, она отвѣчаетъ: я не могу, я не въ силахъ; когда милый человѣкъ предлагаетъ ей мѣсто возлѣ себя въ вагонѣ, она стоитъ, какъ истуканъ!... Ей жалко бруссельскихъ бружевъ и баденскихъ пикниковъ!... Какое ужасное паденіе!...

Я очень хорошо понимаю твое добродѣтельное негодованіе, моя милая читательница. Это негодованіе происходитъ оттого, что у тебя доброе и чувствительное сердце. Мнѣ очень хотѣлось бы имѣть такое же доброе и чувствительное сердце и раздѣлять съ тобою негодованіе къ Иринѣ... Но увы, у меня злое и нечувствительное сердце; и вопреки всѣмъ добродѣтельнымъ и либеральнымъ критикамъ, я не въ силахъ сердиться на Ирину... Мало этого, я убѣжденъ, что каждая моя, хоть скольконибудь порядочная читательница, встрѣтись она въ своей жизни съ Литвиновымъ, она поступила бы навѣрное такъ же, какъ и Ирина, то-есть промѣняла бы Литвинова на какойнибудь свѣтъ. Очень можетъ быть, что это былъ бы иной свѣтъ, инаго солнца. Это былъ бы не ложный, не мишурный блескъ, а истинный, который освѣтилъ бы жизнь моей милой читательницы и показалъ бы ей хорошую дорогу; но во всякомъ случаѣ я убѣжденъ, что читательница не могла бы удовлетвориться узкою любовью Литвинова и измѣнила бы ему, хотя бы вполне была убѣждена, что лучшая добродѣтель въ жизни — любовь и вѣрность милому до гроба. Если въ чемънибудь можно похвалить Ирину, такъ это въ томъ, что она промѣняла Литвинова на мишуру, а не на чтонибудь лучшее; но посмотримъ, виновата ли она въ этомъ? Прежде всего мы попросимъ читателя

выкинуть изъ головы всю послѣдующую жизнь Ирины и представить ее себѣ такою, какова была она до встрѣчи съ Литвиновыми. Вотъ какою изображаетъ ее намъ писатель: «Это была дѣвушка высокая, стройная, съ нѣсколько впалую грудью и молодыми узкими плечами, съ рѣдкою въ ея лѣта блѣдно-матовою кожей, чистою и гладкою, какъ фарфоръ, съ густыми, бѣлокурыми волосами: ихъ темныя пряди оригинально перемежались другими свѣтлыми. Черты ея лица, изящно, почти изысканно правильныя, не вмолвъ еще утратили то простодушное выраженіе, которое свойственно первой молодости; но въ медлительныхъ наклоненіяхъ ея красивой шейки, въ улыбки не то разсѣянной, не то усталой связывалась нервическая барышня, а въ самомъ рисункѣ этихъ чуть улыбающихся тонкихъ губъ, этого небольшого орлиного, нѣсколько сжатого носа, было что-то своевольное и страстное, что-то опасное и для другихъ, и для нея. Поразительны, истинно поразительны были ея глаза изъ-черна сѣрне, съ зеленоватыми отливами, съ поволокой, длинныя, какъ у египетскихъ божествъ, съ лучистыми рѣсницами и смѣлымъ взмахомъ бровей. Странное выраженіе было у этихъ глазъ: они какъ будто глядѣли, внимательно и задумчиво глядѣли изъ какой-то невѣдомой глубины и дали. Въ институтѣ Ирина слыла за одну изъ лучшихъ ученицъ по уму и способностямъ, но съ характеромъ непостояннымъ, властолюбивымъ и съ бѣдовою головою; одна классная дама напроначала ей, что ея страсти ее погубятъ: «vos passions vous perdront»; за то другая классная дама ее преслѣдовала за холодность и безчувственность, и называла ее «une jeune fille sans coeur». Подруги Ирины находили ее гордою и скрытною, братья и сестры ее побаивались, мать ей не довѣряла, а отцу становилось неловко, когда она устремляла на него свои таинственные глаза; но и отцу и матери она внушала чувство невольнаго уваженія не въ силу своихъ качествъ, а въ силу особенныхъ, неясныхъ ожиданій, которыя она въ нихъ возбуждала, Богъ вѣдаетъ почему.

— Вотъ ты увидишь, Прасковья Давыловна; сказала однажды старый князь, зымящая чубуку изъ рта: — Аринка-то насъ еще вывезетъ.

Княгиня разсердилась и сказала мужу, что у него «des expressions insupportables», но потомъ задумалась и повторила связозъ зубы:

— Да... и хорошо бы насъ вывезти.

Ирина пользовалась почти неограниченною свободою въ родительскомъ домѣ; ее не баловали, даже немного чуждались ея, но и не прекословили ей: она только того и хотѣла, и держала себя вообще довольно странно... Бывало, при какой нибудь уже слишкомъ унижительной сценѣ: лавочникъ ли придетъ и станетъ кричать на весь дворъ, что ему ужъ надоѣло таскаться за своими же деньгами, собственные ли люди примутся въ глаза бранить своихъ господъ, что вы молъ за князья, коли сами съ голоду

въ булакъ свищете—Ирина даже бровью не пошевельнетъ и сидитъ неподвижно, со злою улыбкой на сумрачномъ лицѣ; а родителямъ ея одна эта улыбка горше всякихъ упрековъ, и чувствуютъ они себя виноватыми, безъ вины виноватыми, передъ этимъ существомъ, которому какъ будто съ самого рожденія дано было право на богатство, на роскошь, на поклоненіе...

Что видите вы въ этомъ изображеніи? Вы видите дѣвушку, одаренную богатыми силами; вы видите, что эти силы покорили все, что окружало эту дѣвушку: всё ея за что-то уважали, чего-то ждали отъ нея, и не только не смѣли превословить ея, но побавлялись ея. Далѣе вы видите, что она не могла довольствоваться узенькою, сѣренькою, мѣщанскою обстановкою своего дома... И это неудивительно: таія натуры никогда не уживались въ узенькой, замкнутой сферѣ какого-нибудь монотоннаго, однообразнаго прозябанія. Онѣ всегда стремились разбить заткнутую раковину, которая стѣсняетъ ихъ дыханіе, и вырваться на просторъ; онѣ всегда мечтали о жизни шумной и разнообразной, полной движенія и свѣта... Это такое же естественное стремленіе, какое заставляетъ ласточку дѣлать отчаянные зигзаги въ воздухѣ, или рыбу плескаться на солнышкѣ. Въ періодъ дикой жизни таія женщины бросали домашній очагъ, дѣлались удалыми полчницами и мѣрились силою съ богатырями. Таковы типъ Врунегальды и удалой жены Дунаа Ивановича. Въ среднѣе вѣка таія женщины дѣлались Юннами д'Аркъ, Маремами Посадницами или Юліаніями Лазаревскими. Когда мрачная, озлобленная Ирина глядѣла на мелкія домашнія дразги, въ ея молодой головкѣ развивалась картина иной жизни, не такой жалкой, монотонной... Какую же иную жизнь могла представлять себѣ Ирина? Не забывай, читатель, при этомъ, ту огромную разницу, какая существуетъ между количествомъ данныхъ сихъ и качествомъ ихъ. Отбрось разъ на всегда ту романтическую идею, что если человѣкъ одаренъ богатыми силами, то онъ непременно долженъ идти по хорошей дорогѣ. Этого мало, чтобъ имѣть много силъ: надо, чтобъ силы эти были хорошо направлены. Попадись Иринѣ въ это время одна хорошая книжка, которая заняла бы ея; встрѣтись съ нею одинъ хорошій человѣкъ, который могъ бы указать ей на иную жизнь, полную добра, истины и свѣта—она увлеклась бы по указанной дорогѣ съ такою же стремительностью, съ какою бросилась въ объятія свѣта. Но ни хорошей книжки, ни дѣльнаго человѣка не видела она вокругъ себя... Люди, которые окружали ея, съ самаго дѣтства постоянно напѣвали ей въ уши о прелестахъ большого свѣта и о ея правахъ принадлежать къ нему. Весьма естественно, что иная жизнь, о которой она мечтала, не могла представляться ей иначе, какъ въ видѣ жизни большого свѣта; она представляла себѣ эту жизнь полною блеска, шума и движенія; въ этой жизни, казалось ей, есть гдѣ разгуляться молодымъ силамъ, есть съ кѣмъ помѣряться, и она мечтала, какъ она сдѣлается

побѣдительницею и всѣхъ увлечь за собою. Въ это роковое для нея время предсталъ передъ нею Литвиновъ съ своею любовью. Онъ не принадлежалъ къ большому свѣту, не имѣлъ къ нему никакихъ влеченій, былъ человѣкъ иной сферы, учился въ университетѣ, мечталъ о томъ, какъ онъ будетъ трудиться съ Ириною современемъ, и даже либеральничалъ, увлекался Робеспьеромъ... Что жъ онъ, увлекъ въ свою сферу женщину, которую полюбилъ? Сдѣлалъ ли онъ, по крайней-мѣрѣ, хоть какую-нибудь попытку внушить ей болѣе правильные взгляды на жизнь? Онъ вотъ какъ велъ себя передъ нею:

«Бывало, забывъ лекціи и тетради, сидитъ онъ въ невеселой гостиниой Осининскаго дома, сидитъ и украдкой смотритъ на Ирину: сердце въ немъ медленно и горестно поетъ и давить ему грудь; а она какъ будто сердится, какъ будто скучаетъ, встанетъ, пройдетъ по комнатѣ, холодно посмотритъ на него, какъ на столъ или стулъ, пожметъ плечомъ и скреститъ руки; или въ теченіе дѣлаго вечера, даже разговаривая съ Литвиновымъ, нарочно ни разу не взглянетъ на него, какъ-бы отказывая ему и въ этой милостынѣ; или, наконецъ, возьметъ книжку и уставится въ нее, не читая, хмурится и кусаетъ губы, а не то вдругъ громко спроситъ у отца или у брата: какъ понѣмекки терпѣніе?» Пусть только читатель вообразитъ себѣ, какъ былъ смѣшонъ этотъ нѣжный, вздыхающій, молчаливый и тающій любовникъ передъ удалою полницею—и онъ вполне пойметъ, что сердило Ирину, почему она относилась къ Литвинову съ презрительною суровостью, пожимала плечами и спрашивала у отца, какъ понѣмекки терпѣніе. Случись рядомъ съ Литвиновымъ другой человѣкъ, хоть немножко живѣе и энергичнѣе, по всей вѣроятности, Литвиновъ такъ и остался бы безответнымъ, тающимъ любовникомъ, но другаго такого не было вокругъ Ирины, а между тѣмъ, молодая кровь ея жадала любви, сочувствія и вотъ она, наконецъ, полюбила Литвинова, или, по крайней-мѣрѣ, воображала, что полюбила. Что же онъ? Сдѣлалъ ли онъ хоть теперь немножко познергичнѣе, теперь, когда счастье улыбнулось ему? Задалъ ли онъ себѣ хоть разъ вопросъ: «если я хочу соединить свою судьбу съ судьбою женщины, то не мѣшаетъ подумать, какія убѣжденія и стремленія у этой женщины, согласны ли съ моими убѣжденіями, и если несогласны, то нельзя ли сдѣлать какъ-нибудь такъ, чтобы были согласны?»... Нетолько никакого подобнаго вопроса не приходило въ голову Литвинову, напротивъ того, мы видимъ, что если онъ таилъ во время безуспѣшной любви, то при успѣшной онъ окончательно расталъ.

«Ирина вполне завладѣла своимъ будущимъ женихомъ, да и онъ самъ охотно отдался ей въ руки. И жутко ему было, и сладко, и ни о чемъ онъ не думалъ, и ничего не берегъ. Размышлять о значеніи, объ обязанностяхъ супружества, о томъ, можетъ ли онъ, столь безвозвратно покоренный, быть хорошимъ

мужемъ, и какая выйдетъ изъ Ирины жена, и правильны ли отношенія между ними — онъ не могъ рѣшительно; кровь его загорѣлась, и онъ зналъ одно: идти за нею, съ нею, впередъ и безъ конца, а тамъ будь что будетъ!»...

А вѣдь у Ирины на столько было сильно чутье, что она сошла съ человѣкомъ иной сферы, что даже безъ всякихъ усилий съ его стороны, она хоть на время сдѣлалась иной женщиной: «Ирина стала вдругъ повадлива, какъ овечка, мѣлка, какъ шелкъ и безконечно добра; принялась давать уроки своимъ младшимъ сестрамъ, не на фортепiano, она не была музыкантшей, но во французскомъ языкѣ, въ англійскомъ; читала съ ними ихъ учебники, входила въ хозяйство...»

Она чуяла, хотя и очень смутно, что съ Литвиновымъ она готовится къ какой-то иной жизни, и хотя при старой закваскѣ она могла еще возмущаться иногда отсутствіемъ перчатокъ на рукахъ милаго, или своимъ бѣднымъ платьемъ, но потому она сама всеренно каялась въ своихъ выходкахъ... Подъ вліяніемъ этого смутнаго вѣянія иной жизни, она наотрѣзъ отказалась ѣхать на балъ въ благородное собраніе, когда ее начали убѣждать въ этомъ родители. Каково же должно было быть удивленіе ея, когда милый ея, во имя котораго она именно и отказалась отъ бала, съ своей стороны, началъ убѣждать ее ѣхать на балъ. Ирина пристально и внимательно посматрѣла на него, такъ пристально и внимательно, что онъ смутился и, пондравъ концами своего пояса, спокойно промолвила:

— Вы этого желаете? вы?...

Въ одномъ этомъ вопросѣ заключается вся исторія любви Ирины... Ожиданіе отъ Литвинова чего-то иного и внезапное разочарованіе въ своемъ ожиданіи...

— Да... я полагаю, отвѣчалъ съ запиской Литвиновъ. — Я согласенъ съ вашимъ батюшкой... Да и почему вамъ не поѣхать... людей посматрѣть, и себя показать, прибавилъ онъ съ короткимъ смѣхомъ...

Можетъ ли быть чтонибудь и дряннѣе, и смѣшнѣе Литвинова, въ подобномъ отвѣтѣ? Вы видите, что человѣкъ въ сущности нисколько не убѣжденъ, что Ирину слѣдуетъ ѣхать на балъ, а самъ убѣждаетъ ее ѣхать. Для чего же онъ дѣлаетъ это? Для того, чтобы угодить папенькѣ и маменькѣ? Могъ ли такой безхарактерный, дрянной человѣкъ оставаться героемъ такой дѣвушки, какова была Ирина? Немудрено, что затѣмъ послѣдовалъ такой разговоръ:

— Себя показать, медленно повторила она. — Ну, хорошо, я поѣду... Только помните, вы сами этого желали.

— То-есть, я... началъ-было Литвиновъ.

— Вы сами этого желаете, перебила она. — И вотъ еще одно условіе: вы должны мнѣ обѣщать, что васъ на этомъ балѣ не будетъ.

— Но отчего же?

— Маѣ такъ хочется.

Литвиновъ разставилъ руки.

— Покоряюсь... но признаюсь, мнѣ было бы такъ весело видѣть васъ во всемъ великолѣпіи, быть свидѣтелемъ того впечатлѣнія, которое вы непременно произведете... Какъ бы я гордился вами! прибавилъ онъ со вздохомъ.

Ирина усмѣхнулась.

— Все это великолѣпіе будетъ состоять въ бѣломъ платьѣ, а что до впечатлѣнія... Ну, словомъ, я такъ хочу.

— Ирина, ты какъ будто серддишься?

Ирина усмѣхнулась опять.

— О, нѣтъ! Я не сержусь. Только ты... Она вперила въ него свои глаза, и ему показалось, что онъ еще никогда не видалъ въ нихъ такого выраженія. — Можетъ быть, это нужно, прибавила она вполголоса.

— Но, Ирина, ты меня любишь?

— Я люблю тебя, отвѣтила она, съ почти торжественною важною, и крѣпко, помужски, пожала ему руку.

Въ этомъ разговорѣ просвѣчиваетъ полное разочарованіе Ирины въ своемъ миломъ, и вы напередъ предугадываете разрывъ. Онъ не захотѣлъ быть героемъ въ той пной сферѣ, въ какой смутно ждала отъ него Ирина геройства. Онъ оказалъ въ этой иной сферѣ поливійшую дрянность; подстрекаемый другими, онъ сталъ толкать Ирину въ тотъ міръ, куда она могла идти и безъ него, и если она не шла туда, то потому, что между ею и этимъ міромъ стоялъ Литвиновъ. Но Литвиновъ, вмѣсто того, чтобы окончательно загородить Ирину дорогу въ этотъ міръ, вздумалъ посторониться. И ужъ конечно, не ему быть героемъ ея въ этомъ мірѣ: тамъ были герои болѣе подходящіе къ аристократическому балу, чѣмъ этотъ студентикъ съ мягкою улыбкою и руками, запачканными чернилами; онъ бы ей тамъ только мѣшалъ, можетъ быть даже ставилъ ее въ смѣшное положеніе своимъ присутствіемъ; весьма естественно, что она запретила ему являться туда. И весьма естественно также, что разъ устремившись въ тотъ міръ, куда толкнулъ ее Литвиновъ, она не захотѣла возвращаться оттуда, тѣмъ болѣе что этотъ міръ былъ ей съ родни, и она подготовлена была къ нему воспитаніемъ.

Что же за причина такой дряблости и дрянности Литвинова въ отношеніяхъ его къ Ирине? Причина очень ясная и простая. Для того, чтобы увлечь Ирину въ пной міръ — міръ полезнаго труда и свѣтлыхъ идей — ему самому нужно было быть увлечену въ этотъ міръ, ему самому надо было имѣть живую и горячую страсть къ труду и къ свѣтлымъ идеямъ. Страсть можетъ быть возбуждена только страстью. Есть одно очень хорошее изреченіе изъ Фауста Гёте:

Сердце въ томъ не убѣдится,
Что не отъ сердца говорится.

Это изреченіе можетъ быть отлично примѣнено къ Литвинову. Онъ либерничалъ передъ Ириною, говорилъ ей о предстоящемъ трудѣ, но все это съ чужого голоса: самъ онъ не чувствовалъ живой страсти ни къ какимъ идеямъ, ни къ какому труду. Читатель, можетъ быть, спросить меня, на какомъ основаніи я заключаю это? На самомъ вѣрномъ основаніи: когда Литвинову не посчастливилось въ любви, онъ бросилъ университетъ и уѣхалъ къ отцу въ деревню. Этого довольно. Ну, подумай, читатель, кто не влюбился изъ насъ на студенческой скамьѣ, и кто тогда не мечталъ, что эта любовь вѣчная на всю жизнь до гробовой доски. Но по бѣльшей части эта первая юная любовь обрывалась очень скоро, и что бы это было, когда бы всѣ студенты развѣзжались со второго или третьяго курса вслѣдствіе неудачи въ любви. Мы уже не будемъ говорить здѣсь о тѣхъ студентахъ, которые поступаютъ въ университетъ съ твердымъ и непреклоннымъ намѣреніемъ кончить курсъ, потому что это для нихъ вопросъ о насущномъ хлѣбѣ. Такихъ студентамъ некогда бываетъ и думать о любовныхъ приключеніяхъ; зарываясь въ книги, они отрещиваются отъ прехвременной любви, какъ отъ дьявольскаго навожденія. Но если мы возьмемъ даже человѣка со средствами, для котораго возможно выкинуть такое колѣнцо, что взять да и выйти изъ университета изъ-за несчастной любви, то и такой студентъ не сдѣлалъ бы этого, еслибы онъ былъ живой человѣкъ, еслибы университетская наука и свѣтлыя идеи могли бы увлечь его и заставить полюбить ихъ; онъ, можетъ быть, и погрузился бы въ первое время, мѣсяць-другой ни за что бы не могъ приняться... Но разумная страсть, и которую легко удовлетворить, взяла бы подъ конецъ перевѣсъ надъ страстью неразумною, и потому разбившеюся; подобно тому, какъ разочарованная въ любви дѣвушка, съ особенною иѣжностью сосредоточиваетъ свою привязанность къ тѣмъ роднымъ и друзьямъ, которыхъ она прежде любила, такъ и юноша весь пылъ своей молодой страсти сосредоточилъ бы на книгахъ и занялся бы ими съ удвоенною энергіею. Я знаю много подобныхъ примѣровъ; я видѣлъ собственными глазами, какъ молодые люди, послѣ неудавшейся любви, дѣлали такіа чудеса и быстрые успѣхи въ своихъ трудахъ, которыхъ они вѣроятно не сдѣлали бы, еслибы жизнь ихъ текла ровно и природа ихъ не была потрясена внезапно налетѣвшею бурей. Что же касается до человѣка, въ которомъ окончательно созрѣла, укоренилась и дошла до полнаго сознанія страсть къ труду или къ какимъ нибудь идеямъ, для такого человѣка и немислимо было бы то, что случилось съ Литвиновымъ: такой человѣкъ или увлекъ бы Ирину за собой, или оставилъ бы ее на дорогѣ и ни на минуту не покинулъ бы своего труда, который дороже для него самой жизни.

А вѣдь по всей вѣроятности г. Тургеневъ въ поступкѣ Литвинова хотѣлъ изобразить героизмъ, что вотъ молъ, человѣкъ

съ какими силами: ужь если полюбить, то полюбилъ такъ сильно, что долженъ былъ оставить и университетъ и Москву, чтобы вылетѣть отъ своей страсти. А вышелъ-то вовсе не сильный человѣкъ, а какое-то дрянцо, которое не могло раздѣлаться съ любовьюшкой, когда окончательно разочаровалось въ этой страстишкѣ. Было наивное время, когда считали героями тѣхъ праздныхъ и дрянныхъ фатовъ, которые, въ отчаяніи отъ неудачной любви, уѣзжали на тотъ гибельный Кавказъ или пускались во всё тяжкія. Было время, когда сильная страсть къ женщинамъ, доводящая человека до сумашествія или до самоубійства, считалась признакомъ избранной природы. Но это время давно миновало и такія вулканическія страсти возбуждаютъ нынѣ одинъ смѣхъ. Онѣ служатъ признакомъ, что человѣкъ живетъ исключительно жизнью самца и что у него нѣтъ другихъ страстей, которыя уравновѣшивали бы половныя наклонности и не давали бы человѣку забиваться до чертиковъ. Такой человѣкъ похожъ на корабль безъ баласта и безъ руля. Онъ носится взадъ и впередъ по волнамъ, куда подуетъ вѣтеръ, и малѣйшій шквалъ можетъ перевернуть его кверху дномъ.

Будемъ слѣдить далѣе за Литвиновымъ въ его плаваніи безъ руля и безъ баласта. По пріѣздѣ въ деревню, онъ, какъ и подобаетъ праздному филистеру, невмѣющему живой страсти къ какому нибудь труду, «потолокся нѣсколько времени безъ дѣла, безъ связей, почти безъ знакомыхъ. По милости нерасположенныхъ къ нему дворянъ его уѣзда, проникнутыхъ не столько западною тебріею о вредѣ «абсентизма», сколько доморощеннымъ убѣжденіемъ, что «своя рубашка къ тѣлу ближе», онъ въ 1855 году попалъ въ ополченіе и чуть не умеръ отъ тифа въ Крыму, гдѣ, не выдавъ ни одного «союзника», простоялъ шесть мѣсяцевъ въ землянкѣ на берегу Гнилаго Моря; потомъ послужилъ по выборамъ, вонечно не безъ неприятностей, и поживъ въ деревнѣ; пристрастился къ хозяйству»... А! вотъ наконецъ является у него страсть къ труду, наконецъ-то и онъ принимается за дѣло. Вотъ онъ ѣдетъ за границу учиться агрономіи и технологіи, трудится усердно, усидчиво, съ сознаниемъ пользы, которую онъ надѣется принести всему своему краю. Вотъ наконецъ передъ нами труженникъ, о которомъ мы съ тобой, читатель, мечтали въ предыдущей главѣ, и притомъ труженникъ любящій разумною любовью, которая нисколько не мѣшаетъ его труду.

«Онъ искренно любилъ, онъ глубоко уважалъ свою молодую родственницу (Татьяну Петровну Шестову), и окончивъ свою темную, приговорительную работу, собираясь вступить на новое поприще, начать дѣйствительную, некоронную службу, предложилъ ей, какъ любимой жевщинѣ, какъ товарищу и другу, соединить свою жизнь съ его жизнью на радость и на горе, на трудъ и на отдыхъ, «for better, for worse», какъ говорятъ англичане».

Погоди, читатель, не торопись. Вотъ опять передъ нашимъ

труженикомъ выступаетъ на сцену Ирина, встрѣтившая его въ Баденъ-Баденѣ. Но это не та уже Ирина, какую мы видѣли въ началѣ повѣсти. Это уже не наивная институточка, плачущая надъ своимъ старенькимъ платьицемъ и готовая влюбиться въ перваго студента. Нѣсколько лѣтъ жизни въ большомъ свѣтѣ, жизни, полной разныхъ тревоженій и општовъ, не могли не наложить на нее своей печати. Съ одной стороны, она была слишкомъ умна, чтобы удовлетвориться пошлыми людьми, окружавшими ее, и пошлою жизнью, которою жила. Но съ другой стороны, эта пошлая жизнь успѣла всосать ее: какъ бы ни были велики силы человѣка, данныя ему отъ природы, онѣ могутъ поддерживаться и развиваться только постояннымъ упражненіемъ; такое упражненіе представляютъ силамъ человѣка трудъ и борьба во имя какихъ-нибудь идей. Ирина была избавлена и отъ того и отъ другаго. Пустая, праздная жизнь не могла не растлеть ее силъ; она привыкла къ этой жизни, привыкла къ отупляющему *fagniente*, къ пошлымъ развлеченіямъ, убивающимъ послѣднія силы, но болѣе всего къ тому растлѣвающему комфорту, при которомъ человѣку не приходится пальцемъ пошевелить, чуть что сама пища не лезаетъ ему прямо въ ротъ, да еще разжованная. Нѣтъ ничего мудренаго, что при такихъ условіяхъ изъ нея выработался одинъ изъ тѣхъ типовъ, которые были въ большомъ ходу въ тридцатые года, но которые и теперь еще встрѣчаются при извѣстныхъ условіяхъ: это типъ разочарованной и скучающей барыни, прокливающей среду, и въ то же время неспособной пошевелить пальцемъ, чтобы выбиться изъ нея. Встрѣча съ Литвиновымъ, въ которомъ продолжала она видѣть человѣка иной среды, послужила для нея новымъ и свѣжимъ впечатлѣніемъ среди монотонной скуки ее жизни. Она увлеклась Литвиновымъ не для того, чтобы промѣнить старую жизнь на новую, а для того, чтобы хоть чѣмъ-нибудь наполнить эту старую жизнь, увлеклась отъ скуки, потому что свѣтскіе довеласы и пошлые франты пріѣлись ей и ей захотѣлось испытать неизвѣданныхъ впечатлѣній; однимъ словомъ, это было то же побужденіе, изъ-за котораго нины гуачихи увлекаются вучерами съ оладистой бородой.

А что же нашъ труженикъ? Вѣдь у него теперь былъ и руль, и баластъ, и цѣль впереди; устоялъ ли онъ отъ внезапно налетѣвшаго швала? Увы, прощай и технология, и агрономія, и мечта быть полезнымъ всему краю, и Татьяна! Стояло Ирину немного пококетничать съ нимъ, для того, чтобы онъ написалъ къ ней такое письмо:

«Моя невѣста уѣхала вчера; мы съ нею никогда больше не увидимся... Я даже не знаю навѣрное, гдѣ она жить будетъ. Она унесла съ собою все, что мнѣ до сихъ поръ казалось желаннымъ и дорогимъ; всѣ мои предположенія, планы, намѣренія исчезли вмѣстѣ съ нею; самыя труды мои пропали, продолжительная работа обратилась въ ничто, всѣ мои занятія не имѣютъ

никогого смысла и примѣненія; все это умерло, мое я, мое прежнее я умерло и похоронено со вчерашнаго дня. Я это ясно чувствую, вижу, знаю... и нисколько объ этомъ не жалѣю. Не для того, чтобъ жаловаться, заговорилъ я объ этомъ съ тобою. Мнѣ ли жаловаться, когда ты меня любишь, Ирина! Я только хотѣлъ сказать тебѣ, что изъ всего этого мертваго прошедшаго, изъ всѣхъ этихъ, въ дымъ и прахъ обратившихся начинаній и надеждъ, осталось одно живое, несокрушимое: моя любовь къ тебѣ. Кромѣ этой любви у меня ничего нѣтъ и не осталось; назвать ее моимъ единственнымъ сокровищемъ было бы недостаточнo; я весь въ этой любви, эта любовь — весь я; въ ней мое будущее, мое призваніе, моя святиня, моя родина!...

Въ этомъ письмѣ Литвиновъ прекрасно высказался весь, до самаго нутра. Тутъ уже не приходится дѣлать никакихъ предположеній, потому что на лицо факты. Литвиновъ самъ говорить, что единственно живое въ его душѣ — любовь къ Иринѣ, а остальное все, т.-е. его труды, начинанія, планы, его любовь къ Татьянѣ — все это разсѣялось, какъ нѣчто мертвое. И онъ имѣетъ полное право называть все это мертвымъ: да, дѣйствительно, только любовь къ Иринѣ была живою страстью въ его душѣ; остальное все было мертвое; потому что было надуманное, плодъ холоднаго принципа и усилій воли, посредствомъ которыхъ Литвиновъ принуждалъ себя къ своимъ трудамъ. Еслибы это было не такъ, то Литвинову нелегко было бы раздѣлаться со всѣмъ этимъ; какъ бы ни была сильна страсть его къ Иринѣ, другія страсти заявили бы свое; въ немъ была бы борьба по крайней мѣрѣ... Кой-какую борьбу вы еще замѣчаете въ немъ относительно разрыва съ Татьяною; но что касается до его трудовъ и плановъ, то онъ бросаетъ ихъ, очерта голову, нисколько не раскаяваясь въ этомъ. Мало того, онъ, пристрастившійся къ хозяйству, онъ, только что получившій письмо отъ отца, что имѣнье его въ крайнемъ разстройствѣ, мечтаетъ еще болѣе разстроить его продажей дѣса и разныхъ угодій, для того, чтобы ѣхать съ Ириною куда-то въ Бельгію или Швейцарію. Куда? Зачѣмъ? Единственно для наслажденія любовью и для послѣдней растраты всѣхъ средствъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ праздные филистеры, случайно, во время своего фландрованія, увлекшіеся какою-нибудь танцовщицею или такою же, какъ и они, искательницею приключеній.

И несмотря на всю ту пошлость, которая окружала Ирину, несмотря на ея личное опошленіе, посмотрите какое сохранилось въ ней удивительное чутье, что все это какъ-то очень ужъ неладно. Вотъ что сказала она Литвинову на его письмо:

— Твое письмо, другъ мой, навело меня на размышленія. Вотъ ты пишешь, что моя любовь для тебя все замѣнила, что даже всѣ твои прежнія занятія теперь должны остаться безъ примѣненія; а я спрашиваю себя, можетъ ли мужчина жить одною

любовью? не прислужить ли она ему наконецъ, не захочеть ли онъ пѣнять на то, что его отъ нея отвлекло?

И знаете, что отвѣчалъ ей на это Литвиновъ?

— Ты напрасно этого боишься, началъ Литвиновъ:—я, должно быть, дурно выразился. Скуза? бездѣйствіе? При тѣхъ новыхъ силахъ, которыя мнѣ дастъ моя любовь? О, Ирина, повѣрь, въ въ твоей любви для меня цѣлый міръ, и я самъ еще не могу теперь предвидѣть все, что можетъ развиться изъ него.

Предоставляю читателю самому судить, сколько въ этихъ звонкихъ фразахъ натакнутой аффектаціи и пошлой лжи? Что можетъ развиться изъ любви, если человѣкъ бросаетъ для нея трудъ и цѣль жизни? Изъ одной любви — и любви-то не разовьется, а разовьется скуза и пресыщеніе, неминуемое слѣдствіе за удовлетвореніемъ страсти. Для трудящагося человѣка женщина — сегодня любовница, завтра, когда страсть удовлетворена, она неизмѣнная подруга его, съ которою идетъ онъ по одной дорогѣ къ одной цѣли, послѣ-завтра — она опять его любовница, когда страсть снова накинѣла. Правильное, здоровое теченіе жизни заключается въ періодическомъ наипаніи и удовлетвореніи нѣсколькихъ страстей. Любовь — любовью, трудъ — трудомъ; но воображать, что изъ вѣдръ одной любви разовьется и трудъ, и цѣль жизни такъ же нелѣпно, какъ нелѣпны слова одной простой пѣсни, распѣваемой въ городахъ:

У мальчишки денегъ нѣту,
Чѣмъ онъ могъ тебя прельстить?
Любовь грѣеть лучше денегъ,
Дровъ не надо покупать.

Можно ли послѣ этого сѣтовать на Ирину, что въ концѣ-концовъ она не рѣшилась ѣхать съ Литвиновымъ на край свѣта, туда, гдѣ дѣвушки прядутъ, прядки на небо кладутъ? Видя, что Литвиновъ махнулъ рукою на все, кромѣ своей любви къ ней, она разсудила весьма естественно, что если этому барину ничего больше не нужно въ жизни, кромѣ одной моей любви, то зачѣмъ же еще куда-то ѣхать? пусть себѣ наслаждается любовью здѣсь, возлѣ меня, не все ли равно, гдѣ ни наслаждаться любовью. Литвинова ужаснула мысль сдѣлаться протезируемымъ другомъ дома и тайнымъ любовникомъ аристократической барыни. Это дѣйствительно безчестно. А я спрошу у читателя, въ чемъ болѣе безчестія: жертвовать для любви одной своею личною честью или счастьемъ многихъ, благосостояніе которыхъ зависѣло отъ того, сталъ ли бы Литвиновъ улучшать свое имѣніе, или, напротивъ того, высасывать изъ него послѣдніе соки ради честнаго похищенія Ирины, и независимой жизни съ нею въ Швейцаріи? И знаешь что, читатель? Въ концѣ-концовъ я рѣшительно не въ состояніи опредѣлить, на столько ли ошолѣла Ирина, что была не въ состояніи на рѣшительный шагъ, или можетъ быть, рѣшительнаго шага именно ей и не представля-

лось, а представлялся новый любовникъ въ иномъ родѣ. Почему знать, можетъ быть, еслибы вмѣсто Литвинова передъ ней явился человѣкъ, который предложилъ ей не одну свою пламенную любовь, а и какой-нибудь иной путь, ясный, вѣрный, опредѣленный и хорошій путь, можетъ быть Ирина и пошла бы. Можетъ быть, не пошла бы, а можетъ быть и пошла. Все это остается загадкою, потому что измѣрить Ирину Литвиновымъ совершенно невозможно. Лечится отъ своей вторичной страсти къ Иринѣ, Литвиновъ снова поѣхалъ въ деревню. Тамъ онъ мало-по-малу успокоился, занялся снова хозяйствомъ и въ заключеніе женился на Татьянѣ. Татьяна—это типъ доброй, кроткой, недалекой женщины, у которой единственное содержаніе въ жизни — нѣжная, всепрощающая любовь. Разъ предавшись любимому человѣку, такія женщины любятъ тихую, какъ свѣча теплящуюся, любовью до гроба и готовы бывають простить милому человѣку что угодно. Эта всепрощаемость достойна сожалѣнія; она возбуждаетъ тѣмъ болѣе грустное чувство, что ею обыкновенно пользуются и злоупотребляютъ на каждомъ шагу такіе люди, какъ Литвиновъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто можетъ поручиться, что опять не налетитъ шквалъ и не перевернетъ кверху дномъ этотъ корабль безъ руля и баласта... Новая встрѣча съ какою-нибудь смазливенькою кокеткою, возбудительный разговоръ гдѣ-нибудь въ саду въ лунную ночь... и чувство несчастной женщины снова поправано, разбито... Но не грусти, читатель: Татьяна снова проститъ, и въ концѣ-концовъ все пойдетъ, какъ по маслу, въ домѣ Литвинова: визгъ шестерыхъ дѣтей, соленые огурцовъ и рыжиковъ, вѣчные споры барина съ рабочими изъ-за учитываемыхъ грошей ради хозяйственной экономіи, и англійскія машины въ сараяхъ подъ пыльными чехлами—плодъ агрономическихъ занятій барина за границей.

VI.

Я ужъ не буду говорить о томъ, похожъ ли Литвиновъ хоть сколько-нибудь на тѣхъ доблестныхъ труженниковъ мысли, типъ которыхъ я попытался очертить въ четвертой главѣ. Если мы возьмемъ массу обшденныхъ труженниковъ: учителей, медиковъ, адвокатовъ, ученыхъ, технологовъ и пр., самый ограниченный изъ всѣхъ ихъ навѣрно окажется гораздо положительнѣе, устойчивѣе, а главное дѣло честиѣ Литвинова въ своихъ отношеніяхъ и къ труду, и къ любимой женщинѣ. А между тѣмъ г. Тургеневъ положительно сочувствуетъ Литвинову, какъ хорошему человѣку, сочувствуетъ съ первой страницѣ и до послѣдней. «На первый взглядъ онъ производилъ впечатлѣніе честнаго и дѣльнаго, нѣсколько самоувѣреннаго малаго, какихъ довольно много бываетъ на свѣтѣ...» Такъ начинается г. Тургеневъ знакомить своихъ читателей съ Литвиновымъ. Далѣе, очерчивая ядовитыми красками кружокъ либераловъ, г. Тургеневъ помѣ-

часть туда Литвинова для того, чтобы онъ отгнѣлъ своею положительностью и своимъ умомъ ихъ безобразія. Вотъ какое впечатлѣніе заставляеть г. Тургеневъ своего героя вынести изъ этого кружка:

«Свѣжій ночной воздухъ ласково прильнулъ къ воспаленному лицу Литвинова, влился пахучею струей въ его засохшія губы». «Что это, думалъ онъ, ида по темной аллеѣ: причеиъ это я присутствовалъ? Зачѣиъ они собрались? Зачѣиъ кричали, бранились, изъ кожи лѣзли? Къ чему все это?» Литвиновъ пожалъ плечами и отправился къ Веберу, взялъ газету и сиросилъ себѣ мороженаго».

Описывая столь же ядовитыми красками генераловъ, окружавшихъ Ирину, г. Тургеневъ вселяеть въ своего героя даже плейбейскую гордость передъ ними и заставляеть любить то, что они ненавидять, и ненавидѣть то, что они любятъ, забываая, что онъ представилъ его въ то же время человекомъ, неимѣющимъ никакихъ политическихъ убѣжденій! Въ одномъ мѣстѣ своей повѣсти онъ имѣеть даже поползновеніе оправдать дрянность своего героя общею ссылкой на природу, на которую обыкновенно ссылаются, когда хотять что-нибудь оправдать; «людимъ положительнымъ», говоритъ онъ, въ родѣ Литвинова, не слѣдовало бы увлекаться страстью... Но природа не справляеться съ логикой, съ нашей человѣческой логикой; у ней есть своя, которую мы не понимаемъ и не признаемъ до тѣхъ поръ, пока она насъ, какъ колесомъ, не переѣдетъ».

Что жъ за причина, что г. Тургеневъ такъ сочувственно относится къ Литвинову, тогда какъ этотъ Литвиновъ не выдерживаеть самой снисходительной критики, по сравненію его съ дѣйствительно хорошими и здоровыми элементами нашей жизни?

Причина очень простая; для объясненія ея я попрошу только читателя припомнить третью главу моей статьи: въ этой главѣ я постарался показать, что до 40-хъ годовъ вся русская образованность ограничивалась одною средою; на эту среду глядѣли, какъ на средоточіе, какъ альфу и омегу всего русскаго. Все, что говорилось и писалось — писалось объ этой средѣ и для нея. Все, что не принадлежало къ этой средѣ, третировалось съ прерзрительною насмѣшкою и въ рѣдкихъ случаяхъ съ тѣмъ высокоимѣрнымъ снисхожденіемъ, которое почему-то называлось гуманностью къ низшимъ.

Проведя первые годы своей юности, своего развитія подъ вліяніемъ такого порядка, г. Тургеневъ такъ свикся съ нимъ, что не могъ отъ него отрѣшиться, несмотря даже на то, что подъ вліяніемъ 40-хъ годовъ усвоилъ отрицательный взглядъ на эту среду.

У г. Тургенева слились вмѣстѣ два взгляда: взглядъ на извѣстную среду, какъ на средоточіе всего русскаго, и въ то же время взглядъ на эту среду, какъ на нѣчто дрянное, растлѣнное, взжившееся. Изъ подобнаго слитія двухъ взглядовъ слѣ-

дуетъ прямой результатъ: если по жизни и нравамъ одной среды мы будемъ заключать о жизни и нравахъ всего общества, и если эта жизнь представится намъ выдохшеюся, а нравы дрянными, въ такомъ случаѣ мы невольно придемъ къ выводу, что и все общество нигуда не годится. Вотъ чѣмъ только и можно объяснить постоянное сѣтованіе г. Тургенева, проходящее по всѣмъ его произведеніямъ, о томъ, что у насъ нѣтъ хорошихъ людей, что не только русское племя, но и всѣ вообще славяне страдаютъ отсутствіемъ силы воли и т. п. Изъ всего, что было сказано въ этой статьѣ, читатель можетъ наглядно убѣдиться, можно ли писателю полагаться на одно свое непосредственное творчество, особенно когда писатель беретса судить о жизни и судьбахъ цѣлаго общества. Чтобы судить справедливо о цѣломъ обществѣ, нужно прежде всего тщательно и всесторонне изучить это общество во всѣхъ его слояхъ и положеніяхъ, нужно до такой степени умственно отрѣшиться отъ своей среды, чтобы быть въ состояніи сравнивать беспристрастно жизнь и нравы разныхъ слоевъ. Г-нъ Тургеневъ, орснившись со своею узенькою средою, изучивъ нравы одного толкб_зслоя общества, по этому слою беретса заключать обо всеобщемъ ществѣ. И посмотрите, въ какой просакъ попадаетъ онъ на каждой страницѣ своей повѣсти. Между прочимъ, онъ взялся въ своемъ произведеніи покарать либераловъ. Ну, что жъ, прекрасно. Очень можетъ быть, что либерализмъ этотъ, такая язва на русской почвѣ, что необходимо распутать всѣ его хитросплетенныя нити и вырвать это зло съ корнемъ. Это подвигъ вполне достойный русскаго писателя и весьма обыкновенный на Руси, когда писателю перешло за 50 и когда онъ пересталъ уже сожигать то, чему поклонялся, и начинаеть вновь поклоняться тому, что сожигалъ. Что же дѣлаетъ г. Тургеневъ для наказанія либераловъ? Онъ изображаетъ нѣсколько личностей, судя по его описанію, дѣйствительно пошлыхъ и дрянныхъ. Всѣ они прикидываются людьми что-то дѣлающими, но въ сущности они ничего не дѣлають и фланируютъ за границей точно такъ же, какъ Литвиновъ и окружавшіе Ирину генералы. Г. Тургеневъ выставляетъ особенно на видъ, что Губареву, его либерализмъ не мѣшалъ владѣть имѣньемъ посредствомъ брата-дантиста, а Ворошиловъ кончаетъ со своимъ либерализмомъ тѣмъ что поступаетъ вновь на военную службу. Все это нисколько не удивительно; очень можетъ быть, что г. Тургеневъ взялъ всѣ эти личности изъ дѣйствительности, нисколько не исказивъ и не овариагуривъ ихъ. Но что жъ въ этомъ? Вы видите наглядно, что всѣ эти личности относятся все къ тому же разряду, къ какому принадлежать и Литвиновъ, Потугинъ и всѣ прочіе. Но подобно тому, какъ нельзя судить о всеобщей жизни общества по одной средѣ, такъ нельзя судить и о либерализмѣ по тому, какъ этотъ либерализмъ проявляется въ этой средѣ. Для того, чтобы составить вѣрное понятіе о либерализмѣна Руси, нужно опять-таки изучить, какъ проявляется онъ во всѣхъ слояхъ общества, и въ особенности

въ такихъ словъхъ, гдѣ онъ является, не какъ забава и игра въ кошля-мышки отъ нечего дѣлать, а естественно возникаетъ изъ самой жизни, гдѣ онъ явился бы самъ собою, и безъ вліянія Запада, какъ неизбежное добро или зло, смотря по убѣжденіямъ писателя. И только послѣ явлаго изученія писатель имѣетъ право карать либерализмъ или преклоняться передъ нимъ. А если писатель не захочетъ приложить къ своему труду добросовѣстнаго наученія, если онъ мечтаетъ, что достаточно одного непосредственнаго творчества, чтобы быть судьей и карателемъ надъ всѣмъ обществомъ, въ такомъ случаѣ пусть ужъ онъ лучше всего ограничивается анализомъ любви, предметомъ, суда по всѣмъ произведеніямъ г. Тургенева, болѣе всего извѣстнаго ему; пусть онъ знаетъ напередъ, что его караніе либерализма не принесетъ никакаго вреда либерализму, и никакой пользы тѣмъ идеямъ, во имя которыхъ онъ караетъ либерализмъ, а окажется холоснымъ выстрѣломъ въ воздухъ, ради потѣхи праздної толпы.

А. СЕВЯЧЕВСКІЙ.

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ,

ОТНОСЯЩИЕСЯ КЪ ИСТОРИИ СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.

(Археологическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи СѢверо-Западной Руси, издаваемый при управленіи виленскаго учебнаго округа. Т. 1-й. Вильно. 1867).

Акты, издаваемые археографическою комисією, высочайше учрежденною въ Вильнѣ. Т. II-й. Акты брестскаго суда. Вильно. 1867 г.).

Не такъ давно вышли въ свѣтъ любопытные акты кievской комисіи; теперь Вильно даритъ насъ двумя, довольно толстыми сборниками древнихъ актовъ, относящихся исключительно къ исторіи СѢверо-Западной Руси, бывшаго нѣкогда Великаго Княжества Литовскаго. Такимъ образомъ, въ послѣднее время замѣчается усиленіе дѣятельности по изданію историческихъ матеріаловъ. Прошедшій годъ былъ одинъ изъ богатыхъ этими явленіями въ нашей ученой литературѣ: само собою разумѣется, таже комисіа, — настоятельная потребность для нашей отечественной исторіи и не перестанутъ имѣть такое значеніе еще долгое время, потому что, несмотря на многіе томы напечатанныхъ историческихъ матеріаловъ, въ архивахъ и книгохранилищахъ лежатъ груды ихъ въ такихъ массахъ, что, сдѣлавшись достояніемъ печати, едва-ли составятъ и двадцатую часть того, что можетъ и должно нѣкогда появиться въ свѣтъ, тѣмъ болѣе, что почти невозможно предрѣшать заранѣе: что важно и что неважно для исторіи; изученіе науки возбуждаетъ множе-

ство вопросовъ и разныхъ точекъ зрѣнiя, при которыхъ иногда является важнымъ то, на что прежде не обращалось вниманiя; сверхъ того многое, не представляя, повидному, никакой важности для исторiи цѣлой страны и цѣлаго народа, становится важнымъ при специальномъ занятiи исторiею какаго нибудь угла этой страны, какой нибудь мѣстности, а глубокое изученiе частей помогаетъ уясненiю понятiй о цѣломъ.

Одинъ изъ виленскихъ сборниковъ, подъ названiемъ «Археографическiй сборникъ документовъ, относящихся къ исторiи сѣверо-западнаго края», издаваемый при управленiи виленскаго учебного округа, составленъ по иниціативѣ г. попечителя виленскаго учебного округа И. П. Корнилова гг. Гилдебрандтомъ, Миротворцевымъ и Елеонскимъ. Изъ предисловія, приложеннаго къ первому тому, узнаемъ мы, что трудами этихъ лицъ изготовлены уже четыре тома Археографическаго сборника, что кромѣ перваго напечатаннаго, теперь уже печатаются и выйдутъ въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени три другіе. Кромѣ того, уже печатаются пятый и шестой томы этого же сборника. За такую дѣятельность нельзя не отнестись съ полнымъ уваженiемъ и признательностію къ трудамъ виленскаго учебного округа.

Въ изданномъ теперь томѣ, занимающемъ 408 страницъ убористой печати въ два столбца, помѣщены документы всевозможнѣйшихъ родовъ: описанiя имѣній или инвентаріи, межевыя записи, данниа, раздѣльныя, жалобы, судебныя рѣшенiя разныхъ мѣстъ по разнымъ дѣламъ, административныя распоряженiя и письма разныхъ лицъ, найденныя почему либо замѣчательными въ отношенiи внутренней жизни или важными событiями исторiи.

Очень важное значенiе для науки, по нашему взгляду, представляетъ, помѣщенный подъ № 63, уставъ повинностей, вольностей и волочной помѣры волости Могилевской; это образчикъ положенiя, въ какомъ находились въ XVI вѣкѣ великокняжескіе крестьяне въ Литвѣ и Бѣлоруссiи. Здѣсь мы видимъ, что крестьяне владѣли королевскими (или великокняжескими, говоря въ частности объ одной Литвѣ) землями, изъ которыхъ пахатныя были разбиты на волдѣн (волѣка, какъ мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, заключала до 20 десят.); сѣнокосная земля была дѣлима на мѣрги (составлявшіе въ пахатной подраздѣленіе волдѣн); тамъ, гдѣ, по разнымъ причинамъ, не считали удобнымъ разбивать земли на волдѣн, участки назывались застѣнками. Крестьяне владѣли волдѣнами неровно, какъ описывается изъ многихъ инвентарей того времени; нѣкоторые занимали цѣлую волдѣну, а другіе полволдѣн и отбывали повинности соразмѣрно съ пропорціею владѣемой земли, а также съ ея качествомъ. Въ Могилевской волости крестьяне платили за землю чиншъ съ волдѣн. Вообще землю дѣлили на три сорта: за первый, наилучшей доброты, платилось 70 грошей, за средній — 60, а за худшій, или *збитъ подлыи*, какъ говорилось въ тѣ времена, 40 гр. Сверхъ этой денежной платы крестьяне вносили положенную

пропорцію хлѣбнаго зерна—жита (ржи) и овса, смотря по качеству земли въ волостѣ. Это количество (по бочкѣ того и другаго, или же по двѣ бочки одного овса тамъ, гдѣ крестьянамъ послѣднее было удобнѣе, полагая бочку въ четыре корца, или въ двѣ четверти по нашей мѣрѣ сыпучихъ тѣлъ) крестьяне обязаны были отвезти въ замокъ, къ которому съ своими селами и деревнями тянули повинностями, или же, вмѣсто, отвоза натурою заплатить за рожь десять грошей, а за овесъ пять. Съ лѣсныхъ волостѣ, гдѣ можно было рубить дрова и гдѣ, между лѣсомъ, были сѣнокосныя поляны, платилось дешевле, а съ однихъ сѣнокосовъ и пастбищъ еще дешевле. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ доходъ крестьянъ составляло пчеловодство, и тамъ крестьяне должны были доставлять въ замокъ известное количество меда или платить за него 34 гроша за пудъ; наконецъ, тамъ, гдѣ крестьянскій промыселъ состоялъ въ звѣроловствѣ и птицеловствѣ, они платили положенную дань, въ размѣрѣ, сдѣланномъ сообразно подробной и точной описи угодій въ имѣніи. Наконецъ, кромѣ этого, крестьяне должны были ходить на работу и на сторожу въ тотъ замокъ, въ которому были приписаны, но эта повинность не должна была превышать четырехъ дней въ году, изъ которыхъ два дня они обязаны были ходить на работу съ лошадьми, а другіе два — пѣшими, и, кромѣ того, вся волость обязана была доставлять въ замокъ сторожей. За эти повинности, вообще въ сравненіи съ тогдашними цѣнами необременительныя, крестьяне пользовались внутри волости самоуправленіемъ. Хотя король и подчинялъ ихъ вѣдомству влады (т.-е. улада — обыкновенно старосты), но влады и его намѣстники не имѣли права непосредственно вмешиваться въ ихъ дѣла безъ особыхъ случаевъ; не могли послать въ волость собирать слѣдующія въ казну дани или выгонять крестьянъ для исполненія натуральныхъ повинностей; всѣмъ этимъ занимался въ волости избираемый крестьянами войтъ и онъ одинъ имѣлъ дѣло со владомъ. Если кто изъ членовъ волости оказывался неисправнымъ въ отправленіи обязанностей платежа или работъ, войтъ предавалъ его владу, который могъ держать его въ тюрьмѣ, но не иначе, какъ сдѣлавши слѣдствіе, откуда происходитъ его неисправность, и еслибы оказалась причина уважительною, напр. пожары, смерть работниковъ въ семьѣ, неурожай, болѣзни и т. п., тогда потерѣвшихъ эти бѣдствія вписывали въ особый реестръ и представляли королю вмѣстѣ съ доставкою собранныхъ съ волости дани, которая влады обязанъ былъ доставлять каждый годъ къ празднику Рождества Христова. Влады за свои труды получалъ, при отобраніи слѣдующихъ въ королевскую казну дани, для себя бирчье и писчье — незначительную сумму, напр. отъ бочки ржи 2 пѣныза, а отъ бочки овса 1 пѣныза. Внутреннее управленіе въ волости лежало на войтѣ и на лавникахъ; послѣдніе находились въ селахъ, составлявшихъ волость. По выданному владомъ требованію, войтъ по цѣлой во-

лости распределялъ дани, назначалъ работы чрезъ посредство лавниковъ и предавалъ суду вѣра виновныхъ. Власть вѣра дѣлилась съ властію ревизора, но ни тотъ ни другой не смѣли судить безъ представленія войта. Вѣра не могъ самовольно смѣнить войта, но если находилъ его неспособнымъ къ этой должности, то, вмѣстѣ съ ревизоромъ, собиралъ волостную сходку и утверждалъ въ должности того, кого сонзаволяли избрать крестьяне. Равнымъ образомъ, войтъ и лавники не смѣли своевольно судить поселянъ, но должны были только смотрѣть за благочиніемъ, открывать виновныхъ, производить о нихъ слѣдствіе и доставлять вѣра и ревизору на судъ. Въ то же время войтъ и лавники были охранителями спокойствія и безопасности крестьянъ отъ злоупотребленій власти вѣра и ревизора, еслибы таковыя случились; но вѣра и ревизоры съ своей стороны должны были смотрѣть, чтобъ войтъ и лавники не дѣлали утѣсненій и несправедливостей подданнымъ. Каждый подданный былъ хозяинъ своей волдки, и могъ передать ее другому вмѣстѣ съ своимъ домоводствомъ, свободно уѣзжать на заработки и свободно продавать свои произведенія. Чтобъ сохранять порядокъ и добрую нравственность между крестьянами, отнюдь не дозволялось заведеніе корчмъ и шинковъ; эти промыслы принадлежали казнѣ, и такія заведенія могли существовать только на опредѣленныхъ мѣстахъ. Чтобъ проѣзжіе не дѣлали какихъ-нибудь отягощеній жителямъ, вѣра обязанъ былъ устроить всею волостью вѣздные дома, гдѣ исключительно могли останавливаться проѣзжіе. Въ нашъ вѣкъ, такое постановленіе было бы стѣсненіемъ, но въ тѣ времена оно было необходимо для спокойствія крестьянъ, потому что иногда проѣзжіе часто бывали для поселянъ недобрими гостями, и не только не платили имъ за гостепримство, но часто грабили ихъ и позволяли себѣ всякаго рода безчинства. Волости были также ограждены отъ вѣода молнеровъ и отъ выборки поборовъ подъ названіемъ станцій, и еслибы случилась отъ военныхъ людей какая-нибудь несправедливость волостнымъ крестьянамъ, вѣра обязанъ былъ доносить правительству, и виновные подвергались уплатѣ за нанесенный вредъ. Вообще существовало много мелкихъ правилъ, клонящихся ко всевозможнѣйшему огражденію благосостоянія крестьянъ. Эти уставы неволью побуждаютъ отдать должное уваженіе въ памяти гуманнаго и мудраго правительства. Подати и повинности на крестьянъ были не тяжелы; если положить, что крестьянинъ съ своей волости могъ заплатить до ста грошей всего-на-всего, то эта сумма покрывалась у него продажей какихъ-нибудь трехъ (даже меньше) пудовъ меда.

Материаломъ для изученія сельскаго быта владѣльческихъ (дѣдничныхъ) крестьянъ и отчасти для узнанія образа жизни помѣщиковъ могутъ служить инвентари нѣкоторыхъ панскихъ имѣній XVI вѣва. Для примѣра укажемъ на № 67-й разбираемыхъ актовъ, подъ которымъ помѣщенъ раздѣлъ Косовскаго имѣнія между

Сангушкою и Книпою. Здѣсь подробно описаны помѣщичья усадьбы и фольварки. То же читатель найдетъ подъ № 46-мъ въ описаніи Рослага имѣнія Ходкѣвичей. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы эти описанія не были сбивчивы, и потому желательно было бы, чтобъ подобныхъ описаній издано было побольше. Вообще изъ нихъ видно, что въ западной Руси, какъ и въ восточной, было въ обычаѣ помѣщать въ-одномъ дворѣ нѣсколько домовъ на подклѣткахъ, въ которыхъ помѣщались погреба и кладовыя, для храненія пива и меда. Въ домахъ были непременно большія сѣни, а изъ нихъ двери въ свѣтлицы, просторные покои, съ обиліемъ оконъ, уставленныя вдоль стѣнъ лавками, съ муралевою печкою; изъ свѣтлицы почти всегда былъ ходъ въ примыкающую къ ней такъ-называемую комнату — покой поменьше свѣтлицы, при которомъ былъ закоулокъ, въ качествѣ кладовой или чулана, называемый коморкою потребиною. Часто широкія сѣни раздѣляли двѣ одинакія половины жилья, а иногда два дома примыкали одинъ къ другому, составляя какъ-бы единой одинъ домъ. Въ дворѣ, кромѣ домовъ, помѣщалась лазня (бана) съ сѣнями и свѣтлицею, черезъ сѣни, напротивъ самой лазни, цехарня, одрины (амбары), гридна (людскія, обыкновенно черныя избы), молочная изба, обора для скота и проч., иногда тутъ же находилась мельница. Дворъ огораживался досчатимъ заборомъ или парканомъ (бревенчатимъ). При дворѣ Ходкѣвичей была церковь. Судя по описанію этой церкви, тогдашніе храмы при панскихъ домахъ не отличались великолѣпіемъ: кресты были мѣдныя, утварь оловянная. Люди, принадлежавшіе къ панскому имѣнію, были паробки, тяглыя, огородники и бояре. Первые принадлежали къ двору и составляла дворню: нѣкоторые означаются невольниками. Тяглыя и огородники были подданные панскіе крестьяне, и жили дворами своими; нѣсколько сель, принадлежавшихъ одной панской фамиліи, составляли волость или войтовство подъ управленіемъ войта. Кромѣ войта, въ лицахъ, управляющихъ въ панскихъ имѣніяхъ, принадлежатъ тавонъ, ключникъ и подлазникъ, освобождаемые по ихъ должностямъ отъ повинностей, лежавшихъ на тяглыхъ вообще. Обязанность тяглыхъ была такова: они должны были работать по указанію помѣщика по два дни въ недѣлю, и, кромѣ того, давать съ каждой волки по бочкѣ ржи и овса, по гусю и по курицѣ и по 10 яицъ, да сверхъ того, съ каждой волки платили деньгами въ разномъ размѣрѣ. Въ иныхъ имѣніяхъ вмѣсто двухъ дней работали три дня. Съ перваго взгляда можно видѣть большую разницу между панскими и королевскими крестьянами: положеніе послѣднихъ было гораздо льготнѣе и обезпеченнѣе. Вообще этотъ любопытный вопросъ о состояніи крестьянъ мало выясняется изъ напечатанныхъ актовъ, и желательно было бы, чтобы редакция въ послѣдующихъ томахъ постаралась напечатать такіе, которые бы отчетливѣе, точнѣе и яснѣе познакомили насъ съ этою важнѣйшею частію нашей внутренней исторіи. Что касается до бояръ, то это были

люди свободные, но получавшіе отъ владѣльца земли, и за то обязанные нести земскую и военную службу.

Очень значительная часть изданныхъ актовъ относится къ исторіи городовъ и объясняетъ съ равныхъ сторонъ бытъ мѣщанскаго сословія. Кромѣ одного акта, устава братства виленскихъ ремесленниковъ, всѣ относятся къ городамъ Полоцку и Витебску, преимущественно же къ первому. Въ уставѣ виленскаго братства, мы видимъ одно изъ многихъ явленій, составлявшихъ своеобразный признакъ старыхъ городовъ. Три ремесла братаются и соединяются въ одну добровольно-составленную корпорацію. Это шапочники — шьющіе бархатныя, суконныя шапки, мужскія и женскія, сермяжники (шьющіе одежды простонародныя) и ногавичники: они устанавливаютъ между собою братства, составляютъ правила или артикулы, и испрашиваютъ на то дозволеніе короля Стефана Баторія (1582 г.). Связь этого братства выражалась главнымъ образомъ тѣмъ, что у него былъ свой братскій домъ, куда братчики сходились на сходку: на главной сходкѣ, которая происходила въ день весенняго Юрія (23-го апрѣля), они выбирали себѣ четырехъ старшихъ, при чемъ шапочное ремесло пользовалось тѣмъ преимуществомъ, что изъ него выбирали по два, тогда какъ изъ остальныхъ двухъ, составлявшихъ братство — только по одному. Эти старшины завѣдывали скаринкою (сундукомъ), куда складывались братскія деньги, получаемыя отъ положенныхъ взносовъ, а также отъ пеней, налагаемыхъ за нарушение приличія. Кромѣ главнаго дня праздника Юрія, братство собиралось еще и въ другіе праздники (св. Яна, Срѣтенія и Рождества Богородицы), и въ эти дни дозволялось братству безплатно варить пиво и медъ. Братство это состояло подъ покровительствомъ церкви Рождества Богородицы на Росѣ; это устройство имѣло главной цѣлью наблюдать надъ исключительнымъ производствомъ въ своемъ братствѣ ремеслъ. Подобное братство (№ 86) учреждено въ 1617 г. въ Витебскѣ коринниками*, но оно получило уже отчасти церковный характеръ. Въ 1648 году (№ 127 и 128) при Владиславѣ въ Полоцкѣ былъ учрежденъ особый цехъ цирульниковъ и составлено союзнное братство гончаровъ, каменщиковъ, печниковъ и кирпичниковъ. Въ уставѣ его, тѣ же основанія, какъ въ виленскомъ и въ самой королевской грамотѣ указывается, что виленскія братства служили примѣромъ для образованія подобныхъ ремесленныхъ братствъ въ другихъ городахъ. При многихъ подробныхъ правилахъ, свѣдѣющихъ составъ братства, болѣе или менѣе важныхъ для изученія внутренняго устройства городского быта и промысловъ, достойно замѣчанія, что это братство, еще болѣе, чѣмъ витебское — коринниковъ, носитъ на себѣ отпечатокъ возникшей, вслѣдствіе церковной уніи, вражды между католичествомъ и православіемъ. Въ братство принимались только католики и униты—

* Содержатели корчмъ, завѣдшихъ домовъ и торговцами съѣстными.

не признающіе унію, то-есть настоящіе православные не могли вступать въ него. Братья обязаны были въ известныхъ случаяхъ, подъ опасеніемъ взысканія, являться въ костелъ или въ унитской церкви для богослуженія, и главный праздникъ ихъ былъ день Тѣла Господня — исключительно римско-католическое торжество, неотправляемое православною церковью. Самое основаніе этого братства совершилось по старанію фанатика Иосафата Кунцевича. Понятно, что составленіе подобнаго братства приносило крайній вредъ православію; оно сосредоточивало въ рукахъ католиковъ и уніатовъ нѣсколько ремеслъ, наиболее питавшихъ престоноародье; православные работники—гончары, кирпичники, печники, каменщики не могли вступать въ братство и получали черезъ то запрещеніе работать, слѣдовательно оставались безъ средствъ приобрѣтать насущный хлѣбъ, и тогда ради крайней нужды принуждены были принимать унію. Это было одно изъ энергичныхъ и наиболее дѣйствительныхъ средствъ латинской пропаганды въ городахъ западной Руси. Другое средство состояло въ томъ, чтобы члены городского магистрата, все начальство города, было непремѣнно и исключительно изъ католиковъ и уніатовъ, и православнымъ былъ бы прегражденъ доступъ къ должностямъ. Это тѣмъ было важнѣе, что магдебургское право давало чрезвычайно широкую власть городскому начальству. Послѣднее имѣло надзоръ не только надъ общественною, но и надъ частною, домашнею жизнью мѣщанина и надъ его поведеніемъ. Вотъ напри- мѣръ, съ одного мѣщанина въ 1649 г. берутъ подписку, что онъ не будетъ до смерти пить меда и горѣлки; другой обѣщаетъ то же, да въ добавокъ зарекается играть въ карты. Оба предоставляютъ начальству, въ случаѣ нарушенія обѣщанія, право учинить надъ ними наказаніе: первый тюремнымъ заключеніемъ и кромѣ того еще наказаніемъ по «уподобанью», а второй говорить: «вольно будетъ мене карбачами (плетями) черезъ цеклеровъ на камени публице (публично) поварать». Подъ № 132 есть актъ, доказывающій, что въ эпоху религиозныхъ несогласій между латинствомъ и восточной церковью, принатіе уніи служило поводомъ къ освобожденію отъ наказанія за проступки. Въ 1643 году, полоцкая ратуша праговорила мѣщанина Мартина Коморку за то, что онъ, будучи пьянъ, повстрѣчавшись на улицѣ съ бур- мистромъ, оскорбилъ его словами и сказалъ: «я бурмистра не боюсь»—къ публичному наказанію сорока ударами карбачемъ, среди рынка на камени и къ исключенію на одинъ годъ отъ участія въ рѣзничномъ цехѣ, гдѣ онъ былъ записанъ, да въ добавокъ къ вѣнѣ и къ тюремному заключенію да уплатѣ штрафной сум- ми. Коморка понесъ тѣлесное наказаніе, а потомъ объявилъ, что принимаетъ унію, и обращаетъ въ нее свою жену и дѣтей. Въ уваженіе къ этому обстоятельству, его снова допустили къ участію въ ремесленномъ цехѣ. Можно съ вѣроятіемъ подозрѣ- вать, что къ этому Коморкѣ придрался и назначилъ такую сово- купность наказаній за одинъ проступокъ нарочно съ тѣмъ, чтобы

принудить къ отступленію отъ вѣры. Но принатіе униі покрывало нетолько проступки, даже и преступленія. Въ другомъ актѣ (№ 133), подъ тѣмъ же годомъ, оказывается, что тотъ же Мартинъ Коморка, еще прежде, вмѣстѣ съ двумя товарищами того же рѣзническаго (мясническаго) цеха, былъ обвиняемъ въ убійствѣ челоуѣка, но всѣ трое объявили, что принимаютъ унию, и за то получили помилованіе, однако не исполнили обѣщанія. Помянуто, какъ при тогдашнемъ фанатизмѣ, при вліяніи іезуитовъ, легко было совершать величайшія злоупотребленія по дѣламъ, такъ или иначе соприкасавшимся съ унией. Выбранные члены магистрата, будучи сами католиками и унитами, покровительствовали униі всѣми возможными средствами, считая законнымъ стараться объ искорененіи схизмы. Обрацавшіеся изъ православія давали обязательство находиться въ униі со всѣмъ потомствомъ. Извѣстно, что однимъ изъ средствъ распространенія униі была также уловка подавать извѣты на православныхъ объ оскорбленіи религіи католической или унитской; такъ-какъ слѣдствіе и судъ находились въ рукахъ магистрата, враждебнаго православію, то обвиняемыхъ всегда притѣсняли, сажали въ тюрьмы и вообще поступали съ ними произвольно. Въ изданныхъ въ Вильнѣ актахъ есть образчики такихъ извѣтовъ. Напримѣръ подъ № 135 значится, что полоцкій лантвойтъ Косаровскій въ 1643 году подалъ извѣтъ на православнаго священника Мелетія Гедройца и съ нимъ на нѣсколькихъ православныхъ мѣщанъ въ томъ, будто они поругались надъ образомъ св. Казимира и вновь считаемаго святымъ Іосафата Кунцевича. Въ томъ же году іезуиты подали извѣтъ на всѣхъ вообще православныхъ, называемыхъ тогда схизматиками, въ томъ, что они «образы божіи светые лжатъ, деспектуютъ, деруть, топчуть, насмѣваучися онымъ светымъ образомъ очн, носн вышаривають и о наннѣ насветшей (пресвятой дѣвѣ) блузнять (хулить)». Зная, какъ всѣ православные уважаютъ пресвятую Богородицу и какое почтеніе оказываютъ образамъ, невозможно сомнѣваться, что извѣтъ іезуитовъ есть чистѣйшая клевета. Самое родственное свойство съ неунитами служило поводомъ къ обвиненію унитовъ. Въ 1646 году (№ 148) архимандритъ полоцкій подалъ извѣтъ на одно унитское семейство въ томъ, что изъ него отдали дѣвицу въ замужество за неунита, за это членовъ семейства обвиняли въ оскорбленіи церкви. Отъ того же времени (№ 136—151) осталась явля трехъ королевскихъ грамотъ, занесенныхъ въ городскій книги іеромонахомъ Іосифомъ Шумлянскимъ. Въ одной изъ нихъ отъ 1-го февраля 1621 года король Сигизмундъ III, по поводу избранія православными въ санъ кіевскаго митрополита Іова Борецкаго, а другихъ лицъ въ санъ епископскій, обвиняетъ Борецкаго и Смотряцкаго въ государственной измѣнѣ, въ сношеніяхъ съ турецкимъ государемъ, въ самовольномъ принатіи посвященія и повелѣваетъ, чтобъ «эти лица яко шпегги (шпіоны) и турбаторы (возмутители:) Речи Посполитое не только до замку и мѣста нашего не были

впущены, але жебы (но чтобы) могли быть полапаны (схвачены) и до везенья (въ тюремное заключеніе) всажены а потомъ водле (по силѣ) выступу (преступленія), ягдї се на нихъ въ суду зъ права и зъ инквизаціи достаточне покажетъ, гарант были». Вторая грамота—короля Владислава етъ 14-го марта 1635 года предоставляетъ въ исключительное обладаніе унитамъ епархіи Полоцкую, Пинскую, Владимірскую, Холмскую и Смоленскую съ монастырями, а также виленское братство св. Троицы съ Пятиницкою церковью и монастыри: гродненскій, жидаченскій, могилевскій, минскій, новгородскій, онуфріевскій, мстиславскій, птшынскій, полоцкій, brasлавскій и другіе, всѣ, которые на то время находились въ уніи, съ тѣмъ, чтобы въ Витебскѣ, Полоцкѣ и Новогрудкѣ отнюдь не было ни одной неунитской церкви. Третья грамота того же Владислава отъ 29-го мая 1639 года къ полоцкому воеводѣ Кишеѣ: въ ней говорится, что до свѣдѣнія короля дошли разныя несправедливости, причиняемыя неунитами въ Полоцкѣ унитскимъ священникамъ, самовольное вмѣшательство въ церковныя имѣнія и проч., и вслѣдствіе этого возлагается на воеводу обязанность защищать унитовъ противъ неунитовъ. Исполняя королевское приказаніе, полоцкій воевода Лянушъ Кшишка отъ 14-го сентября 1693 года выдалъ універсалъ, гдѣ, ссылаясь на волю короля, оповѣщаетъ, чтобы неуниты не осмѣливались въ городѣ Полоцкѣ созидать неунитскихъ церквей и отправлять публично неунитское богослуженіе, также запрещаетъ имъ учить въ школахъ, равнымъ образомъ приказываетъ не замѣшлять бунтовъ и возмущеній противъ унитской религіи, похваляясь зломъ и составлять заговоры, а еслбы что нибудь подобное вообще и въ частности оказалось, то виновные не только будутъ подлежать законному наказанію, но еще должны будутъ заплатить пени на короля 50,000 зл., а на воеводу и на войско 10,000. Какъ сурово относились къ противникамъ уніи, рѣзко показывастъ № 143 издаваемыхъ актовъ, гдѣ значится, что одного мѣщанина подвергли тюремному заключенію за то, что онъ назвалъ Иосафата Купцевича велебнымъ отцомъ, а не благословеннымъ. Эти слова показались бунтомъ.

Въ числѣ дѣлъ городскихъ есть нѣсколько актовъ, относящихся къ процесамъ о чародѣйствѣхъ—дѣла особенно любопытныя. Въ 1640 году (№ 125) подвсводій полоцкій Янъ Лисовскій жаловался на Крыштофа Старымовича, что онъ набралъ въ гарнецъ таракановъ и далъ остановившейся въ его домѣ госпожѣ Чесловской этихъ насѣкомыхъ: она же отвезла ихъ въ домъ Лисовскаго и туда напустила; отъ этого причинился вредъ здоровью домашняго свота и самого хозяина. Другое лицо (№ 126) жаловалось въ магистратѣ, что къ нему въ домъ подбросили въ вадку съ водой большую связку женскихъ волосъ. Какъ производился судъ по подобнымъ извѣтамъ, показывастъ процессъ Василя Бривуна—дѣло чрезвычайной важности въ своемъ родѣ. Въ 1643 году пять полоцкихъ мѣщанъ подали извѣтъ на мѣщанина

Василія Брикуна, что онъ чаровникъ. Показывали, что онъ угрожалъ и предсказывалъ своимъ недругамъ бѣду, и послѣ сбывалось то, что онъ предрекалъ. Одинъ изъ доносителей, Иванъ Бикъ говорилъ: Василій Брикунъ сказалъ мнѣ: — будете бѣгать изъ своего дома одинъ отъ другого; такъ и случилось: двое сыновей отъ меня ушли неизвѣстно куда, а жена моя, которая жила со мною двадцать лѣтъ, взявши два хлѣба и еще кое-чего, ушла въ лѣсъ. Я началъ усовѣщевать Брикуна и говорилъ: «безбожный человѣкъ! Докогда я буду терпѣть отъ тебя? Вѣдь это все черезъ тебя бѣгутъ отъ меня жена и дѣти». А это я говорилъ ему передъ воротами, а у воротъ сложены были дрова возовъ на шестьдесятъ! Брикунъ сказалъ: — нетолько дѣти твои и жена будутъ отъ тебя бѣгать, но коли я скажу на эти дрова, что ты накладешь подѣ мою стѣною, тотчасъ выверну ихъ вонъ съ ихъ мѣста. И потомъ онъ искорчилъ лицо, посмотрѣлъ на облако и дровъ какъ не было — всѣ полетѣли вверхъ саженей на пять, и дверей, которыми я вхожу въ домъ съ подворья, не стало видно; да еще мало того, онъ сказалъ: — знай Брикуна; будешь ты въ неуваженіи у людей съ имѣніемъ твоимъ, не пойдетъ тебѣ въ прокъ, что ты наживешь. Другой мѣщанинъ Исакъ Кондратовичъ извѣщалъ, что Брикунъ хвалился на него: «за два года все твое добро выметешь изъ дома какъ метлою и самъ насидишься въ тюрьмѣ!» Такъ и сталося. Въ этотъ же вечеръ корова околѣла и потомъ въ годъ пропало тридцать лошадей, коровъ и свиней и самого меня въ великой нищетѣ посадили въ тюрьму. А онъ еще не разъ надсмѣхался надо мною и приговаривалъ: «знай Брикуна! Не ссорься со мною! Вотъ тебѣ за то!» Братья Товстые показывали, что Брикунъ въ день свѣтлаго воскресенія рѣзалъ съ улицы стѣну ихъ дома и похвалялся на жену Якова Товстаго». Отъ этого она и умерла. Показывали еще на Брикуна, что какой-то Анисей Кожемяки умирая, говорилъ: «мнѣ отъ Брикуна сталася болѣзнь и я черезъ него иду на тотъ свѣтъ». О нѣкоемъ Петрѣ Дземидовичѣ рассказывали, что выпивши у Брикуна пива, ему стало такъ дурно, что его чуть не разорвало; на силу упростили Брикуна люди, чтобъ онъ его отходилъ.

Судьи назначили день суда: за явку Брикуна на судъ поручилось нѣсколько мѣщанъ. Въ назначенный день 2-го марта обвиняющая сторона поставила на судъ свидѣтелей или скорѣе новыхъ доносчиковъ: одинъ изъ нихъ, по имени Павелъ Ивановичъ объявилъ, что назадъ тому восемь лѣтъ, отецъ его, умирая, говорилъ, что смерть его постигла отъ Брикуна. Явился Петръ Дземидовичъ и объявлялъ, что поссорился съ Брикуномъ за огородъ и потомъ пришелъ въ корчму: тамъ засталъ Брикуна: «тотъ (говорилъ онъ), какъ только поздоровался со мною, такъ у меня по тѣлу словно мурашки пошли, пальцы и ногти почернѣли и чуть изъ избы я вышелъ: такъ меня объ землю и ударило, а Брикунъ сказалъ: «Гихремъ (?) его не возьмешь» и

велѣлъ мнѣ взять полгарнца пива, а потомъ, оборотившись кругомъ съ этимъ пивомъ, велѣлъ мнѣ его выпить, а тогда и говорить: «вотъ ужъ въ руки и ноги кровь вступаетъ». И такъ я помирился съ Брикуномъ, а онъ сказалъ: «знай Брикуна и не ссорься со мной». Третьего дни онъ давалъ мнѣ талеръ, чтобъ я въ судѣ на него не показывалъ. Потомъ поставлено было обвиняющею стороною двадцать-восемь свидѣтелей. Они показывали, что Брикувъ ничего имъ не сдѣлалъ дурнаго, но они слышали, что онъ *вѣдзма*. Сверхъ того, какой-то старикъ Игнатъ Семеновичъ сказалъ: «когда одинъ разъ Василій Брикувъ вошелъ ко мнѣ въ домъ, а у насъ въ тѣ поры варили пиво, тотчасъ пиво испортилось, и вылили его свиньямъ, а свиньи околѣли. Я на него хотѣлъ жаловаться, а онъ сказалъ: «и самъ изсохнешь!» На него, какъ на медвѣда люди кричатъ; онъ настоящій вѣдзма и чаровникъ! Василь Хораковичъ подъ присагою сказалъ: «попросили меня въ гости на медъ, а тамъ сидѣлъ Брикувъ съ женою, и я его же обналъ; а онъ сказалъ: «обними лучше печь, когда въ печи горитъ!» И тотчасъ я не знаю, самъ какъ и зачѣмъ полѣзъ на печь въ дымъ и сидѣлъ тамъ часа три». Другіе подъ присагою показывали, что когда имъ случалось пить въ корчмахъ и на врестинахъ и тамъ былъ Брикувъ, имъ дѣлалось дурно до того, что они падали на землю, и они хотѣли жаловаться на Брикуна, но онъ помирился съ ними и купилъ имъ меду и горѣлки. При этомъ припоминали, что еще блаженной памяти Юсафатъ Кунцевичъ заповѣдалъ не давать Брикуну, какъ чаровнику, ни четвертки горѣлки. Повѣренный пана Димитрія Саковского, земанина въ полоцкомъ воеводствѣ, доносилъ отъ имени своего господина, что Брикувъ сказалъ: «раздашь людямъ деньги, а назадъ не получишь»; такъ и сталося! Роздалъ деньги должникамъ, а назадъ не получилъ. А у насъ (говорили Фѣдоръ и Василій Садовскіе) Брикувъ заговорилъ ружья, и когда мы послѣ того пошли въ дорогу, цѣлую ночь блудили по лѣсу и чуть лошадей не погубили. Въ заключеніе Ивалъ Быкъ, Исаакъ Кондратовичъ и Яско Павловичъ Николаевичъ присагнули, что Брикувъ чаровникъ и требовали, чтобъ Брикувъ былъ подвергнутъ пыткамъ и потомъ, какъ чаровникъ, казненъ сожженіемъ. Брикувъ и его уполномоченный защитникъ Александръ Шаковичъ говорили противъ всего этого такъ:

Обвиненія эти не имѣютъ законныхъ доказательствъ. Нѣсколько лѣтъ уже идутъ слухи, что Брикувъ чаровникъ и, однако, никто еще на него не жаловался. Яско Павловичъ говоритъ, что черезъ Брикуна онъ сдѣлался убогимъ. А когдажъ онъ былъ богатъ? Вышедши изъ имѣнія отцовъ іезуатовъ въ Полоцкъ, онъ не занимался торговлею — только дрова на продажу возилъ и тѣмъ кормился; съ чѣмъ пришелъ въ Полоцкъ, съ тѣмъ и теперь остается. И прежде мало имѣлъ и теперь мало имѣеть. Въ Полоцкѣ много мѣщанъ, что когда-то были богаты, а те-

нерь обѣдѣли и въ тюрьмѣ сидятъ. Неужели за всѣхъ Брикунъ виновать? Товстые жалуются, что у нихъ женщина умерла отъ того, что Брикунъ рѣзалъ стѣну въ день Свѣтлага Воскресенія. Отчего же прежде они судомъ не доискивались причины смерти ея? Быкъ говорить, что Брикунъ чародѣйствомъ говорилъ на него: будете бѣгать одинъ отъ другого, и затѣмъ у него вышла ссора съ женою и дѣтьми. Нѣтъ, причина этому та, что Быкъ своенравенъ, и жена его тоже, да и дѣти тоже. А что онъ говоритъ, будто у него дрова сошли съ мѣста, такъ это значить, что онѣ дурно были сложены: оттого и разсыпались. А чтобъ онѣ летали вверхъ саженей на пять—этого никогда не было; это выдумка. Исаакъ Кондратовичъ говорить, будто Брикунъ хвалился: за два года какъ метлою выметешь изъ своего дома все добро и самъ насидишься въ тюрьмѣ; пусть же укажетъ онъ годъ, день, мѣсто, когда и гдѣ это было, и передъ кѣмъ я говорилъ это. Онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ за долги, два года сидѣлъ, а на Брикуна не имѣлъ притязанія. Петро Дземидовичъ говорить: какъ только Брикунъ съ нимъ поздоровался—его чуть не разорвало; а гдѣ же тѣ люди, которые это видали? Алексѣй Оуха и Василій Хараковичъ говорили, будто Брикунъ ихъ такъ околдовалъ, что одинъ безъ памяти упалъ на землю, а другой въ дымъ полѣзъ: нѣтъ; это съ ними случилось съпьяна, а совсѣмъ не по брикунову чародѣйству. Игнатъ говорить, что по брикунову чародѣйству у него пиво испортилось. Игнатъ—старикъ лѣтъ восьмидесяти и память потерялъ, а законъ не допускаетъ свидѣтельства семидесятилѣтнихъ; да что же тутъ—часто бываетъ, что пиво испортится. Я, Василій Брикунъ, живу въ Полоцкѣ пятьдесятъ лѣтъ, исправлялъ разныя городскія должности—былъ и въ десятникахъ и въ сотникахъ, и никто меня въ чародѣйствѣ не обвинялъ. Они затѣяли на меня по ненависти и свидѣтелей набрали, сидя за виномъ. Брикунъ отводилъ свидѣтелей, ссылаясь на магдебургское право, потому что это были люди пришлые, не осѣдлые, которыхъ упомянутое право не допускаетъ въ свидѣтели въ такихъ дѣлахъ. Равнымъ образомъ, онъ ссылался на законы и, между прочимъ, на то же магдебургское право, доказывая, что нельзя мучить на пыткѣ, а тѣмъ болѣе сжечь человѣка безъ явныхъ доказательствъ и уликъ. Въ заключеніе Брикунъ съ своимъ пленнотентомъ говорили: «Василій Брикунъ, ни мало не будучи виновать въ такихъ дѣлахъ, то-есть въ чародѣйствѣ, ссылается на семь и даже на четырнадцать свидѣтелей, въ томъ, что во всемъ обвиненъ невинно, никогда чарами не занимался, не знаетъ ихъ, а потому просить уволить его отъ такого обвиненія, какъ невиннаго и честнаго человѣка, и требуетъ удовлетворенія по закону на противной сторонѣ за нанесенный вредъ и безчестіе». Послѣ такихъ контроверсій, судъ выбралъ двухъ лавниковъ, Богдана Самуиловича и Андрея Бѣлоусовича, и поручилъ имъ въ особой избѣ раздѣть и осмотрѣть Брикуна, нѣтъ ли

при немъ чего-нибудь указывающаго на волхвованія. Исполнивъ свое порученіе, эти лица донесли, что пашли при немъ въ карманѣ, въ мошениѣ, въ бумажѣ, завернутую и обмотанную разнаго сорта нитками смѣсь, какъ бы песка съ перцемъ. Брикунъ объяснялъ, что ходя изъ города въ село, онъ имѣлъ привычку носить съ собою табакъ и перецъ; табакъ у него издержанъ, а перцу немного осталось. Чтобъ въ бумажѣ съ перцемъ былъ песокъ, Брикунъ не объяснилъ и вѣжется отрицалъ это. Но тутъ явилась двоюродная сестра покойной жены Брикуна и показывала, что бывало Брикунъ куда ѣдетъ, то женѣ своей uskor uczyni (?) *; она отъ этого хирѣла и сохла, а я ей отыскала волхвита одного именемъ Ивана за десять миль отъ Полоцка, и этотъ волхвиту, осмотрѣвши ее, сказалъ: на врадъ ли дождешься родовъ; и она на другой день послѣ родовъ умерла; и мнѣ Василій Брикунъ сдѣлалъ то же назадъ тому четырнадцать лѣтъ, и до сихъ поръ назадъ у меня кости ломаютъ и ноютъ; и одинъ человекъ меня осматривалъ, такъ сказалъ: это тебя Брикунъ съѣлъ; и теперь какъ только время то приходитъ, сама не знаю куда дѣваться». Послѣ этого новаго заявленія противъ Брикуна жестокой женщины, оказавшаго, по всему видно, большое вліяніе на судей, судъ отложилъ дальнѣйшее производство дѣла до 29 марта, а въ этотъ день порѣшилъ такъ: Если обвинители, числомъ семь (Иванъ Бикъ, Иванъ Кондратьевичъ съ женою, Ясько Николаевичъ съ женою, Алексѣй Одзѣруха и Хома Гуца—двое послѣднихъ уполномочены отъ другихъ) присягнуть, что Брикунъ дѣйствительно чаровникъ и людямъ дѣлалъ много зла своимъ чародѣйствомъ, тогда Василія Брикуна отдать на муку въ штыку, и потомъ, хотя бы онъ ни въ чемъ не сознался, какъ уже уличеннаго, сжечь въ пепель съ тѣми чародѣйскими вещами, какія при немъ были найдены. На третій день послѣ того, произнесена была присяга вышеупомянутыми лицами. Эта присяга оканчивалась такими словами: если мы присягаемъ справедливо, Боже намъ помоги; а если несправедливо—Боже насъ убей.

Послѣ этой присяги, Василія Брикуна отдали на муки—его привязали и притянули на лѣстницѣ, а потомъ палачъ поджигалъ его салными свѣчами. Брикунъ же не сознавался ни въ чемъ. Окончательное исполненіе приговора, т. е. сожженіе, судъ отложилъ до Великой пятницы, но Брикунъ не дождался ужасной казни и, сидя въ тюрьмѣ, зарѣзался ножомъ. Трупъ его былъ сожженъ палачемъ въ полѣ.

Въ изданномъ томѣ помѣщено нѣсколько актовъ, касающихся казаковъ, отрывавшихъ нѣкоторые неизвѣстные до сихъ поръ факты. Такъ изъ № 60 мы узнаемъ, что въ 1590 г. 4 февраля гетманъ донскихъ казаковъ Матюша Федоровичъ съ ясаулами, атаманами и товарищами напалъ на имѣніе Ходѣвича Быхов-

* Что такое uskor—неизвѣстно. Бить можетъ, не uskurъ ли, отъ uskurъnc—умилнуть.

ское въ Оршанскомъ повѣтѣ; тамъ казаки граблѣли и переранили людей, и въ томъ же году апрѣля 3 гетманъ войска Запорожскаго Войтехъ Чаповицкій со своими ясаулами, атаманами и товарищами напали на другое имѣніе Ходибвичей Хомтова и тоже надѣлали грабежей и безчинствъ. Имя гетмана Чаповицкаго является здѣсь первый разъ и до сихъ поръ оно нигдѣ не встрѣчалось. Равнымъ образомъ остается загадочнымъ: какъ могли сойтись въ такой отдаленной сторонѣ донскіе казаки съ запорожскими.

Другой, вышедшій въ 1867 году, сборникъ, появившійся въ Вильнѣ, изданный археографическою комисіею, существующею въ Вильнѣ, заключаетъ въ себѣ исключительно акты бреотскаго земскаго суда. Они подраздѣлялись на три отдѣла; въ первомъ помѣщены акты, просящіе элементы православія въ сѣверо-западномъ краѣ. Здѣсь помѣщены по большей части привилегіи, данныя, записи, касающіяся разныхъ православныхъ церквей и принадлежащихъ къ нимъ земель. Всѣ они имѣютъ мѣстный интересъ. Во второмъ отдѣлѣ помѣщено девять актовъ, относящихся къ управленію бѣловжескою пушею, три инструкціи посланъ брестскаго воеводства, посылаемымъ на сеймъ, семь опредѣленій мѣстныхъ брестскихъ сеймиковъ, и затѣмъ нѣсколько актовъ, касающихся различныхъ предметовъ; инструкціи, получаемыя вѣкогда посланами на великій сеймъ отъ своихъ провинціальныхъ сеймиковъ, любопытны въ томъ отношеніи, что указываютъ на мнѣнія и направленія, господствовавшія въ разные эпохи въ польскомъ обществѣ. Такъ въ 1596 году брестское дворянство по поводу вопроса объ отношеніяхъ Польши къ Турціи, совѣтуетъ составить союзъ съ христіанскими государствами противъ Турціи, и никакъ не соглашается на уничтоженіе казаковъ, чего, какъ известно, постоянно и болѣе всего добывалась Турція отъ Польши. Брестское дворянство, какъ и вообще русское, до полнаго сліянія съ польскимъ стояло за свою отдѣльность, несмотря уже на совершившуюся унію Литвы съ Польшею, и въ этомъ духѣ брестская инструкція не позволяетъ допускать, чтобы виленская епископская кафедра была отдана поляку, а не литвинну, хотя въ то время это самое дворянство уже значительно ополчилось, какъ это доказывается тѣмъ, что самая инструкція писана по-польски, а не по-русски. Несомнѣнно, что корень безсилія, съ какимъ показали себя русскіе дворяне въ дѣлѣ защиты вѣры и народности, прежде всего находится въ усвоеніи польскаго языка, чему чрезвычайно помогло цвѣтущее, по своему времени, развитіе польской литературы и просвѣщенія въ XVI вѣкѣ. Вторая инструкція брестскаго дворянства совсѣмъ не важна. Третья относится къ 1788 году къ знаменитой эпохѣ четырехлѣтняго сейма Рѣчи Посполитой, когда изъ Бреста были избраны послы, игравшіе видную роль въ этой эпохѣ — Матушевичъ и Казимиръ Несторъ Сапѣга. Въ этой инструкціи брестское дворянство требуетъ кореннаго измѣненія въ организаціи

Ръчи Посполитой, сознаеть ея крайне печальное и униженное состояніе, жадаеть умноженія войска, улучшенія судопроизводства, воспитанія и т. п. Подобныя инструкціи могутъ тогда принести пользу наукѣ, когда будутъ изданы изъ разныхъ мѣстъ вмѣстѣ по отношенію къ эпохамъ и событіямъ въ большомъ количествѣ. Въ третьемъ отдѣлѣ помѣщены акты юридическіе, преимущественно касающіеся убійствъ, грабежей, наѣздовъ и разнаго рода безчынствъ. Само собою разумѣется, что въ нихъ найдутся черты, болѣе или менѣе важныя для уразумѣнія подробностей общественной и домашней жизни.

Н. К.

НОВЫЯ КНИГИ.

1. Мѣсяцесловъ на 1868 годъ. *Изданіе Императорской академіи наукъ.*
2. Всеобщій календарь на 1868 годъ. *Изданіе Гоппе и Корнфельда.*
3. Календарь на 1868 годъ. *Изданіе Овсянникова.*
- 4, 5, 10, 20 и т. д. Календари на 1868 годъ, ихъ же имена ты видишь о Господи въси.

Давно ли было время, когда всѣ литераторы, а за ними и всѣ ревнители русскаго народнаго просвѣщенія вопили противъ академіи: зачѣмъ она захватила себѣ такую важную привилегію, какъ изданіе календаря? Зачѣмъ она отняла у нихъ одно изъ лучшихъ и самыхъ удобнѣйшихъ средствъ для просвѣщенія народа? И какъ она пользуется этимъ средствомъ? Чѣмъ помѣщаетъ въ календарѣ? Сухія офіціальныя свѣдѣнія о небесныхъ и земныхъ разстояніяхъ, о монетахъ, банкахъ, почтахъ, дорогахъ, телеграфахъ, и проч., и проч.,—все въ томъ же родѣ, и ничего поучительнаго и полезнаго для народа. А между тѣмъ, говорили они—календарь почти единственная книга, въ которой и чрезъ которую можно въ настоящее время бесѣдовать непосредственно съ народомъ. Календарь покупаютъ всѣ: и литераторъ, и ученый, и художникъ, и чиновникъ, и купецъ, и ремесленникъ, и мужикъ,—да, и мужикъ, это несомнѣнно, ибо примѣчено что со времени появленія земскихъ учрежденій мужики сдѣлались крайне любознательны. Сколько бы въ такой общенародной книгѣ можно было помѣстить просвѣтительныхъ понятій, развивающихъ идей, руководящихъ воззрѣній, созидающихъ принциповъ,—и принциповъ не одного какого нибудь сорта, принциповъ самыхъ разнообразныхъ и жизне-исправительныхъ, и жизне-направительныхъ, и жизне-возбудительныхъ! Сколько далѣе здѣсь можно бы было

водворить разныхъ общепольныхъ научныхъ свѣдѣній изъ самыхъ послѣднихъ открытій науки, свѣдѣній, которыя теперь, никакѣмъ не знаемыя, таскаются вмѣстѣ съ прирѣвными ихъ изъ милости специалистами по суровымъ петербургскимъ чердакамъ совершенно бесплодно для міра! Черезъ календарь не трудно бы было даже поднять русскаго мужика на высокую ступень художественнаго развитія; ибо чего стоило бы прилагать какихъ нибудь пять—шесть заграничныхъ гравюръ ежегодно къ книжкѣ календаря. А одна такая книжка, проникнувъ въ хижину селянина, вытѣснила бы оттуда разныя лубочныя картинки и батальные виды, и быстро очистила и утончила бы безобразный и грубый вкусъ русскаго мужика. А что календари стали бы проникать и въ хижины селянъ и сдѣлались бы тамъ настольною книгою, въ томъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Ибо подобныя календари могли бы печататься въ нѣсколькихъ милліонахъ экземпляровъ и каждый календарь въ продажѣ стоилъ бы не болѣе 15, 10 коп., и нѣтъ сомнѣнія, что и просвѣщенные мировые посредники, и просвѣщенные мировые судьи, и наконецъ неуспѣшныя печальники народнаго благосостоянія—гласныя мировыхъ учрежденій употребили бы съ своей стороны всѣ старанія, чтобы такую полезную книгу ввести въ хижину каждаго селянина. Сколько черезъ это разлилось бы вдругъ свѣта въ русской землѣ! А вмѣстѣ съ тѣмъ какъ быстро возвысился бы черезъ это уровень общаго благосостоянія! Мужикъ немедленно понялъ бы свое положеніе и значеніе если не въ дѣлой системѣ мірознанія, то въ системѣ существующихъ учрежденій и отношеній, и не сталъ бы медлить внесеніемъ слѣдующихъ съ него недоимокъ и безпричинно и мятежно отлынивать отъ работъ. О, еслибы только академія отказалась отъ своей привилегіи издавать календарь и предоставила это право всѣмъ! Какое тогда счастье и довольство разлилось бы въ русской землѣ! Такъ или почти такъ вопли, а если не вопли, то были готовы вопить литераторы и вообще ревнители просвѣщенія, когда право изданія календарей было исключительной привилегіей академіи.

Что же академія? Академія, единственная сердобольная мать и попечительница русскаго просвѣщенія со временъ Петра, вняла этимъ молебнымъ воплямъ русскихъ либераловъ, и согласилась, какъ ей это было ни убыточно, отказаться отъ своей привилегіи и раздѣлить право изданія календарей со всѣми желающими, и прошло уже два года съ того времени, какъ это право принадлежитъ всѣмъ.

Гдѣ же они — тѣ просвѣтители, которые плавали за право изданія календарей? Гдѣ литераторы и ревнители просвѣщенія, которые чрезъ календари хотѣли вступить въ просвѣтительную бесѣду съ народомъ? Ихъ не оказывается въ календарной литературѣ. Вмѣсто ихъ, въ качествѣ просвѣтителей народа, выступили нѣкіе Гоппе и Корнфельдъ, о которыхъ пока извѣстно только то, что они живутъ по Большой Садовой улицѣ въ домѣ

Ильина, — книгопродавецъ Овсянниковъ и tutti quanti — все въ томъ же родѣ. О народѣ въ календаряхъ нѣтъ и помину; календари наполняются невообразимымъ хламомъ, ненужнымъ не только для народа, но и ровно ни для кого; по цѣнѣ они ничуть не дешевле академическаго. И весь вопросъ о календаряхъ порѣшился тѣмъ, что бывшая календарная монополія замѣнилась тяжелымъ календарнымъ налогомъ. Да, замѣнилась тяжелымъ налогомъ — говоримъ это безъ всякаго преувеличенія. Прежде, купивши академическій календарь, вы могли оставаться совершенно спокойными; ибо знали, что никакихъ болѣе календарей нѣтъ, и быть не можетъ. Теперь, какъ вы ни будете крѣпки, вы менѣе двухъ календарей не купите, а то купите и три. Академическій календарь вы непременно купите, и дурно сдѣлаете, если не купите; потому что только на цифры его вы и можете твердо положиться; цифрамъ другихъ календарей — будутъ ли то календарь Гоппе и Корнфельда, или Овсянникова, или иныхъ прочихъ, вы можете довѣрять только съ большою осторожностію. Но, купивши календарь академическій, вы непременно купите и календарь Гоппе и Корнфельда, или календарь Овсянникова, а, пожалуй, и тотъ и другой вмѣстѣ. Нельзя не купить; ибо издатели календарей употребляютъ всѣ возможныя приманки и ухищренія, чтобы соблазнить васъ на эту производительную трату. Я буду о себѣ рассказывать.

Иду я въ началѣ прошедшаго года мимо книжнаго магазина Кожанчикова — это было еще въ то время, когда Кожанчиковъ считалъ неблагороднымъ водворяться съ своимъ благороднымъ товаромъ среди другихъ гостинодворцевъ, когда онъ не сосѣдничалъ еще съ какимъ нибудь incognitus въ книжномъ дѣлѣ Битепажемъ, а сидѣлъ отдѣльно съ родомъ своимъ противъ публичной библіотеки, какъ нѣкогда Кій на горѣ Киевской — такъ иду, говорю я, мимо магазина Кожанчикова и вижу выставленную въ окнѣ толстую книгу большого формата, въ красной оберткѣ, а на лицевой сторонѣ этой обертки большой кругъ, а въ этомъ кругѣ множество темныхъ не то шаровъ, не то круговъ на фонѣ то красномъ, то темноватомъ, а поверхъ всего надписи крупными буквами: *Всеобщій календарь на 1867 годъ*. Развѣ можно было удержаться, чтобы не зайти въ магазинъ и не взглянуть на это новое, небывалое явленіе въ нашей жизни? А взглянувъ на него по поверхности. Развѣ можно было не заинтересоваться имъ? Въ календарѣ Гоппе и Корнфельда было изображено все, что русскому гражданину вѣдать надлежитъ, и даже можно сказать, было изображено больше, чѣмъ сколько вѣдать надлежитъ, ибо помѣщена была особая статья даже о личномъ задержаніи за долги. А вдобавокъ къ тому была приложена если небогатая, то небывалая у насъ въ календаряхъ литература: помѣщенъ былъ какой-то рассказъ о любви по большой дорогѣ, кромѣ того, юмористическій календарь. Кто могъ озацаться, спрашиваю я, настолько безчувственнымъ, чтобы

не пріобрѣсть подобнаго, небывалаго у насъ календаря, хотя бы у него и былъ уже календарь академическій? Такъ сдѣлалъ и я, то-есть пріобрѣлъ календарь Гоппе и Корнфельда по-вункою.

Но когда я пришелъ домой, когда внимательно пересмотрѣлъ календарь Гоппе и Корнфельда, когда прочелъ и любовь по большой дорогѣ, и юмористическіе потуги Гоппе и Корнфельда, тогда я готовъ былъ... Но что говорить! Я думаю, что еслибы Гоппе и Корнфельдъ увидали меня въ эти минуты, то не рѣшились бы издавать календарей. А впрочемъ, нѣтъ — это уже слишкомъ много сказано. Гоппе и Корнфельдъ не изъ числа пугливыхъ литераторовъ — они будутъ долго еще издавать свой календарь, какія бы онъ впечатлѣнія и ощущенія ни производилъ на ихъ читателей. Но я самъ въ оныя тяжелыя минуты далъ себѣ твердый обѣтъ держаться впредь неуклонно и неизмѣнно академическаго календаря и не покушать нивакихъ другихъ календарей, въ особенности же Гоппе и Корнфельда.

Когда, въ концѣ прошлаго года, вышелъ академическій календарь, а вышелъ онъ нынѣ какъ разъ раньше всѣхъ календарей, я немедленно пріобрѣлъ его и думаю себѣ: ну, теперь крѣпко, не вуню еще нивакаго календаря, чтѣ бы они тамъ ни пѣли. Но... пусть всякій здѣсь, на примѣрѣ моемъ поучается, какъ слабъ человекъ.

Иду я уже не мимо магазина Кожанчикова (ибо Кожанчиковъ не сидѣлъ уже въ это время отдѣльно съ родомъ своимъ противъ публичной бібліотеки, какъ нѣкогда Кіи на горѣ Киевской, а снесъ свой товаръ въ гостиной дворъ и сосѣдилъ уже съ Битешажемъ), а просто мимо столбика букиниста. Я ввожу здѣсь это обстоятельство потому что оно очень важно. Къ магазину Кожанчикова я имѣлъ симпатію, могу сказать, со времени моего литературнаго дѣтства; каждая книга, красовавшаяся въ окнахъ его магазина, для меня получала цѣну уже тѣмъ однимъ, что она помѣщалась здѣсь; потому нѣтъ ничего особенно удивительнаго, что въ силу такого моего увлеченія магазиномъ я захватилъ попавшій туда календарь Гоппе и Корнфельда. Такъ иду я не мимо уже магазина Кожанчикова, а мимо столбика какого-то неважнаго букиниста, и вижу толстѣйшую книгу, выглядывающую нѣкоторымъ образомъ Левиафаномъ среди другихъ книгъ, въ богатомъ переплетѣ. «Чтѣ за книга?» спрашиваю я букиниста. «Всеобщій календарь Гоппе и Корнфельда», отвѣчаетъ букинистъ. Я было обгомъ отъ столбика. «Позвольте — кричить мнѣ въ слѣдъ букинистъ — тутъ изображеніе 12-ти министровъ, тутъ карта всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ Европѣ, тутъ литературныя произведенія доктора Ханкина и Писаревскаго». «Какъ! — говорю я — и изображеніе 12-ти министровъ, и карта желѣзныхъ дорогъ, и докторъ Ханкинъ и Писаревскій, все есть? И все это сколько стоитъ?» «Всего 1 р. 25 к., а одинъ переплетъ, какъ видите, стоитъ не дешевле 40 к.», отвѣчалъ букинистъ. Согласитесь, чи-

татель, что не приобрести книги было невозможно. Книга сама по себѣ была такой толщины, что продавать ее за рубль невозможно. А тутъ еще и изображеніе 12-ти министровъ, и карта желѣзныхъ дорогъ, и докторъ Ханкинъ и Писаревскій.

Но когда я пришелъ домой, когда я внимательно пересмотрѣлъ новый календарь Гоппе и Корнфельда, я снова увидалъ себя въ положеніи человѣка, купившаго свистѣлку вмѣсто сапоговъ. Но я уже не волновался, какъ въ прошлый годъ. Разъ, что по привычкѣ, а другое, въ теченіе года я успѣлъ переиспытать и спознать многое, видѣлъ людей — не Гоппе и Корнфельду чета — выдающихъ свистѣлки за сапоги, потому и сталъ къ Гоппе и Корнфельду снисходительнѣе. Я сталъ разсматривать ихъ календарь, не какъ календарь, а просто, какъ книгу. И книга, какъ книга, оказалась ничего. Изображенія министровъ, хотя и въ очень миниатюрномъ видѣ, сдѣланы недурно; карта желѣзныхъ дорогъ удовлетворительна; статьи доктора Ханкина и Писарева тоже ничего. Правда, оба эти писателя занимаютъ немножко ворожкой. Докторъ Ханкинъ, напримѣръ, включилъ въ свой «Краткій очеркъ открытій и изобрѣтеній за послѣднее время» такъ-называемый имъ «Вѣщій эпилוגъ», въ которомъ всѣмъ намъ, жителямъ сѣвернаго полушарія, предсказываетъ скорое и конечное истребленіе. «Мы живемъ — говоритъ онъ — именно въ тотъ періодъ, подъ конецъ котораго на сѣверѣ льды будутъ постепенно нарастать, климатъ нашего полушарія становиться суровѣе, отъ нарастанія льдовъ произойдетъ перемѣщеніе центра тяжести въ сѣверномъ полушаріи, воды южнаго устремятся къ намъ, произойдетъ потопъ и человѣкъ будетъ продолжать свое существованіе уже на материкахъ южнаго полушарія, освободившихся отъ массы покрывающаго ихъ океана». Судя по этому предсказанію, надобно полагать, что докторъ Ханкинъ долженъ быть человѣкъ очень мрачнаго характера. Г. Писаревскій представляетъ совершенную противоположность ему. Онъ дѣлаетъ свои предсказанія, повидимому, въ самомъ веселомъ настроеніи, и потому утверждаетъ, что Сербія выполнитъ, по отношенію къ прочимъ славянамъ, роль балканскаго Пьемонта, что ей остается только подождать своего графа Кавура. Но и эти предсказанія, собственно говоря, ничего; напротивъ, они, нѣкоторымъ образомъ, восполняютъ наслажденіе читателя, то волнуя его нервы легкимъ безпокойствомъ на счетъ имѣющаго быть потопа, то увеселяя его измышленіемъ новаго Пьемонта.

Такимъ образомъ еслибы выдѣлить изъ календаря только изображенія 12 министровъ, карту желѣзныхъ дорогъ и статьи доктора Ханкина и Писарева и издать въ особой брошюрѣ, то охотники за такою брошюрой дали бы 1 руб. серебромъ. Слѣдовательно, остальное дается Гоппе и Корнфельдомъ нѣкоторымъ образомъ въ подарокъ покупателямъ. Казалось, какъ бы не быть довольнымъ календаремъ Гоппе и Корнфельда. Люди сдѣлали дѣло, какъ умѣли. и судя по цѣнѣ вещи съ матеріальной ея стороны

лично каждому своему покупателю дали столько, сколько никакъ не могъ бы дать ему другой издатель, неизмѣющій средствъ Гоппе и Корнфельда, хотя бы онъ и въ 100 разъ лучше ихъ понималъ дѣло. Можно бы было бросить рубль не за искусство, а за одно доброе намѣреніе :

Подайте мальчику на хлѣбъ
Онъ Велизарія поетъ...

А между тѣмъ, купивъ календарь Гоппе и Корнфельда, вы чувствуете недовольство, вамъ становится даже обидно, что вы его купили. А обидно становится потому, что вы покупали календарь, а вамъ вмѣсто этого подсунули чортъ-знаетъ что, положимъ, и стоящее заплаченныхъ денегъ, а все-таки чортъ-знаетъ что. Ощущеніе вашего недовольства похоже на то, какъ еслибы вы покупали курицу на супъ, а домой принесли бы чучело курицы, вещь дѣнную, но для супа вовсе негодную.

Такое именно чучело представляетъ собою календарь Гоппе и Корнфельда. Относительно внутренняго содержанія календаря, Гоппе и Корнфельдъ стоятъ на той же точкѣ зрѣнія, на какой стоитъ и академія, то-есть думаютъ, что календарь долженъ содержать разныя справочныя свѣдѣнія, и только. Но на этомъ полѣ никто изъ частныхъ издателей календарей съ академіею состязаться, очевидно, не можетъ. Потому что почти всѣ нужны для нашего образованнаго общества справочныя свѣдѣнія у насъ можно доставать исключительно путемъ официальнымъ, а этотъ путь у насъ доступенъ единственно для академіи или вообще для правительственныхъ учрежденій, а никакъ не для частныхъ лицъ. Издатель календаря, который поставилъ себѣ цѣлю только собрать разныя справочныя свѣдѣнія, долженъ заимствовать ихъ по необходимости изъ академическаго же календаря и, слѣдовательно, *volens volens*, быть его копіей. И дѣйствительно, всѣ выходящіе доселѣ календари представляютъ собой не болѣе, какъ копіи съ академическаго календаря. И должно признаться, что даже какъ копіи, они весьма плохи и свидѣтельствуютъ только о крайней неумѣлости ихъ составителей. Но они, конечно, сдѣлались бы еще хуже и опротивѣли бы впродолженіе 2—3 лѣтъ, еслибы академія не спѣшила выпускомъ своего календаря, принявъ за правило издавать его не ранѣе декабря. Ибо легко представить, какіхъ бы *достоверныхъ* свѣдѣній астрономическихъ, статистическихъ и т. д. насовали въ свои календари гг. издатели частныхъ календарей безъ помощи календаря академическаго. Мы уже не говоримъ о томъ, какое постыдное фіаско потерпѣли бы всѣ нынѣшніе календари частныхъ издателей, еслибы академія взяла на себя трудъ пересмотрѣть официальные отдѣлы своего календаря, дать имъ другую, болѣе благовидную и удобную форму, и помѣщать ежегодно въ приложение по двѣ или по три такихъ статей, какая была помѣщена ею въ календарѣ на 1867 годъ. Въ чемъ

въ самомъ дѣлѣ могли бы состязаться съ академическимъ календаремъ, хорошо составленнымъ, частные календари, пока они будутъ составляться по той же самой методѣ, по которой составляется и академическій календарь? Положительно ли въ чемъ. Ни на одно свѣдѣніе частнаго календаря, добываемое официальнымъ путемъ, вы положиться не можете. Единственно достовѣрныя свѣдѣнія подобнаго характера вы можете имѣть только изъ академическаго календаря. Особня отъ сего какія-либо свѣдѣнія, которыя введеть у себя тотъ или другой частный календарь, будутъ или ни для кого не нужны, каковы были, на примѣръ, свѣдѣнія календарей Гоппе и Корнфельда о петербургскихъ улицахъ, о дняхъ полученія капиталистами денегъ и многія имъ подобныя, или весьма сомнительны и неполны. Затѣмъ что же можетъ входить особеннаго въ нынѣшній составъ частныхъ календарей? Разныя случайныя сюрпризы, которые они даютъ своимъ читателямъ, на примѣръ, изображеніе 12 министровъ, карта желѣзной дороги, статьи доктора Хавкина и Писаревскаго. Но, во первыхъ, сюрпризы, какъ скоро они не связаны съ основною мыслию календаря, теряютъ значительную часть своей цѣны, а иногда и совершенно всякую цѣву; а въ нашихъ нынѣшнихъ календаряхъ ни въ одномъ, исключая дешеваго *Крестнаго* календаря, издаваемаго въ Москвѣ, доселѣ нѣтъ никакой мысли; а воторыхъ, такіе сюрпризы дѣлаеть почти каждагодно (исключая нынѣшняго года) и академія, съ тѣмъ преимуществомъ, что она дѣлаеть всегда сюрпризы, приличные для академическаго календаря.

Однимъ словомъ, мы стоимъ твердо на томъ, что изъ всѣхъ издаваемыхъ нынѣ календарей нѣтъ лучше академическаго календаря, и не совѣтуемъ никому покупать какой-нибудь другой календарь, кромѣ его, — и держаться вѣрно этого правила дотолѣ, пока издатели частныхъ календарей будутъ слѣдовать той же методѣ составленія календарей, какой слѣдуетъ и академія.

Словесность въ образцахъ и разборахъ съ объясненіемъ общихъ свойствъ сочиненія и главныхъ родовъ прозы и поэзіи. Соч. В. Водовозова. *Спб.* 1868 г.

Г. Водовозовъ давно уже приобрѣлъ себѣ почетную извѣстность въ нашемъ педагогическомъ мірѣ, а сочиненія его пользуются заслуженнымъ успѣхомъ въ нашей учебной литературѣ. По славу своего ума г. Водовозовъ болѣе аналитикъ, чѣмъ синтезникъ. Оттого сочиненія его не блистаютъ ни богатствомъ новыхъ идей и выводовъ, ни строгою систематичностью, напротивъ, онъ какъ будто намѣренно старается быть нѣсколько разбросаннымъ, любить нерѣдко останавливаться на мелочахъ, входить иногда въ подробности, повидимому, вовсе ненужныя. Это по мѣстамъ дѣлаеть его сочиненія нѣсколько растянутыми и валыми. Нельзя сказать, чтобы этого недостатка былъ волюнѣ чуждъ и новый его трудъ. Есть растянутости, есть подробности, на нашъ взглядъ вовсе ненужныя, особенно если примемъ во выи-

маніе то, что этотъ трудъ назначается самимъ г. Водовозовымъ для преподавателей, а не для учениковъ. Но вообще слишкомъ дробный анализъ въ сочиненіяхъ г. Водовозова не только не недостатокъ, а положительное достоинство, имѣющее въ основѣ своей то весьма резонное убѣжденіе автора, что только самый строгій, отчетливый и по возможности всесторонній анализъ каждаго встрѣчающагося ученику новаго явленія можетъ развить и пробудить въ немъ самую самостоятельную мысль, вооружить эту мысль тонкою дѣтальною дурнаго и хорошаго, и сдѣлать ее чуткою къ каждой фальши, и что поэтому въ сочиненіи, которое дается въ руки ученика или дается для руководства по нему ученика, ни одно явленіе не должно оставаться безъ самого тщательнаго и по возможности всесторонняго разъясненія. Такой приемъ г. Водовозова есть истинный кладъ для нашихъ учебныхъ заведеній, гдѣ и у учителей и у учениковъ еще доселѣ царить прежнихъ временъ блаженная привычка познавать все гуртомъ, по верхамъ, кое-какъ, показавши.

Другое неоспоримое достоинство сочиненій г. Водовозова, въ особенностяхъ тѣхъ, которыя относятся къ словесности и поэзій, это трезвый взглядъ ихъ на словесныя и поэтическія произведенія и строгая выдержанность этого взгляда во всѣхъ его частныхъ примѣненіяхъ къ различнымъ явленіямъ прозы и поэзій. Для многихъ изъ нашихъ педагоговъ поэзія есть еще доселѣ, какъ опредѣляетъ ее одинъ учитель, «разнузданный конь, бурно несущійся по необозримой степи, направленія бѣга котораго никто опредѣлить не можетъ, равно какъ никто не можетъ удержать его стремительности», а образъ самого поэта предносится не иначе, какъ въ извѣстномъ очертаніи Пушкина:

Вѣяли оны, дикій и суровый,
И звуковъ и смѣтенныя поля,
На берега пустынныхъ волвъ,
Въ широкошумныя дубровы.

Г. Водовозовъ смотритъ на дѣло иначе. И поэзію и поэтовъ онъ подчиняетъ тѣмъ же разумнымъ требованіямъ, которыя обязательны для всѣхъ простыхъ смертныхъ, и насчетъ исполненія ими этихъ требованій неуместимо строгъ. Для него ничего не значить ни авторитетъ, ни имя, ни слава. Въ каждомъ поэтическомъ произведеніи онъ ищетъ прежде всего мысли, достоинство же мысли оцѣниваетъ по мѣрѣ той или другой полезности ея въ дѣлѣ общаго развитія. Г. Водовозова ничѣмъ не подкупишь—ни легкимъ, плавнымъ стихомъ, ни звонкою речью, ни обиліемъ остроумія, ни игривостію и шаловливостію фантазій; онъ остается ко всему безчувственъ, если въ стихахъ нѣтъ разумнаго содержанія. Иногда становится вчужѣ жалко, когда онъ начинаетъ говорить разными грубостями на счетъ самыхъ прелестнѣйшихъ стиховъ, которыми не налюбуются любители стихотворнаго искусства. Возьмемъ, на примѣръ, хоть слѣдующіе стихи Лермон-

това, изображающіе высоту той ступени, на которой стоитъ поэтъ по отношенію къ уровню современнаго ему общества:

Укорь вѣждь, укорь людей
 Души высокой не печалитъ;
 Пускай шумитъ волна морей —
 Утесъ гранитный не повалитъ.
 Его чело межъ облаковъ,
 Онъ двухъ стихій жидецъ угрюмый,
 И вромъ бури да громовъ,
 Онъ никому не вѣритъ думы.

Не правда ли—прелестные стихи? Мы по крайней-мѣрѣ знали людей, которые не могли читать этихъ стиховъ безъ нѣкотораго внутреннего разъяренія противъ подкапывателей *гранитнаго утеса* и которые отъ избытка наслажденія скандовали эти стихи иначе, какъ съ зажмуренными глазами.

А г. Водозововъ относительно именно этихъ стиховъ говорить: «высказывая одно отчужденіе отъ свѣта, поэтъ впадаетъ въ неразумную крайность; онъ безъ разбора осуждаетъ людей, вида въ нихъ начало всякаго зла, какъ будто на самомъ дѣлѣ можно было отказатся отъ общества и жить въ лѣсахъ съ звѣрами. Если есть такая могучая энергія характера—продолжаетъ г. Водозововъ—въ человѣкѣ (то-есть поэтѣ), то мы ждемъ отъ него дѣятельности, а не одинокихъ думъ и мечтаній. Лермонтовъ самъ понималъ непрочность себялюбивыхъ грезъ, когда осуждалъ ихъ въ молодомъ мечтателѣ:

*Какое дѣло намъ, страдать ты или нѣтъ?
 На что намъ знать твои волненья,
 Надежды глупыя первоначальныхъ летъ,
 Разсудка злыя сожалѣнья?»*

Но если г. Водозововъ позволяетъ себѣ говорить подобныя грубости относительно прелестнѣйшихъ стиховъ, то спрашивается: что же ему можетъ нравиться? А вотъ что:

«Личныя думы поэта — говорить онъ — имѣютъ лишь на столько значенія, на сколько онѣ выражаютъ развитіе человѣческаго чувства въ его стремленіи къ прекрасному. При этомъ развитіи человѣкъ наконецъ достигаетъ сознанія, что его собственныя мечты о счастьи, его любовь къ прекрасному могутъ осуществиться лишь при одномъ условіи: чтобы и счастье другихъ людей было возможно, чтобы и жизнь другихъ людей слалась по идеѣ красоты и правды. Привыкнувъ наблюдать стрекленія, надежды, радость и горе своихъ ближнихъ, онъ естественно переносится чувствомъ въ эту общую жизнь; его личная радость, личное горе невольно обращены къ тому, что способствуетъ или препятствуетъ общему благу. Идеаль въ его общихъ основаніяхъ остается прежнимъ: природа, любовь, красота въ немъ нисколько не теряютъ своего значенія; но для его

осуществленія могутъ также хорошо служить образы, взятые изъ обыденнаго круга жизни, какъ и созданныя свободною фантазією: содержаніе этихъ образовъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ имѣеть тѣсную связь съ извѣстнымъ общественнымъ положеніемъ. Тутъ исполняется то, что Лермонтовъ говорилъ про поэта:

Твой стихъ, какъ Божій духъ, носился надъ толпой
И отзывъ мыслей благородныхъ,
Звучалъ, какъ колоколъ надъ башней вѣковой
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.

Но такого высокаго значенія, въ какомъ рисуютъ поэзію эти стихи Лермонтова, она можетъ достигать, по мнѣнію г. Водозова, только въ обществахъ очень развитыхъ; въ обществахъ низшаго развитія довольно и того, если поэзія, не чуждаясь жизни, выражаетъ свое сочувствіе къ людямъ. На этомъ пути и создается такъ-называемая «общественная лирика», отличающаяся отъ *столеченно-художественной* тѣмъ, что примѣняетъ свой обще-человѣческій идеалъ къ явленіямъ окружающей дѣйствительности». Въ примѣръ того, какъ отъ личныхъ ощущеній чувство поэта переходитъ къ общимъ явленіямъ, авторъ приводитъ слѣдующую пьесу Некрасова:

Ночь. Успѣли мы всѣмъ насладиться.
Что жъ намъ дѣлать? Не хочется спать.
Мы теперь бы готовы молиться
Но не знаемъ, чего пожелать.
Пожелаемъ тому доброй ночи,
Кто все терпитъ, во имя Христа,
Чьи не плачутъ суровыя очи,
Чьи не ропщутъ ищмыя уста,
Чьи работаютъ грубыя руки.
Предоставивъ почтительно намъ
Погружаться въ искусства, въ науки,
Предаваться мечтамъ и страстямъ,
Кто бредетъ по житейской дорогѣ
Въ безразсвѣтной, глубокой ночи,
Безъ понятія о правѣ, о Богѣ,
Какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи.

и дѣлаегъ къ этой пьесѣ такое поясненіе: «Мы видимъ, что среди веселаго пира, посреди разнообразныхъ наслажденій, поэтъ смутила мысль, что не всѣ такъ безпечно радуются и счастливо пользуются матеріальными и нравственными благами: есть бѣдняки, которыхъ вся работа состоитъ въ добываніи насущнаго хлѣба; въ грубомъ, тяжкомъ трудѣ имъ не приходила въ голову и мысль о какихъ нибудь высшихъ потребностяхъ, душа ихъ дремлетъ непробудно, и горемичная жизнь дада имъ выработать лишь одну печальную силу терпѣнія. Какъ назвать этихъ людей братьями, если мы думаемъ только о своемъ наслажденіи? Вотъ вопросъ, который невольно

представляется любящему сердцу. Въмѣсто описанія пира и довольства, какое чувствуетъ человѣкъ, сознавая свою завидную долю, мы находимъ въ стихотвореніи добрую мысль о молитвѣ за этихъ бѣдняковъ. Но слѣдуя одному отвлеченно-художественному чувству, поэтъ, можетъ, сталъ бы восхвалять только радости пира, подобно древнему, римскому поэту Катуллу:

Пьяной горечью Фалерна
Чашу мнѣ наполни, мальчикъ!
Такъ Постуміа велѣла,
Предсѣдательница оргій.
Ты же прочь, рѣчная влага,
И струей, вину враждебной,
Строгихъ постышковъ довольствуй:
Чистый намъ любезенъ Бахусъ.

Подобные образы лишены всякаго нравственного смысла, а вмѣстѣ съ тѣмъ и художественное ихъ значеніе совершенно ничтожно.

По представленнымъ нами выдержкамъ изъ новаго сочиненія г. Водозова, читатель можетъ судить какъ о томъ началѣ, котораго держится г. Водозовъ при оцѣнкѣ поэтическихъ и вообще словесныхъ произведеній, такъ и о томъ приѣмѣ, который онъ употребляетъ при своихъ объясненіяхъ.

Мы съ своей стороны можемъ только пожелать новому сочиненію г. Водозова самого полного успѣха.

Русская христоматія, съ примѣчаніями. Для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Андрей Филоновъ. Томъ четвертый. С.-Петербургъ, 1867 года.

Г. Филоновъ пользуется весьма плачевной литературной репутаціей... Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ дебютировалъ въ литературѣ «Очерками Дона», въ которыхъ описывалась возвышеннымъ стилемъ жизнь донцовъ-молодцовъ; но затѣмъ, найдя такую дѣятельность невыгодной въ издательскомъ отношеніи (книга эта пошла, кажется, вся на толкучку), г. Филоновъ предпочелъ выкраивать, съ помощью однихъ только ножницъ, различныя христоматіи для юнаго, средняго и старшаго возраста воспитанниковъ. Чтобы и тутъ не промахнуться въ своихъ коммерческихъ расчетахъ, г. Филоновъ принялъ за правило—соображаться въ своихъ издѣліяхъ съ характеромъ времени и съ господствующимъ тономъ въ печати. Такъ напримѣръ, издавая въ 1863 г. первые томы своей христоматіи, онъ печаталъ въ нихъ, конечно, между разнымъ кламомъ, произведенія Шевченки, Некрасова, Островскаго, Огарева, Някина и другихъ, допустилъ даже особый отдѣлъ стихотвореній, «написанныхъ по поводу совершающихся преобразованій въ нашемъ отечествѣ», изъ которыхъ юные читатели должны были убѣдиться, что «поэты—враждемы (вспомните, читатель, что заключало въ себѣ нѣкогда это слово) родной земли», и что «поэзія, подобно наукѣ, пристально слѣдитъ за

дѣйствительной жизни.» Въ примѣчаніяхъ къ тексту г. Филоновъ руководствовался мнѣніями Вѣдинскаго и автора «Эстетическихъ отношеній искусства къ дѣйствительности». Прошли года, со сцены исчезли нѣкоторые личности, а ихъ имена и дѣятельность стали осипаться дружнымъ лаемъ «консервативно-либеральныхъ» журналовъ, перемиѣна въ воздухѣ произошла значительная, — и вотъ г. Филоновъ, повернувшись по вѣтру, сострепалъ, вкупѣ съ г. Радонежскимъ, знаменитую «Книгу для первоначальнаго чтенія». Мало того, что сострепалъ, но когда одинъ речензентъ началъ на нее, то г. Филоновъ великодушно принялъ на себя одного всѣ удары критики, и въ своей полемической брошюрѣ доказалъ весьма убѣдительно, что электричество дѣйствительно происходитъ отъ тренія масляныхъ и сѣрныхъ паровъ. Отстоявъ блистательнымъ образомъ свое *классическое* невѣжество, г. Филоновъ напалъ самъ на своего противника и не менѣе краснорѣчиво увличалъ его въ *стелизмъ* и другихъ доблестяхъ. Впрочемъ, рѣшаясь на такой подвигъ, г. Андрей Филоновъ могъ утѣшаться соображеніемъ Фамусова: «не я одинъ—всѣ также осуждаютъ» — а что осуждаютъ? Это зависитъ отъ временъ и обстоятельствъ...

Четвертый (и къ счастью) послѣдній томъ хрестоматіи г. Филонова отличается такими разнообразными достоинствами, что намъ слѣдуетъ указать на нихъ по порядку. Вопервыхъ, выборъ отрывковъ отличается своей безтолковостью: рядомъ съ грамотными путевыми записками г. Максимова, помѣщена болтовня г. Григоровича, непригодная ни для вашихъ педагогическихъ цѣлей; изъ мемуаровъ умнаго и честнаго Дмитріева взято всего двѣ страницы, а канцелярскія сплетни нинѣ существующаго Вигеля заняли почетное мѣсто. Г. Филоновъ высказываетъ даже отъ своего лица такое мнѣніе объ этихъ сплетняхъ: «Литературная сторона «Воспоминаній» Вигеля поражаетъ читателя высокими своими качествами. Картины быта и нравовъ, картины природы, характеристика дѣйствующихъ лицъ составлены первокласснымъ художникомъ. Иногда авторъ достигаетъ въ своемъ разсказѣ до высокой поэзіи, особенно тамъ, гдѣ говорить о Кіевѣ, о Пушкинѣ... Древній Кіевъ со святыней печерскою, митрополитъ Самуилъ и проповѣдникъ Леванда возбуждали въ нашемъ мемуаристѣ непритворныя слезы...» (дальше слѣдуетъ нѣсколько строкъ напусснаго вигелевскаго умленія). «При чтеніи такихъ глубоко-прочувствованныхъ строкъ нельзя сомнѣваться въ силѣ таланта, литературнаго таланта Вигеля. *Искренность* (!) — вотъ отличительная черта воспоминаній Вигеля. И жель, и слезы идутъ изъ *себя* источника, исторгаются изъ этого ключа». И все это говорится о Вигелѣ, который брызгливо осуждалъ лучшій періодъ въ царствованіи Александра I, бранилъ многихъ благородныхъ дѣтелей этого царствованія, обвинялъ Гоголя въ умысленномъ желаніи повредить чести русскаго имени, и наконецъ, въ своей правдивости и искренности, доходилъ до того, что передѣлывалъ, смотря по лич-

нимъ отношеніямъ, многія характеристики въ своихъ мемуарахъ. Спросимъ встать г. Филонова, какъ согласить его собственный отзывъ о Вигелѣ съ мнѣніемъ князя Вяземскаго о томъ же лицѣ, напечатанномъ на 142 страницѣ его «Христоматіи»? «Должно читать эти записки (говорить князь Вяземскій, знавшій лично икъ автора), слѣдуетъ довѣрять имъ съ большою осторожностью. Вигель самъ не принадлежалъ къ числу дѣателей эпохи, имъ описываемой; за нѣкоторыми исключеніями, не былъ онъ съ ними ни въ связи, ни въ сношеніи. Однимъ словомъ, былъ онъ виѣ дѣяствующей и вліятельной среды. *Многое рассказано имъ по уродскимъ слухамъ, слетнямъ, кривымъ толкамъ судей, интриганскихъ и мало свѣдущихъ. Ничего у него не проверено, не изслѣдовано критически...* Вигель былъ злопамятенъ въ бездѣлкахъ и за бездѣлцы. Онъ не прощалъ, если не отплатить ему тотчасъ визита, если нарушать въ немъ права мѣстничества, то-есть посадить его за столомъ не на мѣсто, которое онъ считалъ подобающимъ чину его, если при посѣщеніи продолжаешь курить сигару, которой не переносили его слабо, причудливые нервы. Все это (то-есть неотданный визитъ, сигары и т. п.) вносило имъ въ книгу разсчетовъ и обязательствъ, по которымъ онъ рано или поздно производилъ свои взысканія и накладывалъ пени на провинившихся передъ нимъ. Въ теченіе жизни онъ неоднократно ссорился не только съ отдѣльными лицами, но съ цѣлыми семействами, съ городами, областями и народами. Не претерпѣвшій никогда особеннаго несчастія, онъ былъ несчастливъ самъ по себѣ и самъ отъ себя» и проч. Или, можетъ быть, г. Филоновъ полагаетъ, что онъ вовсе не обязанъ соглашать различныя мнѣнія, приведенныя въ его христоматіи? Вырѣзалъ извѣстный лоскутъ изъ печатной книги, послалъ въ типографію, а тамъ что выдѣтъ изъ этого крѣшева, въ какомъ сосѣдствѣ очутится этотъ лоскутъ съ другими вырѣзанными лоскутами—за это ужъ не отвѣчаетъ христоматическій закройщикъ? По крайней-мѣрѣ, только этимъ взглядомъ можно объяснить, что изъ книги г. Филонова никакъ нельзя составить себѣ понятіе о качествахъ, необходимыхъ для того или другаго рода словесныхъ произведеній. Такъ, напримѣръ, читая въ примѣчаніи мнѣніе г. Погодина о лѣтописи Нестора, воспитанники должны будутъ подумать, что Несторъ и есть настоящій идеалъ историка, а его лѣтопись — образецъ историческаго произведенія. «Несторъ — патетически восхваляетъ г. Погодинъ — долженъ занимать почетное мѣсто въ пантеонѣ русской литературы, русскаго просвѣщенія — тамъ, гдѣ блистаютъ имена Кирилла и Меѳодія, Ломоносова, Пушкина и друг. Туда, туда постановимъ мы... не портретъ, не освященный образъ нашего перваго лѣтописца. Мы будемъ молиться ему, чтобъ онъ соприисутствовалъ намъ въ нашихъ размыслианіяхъ о предметѣ земной его любви, о предметѣ самомъ важномъ въ системѣ гражданскаго образованія. Мы будемъ молить его, чтобъ онъ подавалъ намъ собою

примѣръ трудиться не для удовлетворенія своего бѣднаго самолюбія, не въ угожденія своимъ мелкимъ страстямъ, а въ духѣ того смиренномудрія, которое внужило ему эти прекрасныя слова: «азъ, грѣшный Несторъ, мнѣ всѣхъ въ монастырѣ блаженнаго отца всѣхъ Θεодосіа». Ну, чего же яснѣе? Г. Погодинъ канонизируетъ Нестора, какъ историка, ставитъ его образъ (даже не портретъ) въ свой историческій кювъ и обьявляетъ, слѣдовательно, каждаго современнаго историческаго писателя приближаться по духу смиренномудрія къ вѣвскому лѣтописцу. Между тѣмъ, въ другомъ мѣстѣ мы натываемся на слѣдующее мнѣніе о Волакѣ: «Широкій и непредубѣжденный взглядъ на историческія явленія открываетъ намъ, что въ каждомъ цивилизованномъ государствѣ прогрессъ вообще зависитъ единственно отъ трехъ условій: во первыхъ, отъ объема знаній его лучшихъ передовыхъ людей; вовторыхъ, отъ направленія, принятаго знаніемъ, то-есть рода тѣхъ предметовъ, на которые преимущественно устремлено оно, наконецъ, третьихъ, отъ степени распространенія этого знанія и отъ свободы, съ которой проникаетъ оно во всѣ классы общества». Кто же, наконецъ, правъ — и куда дѣнется, при этомъ взглядѣ, хваленое смиренномудріе? Словомъ, г. Филоновъ является христоматомъ и въ мнѣніяхъ, приводимыхъ въ его книгѣ: это второе достоинство его педагогическаго издѣлія.

Выборъ историческихъ отрывковъ такъ же неудаченъ, какъ и выборъ путешествій и воспоминаній. Г. Филоновъ, съ замѣчательнымъ безвкусіемъ, выбираетъ все отрывки сухіе и спеціальныя, какъ на примѣръ, «Мараѳонская битва» г. Куторги (?), «Религія восточныхъ славянъ» г. Соловьева, «Домашній бытъ русскихъ царей прежняго времени» г. Забѣлина. Въ этой послѣдней статьѣ исчисляется очень подробно: какія фerezеи носили наши древніе цари и бояре, чтѣ кушали они въ постныя и скоромныя дни, сколько денегъ раздавали они нищимъ и пр. Подробности доходятъ до того, что напечатанъ цѣликомъ весь мнѣніе патріаршаго стола: «папошникъ, сигъ бочешной подъ хрѣномъ, лодога бочешная подъ хрѣномъ, оладья тѣльная, скабъ бѣлужій, изъ на маслѣ» и т. д. Все это, безъ сомнѣнія, *итательнѣе* — но не для юношескаго ума. Изъ сочиненій г. Костомарова, какъ нарочно, взяты не лучшія статьи: нѣтъ ничего ни изъ Стеньки Разина, ни изъ Богдана Хмельницкаго. Но чтѣ всего курьезнѣе: въ отдѣлѣ витійства попали двѣ рѣчи: одна, направленная *противъ театра*, другая — противъ «иностранныхъ искусниковъ въ пѣніи». Это, вѣроятно, для развитія эстетическаго вкуса въ молодыхъ читателяхъ христоматіи.

Въ заключеніе мы должны сказать, что и «темы для педагогическихъ упражненій», измышленныя самимъ г. Филоновымъ и напечатанныя мелкимъ шрифтомъ подъ выбранными статьями, весьма мало пригодны для развитія учащихся. Трудно даже рѣшить: для кого предназначены эти *темы* — для свѣдѣнія учите-

лей или для упражненій воспитанниковъ. Такъ, напримеръ, подъ статью Боткина о Гранадѣ, мы находимъ вопросъ: «въ чемъ заключается литературное достоинство этого описанія?» а рядомъ съ нимъ и отвѣтъ: «въ его стройности, картинности, выразительныхъ уподобленіяхъ и языкѣ». Если эти примѣчанія назначены для учениковъ, то зачѣмъ же въ вопросу присоединенъ отвѣтъ, до котораго могъ бы додуматься самъ ученикъ; если же г. Филоновъ желаетъ назидать учителей, то врядъ-ли кто-нибудь изъ нихъ поблагодаритъ его за такое назиданіе. Ту же самую странность находимъ мы въ примѣчаніяхъ въ рассказу Гончарова (стр. 227), въ которыхъ г. Филоновъ растолковываетъ подробно, въ чемъ состоитъ гончаровскій юморъ: «Карманъ лодчмана занимаетъ юмориста точно такъ же, какъ и океанъ; отъ океана, необоримаго, спокойнаго, онъ устремляетъ взоръ прямо въ фізіономію денщика... и рисуетъ самую будничную сцену—обѣдъ».

Весьма назидательно. Жаль только, что г. Филоновъ не объяснилъ кстати: что такое *фрегатъ*, на которомъ ѣздилъ г. Гончаровъ въ своемъ кругосвѣтномъ плаваніи, и чѣмъ отличается онъ отъ корабля, корвета, барки, ялика и... (образчикъ юмора) отъ Филоновской хрестоматіи...

Исторія земли. Геологія на новыхъ основаніяхъ Фридриха Мора. Перев. съ нѣмец. И. Шульгинъ. Москва. 1868 года.

Исторія земли представляетъ одну изъ интереснѣйшихъ главъ въ изложеніи естественныхъ наукъ. Она, по всей справедливости, можетъ быть названа ихъ заключительною главою. Вся масса свѣдѣній механическихъ, физическихъ, химическихъ и т. д. проливаетъ особенный свѣтъ на тѣ явленія, разсматривая и сравнивая которыя мы строимъ свои понятія, а по нимъ и представленія о далекомъ прошломъ. Человѣческая жизнь такъ коротка, а наблюдательность массъ до такой степени подавлена невыгодными условіями, что окружающая насъ природа кажется намъ мертво неподвижною. Горы все такъ же высоки для насъ старцевъ, какими были для насъ, когда мы были юношами; то же самое можно сказать относительно рѣкъ, озеръ, морскаго берега etc. Конечно, случаются и у насъ иногда наводненія и производятъ на нашъ глазъ замѣтныя перемѣны, но перемѣны эти до такой степени ничтожны съ тѣми неровностями, которыя представляетъ намъ природа, что мы не можемъ объяснить наблюдаемыхъ неровностей такими случайностями, какъ мѣстное наводненіе. Люди, живущіе на берегахъ большой рѣки, знаютъ, что въ извѣстное время половодья вода этой рѣки бываетъ очень мутна; но имъ никогда и въ голову не приходитъ спросить себя, куда дѣвается эта ужасная масса муты и къ какому результату должно привести это перенесеніе муты въ теченіе десятковъ или сотней тысячелѣтій. Между тѣмъ, результатъ этого перенесенія представляетъ такія громадныя наслоенія, что если-бы, когда нибудь, они были обнажены, то представили бы слой

въ десятки или сотни футовъ толщиной и десятки тысячъ квадратныхъ миль по горизонтальному протяженію. Люди, по различнымъ преданіямъ, принимаютъ происхождение земли и въ особенности того порядка вещей, который наблюдается человекомъ, за случай недавній и мало обращаютъ вниманіе на современные имъ явленія, за исключеніемъ развѣ какихъ нибудь случайныхъ страшныхъ переворотовъ, съ помощію которыхъ видъ страны измѣняется вдругъ, и притомъ весьма чувствительно даже для невнимательнаго глаза. Но съ тѣхъ поръ, какъ геологическія наблюденія показали намъ, что самыя новѣйшія измѣненія, непрерывно продолжающіяся въ томъ же мѣствѣ, имѣютъ свое начало никакъ не ближе 100,000 лѣтъ, а многія для полнаго своего свершенія требовали такого долгаго времени, передъ которымъ блѣднѣетъ всякое человеческое представленіе—съ тѣхъ поръ нѣтъ болѣе причинъ пренебрегать современными намъ явленіями при желаніи объяснить себѣ прошедшее.

Первымъ научнымъ обобщителемъ геологическихъ явленій былъ профессоръ фрейбергской горной школы *Вернеръ*. Личность этого геніальнаго человека была чрезвычайно симпатична. Онъ указалъ первый на практическую важность взаимнаго расположенія горныхъ породъ, и тѣмъ привлечь къ этому дѣлу вниманіе всѣхъ людей, интересующихся геологіей. Личная симпатія заставляетъ насъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ человекѣ.

Онъ питалъ сильнѣйшее отвращеніе къ письменному труду и, кромѣ единственнаго сочиненія, впрочемъ до нельзя важнаго, оставилъ послѣ себя только отрывочныя замѣтки. Но за то дѣйствіе его на слушателей было необычайно велико. Будучи весьма скромнымъ въ своей частной жизни, онъ прибѣгалъ къ поразительно смѣлымъ обобщеніямъ и съ необычайною глубиною мысли соединялъ самое пылкое воображеніе. Ученики боготворили его. У него было общее съ Кантомъ то обстоятельство, что, подобно этому геніальному мыслителю, онъ никогда не пускался въ далекое путешествіе; то, чѣмъ для Канта былъ Кёнигсбергъ, то для Вернера былъ маленькій уголокъ Германіи. Изъ этого небольшого міра личныхъ наблюденій, при обширной начитанности, оба, каждый въ своей области, ввели свои гипотезы, увлекшія всю Европу. Любознательные люди со всѣхъ концовъ міра съѣзжались въ Фрейбургъ, чтобы послушать великаго ученаго. Кюлье въ своей «Eloge de Werner» такъ характеризуетъ чтенія Вернера:

«Онъ во всемъ находилъ связь съ своею любимою наукою; въ своихъ лекціяхъ, читанныхъ на экскурсіяхъ, указывалъ экономическую пользу минераловъ, приложимость ихъ къ медицинѣ, вліаніе минеральнаго состава горныхъ породъ на почву, вліаніе почвы на источники благосостоянія и цивилизаціи человека. Обширныя песчаныя степи Татаріи и Африки, по его словамъ, удерживали своихъ обитателей въ кочевомъ состояніи; низменныя известковыя и наносныя равнины, гранитныя горы—породили различный образъ жизни, различную степень развитія. Даже исто-

ріи языковъ и переселенія народовъ были имъ поставлены въ зависимость отъ особеннаго распредѣленія земныхъ пластовъ.

«Свойства извѣстныхъ камней, употребляемыхъ для построекъ, давали ему случай распространяться о различной архитектурѣ вѣковъ и народовъ, а физическая географія страны наводила его на разговоръ о военной тактикѣ. Удивительная мягкость обращенія и обворожительное краснорѣчіе Вернера экзальтировали умы его учениковъ; многіе изъ тѣхъ, которые въ началѣ только желали пріобрѣсти поверхностное познаніе въ минералогіи, разъ услышавши его, дѣлались потомъ приверженцами этой науки на цѣлую жизнь.

«Въ нѣсколько лѣтъ, небольшая горная школа, неизвѣстная доселѣ въ Европѣ, выросла до степени большого университета; даже люди, извѣстные въ наукѣ, сѣдѣли изучать нѣмецкій языкъ и пріѣзжали издалека поучиться и послушать великаго геологическаго оракула.»

Мы не станемъ излагать его гипотезы, но упомянемъ, что, въ сущности, онъ первый указалъ великую роль, принадлежащую водѣ въ явленіяхъ, совершающихся на землѣ, не указываемъ потому, что его «Хаотическая жидкость и всемірная формація» не выдержала натиска новыхъ фактовъ.

Второй систематизаторъ былъ шотландецъ Гёттонъ. Онъ тоже былъ человѣкомъ скромнымъ отъ природы, притомъ весьма хладнокровнымъ въ феодальной или мѣщанской славѣ, отрекся отъ практической дѣятельности въ качествѣ медика (онъ былъ медикъ) и предался весь научнымъ изысканіямъ. До какой степени онъ мучился надъ разгадкою тайнъ прошлаго нашей земли довазываетъ его, чисто-ребяческая, экзальтированная радость, когда однажды факты убѣдили его въ истинѣ его предположеній.

Онъ придалъ болѣе правильную форму дѣйствию воды на материи, и ввелъ новый рядъ причинъ, въ которыхъ огонь игралъ столь же важную роль, какъ въ теоріи Вернера—вода. Онъ указалъ, что многія явленія объясняются несравненно легче, при предположеніи, что суша не оставалась постоянной, но подвергалась то поднятію, то опущенію. Впрочемъ, опредѣленно онъ говорилъ только о поднятіяхъ.

И такъ, теперь уже явились два великихъ дѣятеля—огонь и вода. Вода размывала сушу, разрушала горы, стирала ихъ въ голыши и песокъ, сносила ихъ, съ помощью ручьевъ, рѣкъ и морскихъ прибоевъ, въ море и отлагала тамъ слюни. Но разрушенные материи, скрывшись подъ водою, быстрымъ землетрасеніемъ и поднятіемъ опять выдвигались изъ моря, опять заселились разнообразными организмами и опять начиналась прежняя исторія. Во время землетрасенія огромныя массы расплавленныхъ горныхъ породъ выливались изъ вѣдръ земныхъ и служили новыми скалами и горами, будь это гранитовая, гнейсовая, порфирровая, базальтовая или какая-нибудь другая скала.

Вмѣстѣ съ успѣхами въ геологическихъ изслѣдованіяхъ появились новыя факты, для объясненія которыхъ необходимо было допустить не только поднятіе, но и опущеніе твердой коры земной. Вмѣстѣ съ тѣмъ, накопилось множество фактовъ, противорѣчащихъ теоріи мгновенныхъ поднятій и указывавшихъ на новыя второстепенныя причины (кромѣ главныхъ, т.-е. воды и огня), какъ-то: на глетчеры, на массы мелкихъ животныхъ съ известковою раковиною (полипы и многодырочники, кораллы и мѣль) и нѣкоторыя другія.

Прежде чѣмъ явился новый обобщитель, наблюдатели придерживались старыхъ Вернеровскихъ и Гютоновскихъ воззрѣній. Ученіе о повсемѣстности явленій и тождествія одновременныхъ условій провралось во всѣ выводы и стремленія новыхъ наблюдателей, сводилось на доказательства старыхъ истинъ новыми наблюденіями. Всюду наблюдатели стремились найти ту же послѣдовательность и даже тотъ же минералогическій составъ, какъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя были уже заранѣе изслѣдованы. Тѣ признаки, по которымъ данный слой сходенъ съ низшими какой-либо формаціи, считались признаками относительной древности. При чемъ безразлично смѣшивались слои морскаго происхожденія съ сухопутными, или слои глубокаго моря съ прибрежными. Современемъ, когда область, подвергнутая геологическимъ изслѣдованіямъ, разрослась изъ Англіи и Франціи въ Россію и Америку, въ той и другой стремились отыскать ту же послѣдовательность въ наслоеніи и даже въ животныхъ.

Предѣлы библиографической статьи не позволяютъ намъ вдаваться въ подробныя разсужденія по поводу всей нелогичности этихъ стремленій. Но мы не можемъ не указать на ту странность, что даже Мурчисонъ, Бишофъ и Лабель поддаются этому ложному стремленію, которое заставляеть ихъ идти противу своихъ собственныхъ положеній. Какъ бы то ни было, а стремленіе къ тождественнымъ явленіямъ на всей землѣ въ данный геологическій періодъ повело къ дѣленіямъ всѣхъ земныхъ слоевъ на нѣсколько группъ въ вертикальномъ положеніи; охарактеризовать эти группы минералогическимъ составомъ (и послѣдующими измѣненіями) и окаменѣлыми животными при раскопкахъ въ какой-нибудь отдаленной землѣ, стремились подвести найденную зависимость между слоями подъ ту или другую известную, т.-е. лучше сказать, предполагаемую геологическую эпоху. Если мы вспомнимъ, что въ настоящее время въ одномъ мѣстѣ (въ глубокомъ морѣ) происходитъ отложеніе мощныхъ пластовъ каменнаго угля, въ другомъ известковыхъ пластовъ, или разнообразнаго залеганія гипса, каменной соли (въ Мертвомъ морѣ), песку и глинъ (въ дельтахъ), если мы вспомнимъ все разнообразіе животныхъ нашего времени, изъ которыхъ нѣкоторыя, напр. австралійскія млекопитающія, напоминаютъ совершенно особенную геологическую эпоху, если мы вспомнимъ

всѣ случаи далекаго унесенія даже большихъ животныхъ отъ мѣста ихъ обитанія — случаи, вѣроятность которыхъ легко можетъ быть доказана современными намъ явленіями, — то нѣтъ ничего законнѣе, какъ глубокой скептицизмъ къ положеніямъ, принятымъ за руководящія въ геологіи.

Многіе факты убѣждаютъ насъ, что нѣкоторые виды представляли несравненно большую стойкость (живучесть), нежели другіе; съ другой стороны, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ предположеніи, что одинъ и тотъ же видъ могъ существовать въ одномъ мѣстѣ въ одну геологическую эпоху, а въ другомъ въ другую; напротивъ того, это положеніе весьма вѣроятно, ибо рожденіе одного вида и вымираніе другаго находится въ зависимости отъ многихъ внѣшнихъ причинъ, а однѣ и тѣ же причины (климатъ, очертаніе материка, воды и горы etc.) могли наст.ить для различныхъ мѣстъ въ различное время. Наконецъ ничего нѣтъ невѣроятнѣе предположенія, будто, въ какую бы то ни было пору наша земля была сплошь покрыта водою, и потому принятіе силлурійской и девонской эпохи сопряжено съ большими трудностями. Въ прекрасной статьѣ Спенсера «Нелегическая геологія», приведенъ вѣроятный примѣръ, разрушающій всю вѣру въ палеонтологію, по крайней мѣрѣ въ способность ея рѣшать хронологическія задачи. Тамъ представленъ случай рожденія острова (въ формѣ голыхъ скалъ) и постепеннаго заселенія его растительнымъ и животнымъ міромъ. Законъ послѣдовательнаго развитія, т.-е. все болѣе и болѣе совершенныхъ формъ, былъ бы соблюденъ во всей строгости, а между тѣмъ, послѣдовательное погребеніе все сложнѣйшихъ животныхъ не давало бы намъ права дѣлать какія либо геологическія заключенія. Разъ усумнившись въ значенія геологическихъ признаковъ для заключенія объ одновременности и обратно, можно было уже развить истинную геологію, которая, ознакомивъ насъ вполнѣ съ дѣйствительными причинами измѣненій, наблюдаемыхъ въ физической географіи материковъ, привела насъ и въ этой области, какъ и во многихъ другихъ, въ волшебный кругъ явленій, гдѣ каждая изъ нихъ составляетъ причину другаго, которое, въ свою очередь, испытывъ множество метаморфозъ, приводитъ опять къ первоначальному явленію. Нѣтъ почти ни одного вещества, скольконибудь распространеннаго въ природѣ, которое не проходило бы постоянно сушу и море, не отлагалось въ одномъ и не растворялось въ другомъ мѣстѣ. Это постоянное движеніе даетъ условія для развитія органической жизни со всѣмъ ея безконечнымъ разнообразіемъ. Еслибы отложеніе даннаго вещества было бы сильнѣе его растворенія, то вскорѣ оно выдѣлилось бы совершенно и организмы лишились-бы своего необходимаго элемента; а уничтоженіе одного элемента изъ существенныхъ ведетъ за собою неминуемую смерть.

Мы давно уже наблюдаемъ полное равновѣсіе движенія, т.-е. въ настоящее время постоянно столько же разрушается въ одномъ мѣ-

стѣ, сколько растворяется и уносится водою въ другомъ (конечно при наблюденіи надъ большими цифрами). Уже, быть можетъ, сотни разъ каждый материкъ былъ подъ водою, а дно морское материкомъ, и сотни разъ животныя совершали свой путь то въ одинъ, то въ другой изъ поднимающихся міровъ; сотни разъ горы уничтожались, и выросали на мѣстѣ разрушенныхъ новыя, путемъ медленнаго выростанія съ низу черезъ кристаллизацію новыхъ количествъ подобныхъ веществъ, растворенныхъ въ морской водѣ. Всѣ скалы, горы и жвалы, наблюдаемыя теперь, суть воднаго происхожденія, а такъ-какъ космогонія, принимающая огненно-жидкое ядро земли и охлажденную кору, *не можетъ быть опровергнута геологическими фактами*, то вѣроятнѣе всего, что вся доступная нашему наблюденію часть земной коры *по крайней мѣрѣ одинъ разъ была совершенно* растворена въ водѣ и вновь отложена. Очень можетъ быть, что половина видимыхъ теперь материковъ въ то время находилась подъ водою, когда другая находилась надъ нею; а въ другое время на оборотъ. Какимъ же образомъ возможно тутъ толковать о началѣ и одновременности? какимъ образомъ возможно искать тождественныхъ пластовъ геологическихъ, когда они, быть можетъ, находятся на 20 т. футовъ ниже уровня океана? Чтò значить первичная, вторичная etc. эпохи?

Вотъ вопросы, которые ставитъ и рѣшаетъ строго отрицательнымъ образомъ Фридрихъ Моръ, этотъ знаменитый химикъ. Прежде, чѣмъ онъ выпустилъ въ свѣтъ полное твореніе, отъ времени до времени, появлялись его химическія работы, ставившія геологовъ въ неловкое положеніе.* Но ученые собиратели разныхъ фактовъ, вооружившись твореніями въ 2,000 листовъ, чувствовали себя довольно безопасными за такими баррикадами, и съ небрежностію, близкою къ недобросовѣстности, отнеслись къ его выводамъ. Тѣ же нѣмецкіе ученые игнорировали лучшіе труды Вишофа и ученіе объ одинаковой напряженности огневыхъ и водяныхъ силъ во всѣ доступныя геологическому изслѣдованію времена, и продолжаютъ упорно держаться воззрѣній Эли-де-Бомона, фонъ-Буха и Гумбольдта. Впрочемъ, имъ рѣшительно все равно, какъ бы воззрѣній и общихъ взглядовъ ни держаться, лишь бы ихъ оставили спокойно наслаждаться зрѣлищемъ исписанныхъ ими 2 или 3 тысячъ листовъ. Они не защищаютъ своей теоріи, а просто держатся ея, игнорируя всѣ новыя выводы.

---

* Эти работы, вмѣстѣ съ открытіями нѣкоторыхъ другихъ химиковъ, приведены къ мнѣнію совершенно противоположному противу общепринятыхъ; а именно: всѣ горы, начиная отъ гранитнаго гнейса и оканчивая базальтомъ, на основаніи химическихъ свойствъ, представляемыхъ ими углѣнаго лѣса и прихвѣсой признаются ими (этими работами) за происшедшія воднымъ путемъ, то-есть кристаллизаціею изъ моря — ученіе, до нельзя противорѣчащее всѣмъ *выводамъ* геологовъ. Не менѣе замѣчательны его соображенія и выводы, относительно происхожденія каменнаго угля, приведеніе его къ диаметрально-противоположному мнѣнію противъ общепринятаго.

Если мы вспомнимъ исторію геологій, физики и химіи, то мы легко поймемъ, что значитъ авторитетъ нѣмецкаго ученаго, и потому поймемъ всю произвольность той желчи, которая высказывается въ полемическихъ выходкахъ Мора, — человека развитаго и спеціально знакомаго съ химіей и геогнозіей, и, тѣмъ не менѣе, относящагося съ какимъ-то неудержимымъ презрѣніемъ къ цѣловымъ ученымъ и такъ-называемымъ «спеціалистамъ.»

«Въ геологію бывшую въ ходу, говорятъ Мора, болѣе вѣровали, чѣмъ ее понимали. За неизмѣнимъ лучшихъ объясненій брали первые попавшіеся подъ руку. Въ томъ числѣ было многое совершенно непонятно для мыслящаго человека, какъ напр. огненножидкое ядро земли, поднятіе Альповъ силою пара, одновременное покрываніе всей земли мѣломъ или глинистымъ мѣломъ, всеобщія наводненія, которымъ не доставало движущей силы и многое другое, не менѣе недоступное пониманію. Всѣ эти объясненія были, облагаемы авторитетомъ великихъ именъ и защищаемы съ большимъ упорствомъ. Этимъ высказано было отдѣленіе науки отъ жизни; нѣкоторыя части ея стали недоступны простымъ смертнымъ, и за тяжелую завѣсу нѣмлі доступъ только великіе жрецы науки, между тѣмъ, какъ масса успокоивалась мыслию, что за этой завѣсой должно же что нибудь быть.»

«Потому очевидно, что новое ученіе встрѣтять наибольшее сопротивленіе со стороны вѣсты ученыхъ, какъ миссіонеръ между отсталыми народами. И тѣ и другіе обладаютъ собственными полными чудесъ вымыслами и, какъ объ этомъ часто свидѣтельствуютъ миссіонеры, насколько не сомнѣваются въ доморощенныхъ чудесахъ, а чужія чудеса хотятъ провѣрить разсудкомъ, что, конечно, въ этомъ случаѣ невозможно. Потому такъ называемые «ученые» менѣе всего способны и призваны къ пониманію истины и къ безпристрастному обсужденію основаній. Отъ массы они отличаются только званіемъ большаго количества фактовъ и явленій — знаніемъ, добытымъ собственною наглядною или изученіемъ чужихъ сочиненій, и тѣмъ, что они принимаютъ за истину извѣстное число гипотезъ ни чѣмъ не доказанныхъ. Но какъ мало имѣетъ вѣсу первое преимущество, т. е. наглядна, показываетъ то обстоятельство, что ученые, имѣвшие напр. случай видѣть большую часть вулкановъ, составили самыя нелѣпныя теоріи о происхожденіи ихъ; самое точное петрографическое изученіе известковыхъ горъ на мѣстѣ нисколько не объяснило ихъ образованія, у большей части не возбудило даже потребности присвать какое-нибудь объясненіе. Потому, о достоинствѣ новаго ученія менѣе всего можно судить по успѣху, который оно будетъ имѣть между учеными. Вспомнимъ, что и антифлогистическая теорія наша самыхъ упорныхъ противниковъ и самыхъ ревностныхъ защитниковъ флогистона между старѣйшими вождями химіи. Опроверженіе геологическаго флогистона будетъ имѣть такой же ходъ.»

«Всякій многосторонне развитой читатель, имѣющій основательныя познанія въ физикѣ и химіи, имѣетъ такое же право обсуждать новое ученіе, какъ и спеціалисты, большинство которыхъ принимаетъ болѣе чѣмъ скромное участіе въ успѣхахъ этихъ наукъ, и потому выказываетъ тѣмъ большее пренебреженіе къ точнымъ естественнымъ наукамъ. Мнѣ часто предлагали со стороны вопроса, что говорить о новыхъ воззрѣніяхъ мои товарищи по наукѣ, и я до сихъ поръ долженъ былъ отвѣчать: ничего, но что я на этотъ счетъ совершенно спокоенъ, ибо они находятся въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ для признанія новаго ученія, отчасти по причинѣ усвоенной привычки считать извѣстные спорные вопросы за истину, отчасти потому что, пріяніемъ новыхъ воззрѣній, они сами подпишутъ отреченіе отъ своего высокаго положенія въ

науку. Впрочемъ, я убѣжденъ, что споръ будетъ рѣшенъ не по числу голосовъ, а по вѣсу и значенію фактовъ и основаній.»

Мы можемъ только пожалѣть о томъ, что книжка, несмотря на ясность своихъ выводовъ и легкій языкъ, будетъ однакоже недоступна большинству читателей.

Разныя спеціальныя подробности, въ которыя вдается авторъ, какъ-то толки о силикатахъ, объ ихъ химическомъ составѣ, за симъ химическій составъ минераловъ, многія математическія выкладки и т. д. будутъ сильно затруднять чтеніе ея для читателей неспеціалистовъ.

Современные вопросы антропологии; сборникъ новейшихъ изслѣдованій по вопросу объ изученіи человека и общества. Изданіе Ляманскаго. 1867.

К. Фогтъ. *Взглядъ на первобытныя времена человеческого рода.* Т. Гёксли. *Методы и результаты этнографіи.*

Шафгаузенъ. *Бытъ дикихъ народовъ.*

Каждому изъ этихъ вопросовъ посвящено по 40—50 страницъ въ 8-ю долю листа. Ясное дѣло, что для разъясненія такихъ обширныхъ вопросовъ, какъ бытъ дикихъ народовъ или первобытныя времена, это размѣръ слишкомъ ничтожный. Лекція Фогта составляетъ небольшія замѣтки на собственныя его гиссенскія чтенія. Въ смыслѣ лекціи она одна изъ неудачныхъ. Новаго въ ней развѣ то, что опъ относитъ человѣка въ доледяной періодъ, то-есть въ нѣсколько древнѣйшему времени, чѣмъ другіе геологи. Но русская публика знакома уже съ этимъ мнѣніемъ изъ прекрасной книги Лайбеля: «Древность человѣка» и отсюда уже познакомилась съ тѣми доводами, которые говорятъ не въ пользу этого мнѣнія. Переводъ этой лекціи весьма плохъ. Очевидно, что переводчикъ не былъ знакомъ съ терминологіей, а издатель не позаботился о редакціи. На каждомъ шагѣ встрѣчается «пловучая земля» и т. п. выраженія.

Лекція Гёксли и Шафгаузена, бытъ можетъ, имѣютъ смыслъ для англійской и нѣмецкой публики, но для русской кромѣ безконечнаго числа именъ и замѣчаній, которыя, при незнакомствѣ съ предметомъ, обременяютъ только память читателей наборомъ названій, книжка эта сулитъ только смертную скуку. Вообще изданіе этого сборника походить на чистую спекуляцію на имена Гёксли и Фогта — имена, пользующіяся у насъ нѣкоторою извѣстностію.

Изданіе вдобавокъ до того небрежно и выполнено безъ всякаго знанія дѣла, что лекція, напримѣръ, Гёксли прерывается цѣлымъ листомъ, написаннымъ на латинскомъ языкѣ, точно издатель разсчитывалъ исключительно на учениковъ вновь открытаго историко-филологическаго института или на семинаристовъ.

Нравственная статистика въ связи съ исторією приложенія чиселъ къ наукамъ нравственнымъ. Томъ I. Изданіе Н. И.

Ламанскаго. 1) *Исторія приложенія чиселъ къ наукамъ нравствен- нымъ. Изслѣдованія А. Герри съ предисловіемъ А. Вагнера.* 2) *Нравственная статистика. Изслѣдованія М. Дробыша. Спб. 1867 года.*

Нравственная статистика — наука новая, созидающаяся на нашихъ глазахъ и недостижная еще прѣчной устойчивости. Несмотря на громадное значеніе, которое она должна имѣть въ будущемъ для исторіи человѣческаго развитія, несмотря на то, что въ числѣ ея задачъ лежитъ одинъ изъ важнѣйшихъ основныхъ вопросовъ для человѣка и человѣчества: отношеніе закона необходимости къ тѣмъ дѣйствіямъ человѣка, которыя люди привыкли разсматривать, какъ произвольныя, самостоятельныя и свободныя, несмотря на то, что она съ каждымъ днемъ готовится и накопляетъ обильный фактическій матеріалъ, которымъ должна плодотворно воспользоваться нѣкогда *соціологія* — все въ этой наукѣ еще подвергается въ наше время оспариванію. Не говоря уже о томъ, что весьма многіе ученые, и между прочимъ, Робертъ Моль, отнимаютъ отъ нея самое право на существованіе*, самые адепты ея не согласились еще между собой ни въ строгомъ опредѣленіи ея объекта (Герри, напримѣръ, исключаетъ изъ нравственной статистики разъясненіе теоріи подчиненной воли, такъ-какъ не находятъ противорѣчія между законностью дѣйствій и ученіемъ о свободѣ, какъ его обыкновенно понимаютъ), ни въ признаніи ея методовъ (въ то время, когда эти методы такъ блестяще приложены Боклемъ къ историческимъ наукамъ, Лотце высказываетъ рѣшительное недовѣріе къ самымъ статистическимъ законамъ, а въ медицинѣ возникаетъ цѣлая школа противниковъ нумерическаго метода, введеннаго въ эту науку Луи), ни въ направленіи (Вагнеръ положительный и самый послѣдовательный противникъ свободы воли; Кетле, Вапнеусъ, Дробышъ, Гёрри — ея яростные партисаны), ни даже въ самомъ названіи, которое, напримѣръ, Герри предлагаетъ для примѣненія численнаго анализа къ фактамъ нравственнаго міра

---

* «Если бы — говорить этотъ писатель въ одномъ мѣстѣ своей «Государственной энциклопедіи» — въ статистику были включены описанія нравовъ, немѣющихся политическаго значенія, или произведеній природы и искусства (на послѣднемъ, между прочимъ, настаиваетъ Герри), то этимъ была бы уничтожена всякая пограничная линія между географіей, этнографіей и статистикой». Въ другомъ мѣстѣ, опредѣляя статистику вообще, онъ отнимаетъ отъ нея всякое право дѣлать какіе бы то ни было выводы и введенія. «Статистика должна давать одни факты. Чѣмъ исключительнѣе держится статистика за фактическое, тѣмъ меньшей опасности она подвергается попасть на ложную дорогу и тѣмъ разнообразнѣе и безопаснѣе употребленіе можно сдѣлать изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ ею. Она даетъ матеріалъ для доказательствъ и критики, но сама не должна ничего доказывать и не изрекать никакихъ криговоровъ. Она можетъ указывать, но самой большаго мѣрѣ, на связь одного факта съ другимъ, когда эта связь совершенно очевидна и не можетъ быть никакого сомнѣнія относительно причинъ и результата» и т. д.

(изученію ихъ, какъ явленій самихъ по себѣ и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ) замѣнить словами: нравственная аналитика.

При такомъ положеніи самой науки съ одной стороны, при громадномъ интересѣ, который она внушаетъ въ наше время для публики, при той смутной разногласицѣ, которая вызвана въ русскомъ обществѣ сильнымъ вліаніемъ на него основныхъ взглядовъ исторической работы Вокля, всякая книга или статья, берущаяся толковать о нравственной статистикѣ, должна стремиться къ возможной ясности и опредѣленности въ изложеніи тѣхъ положеній, которыя уже дознаны, и въ систематическомъ приведеніи болѣе крупныхъ и значительныхъ довазательствъ, какія представляютъ болѣе талантливыя и логическія сторонники различныхъ взглядовъ, не позволяющихъ въ наши дни рѣшить окончательно тотъ или другой изъ ея основныхъ вопросовъ, а всякое переводное сочиненіе должно быть снабжено толковыми примѣчаніями и необходимыми для его уразумѣнія въ публикѣ объясненіями въ высказанномъ намъ направленіи. Только при исполненіи такихъ условій, появленіе книгъ этого рода желательно и полезно...

Но не такъ смотрятъ на дѣло наши переводчики, компиляторы и издатели... Книга, изданная г. Ламанскимъ, напримѣръ, представляетъ собою образецъ такого пренебреженія всѣхъ условій порядочнаго изданія, неситъ на себѣ характеръ такой грубой и безцеремонной спекуляціи, что наводитъ на размышленія, свойства весьма печальнаго...

Содержаніе ея составляетъ введеніе въ нравственную статистику Гёрри, съ предисловіемъ къ этому введенію Вагнера, и небольшая статья о нравственной статистикѣ Дробиша тоже съ введеніемъ, все это въ видѣ книжонки въ 9 полулистовъ разговнистаго шрифта, на обложкѣ которой гордо красуется надпись: томъ первый и цѣна 1 рубль 25 копеекъ. Очевидно, что г. Ламанскій, понимая важность вопросовъ нравственной статистики, рѣшилъ, что они могутъ быть продаваемы *на отъ золота*, и въ то же время, нашелъ излишнимъ для публики всякія объясненія, какъ о цѣли своего изданія, такъ и объ его будущемъ объемѣ, о срокѣ выпусковъ дальнѣйшихъ *томовъ* и т. д. Не считъ нужнымъ онъ также объяснить, почему онъ остановился преимущественно на вслѣдованіяхъ Гёрри и Дробиша, и почему эти вслѣдованія онъ считъ для себя удобнымъ помѣщать въ разбивку. Но этимъ еще не исчерпываются всѣ достоинства изданія г. Ламанскаго. Не говоря уже о томъ, что статьи его книги переведены до того тяжелымъ и темнымъ языкомъ, съвозъ дебри котораго весьма трудно пробиться для пониманія смысла большей части ея фразъ (что, вѣроятно, и побудило г. Ламанскаго изъ деликатности скрыть имена переводчиковъ его книгъ), онъ даже не озаботился о томъ, чтобы помѣстить въ книгѣ то множество примѣчаній, существованіе которыхъ означено въ текстѣ Гёрри цифрами, но въ первомъ *томѣ* изданія г. Ламанскаго почему-то не реализовано, между

тѣмъ, какъ безъ такихъ поясненій изложеніе Гёрри до того темно и неясно, что даже и безъ медвѣжьихъ услугъ этому автору, сдѣланныхъ въ этомъ поправленіи переводчикомъ, читать и понимать его изслѣдованія для обыкновенныхъ читателей весьма затруднительно. Мало того, въ предисловіи Вагнера къ введенію Гёрри, введено еще чье-то введеніе безъ всякаго разграниченія, гдѣ начинается и кончается мысль неизвѣстнаго автора введенія, и гдѣ говоритъ самъ Вагнеръ. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ предположить, чтобы выраженія, которыми испещрено начало предисловія Вагнера въ родѣ: «издаваемый въ русскомъ переводѣ трудъ А. Гёрри», «появляющееся нынѣ въ русскомъ изданіи введеніе», «главная цѣль предлагаемаго въ русскомъ переводѣ введенія» и т. д. говорились отъ лица самаго Вагнера, очевидно, что надъ этимъ введеніемъ работала и другая рука, заставившая Вагнера выразиться такимъ образомъ: «значительныя выписки Гёрри значительно возвышаютъ достоинство его изслѣдованія», «для послѣднихъ дѣйствій можно принять также же правильное движеніе, какъ и для друиизъ» и т. д. Но неужели же для издателя «Нравственной статистики», г. Ламанскаго было трудно или написать самому или поручить кому нибудь написать для своей книги нѣсколько объяснительныхъ словъ, чтобы понять, почему онъ считъ нужнымъ къ введенію Гёрри приложить предисловіе Вагнера, вмѣсто того, чтобы дозволить коверкать самое это предисловіе и приводить читателей въ недоумѣніе?...

Вообще книжка съ зашибающимъ заглавіемъ «Нравственной статистики», преподносима публицѣ г. Ламанскимъ, такого рода, что къ ней можно отнести только со стороны издательскаго вопроса. Но за то въ этомъ отношеніи она весьма характеристична.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ издательской дѣятельности начался, какъ извѣстно, нѣкоторый переворотъ. До тѣхъ поръ издательство было у насъ почти исключительно дѣломъ книгопродавческаго кулачества. Понятно, что соображенія предпринимателей этого рода, при изданіи какихъ бы то ни было книгъ, были характера преимущественно коммерческаго, если не грубо спекулятивнаго. Изданія предпринимались не въ виду потребностей, рождавшихся въ публикѣ, а въ виду расчетовъ на *годность* той или другой книги въ данное время. Если до прежнихъ издателей и долетали смутные слухи, что «вотъ хорошо бы перевести и издать такую-то книгу», то они старались предварительно уяснить для себя и другой вопросъ: «а можетъ ли она имѣть хорошій сбытъ?» и рѣшались на изданіе только тогда, когда и на послѣдній вопросъ получался отвѣтъ положительный. Этимъ объясняется фактъ, что и въ прежнее время, между всякимъ балластомъ, иногда и *случайно* попадались въ нашей книжной торговлѣ и дѣльныя книги. Но такое положеніе издательства не могло соответствовать той

потребности знанія, которая начала у насъ пробуждаться въ началѣ 60-хъ годовъ. Тогда-то, отвѣчая новой потребности, зародившейся въ обществѣ, появились новые издатели, издатели не книгопродавцы, а люди, знавшіе хорошо литературу той специальности, которой себя посвящали, *выбиравшіе* для изданія преимущественно такія книги, въ которыхъ нуждалось общество, или тавія, которыя могли бы давать современныя и систематическіе отвѣты на тѣ вопросы, броженіе которыхъ ощущалось въ общественной атмосферѣ. Выхода изъ основанія, что хорошая книга рано или поздно найдетъ себѣ покупателей, они затрачивали свои капиталы на изданія, предпринимавшіяся не на основаніи ходкости книги, а на основаніи ея научнаго или общественнаго значенія, и даже предпринимая цѣлый рядъ изданій, не огорчались тѣмъ, что та или другая книга, въ данное время не только не окуналась, но даже приносила убытокъ; убытокъ этотъ вознаграждался успѣшнымъ ходомъ другихъ изданій. Движеніе это было довольно значительно и принесло хорошіе результаты: благодаря ему, въ нѣсколько лѣтъ наша переводная литература значительно обогатилась, и еслибы новые издатели были послѣдовательны, т.-е. соединялись бы въ издательскія ассоціаціи, то имъ удалось бы, можетъ быть, и совершенно вырвать издательское дѣло изъ рукъ кулаковъ-книгопродавцевъ, но всякія попытки этого рода, какъ извѣстно, у насъ не удалась, хотя и не прошли совершенно безслѣдно... Толки о нихъ и возможность ихъ осуществленія вызвали но необходимости конкуренцію въ средѣ издателей-книгопродавцевъ, и нѣкоторые изъ нихъ увидели, что бороться съ новымъ движеніемъ можно не однимъ только капиталомъ, а и болѣе рациональнымъ его употребленіемъ. Благодаря такому соображенію, нѣкоторые книгопродавцы за это время предприняли и издали тоже довольно значительное количество книгъ съ значеніемъ капитальнымъ—и общество и съ этой стороны осталось въ выигрышѣ. Но... въ то же время, когда происходило все это движеніе, нѣкоторые изъ издателей-новаторовъ стали какъ будто уставать и отступать въ своей дальнѣйшей дѣятельности отъ тѣхъ принциповъ, которые въ началѣ они умѣли сами для себя поставить, и въ своемъ образѣ дѣйствій стали слѣдовать уже не тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляла жизнь, а старокнигопродавческой рутинѣ, т.-е. руководиться въ выборѣ не достоинствомъ сочиненія, а его внѣшнимъ блескомъ, авторитетомъ имени автора, внѣшнимъ соответствіемъ заглавія книги съ современнымъ настроеніемъ общества и т. д.; кромѣ того при заказахъ переводовъ, они оказались способными, не хуже всякаго книгопродавца, обращаться къ переводчикамъ поплоче и подешевле, чтобы утянуть всякій рубль у бѣдныхъ литературныхъ ремесленниковъ и т. д. Сверхъ того и они встрѣтились съ конкуренціею переводничества и мелкаго издательства, проявившея въ самое недавнее время какъ *ultima ratio* — въ средѣ молодежи, желавшей образованія, но поставленной сво-

имъ общественнымъ положеніемъ въ невозможность добыванія себѣ хлѣба, инымъ путемъ, кромѣ псевдо-литературнаго... Тѣ изъ этихъ невольныхъ литературныхъ чернорабочихъ, которыхъ не успѣли прибрать къ рукамъ болѣе ловкіе изъ кулаковъ-книгопродавцевъ, или неприсотливые редакторы-эксплуататоры мелкой прессы (принявшей у насъ при такомъ уладкѣ, зависѣвшемъ отъ высшихъ обстоятельствъ серьезной журналистики, неподобающіе размѣры), вида успѣхъ и выгоду издательской дѣятельности на новыхъ основаніяхъ, и обладавъ нѣсколькими грошами и грошевою грамотностью — рѣшились а ses rizques et periles также броситься въ издательство, избирая для своего переводничества мелкія брошюры извѣстныхъ и громкихъ авторитетовъ, для того, чтобы при изданіи не затрачивать много труда, и скорѣе доживать до результатовъ мелкихъ затратъ на изданіа... Благодаря ихъ дѣятельности, въ русской литературѣ появилось множество брошюръ и книжонекъ, украшенныхъ громкими именами Вирхова, Молешота, Тена, Воля, Либиха и т. д., которыя, не увеличивая ихъ значенія, клонятся, такъ-сказать, только къ ихъ посрамленію между нами. Стоило только Вирхову произнести на какомъ нибудь торжественномъ собраніи два-три слова, приличныхъ случаю, и немѣющихся никакого значенія ни въ наукѣ, ни въ русской жизни, Либиху чихнуть, а Тену или Молешоту высморкаться, все это переработывалось переводничествомъ (мы не говоримъ переводилось, потому что весьма часто въ брошюрахъ этого рода всѣ научные термины перевирались, а смыслъ словъ исчезалъ безслѣдно), издавалось и преподносилось россійской публикѣ, какъ важнѣйшіе результаты современнаго научнаго и общественнаго движенія въ Европѣ...

Усиленіе журналистики съ настоящаго года должно, по нашему мнѣнію, если не измѣнить весь этотъ характеръ издательства, то значительно на него повліять къ лучшему... Впрочемъ, объ этомъ говорить вѣрнѣе мы не хотимъ... вѣроятно намъ еще предстоитъ не одинъ случай высказаться по этому поводу подробнѣе; здѣсь же мы все это привели только для того, чтобы предостеречь г. Ламанскаго отъ тѣхъ увлеченій, признаки зараженія которыми мы замѣтили въ немъ по изданной книгѣ, заголовокъ которой приведенъ нами въ настоящей нашей замѣткѣ, также какъ и по его «Антропологическому сборнику».

Г. Ламанскій принадлежитъ именно къ той категоріи издателей, къ которой мы отнесли сочувственно. Имъ издано уже нѣсколько порядочныхъ книгъ, но такое неряшливое и спекулятивное изданіе, какъ «Нравственная статистика» можетъ погубить совершенно и окончательно его доброе издательское имя. Спекулировать и спекулировать сознательно (одному небрежностью чудовищности изданія г. Ламанскаго мы объяснить не можемъ), именно такими знаніями и тѣми именами, которыми всего больше дорожатъ лучшая часть общества, по меньшей мѣрѣ... нерасчетливо. Мы лично ставимъ такой образъ дѣйствій даже значи-

тельно ниже простодушнаго книгопродавческаго кулачества, и признаемся, весьма желали бы, чтобы доказывать основанія такого возрѣнія впоследствии намъ не приходилось на новыхъ изданіяхъ того же г. Ламанскаго.

Записки охотника Восточной Сибири. А. Черкасова. *Съ рисунками въ текстъ.* Спб. 1867. Изданіе книгопродавца С. В. Звонарева.

Книга г. Черкасова должна представлять весьма значительный интересъ для лицъ, имѣющихъ страсть въ охотѣ и досугъ для занятія ею, такъ-какъ она заключаегъ въ себѣ весьма подробное описаніе всѣхъ техническихъ особенностей охоты въ Восточной Сибири, замѣтки о звѣряхъ, населяющихъ огромныя лѣса и степи этой мѣстности, особенныя способы ихъ лова и т. д. Но, въ охотничью она можетъ заинтересовать собою и обыкновеннаго читателя, такъ-какъ въ ней встрѣчаются нелишенные занимательности этнографическія описанія быта сибиряковъ, замѣтки объ особенностяхъ сибирской природы и множество подробностей о бытѣ звѣрей, водящихся въ этомъ отдаленномъ краѣ. Послѣднія замѣтки будутъ, кромѣ того, не безполезны и для естествоиспытателей, такъ-какъ наблюденія эти приводятся авторомъ не голословно, а съ фактовъ, которые онъ или наблюдалъ лично, или слышалъ отъ лицъ, заслуживавшихъ полное довѣріе. Искренности же г. Черкасова не довѣрять нѣтъ основаній: его простота, безыскусственныя описанія дышать всею откровенною простотою правды. «Чего я не испыталъ самъ, чего не видѣлъ — говорить онъ въ предисловіи — того и не утверждаю. Я рѣшился написать, что далъ мнѣ мой охотничій опытъ». Въ этомъ же предисловіи онъ, между прочимъ, извиняется въ слабыхъ сторонахъ своего труда въ литературномъ отношеніи и въ неловкости своего обращенія съ перомъ. Такое извиненіе, по нашему мнѣнію, совершенно напрасно. Книга написана просто, правдиво, живымъ языкомъ и, слѣдовательно, извиняться автору не въ чемъ. Публикѣ уже давно набили оскомину различныя литературныя изхищренія и претензіи, въ ущербъ простотѣ и правдѣ. Простой, своеобразный и нѣсколько грубоватый, какъ самая жизнь *зѣри-михъ промысловиковъ* (такъ въ Восточной Сибири называютъ охотниковъ), языкъ автора производить на читателя, напротивъ, весьма пріятное впечатлѣніе какой-то необычной свѣжести, напоминающей и степное раздолье и влажную прокладу частаго, зеленого бора...

Подлинновцы. *Этнографическій очеркъ.* (Изъ быта бурлаковъ). *Въ двухъ частяхъ,* Ф. Рѣшетникова. С.-Петербургъ. Изданіе кн. С. В. Звонарева. 1867.

Мы очень рады, что г. Рѣшетниковъ издалъ своихъ «Подлинновцевъ» отдѣльною книгою. «Подлинновцы» его — рассказъ изъ быта бурлаковъ, нѣкогда напечатанный въ «Современникѣ» —

Т. СЛХХVI. — Отд. II.

хорошій разсказъ, и едва-ли не лучше всего, что до сихъ поръ написалъ онъ. Авторъ — человекъ бывалый, знающій Русь, исходившій ее вдоль и поперекъ, и изучившій русскаго простого человека и его бытъ, какъ весьма немногіе русскіе писатели изучили его. Мало того, онъ такъ понялъ *суть* существованія мужика, такъ сумѣлъ проникнуться его вѣчнымъ, непрестаннымъ горе-гореваньемъ, такъ понялъ его несчастія и несложныя радости, что лица, выводимыя имъ, встать передъ читателями, какъ живыя. Вся тайна значенія г. Рѣшетникова въ этомъ пониманіи, обуславливаемомъ глубокимъ сочувствіемъ и любовью къ народу и его представителямъ, кто бы они ни были: бурлаки ли, тащущіе бичевую, заводскіе ли работники или жалкіе поселенцы заброшенной деревушки суровой мѣстности, гдѣ възъ жителей «рѣдкіе ѣдятъ хлѣбъ съ мѣсяцъ въ годъ, а остальное время ѣдятъ всѣ мякину съ корой, отчего у нихъ является лѣнь къ работѣ, болѣзнь, а порою и всѣ лежатъ больными, сами не знаа, что съ ними дѣлается, а только ругаются, да плачуть».

Разсказывая съ необыкновенною простотою и правдивостію обиденную жизнь своихъ героевъ, онъ нисколько ихъ не идеализируетъ, не выставляетъ слащавыми мужичками или сахарными пейзанами, не навязываетъ имъ тѣхъ достоинствъ и совершенствъ, которыхъ у нихъ не можетъ быть по самому ихъ положенію, не разглагольствуетъ по поводу горькой доли, павшей на тѣхъ или другихъ рабочихъ, а, приведя достовѣрные факты о томъ, что инымъ въ нихъ жизнь достается порою тяжелѣе и горче, чѣмъ домашнимъ животнымъ, показавъ, какъ они сами порою завидуютъ лошадямъ за то, что послѣднихъ хоть хорошо кормить, кое-гдѣ развѣ ввернетъ отъ себя два-три слова. Такъ, ставя вопросъ о будущности бурлаковъ, при усиленіи пароходной дѣятельности по судоходнымъ русскимъ рѣкамъ, которая угрожаетъ отнять отъ нихъ и послѣднюю возможность заработка и прокормленія, онъ говоритъ:

«Есть люди, которые называютъ бурлаковъ самими послѣдними, бросовыми людьми. Есть и такіе, которые называютъ ихъ негодями, вредными. Но они ошибаются: бурлаки только люди необразованные, грубые, *самые бѣднѣе люди*. Вѣдь у бурлака только и есть богатства, что на немъ надѣто, да что онъ съѣдаетъ... И для этого онъ трудится больше, чѣмъ другой. А терпѣніе не переносятъ зной, холодъ, дождь?... «Надо же кому нибудь быть бурлакомъ»... обыкновенно говорятъ люди, надсмѣхающіеся надъ бурлаками и непонимающіе бурлацкой жизни».

Что можетъ быть проще и сердечнѣе такихъ словъ? Такъ же просто ведется и самый разсказъ. Никакихъ преднамѣренныхъ эффектовъ, никакой драматической подтасовки, одно простое и послѣдовательное изложеніе обычнаго хода трудовой жизни, но факты сами собой неизбѣжно располагаются такъ, что у читателя не однажды холодѣетъ сердце, если на него только могутъ сколько-нибудь дѣйствовать чужія, неприкрашенныя страданія.

Вотъ, наприимръ, небольшой эпизодъ изъ начала повѣсти, который мы позволимъ себѣ привести для тѣхъ изъ читателей нашего журнала, которые не имѣли случая прочесть «Подлиповцевъ» въ «Современникѣ».

Два героя разсказа, въ которомъ передается, какъ они, оставивъ съ нищеты и гора родную деревушку, въ видахъ *болагостыи* отправились на Каму бурлачить, не имѣя объ этомъ дѣлѣ никакого новатя, и погибли, не вынеся тяжести этого промысла, живутъ, при началѣ повѣсти, еще въ своей деревнѣ. (Они — государственные крестьяне Чудинской волости, Чердынскаго уѣзда, бѣдные люди, какихъ много въ сѣверной части этого уѣзда). Какъ живутъ? не надо и спрашивать. Непривлекательная деревня Подлипанная и есть та самая, гдѣ рѣдкіе ѣдятъ хлѣбъ съ мѣсяцъ въ годъ и т. д. Земля ихъ кое-какъ вспахана; обыкновенно, какъ усердно ни засѣвай и ни паши поля, только начинается со-зрѣвать хлѣбъ, глядь дождь, заморозки, снѣгъ. Жители, а въ томъ числѣ и Пила и Сысойко, о которыхъ мы ведемъ рѣчь, «поплачутъ, погорюютъ, да и скосятъ травку Божью, измелютъ и ѣдятъ съ горячей водой, примѣшавъ туда или настоящей мучки или наскобленной ливовой или осинової коры...» Зимой всѣ дороги къ нимъ заметаетъ снѣгомъ.

Въ домахъ ихъ вездѣ бѣдная обстановка, нечистота, плачь и стоны. Второй годъ, какъ ничего недающее поле ими заброшено. Растетъ только трава для корма животнымъ. Промысловъ нѣтъ. Сѣно везти въ городъ далеко, не окупится. За кадки, набирухи, и лапти, которыя они туда носятъ, имъ не даютъ почти ничего; слышомъ много въ городѣ такихъ же бѣдняковъ, какъ они, изъ другихъ деревень стрѣляютъ они въ лѣсу рубчи-ковъ, но порою не на что купить и пороку. Ходятъ на медвѣдей, да медвѣди какъ-то перевелись. Рѣзкій изъ подлиповцевъ сможетъ получить въ лѣто или зиму рубля три. Отъ этого они всѣ сдѣлались апатичны, ни на что охоты нѣтъ, сидятъ себѣ по избамъ... Все это однакожь бы ничего; главное *нища мучить осмѣл*. Всѣ въ деревнѣ больны. Гаврило Гаврилычъ Пидицъ или Пила, человекъ добрый и работающій, всѣмъ помогаетъ, но и самъ просто изъ силъ выбивается. Ъсть нечего, продать тоже нечего. Жена его Матрена, дочь Апроська, и сынъ Иванъ, не встаютъ третьи сутки. Всѣ только и питаются, что картофе^ндемъ, да молокомъ, пока давала его корова. Въ сосѣдской избѣ, кромѣ того, лежитъ больнымъ Сысойко, паренъ, съ которымъ Пила такъ свился, что отдалъ ему свою дочь Апроську; въ сожительство. Но принять его къ себѣ въ избу онъ не можетъ. Изба мала, а у Сысойки больная и сумасшедшая мать, да малолѣтніе братишка и сестренка. «Эти двое дѣтей, неумѣвшихъ еще выговаривать и ходить, постоянно лежали или си-дѣли полунагіи, одѣты въ нѣсколько тряпокъ, спитихъ на подобіе мѣшковъ». Никто объ нихъ не заботился, никто не любилъ, за то колотушки они получали щедро. Сысойка досадо-

валъ на нихъ, что они иѣшали ему поселиться вмѣстѣ съ Пилой и Апроськой. «Онъ даже нарочно сажалъ ихъ на голнй полъ, чтобы они скорѣе умерли, нарочно не давалъ ѣсть, думая, что они помрутъ». Иногда онъ даже «хотѣлъ ихъ пришибить чѣмъ нибудь, но ему было жалко, онъ чего-то боялся». Пила ихъ жалѣла, всегда приносилъ имъ что нибудь и дѣти при его появленіи начинали плакать и махать ему руками. Всѣ, и Пила и Сысойка и Апросьба ждали, да ждали, чтобы скорѣй померла мать Сысойки и эти живучія дѣти, чтобы Сысойка могъ поселиться въ избѣ Пилы. Въ такомъ положеніи было дѣло, когда всѣ дѣйствующія лица захворали отъ голоду, и одинъ только Пила еще держался на ногахъ, переходя изъ избы въ избу для подавнн помощи то своимъ, то Сысойкѣ. Но здѣсь и начинается та картинка, которую мы хотимъ привести для читателей:

«Пила принесъ въ избу Сысойки охапку дровъ. Бросивъ ихъ на полъ около печи, онъ заглянулъ въ печку. Тамъ лежали мальчикъ и дѣвочка нагѣ.

«— Эй вы, дѣше!... Вылѣзайте!... спать тожно!... кричалъ Пила.

«Изъ печи не слышно было ни голоса, ни движенія.

«Пила потащилъ изъ печи за ногу мальчика. Мальчикъ былъ мертвый.

«— Ишь ты! сказалъ Пила и сталъ щупать мальчика. — Померъ.

«— Кто? спросилъ Сысойко.

«— Парень.

«— Ну в ладно... А дѣвка-то? спросилъ Сысойко и высунулъ голову съ полатей.

«Пила вытащилъ за ногу и дѣвушку. Она была мертвая. Лѣвый високъ ея былъ чѣмъ-то проломленъ; лица ея незамѣтно было: все оно запеклось отъ крови и на немъ засохъ мусоръ отъ печи.

«— Сысойко гни! (смотри).

«Сысойко плохо видѣлъ съ полатей.

«— А што, померла?

«— Слѣзь ты што ли? Глади, убита!...

«— Вре?!

«Пила положилъ мальчика и дѣвочку на лавку и долго смотрѣлъ на нихъ жалобно.

«— Слышь, Сысойко? Ты убилъ дѣву-то?

«— А пошто?

«— Право ты!

«— Цудело ты, Пила! Што я, медвѣдь што ли, эвъ ты! Сысойко не сталъ и говорить больше, а спряталъ голову въ полумубокъ, Пила нащипалъ березовой лучины, досталъ на трутъ враннемъ огня, зажегъ лучину, и сталъ смотрѣть въ печку. Въ ней лежалъ большой камень, отвалившійся съ неба печи. Теперь Пила понялъ, что не Сысойко убилъ дѣву, а этотъ камень самъ отвалился. Только какъ же на парня камень не упалъ, а ва одну дѣву?...

«— Смотри косъ, экой камень-то! сказалъ Пила Сысойкѣ, показывая ему камень.

«Сысойка посмотрѣлъ и разинулъ ротъ отъ удивленія, но ничего не сказалъ.

«Пила сжалъ въ печку дрова, зажегъ. Въ избѣ сдѣлалось свѣтлѣе, Пила опять подошелъ къ ребатамъ. Жалко ему стало ребятъ. «Этъ голова-то какъ раскрыена... Мальчешка, мальчешка! Жить бы вамъ долго, да што имъ-то? Лучше какъ померли. Вотъ Сысойко, и померли ребята!...

«— Померли. Теперь я къ тебѣ пойду.

«— А мать?

«— Помергъ.

«Въ это время престонала на печи старуха и что-то несвязно пробормотала. На это на Пела, ни Сисойко не обратили вниманія».

Вотъ какъ проявляется порою на Руси жизнь нашего крестьянина. Сравните этотъ грустный эпизодъ съ тѣми разглагольствованіями, какія по поводу лѣности, пьянства и грубости нашего мужика помѣщаютъ на своихъ столбцахъ наши либеральныя газеты, и многое, быть можетъ, станетъ для васъ ясно... Вообще мы совѣтуемъ почитать «Подлиповцевъ» всѣмъ, интересующимся у насъ народнымъ бытомъ, или стоящимъ къ нему въ начальническихъ отношеніяхъ. Г. Рѣшетниковъ не даромъ назвалъ свою повѣсть этнографическимъ очеркомъ. Въ ней освѣщены весьма многія особенности крестьянскаго быта въ Чердынскомъ уѣздѣ и нравовъ камскихъ бурлаковъ. Особенности отношеній въхъ религіозныхъ, семейныхъ и къ мѣстнымъ властямъ, могутъ навести читателей на плодотворное раздумье по этимъ поводамъ и, быть можетъ, даже иной начальникъ дистанціи отнесется иначе, чѣмъ это до сихъ поръ водится, къ лодчанамъ, прикащикамъ и другимъ старшимъ лицамъ надъ бурлаками, къ которымъ они считаютъ до сихъ поръ долгомъ по приходѣ въ города *зачѣмъ-то* являться. «Зачѣмъ они идутъ къ начальнику дистанціи — говоритъ г. Рѣшетниковъ — объ этомъ рѣдкій житель Перми не знаетъ, а мы умолчимъ».

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

РОМАНЫ АНДРЕ ЛЕО.

(1, UN MARIAGE SCANDALEUX. 2, UN DIVORCE. 3, JACQUES GALEWON. 4, UNE VIEILLE FILLE. 5, L'IDÉAL AU VILLAGE).

Андре Лео — писательница, которой романы, появившіеся одинъ за другимъ въ теченіе послѣдняго пятилѣтія, имѣли блестящій, прочный и вполне заслуженный успѣхъ. Всѣ замѣчательнѣйшія французскія газеты, начиная отъ «Temps», и кончая какою-нибудь «Constitutionnel», отнеслись къ ея первому роману «Un mariage scandaleux», появившемуся отдѣльнымъ изданіемъ въ 1863 году, съ величайшимъ уваженіемъ. Одни понимали основную мысль романа, сочувствовали ей вполне, и видѣли въ авторѣ достойную соперницу или преемницу Жоржъ-Зандъ; другіе — считали болѣе удобнымъ распространяться о художественности выполненія, и ставили въ заслугу автору то, что онъ эту художественность сумѣлъ искупить парадоксальностью основной идеи. И тѣ, и другіе почувствовали одинаково-живо, что на литературное поприще выступила новая сила,

которую невозможно игнорировать, и на которую трудно смотреть свысока.

Появление романовъ Лео и ихъ успѣхъ составляютъ значительный симптомъ въ жизни современнаго французскаго общества. Этотъ успѣхъ не купленъ цѣною безиравственныхъ уступокъ ошибочнымъ понятіямъ, господствующимъ предрассудкамъ и общераспространеннымъ порокамъ соотечественниковъ и современниковъ. Въ романахъ Лео нѣтъ ни малѣйшей поправки слабостямъ французской буржуазіи, самаго многочисленнаго и вліятельнаго класса читателей. Напротивъ того, въ этихъ романахъ преобладаетъ здоровое, строго-отрицательное отношеніе къ чопорной мелочности, къ лакированному тупоумію, къ близорукому скопидомству и къ низкой продажности, характеризующимъ современное мѣщанство высшаго и низшаго полета. И, между тѣмъ, романы эти имѣютъ успѣхъ. Значитъ, во французскомъ обществѣ, несмотря на тѣ невыгодныя условія, которыя стѣсняютъ свободное развитіе его силъ, еще не замерла спасительная потребность самоосужденія. Послѣ болѣзненнаго оцѣпенѣнія, смѣнившаго собою напряженное литературное и общественное движеніе сороковыхъ годовъ, появляются снова признаки пробуждающейся мысли, готовой и способной подвергать строгому анализу существующія бытовыя формы и укоренившіяся понятія. На этихъ легкихъ признакахъ, на этихъ мимолетныхъ проблескахъ мудрено основывать какіянибудь опредѣленныя надежды. Но отмѣчать эти проблески необходимо.

I.

Много было говорено и писано объ отношеніяхъ между отдѣльною личностію и обществомъ. Было высказано много серьезныхъ и вѣрныхъ, свѣтлыхъ и глубокихъ мыслей, съ одной стороны, о такъ-называемомъ заѣдающемъ дѣйствиіи среды, и съ другой стороны, о томъ, какъ и почему великіе люди рѣдко одиноваются своими современниками, и обыкновенно подвергаются съ ихъ стороны ожесточеннымъ преслѣдованіямъ. На обѣ эти темы было также, разумѣется, разыграно достаточное количество вариаций, сбивающихся на переливаніе изъ пустаго въ порожнее. Изъ всѣхъ самостоятельныхъ размысленій и безсодержательныхъ фразъ, вызванныхъ этими вопросами, можно, кажется, вывести тѣ общія заключенія, что каждая среда въ большей или меньшей степени обладаетъ заѣдающими свойствами, что каждая сильная и замѣчательная личность сильна и замѣчательна на столько, на сколько она хочетъ, можетъ и умѣетъ сопротивляться заѣдающему вліянію среды, что развитіе такихъ личностей совершается наперекоръ всему окружающему ихъ и составляющему общій, мнѣновенно-сѣроватый и грязноватый фонъ картины, и что вся жизнь этихъ личностей, отдѣляющихся отъ общаго фона, соот-

вѣтствуетъ ихъ развитію, то-есть биваетъ и должна быть постоянною, болѣе или менѣе тяжелою и мучительною борьбою за право думать, чувствовать и поступать сообразно съ естественными потребностями и здоровыми влеченіями собственнаго организма.

Эта вѣчная борьба между здоровыми личностями и темными, безличными, коллективными, медленно разлагающими силами среды, въ каждую данную эпоху и въ каждой данной мѣстности, облекается въ новыя формы. Внимательное изученіе этихъ формъ составляетъ, безъ сомнѣнія, одну изъ важнѣйшихъ задачъ литературы, такую задачу, надъ которою постоянно должны работать общими силами даровитые романисты и серьезно размышляющіе критики. Та польза, которую приносятъ общественному сознанию хорошая беллетристика, состоитъ именно въ томъ, что она, беллетристика, приводитъ въ извѣстность количество и качество міазмовъ, распространяемыхъ средою, и въ то же время поддерживаетъ въ читателѣ ту мужественную увѣренность, что обыкновенный человѣкъ, вооруженный нѣкоторымъ элементарнымъ знакомствомъ съ существующими міазмами, можетъ при нѣкоторой настойчивости и при серьезномъ уваженіи къ своему человѣческому достоинству, предохранить себя отъ всякой заразы, остаться до конца своей жизни чистою, здоровою, сильною и дѣятельною личностью, и даже спасти отъ умственной и нравственной деморализаціи тѣхъ людей, съ которыми онъ находится въ постоянныхъ сношеніяхъ.

Если смотрѣть съ этой точки зрѣнія на романы Андре Лео, то ихъ необходимо будетъ признать очень замѣчательными и въ высокой степени полезными.

II.

Сюжетъ «Возмутительнаго брата» * очень простъ. Двѣ здоровыя и сильныя личности, двадцати-двухлѣтній крестьянинъ Мишель и двадцатилѣтняя мѣщанка Люси Бергенъ съ успѣхомъ отстаиваютъ отъ темныхъ и грязныхъ силъ окружающей среды свои права на честное и разумное счастье, на свѣтлую и здоровую жизнь, наполненную упорнымъ трудомъ и взаимною любовью. Все противъ нихъ: и любящіе родители, и заботливые родственники, и друзья, и сосѣди, и вумушки, и общественное мнѣніе, и весь кодексъ установившихся понятій и обычаевъ, но они сами твердо стоятъ за себя, они крѣпко и довѣрчиво держатся другъ за друга, они молоды и сильны, они хотятъ жить, въ нихъ нѣтъ ни мелочнаго тщеславія, ни малодушнаго лукавства, ни трусливой уклончивости, и она безо всякой особенной гениальности, оставаясь про-

* Я буду приводить цитаты изъ этого романа по русскому переводу Марка Волына, вышедшему въ нынѣшнемъ году отдѣльнымъ книжкомъ.

стыми и обыкновенными людьми, одерживают полную победу над всеми горами мелких препятствий; романъ заканчивается возмутительнымъ бракомъ, и Люси Вертевь, правнучка именитыхъ мѣщанъ, Бурдоновъ и Таламбеновъ, родственница богачей, ведущихъ дружбу съ префектами и мѣтящихъ въ депутаты, становится простою мужичкою Мишелякою, сама ходитъ за коровою и поросятами, и стираетъ на рѣчкѣ бѣлье.

Интересъ романа сосредоточивается въ личности Люси. Сначала въ ней происходитъ внутренняя борьба, которая окончательно отрываетъ ее отъ среды, и очищаетъ ее отъ всѣхъ узкихъ и мелочныхъ понятій и пристрастій, привитыхъ къ ней мѣщанскимъ воспитаніемъ. Затѣмъ начинается другая, внѣшняя борьба съ семействомъ и обществомъ. Первая борьба заканчивается тѣмъ, что Люси признается Мишелю въ своей любви; вторая тѣмъ, что Люси становится женою Мишеля. И ту, и другую борьбу Люси принуждена была вести одна, безъ дѣятельнаго и прямого содѣйствія со стороны Мишеля. Понятно, что Мишель не могъ врваться въ процессъ ея мысленія, когда она рѣшала про себя вопросы: люблю ли я его? Могу ли я, должна ли я, смѣю ли я любить его? Что мнѣ дѣлать съ этою любовью? Отдаться ли ей на всю жизнь, или дать ей въ себѣ всѣми доводами разсудка, и всею энергіею воли? Понятно также, что мужикъ Мишель не могъ помогать своей невѣстѣ и въ той борьбѣ, которую она вела со своими родными и знакомыми. Эта борьба велась тогда, когда Мишель работалъ на поденщинѣ, и тамъ, куда Мишеля не пускали. Общественное мнѣніе формировалось и изрекало свои приговоры надъ позорною страстью легкомысленной дѣвушки въ такихъ кругахъ, на которые личность Мишеля, его достоинства, его умъ и характеръ, не могли обнаруживать никакого вліянія.

Мишель, безъ сомнѣнія, принималъ важное участіе въ обихъ фазисъ борьбы и оказывалъ любимой дѣвушкѣ такое содѣйствіе, безъ котораго она, конечно, не могла бы одержать побѣду ни надъ собою, ни надъ окружающими людьми. Но это содѣйствіе было пассивное; онъ помогалъ ей не своими поступками, а чистотою и твердостью своей личности; онъ не расчищалъ передъ нею дороги, не устранялъ препятствій, ничего не доказывалъ ни ей самой, ни ея родителямъ, не спорилъ о правахъ чело-вѣка и гражданина съ мѣщанами и врестьянами своего мѣстечка; онъ только постоянно оставался самимъ собою, не вѣнчалъ себѣ ни въ одномъ изъ мельчайшихъ случаевъ всендневной жизни, всегда и вездѣ уважалъ въ себѣ самъ и заставлялъ другихъ уважать его чело-вѣческое достоинство, и этого было достаточно; въ минуты тяжелого раздумья, послѣ отчаянной схватки съ собственными мѣщанскими предрѣзсудками или съ безнадежнымъ тупоуміемъ окружающихъ людей, Люси думала о немъ, и не находила въ немъ ни одного пятна; она смотрѣла на него и видѣла во всемъ его существѣ спокойную силу, на которую можно положиться во всѣхъ случаяхъ жизни. Все въ этомъ чело-вѣкѣ

ручалось ей за то, что она будетъ очень счастлива, и это счастье маняло ее къ себѣ, и она шла къ нему, не смущаясь неровностями дороги, и идя къ нему, она сама росла и крѣпла, становилась умнѣе и чище, ввучивалась глубже и вѣрнѣе понимать жизнь и относиться съ кроткимъ и сострадательнымъ равнодушіемъ къ разнообразнымъ проявленіямъ человѣческой ограниченности.

Дѣйствіе романа происходитъ въ провинціальной глуши, въ деревнѣ, въ средней Франціи. Дѣйствуютъ мѣщане и крестьяне. Первые отличаются отъ послѣднихъ тѣмъ, что не носятъ мѣстныхъ костюмовъ, не придерживаются мѣстныхъ обычаевъ, считаютъ себя образованными людьми, презираютъ физическій трудъ и не безъ успѣха гонятся за казенными мѣстами. Послѣдніе стараются, по возможности, брать примѣръ съ первыхъ, но абсолютная необходимость работать и смотрѣть на работу, какъ на единственный источникъ пропитанія, въ значительной степени парализуетъ эти усилія. Бѣдные крестьяне, видя невозможности угоняться за мѣщанами или господами, покоряются своей участи и остаются работниками, проклиная свою горькую долю; богатые крестьяне пользуются своимъ достаткомъ преимущественно для того, чтобы вывести въ люди своихъ дѣтей, то-есть, чтобы выдать дочерей замужъ за мѣщанъ, или чтобы превратить сыновей въ полурованныхъ туземцевъ, проживающихъ родительскія деньги, деньги, собранныя посредствомъ долговременнаго коммерческаго оборота, болѣе или менѣе прибыльныхъ и болѣе или менѣе неоправданныхъ. Мѣщане и крестьяне, богатые и бѣдные, всѣ бѣгутъ куда-то, къ какой-то цѣли, о которой никто изъ бѣгущихъ не составляетъ себѣ отчетливаго понятія; всѣ смотрятъ на трудъ, какъ на зло; кто можетъ, тотъ сбрасываетъ его такъ или иначе на чужія плечи. Затѣмъ, когда эта первая задача рѣшена, представляется вопросъ: чѣмъ наполнить жизнь? На этотъ вопросъ ни у кого нѣтъ удовлетворительнаго отвѣта, но никто и не нуждается въ такомъ отвѣтѣ, потому что никого не тревожатъ самый вопросъ, и даже почти никому онъ не приходится въ голову. Некогда задумываться надъ жизнью, надъ ея смысломъ, надъ тѣмъ содержаніемъ, которымъ она можетъ и должна быть наполнена. Она наполняется сама собою, наполняется и даже переполняется такъ, что будь въ суткахъ сорокъ-восемь часовъ, вмѣсто двѣнадцати-четырехъ, и будь люди избавлены отъ печальной необходимости спать, то на долю каждаго изъ этихъ сорока-восьми часовъ пришлось бы слишкомъ достаточное количество заботъ, тревогъ, волненій и огорченій, и все таковыя, которыя вмѣняютъ очень мало общаго съ удовлетвореніемъ естественныхъ потребностей животнаго организма, или высшихъ стремленій человѣческаго ума. Надо бѣжать туда, куда бѣгутъ всѣ; надо завидовать тѣмъ, кто бѣжитъ впереди; надо презирать тѣхъ, кто отстаетъ; надо топтать ногами тѣхъ, кто падаетъ

на пути, и надо при этомъ лицемерить со всѣми, зная заранѣе, что ваше лицемеріе никого не обманываетъ; надо тщательно заглаживать зависть; надо преувеличивать презрѣніе и выражать его такъ, чтобы всѣ окружающіе принимали или могли принять его за роковой результатъ возвышенныхъ чувствъ и утонченныхъ привычекъ; надо проливать слезы состраданія надъ такими оплошностями ближнихъ, которыя возбуждаютъ чувство злобной радости, и открываютъ широкій просторъ для напряженной дѣятельности топчущихъ ногъ.

Какими бы ни были тѣ причины, которыми порождается это переполненіе жизни искусственными заботами, тревогами, волненіями и огорченіями, въ чемъ бы ни коренились эти причины, въ неисправимой ли слабости человѣческаго ума, или въ какихъ-нибудь политическихъ ошибкахъ, сдѣланныхъ предками и еще незамѣченныхъ потомками — во всякомъ случаѣ, это переполненіе существуетъ и даже составляетъ фактъ, дающій тонъ и колоритъ всѣмъ отправлениямъ общественной жизни во всѣхъ частяхъ цивилизованнаго міра. Толчовъ данъ сотни лѣтъ тому назадъ, и люди бѣгутъ, и поколѣніе за поколѣніемъ тратитъ въ эгомъ бѣгѣ всѣ свои силы, не находя себѣ за всѣ свои старанія никакой другой награды, кромѣ мучительнаго утомленія и горькаго разочарованія.

Какая же сила поддерживаетъ это движеніе и мѣшаетъ отдѣльнымъ личностямъ, составляющимъ бѣгущую толпу, остановиться, оглядѣться и сообразить свои дѣйствительные интересы? У каждой отдѣльной личности есть свои желанія, идущія въ разрѣзъ съ направленіемъ общаго бѣга; но каждая отдѣльная личность знаетъ, что въ ту минуту, когда она вздумаетъ отдѣлиться отъ толпы, вся эта толпа соединится противъ нея, и забросаетъ ее безчисленнымъ множествомъ презрительныхъ взоровъ, лицемерно-сострадательныхъ гримасъ, оскорбительныхъ пересудовъ и лживыхъ выдумокъ. Эта боязнь очутиться въ изолированномъ положеніи, столкнуться лицомъ къ лицу съ мнѣніемъ всѣхъ, навлечетъ на себя всеобщее неблагоприятное вниманіе, словомъ, эта трусость отдѣльной личности передъ толпою составляетъ тотъ цементъ, которымъ разнохарактерныя частицы связываются въ одну сплошную массу, направляющуюся къ одной извѣстной цѣли.

Люди, составляющіе толпу, не любятъ и не уважаютъ другъ друга; каждый изъ нихъ чувствуетъ, что въ случаѣ неудачи, ему нечего ожидать себѣ отъ сосѣдей ни пощады, ни даже самой простой справедливости; каждый изъ нихъ знаетъ также про себя, что и онъ самъ поступитъ непремѣнно по той же программѣ съ каждымъ изъ своихъ оплошавшихъ сосѣдей; вмѣсто взаимной привязанности и солидарности, существуетъ такимъ образомъ въ самой сильной степени взаимное недовѣріе и взаимная боязнь, и эти чувства, которыя повидѣмому могутъ только разрознивать людей, напротивъ того, соединяютъ ихъ между собой въ очень

компактную массу. При этомъ не трудно себя представить, какую долю терпятъ въ этой массѣ отдѣльныя личности, связанныя между собою такимъ насильственнымъ образомъ.

Каждый видитъ въ своемъ сосѣдѣ, добромъ знакомомъ и пріятелѣ—будущаго доносчика, который при первомъ удобномъ случаѣ не задумается обвинить и даже оклеветать его передъ судомъ бѣгущей толпы, или такъ-называемаго общественнаго мѣввіа. Каждый видитъ въ своемъ ближнемъ зербера, котораго надо задобривать медовыми лепешками или запугивать увѣсистой дубиной. Отъискиваніе медовыхъ лепешекъ и увѣсистыхъ дубинъ составляетъ вмѣсто ту дѣятельность, которой предаются съ одинаковымъ усердіемъ, хотя и не съ одинаковымъ успѣхомъ всѣ члены бѣгущей и суевающейся толпы, и эта дѣятельность обуславливается преимущественно взаимною боязнью, воодушевляющею этихъ членовъ. Медовыя лепешки называются деньгами; увѣсистая дубина называется властью. Исканіе денегъ и власти наполняетъ жизнь всѣхъ людей, успѣвшихъ сбросить бремя физическаго труда и мучительныхъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ, и несумѣвшихъ привязаться къ какой-нибудь отрасли общепользительной умственной работы. Въ глазахъ бѣгущей толпы, исканіе денегъ и власти составляетъ единственное позволительное, законное, разумное и похвальное человѣческое стремленіе. Толпа требуетъ отъ своихъ членовъ, чтобы они предавались этому исканію съ полнымъ самоотверженіемъ, и чтобы одна эта мысль господствовала безраздѣльно надъ всѣми ихъ поступками. Толпа оправдываетъ или обвиняетъ своихъ членовъ, признаетъ ихъ умными или глупыми, достойными или недостойными, великими или смѣшными, смотря по тому, насколько полно и ярко воплощается въ ихъ жизни единственная, вполне понятная ей идея, идея неуклоннаго стремленія къ деньгамъ и къ власти.

Въ жизни мѣщанъ и крестьянъ деревни Шаваньи, родины Мишеля и Люси Бертенъ, нѣтъ руководящихъ идей, кромѣ этой великой идеи, вполне понятной всякой бѣгущей и суевающейся толпѣ. Этой идеѣ подчиняются и всѣ политическія понятія, и всѣ отношенія къ вопросамъ общаго міросозерцанія, и всѣ взгляды на различныя чувства, права и обязанности отдѣльной личности. Крестьяне не обнаруживаютъ въ романѣ Лео никакихъ политическихъ симпатій или антипатій; они, повидимому, не считаютъ правдоподобнымъ, чтобы та или другая форма правленія, или та или другая законодательная мѣра могла произвести въ ихъ матеріальномъ положеніи важную и чувствительную перемѣну къ лучшему. Имъ самимъ приходится разсмотрѣть и рѣшить одинъ вроничный мѣстный вопросъ, вопросъ о направленіи одной дороги, и пренія, вызванныя этимъ общимъ дѣломъ, показываютъ до нѣкоторой степени, подъ влияніемъ какихъ страстей и соображеній обыватели Шаваньи стали бы обсуживать и рѣшать болѣе важные вопросы. Одинъ изъ крестьянъ говоритъ, что онъ ни за что не отдастъ подъ дорогу ни одного

доскута своей земли, что всё дороги только землю гадать, и что «сученне камень валать туда, гдѣ хлѣбъ растеть». Другой жалуется, что для него ни одной дороги не проложили, хоть онъ «такой же муниципальный совѣтникъ, какъ и г. Бурдонъ». Всѣ видятъ и понимаютъ, что Бурдонъ хлопочеть о дорогѣ собственно для своихъ личныхъ выгодъ, и всѣ, пообѣдавши на фермѣ у Вурдона и распивши нѣсколько бутылокъ хорошаго вина, подають голоса такъ, какъ того хочетъ Вурдонъ. Настоящую сущность дѣла превосходно выражаетъ Вуазонъ, тотъ самый крестьянинъ, который ратуеть противъ дорогъ вообще: «за эту дорогу, говоритъ онъ, я только потому и подамъ голосъ, что, сдастся мнѣ, ее, все равно, и безъ моего голоса построятъ. Префектъ съ генеральнымъ совѣтомъ не сидятъ въ рукавѣ у нашего брата мужика. И еще потому я за эту дорогу подаю голосъ, что она не проходитъ черезъ мою землю» (стр. 17). Равнодушіе къ рѣшаемому вопросу выходить, такимъ образомъ, изъ того убѣжденія, что мужику нѣтъ возможности отстоять и провести свое мнѣніе; еслибы этому самому мужику приходилось принимать участіе въ рѣшеніи болѣе важныхъ вопросовъ, и еслибы онъ видѣлъ, что его голосъ имѣетъ серьезное значеніе, то, по всей вѣроятности, и равнодушіе бы исчезло. Но при тѣхъ политическихъ условіяхъ, при которыхъ находилось въ сороковыхъ годахъ и находится до сихъ поръ сельское населеніе, несмотря на знаменатое «*universal privilege*», отставаніе собственного поля и угожденіе богатому сосѣду оказывается, при рѣшеніи общественныхъ вопросовъ, единственнымъ мотивомъ, доступнымъ разумѣнію и близкимъ сердцу большинства.

Мѣщане относятся менѣе равнодушно къ вопросамъ текущей политики: имъ доступна чиновничья карьера; они могутъ ожидать себѣ кое-какихъ щедротъ отъ правительства; ихъ могутъ наградить за преданность, и они стараются продавать эту преданность тѣмъ, кто желаетъ и способенъ дать за нее подходящую цѣну. Блестящій представитель мѣстнаго мѣщанства, богатъ и мудрецъ, царствующій въ деревнѣ Шаваньи, Антоненъ Вурдонъ, отличался преданностью къ правительству Бурбоновъ и шелъ быстрыми шагами къ высокимъ чинамъ и почестямъ, а потомъ, послѣ июльской революціи, принужденный удалиться въ деревню, скромно и осмотрительно отложилъ въ сторону все то, чему служилъ и что любилъ благонамѣренною страстью въ прежнія времена. Онъ сдружился съ новыми властями, и успѣлъ выпросить себѣ у нихъ стипендію для одного сына, протекцію для другаго, и полную благосклонность для себя и для всего своего семейства.

Въ религиозномъ отношеніи, крестьяне, повидимому, добрые католики; но съ одной стороны, вѣрныя хранительницы мѣстныхъ преданій, благочестивыя старушки, думаютъ, что для исцѣленія отчаянно больныхъ лучше обратиться къ колдуну или знахарю, чѣмъ къ святой Радегондѣ; а съ другой стороны, когда молодые

господа, то-есть, мѣщане, пересмѣиваются въ церкви и дѣлають другъ другу знаки, то крестьяне не находятъ въ этомъ ничего предосудительнаго и даже относятся къ этимъ глупостямъ съ почтительнымъ сочувствіемъ, потому что видѣть въ нихъ проявленіе городской развязности и великосвѣтскаго изыщества.

Мѣщане въ дѣлѣ религій, какъ и во всѣхъ прочихъ дѣлахъ, руководствуются модою; они отрицають извѣстный строй понятій такъ, какъ они стали бы отрицать прошлогодній покрой фрака; они ни во что не вѣрятъ, ни въ чемъ не сомнѣваются, и ни надъ чѣмъ не задумываются; всѣ эти процессы слишкомъ утомительны для нихъ, вовсе не приняты въ хорошемъ обществѣ, и нисколько не требуются для того, чтобы составить приличную карьеру, то-есть захватить въ руки частицу власти, нажить маленькій капиталецъ, и жениться на дѣвушкѣ хорошей фамиліи; твердыя убѣжденія въ дѣлѣ религій, каковы бы она ни были, положительныя или отрицательныя, могутъ быть только стѣснительны при жизни, когда приходится сталкиваться въ обществѣ съ людьми самаго различнаго образа мыслей, когда со всѣми этими людьми надо ладить, и когда отъ каждаго изъ нихъ можно добиваться какой нибудь выгоды, рекомендаціи или протекціи. А когда придется умирать, тогда можно будетъ струсить въ время, покаяться въ грѣховномъ пристрастіи къ модному легкомыслию, и съ должнымъ смиреніемъ прибѣгнуть къ всегда готовой помощи услужливаго и снисходительнаго патера.

Въ основаніяхъ своей житейской мудрости, крестьяне сходятся съ мѣщанами: и тѣ и другіе находятъ, что необходимо преклоняться предъ богатствомъ, и обѣими руками ухватываться за всякое дозволенное законами средство обогащенія. Мѣщане и крестьяне осуждаютъ въ одиѣ голъ съ Мишеля, и называютъ его чудачкомъ за то, что онъ не захотѣлъ жениться на богатой дѣвушкѣ, объяснившейся ему въ любви. Иные находятъ его поступокъ до крайности неестественнымъ, и даже выражаютъ то предположеніе, что онъ, быть можетъ, еще спохватится. Однако, на практикѣ, мѣщане, какъ люди дрессированные и полированные, оказываются гораздо непоколебимѣе и послѣдовательнѣе крестьянъ въ дѣлѣ поклоненія золотому тельцу. Въ крестьянскомъ быту еще возможны и даже случаются довольно часто браки по любви; совершенно бѣдными невѣсты находятъ себѣ совершенно бѣдныхъ жениховъ, и надѣясь только на свое трудолюбіе и на свои неистраченные силы, идутъ съ ними на встрѣчу всѣмъ невгодамъ и опасностямъ суровой батраческой жизни. Въ мѣщанскомъ сословіи такіе браки или совсѣмъ невозможны или составляютъ чрезвычайно рѣдкія исключенія, на которыя общественное мнѣніе смотритъ, какъ на сумасбродныя и даже безнравственныя поступки. Во всемъ своемъ поведеніи мѣщане гораздо менѣе крестьянъ поддаются внушеніямъ неблагоураумныхъ страстей. Любовь, ненависть, презрѣніе, гнѣвъ, негодованіе, жажда мщенія — все это такіа чувства, которыя у крестьянъ вырываются

иногда съ неудержимомъ силою, напереворъ всѣмъ требованіямъ финансоваго положенія и всѣмъ соображеніямъ практическаго разсудка. У мѣщанъ, напротивъ того, всѣ эти чувства держатся на привязи, и выкупаются на волю только тогда, когда ихъ шумное и эффектное появленіе не можетъ помѣшать достиженію серьезныхъ цѣлей, то-есть повредить интересамъ карьеры и кармана.

Это различіе между мѣщанами и крестьянами обнаруживается очень наглядно и съ разныхъ сторонъ въ исторіи молодого чиновника Гавеля и крестьянки Лизы Мурильонъ. Гавель соблазняетъ эту Лизу, дочь крестьянина, арендующаго ферму г. Бурдона. Лиза дѣлается беременною, и эта беременность становится извѣстною черезъ нѣсколько дней послѣ торжественнаго объявленія о томъ, что Гавель женится на Орелѣ Бурдонъ, дочери того богача и мудраго политика, котораго имя уже встрѣчалось на предъидущихъ страницахъ. Встрѣтивъ Гавеля на берегу рѣки, гдѣ онъ прогуливается съ семействомъ своей невѣсты, Лиза требуетъ у него разговора наединѣ, уводитъ его за кусты, и тамъ объявляетъ ему о своемъ положеніи. Съ нею находится въ эту минуту Жанъ, молодой работникъ ея отца, влюбленный въ нее; Гавель, переговоривъ съ Лизою, подаетъ Жану золотую монету, приглашая его молчать обо всемъ, что онъ видѣлъ и слышалъ. Жанъ бросаетъ ему эту монету въ лицо. «Гавель чуть не схватилъ за горло мужа, но, вѣрный правиламъ осторожности, онъ удержался отъ этого, сдѣлавъ надъ собою страшное усиліе. Берегись! — сказалъ онъ съ угрожающимъ жестомъ и страшнымъ выраженіемъ лица; потомъ онъ быстро ушелъ. Обладая уже искусствомъ бороться съ человѣческими чувствами и волненіями, какъ собственными, такъ и чужими, онъ успѣлъ справиться съ своими нервами въ тѣ пять минутъ, которыя ему понадобились, чтобы дойти до господина Бурдонъ; закипѣвшая кровь остыла въ немъ и лицо его просиялось» (стр. 172).

Эта сцена достаточно выразительна. Мужикъ наноситъ жестокое личное оскорбленіе барину, несколько не принимая въ соображеніе того вліанія, которое этотъ баринъ можетъ имѣть на его карьеру. А баринъ на оскорбленіе, равносильное пощечинѣ, отвѣчаетъ страшнымъ взглядомъ, угрожающимъ жестомъ, словомъ «берегись!» и быстрымъ отступленіемъ, сообразивши въ ту же секунду, что шумъ драки и громкій скандалъ могутъ разстроить его планы, и что гораздо благоразумнѣе будетъ проглотить обиду молча, какъ бы ни была она сильна и унижательна. Между тѣмъ, съ одной стороны, Гавель можетъ напастись на Жана своему будущему тестю, Бурдону, Бурдонъ можетъ сказать о немъ слово Мурильону, и Жанъ останется безъ мѣста. А съ другой стороны, какой бы ужасный скандалъ ни произошелъ, какое бы дурное мнѣніе ни получили о Гавелѣ Бурдонъ, его семейство и всѣ жители деревни Шаваньи, Гавель не потеряетъ ни своего казеннаго мѣста, ни тѣхъ денегъ, ко-

тория онъ, по всей вѣроятности, получаетъ на житье отъ своего отца, ни вообще какого бы то ни было изъ тѣхъ матеріальныхъ обезпеченій, которыя даютъ ему возможность играть роль провинціального льва. Значить, мужикъ, увлеченный страстью, рискуетъ всѣмъ, что у него есть; а баринъ, въ которомъ ударъ по лицу долженъ былъ, конечно, разбудить сильнѣйшую и самую неувротимую изъ человѣческихъ страстей, не желаетъ рискнуть даже тою выгодною спекуляціею, которая находится у него въ ходу, и которая, если даже допнетъ окончательно, нисколько не подорветъ источниковъ его благосостоянія. Откуда же происходитъ такое различіе между этими двумя людьми? Пожалуй, можно было бы просто сказать: одинъ смѣлый человѣкъ, другой—разсчетливый трусъ; но это объясненіе было бы совершенно произвольно, и кромѣ того, само нуждалось бы въ объясненія. Относительно Гавела оно даже и невѣрно; по всѣмъ приёмамъ Гавела видно, что онъ, при случаѣ, готовъ рискнуть жизнью, если бы такой рискъ былъ абсолютно необходимъ для успѣха его житейскихъ предпріятій, то-есть, если бы ему надо было, во что бы то ни стало, показать людямъ бѣгущей толпы, что онъ способенъ посмотрѣть въ глаза смерти. Но, разумѣется, онъ и жизнью сталъ бы рисковать не по страсти, а по разсчету, именно тогда, когда этого требуютъ его служебные или денежные интересы, и именно на столько, на сколько это для нихъ необходимо.

Объясненіе различія между поступками Жана и дѣйствіями Гавела заключается, по моему мнѣнію, не въ ихъ личныхъ характерахъ, а въ ихъ положеніяхъ. Чѣмъ рискуетъ Жанъ? Мѣстомъ батрака. Велико сокровище! Поссорился онъ съ Мурильономъ, пошелъ къ другому хозяину, нанялся у него, и опять все пошло по старому. Жанъ знаетъ себѣ цѣну, и понимаетъ очень хорошо, что Мурильонъ даетъ за его трудъ то, что далъ бы, и что дѣйствительно дастъ въ случаѣ надобности вслѣдъ другой покупищакъ, то-есть въ сущности, гораздо меньше того, что этотъ трудъ стоитъ на самомъ дѣлѣ, то-есть гораздо меньше, чѣмъ то количество продуктовъ, которое можетъ быть добыто или передѣлано посредствомъ этого труда. Трудъ Жана имѣетъ свою рыночную цѣну, и чтобы получить за него эту цѣну отъ Мурильона или отъ кого-либо другаго, Жанъ не нуждается ни въ какихъ вспомогательныхъ маневрахъ и подготовительныхъ комбинаціяхъ. Жанъ, оторванный отъ Мурильона, все тотъ же Жанъ, дюжій работящій парень, и всѣ его качества и споровки остаются при немъ, и продажная цѣнность его труда не понижается ни на одинъ сантимъ. Жанъ можетъ дѣйствовать смѣло, потому что онъ стоитъ не на какихънибудь хрупкихъ и хитрыхъ подмосткахъ, а на собственныхъ здоровыхъ ногахъ. Онъ бежитъ за себя даже меньше того, что онъ на самомъ дѣлѣ стоитъ, и умѣетъ довольствоваться этимъ малымъ. Поэтому ему нечего бояться, что онъ не найдетъ себѣ покупищакъ. Поэтому

онъ и можетъ себя позволить ту невинную роскошь, въ которой олагоразумно отказываетъ себя блестящій Гавель.

Люди, подобные блестящему Гавелю, напротивъ того, получаютъ за себя, тѣмъ или другимъ путемъ, несравненно больше своей рыночной цѣны. Въ этомъ собственно и состоятъ всѣ выгоды ихъ привилегированнаго положенія. Вся коллективная политика этихъ людей клонится къ тому, чтобы удержать въ полной силѣ и развиты надлежащимъ образомъ тѣ условія, благодаря которымъ получается эта непомѣрно высокая цѣна. Вся ихъ индивидуальная политика направлена къ тому, чтобы, комбинируя различными способами эти общія условія, брать за себя такую цѣну, которая нисколько не соответствуетъ ни ихъ личнымъ достоинствамъ, ни количеству справляемой ими полезной работы. Такъ, наприкладъ, Гавель занимаетъ мѣсто инженера, и получаетъ извѣстное жалованье. Занимаетъ онъ это мѣсто совсѣмъ не потому, что онъ болѣе всѣхъ своихъ сверстниковъ способенъ его занимать, а потому, что ему удалось получить выигрышный билетъ въ двухъ лотереяхъ. Впервыкъ, онъ поступилъ въ училище и кончилъ въ немъ курсъ, между тѣмъ, какъ многіи тысячи его соотечественниковъ и ровесниковъ, вполнѣ способныхъ учиться, не поступили ни въ какое училище и не кончили никакого курса. Это случилось съ Гавелемъ потому, что онъ родился на свѣтъ сыномъ такого человѣка, которому привилегированное положеніе давало возможность доставить своимъ дѣтямъ хорошее образованіе. Это обстоятельство, неизмѣющее ничего общаго съ личными достоинствами Гавеля, составляетъ первый выигрышный билетъ. Далѣе Гавель, по выходѣ изъ училища, при помощи различныхъ рекомендацій, протекцій, связей и ходатайствъ, получилъ мѣсто, котораго навѣрное добивались вмѣстѣ съ нимъ другіе претенденты, одинаково компетентные, и имѣющіе съ нимъ совершенно одинаковыя права. Это — второй выигрышный билетъ. Первый билетъ составляетъ чистую случайность, но второй взятъ на-вѣрняка. Гавель получилъ его, благодаря цѣлой искусно-придуманной системѣ отношеній, благодаря тому, что его знаютъ, какъ сына такого-то, какъ племянника такой-то, какъ пріятеля такихъ-то, какъ милаго и образованнаго юношу, отлично умѣющаго держать себя въ гостинной и танцевать польку и вальсъ. Чтобы удерживать за собою тѣ выгоды, которыя доставляетъ полученный выигрышный билетъ, и чтобы эти выгоды росли и множились въ его рукахъ, Гавель долженъ тщательно наблюдать за неприкосновенною цѣлостію той тонкой и замысловатой ткани отношеній, которою онъ себя опуталъ, и которая поддерживаетъ его на извѣстной высотѣ. Онъ долженъ воздерживаться отъ всякаго быстрога и рѣзкаго движенія, которое могло бы прорвать эту ткань; чуть только въ этой ткани начнетъ обнаруживаться прощечная прорѣха, онъ долженъ зачинивать ее, не жалѣя ни времени, ни труда, ни личнейшихъ улыбокъ, ни почтительныхъ поклоновъ, ни лживыхъ

увѣреній. Гавель, оторванный отъ своихъ патроновъ и разобщенный съ тою сферою, которая раздаетъ своимъ любимцамъ выгодныя должности, денежныя и почетныя награды, богатыя наслѣдства и руки богатыхъ невѣсты — совсѣмъ не то, что Жанъ, оторванный отъ своего хозяина Мурильона. Если Гавель прогнѣваетъ своего папеньку, не съумѣетъ поддѣлаться къ богатой тѣтушкѣ, повздоритъ съ своимъ начальникомъ по службѣ, обратитъ на себя суровое вниманіе благовоспитаннаго общества какимъ нибудь яркимъ скандаломъ, если онъ, вслѣдствіе этихъ и другихъ подобныхъ причинъ, сорвется съ той ступеньки, на которой онъ держится, и полетитъ внизъ, то онъ сразу сдѣлается самымъ жалкимъ пролетаріемъ, обидчивымъ и раздражительно-самолюбивымъ, безъ воловьей силы, безъ способности и привычекъ къ тяжелымъ лишениямъ и къ черной работѣ. Онъ упадетъ такъ низко, какъ Жанъ можетъ упасть только, напримѣръ, вслѣдствіе долгой изнурительной болѣзни. Гавель и люди ему подобныя понимаютъ и чувствуютъ это постоянно въ каждую данную минуту. Боязнь попортить или порвать запутанную паутину общественныхъ связей и отношеній, боязнь подломить подъ собою высокія и хрупкія ходули, благодаря которымъ можно презирать простыхъ людей, мѣсящихъ грязь собственными ногами — эта боязнь управляетъ всѣми поступками Гавелей и становится для нихъ второю природою. Эта боязнь называется умѣньемъ жить съ людьми и держать себя въ обществѣ; она лежитъ въ основаніи всѣхъ безчестныхъ уступокъ и унижительныхъ компромиссовъ; она заставляетъ человѣка молча глотать оскорбленія, подавлять въ себѣ взрывы самаго законнаго негодованія и сгибаться въ дугу передъ сильнымъ или смѣлымъ обидчикомъ; она прививается и прирастаетъ такъ крѣпко ко всему нравственному существу человѣка, она пускаетъ такіе глубокіе и дѣпки корни въ его характеръ, что человѣкъ продолжаетъ бояться и дипломатизировать, сгибаться и извиваться, лгать передъ другими и передъ самимъ собою, насиловать и извращать лучшія и самыя естественныя движенія своей природы даже тогда, когда онъ навсегда застрахованъ противъ паденія въ грязную пропасть нищеты, и когда онъ могъ бы прожить остатокъ дней своихъ въ полнѣйшей нравственной независимости.

То же различіе, которое я замѣтилъ между Жаномъ и Гавелемъ, замѣчается далѣе, между Мурильономъ, отцомъ соблазненной дѣвушки, и Бурдономъ, отцомъ той дѣвушки, которая должна сдѣлаться законною супругою соблазнителя. Верременность Лизы перестаетъ быть тайною; о ней говорятъ и шутятъ въ деревенскомъ трактирѣ; Мурильонъ, услышавъ эти толки, приходитъ въ неистовство и затѣваетъ драку; потомъ онъ бѣжитъ домой разспросить Лизу, и застаётъ ее вмѣстѣ съ Гавелемъ, только что вручившимъ ей, въ видѣ утѣшенія, полный кошелекъ. Гавель убѣгаетъ, а Мурильонъ бросается на дочь и хочетъ ее

убить. Мишель спасает Лизу; Мурильонъ собирается убить Гавеля, потомъ бросаетъ эту мысль и хочетъ преслѣдовать его судебнымъ порядкомъ; потомъ убѣждается, что это ни къ чему не поведетъ, и, наконецъ, измученный безсонною ночью и безисходными думами, рѣшаетъ къ утру, что мужику ничего нельзя сдѣлать путнаго, и что нѣтъ на свѣтѣ ни суда, ни правды, ни Господа Бога, и что остается только приниматься потихоньку за обыкновенную, будничную, тяжелую работу. Еслибы онъ могъ цѣною всего своего состоянія — я уже не говорю предотвратить или поправить случившюся бѣду — но даже только добиться того, чтобы Гавель былъ наказанъ, какъ низкій негодяй, то онъ не поколебался бы ни на одну минуту. При своемъ безсиліи онъ дѣлаетъ все, что можетъ. Онъ отправляется къ Бурдону и рассказываетъ ему о поступкѣ Гавеля, надѣясь, по крайней-мѣрѣ, разстроить его бракъ. Въ то самое время, когда Мурильонъ объясняется съ Бурдономъ, на дорогѣ происходитъ столкновение между Гавелемъ, съ одной стороны, и Жаномъ — съ другой.

Жанъ бросается на него съ топоромъ, и наноситъ одну рану его лошади, а другую — ему самому. Лизини братья, Каде и Мишель, рубившіе дрова вмѣстѣ съ Жаномъ, обезоруживаютъ его и спасаютъ Гавеля. Но при этомъ, Каде полосуетъ Гавеля лицо кнутомъ, и Гавель, вырванный появленіемъ постороннихъ лицъ, уѣзжаетъ въ городъ, задыхаясь отъ ярости и составивъ самые несбыточные планы мщенія. Теперь наступаетъ для Бурдона время заявить не только то, съ какой точки зрѣнія онъ смотритъ на дѣйствія Гавеля, но еще и то, счумѣетъ ли онъ и пожелаетъ ли постоять за будущность своей собственной дочери. Бурдонъ нисколько не обманывается насчетъ Гавеля; онъ понимаетъ вполнѣ, что этотъ человѣкъ непременно отравитъ жизнь его дочери, и ни въ какомъ случаѣ не сдѣлаетъ ее счастливою. Онъ приходитъ въ негодованіе, и хочетъ разорвать предположенный бракъ. «Человѣкъ настолько безнравственный, говорить онъ своей женѣ, что соблазняетъ шестнадцатилѣтнюю горничную въ домъ своей невѣсты, такой человѣкъ всегда будетъ необузданнымъ развратникомъ. Отказываясь отъ этого брака, я спасаю дочь!» (Стр. 260). Но госпожа Бурдонъ, послѣ продолжительнаго разговора, направленнаго къ тому, чтобы оправдать Гавеля или, по крайней-мѣрѣ, включить его въ многочисленный разрядъ обыкновенныхъ и общераспространенныхъ мужей, напоминаетъ своему Антонену о паутинѣ тѣхъ отношеній, которыя необходимы ему для успѣха его предпріятій, и перечисляетъ тѣ нити этой паутины, которыя оборвутся въ случаѣ рѣзкаго отказа выгодному жениху. «Вся ея жизнь будетъ надломлена, говоритъ госпожа Бурдонъ о дочери. Можетъ быть, также общественное мнѣніе будетъ къ ней до такой степени несправедливо, что она уже никогда не найдетъ тѣхъ выгодъ и связей, которыя представлялъ ей бракъ съ г. Гавелемъ. Наконецъ, въ этомъ разрывѣ все на насъ обрушивается, все насъ губить. Теперь опять вся будущность Эмиля сдѣлается сомнитель-

ною; разумѣется, дядя г. Гавеля, обѣщавшій намъ мѣсто аудитора въ государственномъ совѣтѣ, возьметъ назадъ свое слово. И ты также теряешь поддержку супрефекта при выборахъ въ депутаты» (Стр. 263).

Соображенія о паутинѣ дѣйствуютъ; Бурдонъ покорно склоняетъ голову; великодушное негодованіе его испаряется; раздраженный отецъ становится трусливымъ и благовоспитаннымъ членомъ бѣгущей и суетящейся толпы. Съ нимъ происходитъ та же исторія, которая совершилась съ Гавелемъ, когда, подъ вліяніемъ благоразумныхъ соображеній, намѣреніе схватить Жана за горло превратилось въ угрожающій жестъ, въ слово «берегись!» и въ быстрое отступленіе. Такія же благоразумныя соображенія побуждаютъ блестящаго, но побитаго Гавеля отказаться отъ плановъ мщенія, и взять назадъ жалобу, поданную мировому судѣ на Каде и на Жана, какъ на злодѣевъ, покушавшихся отнять жизнь у мирнаго и уважаемаго гражданина. Сойдясь между собою въ своемъ пристрастіи къ благоразумнымъ соображеніямъ, Гавель и Бурдонъ убѣждаются въ томъ, что они достойны другъ друга, и что имъ не изъ-за чего ссориться. Послѣ приличной отсрочки, вызванной печальными событіями и неприятными деревенскими толками, Орели Бурдонъ становится супругою Гавеля, который, въ качествѣ мужа, сдерживаетъ вполне все то, что онъ обѣщалъ въ качествѣ жениха.

III.

Въ такой средѣ, гдѣ все повинуется благоразумнымъ соображеніямъ, положеніе бѣдной дѣвушки оказывается очень безотраднымъ. У нея нѣтъ будущаго, нѣтъ надежды любить и жить полною жизнью, нѣтъ шансовъ найти себѣ спутника жизни, сдѣлаться женою и матерью; въ томъ обществѣ, гдѣ она живетъ, люди ищутъ себѣ приличныхъ партій; а она, бѣдная дѣвушка, можетъ быть только помѣхою и обузою, которую можетъ взять себѣ на шею только отъявленный сумасбродъ; но такіе сумасброды рѣдки въ наше благоразумное время, да и тѣ, которые имѣются въ наличности, по большей части, въ качествѣ сумасбродовъ, не умѣютъ добыть себѣ собственнымъ трудомъ кусокъ насущнаго хлѣба, и поэтому, находясь въ совершенной экономической зависимости отъ заботливыхъ родителей или отъ благодѣтельныхъ родственниковъ, обезпечиваются ихъ приказаціями и запрещеніями отъ слишкомъ крупныхъ и непоправимыхъ увлеченій. Богатые люди ищутъ себѣ богатыхъ невѣстъ, потому что богатство даетъ имъ право многого требовать и высоко поднимать свои претензіи; бѣдные также ищутъ богатыхъ невѣстъ, потому что желаютъ сдѣлаться богатыми, хотя, быть можетъ, и не имѣютъ на то достаточнаго, то-есть, наслѣдственнаго права. Бѣднымъ дѣвушкамъ остается только увядать и медленно разлагаться въ безнадежномъ одиночествѣ.

Мы знакомимся съ Люси Бертенъ именно въ то время, когда извѣстіе о предстоящемъ бракѣ ея кузины, Орели Бурдонъ, застаываетъ ее, Люси, оглянуться на самое себя, и задуматься надъ тѣмъ, что ожидаетъ ее въ будущемъ. Орели моложе Люси на два года, и однако уже успѣла отказать столбимъ женихамъ, что первая сплетница въ околоткѣ, ходячая лѣтопись всѣхъ деревенскихъ событий, мадемуазель Богъ отказывается ихъ пересчитать. Сестра Люси, Клариса, напротивъ того, дожидла до двадцати-шести лѣтъ, «не слыхавши отъ роду ни слова любви, не вида и тѣни жениха у смиреннаго порога родителей» (Стр. 46). Самой Люси уже двадцать лѣтъ; она миловидна, граціозна, очень умна, очень добра, отлично ведетъ хозяйство въ домѣ родителей, посвящена во всѣ тайны женскаго рукодѣлья; словомъ, отличается всѣми достоинствами, которыя могутъ привлечь съ одной стороны пылкихъ юношей, съ другой стороны — солидныхъ и разсудительныхъ старыхъ холостяковъ, желающихъ имѣть въ женѣ приятную и расторопную эконожку, и однако же имѣть жениховъ, и имѣть ни малѣйшаго основанія думать, что они когда-либо явятся. Люси вглядывается въ свое положеніе, опѣиваетъ его съ этой стороны, видитъ пустоту въ настоящемъ, понимаетъ, что та же холодная и мрачная пустота ожидаетъ ее въ будущемъ — и, оставшись наединѣ съ своими мыслями, подъ вліяніемъ горя и ужаса, занывается слезами. Эти мысли, это горе, этотъ ужасъ, и въ особенности, эти слезы, слезы о томъ, что имѣть и не предвидится жениховъ — способны навсегда погубить Люси Бертенъ въ глазахъ многихъ читательницъ, считающихъ себя развитыми дѣвушками или женщинами. Какой позоръ! скажутъ развитыя читательницы. Какое низкое малодушіе! Думать о женихахъ! Сокрушаться о томъ, что какіе-нибудь дрянные люди, какіе-нибудь пошляки не вздыхаютъ у ея ногъ, и не дѣлаютъ ей предложенія! Изъ-за отсутствія жениховъ не видѣть въ жизни ничего, кромѣ мрачной и холодной пустоты! А работа, общеплезная дѣятельность, жизнь мысли!

Я согласенъ съ развитыми читательницами насчетъ того, что, когда человѣку не удалось найти себѣ въ жизни личнаго счастья, то-есть взаимной любви со всѣми радостями и страданіями, тогда ему надо во всякомъ случаѣ устроиться какъ-нибудь такъ, чтобы его существованіе было какъ можно менѣе обременительно для него самаго, для близкихъ ему людей и для всего общества. Въмѣсто того, чтобы заниматься перетрачиваніемъ старыхъ воспоминаній, вмѣсто того, чтобы вздыхать и плавать надъ несбытими надеждами, надо пріискать себѣ полезныя занятія, которыя, доставляя человѣку честную самостоятельность, въ то же время наполняли бы его дни и часы, предохраняли бы его отъ унынія, давали бы здоровое упражненіе его умственнымъ силамъ, и такимъ образомъ, не позволяли бы ему опуститься, оступѣть, измельчать и окислиться въ душной атмосферѣ хронической праздности, бесплодной болтовни и завистливыхъ пересудовъ. Но, впервыхъ, найти такія занятія не всегда и не вездѣ легко; въ

особенности дѣвушкѣ; большая часть тѣхъ занятій, которыя всегда поддерживаютъ жизнь работающихъ женщинъ, не требуетъ ни малѣйшаго напряженія умственныхъ способностей; оставаясь непримененными въ дѣлу, эти способности понемногу впадаютъ и извращаются; пока надъ ними совершается этотъ медленный процессъ разложенія, до тѣхъ поръ женщина томится, тоскуетъ и страдаетъ; а когда онъ приходитъ къ благополучному окончанію, тогда женщина превращается въ старую болтуню и злую сплетницу, поглощенную ничтожнѣйшими мелочами окружающей жизни. Вторыхъ, если даже полезныя занятія найдены, то человѣкъ все-таки можетъ сказать себѣ только, что онъ занятъ, что онъ не даромъ живетъ на свѣтѣ, что онъ никому не въ тягость, но онъ никакъ не можетъ назвать и признать себя счастливымъ человѣкомъ. Одна изъ самыхъ существенныхъ потребностей человѣка, потребность любить и быть любимымъ, все-таки останется навсегда неудовлетворенною, и если только человѣкъ захочетъ и рѣшится быть откровеннымъ съ самимъ собою, то онъ все-таки принужденъ будетъ сознаться, что его жизнь до нѣкоторой степени пуста и холодна, несмотря на всѣ высокія наслажденія, которыя доставляются ему успѣшнымъ ходомъ полезной работы. Онъ принужденъ будетъ подумать и почувствовать, что эту пустоту можно пожалуй замаскировать, но что уничтожить ее нельзя, потому что нѣтъ и никогда не будетъ такого суррогата, который замѣнилъ бы вполне отсутствующую любовь.

Представьте же себѣ теперь, что человѣкъ свѣжій, здоровый и только-что начинающій жить, смотритъ въ даль будущаго, на ту длинную вереницу лѣтъ, которую онъ, по всей вѣроятности, еще проживетъ на свѣтѣ. Смотритъ и видитъ, что это будущее отгорожено неразрушимою стѣною отъ всего, что въ его глазахъ составляетъ смыслъ, цѣль и красоту жизни; смотритъ и видитъ, что какъ бы долго ни тянулось это будущее, и какими бы мелкими случайностями оно ни было испещрено, а все-таки стѣна остается стѣною, и холодная пустота жизни окажется роковымъ фактомъ, къ которому надо будетъ такъ или иначе привыкнуть и примириться. Вообразите себѣ, какой глубокой и леденящей ужасъ долженъ охватить человѣка, когда для него въ первый разъ сдѣлается до очевидности яснымъ, что его жизнь ни въ какомъ случаѣ не будетъ болѣе или менѣе удачною погоней за радостями и наслажденіями, за сильными, глубокими и плодотворными ощущеніями, а будетъ только медленнымъ и томительнымъ привыканіемъ къ неизбежному злу, къ неизлечимому, глухому страданію, которое исчезнетъ только съ послѣднимъ вздохомъ, или съ послѣднимъ проблескомъ человѣческой сознательности и чувствительности. Конечно, люди проживаютъ съ такими страданіями десятки лѣтъ, и оглядываются назадъ на пройденное поприще, и говорятъ себѣ и другимъ: однако, вотъ уже двадцать, или тридцать, или сорокъ лѣтъ прошло! Но смотрѣть на допитую чашу совсѣмъ не то, что имѣть передъ собою полную чашу, и видѣть, какъ она велика, и

чувствовать всю ее горечь, и знать, что къ ней надо будетъ прильнуть губами, и пить, не отрываясь, до послѣдней капли. Чувствовать въ своей жизни пустоту и холодъ, конечно, тяжело и больно; но видѣть заранѣе, что пустота и холодъ неизбежны, и видѣть именно тогда, когда стремленіе къ свѣту и къ теплотѣ всего сильнѣе — это еще гораздо тяжеле и больнѣе. Тутъ даже самому мужественному человѣку не стыдно было бы заплакать отъ ужаса, отчаянія и бессильной злости.

Въ ту минуту, когда Люси смотритъ въ безотрадную даль своего будущаго, во всемъ, что ее окружаетъ, нѣтъ ничего такого, на что она могла бы опереться, на чемъ она могла бы отдохнуть душою, что могло бы сколько нибудь помирить ее съ жизнью. Ея семья состоитъ изъ жалкихъ людей, которые не умѣютъ ни выбиться изъ своей бѣдности какими-нибудь энергическими усиліями и ловко рассчитанными изворотами, ни нести свою бѣдность съ терпѣніемъ и съ достоинствомъ. Ея отецъ — беспечный и ограниченный лежебокъ; ея мать — старая мечтательница, навсегда попорченная съ молодю чтеніемъ сантиментальныхъ романовъ; ея сестра — двадцати-шестилѣтняя дѣвушка, домучившая себя до чахотки постояннымъ пересчитываніемъ того, что есть у другихъ, и чего нѣтъ и никогда не будетъ у нея; ея братъ — мелкій чиновникъ, усматривающій смыслъ жизни въ томъ, чтобы одѣться по модѣ, воткнуть въ галстухъ золотую булавку и, при случаѣ, съ скромною улыбкою, хвастнуть подаркомъ, полученнымъ отъ любовницы. Люси умѣе и крѣпче всѣхъ этихъ людей; она не можетъ ни любить, ни уважать ихъ; она стоитъ на столько выше ихъ, что ей даже въ голову не приходитъ дѣлиться съ ними своими впечатлѣніями, и просить у нихъ совѣта и помощи въ трудныя минуты раздумья и гора. Всѣ они умѣютъ только плакаться на нищету, припоминая славу своихъ богатыхъ предковъ, и утверждая, что жизнь обманула ихъ коварнѣйшимъ образомъ; всѣ они, относясь съ кровавою ироніею къ своему обѣду, къ похлебкѣ изъ луку и къ соусу изъ бобовъ, бросаютъ завистливыя взгляды на чужіе достатки; всѣ они унижаются передъ богатыми родственниками, принимаютъ и выпрашиваютъ отъ нихъ подачку, и потомъ потихоньку бранятъ ихъ за то, что они дали слишкомъ мало и обнаружили недостатокъ сочувствія къ трагическому положенію людей, родившихся для лучшей доли и одаренныхъ отъ природы возвышенными стремленіями. У Люси нетолько нѣтъ надежды наполнить жизнь взаимною любовью, но нѣтъ и друга, съ которымъ можно было бы общими силами обсуживать и разрѣшать представляющіеся житейскіе вопросы. У нея нѣтъ также и яснаго понятія о томъ, какимъ разумнымъ содержаніемъ можно наполнить неудавшуюся жизнь. У нея есть только самородное влеченіе ко всему разумному и честному, истинному и неподдѣльно-доброму, ко всему, въ чемъ выражается сила и красота неоспорченной человѣческой природы. У нея есть также свойственная умнымъ людямъ спо-

способность отличать истину от лжи, и оцѣнивать чуткимъ ухомъ всѣ фальшивыя ноты и вопіющіе диссонансы, внесенные въ между-человѣческія отношенія узкими и мелкими расчетами практическаго благоразумія. Судя по самой себѣ, она увѣрена, что есть на свѣтѣ люди, которыхъ наравнѣ съ нею тяготитъ ложь и мелочность господствующихъ условій, и которые, вмѣстѣ съ нею, не хотятъ и не могутъ разиѣнивать на франки и на сантимы своей умъ, свою совѣсть и свою энергію. Она понимаетъ, что первый изъ такихъ людей, съ которымъ она сойдется, овладѣетъ всѣми ея помыслами, что найдя въ немъ вѣрный и полный откликъ на всѣ оттѣнки своихъ стремленій, она отдастъ ему всю свою душу, и что въ этомъ безраздѣльномъ отдаваніи своей души она перечувствуетъ всю полноту земнаго блаженства. Она понимаетъ, что быть счастливою значить полюбить такого человѣка и привлечь къ себѣ его любовь; она понимаетъ, что никакого другаго счастья не бываетъ и не можетъ быть на свѣтѣ; и она желаетъ и требуетъ этого счастья, и не боится и не стыдится признаваться себѣ въ этомъ желаніи; она говоритъ себѣ: я хочу любить, какъ сказала бы себѣ: я хочу ѣсть или пить, еслибы была голодна или чувствовала жажду. Видя, что любить некого, что никто къ ней не подходитъ, что не изъ чего выбирать, что некого сравнить съ неяснымъ идеаломъ и отвергать во имя этого идеала, что в будущее не обѣщаетъ ничего похожаго на счастливую или даже несчастную любовь — она страдаетъ и плачетъ, и нисколько не утанваетъ отъ самой себя настоящей причины своего горя и своихъ слезъ. «Татъ я никогда не выйду замужъ!» думаетъ она совершенно откровенно. «Что же я буду дѣлать съ собою?» Такою откровенностью, такою способностью и рѣшимостью называть свои ощущенія ихъ настоящими именами и спокойно пронизывать ихъ взглядомъ до самаго дна обладаютъ немногіе люди, особенно немногія женщины. И кто обладаетъ этими свойствами, того смѣло можно назвать умнымъ и сильнымъ человѣкомъ. Именно то обстоятельство, что Люси плачетъ объ отсутствіи жениховъ и вполне понимаетъ сама причину своихъ слезъ, именно это обстоятельство и ставитъ ее неизмѣримо выше тѣхъ развитыхъ читательницъ, которыя осуждаютъ ее за ея неприличныя размышленія и малодушное уныніе.

Первая встрѣча Люси съ Мишелемъ, старымъ товарищемъ ея дѣтскихъ игръ, происходитъ именно тогда, когда наплакавшись досыта, чувствуя себя очень одинокою, и невольно жалѣя о невозвратимыхъ годахъ веселой беззаботности, она въ высшей степени способна оцѣнить и принять съ глубокою признательностью всякое выраженіе добраго дружескаго участія. Мишель и Люси обмѣниваются нѣсколькими незначительными фразами, изъ которыхъ мы однако узнаемъ, что Мишель всегда былъ другомъ и покровителемъ Люси, и что онъ всегда обнаруживалъ къ ней самое очевидное пристрастіе. Онъ часто думаетъ о прошедшемъ; онъ находитъ, что это было славное время; онъ радъ тому, что и Люси

вспоминаетъ прошлое, и, увлекаясь въ осмисленіями, онъ обнаруживаетъ такое воодушевленіе, вслѣдствіе котораго рѣчь его становится даже немного безсвязною. «А вы, мадемуазель Люси, говорить онъ, вы были такъ добры и милы, что... лишь бы только быть съ вами вмѣстѣ... около васъ... и всякій доволенъ... и ничего больше не надо» (Стр. 51)... Затѣмъ, онъ вдругъ замѣчаетъ съ испугомъ, что Люси безъ сабѣ и рискуетъ промочить себѣ ноги. Онъ бѣжитъ опрометью за ея сабѣ, надѣваетъ ей ихъ на ноги, и тѣмъ кончается первое свиданіе. Люси приходитъ домой и видитъ, что безъ нея царствуетъ общій хаосъ, и что никто не умѣетъ ни приготовить ужина, ни успокоить больную Клариссу.

Она приводитъ все въ порядокъ, и чувствуетъ при этомъ, хотя и не останавливается на этомъ впечатлѣніи, что ея домашніе какіе-то жалкіе недоросли, о которыхъ постоянно надо заботиться, и отъ которыхъ невозможно ожидать никакой сильной поддержки и дѣятельной помощи. Уже въ то время, когда Мишель бѣгалъ за сабѣ, Люси подумала: «онъ всегда добръ. Никогда Гюставъ (ея братъ), никогда никто не былъ ко мнѣ такъ внимателенъ, какъ этотъ бѣдный Мишель». Сцена домашней безтолковости и безпомощности не заставляетъ Люси проводить какія нибудь параллели между тѣмъ человѣкомъ, который внимателенъ къ ней, и тѣми людьми, къ которымъ она должна быть внимательна, но эта сцена составляетъ густую тѣнь, положенную рядомъ со свѣтлою полоскою. Какъ бы ни былъ человѣкъ далекъ отъ мысли и желанія производить сравненія, невыгодныя для темнаго пятна, какъ бы ни былъ онъ проникнутъ тѣмъ сознаніемъ, что онъ связанъ съ этимъ пятномъ священнѣйшими узами, и обязанъ относиться кротко и даже любовно къ его мрачному колориту, а все-таки отъ своего сосѣдства съ темнымъ пятномъ свѣтлая полоска становится замѣтнѣе, и производитъ болѣе сильное и прочное впечатлѣніе на нервную систему воспримчиваго наблюдателя.

IV.

Люси уже знаетъ, что Мишель къ ней добръ и внимателенъ, что въ немъ сохранилось живое и пріятное воспоминаніе о дѣтскихъ играхъ, что онъ съ радостью готовъ оказать ей услугу, но она еще совсѣмъ не знаетъ, что за человѣкъ этотъ Мишель, и она даже не можетъ себѣ представить, чтобы изученіе этой личности могло сдѣлаться для нея сколько-нибудь интереснымъ. Ея отношенія къ Мишелю измѣняются медленно, шагъ за шагомъ; ея чувство возникаетъ и растетъ на глазахъ у читателя. Авторъ соблюдаетъ здѣсь полнѣйшую постепенность и неподражаемую естественность переходовъ; тѣ мелкіе случаи всѣдневной жизни, въ которыхъ Мишель совершенно невольно и нечаянно обнаруживаетъ различныя стороны своего ума и характера, подобраны и сгруппированы такъ искусно, что самый строгій и недовѣрчивый

читатель не замѣтитъ ни малѣйшей натажки ни въ поведеніи Мишеля, ни въ томъ впечатлѣніи, которое его слова и поступки производятъ на Люси.

Изъ разговора г. Бертена съ Каде Мурильономъ, Люси узнаетъ случайно, что въ Мишеля влюбилась дочь очень богатаго крестьянина Мартена, за которую сватались безуспѣшно многіе мѣщане, и даже «господчики изъ Пуатье», что ее отецъ былъ согласенъ выдать ее за Мишеля, что она сама призналась Мишелю въ любви, что Мишель рѣшительно не захотѣлъ на ней жениться, ушелъ отъ ее отца, у котораго жилъ въ работникахъ, и теперь никому не позволяетъ при себѣ говорить и шутить по поводу всей этой исторіи. Разговоръ между Каде и Бертеномъ заканчивается тѣмъ, что Бертенъ называетъ Мишеля великимъ чудачкомъ. Это восклицаніе не возбуждаетъ въ Люси ни удивленія, ни негодованія; она не ожидала ничего другого; она привыкла видѣть въ окружающихъ людяхъ грубое непониманіе того, чѣмъ она восхищалась въ книгахъ, и чего до сихъ поръ напрасно искала въ жизни; она привыкла неволью и инстинктивно причислять свою семью къ этимъ окружающимъ людямъ, не вглядываясь и не вдумываясь въ горькій и обидный смыслъ этого причисленія; она пропускаетъ мимо ушей восклицаніе отца, и сосредоточиваетъ все свое вниманіе на томъ совершенно новомъ и ярко-отрадномъ для нея фактѣ, что есть люди, непохожіе на окружающихъ, и что такіе люди могутъ встрѣчаться въ ее родной деревнѣ, въ низшихъ и грубѣйшихъ слояхъ общества, среди ея давнишнихъ знакомыхъ. Мишель сразу становится для нея интересною загадкою, такою загадкою, разрѣшеніе которой можетъ измѣнить самымъ существеннымъ образомъ всѣ ея взгляды на жизнь, составившіеся въ значительной степени подъ вліяніемъ узкихъ сословныхъ предубѣжденій. Она заговариваетъ съ Мишелемъ уже не такъ, какъ говорила прежде; по выраженію автора, она точно робѣетъ передъ нимъ; видя, что садъ Бертеной не вскопанъ и не засѣянъ, Мишель предлагаетъ Люси придти работать въ воскресенье утромъ, и Люси говоритъ: «хорошо». Ей приходится въ голову упомянуть о платѣ, но она боится оскорбить Мишеля, и не смѣетъ ничего сказать о денежныхъ условіяхъ. Она спрашиваетъ Мишеля о его занятіяхъ и наклонностяхъ; она узнаетъ, что онъ любитъ читать, что онъ тяготится своимъ невѣжествомъ, что его тревожатъ вопросы, на которые онъ не находитъ отвѣтовъ, что онъ со всею искренностью чловѣка, нисколько не испорченнаго дрессировкою, чувствуетъ и цѣнитъ красоту и свѣжесть сельской природы, что онъ плавалъ, какъ ребенокъ, надъ романомъ «Paul et Virginie», и даже довелъ свою мать до необходимости спрятать отъ него эту книгу, чтобы онъ не обезумѣлъ надъ нею. Разговаривая съ Мишелемъ о разныхъ постороннихъ предметахъ, Люси замѣчаетъ, что онъ умѣетъ думать собственнымъ умомъ. Такъ, напримѣръ, она спрашиваетъ у него, считаетъ ли онъ за колдуна крестьянина Мартена изъ Шато-Бернье, которому во всемъ околдкѣ приписывались сверхъ-

естественныя знанія и силы. — «Нѣтъ, мамзель Люси, отвѣчаетъ Мишель. Я въ томъ присягу готовъ принять: не колдунъ. Видите, я къ нему долго присматривался, какъ жилъ у него. Это насчетъ дожда или погоды, насчетъ града, либо мороза есть знатоки не хуже его, а все не колдуны. И что у него дѣлается, когда его дома нѣтъ, этого онъ тоже не знаетъ, все равно какъ и другіе. А онъ только смысленный человѣкъ и знаетъ людей, и отгадываетъ этакъ иной разъ, чего ему не говорили». Люси немного озадачена тѣмъ, что Мишель такъ медленно и осмотрительно рѣшаетъ вопросъ о томъ, колдунъ или неколдунъ Мартенъ изъ Шато-Бернье. Ей странно то, что Мишель считаетъ нелишнимъ подѣискивать доказательства въ пользу своего мнѣнія. Она привыкла разговаривать съ мѣщанами или съ «господчиками изъ Пуатге», вообще съ людьми, у которыхъ всякіе вопросы рѣшаются во мгновение ока, съ легкостью изумительною, такъ, какъ будто бы они, въ качествѣ образованныхъ смертныхъ, уже давно были избавлены отъ случной необходимости думать, и какъ будто бы эта черная работа, вмѣстѣ съ работами шитья, тканья, и съ разными другими техническими процессами, была давно сложена на какія-нибудь паровыя машины особенно замысловатаго устройства. Еслибы Люси разговаривала не съ Мишелемъ, а съ «господчикомъ изъ Пуатге», то въ первыхъ, она врядъ-ли рѣшилась бы сдѣлать ему вопросъ о колдунѣ; она побоялась бы, что господчикъ приметъ этотъ вопросъ за оскорбленіе; въ вторыхъ, еслибы этотъ вопросъ вырвался у Люси, то господчикъ отвѣчалъ бы взрывомъ смѣха и вопросомъ: да развѣ жъ бываютъ на свѣтѣ колдуны? Затѣмъ было бы произнесено двѣ-три фразы о варварствѣ и суевѣріи—фразы, нисколько не относящіяся къ разбираемому дѣлу, но бросающія самый пріятный и выгодный свѣтъ на либеральный образъ мыслей господчика, и въ особенности на его умѣніе поддержать разговоръ. Невольно сравнивая мыслительные приемы Мишеля съ ухватками такого господчика, Люси сначала находитъ первое немного тяжеловѣсными; ей хочется, чтобы онъ отъ разсмотрѣнія и оцѣнки отдѣльнаго факта перешелъ поскорѣе къ обобщеніямъ, и она торопять его своимъ вопросомъ: «Если вы такой проникательный, Мишель, такъ вы, разумѣется, не вѣрите, что бываютъ колдуны?» Но Мишелю еще неизвѣстны паровыя машины, избавляющія человѣка отъ необходимости думать собственнымъ мозгомъ; его умъ идетъ своею дорогою, работаетъ съ свойственною ему степенью скорости надъ наличнымъ матеріаломъ, состоящимъ изъ собраннаго запаса фактовъ и наблюденій, и останавливается тамъ, гдѣ оканчивается этотъ запасъ; остановившись по недостатку фактическихъ знаній, его умъ уже не поддается никакимъ постороннимъ подталкиваніямъ и подзадориваніямъ; тотъ ложный стыдъ, который на каждомъ шагѣ заставляеть слабыхъ и ограниченныхъ людей произносить фразы, неимѣющія осязательнаго смысла ни

для самого говорящаго, ни для его слушателей, не существует для Мишеля. На вопрос Люси онъ отвѣчаетъ съ величественною простотою и сдержанностью: «на счетъ тѣхъ, кого я не видалъ, мамзель Люси, я и разсуждать не могу». Люси не съ разу понимаетъ высокое достоинство этого отвѣта; она уже готова пожалѣть о суетвѣрїи бѣднаго мужика, и о его неспособности возвыситься до той свободы духа, которою наслаждаются мѣщане и господчики; этою готовностью проникнуть ея вопросъ: «какъ, вы можете предположить, что есть люди, одаренные сверхъестественными силами?» Люси Бертенъ — католичка, вполне вѣрующая, хотя нисколько не экзальтированная; еслибы она дала себѣ трудъ заглянуть въ то міросозерцаніе, которое для нея обязательно, и которое она еще не замѣнила никакимъ другимъ, то она бы увидала, что въ предположеніи о людяхъ, одаренныхъ сверхъестественными силами, нѣтъ ничего особенно необыкновеннаго и неслыханнаго.

Но Люси жила постоянно среди такихъ людей, которые получили всѣ свои понятія въ готовомъ видѣ, кое-что отъ патера, кое-что отъ школьнаго учителя, иное изъ благочестивой книжки, иное изъ либеральной газеты; если между этими разнородными лоскутками мысли существовали непримиримыя противорѣчія, то ихъ никто не замѣчалъ, на нихъ никто не оставался, надъ ними никто не задумывался, ими никто не смущался, ихъ никто не усиливался объяснить или уничтожить. Всякій хотѣлъ только быть одного мнѣнія со всѣми; всякій видѣлъ зло только въ томъ, чтобы отдѣлиться отъ другихъ; всякому было несравненно прїятнѣе ошибаться вмѣстѣ съ другими, чѣмъ обладать истиною въ одиночествѣ; быть глупѣе всѣхъ или быть умнѣе всѣхъ — это были два равносильныя несчастія, которыя трудно было отличить одно отъ другаго даже при самомъ внимательномъ разсмотрѣніи; вѣрность, логичность, основательность мнѣнія — все это были качества, неимѣющія никакого серьезнаго значенія; оригинальность мысли была качествомъ, достойнымъ строгаго порицанія; самостоятельность въ понятіяхъ и въ сужденіяхъ могла быть только доказательствомъ и плачевнымъ результатомъ недостаточнаго, небрежнаго или превратнаго воспитанія. Люси въ теченіе двадцати лѣтъ подвергалась гневу этой умственной атмосферы; она не хотѣла и не имѣла основаній быть позоромъ и мученіемъ своихъ родителей; поэтому она принимала съ полною покорностію то, что ей говорили; она слышала, что колдуновъ нѣтъ и быть не можетъ, что въ колдуновъ способны вѣрить только безтолковые и необразованные люди, что ей, какъ благовоспитанной барышнѣ, вѣрить въ колдуновъ несвойственно, стыдно и смѣшно — и вопросъ о колдунахъ оказался для нея порѣшеннымъ, и она привыкла относиться съ пожиманіемъ плечей и съ сострадательною улыбкою къ несчастнымъ людямъ, допускающимъ въ колдунахъ присутствіе сверхъестественныхъ силъ; привычка замѣнила ей доказа-

тельства; привычка помѣшала ей требовать доказательствъ; привычка создала для нея ту мѣрку, которую она прикидывала къ людямъ и посредствомъ которой она судила объ умѣ и образованности своихъ собесѣдниковъ; но привычка не успѣла уснить ея природнаго ума, и прислушавшись къ сужденіямъ другаго умнаго человѣка, размышляющаго совершенно независимо отъ какихъ бы то ни было общеобязательныхъ взглядовъ и установившихся привычекъ, Люси почувствовала наконецъ силу и прелесть самостоятельнаго мышленія, и вдругъ поняла, какое громадное разстояніе отдѣляетъ человѣка дѣйствительно работающаго умомъ отъ господчиковъ, повторяющихъ вычитанныя и затверженныя сужденія. «Ахъ, мамзель Люси, отвѣчаетъ Мишель:—столько есть вещей, которыхъ я не знаю; и кабы я захотѣлъ рѣшать, что вотъ это есть, а вотъ этого нѣтъ, вѣдь я вышелъ бы большой дуракъ. Меня ужъ и то бѣситъ, и того съ меня довольно, что я невѣжда.» Въ этой сдержанности сказывается большая и скромно-самоувѣренная сила. Тутъ видѣнъ человѣкъ, который не хочетъ и неумѣетъ шутить своими словами; что онъ скажетъ, въ томъ онъ увѣренъ; и что онъ сказалъ, то онъ положить и въ основаніе своихъ поступковъ; для него истина имѣетъ высокую цѣну; для него истина — то, что соответствуетъ требованіямъ его разума; во имя истины онъ не побоятся отдѣлиться отъ толпы и пойти наперекоръ ея сужденіямъ; изъ уваженія къ истинѣ онъ не рѣшается брать напрокатъ чужія мысли, и отвѣчать да или нѣтъ, когда вопросъ для него еще недостаточно разъясненъ; изъ уваженія къ истинѣ онъ честно и прямо сознается въ своемъ невѣжествѣ; онъ не хочетъ казаться образованнымъ человѣкомъ, потому что лѣ самомъ дѣлѣ дорожитъ образованіемъ, какъ средствомъ водворить порядокъ и чистоту въ своемъ внутреннемъ мірѣ, какъ средствомъ вынестись изъ хаоса сомнѣній и неразрѣшенныхъ вопросовъ; онъ хочетъ быть, а не казаться; онъ хочетъ мыслить, а не произносить готовые сентенціи; онъ чувствуетъ, что по всей вѣроятности на всю жизнь останется невѣжественнымъ поденщикомъ, но твердо увѣренъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ профанировать знаніе, легкомысленно обращаясь съ его результатами, и украшая свою рѣчь непонятными и непродуманными афоризмами. Вглядѣвшись въ его скромныя и простыя слова, можно сказать навѣрное, что если этотъ человѣкъ когда нибудь рѣшитъ для себя отрицательно вопросъ о колдунахъ, то за этимъ отрицательнымъ рѣшеніемъ послѣдуетъ длинный рядъ другихъ, также отрицательныхъ рѣшеній, и что вся эта продолжительная и глубоко захватывающая работа приведетъ за собою радикальную перестройку всего міросозерцанія, всѣхъ взглядовъ на природу и на человѣческую жизнь.

Люси не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ томъ, какаа именно сила таится въ простыхъ словахъ откровеннаго невѣжды, но она чувствуетъ эту силу, чувствуетъ что-то такое, чего она до той

минуты не знала, чего не бывало никогда въ легкомысленныхъ рѣчахъ тѣхъ людей, съ которыми ей случалось разговаривать о серьезныхъ матеріяхъ. Авторъ говоритъ просто, что ей «спривились откровенность и простодушіе этого молодого человѣка». Миѣ кажется, что эти слова слишкомъ слабо и неполно выражаютъ произведенное впечатлѣніе. Это впечатлѣніе было такъ глубоко, что оно заставило Люси оглянуться на самое себя, замѣтить шаткость и недостаточность собственныхъ знаній, поспѣшность и опрометчивость собственныхъ сужденій, замѣтить то бездѣйствіе, на которое былъ осужденъ ея умъ, и отнестись недовѣрчиво и неодобрительно къ той средѣ, въ которой всѣ сплошь знали также мало, судили также опрометчиво, никогда ни о чемъ не размышляли, и никогда не сомнѣвались въ непогрѣшимости своихъ умовъ.

Ея мысли, пробужденныя и направленныя словами Мишеля, быстро приводятъ ее къ заключеніямъ очень неестественнымъ для мѣщанъ и для такъ-называемыхъ образованныхъ людей: «Увѣряю васъ, Мишель, говоритъ она, спустя нѣсколько минутъ послѣ разговора о кодунахъ:—мѣщане отъ крестьянъ отличаются больше словами, чѣмъ мыслями. А насчетъ мыслей крестьяне, пожалуй, еще лучше. Они по крайней мѣрѣ знаютъ, что не учились, отъ этого они какъ-то проще и добросовѣстнѣе... «Вы вотъ думаете, говоритъ она далѣе, они очень умны, а съ ними рѣдко приходится вести занимательные разговоры. У моего дяди Бурдона, напримѣръ, почти никогда не говорятъ о серьезныхъ вещахъ, а когда и заговариваютъ, такъ выходятъ, какъ будто смѣяться хотять».

Люси не была удовлетворена тѣмъ обществомъ, въ которомъ она жила; ей было скучно, она чувствовала пустоту; но дѣло такъ и останавливалось для нея на этомъ смутномъ недовольствѣ, котораго настоящія причины были ей самой недостаточно понятны; чтобы приступить къ сознательной оцѣнкѣ и строгой критикѣ этого пустаго общества, ей необходима была точка опоры, и такою точкою сдѣлался для нея разговоръ съ Мишелемъ; она сначала готова была осудить его за суевѣріе и за умственную робость; потомъ непосредственное чувство ея здороваго ума сказало ей, что Мишель правъ; она возмущалась противъ своего перваго движенія; она увидѣла и поняла, откуда шло это первое движеніе; мысль ея отнеслась съ сознательною враждебностью къ самодовольному тупоумію окружающаго общества, и она въ первый разъ высказала отчетливо и громко свое мнѣніе о тѣхъ людяхъ, которыхъ Мишель, въ простотѣ своей честной души и своего большаго ума, считалъ счастливыми обладателями истины.

V.

Люси вглядывается въ Мишеля съ возрастающимъ вниманіемъ; она сильно заинтересована этою личностью; она, по вы-

раженію автора, «наклоняется надъ этою душою, стараясь заглянуть въ нее до самой глубины.» Но любознательность ея совершенно безкорыстна и очень спокойна; она еще не можетъ себя представить, чтобы это изученіе могло обнаружить какое бы то ни было вліяніе на ея участь; ей не приходится въ голову смотрѣть на Мишеля, какъ на молодого человѣка, котораго она могла бы полюбить, и которымъ она могла бы увлечься; она смѣло отдается мыслямъ о немъ, будучи вполнѣ увѣрена въ совершенной безвредности и безопасности этихъ мыслей; она проводитъ параллели между Мишелемъ и Каде, потомъ между Мишелемъ и Эмилемъ Бурдономъ такъ же беззаботно и беззабѣчиво, какъ она могла бы, напримѣръ, сравнивать между собою два гертрета или два характера, взятыя изъ прочитанныхъ романовъ. Она отдаетъ Мишелю предпочтеніе сначала передъ Каде, потомъ передъ Эмилемъ; она рада тому, что знаетъ въ Мишелѣ умнаго, сильнаго и честнаго человѣка, но рада все-таки совершенно безкорыстно, рада потому, что знакомство съ такимъ человѣкомъ даетъ ей вообще лучшее понятіе о жизни и о людяхъ. Она желаетъ Мишелю счастья, она чувствуетъ къ нему уваженіе и дружеское расположеніе, она строитъ для него мысленно планы семейной жизни съ одною молодою крестьянкою, съ своею пріятельницею Женъ; Мишель уже говорилъ ей, что онъ хочетъ жениться только на такой дѣвушкѣ, которую онъ могъ бы любить «такъ сильно, о, такъ, такъ сильно», и она ему тутъ же сказала, что ему бы годилась Женъ; припоминая эти слова Мишеля, и тонъ голоса, которымъ они были произнесены, Люси воображаетъ себя, какъ онъ будетъ смотрѣть на ту женщину, которую онъ будетъ любить *такъ, такъ сильно*. Тутъ ей приходится вздохнуть, и пожалѣть о томъ, что на нее, бѣдную дѣвушку мѣщанскаго сословія, никто никогда не будетъ смотрѣть такими глазами.

Но ея мысли такъ далеки отъ возможности эгонистическихъ видовъ на Мишеля, что ни этотъ вздохъ, ни это сожалѣніе не останавливаютъ на себѣ ея вниманія и не предостерегаютъ ея противъ приближающейся опасности. Она принимаетъ этотъ вздохъ и это сожалѣніе за простой результатъ такихъ мыслей, которыя напоминаютъ ей ея горькое одиночество; не желая грустить, она даетъ своимъ мыслямъ другой оборотъ, и продолжаетъ думать о Мишелѣ, разыгрывая на эту основную тему другія варіаціи.

Она замѣчаетъ неровности и странности въ поведеніи Мишеля; говоря съ нею, онъ часто бываетъ взволнованъ; когда онъ подаетъ ей руку, рука эта горяча и дрожить; когда онъ смотритъ на нее, его глаза блестятъ такъ сильно, что она не выдерживаетъ его взгляда, и чувствуетъ себя неловко. Все это не ускользаетъ отъ вниманія Люси, разсматривающей Мишеля, какъ интересное произведеніе природы, но Люси твердо увѣрена, что между нею и Мишелемъ лежитъ непроходимая бездна,

и эта увѣренность такъ сильна, и бедна кажется до того непроходимой, что настоящая причина замѣчаемыхъ ею странностей и неровностей рѣшительно не приходитъ ей въ голову. Въ первый разъ мысль о томъ, что Мишель ее любитъ, приходитъ ей на умъ тогда, когда Мишель предлагаетъ ей для праздничной обѣды вербу, изукрашенную самымъ изящнымъ образомъ всѣми весенними цвѣтами. Чувство мѣщанской гордости возмущается въ ней противъ этой мысли. «Неужели, думаетъ она, я подвергаюсь опасности одерживать такіа побѣды? О, это ужъ чересчуръ обидно». За тѣмъ здравый смыслъ и природная доброта одерживаютъ побѣду надъ сословною чопорностью; Люси воображаетъ, что человѣкъ неволенъ въ томъ, чтобы любить или не любить; она напоминаетъ, что Мишель ничего не смѣлъ говорить ей о своемъ чувствѣ, и что, слѣдовательно, на него не за что гнѣваться, если даже онъ осмѣливается любить ее, что, впрочемъ, еще далеко не доказано; наконецъ, она успокаивается на тѣхъ соображеніяхъ, что, вопервыхъ, привязанность честнаго человѣка не можетъ быть оскорбительною, и что, ввторныхъ, Мишель, быть можетъ, просто чувствуетъ къ ней дружеское расположеніе и выражаетъ его какъ умѣетъ со всѣмъ простодушіемъ деревенскаго парня, неподовѣривающаго возможности какихъ бы то ни было лукавыхъ истолкованій.

Въ самый день Пасхи, работа въ саду окончена, и Люси, съ нѣкоторымъ замираніемъ сердца заводитъ рѣчь о платьѣ. Поднимается буря. Мишель приходитъ въ волненіе, слезы дрожать въ его голосѣ и ватаются по его щекамъ; онъ говоритъ, что на эту работу вложилъ всю свою душу, что это не поденщина, что онъ отдыхалъ за этою работою, что онъ былъ глупъ, что онъ виноватъ, что онъ мечталъ о возможности чего-то похожаго на дружбу. Этотъ потокъ искреннаго и кипучаго чувства застааетъ Люси въ распλοхъ и сбиваетъ ее съ несвойственной ей позиціи безукоризненно-приличной и благовоспитанной барышни. Люси теряетъ ся. Люси, умная и добрая дѣвушка, видитъ, что хорошій человѣкъ страдаетъ, и что надо прекратить его страданія, и что надо приласкать и успокоить его, и что всѣ соображенія, способныя тянуть ее волю въ противоположную сторону, въ сущности такая мелочь и такая дрянь, на которой не стоитъ и даже невозможно серьезно останавливаться. Она протягиваетъ Мишелю руку, и говоритъ ему, что ни въ чемъ онъ не виноватъ, и что онъ вполне достоинъ быть ея другомъ. Мишель не рѣшается прикоснуться къ ея рукѣ своею жесткою и запачканною рукою. Люси тогда съ законною гордостью работницы напоминаетъ Мишелю, что ея руки не избалованы бездѣйствіемъ. «Ужъ вы думаете, говоритъ она, я этими ручками ничего и не работаю? Эта рука, Мишель, совсѣмъ не барышня. Она сегодня съ утра тоже много дѣла сдѣлала». И тутъ она снова протянула руку. Мишель схватилъ эту руку съ восторгомъ, бросился на колѣни и глаза его загорѣлись такимъ огнемъ, отъ котораго на

минуто дрогнуло сердце молодой дѣвушки. «О, вы святая, вы... вы...». Онъ замолчалъ. Но всѣ черты его лица и вся его поза выражали такое обожаніе, что Люси, растерявшись, выпрала у него руку, стараясь улыбнуться, и пробормотала: «О, Мишель, вы съума сходите!» (стр. 149).

Люси взволнована этою сценою; она не знаетъ, какъ понять ее, и она не хочетъ понимать ее въ ея настоящемъ смыслѣ. Ей удастся увѣрить себя въ томъ, что со стороны Мишеля тутъ не было любви; ей удастся успокоить себя тѣмъ объясненіемъ, что у Мишеля странный характеръ, расположенный къ восторженности. Это объясненіе, при всей своей неудовлетворительности, даетъ ей возможность оставаться съ Мишелемъ въ прежнихъ добрыхъ отношеніяхъ, и она очень рада тому, что эти отношенія могутъ оставаться ненарушенными. Гордость и чопорность благовоспитанной барышни легли очень тонкимъ слоемъ на самую поверхность ея существа. Этотъ тонкій слой не приросъ къ ней наглухо; ее можно сравнить съ человѣкомъ, нарядившимся въ новое платье, которое мѣшаетъ ему свободно двигаться, тѣснить ему грудь, рѣжетъ подъ мышками, и въ то же время не доставляетъ ни выгоды, ни удовольствій. Люси знаетъ, что если она въ своемъ новомъ платьѣ начнетъ валяться по травѣ или пустится бѣжать по пыльной дорогѣ, то платье запылится или запачкается, и всѣ это замѣтятъ, и всѣ станутъ на нее показывать пальцами, и всѣ закричатъ вокругъ нея: «вотъ какая негодная дѣвушка! вотъ какая безстыдница! Смотрите, на что она похожа! Полюбуйтесь, каково она отдѣлала свое новое платье!» Съ другой стороны, Люси знаетъ и то, что если она постоянно будетъ гулять по выметеннымъ садовымъ дорожкамъ, медленно и чинно переступая съ ноги на ногу, и если на платьице ея не сидеть ни одной пылинки, то окружающіе ее люди все-таки не придутъ отъ нея въ восторгъ и не станутъ пѣть ей хвалебные гимны, а только будутъ объ ней молчать, стараясь при этомъ во что бы то ни стало замѣтить на ея костюмѣ какое нибудь пятнышко и дополнить воображеніемъ то, чего нельзя сдѣлать терпѣливымъ изслѣдованіемъ и искуснымъ толкованіемъ дѣйствительныхъ фактовъ. Далѣе она чувствуетъ, что еслибы даже окружающіе люди отдали полную справедливость ея заслугамъ по части сохраненія платья, еслибы они стали превозносить ее, какъ невиданный образецъ благоправія и аккуратности, то и тогда она не была бы счастлива, и жизнь ея не могла бы наполниться привзательнымъ и благосклоннымъ выслушиваніемъ похвалъ, которыя воспѣвались бы ей хоромъ, составленнымъ изъ глупой сплетницы Бокъ, грязнаго барышника Горена, приличнаго негодяя Гавеля, переметной сумы Бурдона и нѣсколькихъ дюжинъ другихъ особъ, очень ограниченныхъ и въ достаточной степени безсовѣстныхъ.

Въ результатъ получается глѣнымъ образомъ тотъ фактъ, что платье даетъ нашей героинѣ много заботъ, грозитъ ей многими

огорченіями, и за это не предоставляет ей никакихъ преимуществъ. Самъ барышня налагаетъ на нее обязанность смотрѣть на мужа, какъ на существо низшей породы, отдѣленное отъ нея непроходимой бездною; она, какъ барышня, всегда должна чувствовать къ мужу нѣкоторое презрѣніе, всегда должна держать его на почтительномъ отдаленіи, всегда должна избѣгать съ нимъ всякой дружеской короткости; она можетъ, и даже должна обращаться съ нимъ вѣжливо, внятно, мило и даже, пожалуй, ласково; но въ ея обращеніи всегда должно чувствоваться, и она сама должна ощущать въ душѣ своей, что хотя она, по великодушію своему, охотно прощаетъ ему вину его низкаго происхожденія и не желаетъ колоть ему глаза его убожествомъ, но забыть его замаранность не въ состояніи; кромѣ того, вся ея снисходительность къ мужу и къ его худородію позволительна только до той минуты, пока мужъ самъ знаетъ свое мѣсто и твердо помнитъ, что онъ, несмотря ни на какія деклараціи правъ человѣка и гражданина, не можетъ, и не долженъ рассчитывать со стороны господъ ни на что, кромѣ благосклонной и незаслуженной терпимости. Чуть только мужъ возмнитъ себя полноправнымъ человѣкомъ, чуть только въ немъ шевельнется чувство, что ничто человѣческое ему не чуждо, что не чужда ему даже способность увлекаться физическимъ, умственнымъ и нравственнымъ изысканіемъ барышни, относящейся къ нему внятно и мило — тотчасъ эта барышня, оставаясь внятно ангеломъ, должна взмахнуть крылами и утонуть въ волнахъ того эфира, въ который за нею могутъ слѣдовать только барышники Горень, негодяи Гавель и другіе, равносильные имъ ангелы. Люси знаетъ, что все это она, въ качествѣ барышни, должна дѣлать, и что малѣйшее упущеніе съ ея стороны навлечетъ на нее множество неприємностей; она даже и сама, по привычкѣ быть барышней и нести на себѣ обязанности своего званія, готова и способна упрекать себя за такія упущенія, какъ за неуваженіе собственнаго достоинства; по той же привычкѣ, она можетъ почувствовать себя оскорбленною, если какой-нибудь простодушнѣе отнесется къ ней теплѣе и искреннѣе, чѣмъ простодушны относятся обыкновенно къ барышнямъ; но у нея нѣтъ личной живой наклонности къ отпращиванію обязанностей, связанныхъ съ ея саномъ; ей самой возможность смотрѣть на мужа сверху внизъ и считать себя существомъ высшаго разбора не доставляетъ удовольствія; жизнь, наполненная заботами о поддержаніи мѣщанскаго достоинства, кажется ей пустою, холодною и тяжелою жизнью; она еще не смѣетъ сбросить съ себя эти заботы, но онѣ тяготятъ ее, и она вовсе не прочь была бы какъ-нибудь обойти ихъ; въ разговорѣ, вызванномъ хозяйственными затрудненіями, она высказываетъ матери свои мысли о томъ, что имъ слѣдовало бы вести дѣла такъ, какъ ихъ ведутъ сосѣди ихъ, крестьяне; а когда мать напоминаетъ ей, что они не крестьяне, и что имъ надо поддерживать свой

санъ, то Люси говорятъ: «къ чему же, мама, если вмѣсто вѣгодъ этотъ санъ ничего намъ не доставляетъ, кромѣ лишней и горя?» И далѣе она находитъ очень страннiй, что вещь, признанная честною и хорошею, не можетъ дѣлаться потому только, что *непримлято!* изъ опасенiя что скажутъ! Въ дѣлѣ Мишеля, сословныя обязанности Люси приходятъ въ рѣзкое отодвиженiе съ ея человѣческими чувствами и стремленiями; обязанности прямо приказываютъ ей прогнать Мишеля тотчасъ послѣ того, какъ онъ осмѣлился броситься передъ нею на колѣни; но она уважаетъ этого человѣка, она чувствуетъ къ нему дружескую симпатiю, и сознается себѣ въ ней, она находитъ себѣ отраду въ его обществѣ и въ разговорахъ съ нимъ; ей прiятно даже то сильное чувство, которое она ему внушаетъ; и она устраиваетъ компромисъ между обязанностями, которыхъ она не смѣетъ прямо нарушить, и личными наклонностями, съ которыми ей тяжело и больно было бы разстаться. Вполнѣ признавая существованiе непроходимой бездны между бариншею и мужикомъ, вполнѣ признавая невозможность, бессмысленность и возмутительное безобразiе любви между лицами, отдѣленными другъ отъ друга такою бездною, Люси именно эти догматы мѣщанской морали превращаетъ въ аргументы, выгодныя для ея личныхъ наклонностей. Любовь, думаетъ она, была бы бессмысленна и безобразна, стало быть, она и невозможна, стало быть, ея и нѣтъ, и Мишель бросился на колѣни потому, что у него странный характеръ, и его не за что обижать несправедливыми подозрѣнiями, и незачѣмъ отнимать у него дружбу, которою онъ дорожитъ. Мѣщанская теорiя такимъ образомъ, до поры до времени, остается нетронутою, но поступки ей не подчиняются, и Люси старается только устроить такъ, чтобы они ей не слишкомъ явно противорѣчили, или вѣрнѣе, она старается увѣрить себя въ томъ, что они ей не противорѣчатъ.

Чѣмъ умнѣе человекъ, тѣмъ труднѣе ему обмануть себя. Чѣмъ онъ прямодушнѣе и энергичнѣе, тѣмъ тягостнѣе для него разладъ между убѣжденiями и поступками. При свойствахъ своего ума и характера, Люси не могла остаться въ томъ положенiи, въ которое ее поставила сцена съ Мишелемъ; она должна была скоро замѣтить, что разладъ существуетъ; затѣмъ, въ ней должна была родиться потребность и рѣшимость устранить этотъ разладъ, такъ или иначе, то-есть, произвести пересмотръ поступковъ и убѣжденiй, и переработать въ тѣхъ или въ другихъ то, что окажется несостоятельнымъ передъ судомъ разума.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТЕАТРЫ.

II.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ОПЕРА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Международныя недоразумѣнія нашихъ двухъ оперъ. — Отсутствие теноровъ и чрезвычайное присутствіе вириадомъ въ настоящей итальянской оперѣ. — Необходимость отстоять и прокѣдить трунку. — «Донъ-Жуанъ» и характеры его дѣйствующихъ лицъ. — Луиза — Церлина. — Что такое Кальколари и что Марио? — Фіаско Марио во всемъ и его успѣхъ въ «Фаворитѣ». — Успѣхъ «Фаворитки», какъ оперы совершающей чудеса. — «Фаустъ» г. Гуно и Луиза — Маргарита. — «Норма» навязанку и заключительный вылетъ.

Время, въ которое мы пишемъ, а насъ читаютъ (если только читаютъ), можетъ быть поистинѣ названо *вопросительнымъ*: мы все спрашиваемъ или, выражаясь высокимъ слоюзомъ, *ставимъ вопросы*. И еслибы собрать всѣ такимъ образомъ поставленные вопросы, да вытнуть ихъ въ ранжиръ, то образовалась бы порядочная изгородь вопросительныхъ знаковъ. Одинъ изъ нихъ достался даже на долю итальянской оперы, и это вовсе не потому, что *поставлена* вопросъ итальянскій, а скорѣе потому, что поставленъ *русскій*. Да, русскій вопросъ! Но вы сейчасъ же успокоитесь, когда узнаете, что мѣсто его стоянія не переходитъ площади между Большимъ и Маринскимъ театрами. Итагъ, русскій вопросъ объ оперѣ поставленъ, или былъ поставленъ, да уже снятъ, по приказанію театральнаго начальства. Острия, угрожавшій въ некоторое время языку Петрарки и Тасса, и музнкѣ Веллини и Россини, изъ страны, орошаемой водами Елатеринскаго канала и Мойки, замѣненъ самымъ гостеприимнымъ открытіемъ границъ для цѣлаго легіона поющихъ итальянцевъ! Стѣны Маринскаго театра, какъ надо полагать, потряслись въ тотъ самый моментъ, когда совершилось нашествіе, и въ изданномъ при звуѣхъ могли быть разслышаны родныя слова: «вотъ-те, бабушка, и юрьевъ день!» Однимъ словомъ, итальянцы, раббитые подъ Ментаною, укрѣпились у Поцѣлуева моста, и *вопросъ*: нужна или нѣтъ для русскихъ итальянская опера, фактически разрѣшился русскими рублями, съ стремительностію вѣтраемми въ басу итальянскихъ представленій. Кассирамъ

остаётся только улыбаться, да отвѣчать снисходительнымъ отъказомъ на требованіе билетовъ — все абонировано!

Посмотримъ, однако, послѣдуетъ ли тотъ вредъ отъ иностраннаго внимательства въ дѣла нашей оперы, какого ожидала русская партія дѣйствія, проповѣдующая крестовый походъ противъ Лукки и Грациани, съ Платоновомъ и Петровымъ въ рукахъ? Пишущій эти строки, восходитъ своими воспоминаніями къ первой итальянской экспедиціи въ Большой театръ, и видитъ, что съ тѣхъ поръ, то-есть въ теченіе 25 лѣтъ, произошла даже замѣтная польза, какъ для петербургскихъ пѣвцовъ, такъ и для петербургскихъ слушателей.

Важу строгіе взгляды и игольчатыя перья музыкальныхъ нашихъ Мордини и Криспи по поводу моихъ святотатственныхъ строкъ.

— Какъ, развѣ Рубини и Вьардо своими трелями, да легонькими кантиленами развили въ насъ любовь къ музыкѣ? Развѣ это не дѣло другихъ людей, другой школы? и проч. и проч.

— Господа, я пишу исторію, и прошу только снисходительнаго терпѣнія. Если я не такъ передамъ факты, вы успеете меня разстрѣлять, дѣлая по тридцати ударовъ въ минуту. А исторіи все-таки гласятъ, что только съ сороковыхъ годовъ касса Большого театра стала испытывать осаду—въ дни итальянскихъ представленій, что офицеры, рискуя своими гвардейскими мундирами, абонировывались въ райкѣ, и восторги изъ царя и балета перенеслись въ «Лючію», «Сонамбулу», «Севильскаго Цырульнива»... Вы, можетъ быть, скажете, что дѣйствовала мода? Я допускаю и это — отчасти и она дѣйствовала. Но мода незамѣтно перешла въ привычку, привычка — въ потребность, и слѣды моды, наконецъ, до того изгладились, что мѣста и зрцы, составляющіе принадлежность класса, по преимуществу послушнаго модѣ, скоро одни оставались пусты — все же прочее исправно наполнялось людьми съ независимымъ вкусомъ и потребностью искусства. Легонькія кантилены и трели сдѣлали, стало быть, свое: исподоволь подготовили грубую почву нашего немусыкальнаго общества къ воспринятію музыки... Такъ ребѣнокъ выучивается азбукѣ по картинкамъ — но все же выучивается. Многимъ памятно еще впечатлѣніе перваго дебюта Рубини: это было какое-то недоумѣніе.

— Ну, что, каковъ? спрашивали непопавшіе попавшихъ въ залу, биткомъ набитую народомъ.

— Да какъ вамъ сказать? отвѣчали тѣ: — что-то такое необыкновенное: и пѣтухомъ кричить, и собакой лаять... а удивительно, однакожъ, хорошо.

Сперва удивлялись, потомъ начали восхищаться; плавали въ сценахъ патетическихкихъ, и кончили тѣмъ, что не абонироваться на зиму въ итальянскую оперу сдѣлалось такою же неосторожностью, какъ не закупить, напримѣръ, дровъ. И вотъ подъ этимъ-то настроеніемъ удалось вамъ провести въ массу—трез-

вытъ, вѣчныхъ, неизмѣримо-высокихъ, но также и неизмѣримо-труднѣйшихъ для постиженія: Бетховеновъ, Шумановъ, Глиногъ, а за ними, подъ самый уже конецъ, начать показывать Глюковъ, Листовъ, Вагнеровъ и Берлиозовъ... Ваши концерты русскаго музыкальнаго общества, и тѣ вначалѣ видѣли необходимость забрасывать полегче удочки, чтобы ловить слушателей, и только теперь вы можете смѣло составлять программы вечеровъ безъ арій и увертюръ, воспитавшихъ первый лепетъ нашего музыкальнаго дѣтства... И сколько бы вы на меня ни гнѣвались, а я окончу мою исторію заявленіемъ, что теплая, простая итальянская мелодія навсегда, можетъ быть, предохранила наше эстетическое чувство отъ исключительнаго воспріятія произведеній, созданныхъ по всѣмъ требованіямъ новѣйшаго музыкальнаго прогресса, но съ ограниченнымъ участіемъ задушевности и теплоты.

— Я завидую ветекинамъ, говаривалъ покойный Глинка: — у нихъ гораздо больше источниковъ для наслажденія!

И это правда. Выйда на днахъ нѣтъ моцартовскаго Дон-Жуана, съ чувствомъ какого-то обновленія и отрады, я не очень завидовалъ тѣмъ, чьи нервы могутъ отзываться только на пріянные возбужденія инструментовки Берлиоза...

— Но вѣдь это вы ужъ заговорили о Моцартѣ, а не объ итальянцахъ! скажутъ мнѣ.

— Да, о Моцартѣ, но исполненномъ итальянцами и, замѣчу мимоходомъ, написанномъ для итальянцевъ и на итальянское либретто, съ отсталюю, убогою, какъ говорить теперь, оркестровкой... Но о Дон-Жуанѣ рѣчь впереди. Покончимъ сначала съ «вопросомъ» о международныхъ недоразумѣніяхъ двухъ оперъ.

Наша маринская опера, конечно, не сдѣлала шага назадъ съ тѣхъ поръ, какъ у нея готовая подъ рукою школа въ Большомъ театрѣ, и г. Никольскій, получившій свое музыкальное образованіе въ придворной пѣвческой капеллѣ, уже находитъ возможнымъ пѣть в *а-ля-Тамберникъ* въ «Вильгельмъ-Телъ» и *а-ля-Рубини*—въ «Пуританахъ». Г. Петровъ въ школѣ итальянцевъ тоже ничего не утратилъ (кромѣ голоса, но этотъ уже утраченъ имъ въ школѣ времени). Стало быть, *вопросъ*: полезна ли Петербургу итальянская опера—разрѣшается одинаково съ вопросомъ о томъ—пріятна ли она ему. Другое дѣло—вредитъ ли система издержекъ на неумѣренное жалованье итальянцамъ и на постановку дрянныхъ Африкановъ и тому подобнаго вздора, приличной постановкѣ оперъ русскихъ и составу русской оперной труппы? На это отвѣтъ положительный: *вредитъ*. Но исправимъ ли вредъ? Разумѣется, да. Стоитъ не набирать лишнихъ итальянскихъ пѣвцовъ для балласта — и безъ него театральныи корабль, только управляемый, не совершать крушенія; надо отложить наклонность къ археологін, въ примѣненіи къ голосамъ, помнить твердо стихъ поэта: «Что има? Звукъ пустой!», да воздержаться отъ безобразныхъ оперъ съ трескомъ, блескомъ и балаганною

рослошью картоновъ и транковъ, и тогда опера итальянска удѣлится отъ своихъ вѣбитковъ столько для русской, что послѣдняя, перебивая лохмотья и копейки такихъ произведеній, какъ «Русляна», на обстановку достойную ихъ совершенства, позволитъ въ то же время слушать мастерское исполненіе и иностранной музыки... Словомъ, театральное начальство должно прежде всего сознать необходимость *хорошей* оперы русской (а это завязать отъ средствъ, какія дадутъ на ея развитіе), а потомъ уже заботиться, какъ о десерть, объ оперѣ итальянской. *Можно* подать обѣдъ съ конфетами и фруктами—прекрасно; *нельзя*—обойдемся безъ нихъ; но безъ обѣда сидѣть не придется, и кушать одѣ джюессы—роскошь... Такихъ простыхъ истинъ нельзя не знать людямъ, понимающимъ настоящую потребность въ *своемъ* театрѣ, и многое пока ненамѣненное въ старыхъ порядкахъ, конечно надо объяснить слишкомъ недавнею дѣятельностью новаго лица, принявшаго въ свои руки заботы о сценическомъ русскомъ искусствѣ.

Опера настоящаго сезона, покуда, не отличилась особомъ энциклопедичностью: на одной новой «Африканин», вилсагой «Сили Судьбы» она еще не выкинула; отличилась она только отсутствіемъ теноровъ и такимъ присутствіемъ примадоннъ, что выпустить изъ нихъ половину на волю, можно пожелать имъ самаго счастливаго пути. Это уже просто два десерта. Г-жа Лукка, Фиоретти, Джованнини-Цакки, Вольпини, Галетти, Требелли-Воттини—какой штатъ на десятокъ старыхъ опер!! И когда всѣхъ ихъ переслушаешь, то спрашиваешь себя объ одномъ: почему это была Цакки, а не Вольпини, и какая раница между ними? Понятны Лукки: это натурн избранница, «отличеннымъ божественнымъ верстомъ» — ихъ ужъ ни съ кѣмъ не смѣшаешь; понятна даже г-жа Фиоретти: это лучший вокальный инструментъ, какой только бываетъ на сценѣ; необходима г-жа Требелли—для исправленія должности контр-альто и даже, какъ это случается, для усиленной службы за Галетти; не Цакки и Вольпини? зачѣмъ онѣ, а не г-жа Фиоретти поютъ ту или другую партію? для чего понадобились г-жа Корбара и г. Тальяфико, пятьнадцать лѣтъ назадъ удостоенные въ негодность и слова воспринявшія, какъ фениксы, въ вышней негодности? Будемъ надѣяться, что это не повторится и что нарушится наконецъ вѣрность старому обычаю — непременно имѣть хоть одного пѣвца безъ голоса, *для усмеленія*; повсемѣстное сокращеніе штатовъ хотя бы въ департаментахъ, могло бы означать въ этомъ случаѣ вліяніе на штаты театровъ — и переставшій пѣтъ Маріо могъ бы не занимать вакантной должности пропѣвагося Тамберлика, по крайней-мѣрѣ едва-ли въ нашихъ средствахъ платить такъ дорого за немногія минуты еще оставшагося вдохновенія у этой прекрасной, но все-таки развалины! Если же это дѣлается въ видахъ разнообразія представленій, то цѣль достигается: поютъ, положимъ, г-жа Цакки или г-жа Требелли—послѣдняя даже поетъ прекрасно—вдругъ выходитъ

Альмавива, ждуть, что и онъ завостъ — на то опера; а онъ возьметъ да и не завостъ, только ротъ отворитъ: вотъ и эффектъ, причемъ довольно рѣдкій, который навѣрное воспользовался бы покойникъ Моцартъ, не будь онъ покойникъ. Такимъ образомъ явился бы какой-нибудь «Японецъ» или «Ташкентецъ», гдѣ главное дѣйствующее лицо, при оглушительной пальбѣ оркестра, пронзительно молчало бы, а музыка при этомъ—трах! трррааахъ!! Постановка оперы стоила бы дѣвяти тысячъ, и на роль японца былъ бы приглашонъ нѣмой за большое вознагражденіе.

Вотъ особенности нашей итальянской оперы. Но еслибы трупу отстоять и процѣдить хорошенько, то вышелъ бы дѣйствительно составъ, способный доставить много наслажденія публикѣ, пользы русскимъ пѣвцамъ и сбереженія касетъ отъ непронзводительныхъ расходовъ на жалованье. Въ осадиѣ, вмѣстѣ съ г-жами Галлеви, Корбани et tutti quanti, остался бы, въ общему благополучію, и нѣхъ неизбежные снугини: Трубадурн, Эрнани, Фаворитин и прочая шумиха (въ прямомъ и переносномъ смыслѣ) итальянской музыки.

Взглядъ на нѣсколько представлений, почему либо замѣчательныхъ, дастъ понятіе о направленіи и составѣ итальянской оперы настоящей звыи.

Послѣ болѣе или менѣе нестраго исполненія «Севильскаго циркульника» съ прекрасною Розею (Требелли-Беттини), какой послѣднее время не было, съ лучшимъ послѣ Лаблаша донъ-Бартоло (Цуккини), но съ кульковатымъ Фигаро (Гассе), съ Альмавивою... увы! словно отобраннымъ въ заржавленномъ ломѣ, срывнучимъ, хриплымъ, срывающимся съ разбитаго, безвучнаго голоса—Альмавивою, который точно въ насмѣшку надъ прошлымъ, сохранилъ все наружныя признаки восхитительнаго, сладко-звучнѣйшаго изъ теноровъ—Маріо... послѣ такогo-то «Циркульника», да разныхъ «Трубадуровъ», «Эрнани» и «Фаворитокъ» (причемъ послѣдняя приобрѣла неожиданную способность возвращать Маріо искусство улетать) —выступилъ на сцену «Донъ-Жуанъ» Моцарта.

Мало такихъ оперъ, въ которыхъ какъ здѣсь, содержаніе (сюжетъ) и музыка составляютъ нѣчто цѣлое; и причемъ сплошь-занимательное и живое. Современные композиторы объ этомъ особенно заботятся, и даже налагаютъ на себя эпитимью собственноручнаго сочиненія стиховъ либретто, почему именно и не достигаютъ ни цѣлости, ни жизни...

Едва-ли Моцартъ *задавался* чѣмъ-нибудь подобнымъ: величіе избраннаго предмета было достаточно, чтобы вызвать его великія силы — воплотить въ звуки образы и страсти созданія поетовъ... Есть еще одинъ примѣръ чего-то подобнаго: это «Русланъ и Людмила» Глинки. И тамъ, какъ здѣсь, плодъ поэтической фантазіи порождаетъ бессмертныя музыкальныя образы, еще болѣе богатые разнообразіемъ, пластичностью и тою роскошью красокъ, какаа была недоступна оркестру Моцартовскаго времени. И тамъ, какъ здѣсь, облакванъ, успокоенъ и

очаровать слугъ какою-то свѣжестью творчества: такое впечатлѣніе производить лѣтнее утро, его орошенная росой зелень, и воздухъ, напившійся запаха цвѣтовъ... Даже наружнаго (если можно такъ выразиться) сходства не мало между двумя операми, въ то же время нѣсколько несхожими между собою, какъ два произведенія разныхъ вѣковъ, разныхъ народовъ и разныхъ гениевъ: въ обѣихъ главное лицо, герой и въ то же время любовникъ—басъ. А это большая рѣдкость, такая же какъ рѣдкость вообще герой не безцвѣтный. Въ обѣихъ операхъ героемъ—представители силы и энергія, но не злодѣи—всегда непремѣнно басы—а люди со страстными сердцами, поющіе любовные мотивы, но въ то же время дѣлающіе вещи гораздо болѣе серьезныя. Обыкновенно героямъ предоставляется только это исключительное занятіе, и потому они обыкновенно бываютъ теноры. Наконецъ, обѣ оперы отличаются (современная музыкальная критика говорить «страдаютъ») отсутствіемъ характера исключительно-лирической драмы, а выражаясь проще—не такъ сценичны, то-есть не рассчитаны на театральные эффекты и картинность, въ ущербъ мелодіи и прелести музыкальнаго развитія. Для наглядности, примѣръ хотя изъ нашего драматическаго репертуара: «Горе отъ ума» Грибѣдова «страдаетъ» тѣмъ же отсутствіемъ сценичности, «Борисъ Годуновъ» Пушкина—и подавно; *сценическихъ* же пьесъ нечего называть: имъ имя легенды!

Легенда «Донъ-Жуана», какъ и легенда «Фауста» удивительно пригодны для музыки. Первая нашла себѣ достойнаго художника, вторая, увы! никого не нашла повсюду кромѣ г. Гуно! Она еще ждетъ своего Моцарта. Донъ-Жуанъ особаго рода сказочный богатырь, для котораго пресвятствія не существуютъ: только его сила проявляется особенно,—это богатырь сердецъ, какъ другіе богатыри мечей, хотя и по этой части онъ не промахъ: убить на поединкѣ отца соблазненной дѣвушки ему ни почомъ, и даже позвать покойника на ужинъ—дѣло обыкновенное. Между подвигами Донъ-Жуана и уличныхъ волоките такая же разница, какъ между высокимъ и тривіальнымъ. Онъ власть и превосходство, онъ своего рода гений. Его могущество—та неотразимая сила притяженія, которой ничто устоять не можетъ; воля его—законъ, и онъ повелѣваетъ, не будучи властелиномъ... Иамъничивость его въ предметахъ увлеченія доказывается ничѣмъ неутолимою жаждою любви, вѣчный порывъ къ идеалу, присущему его душѣ... Гофманъ, въ своемъ образцовомъ эскизѣ «Донъ-Жуанъ» идетъ далѣе: онъ говоритъ, что каждая побѣда надъ женщиной не была уже для него простымъ удовлетвореніемъ чувствъ, но дерзкимъ оскорбленіемъ природы и ея создателя—протестомъ и прерваніемъ къ тому мѣщанскому образу жизни, выше которой онъ былъ поставленъ... разрушить миръ и счастье этой жизни составляло его наслажденіе, смутить покой семьи—побѣду...

Опера Моцарта открываетъ прямо и рѣшительно книгу похижденій Донъ-Жуана на той страницѣ, гдѣ онъ соблазняетъ,

въ домѣ стараго командора, прекрасную Донну-Анну, любимую дочь и невѣсту. Гофманъ видитъ въ этой женщинѣ—именно тотъ идеалъ, который долженъ былъ извлечь высокую натуру Донъ-Жуана изъ бездны отчаянія, куда его толкали непрерывныя увлеченія. Но она предстала ему слишкомъ поздно... Убіиство отъа владеть между ними черту непреодолимую—и преступнику остается поплатиться на этотъ разъ за всѣ свои похождения...

Ночь. Лепорелло, съ фонаремъ въ рукахъ, отправляетъ одно изъ своихъ привычныхъ дежурствъ у входа въ чужой домъ и распѣваетъ нагло-веселыя жалобы своему ремеслу... За стѣною между тѣмъ совершается что-то недоброе... И скоро вбѣгаетъ на сцену, закрывая лицо плащомъ, самъ великій соблазнитель; за него удѣлилась павшая Донна-Анна, вся въ огнѣ и трепетѣ еще неулегшейся страсти... Она хочетъ его удержать, хочетъ убѣдиться—кто смутилъ покой ея жизни? На ея крики вбѣгаетъ отецъ и обнажаетъ шпагу, но минуту спустя уже лежитъ распростертый на полу. Настаетъ пауза: ни оркестръ, ни пѣвцы не издають ни одного звука: вы видите, что кончилась жизнь. Употребить въ дѣло это краснорѣчіе молчанія могъ только гений.

Преступникъ и слуга спасаются бѣгствомъ. На воли Донны-Анны вбѣгаетъ женихъ—«маленькій, облизанный, разраженный и манерный Донъ-Оттавіо. Можетъ быть, онъ могъ бы еще спасти отъа своей невѣсты, еслибы прибѣжалъ скорѣе, но ему надо было сперва одѣться». Такова характеристика этого лица, сдѣланная Гофманомъ. Послѣ нея паденіе Донны-Анны становится совершенно понятно. Ея недюжинная, страстная натура не могла не сознать титаническаго превосходства Донъ-Жуана... Остаются Донна-Эльвира, жена Донъ-Жуана, ревнивая, любящая (но именно тою мѣщанскою любовью, которую особенно поппралъ ногами эпическій сердцеѣдъ), да Церлина, молоденькая крестьянка, полная первобытной прелести и жизни... Вотъ тѣ характеры, мастерски очерченные звуками и положеніями, на которыхъ разыгрывается музыкальная поэма Моцарта. Конечно, Эльвирѣ предоставлено ревновать и, являясь, какъ снѣгъ на голову и вѣчно не встать, отравлять бѣдному Донъ-Жуану всѣ лучшія минуты его увлеченія; Доннѣ-Аннѣ—искать оскорбителя и наливать свою жажду мести—объ руку съ ворующимъ Донъ-Оттавіо, который не хуже любого благовоспитаннаго жениха изъ «порядочнаго» круга, признаетъ своимъ долгомъ только успокоивать невѣсту; Церлинѣ—попасть въ силки ловчаго, блестящаго и богатаго кавалера...

Эпизодъ съ Церлиной особенно свѣжъ и граціозенъ. Случающій Донъ-Жуанъ встрѣчаетъ ее на сельскомъ праздникѣ, куда она является въ припрыжку, тоже объ руку съ женихомъ—глупымъ Мазетто, влюбленнымъ и ревнивымъ. Глаза соблазнителя разгораются; онъ приближается къ четѣ и обвораживаетъ ее своею обходительностью. Дурачокъ Мазетто счастливъ: важный баринъ беретъ подъ ручку его невѣсту и прогуливается съ

нею. Тѣмъ временемъ двери богатаго замка открываются для всей деревни, а его хозяинъ остается вдвоемъ съ Церлиной. Мазетто увлеченъ плутомъ Лепорелло на угощеніе. Донъ-Жуанъ съ *тривіальной*, какъ утверждаютъ современные музыкальные критики, кантилетѣ увлекаетъ простушку идти съ нимъ, и уже достигаетъ дѣли, какъ тонкій знатокъ сердца женщины, именно этому тривіальностью доступнаго ей языка, но ревнивый Мазетто врывается на сцену и вортитъ все дѣло. Начинается сцена примиренія возлюбленныхъ, и если искусство когда либо воплощалось въ образъ возможнаго совершенства, то, конечно, въ этой сценѣ, созданной Моцартомъ и исполненной Луккой. Церлина — Лукка — это маленькое, живое, то нѣжно ластящееся, то дѣтски поддразнивающее созданіе, съ большими синими глазами, которые говорятъ все, что хотѣть, съ голосомъ чище и свѣжѣ майскаго соловья, и съ такою же, какъ онъ, властью надъ слушателемъ... При ней точно становится свѣтлѣе; а на душѣ и хорошо и весело, какъ въ молодости отъ присутствія любимой женщины. Между тѣмъ, *осмислива-то* менѣе всего и работаетъ въ ней: это скорѣе прелестное дѣтя, которымъ не налюбишься, чьего лепета не наслушаешься. Наглядно лучше всего опредѣлить ее сравненіемъ съ такою же властительницею Михайловскаго театра, г-жою Деверія: обнимъ имъ довольно позыкать на сцену, чтобы овладѣть зрителемъ; но какъ при той онъ прежде всего испытываетъ ощущеніе своего нога, такъ при этой онъ весь принадлежитъ чувству эстетическому. Въ душевой залѣ, въ утомленіи приближающейся полуночи, ея нѣжніе раздается какъ оживляющія нѣсны птицы въ чистомъ полѣ, на которую она встаетъ даже и похожа нѣсколько...

Слышу ли голосъ твой,
Звонкій и ласковый —
Сердце какъ птичка
Въ глѣтѣ запригается;
Встрѣчу ль глаза твои
Лазурью глубокіе —
Душа къ нимъ на встрѣчу
Изъ груди проскака.
И какъ-то весело!
И хочется плавать...
И такъ на мѣю бы
Тебѣ я кинулся.

Неизвѣстно, кому Лермантовъ написалъ эти стихи, но еслибъ онъ увидѣлъ Лукку, то вѣрно написалъ бы ихъ ей. Но вотъ Церлина-Лукка овладѣла Мазеттомъ-Тальяфико, и нѣшанское удовольствіе—попласть виѣстѣ съ нею въ барскомъ вѣнкѣ, уже выступило на удачно-глупомъ лицѣ г. Тальяфико. Вотъ и произвительный звякъ бубенчиковъ за сценою, довольно безцеремонно вставляющій свою роту въ музыку Моцарта передъ каждой переминой декораций, возвѣстивъ начало вонда — и роскошнаа

зала Донъ-Жуанова балаццо представляется полная «мужичья», которое оретъ хоромъ: «liberta! liberta!» Донъ-Жуанъ забываетъ свое дворянское достоинство и приглашаетъ мужачье плясать, пить и веселиться, какъ у себя дома. Оно, разумеется, все это дѣлаетъ очень охотно; а онъ также охотно подѣзжаетъ къ бѣдняжкѣ Церлини, которую и уводитъ-таки наконецъ во внутренніе апартаменты. Вѣрний дворецкій Лепорелло тѣмъ временемъ очаровываетъ г. Тальяфико, выдѣлывая передъ самымъ его носомъ уморительные пируэты, чтобы увлечь и его въ пляску. Но необразованный мужикъ лѣзетъ искать свою невѣсту; онъ, изволите видѣть, желаетъ плясать только съ нею (неблагодарный); забывая, гдѣ онъ, начинаетъ метаться, подымаетъ тревогу, и скоро уже всѣ мужики поднялись и кидаются съ кулаками къ двери, куда отправился побаловаться крупный землевладелецъ. Дверь уступаетъ натаску и открывается... Такъ вотъ до чего доводитъ *либерта-то* ваша!

Полныя ощущенія доставляются сценою очень рѣдко: всегда что-нибудь да подгадать — тутъ не хватаетъ композитора, тамъ не хватало актера, тутъ пѣвецъ оплошалъ, или природа надѣлила его голосомъ, да онъ не надѣлилъ себя искусствомъ, или лицо неподходящее, или про него дѣлны вечеръ твердятъ, что онъ, или она — роза майская, а у этой розы на головѣ наркъ, или такой носъ, что дѣлаетъ ее похожею на старую ворону. Бываетъ, наконецъ, и такъ, что все есть: голосъ, молодость, искусство и наружность, а все-таки чего-то вѣтъ, и сидишь, смотришь, и слушаешь, — и трепи тебѣ выбиваютъ на-славу, и даже приводятъ себя въ разныя патетическія ощущенія, а тебѣ все это ни дать, ни взять, съ гуся вода! Чего же недостаетъ тутъ? чтѣ упущено, или чего недодано? Недостаетъ одного: той искры божественнаго огня, которая зажигаетъ и электризуетъ, той лихорадки вдохновенія, которая заражаетъ аудиторію и поднимаетъ волосы на головѣ или уноситъ куда-то изъ театра вонъ! Вотъ это о-то чего-то и недоставало въ представленіи Донъ-Жуана почти у всѣхъ — кромѣ Лукии, какъ ни удачно было это представленіе! Самъ Донъ-Жуанъ (Граціани), хотя и не подходилъ на кирасирскаго штаб-офицера, какимъ являлся г. Дебассини, или на порхающаго семинариста, какъ г. Саріотти, но все же не представилъ собою подобія демона обворожительной красоты, вождящаго сердца не грубою манерою кавалеристовъ, а путями имъ мало извѣстными. Онъ былъ виднымъ изъ себя мужчиною, и пѣлъ, особенно мѣстами, прелестно, проникалъ въ душу своими чарующими тенорными нотами и, наприимѣръ, приглашалъ Церлину куда слѣдуетъ такъ соблазнительно-нѣжно, что ея рѣшимость пойти за такимъ пышнымъ баринномъ дѣлалась понятною. Вотъ веселости и развязности такъ уже совсѣмъ ему недоставало, и кутилъ онъ въ послѣднемъ актѣ такъ, что за него дѣлалось скучно. Наперсникъ его, Лепорелло, былъ удачнѣе олицетворенъ подвижною и бойкою фигурою г.

Цуккини, и если бы у него было столько же низких нотъ, сколько низких поступковъ, то за нимъ можно бы признать всѣ признаки идеала окомпозитора. Донъ-Оттавіо (Кальцолари) былъ идеально облизанъ и приварженъ. Гофманъ остался бы имъ вполнѣ доволенъ. За то ужъ Донна-Анна конечно не вызвала бы изъ его воображенія безумной фантазіи о пѣвицѣ, мелепережившей исполненія этой роли: Господь Джіованнини-Цакки, напротивъ, можно предсказать очень долгую жизнь и спокойную старость. Пламенная и возвышенная жертва Донъ-Жуана не отличалась ни пламенемъ, ни возвышенностью, но единственно прекраснымъ поведеніемъ: она и пѣла исправно, и вездѣ гдѣ слѣдуетъ приводила себя въ должное остервененіе, даже повременамъ наводила подозрѣніе насчетъ сожигающей ее страсти. Донна-Эльвира (Вольпини) вела себя не лучше, но и не хуже, и для меня навсегда останется тайной, почему она возбуждала свою чорненькою, мѣщанскою фигуркою и акуратнѣйшимъ пѣніемъ почти энтузіазмъ партера, а не г-жа Цакки, которая тоже чорненькая, только пошлотѣе будетъ самую малость... Вообще, если бы режиссеръ по неосторожности перемѣшалъ этихъ двухъ сибороъ между собою, то едва-ли кто-нибудь ваялся бы угадать сразу, которая изъ нихъ призвана возбуждать, а которая не призвана—такъ умѣренно и поровну надѣлила ихъ способностями природа. Когда къ нимъ примѣшался г. Кальцолари въ знаменитомъ трио масокъ, то они его сѣли какъ одинъ человекъ, в, надо имъ отдать справедливость—сѣли неукоризненно! Но дрогнулъ ли хоть одинъ нервъ у слушателей? Нѣтъ, все осталось на своемъ мѣстѣ. Такъ точно исполнилъ бы это трио и всякій органъ...

Г. Кальцолари — замѣчательный образецъ культуры по части искусства: скупую свою природу онъ разработалъ до степени первокласснаго достоинства; его пѣніе—академическое. Когда онъ открываетъ ротъ, надо у него учиться и не только тому, какъ слѣдуетъ пѣть хорошо, но какъ всегда и во всемъ надо пѣть одинаково. Чтѣ значитъ быть сегодня настроеннымъ, а завтра нѣтъ, онъ этого не знаетъ: онъ настроенъ во всякое время ровно, какъ инструментъ, готовый къ исполненію. Пѣніе его, правда, такое же облизанное и приварженное, какъ Донъ-Оттавіо; но за то онъ въ состояніи вѣтъ десятки лѣтъ не портясь... Онъ во всю свою артистическую жизнь, конечно, ни разу не поднималъ театра взрывомъ восторга, но за то никогда и не поднималъ шканья, какъ это бывало даже въ лучшую пору Маріо. Таланты Молчалина — умѣренность и акуратность, у него такъ сильны, что не сдѣлай изъ него природа отличнаго пѣвца, онъ сдѣлался бы образцовымъ чиновникомъ.

Не таковъ Маріо — источникъ неудовольствія и нареканій настоящаго сезона. Избранникъ искусства, какъ и г-жа Лукка, онъ былъ и остался во всемъ неумѣренъ: и въ увлеченіи на сценѣ, и въ увлеченіяхъ въ жизни. И покуда г. Кальцолари, по собственному его сознанию, держалъ себя на пищѣ св. Антонія и

отказывалъ себѣ въ сигарѣ, Маріо заливалъ огонь вдохновенія, принесенный со сцены, конечно, не невсѣю водою... Пока г. Кальцолари накладывалъ, одна за другою, кучки депозитовъ и золота, принося себѣ на старость «несчастные два мильона франковъ», тотъ проматывалъ, заодно съ голосомъ, и сотни тысячъ, которыя давались ему такъ легко — и, наконецъ, какимъ-то чудомъ показшіе въ кассу какого-то ненадежнаго банкира 300 тысячъ франковъ навсегда проводилъ вмѣстѣ съ нимъ въ Америку... У одного, такимъ образомъ, впереди «несчастные два мильона», а другаго — старость, безъ денегъ и безъ славы для его еще недавно лавровой головы... И вотъ, передъ тою самою публикою, которой онъ былъ когда-то идоломъ и которая покорилась всѣмъ прихотямъ его расположенія духа, которую онъ умѣлъ смирать однимъ взмахомъ голоса, просто появленіемъ на сцену, — передъ этою публикою онъ принужденъ явиться безъ власти, даже безъ права на снисхожденіе: онъ пѣвецъ безъ голоса и него нѣтъ болѣе никакихъ правъ! И надо сказать истину: ужъ и пользуется же своимъ преимуществомъ публика! Оскорбительное молчаніе, какимъ надѣляется постоянно г. Гасье, пѣвецъ тяжелый и безпѣвный: вышелъ — молчаніе, сѣлъ — молчаніе, ушелъ — все то же молчаніе, — кажется, было бы достаточно съ ея стороны; нѣтъ, она сопровождаетъ грубымъ шиканьемъ пѣніе, выходитъ на сцену, чуть не каждый шагъ своего развѣнчаннаго кумира. Не знаю, кому это можетъ доставлять отраду; но мои нервы не въ состояніи выносить ни положенія Маріо, ни поступковъ публики. Заслуживаетъ ли онъ, наконецъ, такого иезаванія? точно ли ужъ онъ пѣвецъ безъ голоса и больше ничего? Даже и это несправедливо. Въ ряду вечеровъ дѣйствительно-нестерпимой хрипоты словно перержавившаго голоса, нотъ, которыя обрываются, цѣлыхъ фразъ, которыя не выходятъ или выходятъ совсѣмъ не такъ, какъ бы хотѣлъ пѣвецъ — выдаются фразы, сцены, иногда цѣлыя роли такого высокаго совершенства художественнаго, порывы такой глубокой страсти и вдохновенія, какихъ не снилось во снѣ въ цѣлую счастливую и ровную карьеру г. Кальцолари... Миѣ удалось присутствовать на такомъ вечерѣ (въ «Фаворитѣ») и видѣть, какъ театръ, даже *этомъ* театрѣ, тѣми самыми устами, на которыхъ не остановила шиканья память многихъ годовъ высокаго наслажденія, когда-то расточаемаго ему великимъ Маріс — кричалъ и вопилъ, и требовалъ по пяти разъ сразу донельзя уменьшеннаго имъ артиста.

Такъ храмъ оставленный — все храмъ,
Кумиръ поверженный — все Богъ!

Послѣ подобнаго представленія готовъ вѣрить, что утраченное можетъ еще возвращаться... Правда и то, что почувавъ свои крылья, пѣвецъ поднимался слишкомъ высоко, уже не рассчитывалъ силъ, клалъ всего себя, словно упивался посѣтившею его мощью и впечатлѣніемъ залы. И какъ нѣсколько лѣтъ назадъ эта злая

бывала очастливлена своимъ баловнемъ, такъ теперь былъ счастливъ отверженный артистъ, увидѣвъ опять ее ласку... Воспресвищенная Маріо «Фаворитка», пустынная недоудѣла Донниетти, стала вдругъ предметомъ разговоровъ, и всѣ позвала присутствовать лично при совершеніи чуда... котаи же г-жа Галотти, дай ей Богъ здоровья, захворала, и вѣсто ея почетной особи выступила фавориткой лучшая изъ пѣвицъ труны — Требалли-Веттини. (Луква въ счетъ не идетъ — она особая статья!)

Удивительно въ самомъ дѣлѣ, что значить даже въ искусствѣ *свое*, родное! Всѣ эти пѣвицы, съ молокомъ матери сосавшіе мотивы и канталены своихъ Донниетти, чувствуютъ себя какъ рыба въ водѣ въ его операхъ! И надо ихъ слышать именно здѣсь, чтобъ повѣрить, до чего онѣ могутъ доводить самые незначительные намеки музыкальные собственннхъ мастре. Нѣчто похожее дѣлаютъ только французы изъ своихъ водевилей. Едва очерченная драма придворной дѣвушки, которая стала по своей красотѣ фавориткою короля, безъ всякой съ ея стороны наклоности къ тому—дѣвушки, которая любитъ подобнаго себѣ юношурьдара, и вдругъ, вслѣдствіе придворной суетни, въ самый день желанной свадьбы съ своимъ возлюбленнымъ, отвергнута имъ и проклята, какъ павшая куртизанка, — все это разработанное, правда, тепленькими и граціозными романсиками да речитативами — даетъ итальянцамъ кавву для пламеннаго, вѣчнаго, страстнаго и необыкновенно согласнаго исполненія. Тутъ все любовь, и всѣ только и заняты любовью: король болѣе другихъ, — и какъ восхитительно этотъ сладостный Граціани молить свою фаворитку только объ одномъ — не ненавидѣть его за столько любви (*per tanto amore*)! Какими извѣтельными уверками, и какъ мастерски, осипаетъ Маріо оскорбителя короля и невѣсту! Съ какою презрѣніемъ срываетъ онъ надѣтую на него королею дѣву маршала и бросаетъ къ его ногамъ! Какъ онъ является грозенъ и сиѣлъ, ломая передъ нимъ рыцарскую шпагу, порамавшую враговъ отчаяныи съ какою горькою ироніей толкаетъ кинувшуюся къ нему возлюбленную дѣвушку въ объятія своего разлучника, и какою сиѣдающею скорбью искупааетъ въ послѣдней сценѣ пьесы свое увлеченіе — у подножія креста, въ одеждѣ поклонника, при звукахъ церковныхъ молитвъ и покаяніа... Все это давно знакомо и избито, напоминаетъ и «Лючію», и что угодно, но все это—та родная стихія, въ которой плещутся и блестятъ чешуйками итальянскіе лѣвцы...

На слѣдующій день шелъ «Фаустъ» г. Гуно — и посмотрѣли бы вы на присмирѣвшихъ вчерашнихъ героев! Прелѣ увертюры, ничего неважнающей изъ донниеттевой музыки, даже скорте мѣтшей въ огордѣ мепартова Донъ-Жуана, подмалса занавѣсъ, и въ мрачномъ готическомъ кабинетѣ многоученаго Фауста, среди книгъ, фолиантовъ, ретортъ и химическихъ принадлежностей, показался въ высокомъ креслѣ сѣдой и скупающей докторъ всѣхъ наукъ. Старое, утомленное тѣло, стагний, надломленный

голосъ — и старое шиканье изъ райка! Это ли вчерашній Маріо? Влетаетъ г. Гасье, хотя и совершенно красивый, самый красивый (отъ малиноваго фонаря, который держитъ г. Шикито за сценою), хотя и исправляющій должность бѣса, но тѣмъ не менѣе, очень похожій на лавочника и весьма непохожій на Мефистофела. Видя упадокъ стараго тенора, онъ предпринимаетъ совершить то, что вчера такъ удалось Фавореттѣ — возвратитъ ему молодость и силы... Для этого онъ даетъ ему цитъ изъ пустого картоннаго кубка; но такъ-какъ даже гомеопатія въ подобныхъ приемахъ не всегда помогаетъ, то г. Маріо, правда, освобождается отъ своей бороды и старческаго балахона, однако же черные волосы и полосатые въ обтяжку панталоны, уши! не возвращаютъ ему голоса и благословенности публики. Восторженныя его изліянія по поводу показанной бѣсомъ Маргариты (Гретхенъ) за пралкою, встрѣченныя опять шиканьемъ, которое леденитъ окончательно пѣвца... Плохой бѣсъ оказывается хуже хорошей (для итальянца!) музыки.

Представленіе идетъ томительно... Жидкая старательность композитора недобивается ни до чего... Во второмъ только актѣ, и то какъ падающая звѣздочка, мелькаетъ по сценѣ Маргарита, роняетъ одну фразу загородившему ей дорогу Фаусту — фразу, полную какой-то робкой прелести въ устахъ Луки — и опять пошла слеза, и напрасныя усилія бѣднаго Маріо, разбитаго вдохновеніемъ вчерашняго вечера. Какъ можно было заставить его пѣть безъ отдыха! Въ цѣлой оперѣ, одинъ актъ, третій, который почти весь принадлежитъ Маргаритѣ, и гдѣ даже г. Гуно не могъ не найти нѣсколько счастливыхъ музикальныхъ рисунковъ для поэтической картины зараждающейся любви въ невинной дѣвушкѣ и возрожденнаго чувства въ сердцѣ отжившаго человека...

Маргарита за пралкою, еще подъ впечатлѣніемъ встрѣчи... ей словно в сладко грезится, и жутко что-то... и она словно чего-то бонтса, словно ее ждетъ что-то... А ее ждетъ точно, во первыхъ, на дверяхъ ея жилища букетъ, такого же, какъ она, простачка юноши, очень милаго въ образѣ г-жи Требелли-Беттини, у которой ноги точно также обтянуты шольвовыми панталонами, какъ и у г. Маріо, а восторныхъ, шкатулка съ убранствомъ изъ дорогихъ каменьевъ, оставленная у входа влюбленнымъ Фаустомъ, по наущенію краснаго соблазнителя. Букетъ пріятно радуется дѣвушкѣ, шкатулка сперва пугаетъ, послѣ поражаетъ, но наконецъ, тоже радуется! и Маргарита, эта нѣмецкая нигилистка (еще бы — смѣла думать о мужчинѣ!), принимается любоваться дорогими украшениями... Кто не видѣлъ въ этой сценѣ Луки: какъ она замѣтила шкатулку, какъ ее открыла, потомъ испугалась что открыла и опять захлопнула, какъ потомъ не одолѣла любопытства и вмѣстѣ со стуломъ, гдѣ стоялъ подарокъ, перенесла ее на авансцену; какъ потомъ уже рѣшительно поднала крышку и, заглянувъ въ середину, дѣтски всплеснула руками и прворно-

проворно принялась вынимать и примѣривать серьги, браслеты, ожерелье... кто не видѣлъ этихъ ребяческихъ ужимокъ и гримасовъ, которыя она дѣлала самой себѣ передъ зеркаломъ, и все это въ сопровожденіи серебрянаго ея пѣнія — тотъ не знаетъ, чтó значить очарованіе искусства! Но ни Маргарита, ни публика не успѣли вдоволь насладиться, какъ ввалился на сцену опять толстый и неуклюжій Мефистофель съ Фаустомъ — и г-жа Лукка, словно пойманнй школьникъ, принялась снимать съ себя и прятать все въ шкатулку. Чертовщина однако дѣлаетъ свое — а набѣжавшая ночь и г. Шишко съ луннымъ свѣтомъ додѣлываютъ остальное: къ паденію занавѣсы, уже мы видимъ г-жу Лукку, всю озаренную луною, въ объятіяхъ г. Маріо...

Въ четвертомъ актѣ — угроженія расказанія Маргариты, внишейся у порога церкви... Мирная, какъ и она недавно, нѣмкѣ поютъ и молятся подъ звуки органа — она одна не въ силахъ молиться. Она напряженно впивается въ молитвенникъ, во мнсли ея не здѣсь — она ихъ говоритъ, прильнула челомъ къ святымъ страницамъ — ничто не помогаетъ. Красный бѣсъ сзади твердитъ свое, и его грѣшныя слова заглушаютъ слова молитвы... Въ изнеможеніи, она отираетъ холодный потъ и, ломая руки, падаетъ ницъ на церковныя ступени; она молить себѣ молитвы, и не получаетъ ея... Бѣсъ завладѣлъ всею ея душою... Вотъ она прижала молитвенникъ къ сердцу, прижала къ пылающей головѣ — ничто не помогаетъ. Съ отчаянія она его отбрасываетъ прочь и, закрывшись руками, рыдаетъ судорожно, рыдаетъ какъ дитя... Послѣдній вздохъ церковнаго органа задрожалъ и смолкъ... Люди начали расходиться, и тутъ только увидѣли простертую безъ чувствъ на землѣ грѣшницу.

Послѣдній актъ — Маргарита въ тюрьмѣ, на соломѣ, помѣшанная на воспоминаніяхъ первой встрѣчи, погубленная любовью... Композиторъ тутъ ничего не далъ пѣвицѣ; но она дѣлаетъ и здѣсь чудеса, какъ дѣлала ихъ въ *итомой*, безконечно-длинной и трудной сценѣ у церкви...

Физиономія нашей итальянской оперы была бы не дорисована, еслибы я пропустилъ еще одну черту ея — черту карикатурную, которая обозначилась въ любопытномъ представленіи «Нормы» — съ археологическою г-жею Галетти и ископаемою Корбари. Дирекція оперы, безъ сомнѣнія, руководилась тѣмъ, что нѣтъ челоуѣка въ Петербургѣ, не видѣвшаго сотню разъ этой знаменитой лирической драмы Веллини, въ обыкновенной обстановкѣ съ Гривы, Лагроа и другими, съ красивою и молодою, во что бы то ни стало, Адалъдживою, — и потому вздумала развлечь свою публику «Нормою» на-изнанку. Примѣръ «Прекрасной Елены» на французской и нѣмецкой сценахъ оказался заразительнымъ. И вотъ, является на Большомъ театрѣ «Прескверная Норма». Подобраны — Норма (Галетти), выступающая по сценѣ тихимъ учебнымъ шагомъ, весьма почтенная особа, съ замѣчательною комическою серьезностію самыхъ уморительныхъ жестовъ, и пре-

старѣлая Адальджива-Корбарн, показывающая свои обнаженные плечи и руки, которыя безъ малаго двадцать лѣтъ назадъ показывала округлыми и еще интересными... Пародія довершается необыкновенною юностью и непорочностью искуссителя обѣихъ матронъ — г-на Фанчелли, *судеѢ Romano* — жестокаго римлянина, для котораго предвидится гораздо болѣе опасности отъ этихъ дамъ, чѣмъ этимъ дамамъ отъ него... Затѣя удалась какъ нельзя болѣе — и публика, въ первое время недоумѣвавшая, скоро поняла въ чемъ дѣло, принялась хохотать и забавляться, а при началѣ второго акта, зала представила картину всеобщаго переселенія народовъ: все поднялось и вышло... Пародія только тогда и смѣшна, если коротка — даже и уморительная «Прекрасная Елена» грѣшитъ длиннотою...

Вотъ и всѣ новыя силы, даже старня безсилія, нашей итальянской оперы, успѣвшія проявиться въ зримомъ своемъ походѣ на оперу русскую, о которой рѣчь впереди. Пропущена одна г-жа Фіоретти, но такъ-какъ этотъ удивительный вокальный инструментъ доставленъ въ Петербургъ безъ всякой переѣмки, то новаго сказать о немъ нечего. А потому, для заключительнаго куплета остается только привести риемованную характеристику главныхъ героинь итальянской сцены, присланную мнѣ однимъ знакомымъ, у котораго всегда можно получать готовыя риемы, какъ въ лавкахъ Смурова и Елисѣева свѣжія устрицы. Вотъ этотъ куплетъ:

Требелли-Беттини
 Бьетъ трети Россіи
 Съ небыткомъ старанья.
 Но кѣше Луки —
 То слови разлуки,
 То трепеть свиданья!
 Съ сивьорой Галетти
 Всѣ кажутса дѣти:
 Фанчелли, Вольпини...
 И только Корбарн
 Чуть будетъ постарѣ...
 Сдобна Джіованнини...
 Чета Тальяфико
 Реветь какъ-то дико...

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ЖИТЕЛЬ.

III.

ВАСИЛИСА МЕЛЕНТЬЕВА.

НОВАЯ ДРАМА ГГ. ОСТРОВСКАГО И *** , ВЪ 5-ТИ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

10 января шла въ первый разъ новая драма Островскаго «Василиса Мелентьева». Въ два первыхъ представленія билетовъ онъ было уже наканунѣ. Судя по множеству неудовлетворенныхъ требованій и потому, что третье представленіе назначено для *второго* бенефиса (первое тоже шло въ бенефисъ), надо полагать, что театру несоро суждено опустѣть въ Василисѣ Мелентьевой. Кажется интересъ публики, неизмѣнный къ произведеніямъ ея любимаго драматурга, на этотъ разъ еще увеличился отъ ходившихъ заранѣе слуховъ объ этомъ будто бы лучшемъ изъ его историческихкихъ трудовъ. Прибавленные къ имени автора таинственными *** сотрудниками, ничего не убавили въ глазахъ публики.

По двумъ представленіямъ, нами видѣннымъ, мы не возьмемъ рѣшить: точно ли Василиса Мелентьева *лучше* изъ историческихкихъ сочиненій автора «Свои люди сочтемся» и «Грозы». Мы вообще болѣе расположены къ его *неисторическимъ*, бытовымъ драмамъ; но, кажется, можно сказать безошибочно, что *для сцены* — это лучшая изъ историческихкихъ его драмъ. Притомъ она уже дѣйствительно драма, а не хроника: развитію страстей души человѣческой уступлено въ ней главное мѣсто, а исторія служитъ болѣе средствомъ, нежели цѣлью. На грозномъ фонѣ двора Ивана Васильевича написана картина борьбы женщины, замыслившей какими бы ни было путями стать на первомъ планѣ и затмить остальныхъ лица. Картина выходитъ цѣльная — мрачная съ начала до конца: отъ подавленнаго ропота бояръ, мигомъ заглушаемаго пыткой и плахой, отъ ихъ пресмыканія у двери лютаго временщика Малюты и у ногъ царя — отъ доносовъ и измѣнъ — отъ слезъ униженной пятой жены, надѣвшей пресыщенному развратнику, наконецъ, отъ темныхъ затѣй красивой и молодой вдовы изъ царичьинаго терема, которая видитъ средство для достиженія своей честолюбивой дѣли во всемъ — и въ любви слѣпо-преданнаго ей молодого дворянина Андрея Колычева, и въ искреннемъ поривѣ наболѣвшаго сердца царяца, неосторожно открывшагося ей — своему влѣвшему изъ недруговъ... Канва драмы очень удачно заткана, только намъ показалась нѣкоторая сибѣшность отдѣлки: мѣстами хотѣлось бы непременно развить. Многое вѣрно и бойко намѣчено, но недорисовано; отъ этого,

ными дѣйствіями какъ-бы рождаются безъ видимой причины и приходятся вѣрить авторамъ на слово.

При поднятіи занавѣсы, мы находимъ бояръ и князей, собравшихся на царскомъ дворѣ (прекрасная новая декорация г. Шипкова), и толкующихъ, какъ водится, кто о своихъ правахъ съѣсть выше Годунова въ предстоящемъ засѣданіи думы, кто о неудобствахъ новыхъ порядковъ, или сѣтующихъ о старомъ утраченномъ значеніи, и о вліяніи новыхъ людей — молодого Шуйскаго и крещенаго татарина-Годунова, о свирѣпости Малюты-Скуратова, въ то время героя дня. Глава оппозиціи, старый и доблестный на полѣ битвы князь Михайло Воротынскій, смѣлѣе всѣхъ въ порицаніяхъ; онъ не внемлетъ увѣщаніямъ друзей, видимо рискуетъ головою, и хотя его изображаетъ г. Бурдявъ, но не выходитъ при этомъ изъ предѣловъ умѣренности и одинъ изъ всѣхъ знаетъ твердо свою роль. Читаетъ онъ ее очень хорошо и заставляетъ сожалѣть, что гг. Пронскій и Маржецкій, несмотря на свою молодость и положеніе «новыхъ людей», не отнеслись съ тѣмъ же уваженіемъ къ немногимъ стихамъ, выпавшимъ на долю Годунова и Шуйскаго... Старикъ Воротынскій говоритъ въ средѣ своихъ и казалось бы опасаться ему нечего, правда шутъ Малюты Скуратова подкарака въ ту самую минуту, когда тотъ не хвалилъ его патрона, но вѣдь онъ шутъ, а притянуть человека къ отвѣту — дѣло серьезное. Тѣмъ не менѣе, рыжій и сутуловатый Малюта, косясь на Воротынскаго, скоро проходить по сценѣ въ палаты царя, и присутствующіе уже чувтъ въ его косомъ взглядѣ близкую гибель старѣйшаго и самаго уважаемаго изъ земскихъ людей. Дѣйствительно, немного погодя, та же свирѣпая фигура повзвизываетъ опять и объявляетъ Воротынскому, что онъ, по приказу царскому, долженъ быть взятъ и судимъ — за измену, воровбу и прочее, за чтѣ обыкновеннымъ исходомъ того времени была плаха. Старика судятъ — въ присутствіи царя. Царь Иванъ на этотъ разъ представляется г. Самойловымъ. Нѣсколько продолжительная рѣчь Грознаго съ трона оживилась вдругъ мастерски-разыгранною г. Горбуновымъ сценою оголора Воротынскаго — гаденькимъ, сермяжнымъ мужичонкою — его слугою. Особенно мѣткою показался затѣмъ стихъ царя, бросаемый боярамъ, которые было глухо зашумѣли по этому поводу, но отъ одинаго вскрика царскаго униженно «положили свои головы»:

«Я головы вамъ жалую обратно».

Приговоръ Воротынскаго готовъ, и тщетно бояринъ Морозовъ, а за нимъ и опостылая царица Анна, выдаются къ его ногамъ, моля пощады: перваго онъ отдаетъ въ руки того же Малюты, вторую — оскорбляетъ бранью, а самъ заглядывается своимъ ястребинымъ окомъ на новое, красивое лицо женщины въ царицной свитѣ, и пожараетъ его сладострастными взорами. Та не пропускаетъ этихъ взглядовъ, и тоже смотреть ему прямо въ глаза прекрасными и смѣлыми глазами... Начало драмѣ положено. Царь освѣдомляется,

и узнаеть, что это вдова Василиса Мелентьева. Съ этой минуты властолюбивая женщина, претерпѣвшая и униженія, и стыдъ, лишь бы пробраться въ палаты царицы, затѣваетъ большую игру — опростать для самой себя эти палаты и повѣнчаться царицею. Съ ловкостью, энергіею и красотою, ей нетрудно этого достигнуть, особенно имѣя въ своемъ распоряженіи страстную и самоотверженную любовь молодого Андрея Колычева, одного изъ самыхъ приближенныхъ людей всемогущаго «государева пса», какъ называетъ себя Малюта-Скуратовъ. Вліяніемъ этой женщины, онъ уже успѣлъ обнаружить свою способность дѣлаться орудіемъ доноса — въ дѣлѣ стараго Воротынскаго, которому былъ когда-то преданнѣйшимъ слугою. Задумано — сдѣлано: Мелентьева уже ищетъ сама встрѣчи съ царемъ, находитъ его въ царевинномъ саду (опять очень хорошая новая декорация г. Вочарова, съ подсолнечниками, маками и всею чисто-русскою обстановкою сада), и тутъ, въ первый же разговоръ съ нимъ — а разговоръ такого человѣка извѣстно чего могъ касаться — уже цалуетъ его, и тутъ же будто бы пугается своей опрометчивости. Она отважно предприимчива и безцеремонна, и это нравится, какъ новинка, пресвященному раболѣпному и общими страхомъ Ивану. Онъ развертывается, и уже начинаетъ съ нею заигрывать, но она безцеремонно отсылаетъ его къ женѣ. Это окончательно разжигаетъ старика, и бремя брала должно быть имъ свергнуто во чтѣ бы то ни стало. Малюта подоспѣваетъ на помощь. Злая вдова повѣряетъ ему тайну дѣвичьей любви царицы — и той остается погибнуть; совершить и эту погибель — Мелентьева опять возлагаетъ на Колычева. Слабый юноша, когда-то носившій въ сердцѣ любовь и къ этой дѣвушкѣ (сердце у него помѣстительное), послѣ должныхъ колебаній, рѣшается, и обвиняетъ невинную. Царь объявляетъ, что съ царицей разводится; празднуетъ свое холостяжество «съ скоморохами и пьяницами», и даетъ понять Мелентьевой, что женится на ней. Но нетерпѣливая, и на этотъ разъ уже черезчуръ, Мелентьева, прождавши дольше, не хочетъ обождать еще немного, и, сама того не подозревая, изъ просто предприимчивой русской бабы дѣлается преступною леди Макбетъ: она облачается въ лучшіе наряды, обходитъ окончательно Андрея Колычева и общается ему вѣрную награду за *последнюю* услугу.

— Какую? спрашиваетъ тотъ.

— Отрави царицу!

Юноша отскакиваетъ отъ нея въ ужасѣ; умоляетъ перестать... отказывается, и, конечно, соглашается; но сулить ей на всякій случай кровавую месть, если она его обманетъ. Бѣдная царица отравлена зельемъ въ кубкѣ меда, который именовъ царя приносить съ его пира Колычевъ. Отравна приготовлена придворнымъ лекаремъ Бомелиемъ, и всыпана тутъ же, на сценѣ, Мелентьевой, а любовь поднесенъ самимъ Андреемъ. Бѣдная царица рада, что царь о ней подумалъ, и хотя, опомнясь, начинаетъ подозревать недоброе, но кубокъ выпиваетъ — все равно: смерть или вѣчное заточеніе!

Покорность, съ которою она принимаетъ угаданную смерть — очень трогательна. Съ такимъ же спокойнымъ величіемъ шелъ на казнь и князь Воротынскій: это равнодушіе къ жизни — черта ко-ренная русская, и она до сихъ поръ свойственна нашему народу.

Въ послѣднемъ актѣ Мелентьева уже не Мелентьева, но царица, и притомъ полновластная госпожа стараго и неузрѣтаго Ивана. Она не перечить ему въ его кровавыхъ рѣшеніяхъ, но не даетъ перечить и себѣ въ женскихъ прихотяхъ. Оставалось бы, кажется, только наслаждаться; но быть леди Макбетъ даромъ нельзя; и вотъ ее, какъ ту, преслѣдуетъ призракъ убитой, не даетъ сна въ ея царской постели, стойтъ передъ нею съ заллаванными глазами, гонять изъ комнаты въ комнату, какъ осужденную... Лекаръ объясняетъ это лунатизмомъ, и предлагаетъ ей лекарство, но она говоритъ, что знаетъ, какія онъ зелья умѣетъ варить. Царь ухаживаетъ за нею, какъ влюбленный юноша, или вѣрнѣе, какъ опочивенный старикъ. Она хочетъ спать, но боится идти въ опочивальню — онъ остается съ нею на всю ночь; ея ногамъ холодно — онъ снимаетъ съ себя кафтанъ и укрываетъ ихъ... а самъ садится смотрѣть за нею. Но вотъ она уже спитъ: какъ хороша! Старикъ не налюбуется ея молодымъ тѣломъ, не нападуется ея алыхъ устъ, не надышится ея жаркимъ дыханіемъ... вотъ эти уста шевелятся: какая непорочность въ тихомъ ихъ движеніи! находятъ царь — они произносятъ слова... чье-то имя: «голубчикъ мой! милый мой! Андрюша! обними меня!» Какъ ударенный пулею въ грудь, подскакиваетъ Иванъ и страшнымъ голосомъ кличетъ Малюту; сдерживаетъ свою царскую одежду съ презрѣнныхъ ногъ и повергаетъ на полъ приторщившую. Съ Малютою входитъ и Андрей, исхудалый, мучимый совѣстью. Онъ кинжаломъ поражаетъ свою злодѣйку: месть свершена. А разгнѣванный шестою женою, царь хотъ и говорить за это ему спасибо, но приказываетъ Малютѣ убрать такого кудряваго, да красиваго парня подале отъ двора...

Роль Андрея Количева досталась на долю, дѣйствительно, красивому г. Степанову, который, вдобавокъ, выговаривалъ свои монологи особенно громко и внятно, за что и удостоивался исключительнаго одобренія публики. Не менѣе красива была и г-жа Владимірова въ роли красавицы Василисы Мелентьевой: русскій нарядъ съ фатой очень шелъ къ ней, а прекрасные глаза и ростъ дѣлали остальное. Играла она старательно, но для такой роли нужно болѣе — нуженъ талантъ. Задуманъ и выполненъ этотъ характеръ авторами очень счастливо: при всей непривлекательности побужденій и поступковъ, онъ не возбуждаетъ антипатіи. Сверхъ того, въ немъ всѣ данныя для такого исполненія на сценѣ, чтобы актрисѣ съ дарованіемъ сдѣлать себѣ имя созданіемъ этой роли: тутъ и кокетливость, и энергія, и страстность... А на Маринскомъ театрѣ роль эта сказывается, какъ урокъ со сцены... о *созданіи* кто ужъ и говорить! Третьимъ удачнымъ лицомъ по наружности былъ г. Леонидовъ, отлично гримировавшійся звѣрскимъ и отвратительнымъ Малютою-Скуратовымъ. Плаксивая ца-

рица Анна была нарочито-плаксивою г-жею Струйскою. И что за интонація! Г. Самойловъ былъ весьма умѣренно грозенъ, но зато послѣ перваго акта сдѣлался игривъ... И только г. Горбуновъ сѣрмяжнимъ мужичонкой, да г-жа Александрова — свиною дѣвушкою, были истинны, и потому хороши. Дирекція театра съ своей стороны обнаружила похвальную заботливость о декорацияхъ и костюмахъ. Даже бояръ въ думѣ было достаточно — въ одномъ изъ Самозванцевъ, помнится, ихъ надо было отыскивать по сценѣ. Позволительно надѣяться, что при такомъ отношеніи къ родному искусству начальство театра озаботится и составомъ труппы, которая болѣе отличается количествомъ, чѣмъ качествомъ исполнителей.

Г. Островскій въ оба представленія выходилъ по нѣскольку разъ на вызовы публики.

ОБОЗРѢНІЕ 1867 ГОДА.

Приступъ.—Плохой урожай хлѣба. — Историко-филологическій виставутъ. — Новый уставъ духовныхъ семинарій и училищъ. — Пенсіи духовенству. — Замѣненіе священно-и церковно-служительскихъ мѣстъ. — Новые военныя и морскіе суды. — Сокращенія во флотѣ. — Царство Польское. — Мингрелія. — Уступка русскія владѣнія. — Новое генерал-губернаторство. — Русскій языкъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ. — Бѣглая характеристика нѣмцевъ. — Продажа польскихъ нивъ и признаніе прибалтійскихъ нѣмцевъ русскими по происхожденію. — Финляндскій сеймъ. — Земское дѣло въ Петербургской Губерніи. — Дополненіе къ закону о печата. — Новая серебряная и мѣдная монета. — Пренія объ измѣненіи тарифа. — Вопросъ о продажѣ николаевской желѣзной дороги и казенныхъ горныхъ заводовъ. — Новый судебный округъ. — Нотаріатъ. — Этнографическая выставка. — Заграничныя гости: славане, американцы, японское посольство, туркестанская депутація, высочайшія особы. — Сѣздъ сельскихъ хозяевъ. — Общества — новыя и закрышіяся. — Новыя желѣзныя дороги. — Сибирско-американскій телеграфъ. — Процесы. — Преступленія. — Литературныя процесы. — Смертныя вазны. — Новые журналы и газеты. — Литературныя и театральныя произведенія. — Оперы. — Предостереженія. — Пожертвованія. — Неурологъ. — Сѣздъ естествоиспытателей. — Къ читателю.

Вмѣсто обычныхъ поздравленій «съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ» и пожеланій читателю того-то и того-то, или описавій того, какъ и гдѣ я встрѣчалъ новый годъ и какъ другіе встрѣчали его, или, наконецъ, насмѣшекъ надъ тѣмъ, какъ разнаго рода подначальныя сибѣши въ новый годъ обѣжать передніа и швейцарскія своихъ начальствующихъ, я желалъ бы нарисовать здѣсь картинку стараго года и ея поздравить читателя. Такая картинка могла бы быть и пріятна, и поучительна. Одни явленія прошедшаго года заставили бы его

сердце биться чувствомъ гордости, другія — чувствомъ радости, третьи напомнили бы ему о его заблужденіяхъ и ошибкахъ, и указали бы путь, по которому ему слѣдуетъ идти въ наступившемъ году — что ему слѣдуетъ додѣлать или передѣлать. Но чтобы нарисовать эту картину такъ, какъ она мнѣ представляется — чтобы она была и полна и общенитересна — для этого надобно имѣть и особенный историко-описательный талантъ и не мало времени, а у меня нѣтъ ни того, ни другаго. Я не могу составить даже плана для такого описанія.

Явленія нашей общественной жизни за прошедшій годъ такъ многочисленны и разнообразны, что ихъ можно дѣлать и группировать почти безчисленнымъ образомъ. Прежде всего представляется такое дѣленіе: дѣятельность правительственная и дѣятельность общественная. Потомъ: дѣленіе и группировка явленій по характеру ихъ; по вѣдомствамъ; по мѣстностямъ; по временамъ года или прямо по порядку времени, по степени важности тѣхъ или другихъ явленій; по тому, на сколько ими заинтересовалась вся Россія или только отдѣльныя мѣстности и отдѣльные классы общества и т. д.

Я не намѣренъ строго слѣдовать ни которому изъ этихъ способовъ описанія, а буду придерживаться всѣхъ ихъ понемногу.

Прежде всего мнѣ хотѣлось бы отыскать въ прошедшемъ году его отличительную, характерную черту, указать на то, чѣмъ занята была и заинтересовалась вся Россія, почти буквально всѣ ея жители.

Хлѣбъ для человѣка необходимѣе всего, и имъ-то, кажется, была занята Россія въ прошедшемъ году прежде всего и болѣе всего. Цѣлые десятки милліоновъ людей существуютъ въ Россіи только изъ-за хлѣба; въ добываніи его состоитъ вся цѣль ихъ жизни; на немъ сосредоточиваются всѣхъ ихъ мысли, надежды и радости. И оттого, плохой урожай составляетъ для нихъ положительное горе. А урожай прошедшаго года былъ, вообще говоря, плохъ, въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ и очень плохъ. Весна началась поздно; необыкновенно сильныя разливы рѣкъ и продолжительные дожди испортили посѣвы и сѣнокосы. Послѣдствія всего этого отразились даже въ Петербургѣ. Петербургъ, конечно, никогда не будетъ знать, что такое «голодь»; но разливы рѣкъ затруднили подвозъ сюда хлѣба и хлѣбъ поднался здѣсь въ цѣнѣ на цѣлюю треть противъ обыкновеннаго. Во многихъ другихъ мѣстностяхъ Россіи народъ принужденъ былъ почти съ половины прошедшаго года ѣсть хлѣбъ пополамъ съ разными малопитательными или вовсе непитательными примѣсями, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хлѣбъ (!?) дѣлается даже прямо изъ одной древесной коры и моха. Какъ все это отразится на здоровьѣ народа — угадать нетрудно.

Но другое послѣдствие недостатка въ пищѣ, чтобы не сказать голода, и теперь уже высказывается довольно рѣзко. Это — довольно часто повторявшіеся случаи не только обыкновеннаго во-

ровства, но даже воровства съ явнымъ насильемъ и съ воору-
женною рукою.

Къ несчастью, эти особенности минувшаго года не ограничи-
ваются только имъ однимъ; онѣ необходимо должны перейти и
на настоящій годъ, по крайней-мѣрѣ, на первые мѣсяцы его.

Я не буду вдаваться здѣсь въ разсужденіе о томъ, на сколько
неурожаи прошедшаго года и недостатокъ въ хлѣбѣ зависѣлъ
отъ самихъ людей, на сколько это могло бы быть устранено
или смягчено — на сколько могли бы быть устранены дурныя по-
слѣдствія неблагоприятныхъ дѣйствій физической природы. Но
ограничиваться здѣсь одними безлюдными жалобами на физи-
ческую природу, при настоящемъ состояніи цивилизаціи, было
бы уже странно. Если трудно и иногда невозможно устранить
неурожаи, то при лучшихъ путяхъ сообщенія и лучшей органи-
заціи нѣкоторыхъ общественныхъ учреждений, очень возможно
устранять необходимость питаться мохомъ и древесною корою.
Объ этомъ и было заявлено на недавно бывшемъ въ Петербургѣ
сѣздѣ естествоиспытателей. Будемъ надѣяться, что его заявле-
нія и предположенія — въ виду той подавленности, въ который
держитъ насъ («болѣе чѣмъ кого либо», сказано было на сѣздѣ
естествоиспытателей) «неразумная» физическая природа, и въ
виду тѣхъ несчастій, которыя принуждены переживать теперь
милліоны русскихъ людей — найдутъ себѣ, по крайней-мѣрѣ,
такое же сочувствіе и такую же поддержку, какъ... наврѣмѣрь,
хоть классическіе языки, о которыхъ я сейчасъ буду говорить.

Классическое образованіе началось у насъ не съ прошедшаго
года и не составляетъ особенности его; но въ прошедшемъ году
оно не только продолжало процвѣтать, а получило еще два мощ-
ныхъ толчка.

Въ концѣ ноября открытъ въ Петербургѣ историко-филологи-
ческій институтъ — высшее учебное заведеніе, имѣющее своимъ
главнымъ, едва-ли не единственнымъ назначеніемъ — окончательное
усовершенствованіе набранныхъ молодыхъ русскихъ людей въ
знаніи греческаго и латинскаго языковъ и вмѣстѣ подготовле-
ніе ихъ въ роли преподавателей этихъ языковъ въ гимназіяхъ.
Институтъ имѣетъ своею цѣлю также преподаваніе исторіи и
славянскихъ нарѣчій, но латинскій и греческій языки въ немъ
преобладаютъ, по крайней мѣрѣ, по числу посвящаемыхъ для
нихъ классныхъ и подготовительныхъ часовъ. Открытіе этого
института важно особенно въ томъ отношеніи, что оно свидѣ-
тельствуешь о солидности начавшагося у насъ движенія въ поль-
зу классицизма и лишаетъ противниковъ классицизма надежды
на скорую перемену направленія.

Почти въ такой же мѣрѣ свидѣтельствуешь объ этомъ и но-
вый уставъ духовныхъ семинарій и училищъ, утвержденный и
начавшій вводиться въ дѣйствіе тоже въ минувшемъ году. Гре-
ческій и латинскій языки для нашихъ духовныхъ семинарій и
училищъ не составляютъ новости; она существовали въ нихъ

всегда; они составляли одну изъ предметовъ обученія нашего духовенства чуть не съ самаго введенія у насъ христіанства. Но изученію этихъ языковъ придавалось въ духовныхъ училищахъ не всегда одинаковое значеніе. Было время, когда на латинскомъ языкѣ въ семинаріяхъ говорили и лекція читали; но въ послѣдніе 20—30 лѣтъ положительное знаніе латинскаго и греческаго языковъ, не только въ среднихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, но даже въ высшихъ—академіяхъ—никому не виѣнялось въ вину, и человекъ, неумѣющій, безъ приготовленія, перевести ни одной фразы изъ Цицерона и Фукидида или даже Іоанна Златоустаго, но имѣющій удовлетворительныя отбѣты изъ другихъ предметовъ семинарскаго или академическаго образованія, могъ окончить курсъ первымъ, какъ въ семинаріи, такъ и въ академіи.

Новый уставъ духовныхъ семинарій и училищъ дастъ классическимъ языкамъ особенное значеніе и имъ посвящается самое большое число уроковъ, какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Это предпочтеніе древнихъ языковъ предъ всѣми другими учебными предметами особенно чувствительно должно отразиться на низшихъ духовныхъ училищахъ, такъ-какъ значительная часть учениковъ этихъ училищъ, едва-ли даже не половина ихъ, не попадетъ не только въ высшія, но даже и въ среднія учебныя заведенія и все образованіе ихъ по необходимости должно будетъ ограничиться только умѣньемъ читать и писать, знаніемъ закона Божія, географіи и нѣсколькихъ десятковъ латинскихъ и греческихъ словъ.

Другую особенность этого устава составляютъ штаты — ограниченіе пріема учениковъ извѣстнымъ числомъ ихъ. Едва-ли не во всѣхъ семинаріяхъ штаты эти гораздо ниже дѣйствительнаго числа учениковъ и тамъ, гдѣ эти штаты уже вводятся или скоро будутъ введены — производится въ настоящее время сильное изгнаніе учениковъ (конечно, подъ болѣе или менѣе благовидными предлогами).

Наконецъ, послѣднюю и самую важную особенность новаго устава духовныхъ семинарій и училищъ составляетъ то, что въ участію въ содержаніи духовныхъ учебныхъ заведеній, и даже къ управленію ими, привлекается само мѣстное духовенство каждой епархіи. Въ семинаріяхъ духовенство будетъ имѣть своихъ представителей, въ числѣ трехъ членовъ, въ правленіи. Правленіе же, съ своей стороны, избираетъ начальника семинарій, инспектора и всѣхъ учителей, составляетъ подробныя учебныя программы и инструкціи для учениковъ и инспектора и завѣдуетъ всею хозяйственною частью. По отношенію къ училищамъ духовенство имѣетъ точно такія же права, и кромѣ того, оно имѣетъ право учреждать училища въ такомъ количествѣ, въ какомъ оно найдетъ это для себя нужнымъ. За то почти все содержаніе училищъ оно должно принять на свой счетъ. Оно имѣетъ также право открывать, на свой счетъ, параллельные классы въ семи-

варіяхъ. Правда, всѣ эти права духовенства нѣсколько ограничиваются и стѣсняются другими статьями новаго устава, еще болѣе будутъ они ограничены и стѣснены фактическимъ положеніемъ деревенскаго духовенства и особенно недостаточностію его матеріальныхъ средствъ; тѣмъ не менѣе, однакожь, эти права призываютъ духовенство къ совершенно новой для него жизни, и если оно захочетъ и сумѣетъ воспользоваться ими, оно можетъ сильно повліять на измѣненіе или смягченіе тѣхъ сторонъ новаго устава, которыя окажутся для него неблагопріятными, наприимѣръ, на статью объ ученическихъ штатахъ и о преобладающемъ значеніи классическихъ языковъ.

Я не могу вдаваться здѣсь въ болѣе обстоятельный разборъ этого устава; но замѣчу, что онъ имѣетъ значеніе не для одного только духовенства — хотя и оно составляетъ въ нашемъ отечествѣ довольно значительную силу, — такъ какъ воспитаніемъ духовныхъ учебныхъ заведеній доселѣ не ограничивали своей дѣятельности только той средою, въ которой они подготовлялись въ школь. На будущее время семинаріи станутъ принимать въ свои стѣны только такое число дѣтей духовенства, какое нужно для замѣщенія ежегодно открывающихся въ губерніи вакансій на духовныя и приходско-учительскія мѣста и двухъ-трехъ вакансій въ окружной духовной академіи.

Въ прошедшемъ году были также обсуждаемы и опубликованы проекты преобразования духовныхъ академій.

Кромѣ того, по тому же вѣдомству изданы были еще два законенія, нелишніиыя оообенной важности для духовенства. Первое изъ нихъ касается пенсій священникамъ. Наше духовенство не получало до недавняго времени никакихъ пенсій за свою даже самую долговременную службу. Вдовы и сироты священниковъ получали изъ епархіальнаго вѣдомства нѣкоторое пособіе; но оно было крайне ничтожно (что-то между 3 и 8 руб. въ годъ). Въ послѣднее время, кажется въ 1866 году, назначены были духовенству временныя пенсіи. Въ прошедшемъ году эта временная мѣра узаконена и при этомъ пенсіи увеличены. Священникъ, прослужившій безпорочно 35 лѣтъ, будетъ получать пенсію 90 руб. въ годъ; его вдова—55; она же съ малолѣтними или увѣчными дѣтьми—65 руб.

Другое узаконеніе касается, такъ-называемой, вазрѣшм духовныхъ мѣстъ за сиротами, или вообще за дѣтьми духовенства. Мѣсто отца отдавалось его дочери, и она должна была пріискать себѣ жениха; нерѣдко такіа мѣста отдавались несовершеннолѣтнимъ, а они въ свою очередь, такъ-сказать, сдавали ихъ другимъ духовнымъ лицамъ, неимѣвшимъ мѣста. Послѣдніе обязывались платить за это сиротамъ, до ихъ совершеннолѣтія, извѣстную часть изъ своихъ доходовъ. Узаконеніемъ прошедшаго года этотъ обычай, всадѣ имѣвшій для епархіальнаго начальства почти обязательную силу, отиѣненъ. Но узаконеніе это принято не всѣмъ духовенствомъ съ одинаковою радостію, и можео

думать, что при практическомъ призываніи его, оно не всегда будетъ проводимо съ одинаковою строгостію. Это тѣмъ болѣе возможно, что енархіальное начальство имѣетъ право раздавать духовныя мѣста по своему благоусмотрѣнію.

Въ прошедшемъ году сдѣланы измѣненія въ управленіи военнымъ, морскимъ и почтовымъ министерствами и въ управленіи кавказскимъ краемъ; при этомъ измѣнены также, въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ, и штаты этихъ вѣдомствъ. Но измѣненія эти не вносятъ въ военное, морское и почтовое министерства, равно и въ управленіе кавказскимъ краемъ, ничего существенно новаго и особеннаго. На Кавказѣ учреждается новая губернія (пята) — Елизаветградская; но положеніе объ этомъ, равно какъ и новыя штаты кавказскаго края введены будутъ въ дѣйствіе только въ настоящемъ году. Несравненно важнѣе измѣненія въ судебной части военнаго и морскаго министерствъ. Это одни изъ тѣхъ измѣненій, которыя принято называть реформами настоящаго царствованія. Суды военнаго и морскаго вѣдомствъ были доселѣ тѣмъ же самымъ, чѣмъ они были и въ гражданскомъ вѣдомствѣ, можетъ быть только военные и морскіе суды были короче в процесахъ въ нихъ не затягивались на цѣлме десяти лѣтъ. Могетъ быть, и новыя суды военнаго и морскаго вѣдомствъ ждуть еще дальнѣйшей своей реформы, если не окончательнаго и полнаго слиянія своего съ обыкновенными судами, такъ-сказать, поглощенія своего этими послѣдними; но ужъ и въ настоящемъ своемъ видѣ они представляютъ собою достаточную гарантію для невинно обвиняемыхъ. Устройство этихъ судовъ, по формѣ и существу дѣла, почти то же самое, что и въ судахъ обыкновенныхъ. Въ нихъ также три судебныхъ инстанціи: полковой судъ и, для моряковъ, экипажный судъ (то же, что судъ мироваго судья); военно-окружный судъ, въ каждомъ военномъ округѣ (то же, что гражданскій окружной судъ), и главный военный судъ (кассационный департаментъ сената); но главное, въ нихъ та же гласность и устность суда и адвокатская защита. Суды эти имѣютъ свой собственный институтъ адвокатовъ, но за недостаткомъ ихъ могутъ быть приглашаемы и адвокаты обыкновенныхъ судовъ. Судебныя засѣданія всѣхъ инстанцій могутъ быть посѣщаемы всѣми, но печатаніе производящихся въ нихъ процессовъ дозволено только нѣкоторымъ органамъ печати: «Русскому Инвалиду», «Сѣверной Почтѣ», «Судебному Вѣстнику» и «Московскимъ Вѣдомостямъ» — потому, какъ это объяснено было съ официальной стороны, что газетамъ этимъ не угрожаетъ опасность когда-либо быть закрытыми или на нѣкоторое время приостановленными.

Въ прошедшемъ году новыя военно-судныя уставы введены въ дѣйствіе въ петербургскомъ и московскомъ военныхъ округахъ и въ портахъ балтійскаго флота.

Балтійскаго... то-есть, нашего единственнаго флота! Потому что въ томъ же самомъ 1867 году уничтожены (правда, «на

время) даже остатки наших флотовъ въ Черномъ и Каспійскомъ Моряхъ, и, если я не ошибаюсь, въ Восточномъ Океанѣ. Въ Каспійскомъ и Черномъ Моряхъ у насъ оставались морскія флотиліи; въ прошедшемъ году онѣ сокращены до самыхъ незначительныхъ размѣровъ. Если только я вѣрно понимаю это дѣло, то весь портовый и подвижной (собственно флотскій) составъ нашей бывшей черноморской флотиліи ограничивается теперь 1,596 человекъ, а каспійской — 1,020 человекъ. Какъ великъ составъ флотиліи Восточнаго Океана — я не имѣю объ этомъ свѣдѣній. Эти сокращенія сдѣланы были въ видахъ сокращенія бюджета нашихъ государственныхъ расходовъ.

Въ прошедшемъ году сдѣланы были также измѣненія по управленію Царствомъ Польскимъ. Именно, Царство Польское раздѣлено на 5 губерній и 46 уѣздовъ, и они сравнены въ своихъ отношеніяхъ къ разнымъ министерствамъ имперіи со всѣми другими чисто-русскими губерніями и уѣздами.

Въ томъ же году Россійская Имперія уменьшилась въ своемъ географическомъ объемѣ одною довольно значительною, хотя по народонаселенію почти совершенно пустою областью. Но за то она приобрѣла цѣлое княжество!

Приобрѣтеніе это, собственно говоря, не можетъ быть названо приобретеніемъ, а скорѣе восполненіемъ приобретенныхъ уже гораздо прежде правъ. Но дѣло въ томъ, что едва-ли многіе изъ русскихъ предполагали, что здѣсь могла еще быть рѣчь о какомъ бы то ни было восполненіи владѣльческихъ правъ; едва-ли многіе предполагали, что княжество это доселѣ не было вполне и на такихъ же точно правахъ, какъ, на примѣръ, царство Казанское или царство Астраханское, подчинено русскому правительству.

Въ январѣ прошедшаго года былъ изданъ слѣдующій указъ:

«Съ принятіемъ, въ 1804 году, владѣтельнаго князя Мингреліи Григорія Дадіана, согласно его просьбѣ, со всѣмъ потрѣбствомъ и со всѣми его владѣніями, въ вѣчное подданство російской державы и съ присоединеніемъ владѣній его къ имперіи нашей, въ Возѣ почившій императоръ Александръ I, въ знакъ особаго монаршаго благоволенія къ князю Григорію, всемиловѣйше сохранилъ за нимъ и его потомствомъ, по старшинству колѣна, владѣльскія права и преимущества по внутреннему управленію страны. На семъ основаніи управленіе Мингреліей, переходившее наследственно въ старшему въ родѣ, всагдѣ разъ съ высочайшаго на сіе соизволенія, послѣ смерти въ 1853 году князя Давида, должно было перейти къ сыну его, нынѣ флигель-адъютанту нашему, поручику князю Николаю; но по малолѣтству его было ввѣрено его матери... За симъ въ 1857 году, когда произошло въ Мингреліи сильное волненіе между крестьянами и когда при этомъ обнаружилось, что оно вызвано неудобствительнымъ управленіемъ, мы, въ отеческомъ попеченіи о

благоустройствѣ мингрельскаго народа, признали необходимымъ замѣнить существовавшее управленіе болѣе соотвѣствующимъ нуждамъ страны. Согласно сему тогда же введено тамъ, впрямь до совершеннолѣтія князя Николая, русское управленіе, которое продолжаетъ дѣйствовать и до настоящаго времени. Нимиъ, съ достиженіемъ княземъ Николаемъ Дадіанъ совершеннолѣтняго возраста, онъ добровольно отказался какъ за себя, такъ и за своихъ наследниковъ, отъ дарованныхъ нашими предшественниками владѣтелямъ Мингреліи указанныхъ выше особыхъ правъ...»

Что права эти были не номинальны только, это видно изъ того, что князь Николай Дадіанъ, вмѣстѣ съ прибавленіемъ къ его прежней фамиліи названія «мингрельскаго», получалъ въ вознагражденіе за отказъ отъ своихъ владѣтельскихъ и правительскихъ правъ—миліонъ рублей серебромъ, а его ближайшіе родственники — пожизненные пенсія. Кромѣ того, за ними сохранили, конечно, всѣ ихъ частныя владѣнія.

Нелишнимъ считаю прибавить къ этому, что освобожденіе мингрельскихъ крестьянъ отъ ихъ крѣпостной зависимости было послѣднимъ актомъ уничтоженія крѣпостнаго права во всей Россійской Имперіи. Они освобождены указомъ 1 декабря 1866 года.

Я скажалъ выше, что Россійская Имперія въ прошедшемъ году уменьшилась въ своемъ объемѣ на одну область. Это, конечно, сѣверо-американскія владѣнія. Они потеряны не вслѣдствіе войны, не по необходимости, а уступлены добровольно, какъ говорить, очень дружественнымъ къ намъ, Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ. Въ вознагражденіе за нихъ Россія получила 7 миліоновъ 200 тысячъ долларовъ (долларъ на 27 коп. больше рубля) золотомъ монетою.

Эта уступка, это уменьшеніе объема, и несмотря на это все еще немѣтримой, Россійской Имперіи, было встрѣчено одними—съ болѣе или менѣе искреннею радостью—что Россія освободилась—де, наконецъ, отъ этихъ дальнихъ владѣній, не только не приносящихъ намъ никакой матеріальной пользы, но причинявшихъ еще немало хлопотъ по управленію ими и стоявшихъ значительныхъ матеріальныхъ жертвъ; другими — съ грустью о томъ, что солнце въ Россійской Имперіи теперь будетъ заходить, что мы отказываемся отъ этихъ владѣній потому, что, будто бы, не могли справиться съ ними, не умѣли извлечь изъ нихъ никакихъ выгодъ, что тамъ, говорятъ, есть богатые золотые рудники и, наконецъ, что во всякомъ случаѣ это ударъ для нашей національной гордости.

Но оплакивающіе потерю нашихъ сѣверо-американскихъ владѣній могутъ утѣшиться тѣмъ, что намъ предстоитъ необозримое и болѣе плодоносное поле для приобрѣтеній въ центральной Азіи. Здѣсь наши приобрѣтенія такъ быстро, можно сказать, съ каждымъ днемъ, подвигаются впередъ, что едва-ли кто въ настоящую минуту въ состояніи будетъ указать линію русской границы къ Тибету и западному Китаю.

Я не могу сказать, что приобретено адьес Россію въ прошедшемъ году; но извѣстно, что въ прошедшемъ году адьес образовалось у насъ новое генерал-губернаторство, составившееся изъ Туркестанской Области, отдѣленной отъ оренбургскаго генерал-губернаторства, земель ташкентскаго округа (района), земель, занятыхъ въ 1866 г. за Сыр-Дарьей, и части Семипалатинской Области, отдѣленной отъ генерал-губернаторства Западной Сибири. Новое генерал-губернаторство состоитъ теперь изъ двухъ областей: Самарѣченской и Сыр-Дарьинской. Организация внутренняго управленія этою страню покуда недостаточно еще выработана, и все управленіе, какъ военное, такъ и административное, сосредоточено въ рукахъ генерал-губернатора; ему же поручено рассмотреть на мѣстѣ составленный въ Петербургѣ подробный проектъ внутренней административной и судебной организации страны и представить его, съ своими замѣчаниями и измѣненіями, въ Петербургъ для окончательнаго утвержденія. По проекту этому предполагается: раздѣлять генерал-губернаторство на 13 уѣздовъ; власть военную, административную и отчасти судебную сосредоточить въ однихъ рукахъ — генерал-губернатора; генерал-губернатору предоставляется также право дипломатическихъ сношеній съ сосѣдними владѣніями. «Внутреннее управленіе туземнымъ населеніемъ по всѣмъ дѣламъ, неимѣющимъ политическаго характера, предоставлять выборнымъ изъ среды самаго народа, примѣняясь къ мѣстнымъ нравамъ и обычаямъ». Въ судебномъ отношеніи, туземцамъ, кочевникамъ и осѣдымъ жителямъ предоставлено право судаться своими народнымъ судомъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ видовъ политическихъ преступленій и дѣлъ по нарушенію общественнаго порядка. Для рѣшенія дѣлъ уголовныхъ, неподлежащихъ русскому суду, и исковыхъ, превышающихъ 100 руб., назначаются съѣзды бѣевъ и казюевъ — судей, избираемыхъ народомъ на три года. «Истязанія и смертная казнь запрещаются. — Для разбора дѣлъ между русскими собственно, въ каждомъ уѣздѣ учреждается уѣздный судъ, въдомству котораго подлежатъ всѣ дѣла, возложенныя судебнымъ уставомъ 20-го ноября 1864 года на мировыхъ судей. Уѣздные судьи опредѣляются правительствомъ». Вторую инстанцію суда составляетъ «областное правленіе» (областное управленіе, подчиняясь начальнику области — военному губернатору, соединяетъ въ себѣ власть и обязанности губернскаго правленія и казенной и судебной палаты). Апелляціонныя и частныя жалобы на постановленія областного правленія приносятся правительствующему сенату.

Въ заключеніе, считаю великимъ упоминуть о системѣ налога и сбора податей съ мѣстныхъ жителей. Съ кочующихъ киргизовъ положено собирать не менѣе 2 р. 75 к. съ кибитки; съ туземцевъ осѣдыхъ и занимающихся торговлею — извѣстный процентъ съ капитала — у первыхъ, $\frac{1}{100}$ часть урожая, у вторыхъ $\frac{1}{100}$ стоимости ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ. За правиль-

ность исчисления кибитокъ и оцѣны продуктовъ и товаровъ отъвѣчаютъ ближайшіе сборщики податей вдвое противъ утѣсенной сумми. Проектъ предполагаетъ, что туркестанское генерал-губернаторство должно доставлять дохода, по меньшей мѣрѣ, 100.000 р. с. въ годъ. На содержаніе управленія назначено по штату 460.000 руб. сер.

Всѣ эти доселѣ перечисленныя мною законоположенія, мѣры и реформы были приняты и введены, какъ въ отдѣльныхъ вѣдомствахъ, такъ и въ цѣлыхъ странахъ и областяхъ, пользовавшихся доселѣ болѣею или меньшею автономією. Мирно, спокойно, безъ всякихъ, съ чьей бы то ни было стороны жалобъ или протестовъ, по крайней мѣрѣ, о нихъ не было слышно. Даже въ Западной Европѣ, по поводу нѣкоторыхъ изъ этихъ реформъ, только поворчали и нетолько, по обыкновенію, пальцемъ не двинули, но даже и никакого опредѣленнаго протеста не заявили.

Не то было съ реформою (?) относительно... нѣмецкаго языка! Когда въ наши общеобразовательныя школы вводили два совершенно чуждыхъ намъ языка, когда на этихъ языкахъ, рѣшительно для всего міра мертвыхъ, заставляли говорить и писать всѣхъ русскихъ, желающихъ сдѣлаться людьми образованными, мы молчали, цѣлые миллионы русскихъ молчали, и вся просвѣщенная и либеральная Западная Европа молчала. Были, пожалуй, и протесты, но такого скромнаго и умѣреннаго свойства, что ихъ было бы крайне странно называть протестами. Объ этомъ свидѣтельствуетъ уже и то, что по поводу греческаго и латинскаго языковъ никто не получилъ officialнаго, публичнаго отзыва или замѣчанія и предостереженія. А когда дѣло коснулось нѣкотораго ограниченія господства нѣмецкаго языка, то... самъ Негг Loeve заявилъ въ прусскомъ парламентѣ протестъ противъ этого! Двѣ русскія газеты получили officialное замѣчаніе, двѣ-три русско-нѣмецкія газеты заявили, что онѣ принуждены замолчать, а нѣсколько десятковъ германско-нѣмецкихъ газетъ еще разъ обозвали Россію страню варваровъ, безбожно нарушающею права и привилегіи русскихъ нѣмцевъ, дарованія имъ *еще издавна!* Все русское образованное общество занялось разсужденіями и спорами о томъ: слѣдуетъ ли заставить русскихъ нѣмцевъ говорить порусски или нѣтъ? Почти всѣ рѣшили, что слѣдуетъ, и горячо одобрили и защищали правительственную мѣру, будто бы, велагавшую конецъ нѣмецкому языку и даже всѣмъ нѣмецкимъ особенностямъ и привилегіямъ въ Россіи. Но на самомъ дѣлѣ вопросъ вовсе не заходилъ такъ далеко и уничтожать родного языка нѣмцевъ правительство, своей мѣрой, не думало. Въ этомъ заблужденіи значительной части образованнаго русскаго общества виноваты были сами же нѣмцы, слишкомъ преувеличавшіе наданную относительно ихъ мѣру русскаго правительства, и начавшіе горячо защищать даже те, на что въ началѣ никто и не навадалъ.

Во вниманіе къ тому, что эта мѣра была многими такъ преувеличенно перетолкована, я считаю необходимымъ перекочтати ее здѣсь буквально. «Комитетъ министровъ, по разсмотрѣніи записки министра народнаго просвѣщенія о мѣрахъ для усиленія преподаванія русскаго языка въ Дерптскомъ учебномъ округѣ, принявъ за исходную точку своихъ разсужденій то обстоятельство, что высочайше утвержденное 3 января 1850 года положеніе комитета министровъ, относительно введенія въ коронныя присутственные мѣстахъ прибалтійскихъ губерній переписки на русскомъ языкѣ, остается по настоящее время, несмотря на неоднократныя попытки мѣстнаго начальства въ его осуществленію, мертвою буквою, журналомъ 9 мая сего года (1866 г.), между прочими мѣрами, признавъ нужнымъ и положивъ: обратити особое вниманіе министровъ и главноуправляющаго отдѣльными частями на настоящую необходимость, совокупными усиліями всѣхъ вѣдомствъ, приступить къ безотлагательному на самомъ дѣлѣ исполненію монаршей воли о введеніи въ коронныя присутственныхъ мѣстахъ прибалтійскаго края дѣлопроизводства на рускомъ языкѣ, которая выражена въ высочайше утвержденномъ 3 января 1850 года положеніи комитета министровъ».

Обратите вниманіе на то, что только въ коронныхъ присутственныхъ мѣстахъ, т.-е. въ официальной перепискѣ чиновниковъ.

Если съ приведеніемъ этой мѣры въ исполненіе, нѣкоторые нѣмцы и не будутъ понимать переписки своихъ мѣстныхъ чиновниковъ, то я могу успокоити ихъ слѣдующимъ остроумнымъ замѣчаніемъ: миліоны, дѣйне десятки миліоновъ русскаго народа не понимаютъ или только съ величайшимъ трудомъ понимаютъ переписку своихъ чиновниковъ, а вѣдь существуютъ же, слава Богу! Чего русскіе мужики не понимаютъ, то, какъ извѣстно, разъясняютъ имъ разнаго рода толковники. Такихъ же точно толковниковъ или переводчиковъ могутъ завести у себя и русскіе нѣмцы. Тѣмъ болѣе, что и нѣмецкій языкъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, какъ это и самимъ нѣмцамъ очень хорошо извѣстно, далеко не для всѣхъ мѣстныхъ жителей родной языкъ, и чтобы кончатъ письменную и устную нѣмецкую рѣчь, большинство тамошнихъ жителей должно обращаться не только къ толковникамъ, но даже къ переводчикамъ.

Я лично очень люблю и уважаю нѣмцевъ; подавленія ахъ национальности не желаю, возбуждать къ нимъ вражду—еще менѣе; но мнѣ всегда чрезвычайно трудно бываетъ защищать ихъ, когда они, такъ-сказать, двоедушничаютъ. Въ Германіи нѣтъ не живетъ, потому что тѣсно жить; они переселяются въ другія страны и здѣсь, чтобы ихъ получше узнали и дали имъ всѣ мѣстныя права, они тотчасъ же становятся самыми горячими, мѣстными, патриотами, но большей части даже болѣе горячими, чѣмъ дѣйствительные патриоты, и въ то же время хотятъ все-таки остаться германскими нѣмцами! Напримѣръ, въ Америкѣ они, по большей части, заявляютъ себя самыми отчаянными республиканцами

и радигалами, чрезъ два-три поколѣнія—тамъ, гдѣ не селятся отдѣльными колоніями—совсѣмъ забываютъ свой родной языкъ и, по свидѣтельству одного очень солиднаго и образованнаго нѣмца же, гораздо охотнѣе посылаютъ своихъ дѣтей въ чисто-американскія школы, чѣмъ въ нѣмецкія, — и все-таки вздыхаютъ при думѣ по своему отечеству, и увѣряютъ, что Нью-Йоркъ dritt-grosse deutsche Stadt. Нью-Йоркъ нѣмецкій городъ!

Таковы же нѣмцы и вездѣ. Нѣсколько дней назадъ тому въ Петербургѣ, послѣ одного торжественнаго обѣда русскихъ..., одинъ очень образованный и ученый нѣмецъ сѣлъ за фортепьяно и заигралъ какую-то нѣмецкую пѣсню; русскіе заявили протестъ; завязался маленькій споръ; чтобы рѣшить его поскорѣе, пустили вопросъ на голоса: кто за русской языкъ? Нѣмецъ закричалъ громче всѣхъ: «и я! и я!» Но, несмотря на это маленькое двоедушіе, нѣмцы, по моему личному мнѣнію, все-таки, во многихъ отношеніяхъ, очень хорошій народъ. Если поставленъ будетъ вопросъ: кто за нихъ? то я точно также закричу: и я! и я!

Я, кажется, уже слишкомъ долго остановился на нѣмецкомъ вопросѣ; но мнѣ надобно сказать объ немъ еще нѣсколько словъ.

Если нашимъ, такъ-называемымъ, остзейскимъ нѣмцамъ не поправилось руссифицированіе ихъ мѣстныхъ чиновниковъ и ихъ officialной переписки, то они, вѣроятно, не скажутъ ровно ничего противъ руссифицированія всѣхъ ихъ въ другомъ вопросѣ, — въ вопросѣ о правѣ покупать польскія помѣстья.

10 декабря минувшаго года исполнился двухлѣтній срокъ для свободной продажи тѣхъ польскихъ имѣній въ западномъ и югозападномъ краѣ, владѣльцы которыхъ были замѣшаны въ послѣднемъ польскомъ возстаніи. Послѣ этого срока, наступила продажа этихъ имѣній съ публичнаго торга. Какъ извѣстно, покупать или вообще приобрѣтать польскія имѣнія имѣли право только лица «русскаго происхожденія, православнаго или протестантскаго вѣроисповѣданія». Ни поляки, ни евреи, ни какіе бы то ни было иностранцы не имѣли и не имѣютъ права ихъ покупать. Въ недавнее время возникъ вопросъ: имѣютъ-ли право приобрѣтать эти имѣнія наши прибалтійскіе нѣмцы? т.-е., считать ли ихъ людьми *русскаго происхождения*? Вопросъ этотъ рѣшонъ утвердительно. Если, послѣ этого, наши прибалтійскіе нѣмцы рѣшатся покупать польскія имѣнія, то и они, съ своей стороны, уже совершенно добровольно, должны будутъ признать себя *русскими по происхожденію*. Покупать эти имѣнія, они, конечно, будутъ, что бы тамъ Herr Loeve ни говорилъ противъ этого! И, такимъ образомъ, названіе: «прибалтійскіе нѣмцы» должно будетъ исчезнуть съ лица русской земли; въ прибалтійскихъ губерніяхъ останутся только русскіе граждане, временно-говорящіе нѣмецки, подобно тому, какъ, говорятъ, есть въ Петербургѣ русскіе граждане, по обстоятельствамъ своего воспитанія, говорящіе только пофранцузски.

Обозрѣвъ, такимъ образомъ, западъ, югъ и востокъ Россіи я долженъ заглянуть и на сѣверъ.

Крайній сѣверъ Россіи не представлятъ въ прошедшемъ году ничего особенно важнаго. Что въ Архангельской Губерніи плохъ былъ урожай и къ концу года господствовали тамъ почти голодь— объ этомъ было уже сказано, — Архангельская губернія разделяетъ въ этомъ отношеніи участь другихъ нашихъ губерній, имѣвшихъ тоже плохой урожай. Можетъ быть, только въ Архангельской Губерніи, вслѣдствіе отдаленности ея отъ хлѣбородныхъ губерній, дурныхъ путей сообщенія и недостатка заработковъ, послѣдствія неурожая еще болѣе ощутительны, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ, имѣвшихъ такой же точно дурной урожай.

То же самое надобно сказать и о сѣверо-восточной и внутренней Финляндіи. Въ прибрежныхъ частяхъ Финляндіи голодь менѣе ощутительна, потому что сюда успѣли еще сдѣлать кое-какой подвозъ хлѣба извнутри Россіи и изъ-за гравяды.

Для Финляндіи прошедшій годъ представляетъ еще ту особенность, гораздо болѣе рѣдкую и можетъ быть гораздо болѣе для нея важную, чѣмъ плохой урожай хлѣба, что въ прошедшемъ году здѣсь имѣлъ свое собраніе, второй въ теченіе двухъ послѣднихъ царствованій, народный сеймъ.

Такъ-какъ подробности этого сейма, по всей вѣроятности, мало могутъ интересовать большинство моихъ читателей, то я скажу только, что сеймъ продолжался нѣсколько мѣсяцевъ и окончился мирно, безъ такихъ недоразумѣній, чтобы члены его разошлись безъ надежды, въ непродолжительномъ времени, собраться снова.

Менѣе счастливы были въ этомъ отношеніи нѣкоторые изъ нашихъ земскихъ собраній, и особенно петербургское.

Такъ-какъ на петербургское земское собраніе, вѣроятно, устремлено было вниманіе всѣхъ провинціальныхъ земскихъ собраній и вообще всѣхъ людей, интересующихся земскимъ дѣломъ, то я останавливаюсь на немъ нѣсколько долѣе.

Второе губернское земское собраніе Петербургской Губерніи открыто было въ прошедшемъ году 3 января. Мѣстный губернаторъ, графъ Левашовъ, открывая собраніе, въ своей рѣчи къ гг. гласнымъ, между прочимъ, сказалъ: «хозяйственныя нужды губерній, которыя составляютъ исключительный предметъ вашихъ занятій, представляютъ вамъ широкое поприще, на которомъ вы можете оправдать довѣріе царское... Вручая вамъ попеченіе (о благосостояніи общества), правительство никакъ не могло снять съ себя того попеченія, которое принадлежитъ ему на основаніи закона, и потому оно вправѣ ожидать, что вы въ теченіе вашихъ занятій никакъ не отступите отъ тѣхъ законоположеній, которыя предложены вамъ въ уложеніи».

На это предсѣдатель собранія тотчасъ же отвѣтилъ, что занятія собранія такъ сложны, вопросы хозяйственные такъ переплетены съ разными другими вопросами, что касаясь однихъ изъ нихъ, собраніе, можетъ быть иногда навольно, должно будетъ коснуться и другихъ, но что собраніе постарается остаться въ начертанныхъ ему рамкахъ.

Къ сожалѣнію всѣхъ, кому дорого земское дѣло, эти надежды не оправдались.

Въ засѣданіе 16 января, совершенно неожиданно для собранія, явился снова начальникъ губерніи и объявлялъ, что онъ прибылъ объявить собранію высочайшее повелѣніе, что Государь Императоръ, принявъ во вниманіе, что с.-петербургское земское собраніе съ самаго открытія своихъ засѣданій дѣйствуетъ несогласно съ закономъ и, вмѣсто того, чтобы, подобно земскимъ собраніямъ другихъ губерній, пользоваться высочайшедарованными ему правами для дѣйствительнаго попеченія о вѣранныхъ ему мѣстныхъ земско-хозяйственныхъ интересахъ, непрерывно обнаруживаетъ стремленіе неточнымъ изъясненіемъ дѣлъ и неправильнымъ толкованіемъ закона, возбуждать чувства недовѣрія и неуваженія къ правительству, высочайше повелѣть соизвоилъ: 1) закрыть и распустить нынѣшнее с.-петербургское земское собраніе; 2) закрыть въ Петербургской Губерніи губернскую и уѣздныя управы; 3) приостановить въ С.-Петербургской Губерніи, впредь до дальнѣйшаго повелѣнія, дѣйствіе положенія о земскихъ учрежденіяхъ, 1 января 1864 года, и дополнительныхъ къ нему узаконеній; 4) всѣ дѣла и суммы управъ передать въ завѣдываніе тѣмъ установленіямъ, которыя ими завѣдывали до введенія въ дѣйствіе земскихъ учрежденій; 5) внесенные въ губернское собраніе отчетъ и докладъ губернской управы, отъ 3 января, передать на разсмотрѣніе и законное постановленіе 1-го Департамента Правительствующаго Сената.—Ваше сіятельство, заключилъ начальникъ губерніи, обращаясь къ предсѣдателю собранія, объявляя засѣданіе закрытымъ и передавъ вамъ это высочайшее повелѣніе, я покорнѣйше прошу немедленно привести его въ исполненіе».

Это закрытіе и распущеніе петербургскаго земскаго собранія и особенно приостановленіе, для Петербургской Губерніи, дѣйствія положенія о земскихъ учрежденіяхъ произвело сильное впечатлѣніе на всю остальную русскую публику и отчасти, кажется, даже на заграничную. Явились мрачныя опасенія за судьбу земскаго дѣла вообще, несмотря даже на одобреніе дѣятельности земскихъ собраній другихъ губерній, высказанное въ томъ же самомъ высочайшемъ повелѣніи, которое распускало петербургское земское собраніе и приостанавливало здѣсь дѣйствіе положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Эти мрачныя опасенія, къ счастью, оказались преувеличенными, и въ томъ же самомъ году, въ іюль мѣсяцѣ, обнародованъ былъ указъ, которымъ приостановленіе для петербургской губерніи дѣйствія положенія о земскихъ учрежденіяхъ было снято.

Затѣмъ, въ продолженіе всего года, закрыто было еще, если я не ошибаюсь, только одно земское собраніе — екатеринославское, потому, какъ объясняетъ одинъ корреспондентъ «Моск. Вѣд.», что мѣстный губернаторъ призналъ незаконнымъ

выборъ предсѣдателя управы. Но это, конечно, далеко не то же, что совершенное приостановленіе земской дѣятельности.

Но какъ ни важно было дѣло о чрезвычайномъ закрытіи и распущеніи с.-петербургскаго земскаго собранія, во всякомъ случаѣ это было только дѣло частное, мѣстное, особеннаго вліянія на ходъ земскаго дѣла во всей Россіи имѣть оно не могло. Въ этомъ отношеніи гораздо важнѣе, конечно, такіа мѣры, которыя касаются земскаго дѣла вообще. Важнѣйшею изъ такихъ мѣръ за прошедшій годъ надобно считать законъ 13-го іюня, которымъ отчеты о засѣданіяхъ сословныхъ и земскихъ собраній дозволяется печатать «не иначе, какъ съ разрѣшенія мѣстнаго губернскаго начальства». Послѣ этого разомъ прекратились въ газетахъ почти всякія извѣстія о дѣятельности нашего земства по всей Россіи; если иногда эти извѣстія и появлялись еще, то они были кратки, отрывочны и случайны. Одна изъ статей «Сѣверной Почты» объясняетъ этотъ законъ не какъ ограниченіе гласности въ дѣлахъ земства, а напротивъ, какъ расширеніе ея, потому что существовавшая прежде гласность относительно засѣданій земскихъ собраній не имѣла своего законнаго основанія, и только была терпима, теперь же дается законное право для этой гласности. Но этому, очевидно, противорѣчатъ тотъ фактъ, что со времени изданія этого закона, публика стала меньше знать о томъ, что происходитъ въ земскихъ собраніяхъ. Впрочемъ, если наше земство захочетъ и счумѣетъ должнымъ образомъ воспользоваться дарованными ему правами и исполнять возлагаемыя на него обязанности относительно печатанія своихъ отчетовъ и распоряженій, то читающая публика не будетъ лишена возможности получать свѣдѣнія о дѣятельности земскихъ собраній и ихъ управъ, хотя и не свѣжія и, можетъ быть, не во всей ихъ полнотѣ.

Къ числу правительственныхъ мѣръ, которыми въ прошедшемъ году сильно и долго занималось почти все наше образованное общество, должно отнести еще законъ о новой монетѣ, вопросъ о пересмотрѣ тарифа и о продажѣ Николаевской (Московско-Петербургской) желѣзной дороги.

Въ первой половинѣ прошедшаго года изданъ былъ законъ, повелѣвавшій чеканить мелкую серебряную монету (5, 10, 15 и 20-ти копѣечную) на 50%, то-есть, на половину, ниже нарицательной ея цѣны, «въ видахъ отстраненія переплава разнѣрной серебряной монеты на вздѣлія и вывоза ея за границу». До трехъ рублей пріемъ этой монеты по нарицательной ея цѣнѣ обязательенъ для всѣхъ частныхъ лицъ, а свыше этой суммы вслѣдъ имѣетъ право принимать ее уже по договору. Но казначейства должны принимать ее въ какомъ угодно количествѣ по нарицательной цѣнѣ. Такой монеты отчеканено и выпущено на первый разъ на 6.000.000 рублей. Вслѣдъ за выпускомъ этой монеты въ обращеніе, ея чрезвычайно много появилось въ Петербургѣ; прежніе тяжело сверстия мѣдной монеты въ двадцать, пятьдесятъ и даже сто ко-

нѣвъ почти совсѣмъ вышли изъ употребленія. Мелкое серебро получалось (и получается) въ Петербургѣ очень дешево. Новый двугривенный вездѣ берутъ за двугривенный и не было еще слышно жалобъ, чтобы кто нибудь при полученіи этого серебра, требовалъ какой бы то ни было надбавки. Такимъ образомъ, предсказанія пессимистовъ, противниковъ выпуска такой монеты, повидимому, не оправдались. Но въ газетахъ заявлено было, что нѣкоторые архангельскіе купцы при продажѣ хлѣба требуютъ себѣ уплаты серебряною монетою стараго чекана. Вѣроятно, они находятъ практическую разницу между монетою дѣйствительнаго ея достоинства и монетою на половину номинальною.

Изданъ также указъ о чеканѣ новой мѣдной монеты по 50 руб. на пудъ, вмѣсто 32 руб., какъ было прежде — для удобства въ обращеніи. Но монеты этой въ обращеніи въ прошедшемъ году еще не было.

Что касается тарифа и продажи Николаевской желѣзной дороги, то оба эти вопроса въ прошедшемъ году были только подняты, но ни тотъ, ни другой изъ нихъ не былъ приведенъ къ своему окончанію, и не видно даже, въ какомъ смыслѣ они будутъ разрѣшены.

Департаментъ таможенныхъ сборовъ обнародовалъ записку о пересмотрѣ тарифа на ввозимые товары. Записка эта составлена была болѣе въ смыслѣ пониженія пошлинъ. На нее тотчасъ же появились сильныя возраженія, особенно со стороны тѣхъ, для которыхъ наливъъ заграничныхъ произведеній по пониженнымъ цѣнамъ былъ бы убыточенъ. Составилась особая комиссия для разсмотрѣнія этой записки и всего тарифа; русскіе купцы и фабриканты тоже приглашены были прислать въ нее свѣдѣнія предствителей. Въ средѣ тѣхъ, которыхъ этотъ вопросъ касался, повидимому, особенно близко, завязались горячія прерія. Въ газетахъ заявлено было, что даже фабричные подали министру финансовъ записку или просьбу, съ тысячами подписей, о поддержкѣ русскаго фабричнаго производства. Печатные органы гласности, — которые, кажется, должны бы были отнестись къ этому вопросу болѣе съ идеальной, съ высшей точки зрѣнія, — съ точки зрѣнія всеобщихъ интересовъ — раздѣлились тоже на двѣ партіи, и въ то время, какъ одни изъ нихъ проецировали и рекомендовали измѣненіе тарифа болѣе въ смыслѣ свободной торговли, другіе старались удержать настоящую систему или даже еще болѣе усилить ее. Молчала во всѣмъ этомъ горячемъ спорѣ только одна сторона — масса потребителей, тысячи и миллионы людей, принужденныхъ покупать грубые и дурные товары по дорогой цѣнѣ.

Слухи о продажѣ или сдачѣ въ аренду Николаевской (язанской) желѣзной дороги носились еще въ 1866 году. Наконецъ, въ среднѣи прошедшаго года, издавъ указъ о продажѣ ея «для образованія особаго денежнаго фонда, предназначеннаго исключительно на довершеніе нашихъ желѣзныхъ дорогъ.» Ука-

занъ былъ и самый способъ продажи, но этотъ способъ, почему-то, не удался. Явилось вѣскольکو другихъ проектовъ и предложеній какъ продать, такъ и купить эту дорогу. Являлись покупатели англійскіе, французскіе, нѣмецкіе и американскіе и сѣшаннныя; къ концу года явилось, наконецъ, и вѣскольکو русскіхъ покупателей. Предложенія всѣхъ ихъ были, повиданому, сѣмни блестящія, какъ говорится, одно блестящѣе другаго, а другія блестящѣе одного. Но дорога все-таки осталась непроданною и поѣзды на ней продолжали попрежнему опаздывать дѣльми часами, даже дѣльми пятнами и чуть не десятками часовъ, несмотря на то, что это самая главная и лучшая наша дорога.

Въ прошедшемъ году было заявлено также о продажѣ казенныхъ горныхъ заводовъ. Но вопросъ этотъ перешелъ въ настоящій годъ уже совсѣмъ неравработаннымъ, по крайней-мѣрѣ, со стороны частныхъ лицъ, такъ-какъ и частныя лица, конечно, должны будутъ принять въ немъ свое участіе. Горные заводы приносятъ казнѣ мало выгодъ, но служащія на нихъ посмотреть на эту продажу, по всебъ вѣроятности, такъ же, какъ наши бушцы, заводчики и фабриканты смотрять на пониженіе ввознаго тарифа.

Еще двѣ изъ важнѣйшихъ правительственныхъ мѣръ того же года: въ ноябрѣ мѣсяцѣ введенъ въ исполненіе законъ о нотаріатѣ и открытъ новый судебный округъ (харьковскій).

О значеніи послѣдней изъ этихъ мѣръ говорить нечего — она говоритъ сама за себя, за нее говорить то, въ высшей степени живое участіе, которое въ теченіе всего прошедшаго года принимали рѣшительно всѣ классы нашего общества: въ дѣятельности новыхъ судовъ петербургскаго и московскаго судебныхныхъ округовъ.

Что касается учрежденія конторъ нотаріусовъ, то чрезъ это значительно облегчится и ускорится заключеніе частныхъ формальныхъ сдѣлокъ и крѣпостныхъ актовъ разнаго рода. Благодѣянія этого учрежденія успѣли уже связаться и въ кратковременный періодъ его существованія. Люди, имѣвшіе дѣла съ прежними, такъ-называемыми, «крѣпостными столами» при гражданскихъ палатахъ, удивляются скорости, простотѣ и даже относительной дешевизнѣ происходящей здѣсь процедуры. Конторы нотаріусовъ открыты пока только въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ введены въ дѣйствіе новыя судебныя уставы; вмѣстѣ съ этимъ открыты тамъ и «крѣпостные столы».

Теперь перейду къ дѣятельности общественной.

Здѣсь на первомъ мѣстѣ должна стоять, конечно, московская этнографическая выставка — не столько сама по себѣ, сколько по соединенному съ нею приѣзду славянъ.

Московское общество любителей естествознанія еще въ 1865 году задумало устроить въ Москвѣ такую выставку, гдѣ бы въ манекенахъ изображены были всѣ народныя типы русскаго государства, со всею домашнею обстановкою каждаго типа (одежда, жилища, утварь, орудія промысловъ и производства и т. д.) и

со всѣми внѣшними проявленіями его частной жизни (игры, обряды, церемоніи и т. п., тоже въ группахъ и матеріальныхъ формахъ). Выставка эта, первая въ этомъ родѣ въ Россіи, была открыта въ Москвѣ въ апрѣлѣ прошедшаго года, почти одновременно съ парижскою всемірною выставкою, и удалась, кажется, какъ нельзя лучше. Если судить о числѣ бывшихъ на ней посѣтителей по числу проданныхъ входныхъ билетовъ, то ихъ было 83,048 человекъ. Но цифру эту, противъ дѣйствительнаго числа посѣтителей, конечно, надобно значительно увеличить. Устройство выставки обошлось въ 40,865 руб.; но доходъ съ нея (за входные билеты) покрылъ всѣ издержки, даже съ избыткомъ (45,513 руб.).

Въ выставкѣ этой приняла дѣятельное участіе и отрасль славянскаго племени, живущая внѣ предѣловъ Россіи, и прислала на нее свои группы, со всѣми ихъ принадлежностями (многія изъ этихъ группъ оказались несравненно лучше, изящнѣе и осмысленнѣе русскихъ). Нѣкоторые изъ знаменитѣйшихъ общественныхъ дѣятелей славянъ явились на выставку лично. И тогда-то, въ Петербургѣ, Москвѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ, куда эти славяне заѣзжали, начались въ честь ихъ безчисленные и шумныя празднества и самыя горячія, съ обѣихъ сторонъ, заявленія своего племеннаго родства, взаимной братской любви и стремленій къ объединенію. Въ исторіи славянскаго племени это была первая братская встрѣча въ Россіи представителей почти всѣхъ его отраслей.

Жаль только, что этотъ союзъ братства, эти восторженные заявленія чувствъ любви кончились, съ русской стороны, грустнымъ эпилогомъ, вовсе несвидѣтельствующемъ объ особенной взаимной братской любви и даже терпимости между самими русскими.

Одинъ профессоръ харьковскаго университета высказалъ съ кафедры, съ точки зрѣнія международнаго права, свое маленькое несогласіе съ тѣмъ, что говорилось во время пріѣзда славянъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Въ отвѣтъ на это, изъ Москвы тотчасъ же раздался голосъ обвиненія — въ измѣнѣ!

Кромѣ славянъ, были у насъ въ прошедшемъ году и другіе рѣдкіе гости.

Изъ нихъ шумнѣе всего были встрѣчены американцы (американская эскадра, съ знаменитымъ адмираломъ Фаррагуттомъ, ѣздившимъ на парижскую всемірную выставку). Встрѣча эта, конечно, не можетъ равняться своею торжественностію съ той, которая ознаменована была американцами въ 1866 году; но встрѣча прошедшаго года была, такъ сказать, дружественнѣе — въ 1866 году наше петербургское и московское общество только начало свое знакомство съ американцами; а въ прошедшемъ году оно встрѣчало уже старыхъ друзей. Выраженіе: «наши за-атлантическіе друзья», вошедшее у насъ въ употребленіе прежде, въ прошедшемъ году сдѣлалось всеобщимъ, виѣсть съ

другимъ выраженіемъ: «славянскіе братья». Но какъ все модное Петербургу обыкновенно скоро наскучиваетъ, такъ и оба эти выраженія вскорѣ потеряли свое серьёзное значеніе. «Славянскихъ братьевъ» одинъ драматургъ, впрочемъ, съ своей драмой провалившійся, осмѣялъ даже со сцены!

Что касается до «за-атлантическихъ друзей», то въ словахъ этихъ, дѣйствительно, много страннаго. Въ самомъ дѣлѣ, какіе же мы друзья сѣверо-американцамъ, а они — намъ? Что у насъ съ ними общаго въ нашемъ характерѣ, въ нашей общественной и частной дѣятельности? Доказательствъ на это приводить, кажется, не нужно — они извѣстны каждому. И такіе ли особенные друзья намъ американцы, какъ это кажется? Какъ частные люди, и люди, вообще говоря, очень образованные, они, конечно, не питаютъ къ намъ вражды; по всей вѣроятности, они питаютъ къ намъ даже человѣческое чувство расположенія, такъ же точно, какъ должны питать къ намъ это чувство и всѣ образованные люди другихъ націй. Нѣмцы, англичане, французы, итальянцы, какъ частные люди, не враги русскимъ, и они, конечно, желаютъ намъ всякаго добра, какъ и мы желаемъ его имъ. Только люди, непережившіе еще степени животнаго развитія, способны питать, ни съ того, ни съ сего, враждебнаго расположенія другъ къ другу или не прощать оскорбленій. Другое дѣло — отношенія національныя и государственныя. Въ этомъ отношеніи мы не имѣли съ американцами столкновеній, и только; до дружбы здѣсь еще далеко. Россія уступила Соединеннымъ Штатамъ, за дорогую или дешевую цѣну — неизвѣстно, свои сѣверо-американскія владѣнія; американцы были этимъ, кажется, очень довольны. Но они были бы, вѣроятно, еще болѣе довольны, еслибы русская область досталась имъ даромъ. Извѣстно, что заявлено было въ вашингтонскомъ конгрессѣ по поводу покупки у Даніи острова св. Томы — «пусть знаетъ весь міръ, что мы не нуждаемся въ покупкѣ земель!» Правда, это было сказано послѣ того, какъ островъ св. Томы, вслѣдъ за покупкою его, сильно пострадалъ отъ наводненія и землетрясенія, и, слѣдовательно, значительно потерялъ въ своей цѣнности: но, во всякомъ случаѣ, это свидѣтельствуетъ о томъ, что у американцевъ въ государственныхъ дѣлахъ чувства дружбы не стоятъ на первомъ планѣ.

Впрочемъ, я вдаюсь уже въ политику, а это не моя область. Добавлю только, что если американцы станутъ посѣщать насъ слишкомъ часто, то наша пламенная дружба къ нимъ немедленно охладѣетъ, ибо... ибо, какъ я уже сказалъ, что же между нами и ими общаго?

Пріѣзжали еще къ намъ въ прошедшемъ году японцы. Но къ нимъ мы были совершенно равнодушны. Японцы и китайцы потеряли уже свой интересъ вездѣ; и ни у насъ, ни въ Европѣ за ними не бѣгаютъ уже толпы народа, потому что только вѣдь и интереснаго въ нихъ, что странное для европейскаго глаза во-

отомы. А къ рѣчать, тостамъ и изліаніямъ чувствъ любви и дружбы способны они, вѣроятно, на европейской землѣ, столько же, какъ — рыби!

Я не знаю, причислять ли къ числу рѣдкихъ гостей, посѣтившихъ Россію въ прошедшемъ году, туркестанскую депутацію, потому что депутація эта была въ Россіи не въ гостяхъ, а у себя же дома, тавъ-какъ и Ташкентъ, и Ходжентъ, и Джизагъ теперь не что иное, какъ только уѣздные русскіе города (Ташкентъ нѣсколько выше), въ родѣ Торжа или Чухломы. Во всякомъ случаѣ, туркестанскіе депутаты приняты были въ обычныхъ столицахъ, какъ рѣдкіе гости.

Россію посѣтили въ прошедшемъ году также два иностранныхъ наслѣдныхъ принца — датскій и итальянскій, и король Греціи. Ихъ привѣтствовало русское общество съ тѣмъ почтеніемъ, съ какимъ оно привыкло относиться къ особамъ высочайшихъ иностранныхъ фамалій.

Возвращаюсь къ проявленіямъ общественной дѣятельности.

Кромѣ общества любителей естествознанія, въ прошедшемъ году заявило о своей особенной дѣятельности еще одно петербургское общество — «собраніе сельскихъ хозяевъ». Оно устроило съѣздъ представителей разныхъ нашихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, «съ цѣлю обсужденія мѣръ, какія могутъ быть приняты для развитія въ Россіи сельско-хозяйственнаго образованія и распространенія у насъ сельско-хозяйственнаго знанія». Въ виду того жалкаго положенія, въ какомъ находится у насъ сельское хозяйство, и той нужды и бѣдности, которую вслѣдствіе этого терпитъ масса нашего народа, вопросъ объ улучшеніи нашего сельскаго хозяйства представляетъ, конечно, чрезвычайную важность. Съѣздъ высказался, «съ замѣчательнымъ единодушіемъ, за неотлагательную надобность принятія энергическихъ мѣръ къ распространенію сельско-хозяйственнаго образованія и сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній», и постановилъ: «представить стенографическій отчетъ о засѣданіяхъ на благоусмотрѣніе министра государственныхъ имуществъ, а также министра народнаго просвѣщенія (такъ-какъ въ засѣданіяхъ, между прочимъ, было замечено о необходимости распространенія сельско-хозяйственнаго образованія и посредствомъ общихъ школъ), и просить министерство государственныхъ имуществъ, не признаетъ ли оно возможнымъ, въ случаѣ возникновенія въ немъ предположеній относительно разсмотрѣнія вопроса о сельско-хозяйственномъ образованіи, пригласить къ участию въ совѣщаніяхъ и сельскихъ хозяевъ». Правда, положительныхъ результатовъ для нашего сельскаго хозяйства не видно еще изъ всего этого почти ничего; но тавъ-какъ въ съѣздѣ этомъ принимали участіе и депутаты отъ министерства государственныхъ имуществъ, то можно надѣяться, что желанія и взгляды съѣзда не будутъ слишкомъ разнитись отъ взглядовъ на тотъ же самый предметъ министерства, и «энергическія мѣры» для улучшенія сельскаго хозяйства будутъ

дѣйствительно приняты. Другія наши «общества» продолжали свою прежнюю, болѣе или менѣе благотворную, дѣятельность; но они не заявили себя ничѣмъ изъ ряда выдающимся.

Къ прежнимъ «обществамъ» присоединилось въ прошедшемъ году нѣсколько новыхъ. Изъ нихъ первымъ, по солидности и объему его дѣятельности, надобно считать, находящееся подъ покровительствомъ Государыни Императрицы, «благотворительное общество попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ». Главную цѣль его составляетъ содѣйствіе, во время войны, военной администраціи въ уходѣ за раненными и больными воинами, и доставленіе имъ врачебныхъ и вслѣхъ другихъ пособій. Общество это принимаетъ въ свои члены лицъ обоаго пола и всѣхъ званий и состояній. Во время войны оно будетъ принимать свою дѣятельность къ другимъ такимъ же обществамъ, давно уже существующимъ въ Европѣ.

Потомъ, благотворительное общество при церкви Обуховской больницы, въ Петербургѣ, находящееся подъ покровительствомъ великой княгини Маріи Ѳеодоровны. Оно имѣетъ свою цѣлю: «разслѣдованіе и удовлетвореніе нуждъ и потребностей больныхъ недостаточнаго состоянія, пользующихъ въ Обуховской больницѣ, отстраненіе отъ нихъ тяжелыхъ заботъ объ участи оставленныхъ ими семействъ, которыя общество принимаетъ на свое попеченіе, и, наконецъ, доставленіе выздоравливающимъ, по выходѣ изъ больницы, одежды, пищи и пріюта на первое время, и средствъ къ пропитанію впослѣдствіи».

Надобно замѣтить, что Обуховская больница считаетъ ежегодно бывающихъ въ ней больныхъ тысячами, и потому можно опасаться, что поставленная обществомъ программа его дѣятельности будетъ для него слишкомъ широка. Но общество быстро развивается—менѣе чѣмъ въ три мѣсяца оно имѣло уже 204 члена и болѣе 3.000 р. капитала.

Въ Москвѣ и въ другихъ городахъ устроилось нѣсколько другихъ благотворительныхъ обществъ.

Если я не ошибаюсь, въ прошедшемъ же году образовалось въ Петербургѣ «Историческое общество», подъ покровительствомъ Наслѣдника Цесаревича; цѣль его: собирать, обработывать и распространять въ Россіи матеріалы и документы, касающіеся русской исторіи.

Учреждено также нѣсколько финансовыхъ и торговыхъ обществъ и общественныхъ банковъ. Такихъ банковъ образовалось въ прошедшемъ году, въ разныхъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, 23. Въ самомъ концѣ года имѣли свое первое собраніе члены общества для содѣйствія русской промышленности и торговли.

Завылось въ прошедшемъ году: «Товарищество приобрѣтенія имѣній въ западномъ крайѣ», второе 5 милліон. пособіе отъ правительства передало обществу «взаимнаго посемельнаго

кредита», и едва успѣвшее въ томъ же году открыться «Русское страховое отъ огня общество».

Особенно живая дѣятельность проявилась у насъ гъ прошедшемъ году по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. Постройкою ихъ занимались: правительство, частныя общества и земство разныхъ губерній. Въ теченіе года были окончены и открыты слѣдующія дороги и участки: по линіи московско-курской желѣзной дороги—отъ Серпухова до Тулы для товарныхъ и пассажирскихъ поѣздовъ, и до Курска только для товарныхъ поѣздовъ; по линіи балтско-харьковской—отъ Балты до Ольвіополя, а на дальнѣйшемъ протяженіи окончена, но не открыта до Елисаветграда; отъ Рязска до Моршанска; отъ Козлова до Воронежа (эта дорога строилась особенно быстро—начатая въ іюнѣ, она въ декабрѣ была уже открыта); отъ станціи Раздѣльной до Тирасполя (вѣтвь одесско-балтской дороги) и отъ Александрова до Пехочиновъ (вѣтвь варшавско-бромбергской дороги); окончена, но не открыта, отъ Ельца до Грязской станціи. Кромѣ того, производились дѣятельныя послѣдованія и подготовительныя работы для нѣсколькихъ новыхъ дорогъ и вѣтвей, и продолжались уже начатыя дороги.

Все это были дѣла добрыя и благія, по крайней-мѣрѣ непротивныя законамъ ни божескимъ, ни человѣческимъ; все это были *дѣла*—творчество, создаваніе или, по крайней-мѣрѣ, передѣлываніе; но я долженъ наконецъ сказать и о дѣлахъ отрицательнаго достоинства—о разныхъ разрушеніяхъ и нарушеніяхъ и воздаяніяхъ за это, о враждѣ, ссорахъ и спорахъ, о паденіяхъ, исчаженіяхъ, смерти... Печальная необходимость! Но что же дѣлать, были въ прошедшемъ году дѣла и такого рода, нѣкоторыя изъ нихъ были даже очень громки.

Прежде всего я долженъ сказать здѣсь о разрушеніи нашихъ надеждъ перепоголять англичанъ своимъ сибирско-американскимъ телеграфомъ! О телеграфѣ этомъ было столько говорено и писано! столько на него трудовъ и денегъ потрачено! наконецъ, онъ такъ было быстро, хорошо и безпрепятственно пошелъ впередъ, что долженъ былъ открыть свои дѣйствія даже въ концѣ прошедшаго года! То-то полетѣли бы тогда изъ Петербурга, Москвы и Шуй телеграммы гъ нашимъ «за-атлантическимъ друзьямъ!» Начались бы поздравленія—сначала съ благополучнымъ окончаніемъ дѣла; потомъ—съ новымъ годомъ; затѣмъ—съ разными развестіями: со днемъ ангела, со днемъ рожденія, съ благополучнымъ разрѣшеніемъ супруги; словомъ, всякія дружбы не было бы и конца, даже особенно замѣчательныя карточные ходы стали бы телеграфироваться. И вдругъ эти «за-атлантическіе друзья» выѣхали! Намли *немыслимы* для себя дальнѣйшую постройку телеграфной линіи, прекратили ее и ѣдутъ, даже не на особомъ, экстренномъ кораблѣ, а на обыкновенныхъ четвероногихъ ямчакъ, чтобы объявить, что они

немного ошиблись въ расчетѣ и желали бы въ второй съ нашей стороны уступки или надбавки. Хороши друзья!

Какъ бы то ни было, и по чьей бы винѣ ни было — можетъ быть, на сторонѣ американцевъ дѣйствительно встрѣтились слишкомъ большія затрудненія, но только постройка сибирско-американскаго телеграфа прекратилась, и если послѣ измѣненія условій договора, не начнется снова, то 4.500,000 р. (??) русскихъ денегъ пропали даромъ.

За сямъ слѣдуютъ равныя другія дѣла разрушенія и нарушенія. Я разумѣю преступленія и судебныя процессы.

Громкихъ судебныхъ процессовъ было въ прошедшемъ году очень много. Я укажу только на болѣе замѣчательныя изъ нихъ и такія, которыми общество долго занималось. Въ подробности вдаваться не буду и отсылаю за этимъ читателя къ «Судебному Вѣстнику». Это процессы:

Чиновника *Протопопова*, по обвиненію въ нанесеніи удара своему начальнику. Самаго факта преступленія нитѣ не оспаривалъ, но адвокатъ утверждалъ и экспертъ подтверждалъ, что Протопоповъ подверженъ періодическому умопомѣшательству, и присяжные признали Протопопова невиновнымъ. Прокуроръ окружнаго суда, принесъ было, по распоряженію прокурора судебной палаты, протестъ въ кассационный департаментъ сената; но сенатъ оставилъ протестъ этотъ безъ послѣдствій. Впрочемъ, какъ впоследствии было заявлено въ томъ же самомъ судѣ, Протопоповъ административнымъ порядкомъ удаленъ изъ Петербурга.

Харьковскихъ *поддѣлывателей серій* и московскихъ поддѣлывателей лотерейныхъ билетовъ внутренняго займа. Особенно много шуму надѣлалъ первый процессъ, такъ-какъ въ немъ главными участниками были лица, занимавшія высокое общественное положеніе, и потому еще, что во время производства слѣдствій произошло нѣсколько таинственныхъ исторій. Одинъ изъ участниковъ преступленія умеръ, какъ полагаютъ, отъ отравы; другой — повѣсился въ острогѣ; третій — застрѣлился; судебный слѣдователь по этому дѣлу (Лещинскій), вслѣдъ за переходомъ въ другую губернію, скоропостижно умеръ; наконецъ, домадчикъ по этому дѣлу въ харьковской уголовной палатѣ, тотчасъ послѣ доклада, оставилъ должность и выѣхалъ изъ Харькова. Дѣло это собственно не прошедшаго года; но въ прошедшемъ году оно докладывалось въ сенатѣ и затѣмъ перешло въ государственныя свѣдѣ.

Купца *Мазурина* и студента *Данилова* — убійцы (въ Москвѣ).

Дворянскаго семейства *Умещиха* (въ Каширѣ). Несовершеннолѣтняя дочь Умещихъ обманулась въ молодогъ родительскаго дома. Но изъ процесса открылось, что она вызвана была на это зарварскимъ обращеніемъ съ ней отца и матери и систематическимъ преслѣдованіемъ ея. Судъ оправдалъ дочь и присудилъ мать къ шестимѣсячному тюремному заключенію и, вмѣстѣ съ мужемъ, въ монастырскому покаянію. Многіе находили, что судъ отнесся

слишкомъ снисходительно въ отношеніи безчеловѣчннмъ родителямъ и недостаточно защитилъ отъ нихъ ихъ дочь.

Протоіерея *Борисоглѣбскаго* (въ Петербургѣ, у мир. судьи и въ мир. съѣздѣ), по обвиненію протоіерея Борисоглѣбскаго въ оскорбленіи женщины словами. Дѣло это замѣчательно особенно тѣмъ, что здѣсь поднятъ былъ и рѣшено въ вопросѣ о подсудности духовныхъ лицъ, по обвиненіямъ подобнаго рода, общими судамъ. Мировой судья приговорилъ протоіерея Борисоглѣбскаго къ мѣсячному аресту; но мировой съѣздъ передалъ дѣло въ духовную консисторію.

Петербургскихъ *письмоносцевъ* (20 человекъ), скрывавшихъ конверты и похищавшихъ изъ нихъ деньги и разныя квитанціи на получение денегъ и вещей.

Содержателя типографіи *Куполь-Яснопольскаго* — противъ старшаго инспектора типографіи генерал-майора *Чебыкина* (въ округ. судѣ и сенатѣ). Чтобы узнать вѣсь находящагося въ типографіи шрифта, генерал-майоръ Чебыкинъ ссыпалъ всѣ шрифты въ кучу, и тѣмъ повредилъ ихъ и приостановилъ въ типографіи работу. Процессъ этотъ замѣчательнъ тѣмъ, что г. Чебыкинъ исполнилъ свою обязанность; но судъ, тѣмъ не менѣе, призналъ, что чиновникъ, при исполненіи своихъ обязанностей, не долженъ употреблять такихъ мѣръ, которыя могутъ вредить частнымъ интересамъ.

Контр-адмирала *Арбузова* (у мир. суд. и въ мир. съѣздѣ). Обратилъ на себя общее вниманіе чрезвычайною курьезностію прошенія или отъѣва, поданнаго контр-адмираломъ Арбузовымъ въ мировой съѣздъ. Въ немъ контр-адмиралъ Арбузовъ обвинялъ мирowego судью, между прочимъ, въ «какомъ-то непонятномъ энгилемѣ!»

Бывшаго судебного слѣдователя *Ошмина* (во Владимирѣ). Замѣчательнъ тѣмъ, что докладъ по этому дѣлу продолжался 5 дней, и самое «дѣло» состоитъ изъ 55 томовъ!

Замѣчательны также процессы: князя Мещерскаго, Морозова, Мазурной (оба съ московской полиціей); данковскихъ крестьянъ; Лебле и генерала Казакова (у миров. суд.), Эллерсъ и графа Стенбокъ-Ферморъ (гражданскія) и др.

Къ настоящему году (?), предшественникъ его подготовилъ тоже нѣсколько уголовныхъ процессовъ. Открыты или совершены въ прошедшемъ году слѣдующія преступленія, надѣлавшія много шуму:

Такъ-называемое, *убійство въ Гусовомъ переулкѣ*, въ Петербургѣ, гдѣ жертвами были всѣ находившіеся въ домѣ (4 человека).

Дѣло о *поддѣлкѣ* счетныхъ книгъ — извѣстнаго редактора И. *Арсентьева*.

Дѣло бывшаго владимирскаго губернскаго предводителя дворянства *Огарева*, о растратѣ имъ 80,000 р. (?) общественныхъ денегъ.

Такъ-называемое, *шассельское* дѣло, о двадцатилѣтнемъ (?) пребываніи сестры г-жи Шассель у нея въ заключеніи (?). При открытіи своемъ, эта исторія страшно возмутила весь Петербургъ; но потомъ она какъ-то замаялась: сестра г-жи Шлегель, Дюбергъ, уже умерла, не придя къ человѣческому сознанію. И наконецъ—

Чрезвычайно грандіозно-гурьбаное дѣло о *покрамѣ* предсѣдателемъ нижегородской казенной палаты и солоникъ приставомъ 1.458,104 пудовъ казенной соли (на 782,000 руб.) и казеннаго желѣза — 56,000 (пудовъ или на сумму руб.?). Число всѣхъ прикосновенныхъ къ этому дѣлу лицъ простирается до 600, которыхъ сдѣлано уже 2,000 допросовъ, при чемъ исписано 14.000 листовъ бумаги!

Такъ-называемые, литературные процессы слѣдовало бы перечислить всѣ, но ихъ было въ прошедшемъ году такъ много, и они разсѣяны по столькимъ судамъ и судьямъ, что всѣ ихъ собрать оказалось невозможно. Къ процессамъ этого рода принято вездѣ относиться съ какимъ-то особеннымъ вниманіемъ и уваженіемъ, даже съ нѣкоторою симпатіею къ преслѣдуемымъ здѣсь жертвамъ. Но нѣкоторые изъ нашихъ литературныхъ процессовъ прошедшаго года такого рода, что если и всѣ литературные процессы сдѣлаются подобны имъ, то тогда литературные процессы немногимъ будутъ отличаться отъ гражданскихъ и уголовныхъ процессовъ самаго низшаго разбора — процессовъ «кулаковъ» и уличныхъ мазуриковъ.

Процессы г. Ильи *Арсеньева*, редактора-издателя «Петербургской Газеты» (прежде «Петербургскаго Листка»), г-жи *Мессарошъ* — издательницы журнала «Женскій Вѣстникъ», и г. *Юркевича-Литвинова* — редактора-издателя газеты «Народный Голосъ» — по многочисленности ихъ, должны занимать первое мѣсто. Но сколько было этихъ процессовъ, гдѣ они производились и изъ-за чего каждый — я не могу сказать, и увѣренъ, что и сами заинтересованныя въ нихъ лица затруднятся отвѣчать на это.

Г-жа Мессарошъ не имѣла, собственно говоря, ни одного литературнаго процесса. Она жаловалась на своего типографщика, на своего конторщика, на своего комиссіонера, жаловалась на лицъ, неимѣвшихъ къ ея журналу никакого отношенія, она жаловалась даже на одного литератора, что онъ скрываетъ отъ нея мѣсто своего жителства! И все-таки ея процессы считались въ числѣ литературныхъ и тѣ засѣданія судовъ, гдѣ они производились, посѣщались многими литераторами, ожидавшими встрѣтить тамъ, въ самомъ дѣлѣ, что-нибудь относящееся къ литературѣ.

Такого же точно характера были и всѣ «литературные» процессы г. Ильи *Арсеньева*, за исключеніемъ, кажется, только одного, гдѣ онъ явился какъ редакторъ, а ходатай по дѣламъ г. *Земгородскій*, какъ авторъ одного крайне-грубаго и дѣлаго пасквиля на должностныхъ лицъ окружнаго суда.

Такого же точно, чисто-денежнаго и кляузнаго характера, были

и процесси г. Юрловича-Литвинова. За одну изъ своихъ статей, съ заглавіемъ «Дождались», написанную по поводу даннаго «Народному Голосу» перваго предостереженія и напоминавшую извѣстныя рекламы Александра Кача, онъ имѣлъ дѣло въ окружномъ судѣ и судебной палатѣ.

Г. *Стелловскій* имѣлъ нѣсколько процессовъ о правахъ изданія чужихъ сочиненій.

Такой же точно процессъ былъ въ Москвѣ относительно «Русскихъ Вѣдомостей».

Редакторъ «Сына Отеч.» г. *Старчевскій* — имѣлъ процессъ о перепечаткѣ имъ, такъ-называемыхъ, «Сценъ у миров. суд.» (Г. Старчевскій не хотѣлъ видѣть въ произведеніяхъ этого рода литературнаго труда).

Возникли двѣ жалобы: первая генерала *Симборскаго* на г. *Корша*, редак. «С.-Пет. Вѣд.», за неправильную, будто бы, передачу «С.-Пет. Вѣд.» процесса г. Симборскаго (у мир. суд.) и отказъ напечатать, оскорбительное для редактора «С.-Пет. Вѣд.», письмо г. Симборскаго; вторая — г. *Корша* на г. *Артоболевскаго*, редак. «Гласнаго Суда», за оскорбленіе личности въ печати.

Даже г. *Аскоченскій* имѣлъ литературный процессъ (у мир. суд., въ миров. сѣздѣ и въ окруж. судѣ), за оскорбленіе въ своемъ журналѣ личности.

Собственно же литературныхъ процессовъ, имѣющихъ для литературы серьезное значеніе, было, мнѣ кажется, только два — издателя-книгопродавца *Гайдебурова* и отставнаго полковника *Соколова*. Оба они напечатали и представили въ цензуру: первый — переводъ книги Вундта «о Душѣ», второй свое собственное сочиненіе; подъ заглавіемъ «Отщепенцы». Въ книгѣ Вундта (во второмъ томѣ) цензура нашла мѣста, подлежащія духовной цензурѣ, и за то, что Гайдебуровъ напечаталъ эти мѣста, не представивъ ихъ предварительно, въ рукописи или корректурныхъ листахъ, духовной цензурѣ, предала его уголовному преслѣдованію. Обвинительный приговоръ суда былъ сенатомъ кассированъ. — Въ «Отщепенцахъ» цензура нашла мысли и сужденія, противныя закону, и авторъ приговоренъ къ заключенію, на 1 годъ и 4 мѣсяца, въ тюрьмѣ. Надобно замѣтить, что оба эти сочиненія не были еще выпущены въ свѣтъ.

Послѣ литературныхъ процессовъ, переходъ къ литературной дѣятельности за прошедшій годъ в административнымъ предостереженіямъ періодическимъ изданіямъ былъ бы, кажется, самый естественный, но я не совсѣмъ еще вончиль съ процессами вообще. Именно, мнѣ слѣдуетъ указать на нѣкоторыя, выдающіяся изъ ряда обыкновенныхъ, наказанія за обыкновенныя уголовныя преступленія.

Сколько мнѣ извѣстно изъ газетъ, въ прошедшемъ году приговорены были къ наказанію *пятьми дозе*, бѣжавшіе съ ваторги и совершившіе другія преступленія; изъ нихъ надъ однимъ

приговоръ былъ исполненъ (во Владимирѣ), надъ другимъ (въ Москвѣ)—неизвѣстно.

Присуждены къ смертной казни шестнадцать человекъ. Изъ нихъ:

Въ Воронежѣ—1, кандидатъ на военнаго коновала или фельдшера,—разстрѣлянъ.

Въ Рязани—2, за разбой,—разстрѣляны.

Въ Нижнемъ Новгородѣ—1, младшій капралъ, за то, что бросилъ зрителю гауптвахты камень въ голову,—приговоренъ къ разстрѣлянію (приведенъ ли приговоръ въ исполненіе—неизвѣстно. Изъ процесса преступникъ оказывается какимъ-то мистикомъ и полупомѣшаннымъ).

Въ Одессѣ—1, солдатъ, за сорваніе погоновъ съ офицера,—приговоренъ къ разстрѣлянію.

Въ Восточной Сибири—1, за то, что бросился на своего ротнаго командира, съ намѣреніемъ нанести ему побой,—тоже приговоренъ къ разстрѣлянію.

Въ Красноярскѣ—3, бѣглецы арестанты, за грабежъ и разбой,—разстрѣляны.

На Кавказѣ—5, за разбой,—повѣшены.

Наконецъ, въ послѣдней половинѣ декабря, въ Саратовѣ—2, военный дезертиръ Богословскій и уволенный изъ духовнаго званія Сергіевскій,—за убійство съ грабежемъ,—разстрѣляны.

Въ видѣ заключенія къ этому, считаю нелишнимъ привести слѣдующую выдержку изъ одной саратовской корреспонденціи: «Останавливаюсь на одномъ вопросѣ: дѣйствительно ли правосудіе и безопасность общества требовали смерти этихъ (саратовскихъ) преступниковъ? Вотъ вопросъ, котораго не могъ не задать себѣ каждый. Во время суда надъ преступниками, продолжавшагося четверо сутокъ, мы съ полнымъ вниманіемъ, на сколько это было возможно, слѣдили за ходомъ процесса и вынесли то убѣжденіе, что совершонное ими преступленіе достаточно наказывается положеннымъ въ уголовномъ законѣ наказаніемъ, вполне удовлетворяющимъ идеѣ правосудія и обезпечивающимъ общество. Извѣстно, что судебныя уставы 20 ноября 1864 года допускаютъ военный судъ, для лицъ не военныхъ, только въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, а мы, мирные обитатели Саратовской Губерніи, состоимъ, благодаря Бога, на обыкновенномъ положеніи».

Настаетъ, наконецъ, очередь заняться нашими собственными, въ нѣкоторомъ отношеніи, личными дѣлами за прошедшій годъ—нашею литературною дѣятельностію! Спрямность не позволяла мнѣ отвести этому отдѣлу болѣе високаго мѣста, но, повистнѣ могу сказать, онъ заслуживалъ того, ибо наша литературная дѣятельность въ прошедшемъ году процвѣтала—какъ никогда! Развѣ только одна эпоха «Смѣха смѣловича», «Горя», «Весельчача» и др. можетъ носестязаться въ этомъ съ прошедшимъ годомъ. 1867 годъ можетъ быть записанъ въ лѣтописяхъ русской журна-

лестники золотыми буквами! Въ теченіе его явилось новыхъ періодическихъ изданій болѣе 17, легко сказать! Правда, нѣкоторые изъ нихъ въ томъ же самомъ году и исчезли, но это свидѣтельствуешь только... о равнодушіи къ нимъ публики? Нѣтъ! Скорѣе можетъ быть о чрезмѣрныхъ постороннихъ занятіяхъ гг. редакторовъ.

Въ теченіе прошедшаго года явились слѣдующіе новыя журналы и газеты: «Всемирный Трудъ», д-ра Хана; «Всемирный Путешественникъ», г. Ильина; «Досугъ и Дѣло», г. Погоесскаго; «Книжныя Новости»; «Недѣля», изд. г. Генкеля; «Русскій Базаръ», его же (съ литературными прибавленіями); «Москва», г. Аксакова; «Москвичъ»; «Петербургская Газета», г. Ил. Арсеньева; «Народный Голосъ», г. Юркевича-Литвинова «Русскій Ремесленникъ»; «Другъ Народа» (въ Кіевѣ); «Мірское Слово»; «Типографическій Журналъ» и одна французская газета.

Явились и сами собою исчезли или, по крайней-мѣрѣ, къ концу года не выходили: «Музыка и Театръ», г. Сѣрова; «Русской», г. Погодина, впрочемъ, кажется воскресающей, и «Московская Газета».

Къ числу періодическихъ изданій, считавшихся въ 1867 году новыми, можно также присоединить и «Дѣло», г. Шульгина; «Литературную Библиотеку», г. Богусевича; «Женскій Вѣстникъ», г. и г-жи Мессарошъ; «Гласный Судъ», г. Артоболевскаго; «Коммиссіонера» и «Всеобщую Газету», начавшіе выходить въ концѣ 1866 года. Изъ нихъ, къ концу 1867 года, исчезли: «Коммиссіонеръ» и «Всеобщая Газета». Изъ болѣе старыхъ изданій перестали выходить: «Книжный Вѣстникъ», «Антрактъ» и «Журналъ Мин. Юстиціи».

Но мнѣ кажется, что эти давныя еще далеко неполны. — О чемъ всѣ эти изданія говорили и перестали говорить, чего они желали, къ чему стремились, какія идеи проповѣдывали—объ этомъ «предоставлю судить читателямъ!» Лучшія между ними были, кажется, «Москва» и «Всемирный Путешественникъ».

Изъ произведеній ума и фантазіи человѣческой, помѣщенныхъ во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ въ теченіе всего прошедшаго года, обратили на себя всеобщее вниманіе и заставляли о себѣ долго говорить, мнѣ кажется, только: «Дымъ», романъ И. С.-Тургенева, «Повѣтріе», повѣсть г. Авенаріуса и вышеупомянутое... не знаю, какъ назвать, произведеніе г. Звенигородскаго. Послѣдній по своему неслыханному и во всей русской печати небывалому безобразію.

Особенно замѣчательныхъ книгъ и брошюръ не явилось, по обыкновенію, никакихъ. Мнѣ могутъ указать на сочиненія: Спенсера, Уэвела, Бена, Юманса, Вентама, Диксона; но, увы! это только переводы. Впрочемъ, для читающей публики это все равно.

Изъ пьесъ, явившихся на сценѣ, заставляли о себѣ долго говорить: «Смерть Іоанна Грознаго», трагедія гр. А. Толстаго; «Виноватая», комедія г. Потѣхина; «Подруга жизни», комедія Фролова (къ самому концу года); «Опричникъ» и «Ледяной домъ», г. Да-

жечникова; затѣмъ: «Демократическій подвигъ», г-жи Сабиновой и «Расточитель», г. Стебницаго.

На русской оперной сценѣ появилась единственная новая русская пьеса «Гроза», г. Кашперова. Либретто передѣлано г. Островскимъ изъ его же знаменитой «Грозы».

За симъ, мнѣ приходится говорить о самомъ щекотливомъ и чувствительномъ предметѣ для всѣхъ господъ редакторовъ и издателей—о предостереженіяхъ.

Прежде всего, впрочемъ, слѣдуетъ сказать, что самое начало года, первый день его ознаменовался появленіемъ газетъ, находившихся подъ временнымъ запрещеніемъ. По особому высочайшему повелѣнію, предостереженія съ нихъ, а равно и со всѣхъ другихъ газетъ, 31 декабря, были сняты. Затѣмъ, въ теченіе года получили: «Москва» — 6 предостереженій и изданіе ея было два раза, на нѣсколько мѣсяцевъ, приостановлено; «Народный Голосъ» — 3 и былъ приостановленъ; «Голосъ» — 2; «С.-Петерб. Вѣд.», «Петербургскій Листокъ» и «Биржевыя Вѣдомости» — по одному предостереженію.

Рискуя утомить большинство читателей, а все-таки рѣшаюсь поговорить объ этомъ предметѣ подолѣе. Я хотѣлъ бы собрать здѣсь текстъ всѣхъ этихъ предостереженій, если не *in extenso*, то хоть въ сокращеніяхъ. Я думаю оказать этимъ услугу всѣмъ нашимъ редакторамъ и издателямъ, такъ-какъ имъ особенно нужно знать, чего они должны избѣгать въ своихъ изданіяхъ.

Газета «Москва» получила: *Первое* предостереженіе (17 январ.) за рѣзкія сужденія о существующихъ у насъ отношеніяхъ между церковью и правительствомъ и за допущеніе неумѣстныхъ отзывовъ о такихъ распоряженіяхъ и сношеніяхъ высшихъ духовныхъ и гражданскихъ властей, о которыхъ редакція означенной газеты могли быть сообщены только частныя, неполныя или невѣрныя извѣстія.—*Второе* (20 февр.) за то, что, обсуждая распоряженіе мѣстной полиціи, основанное на предписаніи высшаго правительства, о мѣрахъ взыскаія съ содержателей гостиницъ за несоблюденіе ими полицейскихъ правилъ о проискѣ паспортовъ, называетъ эти мѣры вредными и произвольными, и обращая свои нареканія на полицію, упускаетъ изъ виду, что принятіе означенныхъ мѣръ исходитъ отъ высшей власти, предоставившей примѣненіе оныхъ главному столичному начальству лишь въ случаѣ несомнѣнной въ томъ надобности, и что подобное неточное и одностороннее толкованіе временныхъ административныхъ распоряженій можетъ колебать общественное довѣріе къ правительственной власти.—*Третье* (26 марта) и на 3 мѣсяца приостановлена—за порицаніе правительственныхъ мѣръ взыскаія, которымъ подверглись лфляндская евангелическо-лютеранская консисторія и чисторъ пробствъ Дейбнеръ; за то, что вышеупомянутыя мѣры взыскаія порицаются, подъ видомъ желанія общедной свободы борьбы между православіемъ и протестан-

тизмомъ, хотя это желаніе не соотвѣтствуетъ всѣмъ дѣйствующимъ, относительно православной церкви въ имперіи, узаконеніямъ и противорѣчитъ всему содержанию статей газеты «Москвы»; за то, что подвѣдомственность гражданской цензурѣ временнаго изданія при рижской семинаріи печатающаго статьи на туземныхъ нарѣчіяхъ, превратно и съ явнымъ умысломъ, называется подчиненіемъ православнаго архіерея протестантской цензурѣ; за то, что, вообще въ направленіи газеты «Москва», несмотря на объявленныя ей два предостереженія, постоянно обнаруживается стремленіе порицать дѣйствія правительства и, наконецъ, за нарушение закона о печати, воспреещающаго возбуждать вражду въ одной части населенія государства противъ другой, или въ одномъ сословіи противъ другого.

Во вторую серію. *Первое* (4 іюля) за оказаніе неуваженія къ правительственному распоряженію о приостановленіи («Москвы»), а равно и къ закону, въ силу котораго оно послѣдовало, и чтобы для пользы самой періодической печати водворить въ ней увѣренность, что главное управленіе по дѣламъ печати и впредь намѣрено твердо охранять силу и достоинство закона. *Второе* (22 ноября) за возбужденіе чувствъ недовѣрія и неуваженія къ правительству, составляющее отличительный характеръ нѣкоторыхъ статей и корреспонденцій, и за направленное къ возбужденію страстей и общественнаго неудовольствія сопоставленіе нѣкоторыхъ тарифныхъ статей о привозимыхъ изъ-за границы сѣбствныхъ припасахъ, очевидно неизмѣющихъ никакого отношенія къ продовольственнымъ нуждамъ рабочаго населенія, съ преувеличеннымъ изображеніемъ этихъ нуждъ по случаю бывшаго въ нѣкоторыхъ губерніяхъ неурожаа. — *Третье* (29 ноября) и на 4 мѣсяца приостановлена—за то, что по поводу объявленнаго этой газетѣ предостереженія, редація дозволяетъ себѣ обращаться, въ неприличныхъ выраженіяхъ, къ распоряженіямъ правительственной власти и тѣмъ обнаруживаетъ упорство въ томъ же направленіи, которое неоднократно навлекало на это изданіе мѣры взысканія.

Газета «Народный Голосъ» получила: *Первое* предостереженіе (28 январ.) за допущеніе (въ статьѣ о финляндскомъ сеймѣ) неумѣстныхъ и раздражительныхъ сужденій, клонящихся къ возбужденію вражды въ одной части населенія государства противъ другой, и при томъ въ выраженіяхъ, которыя не могутъ быть терпимы при обсужденіи предметовъ государственной важности.

Второе (17 февр.) за неприличныя по формѣ и несогласныя съ истиною сужденія о значеніи и дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ правительственныхъ учреждений (въ статьяхъ «Народ. Гол.» по поводу заграничныхъ извѣстій о циркулярномъ распоряженіи французскаго почтоваго вѣдомства), кромѣ того, за грубость и голословныя обвиненія всей нашей администраціи и за стремленіе, подъ личиною благонамѣренности, колебать довѣріе и уваженіе къ существующимъ у насъ установленіямъ.

Третье (16 июня) и приостановлена на 4 мѣсяца—за оскорбленіе православнаго духовенства и подъ видомъ обсужденія вопроса о развитіи экономическаго быта въ Россіи высказываніе предосудительныхъ отзывовъ о дѣйствіяхъ правительства, и за то, что послѣ двухъ предостереженій не перестаетъ обнаруживать прежнее вредное направленіе, выражающееся въ стремленіи колебать довѣріе и уваженіе къ существующимъ у насъ установленіямъ.

Газета «Голось» получила: *Первое* предостереженіе (21 октябр.) за неоднократное нарушеніе въ передовыхъ статьяхъ всѣхъ приличій при обсужденіи вопросовъ современной политики; *Второе* (1 ноября)—за предосудительное направленіе.

Газета «Петербургскій Листокъ»—*Первое* предостереженіе (4 январ.) за возбужденіе одного класса общества противъ другаго (въ статьѣ «Наша прислуга» и въ стихотвореніи).

Газета «С.-Петербургскія Вѣдомости»—*Первое* предостереженіе (2 марта), за враждебное сопоставленіе (въ статьѣ «Нѣсколько словъ по поводу нападокъ на земство и земскія учрежденія») земскихъ учрежденій съ правительственными властями и голословное обвиненіе этихъ властей въ произволъ, или въ несоблюденіе закона и за положительное обнаруженіе того самаго направленія, которое, въ 1866 году, уже было поводомъ къ объявленію «Спбург. Вѣд.» двухъ предостереженій.

Наконецъ, газета «Баржевья Вѣдомости»—*первое* предостереженіе (6 сентября)—за то, что редакция означенной газеты, рѣзкимъ порицаніемъ правительственныхъ распоряженій, по части финансоваго управленія, постоянно стремится колебать общественное къ нимъ довѣріе и сверхъ того, что помѣщаемы въ этой газетѣ передовыя статьи, о текущимъ государственнымъ гопрсамъ, неумѣренностію и рѣзкостію сужденій неоднократно уже обращали на себя вниманіе главнаго управленія по дѣламъ печати.

Я рекомендовалъ бы гг. редакторамъ и издателямъ нашихъ періодическихъ изданій вочаще пробѣгать эту страничку. Бережного Бога бережетъ!

Еще нѣсколько словъ о пожертвованіяхъ, некрологахъ, съѣздѣ естествоиспытателей, и я кончу.

Прошедшій годъ былъ особенно счастливъ пожертвованіями на пользу просвѣщенія. Самыя значительныя изъ нихъ, можно сказать, необыкновенно огромныя, были сдѣланы г. Дулудакъ и преосв. Макаріемъ. Первый отказалъ, по духовному завѣщанію, 200,000 р. с., на воспитаніе и обученіе бѣдныхъ молодыхъ людей Θεодосіевскаго уѣзда въ гимназіи и университетѣ; второй пожертвовалъ 120,000 р. с., съ тѣмъ, чтобы послѣ его смерти, пять процентовъ съ этого капитала, выдавалась ежегодно премія, поочередно, за ученныя духовныя и свѣтскія сочиненія. Затѣмъ, докторъ мед. Ф. Я. Аделунгъ оставилъ, по завѣщанію, 64.500 р. на содержаніе въ медико-хирургической академіи 11-ти стипендіатовъ его имени (скончался въ 1866 г., но о пожертвованіи

его сообщено академіи въ прошедшемъ году); генерал-майоръ Дуровъ оставилъ, тоже по завѣщанію, 29.000 р. на сельскія школы; преосв. ваччатскій Иннокентій пожертвовалъ 3.000 р. на воспитаніе дѣтей духовнаго званія. Было еще и нѣсколько другихъ значительныхъ пожертвованій, но именъ жертвователей я не могу теперь припомнить.

Въ прошедшемъ году скончался митрополитъ московскій Филаретъ, этотъ, по справедливости можно сказать, патриархъ между русскими архіереями, какъ по дѣламъ своимъ, такъ и по тому значенію, которымъ онъ пользовался въ средѣ духовенства. Но его знала и смотрѣла на него, какъ на свѣтило церкви, и рѣшительно вся Россія. По всей вѣроятности, его именемъ будутъ обозначать особую эпоху въ исторіи русской церкви.

Едва-ли много менѣе извѣстенъ былъ въ Россіи и Николаи Ивановичъ Гречъ, скончавшійся въ томъ же году. Его знаменитую грамматику, какъ и ватихизисъ пр. Филарета, изучало не одно поколѣніе. Онъ съ 1812 года издавалъ «Сына Отечества» и затѣмъ «Сѣверную Пчелу», которая превратилась, относительно говоря, только очень недавно, и во все время своего существованія имѣла много читателей. Преосв. Филаретъ умеръ на 84 году своей жизни, а Н. Ив. Гречъ на 81 году.

Такимъ же точно старцемъ, любимымъ и уважаемымъ всѣми знавшими его, скончался В. Н. Карповъ, этотъ «русскій философъ» и «русскій Платонъ», какъ обыкновенно называли его духовные, бывшій 34 года профессоромъ с.-петерб. духовн. академіи. Будучи строгимъ православнымъ христіаниномъ, онъ относился въ своихъ лекціяхъ съ необыкновенною терпимостью и съ равнымъ вниманіемъ ко всѣмъ возможнымъ философскимъ мнѣніямъ и системамъ, и самъ позволялъ, какъ себѣ, такъ и слушателямъ своимъ, христіански вѣрить въ одно, а философски думать, какъ угодно. Какъ писатель, онъ особенно извѣстенъ переводомъ сочиненій Платона.

Въ томъ же году скончались: академикъ Кемпцъ, профессора: Ауэрбахъ, Ершовъ, Бялярскій, Иллинскій, Чивилевъ—наставникъ государя наследника (сгорѣвшій при пожарѣ дворца въ Царскомъ Селѣ); Ф. Г. Толль—писатель и составитель «Настольнаго Словаря»; Бишоцъ—извѣстный всему петербургскому образованному обществу своими публичными лекціями англійскаго языка; изъ государственныхъ дѣятелей: членъ государственнаго совѣта Ѳ. И. Пранишниковъ, много лѣтъ управлявшій почтовымъ департаментомъ; графъ И. М. Толстой, первый министръ почтъ и телеграфовъ; тайный совѣтникъ А. М. Геденовъ, долго бывшій директоромъ императорскихъ театровъ; князь Д. Н. Долгорузіи, полномочный министръ при персидскомъ дворѣ; изъ среды купечества: С. Ѳ. Соловьевъ, заслужившій въ Петербургѣ общую признательность устройствомъ, на свой счетъ, прекраснаго общественнаго сада вкругъ румянцовскаго памятника, и нѣкоторые другіе, болѣе или менѣе извѣстные общественные дѣятели.

Переходомъ отъ минувшаго года къ настоящему послужилъ съѣздъ — первый въ Россіи — русскихъ естествоиспытателей въ С.-Петербургѣ. Онъ устроенъ былъ по инициативѣ настоящаго министра народнаго просвѣщенія и для того, чтобы «способствовать учебной и ученой дѣятельности на ипріищѣ естественныхъ наукъ, доставляя русскимъ естествоиспытателямъ случай лично знакомиться между собою». Первое общее засѣданіе было 28-го декабря, и было чрезвычайно многочисленно и одушевлено; все говорило здѣсь о томъ, что въ обществѣ нашемъ чувствуется сильная потребность въ изученіи и знаніи естественныхъ наукъ, повидимому, совсѣмъ теперь изгоняемыхъ изъ общеобразовательныхъ школъ. Второе засѣданіе...

По старинъ годъ кончилъ свою работу, оставивъ свое дорогое дѣло — интересъ къ естественнымъ наукамъ, своему преемнику.

Въ заключеніе, я долженъ просить у читателя извиненія въ тѣхъ опущеніяхъ и, можетъ быть, нѣкоторыхъ неточностяхъ, которыя могутъ найтись въ этомъ обзорѣ; по самому свойству работы, они были почти неизбежны.

ЗАПИСКИ МЕТАФИЗИКА.

I.

О НАСУЩНОМЪ ХЛѢБѢ.

Надежда на что-то новое, на что-то лучшее—какъ извѣстно—не погибаетъ насъ никогда. На что мы надѣмся, чего мы ждемъ, это вопросъ другаго рода; вся сила въ томъ, чтобы надѣяться и ждать; потому что надѣяться и ждать надо всегда. А главное—безъ этого нельзя. Слѣдовательно, надо надѣяться и ждать; тѣмъ болѣе, что это никому не запрещается, по той причинѣ, что, собственно говоря, запрещать этого не слѣдуетъ и еще потому, что этого запретить даже и нельзя. И такъ, будемъ надѣяться и ждать, ждать и надѣяться. А если не дождемся, тогда опять можно будетъ начать ждать и опять можно будетъ надѣяться.

Однако, на что жъ мы, въ самомъ дѣлѣ, надѣмся, и чего мы ждемъ? Да какъ это сказать? Каждый изъ насъ порознь, и всѣ мы вмѣстѣ болѣе или менѣе на что-нибудь да надѣмся, чегонибудь да ждемъ. Надежда — это самое любезное дѣло, а главное — безобидное. Тѣмъ она хороша, что этимъ дѣломъ могутъ заниматься тысячи и миллионы людей, и, между тѣмъ,

никто другъ другу не мѣшаетъ; тысячи и миллионы могутъ возлагать свои надежды на одинъ и тотъ же предметъ, и каждый будетъ надѣяться получить отъ него совсѣмъ не то, что другой, и всѣ будутъ довольны. Одинъ надѣется, что завтра будетъ дождь, и на этой надеждѣ основываетъ свои поступки; а другой надѣется, что завтра не будетъ дожда, и тоже на этомъ основываетъ свои поступки. Что можетъ быть безобиднѣе этого? Я надѣюсь прожить нынѣшній годъ благополучно, и на этомъ основаніи такъ и дѣла свои веду; а моя жена надѣется, что въ нынѣшнемъ году я непременно умру, и тоже же на этомъ основаніи ведетъ свои дѣла. И мы другъ другу не мѣшаемъ. Мало того, надежды могутъ быть самыя неосновательныя, ни съ чѣмъ несообразныя, или, наконецъ, просто могутъ быть основаны на какойнибудь нелѣпости, и, несмотря на то, ими все-таки можно жить, на основаніи ихъ можно строить всевозможные планы, заключать всякаго рода сдѣлки, брать подряды, приобретать и отчуждать движимую и недвижимую собственность, вступать въ бракъ и т. д.; однимъ словомъ, жить, прожить цѣлый вѣкъ, умереть и добрую память по себѣ оставить. И все это можно продѣлать во имя какойнибудь самой неосновательной, самой нелѣпой надежды. Въ крайнемъ случаѣ можно даже не имѣть своей собственной, и жить чужими надеждами. Наконецъ, есть совершенно безнадежные люди, которые, повидимому, ни на что ужъ больше не надѣются, и ничего не ждутъ; но и у нихъ есть надежда, и они тоже ждутъ: «авось Господь, наконецъ, смилуется надъ нами и приберетъ». И развѣ это не надежда? Совсѣмъ безъ надежды человѣку жить невозможно; хоть какую бы то ни было, хоть самую паршивую, а долженъ онъ имѣть непременно! Необходимость надѣяться и ждать до такой степени сильна, что даже существуютъ такіе сроки, дни такіе назначены, которые исключительно посвящаются надеждамъ: люди чему-то радуются, ходятъ въ гости, поздравляютъ другъ друга съ наступленіемъ дня, въ который на всѣхъ какъ будто налагается обязанность предаваться разнаго рода надеждамъ и ожиданіямъ.

Только не спрашивайте у всѣхъ этихъ людей — почему, на какомъ основаніи, по какому праву они такъ необузданно предаются своимъ надеждамъ; не спрашивайте у крестьянина, на какомъ основаніи онъ надѣется, что въ будущемъ году подать будетъ меньше, когда самъ онъ видитъ и знаетъ, что подати съ каждымъ годомъ увеличиваются; не спрашивайте у рыболова, на какомъ основаніи онъ надѣется, что въ будущемъ году рыба будетъ ловиться лучше, когда самъ онъ видитъ и знаетъ, что рыбы съ каждымъ годомъ становится все меньше и меньше; не спрашивайте у купца, почему онъ надѣется въ будущемъ году развиться, когда самъ онъ знаетъ и видитъ, что торговля съ каждымъ годомъ становится хуже. Не спрашивайте ихъ объ этомъ, потому что такими вопросами вы можете только огорчить

ихъ, но вразумить и отучить ихъ надѣяться вы не можете. Если же вамъ удастся доказать имъ всю неосновательность ихъ надеждъ, то они немедленно подыщутъ себѣ новаго, въ такомъ же родѣ, а можетъ быть, и хуже.

Какъ ни странно, какъ ни вслѣпо кажется все это, но тѣмъ не менѣе должно же быть, однако, хоть какое-нибудь разумное основаніе, хоть какой-нибудь поводъ, на которомъ держится вся эта фантазмагорія. Основаніе есть дѣйствительно, есть даже своего рода расчетъ. Какимъ образомъ люди привыкаютъ надѣяться и вѣрить своимъ надеждамъ, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Весной, въ началѣ каждаго года всѣ занимающіеся земледѣльемъ и сельскимъ хозяйствомъ, всѣ до одного, даже бабы, старики и старухи всѣ необходимо интересуются вопросомъ: какое будетъ лѣто—сухое или мокрое и каждый объ этомъ думаетъ. Но какъ рѣшить этого заранѣе они не могутъ, то и думаютъ различно: одни, то-есть одна половина всѣхъ земледѣльцевъ, на основаніи разныхъ тамъ своихъ соображеній и примѣтъ думаетъ—сухое; а другая половина, тоже на основаніи чего-нибудь думаетъ—мокрое. А такъ-какъ лѣто необходимо должно быть или сухое, или мокрое, то понятно, что надежда одной стороны необходимо должна осуществиться. Наступаетъ, положимъ, сухое лѣто; вотъ та сторона, которая думала, что лѣто будетъ сухое и думаетъ: наша правда вышла. И каждый начинаетъ думать про себя: что вотъ *моя* надежда меня не обманываетъ; стало быть *мои* примѣты, *мои* предчувствія—надежны. И вслѣдствіе этого каждый думающій такимъ образомъ приобретаетъ особаго рода увѣренность, которая поддерживаетъ и укрѣпляетъ въ немъ вѣру въ самого себя, вѣру въ то, что онъ носитъ въ самомъ себѣ какой-то *вѣщунъ*, который его не обманываетъ.

Потребность имѣть внутреннюю точку опоры до такой степени сильна, что онъ забываетъ въ это время, какъ этотъ самый вѣщунъ тысячу разъ его обманывалъ прежде. Все это ему прощается за то только, что онъ хоть одинъ разъ не обманулъ и доставилъ человѣку то внутреннее довольство, ту увѣренность въ самомъ себѣ, которою онъ дорожитъ больше всего. Не забудьте притомъ, что эта увѣренность не ограничивается предсказаніемъ погоды; она незамѣтно, но необходимо должна отражаться на всѣхъ дѣйствіяхъ человѣка; она производитъ болѣе или менѣе сильное вліяніе на расположеніе духа на энергію труда; однимъ словомъ, ею пронизывается весь человѣкъ.

Всѣя другія надежды имѣютъ такое же основаніе и всѣ онѣ находятся почти въ такой же зависимости отъ случая. Такимъ образомъ видно, что способность, извѣстная подъ именемъ надежды, несмотря на свою кажущуюся нелѣпность, все-таки имѣетъ смыслъ и даже можетъ быть объяснена на основаніи теоріи вѣроятностей; а слѣдовательно, и поступки, въ свѣзю очередь основанные

на надеждѣ, основываются на большей или меньшей вѣроятности успѣха: то-есть чѣмъ больше я вижу вѣроятностей, что такое-то дѣло удастся, тѣмъ больше я приобретаю права надеяться. Поэтому и самая надежда можетъ быть трехъ родовъ: совершенно неосновательная, болѣе или менѣе основательная и наконецъ, вполне основательная. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ она даже ужь перестаетъ быть надеждою и становится увѣренностию.

На этой теоріи основаны всѣ азартныя игры, на этой же самой теоріи постоянно вертятся всѣ наши соображенія, смѣты и предпріятія. Какъ ни рискована кажется жизнь, основанная на такомъ разсчетѣ, все-таки она была бы еще довольно вѣрно обезпечена, еслибы всегда можно было разсчитывать; но въ томъ-то и бѣда, что самый разсчетъ становится очень ненадежнымъ, благодаря тому, что во всѣхъ обстоятельствахъ нашей жизни мы необходимо должны имѣть въ виду безчисленное множество всякаго рода случайностей, которыхъ ни предвидѣть, ни предугадать нельзя. Понятно, что тамъ, гдѣ этихъ случайностей мало, или тамъ, гдѣ количество и качество ихъ хотя приблизительно можно опредѣлить заранее, тамъ и разсчетъ становится болѣе надежнымъ, люди приобретаютъ больше увѣренности въ своихъ дѣйствіяхъ, тамъ слѣдовательно и жизнь болѣе обезпечена. Но тамъ, гдѣ я не имѣю никакой возможности сколько нибудь основательно сообразить — какія случайности ожидаютъ меня и сколько ихъ хотя приблизительно, тамъ, конечно, разсчетъ невозможенъ и жизнь превращается въ рулетку. Если хотите, можно, пожалуй, и на случайности класть извѣстный процентъ, но это уже будетъ самый печальный разсчетъ, который почти равняется лотерейному. Миліонъ случайностей на одну вѣроятность — это все равно, что ничего. Человѣкъ, который приставилъ себѣ ко лбу заряженный пистолетъ и спускаетъ курокъ, тоже имѣетъ полное право разсчитывать на одну случайность — на осѣчку. Поэтому людямъ, нежелающимъ пользоваться такимъ правомъ, остается выбирать одно изъ двухъ: или объявить вѣчную и непримиримую войну всякаго рода случайностямъ и стараться покорить ихъ своей волѣ, или же бросить всякіе счеты и разсчеты, махнуть на все рукой и жить очерта голову.

Наша общественная жизнь не пошла ни по тому, ни по другому пути; какъ и всякая мѣщанская жизнь вообще, она довольно ловко сьумѣла вывернуться изъ затрудненія и пошла по третьему, по тому самому, который ровно далека какъ отъ той, такъ и отъ другой крайности и извѣстенъ подъ скромнымъ и въ то же время очень двусмысленнымъ названіемъ «практическаго», но по которому въ сущности очень удобно можно пройти и къ нашимъ и къ вашимъ. Эту скромную тропинку продолжила она себѣ сама, протоптала ее собственными козловыми башмаками, окопала канавками и посыпала песочкомъ. Какъ и всегда вообще средня величина, эта жизнь не заклю-

часть въ себѣ ничего своеобразнаго; главное отличительное ея свойство состоятъ въ томъ, что въ ней довольно удачно смѣшиваются элементы обѣихъ крайностей, изъ которыхъ она составлена: расчетъ и легкомысліе; но въ результатѣ никогда не получается ни того, ни другого въ чистомъ видѣ, а непременно — третье, то-есть или легкомысленный расчетъ, или расчетливое легкомысліе. Это какъ кому угодно, смотря по тому, чего больше подмѣшаете. Но какъ то, такъ и другое одинаково пошло. Пошлость — девизъ этой жизни, написанный на ея знамени.

Жить среди такой обстановки было бы, собственно говоря, невыносимо, еслибы опять-таки не случайности разнаго рода, по милости которыхъ хоть на время нарушается мертвое однообразие и скука, царствующія въ ней. Случайности эти, кромѣ того, производятъ еще другое, чисто-благодѣтельное дѣйствіе: онѣ всякій разъ непременно обнаруживаютъ какія-нибудь тщательно замаскированныя дыры, которыя въ обыкновенное время незамѣтны. Всякій разъ въ подобномъ случаѣ разыгрывается болѣе или менѣе крупный скандалъ, люди начинаютъ копошиться и дыру стараются заткнуть погрѣпче. Отъ этихъ затычекъ, граждане все-таки получаютъ нѣкоторую пользу; по крайней-мѣрѣ всѣмъ становится извѣстно, что вотъ-де на этомъ самомъ мѣстѣ была дыра, а нынѣ ее заткнули. Но за то въ такія минуты, тѣмъ болѣе, если сюрпризы посыплются въ изобиліи, именно въ такія минуты становятся особенно ощутительными непріятныя свойства барочнаго лѣса, изъ котораго сколочена эта жизнь: тутъ только оцѣниваются вполне, на сколько прочны ея грошоваыя удобства и въ какой мѣрѣ основательны ея расчеты. Къ числу такихъ сюрпризовъ относятся, между прочимъ, голодъ, пожары, наводненія, повальные болѣзни и другія общественныя бѣдствія.

Такъ-называемый «практическій» приемъ, основанный на житейской мудрости, имѣетъ то отличительное качество, что почти всѣ мѣропріятія, изобрѣтаемыя имъ, всегда бывають несвоевременны. Защитники этого приема обыкновенно наирають на то, что практическія мѣры вызываються насущными потребностями, и даже этимъ гордятся. Но я нахожу, что гордиться тутъ рѣшительно нечѣмъ. Забудьте: если практическая мѣра вызвана уже существующею потребностію, то не значить ли это, что мѣра является *послѣ* того, какъ потребность уже развилась и уже существуетъ. Не значить ли это, что мѣра обыкновенно запаздываетъ и является только по вызову, такъ-сказать, по принужденію? Впрочемъ, иначе оно и быть не можетъ. Въ основаніи пракческаго приема лежитъ одно чувство — осязаніе; изъ показаній этого чувства дѣлаются простѣйшіе выводы и затѣмъ уже принимаются мѣры: такъ напримѣръ, чувствую я, что мнѣ холодно, стало быть надо одѣться — я одѣваюсь; чувствую я, что мнѣ жарко, надо раздѣться — я раздѣваюсь; проголодался — надо ѣсть, надо пищу искать и т. д. Понятно, что привнвъ главнымъ образомъ за руководство такое недалновидное чувство,

практическій приемъ не долженъ претендовать на дальновидность, что вполне и подтверждается на опытѣ.

Что такое собственно голодъ? Что означаетъ это вліяніе?

Земледѣльческій классъ, какъ извѣстно, есть фундаментъ всякаго общественнаго строя; отъ прочности этого фундамента зависитъ, разумѣется, и прочность всего зданія. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что первѣйшею и священнѣйшею обязанностію всякаго общества должны быть неуныпныя заботы о томъ, чтобы земледѣльческій классъ былъ по возможности обезпеченъ отъ всякаго рода случайностей. Но если въ средѣ этого класса вдругъ и притомъ совершенно неожиданно оказывается недостатокъ въ такомъ предметѣ, который самъ по себѣ уже составляетъ самую существенную, самую насущную изъ всѣхъ насущныхъ потребностей и которая по настоящему должна быть во что бы то ни стало обезпечена заранѣе на много лѣтъ впередъ, такъ, чтобы объ ней и думать не надо было. Не значить ли это, что общество, считающее себя богатымъ и тѣкающее всѣмъ въ глаза своею практичностью, въ концѣ-концовъ оказывается ничуть не дальновиднѣе улитки, которая тоже умѣетъ найти себѣ пищу, когда почувствуетъ голодъ; а богатство его только призракъ, за которымъ стоитъ нищета.

Теперь попробуемъ перейти прямо къ существующей дѣйствительности и посмотримъ, на сколько она способна оправдывать возлагаемая на нее надежды.

Самый крупный фактъ, стоящій на рубежѣ между старымъ и новымъ годомъ, фактъ первой важности, по моему—голодъ. Первые признаки этого народнаго бѣдствія стали замѣчаться, какъ и всегда, съ наступленіемъ холодовъ; а въ настоящее время уже совершенно достовѣрно стало извѣстно, гдѣ, въ какомъ мѣстѣ и сколько именно душъ пятается древесною корою, гдѣ ѣдятъ соломѣ, и въ какой именно пропорціи къ этимъ строительнымъ матеріаламъ слѣдуетъ подмѣшивать муку для того, чтобы сдѣлать ихъ годными въ пищу человѣку. Въ Петербургѣ профессора химіи производятъ опыты надъ приготовленіемъ искусственнаго хлѣба, собираются комитеты, даже сторонніе посѣтители приглашаются попробовать хлѣбъ, взготовленный изъ отрубей съ исландскимъ мохомъ; кромѣ того, газеты съ своей стороны ввываютъ о помощи для голодающихъ, составляются подписки, разыгрываются лотереи и т. д.; однимъ словомъ, замѣчаются большія усилія заткнуть дыру. И все это было бы очень прекрасно, еслибы съвоею всю эту суету благотворительности не бросалась особенно неприятно въ глаза эта запоздалая поспѣшность и кокетливое желаніе поскорѣе подать помощь погибающимъ. Въ то же время чувствуется, что, ни въ этихъ подвигахъ, ни въ этой бѣготѣ, собственно говоря, не было бы ни малѣйшей надобности, еслибы сами благотворители хоть сколько-нибудь были способны къ серьезной борьбѣ со случайностями, среди которыхъ они живутъ и умираютъ. Эта неспособность проглядываетъ

довольно ясно даже и въ тѣхъ мѣропріятіяхъ, которыми надѣются, если не удовлетворить, то по крайней мѣрѣ заглушить назойливую потребность, такъ нагло предъявившую свои права.

Главную роль среди этихъ мѣропріятій играютъ въ настоящую минуту, какъ и прежде, какъ и всегда, подачки, извѣстныя подъ названіемъ «добровольныхъ приношеній», и лотерей. Относительно послѣдней надо замѣтить, что это такого рода штука, на которую довольно легко ловятся люди, лишеныя внутренней точки опоры и привышіе всю жизнь рассчитывать на то, что по самой природѣ вещей не поддается никакому расчету, то-есть на счастье, на предчувствіе, на случай и т. д. Стало быть, съ этой стороны учредители лотерей могутъ быть вполне благонадежны, потому что въ обществѣ во всякое время найдется достаточное число жадныхъ и недалекихъ людей, готовыхъ всегда польститься на возможность, ни за что, ни про что получить значительную сумму денегъ. Да и притомъ не было еще примѣра, чтобы лотерейные билеты не разбирались, сколько бы ихъ ни было, и какая бы ни была лотерея. Что же касается добровольныхъ приношеній, то это не такъ легко устроивается. Въ лотереѣ двигателемъ служитъ жадность и легкомысліе, и возбудить эти чувства, при извѣстныхъ условіяхъ, дѣйствительно, нетрудно; но для того, чтобы побудить человѣка на жертву, за которую возмездія не предвидится, нужно нѣкоторое искусство; тутъ ужъ требуется умѣнье расшевелить въ немъ чувство состраданія, растрогать, разжалобить ужающими картинками голода; или, наконецъ, смотря по надобности, задѣть самолюбіе, польстить... а для этого необходимо быть даже до нѣкоторой степени артистомъ.

И такія-то средства извѣстны подъ громкимъ именемъ «практическихъ мѣръ, вызываемыхъ насущною потребностію!» И еще есть люди, которые все это шарлатанство имѣютъ дерзость называть «святимъ дѣломъ!» Послѣ этого, если я выпрошу у кого нибудь лоскутъ сукна и сдѣлаю изъ него на штаны заплату, то я могу и это назвать святимъ дѣломъ. И подобныя штуки происходятъ въ странѣ, которая сама себя называетъ «земледѣльческою по преимуществу», и которая, можно сказать, только и дышетъ по милости земледѣлія!

Этого одного факта (крупнѣе котораго, впрочемъ, и трудно найти), кажется, вполне достаточно, чтобы показать, на сколько вѣрны и основательны расчеты, въ силу котораго сложились наши общественныя отношенія, и какую роль играетъ въ немъ случайность.

У петербургскихъ жителей, да, впрочемъ, и не у однихъ петербургскихъ, давно уже завелась привычка жаловаться и конючить, что жизнь съ каждымъ днемъ становится дороже, что ни у кого нѣтъ денегъ (куда это деньги дѣвались!), что жить нельзя и проч. Я говорю — «привычка», потому что собственно въ этихъ жалобахъ ничего нѣтъ, кромѣ застарѣлаго недоволь-

ства и неузнанна самому себѣ помочь. На всѣ эти причитанья о безденежьи ничего лучшаго не остается отвѣчать, какъ только: поищите; можете, и найдете. Притомъ же это вовсе не такъ трудно въ настоящее время, когда почти въ каждомъ домѣ есть вывѣска «друга человѣчества». Многіе, вѣроятно, примутъ это за насмѣшку, но тѣмъ не менѣе мнѣ кажется, что эманципація денежнаго роста — явленіе вполне нормальное въ текущемъ положеніи дѣлъ и вызвано насущною потребностію. Для того, чтобы это понять, нужно только вникнуть въ сущность причитаній. На что жалуются люди?

Недостатокъ денегъ есть только слѣдствіе, внутренній же смыслъ жалобъ таковъ: вотъ наступило время, когда самыя, повидимому, основательныя надежды перестаютъ осуществляться, самыя прочныя предпріятія лопаются, самыя солидныя фирмы разоряются; чего же ждать, на что надѣяться, за что схватиться? Въ такомъ видѣ жалоба, въ самомъ дѣлѣ, получаетъ смыслъ и стоитъ того, чтобы на нее отвѣчать. Время, переживаемое обществомъ, дѣйствительно критическое: прежнія точки опоры переищщаются или даже уничтожаются вовсе; люди, стоявшіе еще недавно на трехъ сваяхъ въ воздухоплаванію, конечно, растерялись; но случая перестройки зданія многіе остались безъ квартиры и должны выйти на улицу. При такомъ порядкѣ вещей безденежье и банкротство — дѣло самое натуральное, но жидовскіе проценты въ это время тоже самое натуральное дѣло. Въ такое время всегда найдутся люди, умѣющіе извлекать свои выгоды изъ затрудненій; въ которыхъ находится общество. Разоряющійся самъ долженъ знать заранее свою участь и долженъ приготовиться, ибо сказано: «гдѣ трупъ, тамъ соберутся и орлы». Но такъ-какъ орлы слишкомъ торопятся, а человѣкъ не любитъ, чтобы его заживо вклевали, поэтому онъ и жалуется.

До какой степени нормаленъ для настоящей минуты ростовщическій промыселъ, видно изъ того, что онъ сдѣлался почти исключительно и единственно надежнымъ дѣломъ въ послѣднее время. Люди, сколько-нибудь привыкшіе рассчитывать и соображаться съ обстоятельствами, теперь или совсѣмъ бросаютъ дѣла и пережидаютъ (кто можетъ), или же непремѣнно, такъ или иначе, прямо или косвенно участвуютъ въ охранительномъ союзѣ, составленномъ изъ ростовщиковъ столицы, и благодаря которому экономическій порядокъ еще сколько-нибудь возможенъ. Впрочемъ, въ короткое время этотъ охранительный союзъ разросся до такой степени и принялъ уже такіе угрожающіе размѣры, что даже вызвалъ противъ себя оппозицію въ образѣ большаго соединеннаго общества для выдачи ссудъ подъ залогъ движимостей, съ капиталомъ въ миллионъ рублей — другіе говорятъ, въ 8 миллионовъ.

Какъ бы то ни было, однако это все-таки показываетъ, что близокъ день, когда Петербургъ, проснувшись въ одно утро,

узнаеть, что онъ весь заложенъ по частямъ. Во избѣжаніе такой катастрофы и принимаются мѣры общественной безопасности. Но при этомъ не надо забывать слѣдующій необыкновенно интересный фактъ, а именно, что самыя мѣры въ нашемъ спасеніи принимаютъ ростовщики же, только новыя, болѣе разсчетливыя ростовщики, и стало быть не такія алчныя, какъ старыя, которыя насъ охраняють въ настоящую минуту.

Такой порядокъ вещей, разумѣется, долго продолжаться не можетъ. И это очень естественно: долго оставаться въ такомъ положеніи нельзя, такъ или иначе необходимо изъ него выйти. Каждый, конечно, старается изъ всякаго неприятнаго положенія выйти по возможности сухимъ и притомъ на сухое мѣсто. Но какъ это сдѣлать и гдѣ это сухое мѣсто, на которое можно выйти съ увѣренностію впередъ не замочиться? Кто это скажетъ?

Сказать, разумѣется, никто не скажетъ; притомъ же дѣло тутъ совсѣмъ и не въ этомъ. Говорено было столько, что кажется ужъ и говорить больше нечего; но поученія, какъ извѣстно, никогда на насъ очень не дѣйствовали, а съ тѣхъ поръ, какъ мы заразились практичностью, вызываемой насущными потребностями, такъ и вовсе перестали дѣйствовать. Подражательность считается отличительною чертою русскаго характера и прииѣръ, говорятъ, иногда дѣйствовалъ довольно удачно. Въ настоящее время, въ несчастіи, нѣтъ такого прииѣра, который могъ бы намъ быть полезенъ, нѣтъ такого образцоваго общества, на которое бы можно было сослаться и сказать: вотъ какъ живутъ люди.

Въ населеніи здѣшней столицы огромный процентъ, какъ извѣстно, составляютъ люди, чуждые намъ по національности и религіи, люди, которые, несмотря на вѣковое пребываніе свое у насъ, все-таки совершенно соединиться съ нами и не могутъ и не желаютъ. Про нихъ можно сказать, что въ строгомъ смыслѣ они живутъ отдѣльно. Цивилизація этихъ людей можетъ быть названа, пожалуй, нашею цивилизаціею, но и потому только развѣ, что мы у нихъ частію ее заимствовали. Но до какой степени мы разошлись съ ними въ понятіяхъ, нравахъ и привычкахъ—должно быть извѣстно каждому петербургскому жителю. Кромѣ того всему свѣту извѣстно, что нѣмцы—единственные въ мірѣ люди, у которыхъ умѣренность и аккуратность составляютъ почти что религіозный догматъ, а поэтому образцомъ порядка, разсчетливости и предусмотрительности выставляють обыкновенно нѣмца. Но несмотря на то, что этотъ единственный въ мірѣ образецъ постоянно у насъ передъ глазами, онъ на насъ ни сколько не дѣйствуетъ; мало того, прославленныя нѣмецкія качества постоянно у насъ подвергаются насмѣшкамъ. Нѣмца у насъ обыкновенно дразнятъ какими-то *плкками* и смѣются надъ отсутствиемъ нѣмца снимать пѣвки со всякой дряни. Въ этомъ остроуміи очень явно выражается рѣшительное нежеланіе слѣдовать прииѣру нѣмцевъ во частіи умѣренности и аккуратности. Почему это такъ—рѣшить очень трудно; впрочемъ, можно допустить одно предположеніе, а имен-

но: въ большинствѣ случаевъ при столкновеніи русскихъ съ нѣмцами, нѣмецъ почти всегда является эксплуататоромъ русскаго. Нѣмецъ сближается съ русскимъ только по дѣлу и только въ такомъ случаѣ, когда русскій ему нуженъ; причемъ нѣмецъ все-таки не упускаетъ случая показать ему свое превосходство. И русскій дѣйствительно видитъ это, но подражать ему не можетъ, потому что это превосходство состоитъ ни въ чемъ другомъ, какъ именно въ умѣннѣ эксплуатировать. Нѣмецъ гораздо ограниченнѣе и бездарнѣе русскаго, но онъ сильнѣе его, потому что знаетъ одинъ такой расчетъ, съ котораго никогда не сбивается и въ концѣ-концовъ всегда достигаетъ цѣли. На основаніи этого расчета почти всѣ самыя надежныя и самыя выгодныя занятія въ Петербургѣ находятся въ рукахъ нѣмцевъ; почти всѣ аптеки, должности главныхъ докторовъ въ больницахъ, всѣ болѣе или менѣе вліятельныя мѣста заняты нѣмцами; не говоря ужъ о торговлѣ и о ремеслахъ, въ которыхъ нѣмцы постоянные хозяева. Подражать нѣмцамъ въ ихъ гражданскихъ добродѣтеляхъ русскіе не могутъ, вѣроятно, и потому еще, что самыя приемы, употребляемые нѣмцами въ этомъ случаѣ, до такой степени чужды русскому характеру, что увлекаться ими нѣтъ никакой возможности. Да еще Богъ-знаетъ, нужно ли это. Вотъ два примѣра нѣмецкой предусмотрительности.

Въ концѣ прошлаго года, когда въ Финляндіи начался голодъ, супруга одного изъ здѣшнихъ пасторовъ обратилась къ нѣкоторымъ своимъ знакомымъ съ предложеніемъ присылать ей корни и объѣдки хлѣба; собравъ пуда два этихъ кусковъ, она высушила ихъ, смолола въ порошокъ, подбавила туда муки, напекла изъ этого хлѣбовъ и послала въ Финляндію. Послѣ того она стала уже обращаться въ трактиры, въ клубы и въ разныя казенныя заведенія съ тою же просьбою и такимъ образомъ значительно расширила кругъ своей полезной дѣятельности.

Другой примѣръ еще интереснѣе. Одинъ молодой нѣмецъ, находясь въ благородной компаніи, вынулъ порт-сигаръ и досталъ изъ него сигару; затѣмъ изъ другого кармана вынулъ маленькую веробочку, отрѣзалъ у сигары головку и спряталъ ее въ коробочку. Когда его спросили, затѣмъ онъ это дѣлаетъ и на что ему нужны сигарныя головки, то онъ отвѣчалъ, что одинъ пасторъ въ Г., въ одно воскресенье сказалъ проповѣдь; въ этой проповѣди онъ очень хорошо и очень много говорилъ о помощи бѣднымъ, и наконецъ посоветовалъ всѣмъ, кто куритъ сигары, собирать головки и приносить ему. Эти головки крошатъ, дѣлаютъ изъ этого папиросы, папиросы продаютъ и на эти деньги содержатъ въ богадельнѣ двухъ старушекъ-нѣмокъ.

Какъ ни похвальны цѣли, которыя имѣются въ виду въ этихъ двухъ случаяхъ, но все-таки нельзя не замѣтить, что самыя средства, которыми эти цѣли достигаются — все-таки не болѣе, какъ снятіе пѣнонь. Но этимъ-то нѣмецъ и силенъ, силенъ

тѣмъ, что онъ умѣетъ ихъ находить и снимать со всего, что не попадется ему подъ руку.

Для полноты характеристики нѣмецкаго образа дѣйствій, а больше для курьёза, я привожу здѣсь краткій очеркъ булочнаго дѣла въ Петербургѣ.

Всякому петербургскому жителю должно быть извѣстно, что этимъ дѣломъ, т.-е. хлѣбопеченіемъ занимаются исключительно нѣмцы. Только въ послѣднее время, и притомъ въ очень ограниченномъ числѣ, въ разныхъ концахъ города появились, такъ называемыя, «московскія пекарни», въ которыхъ, какъ хозяева, такъ и работанки — русскіе; но эти заведенія составляютъ какъ-бы особый промыслъ, имѣютъ свой кругъ покупателей и по малочисленности своей, во всякомъ случаѣ, конкурировать съ нѣмцами булочными не могутъ. Кромѣ того, въ большей части мелочныхъ лавочекъ пекутъ ржаной, ситный и крупчатый хлѣбъ; но и это дѣло опять таки особенное. Здѣсь я намѣренъ разсказать, какъ ведется, собственно, булочное дѣло. Для большей наглядности представьте себѣ, что я хочу сдѣлаться булочникомъ. Прежде всего, разумѣется, долженъ я отправиться въ цехъ и объявить о своемъ желаніи. Если я человекъ германскаго вѣи, по меньшей мѣрѣ фанскаго происхожденія, то дѣло мое уладится очень быстро: мнѣ дадутъ разрѣшеніе и даже укажутъ мѣсто, гдѣ я могу торговать, не мѣшая другимъ; но если я принадлежу къ славянской расѣ, то... я ужь и не знаю, получу ли разрѣшеніе. Одинъ случай былъ, точно, былъ одинъ случай, что русскій завелъ булочную и проработавъ въ ней одинъ мѣсяць, бросилъ, потому силъ никакихъ нѣтъ. Но какъ бы то ни было, представьте себѣ, что разрѣшеніе это я получилъ, началъ магазинъ, надо рабочихъ нанимать. Откуда же я ихъ возьму? Поразспросивъ свѣдущихъ людей узнаю я, что есть въ Петербургѣ какіе-то два клуба, одинъ нѣмецкій, другой русскій, въ которыхъ булочники нанимаютъ рабочихъ. По совѣту тѣхъ же свѣдущихъ людей, отправляюсь я въ нѣмецкій клубъ, тѣмъ болѣе, что тамъ собираются рабочіе не одни только нѣмцы, но и русскіе. Прихожу. Водервухъ, что такое этотъ клубъ? Въ духомъ, грязномъ переулкѣ, въ грязномъ, вонючемъ подвалѣ живетъ грязный и пьяный нѣмецъ, живетъ онъ въ двухъ комнатахъ, въ которыхъ одна большая, а другая маленькая комора. Въ большой комнатѣ незамѣтно никакихъ признаковъ жилья, даже мебели никакой нѣтъ, за исключеніемъ стола и двухъ стульевъ; да еще по стѣнамъ набиты гвозди. На этихъ гвоздяхъ развѣшены какія-то тряпки; при болѣе внимательномъ осмотрѣ эти тряпки оказываются остатками какихъ-то старыхъ одѣяній: это да-

же не рубища, это что-то такое, чего надѣть и носить на себѣ невозможно; можно только догадаться, что это вотъ рукавъ, должно быть отъ халата, это — было должно быть туфля, это — нѣчто такое, что вѣроятно когда-то служило головною покрывной. Есть, впрочемъ, и такія тряпки, по которымъ довольно ясно видно, что хотя это и не вещь, то по крайней мѣрѣ половина вещи, такъ напримѣръ: одна половинка жилета, одна штанина и т. д... И на всѣхъ этихъ странныхъ предметахъ — муза; всѣ эти лохмотья имѣютъ мучнистый видъ и наполняютъ комнату кислымъ запахомъ дрожжей. Въ комнатѣ холодно, сыро, полъ загаженъ и затоптанъ, какъ въ кабацѣ. Тутъ же рядомъ, въ коморкѣ, наполненной какимъ-то вонючимъ хламомъ, живетъ самъ нѣмецъ. Вотъ это клубъ-то и есть. Прихожу я въ клубъ, выходить ко мнѣ нѣмецъ, въ туфляхъ и халатѣ, съ трубкой въ зубахъ. Что вамъ нужно? — Я объясняю, что такъ и такъ, желаю нанять рабочихъ.

— Посылайте за пивомъ! — Много ли надо на пиво? спрашиваю я. — Но рубль, но два; два довольно. — Отдаю два рубля, приносить бутылку пива и два стакана. — Прошу васъ! — За пивомъ я объясняю нѣмцу, что вотъ молю получить разрѣшеніе. — Ага! — Хочу булочную заводить и магазинъ ужъ нанялъ, теперь вотъ нужно бы мнѣ мастеровъ. — Ага! — Такъ вотъ молю, нѣтъ ли у васъ, получше на примѣтъ? — Какъ же, какъ же. — И нѣмецъ обводитъ глазами стѣны, на которыхъ развѣшены лохмотья и считаетъ: ейнъ, цвей, дрей... Много ли вамъ нужно? — Я говорю, что вотъ трехъ, четырехъ, на первый разъ, довольно мнѣ кажется. Это можно. — Когда же я могу ихъ получить? — А вы не беспокойтесь, я вамъ пришлю.

На другой день, дѣйствительно, являюся рабочіе. Впослѣдствіи я узнаю, что клубъ и пьяный нѣмецъ, который называется старшиной этого клуба, содержатся на счетъ булочнаго цѣха, съ цѣлю доставить булочникамъ легчайшій способъ пріобрѣтать рабочихъ или «мастеровъ», какъ они сами себя называютъ. Съ этою же цѣлю развѣшываются въ клубѣ на гвоздяхъ лохмотья, по которымъ старшина, какъ по книгѣ, съ разу можетъ смекнуть, сколько у него кандидатовъ. Самихъ же мастеровъ въ клубѣ никогда не бываетъ, потому, во первыхъ, что тамъ совсѣмъ нечего дѣлать, а во вторыхъ, и жить тамъ, собственно говоря, нельзя; въ крайнемъ случаѣ можно только ночевать. По этой причинѣ, а главнымъ образомъ, по отсутствію всякой теплой одежды, лишившіеся мѣста мастера, большею частью, или пребываютъ въ кабакахъ, или слоняются неизвѣстно гдѣ, и только раза два въ день, забѣгаютъ въ клубъ освѣдомиться, не открылось

ли гдѣ мѣсто. А мѣста открываются, можно сказать, *ежеминутно*. Какъ ни странно кажется это послѣднее обстоятельство, однако оно вытекаетъ прямо изъ булочныхъ нравовъ и служитъ необходимымъ слѣдствіемъ того положенія, въ которомъ находится булочный мастеръ.

Надо замѣтить, что въ ремесленномъ мірѣ на практикѣ выработалось такого рода правило, что работники или мастера, работающіе у хозяина на дому, подолгу не живутъ никогда, и изъ этого правила исключенія бывають необыкновенно рѣдко, а если и бывають, то объясняются какими нибудь особенными причинами; масса же рабочихъ всякаго рода, въ общей сложности представляетъ собою картину непрерывно волнующагося моря, омывающаго бурными волнами своими несокрушимыя скалы. На этихъ скалахъ, подобно полипамъ, приросшимъ однимъ концомъ своимъ къ камню, сидятъ хозяева и длинными уснами захватываютъ добычу, которую несетъ мимо нихъ это вѣчно бушующее море. Вся жизнь мастерагого проходитъ въ постоянномъ шатаніи съ одного мѣста на другое, въ постоянномъ исканіи какого-то хорошаго мѣста, котораго, разумѣется, онъ никогда не находитъ. Вѣчно недовольный, онъ все стремится куда-то и все надѣется найти гдѣ-то этого хорошаго хозяина, у котораго хорошо жить мастерамъ, только чертъ его знаетъ, гдѣ онъ живетъ. И такимъ образомъ незамѣтно доживаетъ до старости, и тутъ только, наконецъ, начинаетъ догадываться, что собственно искать больше нечего, что самъ онъ нигуда ужъ не годится и что жизнь прожита ни за грошъ. Какъ ни печально положеніе рабочаго вообще, но положеніе булочнаго мастера несравненно хуже. Причина этого лежитъ въ самомъ ремеслѣ и въ нѣкоторыхъ особенностяхъ, свойственныхъ булочному дѣлу. Петербургскій булочный мастеръ, прежде всего, нищій, даже хуже и бѣднѣе всякаго нищаго: у него нѣтъ своего угла, одежда его состоитъ изъ пестрядиноваго халата, на головѣ у него бумажный колпакъ и на босихъ ногахъ туфли; кромѣ того, онъ постоянно пьянъ, постоянно въ долгу у хозяина, и несмотря на это, такъ-сказать, ежеминутно перебѣгаетъ отъ хозяина въ клубъ, а изъ клуба сейчасъ же опять къ другому хозяину. Безъ хозяина онъ двухъ дней прожить не можетъ: дѣваться ему больше некуда; съ дѣтства привыкнувъ къ булочному дѣлу, больше ни на что онъ неспособенъ, ремесла никакого не знаетъ, платья нѣтъ, такъ что поневолѣ приходится идти опять къ хозяину. Онъ, въ буквальномъ смыслѣ, проводитъ всю жизнь въ бѣготѣ. Да и сами хозяева, повидимому, совершенно привыкли къ явленіямъ такого рода, на примѣръ: просыпается утромъ хозяинъ и вдругъ узнаетъ, что

за ночь всѣ мастера сбѣжали и тутъ же замѣчаютъ, что изъ квашни похищено тѣсто, кромѣ того, сахаръ, изюмъ, миндаль и все это пропито въ ближайшемъ бабакѣ. Въ подобную критическую минуту опытный хозяинъ не теряетъ головы и ни мало не медля свачетъ въ клубъ, гдѣ болѣею частью и находятъ своихъ мастеровъ, въ томъ случаѣ, разумѣется, если они еще не успѣли въ ту же ночь попасть или въ другому хозяину или въ часть. Что же касается необходимыхъ формальностей по части паспортной системы, то этимъ хозяева не очень стѣсняются, такъ-какъ въ подобныхъ экстренныхъ случаяхъ нужно прежде всего заботиться о томъ, чтобы, во что бы то ни стало, достать сію же минуту какихъ бы то ни было мастеровъ. Жалоба полиціи о пропажѣ и розыскѣ похитителей, во избѣжаніе проволокъ, обыкновенно откладывается на будущее время, а теперь, прежде всего, нужно, какъ можно скорѣе, выкупить изъ бабака тѣсто и прочіе пропитые матеріалы и, не теряя ни одной минуты, приступить къ печеню. Такой образъ дѣйствій, какъ со стороны мастеровъ, такъ и со стороны хозяевъ, составляетъ самое обыкновенное явленіе въ булочномъ быту и служить, опять-таки, необходимымъ слѣдствіемъ существующаго въ этомъ дѣлѣ порядка. Ночныя катастрофы съ побѣгомъ рабочихъ и похищеніемъ матеріаловъ повторяются безпрестанно, и только очень немногіе, да и то самые безтолковые хозяева, рѣшаются приносить на это жалобы и давать officialный ходъ своему дѣлу. Къ такому великодушію побуждаетъ ихъ расчетъ. Представьте себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что бы вышло, еслибы ограбленный хозяинъ, вмѣсто того, чтобы принять экстренныя мѣры, внушаемыя благоразуміемъ, вздумалъ повести дѣло законнымъ порядкомъ. Вопервыхъ, онъ понесъ бы страшные убытки уже потому только, что на однѣ сутки лишился бы покупателей. Покупка хлѣба, какъ извѣстно, производится въ опредѣленные часы: утромъ, передъ обѣдомъ и къ вечеру; въ продолженіе дѣлаго дня отказывать покупателямъ, это значитъ лишиться ихъ навсегда; постоянный покупатель, три раза съ ряду неполучившій хлѣба, идетъ въ другую булочную, тѣмъ болѣе, что ихъ безчисленное множество; поэтому покупатель никогда булочникомъ не дорожитъ, напротивъ, булочникъ долженъ дорожить покупателемъ. Но если булочникъ самъ этого не понимаетъ и вмѣсто того, чтобы покортиться своей участи и принести небольшую жертву, для спасенія своего состоянія, погонится за правосудіемъ и вздумаетъ отстаивать свои хозяйскія права, то конечнымъ слѣдствіемъ этого будетъ разореніе... Большинство хозяевъ это понимаетъ, а поэтому находятъ совершенно лишнимъ

прибѣгать къ защитѣ законной власти, для охраненія своихъ имущественныхъ правъ, и въ виду угрожающей опасности, полагается исключительно на свою собственную находчивость и расторопность.

Для того, чтобы читатель могъ лучше понять сущность такихъ странныхъ отношеній между хозяиномъ-булочникомъ и его мастерами необходимо ввести его, т.-е. читателя въ самую мастерскую, гдѣ приготавлиются и пекутся всякаго рода хлѣбными надѣли, и ознакомить его съ тамошними нравами.

Помѣщеніе для булочнаго заведенія, какъ извѣстно, почти всегда бываетъ неважное; иѣмецъ-булочникъ, желающій открыть булочную, всегда бываетъ человѣкъ небогатый: подыскавъ себѣ приличную супругу и получивъ за ней рублей 300 приданого, занимается онъ на эти деньги магазинъ съ квартирой и пекарней, и принимается работать. Лучшія комнаты онъ занимаетъ самъ, а для мастеровъ остается пекарня, въ которой они и помѣщаются, какъ знаютъ. Пекарня обыкновенно бываетъ небольшая, грязная комната съ однимъ окномъ, выходящимъ куда-нибудь на помойную яму; большую часть этой комнаты занимаетъ печь, тутъ же помѣщаются большіе ящики, въ которыхъ растворяютъ и мѣсятъ тѣсто; тутъ же вѣли съ мукой, кадки съ водой, дрова; тутъ же стоятъ столы, на которыхъ дѣлаются булки; кромѣ того, подъ потолкомъ устроены палаты, на которыхъ проваливаются разложенныя на доскахъ, еще неиспеченныя булки. При такихъ небольшихъ квартирахъ, какія отдаются подъ булочныя заведенія, отдѣльныхъ кладовыхъ и погребовъ не полагается; поэтому и всѣ запасы, заготовляемые булочникомъ, находятся тутъ же въ пекарнѣ, стало быть мастерамъ поневолѣ приходится спать гдѣ попало. Постелей у нихъ, разумѣется, никакихъ нѣтъ, они и валяются на полу, на мѣшкахъ, или на столахъ; тѣмъ болѣе, что спать имъ приходится мало, да и то большею частью не въ время. И притомъ извѣстно, что народъ они бездомный, хозяинъ и рассуждаетъ совершенно основательно, что для нихъ особаго помѣщенія вовсе не нужно, и сами они до такой степени втянулись въ этотъ собачій образъ жизни, что имъ вѣроятно и въ голову не приходитъ, что человѣку нуженъ уголь и постель. У послѣдняго нищаго, даже у каторжника—есть хоть какая-нибудь доска, на которой онъ спитъ, есть хоть какое-нибудь собственное полѣно, которое онъ подкладываетъ себѣ подъ голову; у булочнаго мастера—ничего подобнаго нѣтъ, и весь вѣкъ свой валется онъ по полу какъ песь, или ежится на козьяхъ мучныхъ мѣшкахъ, съ ко-

торихъ его каждую минуту могутъ согнать и заставить изъ этой же муки мѣсять тѣсто.

Кромѣ тѣсноты пекарня обладаетъ еще другимъ отличительнымъ свойствомъ — неопрятностью, которая при прославленной акуратности нѣмца, кажется совсѣмъ невѣроятной; тѣмъ не менѣе грязь и неряшество, царствующія въ нѣмецкихъ пекарняхъ, доходятъ до такихъ размѣровъ, что объ этомъ стоитъ поговорить подробно. Свѣдущіе люди утверждаютъ, что будто бы соблюденіе чистоты и опрятности въ булочномъ дѣлѣ положительно невозможно. И дѣйствительно, хлѣбопеченіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно производится до сихъ поръ даже въ Петербургѣ, повидимому рѣшительно несовмѣстимо съ опрятностью. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно сходить почью часа въ два въ любую пекарню; тамъ представится такого рода картины.

Темно; мальчишки-ученики затопляютъ печь; въ квашняхъ бродитъ и подымается тѣсто; красноватый свѣтъ изъ затопленной печи освѣщаетъ спящихъ въ разныхъ позахъ мастеровъ; одинъ спитъ на столѣ, подложивъ себѣ подъ голову полѣно и прикрывшись холстиной, на которой мѣсятъ булки; другой, подставъ подъ себя такую же холстину и прикрывшись халатомъ, свернувшись спать на полу. Мальчишки растопили печь, принимаются будить мастеровъ, но это оказывается дѣломъ нелегкимъ по той причинѣ, что мастера намучились еще съ вечера, спать легли пьяные и теперь ихъ пескоро добудитесь; они мчатъ, брыкаются, изрываютъ всевозможныя русскія и нѣмецкія севернословія, вскакиваютъ, какъ полоумные, и посматривъ бессмысленными глазами вокругъ, снова падаютъ и засыпаютъ. Мальчишки однако не отстаютъ. Наконецъ мастера очнулись: опять подымается ругань на двухъ діалектахъ, раздаются хриплые голоса, простудный кашель, и мальчишки за наличнее усердіе награждаются тузами. Начинается работа. Но прежде, нежели мастеръ возьмется за дѣло, ему непременно нужно сбѣгать въ кабакъ, потому что безъ водки ни одинъ мастеръ работать не можетъ; притомъ же онъ почти всегда бываетъ съ похмѣльемъ; поэтому приступая къ работѣ, ему необходимо привести себя въ нормальное состояніе, необходимо поправиться. Но такъ какъ въ этомъ случаѣ трудно знать настоящую мѣру, то большею частью эта поправка кончается тѣмъ, что мастеръ только-только можетъ стоять на ногахъ. Этого собственно ему и нужно: тогда онъ снова получаетъ способность работать. Состояніе, въ которомъ онъ въ это время находится — состояніе совершенно особаго рода, испытывать которое можетъ только ра-

боніи человѣкъ, привыкшій медленно, но постоянно разрушать свое здоровье на какойнибудь каторжной работѣ. Это состояніе нельзя назвать безчувственнымъ: вы видите, что человѣкъ стоитъ какъ будто твердо, и повидимому сознательно что-то дѣлаетъ: валяетъ булки, беретъ въ руки кусокъ тѣста, создаетъ изъ него розанъ и откидываетъ въ сторону; и производитъ это довольно ловко, такъ что глядя на него и въ самомъ дѣлѣ кажется, что человѣкъ дѣлаетъ все это съ полнымъ сознаниемъ. Но представьте себѣ, что если у этого человѣка взять изъ-подъ рукъ тѣсто, то онъ будетъ еще цѣлый часъ выдѣлывать руками тѣ же самыя движенія, будетъ хватать руками воздухъ, будетъ его валять, дѣлать розаны и откидывать ихъ въ сторону; если его спросить: сколько тебѣ лѣтъ, или какъ тебя зовутъ, то онъ не въ состояніи отвѣтить ни одного слова; а если его толкнуть, онъ упадетъ и проснется. Это состояніе ближе всего подходитъ къ лунатизму, и въ такомъ-то состояніи только и можетъ работать булочный мастеръ. Не дать ему водки, это значить лишить его возможности работать, и притомъ онъ сейчасъ же заболѣетъ или убѣжитъ. Опытный хозяинъ понимаетъ это отлично, а потому смотритъ на пьянство своихъ работниковъ, какъ на самое обыкновенное дѣло; что же касается хозяйскихъ женъ, то онѣ этого никакъ понять не могутъ: по мнѣнію хозяйки-нѣмки, пьянство и непокорность хозяйской власти—это одно и то же; а такъ-какъ хозяйка-нѣмка больше всего въ мѣрѣ дорожитъ хозяйской властью, то понятно, что у ней съ мастерами ежедневно разыгрываются сраженія, во время которыхъ раздаются пенстовые копли и ругательства, летаютъ скалки, и булки шлепаются объ полъ. А вотъ если эту нѣмку привести въ пегарню и показать ей, что тамъ дѣлается, такъ это она пойметъ и скажетъ сейчасъ, что иначе никакъ невозможно. Вотъ что тамъ дѣлается: сбѣгавъ въ кабакъ и освѣжившись, мастера принимаютъ мѣсить тѣсто; эта операція производится иногда весломъ, но такъ-какъ этимъ способомъ мѣсить труднѣе, то мѣсятъ обыкновенно руками. Невыспавшійся, пьяный и немытый мастеръ, засучивъ рукава, запускаетъ руки половотъ въ тѣсто и дѣлаетъ это до послѣдней крайности нерашливо; въ то же время кашляетъ, сморкается и курить трубку; другіе въ это время ходятъ, таскаютъ воду, проливаютъ ее на полъ, просыпаютъ муку и растопыриваютъ этотъ клейстеръ ногами; на столахъ разстилаются холсты, на которые кладутъ уже совсѣмъ готовое тѣсто и дѣлаютъ изъ него булки. Этотъ процессъ совершается слѣдующимъ образомъ: у стола сравится небольшая кадлушка съ водою;

мастеръ безпрестанно опускаетъ въ нѣе руки и молотки руками работаетъ булки. Этими же руками онъ дѣлаетъ и все, что придется: дрова подкладываетъ въ печь, вытираетъ носъ, чешется и т. д., въ то же время выбѣгаетъ на дворъ и хватается за что ни попало. Руки у него, смотри по надобности, или въ тѣстѣ, или въ муку; мыть и вытирать ихъ ему и въ голову не приходитъ: во первыхъ, онъ не понимаетъ, зачѣмъ это нужно, а вторыхъ, у него подъ руками кромѣ фартуга, залѣпленнаго тѣстомъ, и нѣтъ ничего такого, чѣмъ можно было бы вытирать руки. Притомъ же, опрятность въ пекарнѣ дѣло до такой степени неудобноисполнимое, что мало-мальски чистоплотному человѣку пришлось бы только и дѣлать, что ежеминутно мыться да вытираться. Кромѣ того, во время производства булокъ употребляются такіе предметы, которые по самому назначенію своему неминуемо должны быть неопрятны; такъ, напримеръ, холсты, разстилаемые на столѣ, на которыхъ дѣлаютъ булки. Холсты эти обыкновенно бываютъ насвозь пропитаны разнаго рода тѣстомъ и засалены до послѣдней крайности, и булочники утверждаютъ, что холсты эти непременно должны быть засалены, для того, чтобы на нихъ удобно было работать: къ чистымъ холстамъ тѣсто прилипаетъ, а для того, чтобы оно не прилипало, нужно ихъ посыпать мукой, а это невыгодно. Но въ сущности это вздоръ, потому что муки все равно тратится много даромъ, и неопрятность въ этомъ случаѣ просто дѣло привычки, которая заходитъ такъ далеко, что хозяинъ смотритъ совершенно спокойно, какъ мастера эти же самые холсты, по окончаніи работы, свертываютъ и кладутъ себѣ подъ голову ложась спать. Ничѣмъ другимъ, какъ только привычкой, нельзя объяснить еще одного обыкновенія, а именно: послѣ того, какъ булки изготовлены, прежде нежели сажать въ печь, ихъ раскладываютъ на длинныя доски и на нѣкоторое время помѣщаютъ на палати. Послѣ этого мастера часа на два опять ложатся спать. Въ это время являются миллионы таракановъ и наивидываются на сырыя булки; насытившись, они опять исчезаютъ неизвѣстно куда на цѣлыя сутки. Какъ булочники, такъ и тараканы, привыкли въ этому до такой степени, что первые не принимаютъ никакихъ мѣръ для истребленія послѣднихъ, а послѣдніе, какъ-бы въ благодарность хозяину за угощеніе, въ остальное время не доучають своимъ присутствіемъ. Впрочемъ, жить въ миру и согласіи съ тараканами побуждаетъ хозяевъ также и расчетъ: операція истребленія таракановъ, во первыхъ, очень продолжительна и въ это время нельзя будетъ работать, а во-

вторыхъ и небезопасна, потому что тараканы, наѣвшися отравы, начинаютъ бѣгать повсюду и могутъ испортить товаръ.

Я слышалъ, что въ Петербургѣ года два или три тому назадъ устроивалось общество съ цѣлью основать фабрику для приготовления хлѣба, но дѣло допнуло. Почему? Чтѣ помѣшало этому предпріятію, я навѣрное не знаю. Но вѣроятно нашлись уважительныя причины, тѣмъ болѣе, если принять въ расчетъ, что по милости этой фабрики нѣсколько тысячъ петербургскихъ булочниковъ могли остаться безъ хлѣба.

В. С.

ОЧЕРКЪ
СТАТИСТИКИ
НАРОДОВЪ И ГОСУДАРСТВЪ

ПО КОЛЪВУ

СОСТАВЛЕННІЕ

В. ПОКРОВСКИМЪ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Краевского (Литейная, № 38)

1868.

(Приложение къ «Отечественнымъ Запискамъ» 1868 года).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагая на судъ русской публики составленный мною «Очеркъ Статистики» по Кольбу, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ источникахъ, которыми я пользовался для измѣненій и дополненій текста Кольба.

Отдѣлъ статистики Россіи, весьма краткій у Кольба, я дополнилъ статистическими данными, заимствованными мною изъ «Временника Россійской Имперіи», издавнаго въ 1866 году Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ, «Временника» Блока (*Annuaire de l'E. P.*), примѣчаніями г. Корсака къ переводу «Сравнительной Статистики» Кольба (1862), государственною росписью на 1867 годъ и нѣкоторыми другими оффициальными и неоффициальными источниками.

По статистикѣ прочихъ государствъ я пользовался «Временникомъ» Блока за 1864, 1865, 1866 и 1867 годы, журналомъ Петермана и нѣкоторыми статьями русскихъ журналовъ.

При всѣхъ моихъ измѣненіяхъ и добавленіяхъ я старался удержать систему, которой держится Кольбъ, равно какъ и сохранить всѣ тѣ его цифры, которыя представляютъ собою результатъ тщательной повѣрки и выбора статистическихъ матеріаловъ.

Хотя моя книжка разрослась втрое болѣе, чѣмъ книжка Кольба, тѣмъ не менѣе я не даю ей другаго значенія, кромѣ значенія книжки подручной для необходимыхъ статистическихъ справокъ. Эту цѣль главнымъ образомъ я имѣлъ въ виду при ея составленіи, и думаю, что читатель, знакомый съ нашею статистическою литературою, найдетъ мой трудъ небезполезнымъ для указанной цѣли, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время.

Составитель.

Октябрь, 1867 года.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ЕВРОПЕЙСКІЯ ВЕЛИКІЯ ДЕРЖАВЫ.

ВЕЛИКОБРИТАНІЯ (королевство).

Пространство и народонаселеніе.

«Соединенное королевство Великобританія и Ирландія» занимаетъ пространство въ 5,797 нѣмецкихъ квадратныхъ миль, изъ которыхъ на собственно Англію съ Уэльсомъ приходится 2,773, на Шотландію — 1,473, на Ирландію — 1,530, на нормандскіе острова — 20. Переведа нѣмецкія мили на англійскіе акры, получимъ для Англіи пространство въ 37.324,915, для Шотландіи — въ 20.047,462, для Ирландіи — въ 20.808,271 акръ.

Перепись народонаселенія, совершаемая черезъ каждые 10 лѣтъ, даетъ слѣдующія цифры: считалось жителей

ВЪ АНГЛІИ СЪ УЭЛЬ- СОМЪ:	ВЪ ШОТЛАНДІИ:	ВЪ ИРЛАНДІИ:	НА ОСТРОВАХЪ КАНАЛА:	ВСЕГО:
1801 — 9.156,171	1.608,420	—	—	—
1811 — 10.456,529	1.805,864	—	—	—
1821 — 12.172,664	2.091,521	—	89,508	—
1831 — 14.051,986	2.364,386	—	103,710	—
1841 — 16.035,198	2.620,184	8.175,124	124,040	26.954,546
1851 — 18.054,170	2.888,742	6.552,385	143,126	27.638,423
1861 — 20.066,234	3.062,294	5.792,055	143,447	29.074,020
ПРИБЫЛЬ НАСЕЛЕНІЯ		УБЫЛЬ 1841—61		
1801 — 1861 + 120%	+ 90%	— 30%	+ 72%	+ 78%

Англія раздѣляется на 52 графства, называемыя также ширами или коунти, изъ которыхъ 12 приходится на Уэльсъ. Шотландія раздѣлена на 33 шира, Ирландія — на 4 провинціи, изъ которыхъ каждая, въ свою очередь, раздѣляется на 35 графствъ.

Движеніе народонаселенія. Въ 1863 г. въ Англіи и Уэльсѣ родилось 729,399 младенцевъ обоего пола, умерло 475,582 лица, бракомъ сочеталось 170,708 паръ. Въ Шотландіи — родившихся 109,325, умершихъ 71,421, брачныхъ союзовъ 22,087. Относительно Ирландіи еще нѣтъ по этому вопросу точныхъ свѣдѣній, такъ-какъ въ этой странѣ не ведутся еще списки «гражданскаго состоянія».

Въ числѣ родившихся въ Англіи и Уэльсѣ было въ 1856 году незаконнорожденныхъ 21,665 мальчиковъ и 20,996 дѣвочекъ. Пропорція незаконнорожденныхъ составляетъ слѣдовательно 1 на 15,41; самая большая въ Сорреѣ: 1 на 4,7, въ Миддлсексѣ — 1 на 4,9 (и тотъ и другой суть части города Лондона). Въ самомъ Лондонѣ — 1 на 4,2. Но, безъ сомнѣнія, огромное число незаконнорожденныхъ вовсе не записано въ книги.

По послѣдней переписи въ Англіи было 4,312,388 семействъ въ 3,670,192 домахъ (кромѣ 166,735 необитаемыхъ домовъ). Изъ всего населенія Соединеннаго Королевства въ 1861 году мужескаго пола было 14,097,208, женскаго же — 14,939,300.

Эмиграція. Въ теченіе 44 лѣтъ отъ 1815 по 1858 годъ включительно, изъ Соединеннаго Королевства переселилось 4,797,166 лицъ (большою частію изъ Ирландіи), отъ 1815 по 1860 годъ выселилось 5,046,067 лицъ.

Въ теченіе десяти лѣтъ отъ 1851 года по 1860 выселилось 2,287,205 лицъ, изъ которыхъ около половины (1,106,500) были ирландцы. Въ четырехлѣтіе отъ 1860 по 1863 г. выселилось 565,211 человекъ.

Въроисповѣданія. Исчисленіе народа по въроисповѣданіямъ сдѣлано было только въ Ирландіи; относительно же Великобританіи мы имѣемъ весьма ненадежныя свѣдѣнія.

	АНГЛИКАНЦЕВЪ.	ПРЕСВИТЕРІАНЪ.	КАТОЛИКОВЪ.	ДРУГИХЪ ДИС- СЕНТЕРОВЪ.
Въ Англіи.....	12,000,000	500,000	1,200,000	6,500,000
» Шотландіи.....	300,000	2,000,000	160,000	700,000
» Ирландіи.....	693,000	523,000	4,505,000	66,000
Всего около....	13,000,000	3,000,000	5,860,000	7,200,000

Города. Ни въ одной странѣ нѣтъ такого множества большихъ городовъ, какъ въ Англіи; ни въ одной странѣ, за исключеніемъ Америки, не возрастаютъ они такъ быстро. По переписи 1851 года, изъ всего населенія, исключая Ирландіи, было

въ 815 городахъ.....	10,556,288 жителей
» селахъ.....	10,403,189

Перепись народонаселенія въ 1801, 1851 и 1861 годахъ даетъ слѣдующія числа:

АНГЛІЯ.	1801.	1851.	1861.
Лондонъ.....	958,863	2,362,226	2,803,969
Манчестеръ съ Сальфордъ	94,876	401,321	460,428
Ливерпуль.....	82,295	375,955	443,948
Бирмингемъ.....	70,670	232,841	295,955
Лидсъ.....	53,162	172,270	207,165
Шеффилдъ.....	45,755	185,310	185,172
Бристоль.....	61,153	137,328	154,093
Вольвергамптонъ.....	30,584	119,748	147,670
Шюкестъ на-Тэнтъ.....	—	87,784	109,108
Брадфордъ.....	13,264	103,778	106,218
Стокъ на-Трентъ.....	—	84,028	101,302
ШОТЛАНДІЯ.			
Гласго.....	77,056	329,097	394,864
Эдинбургъ съ Лейтоуъ....	81,404	191,221	201,749

ИРЛАНДИЯ.	1841.	1851.	1861.
Дублинъ.....	232,726	258,369	249,733
Вельфасть.....	75,308	100,301	119,242
Коркъ.....	106,055	114,232	101,534

Въ 1861 году болѣе 50,000 жителей имѣли кромѣ того слѣдующіе города:

ВЪ АНГЛІИ:		Девонпортъ.....	
Гуль.....	97,661	Блэкборнъ.....	65,000
Портсмуть.....	94,546	Плѣмутъ.....	63,000
Ольгамъ.....	94,344	Стокпортъ.....	62 ¹ / ₂ ,000
Брайтонъ.....	87,314	Батъ.....	54 ¹ / ₂ ,000
Сондерлендъ.....	85,797	вЪ шотландіи:	
Мергивъ—Тидемъ.....	84,000	Эбердинъ.....	74,000
Норичъ.....	75,000	Дондъ.....	90,000
Лейстеръ.....	68,000	вЪ ирландіи: Лимерикъ 55,000	

Финансы.

Бюджетъ на 1864—65 годъ представляетъ слѣдующія главныя статьи:

РАСХОДЫ:

1) Долгъ. Проценты государственнаго долга, отверженнаго и неотверженнаго 26,400,000, аннютеты 1,930,000, всего.....	28,330,000
2) Войско. Сухопутныя военныя силы 14,844,000 фунтовъ стерл., морскія — 10,432,000, всего.....	25,276,000
3) Внутреннее управленіе.....	7,629,000
4) Расходы по сбору налоговъ.....	5,575,000
5) Запасный фондъ.....	80,000
Всего.....	
	66,890,000

ДОХОДЫ:

Таможенныя пошлины.....	23,150,000	ф.
Акцизы.....	18,030,000	»
Гербовая пошлина.....	9,320,000	»
Поземельные налоги (taxes).....	3,250,000	»
Подать съ дохода.....	8,600,000	»
Почтовый доходъ.....	3,950,000	»
Государственныя земли (домены).....	310,000	»
Вознагражденіе за военныя убытки, взимаемое съ Китая и Японіи.....	600,000	»
Различныя доходы.....	2,250,000	»
Всего... ..		
	69,460,000	»

несмотря на то, что таможенныя пошлины и подать съ дохода понижены противъ 1863—64 года на 3¹/₆ милліона фунтовъ.

Отверженный долгъ государства 31-го марта 1863 года простирался до 783,306,739 фунтовъ стерлинговъ, срочныя же обязательства государства, постепенно погашаемыя *) — до 17,757,183, неотверженный или текущій долгъ — 16,495,400 фунтовъ.

*) Такія постепенно погашаемыя срочныя обязательства называются аннютетами (annuity). Въ тѣсномъ смыслѣ аннютетами называются такія обязательства, уплата по которымъ процентовъ и погашенія оканчивается съ смертію лица, одолжившаго государство.

Во время послѣдней англійской революціи, 1689 года, сумма государственнаго долга простиралась только до 664,263 фунтовъ, ежегодные проценты съ которой составляли 39,855. При Вильгельмѣ III прибавилось долга 15,730,439 фунт., при Аннѣ—въ теченіе 12 лѣтъ прибавилось его еще 37,750,661 фунтъ. Одна война за испанское наслѣдство стоила Англій 69 милл. фунт. Вмѣшательство Англій въ Семилѣтнюю войну увеличило долгъ ея, возросшій къ 1763 году до 138⁴/₅ милл. фунт. Борьба съ американскими колоніями, отстаивавшими свою независимость, была для Англій причиною новыхъ займовъ, на сумму 121¹/₄ милл. фунтовъ. Отъ заключенія мира до 1793 года государственный долгъ уменьшился на 10¹/₂ милл. фунтовъ.

Во время борьбы съ революціонною Франціей и Наполеономъ, займы шли одинъ за другимъ и государственный долгъ увеличился на 601,500,343 фунт. стерл. или 3,760 милліоновъ рублей серебр. Сумма же всего отверженнаго долга къ 5 января 1817 года простиралась до 840,850,491 фунт. стерл., а проценты съ нея до 32,014,941 фунта. Кромѣ того, текущій долгъ простирался, въ 1815 году, до 58 милліоновъ.

Въ 1835 году, Англія заняла 20 милл. фунт. на выкупъ негровъ-невольниковъ у рабовладѣльцевъ, а въ 1847 году 10 милл. для вспоможенія Ирландіи во время голода.

Издержки на восточную войну 1853—55 годовъ покрывались почти на половину посредствомъ увеличенія подати на доходъ, и налога на нѣкоторые предметы потребленія (чай, спиртные напитки, сахаръ и проч.). Изъ всей суммы военныхъ расходовъ на крымскую войну, простирающихся до 77¹/₂ милл. фунт., посредствомъ займовъ покрыто 48 милл. фунтовъ.

Военная сила.

Англійское войско пополняется не посредствомъ набора или конскрипціи, а вербованіемъ молодыхъ людей отъ 17 до 25 лѣтняго возраста. Срокъ службы въ пѣхотѣ 7—10 лѣтъ, въ кавалеріи и артилеріи 12 лѣтъ. Задаточная плата мѣняется по мѣрѣ нужды въ солдатахъ, но во всякомъ случаѣ англійскій солдатъ получаетъ такое высокое вознагражденіе и такое содержаніе, какого не имѣютъ солдаты ни въ одномъ изъ остальныхъ государствъ Европы. Жалованье составляетъ 1 шиллингъ въ день (32 коп. сер). Кромѣ того: квартира, одежда и жизненные припасы обходятся солдату дешевле, нежели они стоятъ лицу, ненаходящемуся на службѣ,—все это составить, по крайней мѣрѣ, еще одинъ шиллингъ въ день. Офицерскія мѣста, начиная съ полковника до самыхъ младшихъ чиновъ, могутъ приобрѣтаться покупкой (мѣсто полковника въ гвардейской пѣхотѣ 7,250 фунтовъ, т.-е. 187,500 франковъ, прапорщика въ линейной пѣхотѣ — 450 фунтовъ или 11,250 фр.). Выручка отъ продажи офицерскихъ чиновъ простирается до полумилліона фунт. стерл.

Составъ войска въ 1863—64 г.

Пѣхота. Въ линейныхъ полкахъ.....	135,000	человѣкъ
» въ гвардейскихъ.....	13,000	»
Кавалерія. Въ линейныхъ полкахъ.....	16,000	»
» въ образцовыхъ.....	1,300	»
Артилерія пѣшая.....	28,000	»
» конная.....	5,000	»
» явженерный корпусъ.....	4,700	»
Обозъ.....	3,500	»
Комиссаріатъ.....	4,500	»
Колоніальное войско.....	8,000	»
Всего.....	219,000	человѣкъ.

Изъ этого числа въ Ост-Индіи находится 83,031, въ Европѣ и колоніяхъ 136,307. Въ Ост-Индіи, кромѣ того, есть болѣе 200,000 войска, состоящаго изъ туземцевъ. Покорные князья въ Ост-Индіи обязаны выставить около 40,000 вспомогательнаго войска.

Морскія военныя силы въ августѣ 1864 г.

Панцирныхъ кораблей.....	27 съ	644 орудіями
Панцирныхъ пловучихъ батарей.....	7 »	106 »
Винтовыхъ пароходовъ.....	386 »	8,377 »
Колесныхъ пароходовъ.....	104 »	427 »
Парусныхъ судовъ.....	119 »	2,942 »
Всего.....	743 съ	12,496 орудіями

Общественныя, промышленныя и торговыя отношенія.

Производство минераловъ и металловъ въ 1862 году:

Каменнаго угля добыто.....	81,638,338 тоннъ на сумму	20,409,584 ф.
Желѣза.....	3,943,469 »	9,858,672 »
Мѣди.....	14,843 »	1,493,241 »
Свинца.....	69,031 »	1,436,345 »
Олова.....	8,476 »	983,216 »
Цинка.....	2,151 »	50,547 »
Серебра (унцій 686,123).....	—	189,041 »
Золота (унцій 5,299).....	—	20,390 »
Другихъ металловъ.....	—	250,000 »
Всего.....	860,000,000 тоннъ на сумму	34,691,037 ф.

Число фабрикъ, подчиненныхъ закону, ограничивающему число часовъ работы простиралось въ 1850 году до 4,600
 » 1856 » 5,117
 » 1861 » 6,378

Работниковъ и работницъ, занятыхъ на этихъ фабрикахъ, было:

въ 1850 году	596,082
» 1856 »	682,497
» 1861 »	775,534
въ томъ числѣ женщинъ	308,272.

Если къ этому число работниковъ и работницъ присоединить тѣхъ, которые занимались ремесломъ у себя дома, и ихъ семей-

ства, то мы должны принять, что все фабричное и ремесленное население Соединеннаго Королевства простирается до 4,800,000 лиц обоего пола.

Заработная плата, получаемая всеми рабочими Англ. цн, 418,300,000 фунт. стерлинговъ.

Разсчетъ слѣдующій:

Работниковъ мужчинъ	5,523,500
Подростковъ (jeunes gens)	1,335,000
Женщинъ	2,671,000
Дѣвушекъ (jeunes filles)	1,147,500
Всего	10,697,000

Средняя заработная плата:

		Шотл.	Ирл.
Мужчинъ	22 ш. 6 д. въ недѣлю	20 ш. 6 д.	14 ш. 4 д.
Подростковъ	6 " 6 " "	7 " 8 "	6 " 3 "
Женщинъ	12 " 6 " "	10 " 6 "	9 " 9 "
Дѣвушекъ	8 " 6 " "	8 " 2 "	7 " 4 "
Средн.	16 ш 2 д. "	14 ш. 10 д.	11 ш. 9 д.
Всего въ Англии	311,500,000 ф. ст.		
" Шотландіи	42,700,000 "		
" Ирландіи	64,100,000 "		
	418,300,000 жнт.		

Въ земледѣліи	75,000,000
" тканяхъ	47,000,000
" металлургіи	31,500,000
" постройкахъ	42,500,000
" мореплаван. и желѣзныхъ дорогахъ	27,700,000
" Articles de mén. (хозяйствъ?)	33,000,000
" рудники (mines)	15,000,000
" домашней прислуги	60,000,000
Разныя	26,000,000
Безъ обозначенія	69,000,000

Веретень на бумагопрядильныхъ фабрикахъ насчитываютъ 36,450,028. Употребляемая въ дѣю паровыя машины замѣняютъ 375,294 лошадиныхъ силы, паденіемъ воды замѣняется сила, равная 29,339 лошади. силъ.

Изъ всего числа фабрикъ въ Англии находится 5,659, въ Шотландіи 568, въ Ирландіи 158.

Сырыхъ продуктовъ для переработки на англійскихъ фабрикахъ въ 1863 году ввезено слѣдующее количество:

хлопка	5,978,422 центнера
овечьей шерсти	177,377,664 фунта
пеньки и льна	1,067,913 центнера

Изъ всего торговаго оборота приходились на сношенія съ британскими колоніями и съ иностранными государствами слѣдующія суммы:

Иностранна государства.

	привозъ	вывозъ.
1861 г.	164,946,878	116 милл.
1862 »	160,588,446	122 »
1863 »	165,576,129	— »

Британскія колоніи

	привозъ	вывозъ
	52,538,146 фунт.	43,360,593 фунт.
	65,128,530 »	44,258,736 »
	83,404,813 »	— »

Изъ всего торговаго флота въ 1863 году понадобилось 20,877 судовъ. Грузъ ихъ простирался до 4,795,279 тоннъ. Число матросовъ—184,727.

Степень народнаго благосостоянія. Заработная плата, англійскими работниками получаемая, значительно превышаетъ рабочую плату на континентѣ. Смертность менѣе значительна, чѣмъ на континентѣ: изъ 50 работниковъ ежегодно умираетъ по одному.

Питательной пищи англійскій работникъ потребляетъ болѣе, чѣмъ всякій другой работникъ въ Европѣ. Въ Англійи на каждого жителя, среднимъ числомъ, приходится 160³/₄ русскихъ фунтовъ мяса, во Франціи—около 48, въ Пруссіи—42³/₄, въ Баденѣ 62.

Та же разница въ потребленіи колониальныхъ товаровъ.

Въ 1858 году, въ Англійи потреблено: чаю 732,174 центнера, сахару 9,004,273 центнера, кофе 353,381 цент., или на каждого жителя:

	Франція по средней сложности		Великобританія
Сахаръ.....	1821—1823	3,18 цент. на жит.	14,90 цент. на жит.
»	1851—1853	4,86 » »	25,38 » »
Кофе.....	1821—1823	0,53 » »	0,34 » »
»	1851—1853	1,11 » »	1,15 » »
Чай.....	1821—1823	0,04 » »	0,98 » »
»	1851—1853	0,09 » »	1,46 » »
Хлопчатая бу- мага.....	1821—1823	1,42 » »	6,71 » »
»	1851—1853	3,80 » »	24,44 » »

Примѣчаніе. Къ количеству ежегодно потребляемаго во Франціи сахара слѣдуетъ прибавить потребленіе свекловичнаго сахара, простирающееся до 7 фунтовъ на человѣка.

Кромѣ того, доказательствомъ приращенія народнаго благосостоянія могутъ служить слѣдующія цифры: Съ 1815 по 1843 годъ доходъ съ поземельной собственности увеличился на 62 процента. Поземельная собственность, подлежащая подати съ дохода (незначительный доходъ освобождается отъ этого налога), уже Портэромъ оцѣнивалась въ 240 милл. фунт. стерл., а поземельная собственность всего населенія въ 320 милл. фунт. стерл. Вся сумма дохода, подлежащая упоманутой подати, возрасла съ 229 милл. ф. (въ 1849—50 году) до 274 милл. фунт. стерл. (въ 1857—58 г.). Портэръ полагаетъ, что народное богатство ежегодно увеличивается на 80 мил. фунт. стер. или на 500 мил. руб. серебр.

Перейдемъ къ темной сторонѣ картины. *Число бѣдныхъ*, получавшихъ пособие, въ 1864 году простиралось:

въ Англійи до	981,300 человекъ
» Шотландіи	78,717 »
» Ирландіи	68,136 »

Предшествующіе годы представляют слѣдующія цифры:

1849	въ Англіи бѣдныхъ	934,419	въ Шотландіи	82,357	въ Ирландіи	620,747
1850	»	»	»	79,031	»	307,970
1851	»	»	»	76,906	»	209,187
1852	»	»	»	75,111	»	171,418
1853	»	»	»	75,437	»	141,622
1854	»	»	»	78,929	»	106,902
1855	»	»	»	79,887	»	86,819
1856	»	»	»	79,973	»	73,083
1857	»	»	»	69,217	»	56,094
1858	»	»	»	(?)	»	50,582

Доходы на призрѣніе бѣдныхъ въ Англіи и Уэльсѣ составляли:

въ 1833—34.....	6,317,255 фунтовъ	= 8 шил. 9 ¹ / ₂ пенс.	на каждаго жителя
» 1857—58.....	5,878,542	» = 6	» ¹ / ₂ —

Въ 1862—64 годахъ, во время хлопчатобумажнаго кризиса, число бѣдныхъ доходило до слѣдующихъ цифръ:

въ Гаслинденѣ	въ декабрь 1862 г. до.....	11,504 бѣдныхъ
» Аштонѣ на Лейнѣ	» — »	35,080
» Ольдгамѣ	» — »	16,177
» Стокпортѣ	» — »	12,247
» Чарльтонѣ	» — »	19,385
» Бёрнлеѣ	» — »	8,812
» Бюри	» — »	11,883
» Рочдаѣ	» — »	14,027
» Блекбериѣ	» — »	24,067
» Больтонѣ	» — »	9,193
» Сальфордѣ	» — »	11,919
» Престонѣ	» — »	23,451
» Виганѣ	» — »	6,293
» Манчестерѣ	» — »	41,682
» Мекльсфилдѣ	» — »	4,106

Итого въ этихъ промысл. городахъ..... 249,836 бѣдныхъ.

Передъ кризисомъ же бѣдныхъ въ тѣхъ же городахъ было всего 37 тысячъ съ половиной, а по окончаніи кризиса, въ февралѣ 1864, ихъ считалось 130 тысячъ *).

Но всѣ сейчасъ нами приведенныя цифры не даютъ полнаго понятія о степени нищеты, которую испытываетъ рабочій классъ въ Соединенномъ Королевствѣ. До сихъ поръ мы привели лишь число бѣдняковъ (paupers), пользующихся и пользовавшихся пособіемъ отъ правительства. Но едва-ли не столько же (по барону Моругу гораздо болѣе) лицъ пользуются частною благотворительностію, развившеюся въ Англіи до весьма широкихъ размѣровъ, и неимѣющею ничего общаго съ законною податью въ пользу бѣдныхъ. Больницы, воспитательныя дома, дома сумасшедшихъ, дѣтскіе пріюты, сиротскіе пріюты по большей части управляются и содержатся безъ правительственной поддержки и внѣ правительственнаго контроля.

*) Annuaire de l'Economie Politique 1864.

Вся поземельная собственность въ Англіи сосредоточена въ рукахъ 30,000 землевладѣльцевъ. Пять шестыхъ всей почвы обрабатывается необезпеченными на завтрашній день работниками. Пауперизмъ между земледѣльческими работниками достигъ высшей степени, нежели между фабричными.

Увеличеніе числа бѣдняковъ ведетъ за собою и умноженіе проступковъ и преступленій. Въ Нюкэстлѣ ежегодно за преступленія и проступки осуждаютъ одного изъ 24 жителей,

въ Манчестерѣ	»	»	20	»
въ Лидсѣ	»	»	12	»

Въ Лондонѣ бродитъ 60,000 нищихъ, 80,000 женщинъ, продающихъ свою красоту и молодость, и вообще одна восемьдесятъ-пятая часть всего лондонскаго населенія не имѣютъ никакихъ постоянныхъ средствъ къ существованію, оттого въ тюрьмахъ за воровство и грабежъ содержатся 35,000. И это при образцовой, безпримѣрной полиціи.

Ирландія, съ ея въ высшей степени плодородною почвою, съ ея народонаселеніемъ, далеко не обиженнымъ природою, до сихъ поръ еще бѣднѣе всѣхъ остальныхъ европейскихъ частей Соединеннаго Королевства. Значительная часть произведеній ирландскаго труда потребляется внѣ Ирландіи, поземельными ея собственниками, живущими въ Англіи. Цѣнность потребляемыхъ ирландцами произведеній обрабатываемой ими почвы, простирается едва лишь до 8 копеекъ серебромъ. Остальное вывозится за недостаткомъ развитія мануфактурной промышленности.

Самое несчастное для Ирландіи десятилѣтіе было 1841—1851, когда народонаселеніе ея уменьшилось почти на полтора милліона. Это уменьшеніе въ разныхъ провинціяхъ было различное. Въ 1841—45 годахъ населеніе уменьшилось: въ Ленстерѣ на 15^{1/2}%

—	»	»	»	»	Монстерѣ	»	23 ^{1/2} %
—	»	»	»	»	Ольстерѣ	»	16
—	»	»	»	»	Коннаутѣ	»	28 ^{1/2} %

Число семействъ было въ 1841 году, въ Ирландіи 1,472,787,
»   »   »   1851   »   »   »   1,200,02,

Убыль 265,785.

Число обитаемыхъ домовъ въ 1841 году 1,328,839

»   »   »   1851   »   1,061,405

Убыль 267,434.

Въ 1851 году, въ нѣкоторыхъ небольшихъ городахъ, большинство жило въ домахъ призрѣнія, въ Листовлѣ— почти двѣ трети.

Съ половины 50-хъ годовъ обнаружился рѣшительный поворотъ къ лучшему. Хотя населеніе слабо возрастаетъ, но число бѣдныхъ значительно уменьшается. Послѣ великаго шага, сдѣланнаго уничтоженіемъ неотчуждаемости земли, которое открыло возможность земледѣльцамъ изъ эксплуатируемыхъ фермеровъ сдѣлаться свободными собственниками, поднялось все земледѣліе. Поденная плата

рабочимъ возвысилась; часто даже недостаетъ рабочихъ. Тюрмы, до того времени тѣсныя и переполненныя, болѣе и болѣе пустѣютъ. Весь видъ страны измѣнился.

«Состояніе рабочихъ, говоритъ Дж.-Ст. Милль, въ Англіи, какъ и почти во всѣхъ странахъ, находится въ такомъ зависимомъ положеніи, что меньшую свободу могло бы пользоваться развѣ при совершенномъ рабствѣ». Чтобы сколько нибудь обезпечить свою участь на завтрашній день, онъ сберегаетъ остающіяся отъ потребленія небольшія суммы денегъ. *Сберегательныя кассы*, въ 1863 г., имѣли вкладовъ на сумму въ 41 милліонъ фунтовъ, изъ которыхъ въ англійскихъ кассахъ хранилось 36 милл., въ шотландскихъ около 3 милл., въ ирландскихъ 2 милл. *). Кромѣ того, существуетъ множество обществъ взаимнаго вспоможенія и застрахованія, такъ-называемыя «дружескія общества (friendly Societies или Benefit societies), помогающія своимъ членамъ въ случаѣ ихъ болѣзни, старости, а въ случаѣ смерти — ихъ семействамъ. Въ 1859 году, число такихъ обществъ было въ Англіи 28,550, въ Шотландіи 700, въ Ирландіи 400. Число ихъ членовъ уже въ 1857 году простиралось до 2 милліоновъ, а капиталъ обществъ считался въ 9 милліоновъ фунтовъ, большая часть которыхъ была вложена въ сберегательныя кассы.

Кромѣ того, существуетъ множество учреждений для страхованія жизни, ренты, ссудныхъ обществъ, товариществъ и т. д. Существуютъ, такъ-называемыя, ценни-банки, въ которыхъ принимаются вклады на сумму отъ 2¹/₂ копеекъ серебр. до 80 коп. (отъ 1 пени до 2¹/₂ шиллинговъ).

Въ устройствѣ сберегательныхъ кассъ въ недавнее время сдѣлано замѣчательное улучшеніе. Всѣ почтовые экспедиціи обязаны принимать предназначенныя для сберегательныхъ кассъ вклады и уплачивать по нимъ два съ половиной процента. Чиновники управленія государственнаго долга превращаютъ ихъ въ 3-хъ процентныя консоли. Выгоды новаго учрежденія состоятъ въ томъ, что можно вкладывать и вынимать деньги всюду, гдѣ устроена почта, и притомъ ежедневно, что эти депозитныя билеты могутъ размѣниваться не только на самомъ мѣстѣ вклада, но и во всемъ государствѣ, въ каждой общественной кассѣ.

Народное образованіе не достигло высокой степени развитія; устройство школъ дурно. Въ 1863 году ихъ посѣщало 1,008,925 дѣтей обоаго пола. Правительство въ 1859 году содержало 5,387 школъ, въ которыхъ училось 808,036 дѣтей. При заключеніи брачныхъ договоровъ 32¹/₂ процента новобрачныхъ не умѣютъ подписать подъ контрактомъ свое имя. Это отношеніе распределяется такъ: изъ всего числа жениховъ безграмотныхъ всего 26¹/₂ процента, безграмотныя же невѣсты составляютъ 37,6 процента всего

*) По вычисленію Энгеля, въ Англіи одна книжка сберегательныхъ кассъ приходится на 17., въ Пруссіи — на 31., а въ Саксонскомъ Королевствѣ двѣ книжки на семнадцать человекъ. Но средняя сумма счета по каждой книжкѣ: въ Саксоніи 60 талеровъ, въ Пруссіи 80, въ Великобританіи 183¹/₂.

числа вступающихъ въ бракъ невѣсть. Но не всѣ браки записываются, незаписываемые же должны дать еще менѣе выгодную пропорцію грамотности.

Признакомъ распространенія народнаго образованія можетъ служить увеличивающееся потребленіе бумаги. Оплачено акцизомъ бумаги:

въ 1800 году	29,266,000	фунтовъ	2 ¹ / ₂	ф. на человѣка.
» 1842 »	96,693,000	»	—	»
» 1854 »	177,896,000	»	—	»
» 1855 »	166,776,000	»	—	»
» 1858 »	176,298,997	»	6 ¹ / ₁₀	»

Но дѣйствительная разница должна быть больше, ибо вслѣдствіе усовершенствованной фабрикаціи бумага сдѣлалась тоньше. Замѣчательно также, что изъ показаннаго выше числа приходилось въ 1858 году:

на Англію.....	128,929,067	фунтовъ.
» Шотландію.....	39,513,235	»
» Ирландію.....	7,856,895	»

Жельзные дороги. Почта. Телеграфъ.

Линіи жельзныхъ дорогъ, всѣ вмѣстѣ, въ 1862 году составляли въ длину 11,550 англійскихъ миль (2,506 нѣмецкихъ).

	стоимость постройки.	число пасса- жировъ	доходъ.	ежегодный расходъ.
Въ Англіи.....	318,237,038.	152,437,927.	24,529,062.	12,050,581.
« Шотландіи.....	43,656,693.	17,610,927.	3,153,404	1,520,056.
« Ирландіи.....	23,324,707.	10,436,873.	1,446,092.	697,772.
всего...	385,218,438	180,485,727	29,128,558	14,267,409

Число пострадавшихъ отъ локомотивовъ было въ 1856 году:

убитыхъ.....	281,	изъ коихъ	27	пассажировъ
раненыхъ.....	394,	»	298	»
Итого...	675		325	

Изъ числа пассажировъ по собственной винѣ погибло 8 человѣкъ, ранено 282, слѣдовательно одинъ изувѣченный приходится на 446,000 пассажировъ, одинъ убитый—на 16,168,600. Въ 1858 году одинъ раненый приходился на 332,204 пассажира, одинъ убитый — на 5,353,603.

Вслѣдствіе удешевленія платы за почтовую пересылку (до одного пенса за письмо въ любую мѣстность королевства), число отправляемыхъ по почтѣ писемъ, въ 1839 году простиралась до 80,000,000, въ 1863 году возрасло до 642 миліоновъ.

Длина всѣхъ телеграфныхъ линій въ 1863 году простиралась:

на сушѣ до	13,893	англ миль
подъ водою »	887	»

Число телеграфныхъ станцій въ томъ же году — 1.755.

Обращеніе банковыхъ билетовъ.

Государственныхъ бумажныхъ денегъ въ Соединенномъ Королевствѣ нѣтъ.

Основанный въ 1694 году англійскій банкъ выпускаетъ билеты, наименьшая номинальная цѣнность которыхъ не можетъ быть ниже пяти фунтовъ стерлинговъ. Кромѣ того есть еще много другихъ банковъ. Въ 1863 году всѣхъ банковъ въ королевствѣ было 392, а со всѣми ихъ развѣтвленіями—1,255. Банковыхъ билетовъ въ концѣ 1863 года было въ обращеніи на 38 миліоновъ фунтовъ стерлинговъ. На $23\frac{1}{2}$ миліоновъ фунтовъ стерлинговъ выпущено билетовъ однимъ «Англійскимъ Банкомъ».

Народное имущество.

Сумма застрахованныхъ отъ огня цѣнностей составляла въ 1856 году около 865 миліоновъ фунтовъ стерлинговъ, изъ которыхъ 62 миліона приходилось на освобожденные отъ налога сельско-хозяйственные запасы. Все народное имущество оцѣняется слѣдующимъ образомъ:

Недвижимое имущество около.....	1,550	фунт. стер.
Зданія.....	654	»
Домашняя утварь, инструменты, предметы роскоши..	220	»
Запасы товаровъ всякаго рода.....	110	»
Сельско-хозяйственные запасы.....	62	»
Суда.....	50	»
	<hr/>	
	2,664	
Государственные фонды.....	1,200	
	<hr/>	
Итого.....	3,846	

или 24,037 $\frac{1}{2}$ миліоновъ рублей серебромъ. Если изъ сей суммы вычесть сумму государственнаго долга, то останется 2,600 мил. фунтовъ стерлинговъ = около 16,250 мил. рубл. сер.

Монета, мѣра, вѣсъ.

Монетная единица: фунтъ стерлинговъ (pound, liver sterling)—золотая монета, какихъ 29,2 штукъ идетъ на марку чистаго металла, содержитъ 22 карата золота; цѣнность около 25 франковъ, 6 р. 25 коп. сер. Фунтъ стерл. дѣлится на 20 шиллинговъ (серебряная монета 1 фр. 22 сант., около 32 к. сер.). Шиллингъ дѣлится на 12 пенсовъ (мѣдная монета Penny или denier въ $2\frac{1}{2}$ к. серебромъ).

Мѣры. Англійскій футъ (foot) = 30, 48 сантиметрамъ и почти равенъ русскому футу или $\frac{3}{7}$ аршина. Ярдъ = 3 англ. фута = $1\frac{1}{7}$ аршина. Англійская миля = 1,760 ярдовъ = 1,609 метровъ = 1,100 русск. версты. — Акръ (поземельная мѣра) = 40, 49 аровъ = 0,37 русск. десятины. Нѣмецкая квадратная миля = 21,1860 англ.

мили. Квартеръ (хлѣбная мѣра, раздѣляющаяся на 8 бушелей) = 11,08 русск. четвериковъ. Бушель = 35,72 метрамъ или 1,3853 русск. четверикамъ, галлонъ (мѣра жидкостей) = 0,3694 русскихъ ведр. = 4,54 литра.

Вѣсь. 1 торговый фунтъ = 1 русск. фунт. + 10 зол. + 31,95 долей. Тоннъ = 62 русск. пудамъ + 1 фунт. + 9 $\frac{1}{2}$ зол. = 20 центнеровъ = 2,240 англ. фунтовъ.

Вѣщина владѣній.

1) ВЛАДѢНІЯ ВЪ ЕВРОПѢ.

	англ. кв. м.	нѣм. кв. м.	жителей обою пола
Гибралтаръ.....	1,75	0,08	15,462
Мальта съ сосѣдними островами...	115,00	5,41	141,220
Хельголандъ.....	0,33	0,02	2,172
	117,08	5,51	158,854

2) БРИТАНСКІЯ ВЛАДѢНІЯ ВЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ.

	англ. кв. м.	нѣм. кв. м.	жителей въ 1861 г.
Нижняя Канада.....	210,020	9,879	1,111,566
Верхняя Канада.....	—	—	1,396,091
Новый Брауншвейгъ.....	27,103	1,274	252 047
Острова принца Эдуарда.....	2,173	102	80,859
Новая Шотландія.....	18,671	878	332,264
Нью-Фаундлендъ.....	40,200	1,891	122,638
Британская Колумбія.....	200,000	9,408	—
Ванкуверовы острова.....	14,000	658	—
Лабрадоръ.....	170,000	7,997	5 000
Всего.....	682,169	32,902	3,300,465

Изъ всѣхъ этихъ владѣній особенно важна Канада. Назадъ тому полтора ста лѣтъ, подѣ французскимъ владычествомъ, Канада имѣла не болѣе 90,000 жителей. 50 лѣтъ тому, какъ Канада имѣла всего полмилліона жителей, то-есть впятеро менѣ чѣмъ теперь. Канада имѣетъ собственное свое государственное устройство и управленіе съ особеннымъ парламентомъ, и вообще пользуется такой самостоятельностью, какъ ни одна изъ колоній какого либо государства. По колониальному бюджету Канады доходы ея составляли въ 1858 году 5 $\frac{1}{2}$ милліоновъ долларовъ, расходы — 5 $\frac{1}{4}$ мил. долларовъ; въ 1861 г. доходъ простирался до 1,498,500 фунтовъ стерл. Государственный долгъ Канады — около 50 милліоновъ долларовъ.

3) ВЛАДѢНІЯ ВЪ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮЖНОЙ АМЕРИКѢ.

а) СѢВЕРНЫЕ ОСТРОВА.

	англ. кв. м.	нѣм. кв. м.	жители лей.
Бермудскіе острова.....	24	1,1	11,450
Багамскіе „.....	2,921	137,4	35,287
Тюркскіе „.....	—	—	4,372
Ямайка „.....	6,400	101,1	441,255

b) МАЛЫЕ АНТИЛЬСКІЕ ОСТРОВА :

	англ. кв. м.	цѣм. кв. м.	число жителей.
Острова Дѣвы (1859).....	57	2,7	6,051
Св. Христофора (1855).....	108	4,6	20,941
Невисъ.....	50	2,3	9,832
Антигоа.....	108	5,0	36,412
Монсерратъ.....	47	2,9	7,645
Доминика (1860).....	291	13,7	25,065
Сентъ-Люція (1860).....	250	11,7	27,141
Сентъ-Винцентъ (1861).....	131	6,1	31,755
Барбадосъ (1861).....	166	7,8	152,727
Гранада (1861).....	133	6,2	31,900
Табаго (1861).....	97	4,5	15,410
Тринидадъ.....	1,754	82	84,438

c) МАТЕРИИ ВЪ ЮЖНО-АМЕРИКАНСКІЕ ОСТРОВА.

Британскій Гондурасъ.....	13,500	635,0	25,635
Британская Гвіана.....	76,000	3,575,0	155,026
Фалклендскіе острова.....	7,600	357,0	566

109,635 4,685,0 1,122,698

4) ВЪ АФРИКѢ:

	англ. кв. м.	цѣм. кв. м.	жители.
Капская колонія. }.....	104,931	4,936	231,323
Британскія Кафрарія }.....	14,337	6,74	157,585
Наталь.....			311,747
Маврикій (Иль-де-Франсъ) }.....	708	33	—
Сешельскіе острова и при- надлежащіе къ нимъ. }.....			9,055
Св. Елена.....	47	2,2	6,444
Берегъ Гамбін.....	20	1	6,939
Сиерра-Леоне.....	468	22	41,624
Золотой берегъ.....	6,000	282	151,346
Лагосъ.....	—	—	—

Всего..... 126,511 5,950 916,061

5) ВЪ АВСТРАЛІИ:

Каждая изъ нижепоименованныхъ колоній образуетъ собою совершенно отдѣльное государство. Прежде другихъ достигъ автономіи Новый Южный Уэльсъ, получившій конституціонное устройство въ 1848 году.

Колонія.	англ. кв. м.	цѣм. кв. м.	число жит. въ 1863 г.
Новый Южный Уэльсъ...	323,437	15,214	367,495
Викторія.....	86,831	4,037	566,807
Южная Австралія.....	383,328	18,036	126,830
Квинсландъ.....	678,000	31,893	56,000
Западная Австралія.....	978,000	46,005	15,691
Тасманія.....	26,215	1,233	91,519
Новая Зеландія.....	106,259	4,994	106,315

Всего..... 2,582,070 121,412 1,330,657

Между народонаселениемъ Викторіи находится до 24,732 китайцевъ и до 10,418 нѣмцевъ. Въ золотоносныхъ округахъ въ мартѣ 1863 года жило 229,600 человекъ, въ быстро поднявшемся городѣ Мельборнѣ — 41,400 человекъ, а съ предмѣстьями 94,498 (въ 1864), въ Сиднеѣ — 56,470, съ предмѣстьями 93,202 (въ 1861)

Добыча золота отъ 1851 по 1859-й была слѣдующая:

въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ.....	7.394,718	фунт стерл.
» Викторіи.....	93.810,212	»
» Южной Австраліи.....	160,000	»
» Тасманіи.....	8,000	»
» Новой Зеландіи.....	140,000	»
Всего въ теченіе 9 лѣтъ.....	101,512,930	»

Съ 1851 по 1863 годъ въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ добыто золота 12,972,916 фунт. стерл.; въ Викторіи съ 1851 до половины 1864 добыто 12,000,000 фунт. стерл.

Привозъ и вывозъ во всѣхъ австралійскихъ колоніяхъ составлялъ въ 1861 году 45 миліоновъ фунт. стерл., морская торговля 3 мил. тоннъ; имѣющіеся корабли содержатъ полтора миліона тоннъ.

Общественные доходы получаютъ преимущественно отъ таможенъ и отъ продажи земель. Вся земля, объявленная при основаніи колоніи, владѣніемъ короны, распродается по 5—40 шиллинговъ за акръ. При этомъ не обращается никакого вниманія на право туземцевъ; право на поземельную собственность признается за ними только въ Новой Зеландіи, но съ тѣмъ ограниченіемъ, что туземцы могутъ продавать свою землю только правительству.

6) ВЪ АЗИИ:

а) ВРЕЖНІЯ КОРОНЫЯ ВЛАДѢНІЯ:

	англ. кв. м.	нѣм. кв. м.	жителей.
Цейлонъ.....	24,700	1,162	1,919,487
Гонконгъ (въ Китаѣ)...	32	1,5	119,321
Островъ Лабуанъ.....	45	2,1	2,442
Всего...	24,777	1,165,6	2,041,250

б) ПРЕЖНІЯ ВЛАДѢНІЯ АНГЛІЙСКОЙ ОСТЪ-ИНДСКОЙ КОМПАНИИ.

	англ. кв. м.	нѣм. кв. м.	число жителей.
Области, подлежащія управленію генералъ-губернатора.....	240,056	8,000	14,165,161
Бенгалия.....	280,200	13,160	41,498,608
Мадрасъ.....	128,550	6,040	23,127,855
Бомбей.....	137,743	6,470	11,937,512
Пенджабъ.....	100,406	4,710	14,794,611
Сѣверо-западные провинціи.....	116,498	5,470	30,110,497
Всего.....	993,722	43,850	135,634,244

с) ТУЗЕМНЫЯ ГОСУДАРСТВА:	англ. кв. м.	нѣм. кв. м.	число жи- тел.
Въ Бенгаліи.....	—	24,249	38,702,206
» Мадрасъ.....	—	2,435	5,313,671
» Бомбей.....	—	2,849	6,440,370

Послѣднія государства не всѣ, и не въ одинаковой степени, находятся въ зависимости отъ британскаго правительства. Петерманнъ распредѣляетъ ихъ такъ:

	нѣм. кв. м.	число жи- телей.
Союзныя государства, связанныя субсидіями....	8,757	19,835,818
Покровительствуемыя государства, платящія дань.....	9,022	12,209,389
Покровительствуемыя, но свободныя отъ дани государства.....	5,203	8,075,763
	23,982	40,126,970
Независимыя государства.....	3,906	3,242,720

*Индійскіе города и ихъ населеніе (большую частію по прибли-
зительному вычисленію)*

Калькутта.....	413,182	Коунпуръ.....	108,796
Мадрасъ.....	720,000	Даръ.....	100,000
Бомбей.....	566,119	Файзабадъ.....	100,000
Лукно.....	300,000	Бортпуръ.....	100,000
Патна.....	284,132	Лагоръ.....	95,000
Гайдерабаръ.....	200,000	Амритсаръ.....	85,000
Бенаресъ.....	185,984	Молтанъ.....	80,966
Дели.....	152,406	Тангоръ.....	80,000
Джудпуръ.....	150,000	Сянгануръ.....	80,792
Муршедабадъ.....	147,000	Мирзануръ.....	79,526
Варода.....	140,000	Поона.....	75,170
Ахмедабадъ.....	130,000	Аллахабадъ.....	72,093
Агра.....	125,000	Пешауръ.....	53,295
Барелья.....	111,332	Джагерпуръ.....	30,000
Нагпуръ.....	109,000		

По переписи 1859 года оказалось, что во всей Индіи, со включеніемъ иностранныхъ владѣній, 185,908,277 человекъ, изъ нихъ 135,442,911 въ британской области. Впрочемъ, представитель Индостана на статистическомъ конгрессѣ 1860 г. объявилъ, что объ эти цифры слишкомъ низки въ сравненіи съ дѣйствительностью.

Финансы Индіи весьма неудовлетворительны. Еще до разрушительнаго возстанія 1857 года дефициты были обыкновенны. За 1853—54 финансовый годъ, по отчету, представленному англійской верхней палатѣ, дефицитъ простирался до 2 мил. фунт. стерлинговъ.

Въ 1859—60 доходовъ 39 мил. фунт., расходовъ 46 м. ф. Доходы распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Подать съ земель.....	20 ¹ / ₂	млн.	фунт.	стер.
Опіумъ.....	5 ¹ / ₂	»	»	»
Таможни.....	3 ³ / ₄	»	»	»
Налогъ на соль.....	3 ¹ / ₂	»	»	»
Подать съ дохода.....	0,2	»	»	»

Расходы :

Издержки взиманія.....	—	»	»	»
Покупка соли и опіума.....	7 ³ / ₄	»	»	»
Проценты государственнаго долга.....	15 ¹ / ₄	»	»	»
Войско.....	15 ³ / ₄	»	»	»
Флотъ.....	0,25	»	»	»
Внутренняя и вѣдшая политика и управ- леніе.....	3 ³ / ₄	»	»	»
Юстиціи и полиціи.....	4	»	»	»
Гарантиров. проценты жел. дор.....	1	»	»	»

Сумма государственнаго долга Ост-Индіи простирается свыше 100 милл. ф. стерл.

Общественное положеніе индійскаго народа вообще самое жалкое, и не мудрено послѣ всѣхъ бѣдствій, которыя вынесла эта щедро одаренная природою, несчастная страна. До завоеванія Индіи англичанами, эта страна отличалась своимъ богатствомъ. Въ ней процвѣтало не только земледѣліе, но и ремесла и фабричное дѣло. Бенгалія славилась своею тонкою кисеей, Коромандельскій берегъ своими ситцами, Западная Индія — грубыми тканями всякаго рода. Обремененная налогами и нерѣдко опустошаемая вторгавшимися войсками, страна оставалась все-таки богатой и цвѣтущей. Этому особенно способствовалъ живой, непосредственный обмѣнъ между производителями. Ремесленникъ, фабричный жили рядомъ съ земледѣльцемъ, и Индія не только довольствовалась своими мануфактурными произведеніями, но и могла отправлять ихъ за границу. А главнѣйшимъ условіемъ ея благосостоянія было самоуправленіе отдѣльныхъ общинъ. Мохамеданское владычество щадило старинныя учрежденія индусовъ. Не то видимъ во времена владычества Ост-Индской компаніи. Прежде всего компанія, имѣвшая торговую монополію, могла произвольно назначать цѣны на все, что она покупала или продавала. Чтобы воспрепятствовать развитію туземныхъ мануфактуръ, и способствовать сбыту англійскихъ, компанія обложила налогомъ всѣ употребляемыя въ дѣло машины, и этотъ налогъ взыскивала съ неизмовѣрною строгостію. Ткачъ долженъ былъ показать, сколько у него дѣтей, какую помощь они ему оказываютъ, и чѣмъ больше было работающихъ вмѣстѣ, тѣмъ тяжеле былъ налогъ. Маслобойни, гончарныя печи, инструменты золотыхъ дѣлъ мастера, столяра, наковальня кузнеца, инструменты плотника, токарный станокъ, рыбацья лодка—все было обложено налогомъ, отъ него не могла ускользнуть ни одна машина, какая бы она ни была. Доносчикамъ платили значительныя суммы, чтобы побудить тѣхъ, кто не могъ работать, шпионить за работающими людьми.

Другіе налоги взимались въ мѣстныхъ таможенныхъ со всякаго обмѣна между различными частями страны, между тѣмъ какъ мо-

нополю соли, опиума и табаку была установлена въ пользу государственной казны. Добываніе соли было запрещено частнымъ лицамъ, и даже собираніе ея вдоль берега, гдѣ природа разсыпала ее, даромъ, наказывалось денежнымъ штрафомъ или заключеніемъ. Сами чиновники компаніи собирали лишь такое количество соли, какое было потребно, чтобъ удовлетворить запросу по номинальной цѣнѣ. Весь остатокъ былъ аккуратно истребляемъ. При туземныхъ государяхъ доходъ народный, составляемый податями, расходовался на мѣстѣ; при новой, централизованной системѣ былъ долженъ постоянно идти въ Англію; такимъ образомъ налоги, тяжелые сами по себѣ, становились безконечно тяжелѣе вслѣдствіе стѣсненій, ограниченій, которымъ подвергалось въ Индіи раздѣленіе и сочетаніе труда.

Само собою разумѣется, что вывозъ изъ Англій въ Индію машинъ былъ запрещенъ; ни одинъ техникъ не могъ переселиться въ Индію. Всѣ эти мѣры до такой степени убили промышленность страны, что когда, впоследствии, Англіею была объявлена и для Индіи свобода торговли, бѣдные и невѣжественные обитатели этой страны должны были конкурировать съ обществомъ, владѣвшимъ всевозможными усовершенствованными машинами. Вывозъ тканей изъ Индіи совершенно прекратился.

Запрещеніе вывоза машинъ изъ Великобританіи имѣло цѣлю принудить по возможности цѣлый міръ посылать шерсть, ленъ, хлопчатую бумагу въ Англію для пряжи и тканья, и такимъ образомъ отнять у другихъ странъ возможность употреблять свой трудъ на что нибудь другое кромѣ производства сырыхъ матеріаловъ для снабженія великой всемірной мастерской. Послѣдствія такой системы обнаружались въ Индіи «нищетою и страданіями, какимъ не находимъ примѣровъ въ лѣтописяхъ промышленности» (Р. Пиль). Значительные мануфактурные города совершенно исчезли; цвѣтущій городъ Дакка, въ которомъ считалось нѣкогда 90 тысячъ домовъ, теперь представляетъ кучу развалинъ, поросшихъ бурьяномъ. Для совершенія этого дѣла разрушенія, должны были, по словамъ Роб. Пила, дѣти работать въ Ланкаширѣ отъ 15 до 17 часовъ въ будни, а по воскресеньямъ отъ 6 до 12 часовъ употреблять на чистку машинъ. Въ Ковентри работникъ за 2 шилл. 9 пенсовъ долженъ былъ трудиться по 16 часовъ въ день. Цѣль, которой хотѣли достигнуть, была — работать дешевле индуса и вытѣснить его изъ всемірнаго рынка и изъ его собственнаго. Бѣдный райя платитъ до двадцати пенсовъ за британскую матерію, вытканную изъ куска шерсти, за которую онъ могъ получить только одинъ пенсъ, и всю разность уплачиваетъ онъ за услугу другихъ, между тѣмъ какъ самъ остается безъ занятія. Половина времени и энергіи индусовъ расточается даромъ, гов. Чапманъ.

Паденіе промышленности способствовало упадку земледѣлія. Сооруженія, сдѣланныя въ прежнее время для орошенія, разрушились и самыя плодородныя земли оставлены. Въ долинѣ Ганга, по словамъ Чапмана, не обрабатывается и третьей части земли, «годной

для воздѣлыванія, а въ цѣлой Индіи половина годной для земледѣлія почвы пустуетъ».

Лучшимъ подтвержденіемъ приведенныхъ сейчасъ словъ Кери, можетъ служить голодъ въ Индіи, повторяющійся такъ часто и еще недавно (въ 1866 г.) стоившій жизни полутора милліоновъ народа («Вѣстникъ Европы» 1867, № 1). Хотя вслѣдъ за усмиреніемъ возстанія 1857 года и со времени отнятія у О.-Индской Компаніи управленія страной и сдѣланы нѣкоторыя улучшенія въ управленіи Индіей, все же страна эта и до сихъ поръ находится въ бѣдственномъ положеніи.

Общее обзорніе.

ОБЛАСТИ.	ПЪЕМЦІИ кв. мили.	НАСЕЛЕНІЯ.
1) Великобританія съ Ирландіей	5,800	29,500,000
2) Европейскія владѣнія	6	160,000
3) Сѣверо-американскія	32,900	3,300,000
4) Средне и южно-американскія	4,700	1,125,000
5) Африканскія	6,000	920,000
6) Австралійскія	120,000	1,330,000
7) Азіатскія	45,000	138,000,000
8) Покровительствуемыя государства въ О.-Индіи.	23,000	45,000,000
Всего	237,000	220,000,000

ФРАНЦІЯ (имперія).

Пространство и народонаселеніе.

Общее обзорніе. Это во всѣхъ отношеніяхъ единое и цѣльное государство, занимало въ 1861 году 9,853 геогр. квадрати. мили (въ 5,505 гектаровъ каждая) и имѣло 37,383,225 жителей. Оно раздѣлено на 89 департаментовъ, а департаменты, въ свою очередь, на 373 округа (arrondissements) и 2,938 кантоновъ, заключающихъ въ себѣ 37,510 общинъ.

ДЕПАРТАМЕНТЫ.	ГЕКТАРЫ.	НАСЕЛЕНІЕ въ 1861 г.	ГЛАВНЫЕ ГОРОДА И ИХЪ НА- СЕЛЕНІЕ.
Авейронскій	874,333	396,025	Родесъ 11,856.
Алье	730,837	356,432	Муленъ 18,000, Монлю- сонъ 16,000.
Альповъ Нижнихъ	695,418	146,348	Динь 5,344.
Альповъ Верхнихъ	558,960	129,556	Гапъ 8,219.
Арденскій	523,289	329,111	Мезьеръ 5606, Седанъ 15,000
Ардешскій	552,665	388,529	Прива 6,657, Анноне 16,271.
Аржежскій	489,387	251,850	Фуа 5,508.
Вандейскій	670,350	395,695	Наполеонъ-Вандей 8,298.
Варскій	608,325	315,526	Драгивиль 10,082, Тулонъ 84,987, Ла-Сейнъ 10,360.

ДЕПАРТАМЕНТЫ.	ГЕКТАРЫ.	НАСЕЛЕНИЕ въ 1861 г.	ГЛАВНЫЕ ГОРОДА И ИХЪ НА- СЖЕНІЕ.
Веневскій.....	697,037	322,038	Ноатье 30,563, Шателле-ро 14,210.
Венскій (Верхне-).....	551,658	319,595	Лимонажъ 51,053.
Вогезскій.....	607,996	415,485	Эпиналь 11,957.
Воклюзскій.....	354,771	268,255	Авиньонъ 36,081, Кар-пантра 10,918.
Гаронскій (Верхне-)....	628,988	484,081	Тулуза 113,229.
Гарскій.....	583,556	422,107	Нимъ 57,129, Алъ 20,257.
Дордонскій.....	918,256	501,657	Перигю 19,140, Берже-ракъ 12,110.
Дромскій.....	652,155	320,684	Валансъ 18,711, Монтеи-маръ 12,044, Романъ 11,257.
Дубскій.....	522,755	296,280	Безансонъ 46,786.
Жерскій.....	628,031	298,931	Онгъ 11,899.
Жирондскій.....	974,032	667,193	Бордо 162,750, Либурнъ 13565.
Иверонскій.....	828,934	577,748	Гренобль 34,726, Вьезъ 19,559.
Иль и Вилены.....	672,583	584,930	Реннъ 45,485, Сентъ-Мало 10,886.
Индерскій.....	679,530	270,054	Шагору 16,170, Исудевъ 14,282.
Индри и Луары.....	611,870	323,572	Туръ 41,061.
Ионскій.....	742,804	370,305	Омсеръ 15,081, Саванъ 11,098.
Иальвадосскій.....	552,072	480,992	Канъ 43,740, Ливозъ 13,121.
Кантальскій.....	574,147	240,523	Орлякъ 10,936.
Коррезскій.....	586,609	310,118	Тюль 12,410.
Корсиканскій.....	874,745	252,889	Аячю 14,098, Бастиа 19,304.
Котъ-д'Орскій.....	876,116	384,140	Дижонъ 37,074, Бовъ 10,719.
Крезскій.....	556,830	270,055	Гере 5,139.
Ланды.....	932,131	300,839	Монъ-де-Марсанъ 5,574.
Ло.....	521,174	295,542	Кагоръ 13,846.
Ло и Гаронны.....	535,396	382,665	Ажанъ 17,263, Вильметъ 137,367.
Лозерскій.....	516,973	137,367	Мендъ 6,370.
Лауръ.....	677,119	352,757	Орлеанъ 50,798.
Лаурскій.....	475,692	517,603	Монбризонъ 7,201, Сентъ-Этьенъ 92,250, Роаннъ 17,398.
Луары и Шеры.....	696,092	269,029	Блуа 20,331.
Луары Верхней.....	486,225	305,521	Лепою 17,015.
Луары Нижней.....	687,456	580,207	Нантъ 113,625, Сентъ-На-варъ 10,845.
Маасскій.....	622,787	300,540	Баръ-ле-Дюкъ 14,922, Вердунъ 12,394.
Мавшскій.....	592,838	591,421	Сентъ-Ло 9,810, Шербургъ 41,812, Гранвилъ 17,188.
Марнскій.....	818,044	385,498	Шалонъ-на-Марнѣ 16,676, Реймсъ 55,808, Эперве 10,598.
Маряскій (Верхне-)....	621,968	254,413	Шомонъ 7,140.
Майнскій.....	517,063	375,163	Лаваль 22,892, Майенъ 10,310.
Мертскій.....	609,004	428,643	Нанси 49,305, Люневиль 15,528.
Мозельскій.....	589,889	466,457	Мецъ 56,888.
Морванскій.....	673,781	489,504	Ванъ 14,564, Дорьянъ 35,462.
Мозель и Луары.....	712,093	526,012	Анжеръ 51,797, Сомеръ 14,079.

ДЕПАРТАМЕНТЫ.	ГЕКТАРЫ.	НАСЕЛЕНИЕ въ 1861 г.	ГЛАВНЫЕ ГОРОДА И ИХЪ НА- СЕЛЕНИЕ.
Ниверскій	681,656	332,914	Неверь 18,971.
Оазскій	585,506	401,417	Бове 15,364, Компьень 12,137.
Обскій	600,139	262,785	Труа 34,613.
Одскій	631,324	283,606	Каркаюнь 20,644, Нар- бонь 16,062.
Орнскій	609,729	423,350	Алансонъ 16,110, Флеръ 10,054.
Па-де-Кале	660,563	724,338	Аррасъ 25,905, Булонь 36,265, Сентъ - Омеръ 22,011, Сентъ-Пьеръ-ле- Кале 15,008, Кале 12,934.
Пиреней Верхнихъ	452,945	240,179	Тарбъ 14,768.
Пиреней Нижнихъ	762,266	436,628	По 21,140, Байона 25,611.
Пиреней Восточныхъ	412,211	181,763	Перпиньянъ 23,462.
Рюм-де-Домъ	795,051	576,409	Клермонъ-Ферранъ 37,275 Тьеръ 15,901, Рюмъ 10,863.
Рейнскій (Нижне-)	455,345	577,574	Страсбургъ 82,014, Гаге- нау 11,071, Шлештадтъ 10,184.
Рейнскій (Верхне-)	410,771	515,802	Кольмарь 22,629, Мюль- гаузъ 45,887, Сентъ-Ма- ри-о-Минъ 12,332, Гёб- вильеръ 10,680.
Ронскій	279,039	662,493	Лионъ 318,803, Тараръ 14,569, Вильфраншъ 11,650.
Савоиа (Верхняя)	341,715	267,496	Аннеси 10,737.
Савоиа	591,358	275,039	Шамбери 19,953.
Сартскій	620,668	466,165	Ле-Манъ 37,209.
Севръ (объихъ)	599,988	328,817	Ниоръ 20,831.
Сенскій	47,550	1,953,660	Парижъ 1,696,141, Сентъ- Дени 22,052, Кляши 17,473, Булонь 13,944, Венсенъ 13,414, Нельмъ 13,216, Курбеуа 10,533.
Сены (Нижней)	603,339	789,988	Руанъ 102,649, Гавръ 74,336, Эльбежъ 20,692, Дьеннъ 20,187, Феканъ 12,243.
Сены и Марны	573,635	352,312	Мелёнъ 11,170, Фонте- небло 11,939.
Сены и Оазы	560,365	513,073	Версаль 43,899, Сентъ- Жермень-анъ-Ле 15,708.
Сомскій	616,120	572,646	Амьенъ 58,780, Аббевиль 20,058.
Сонскій (Верхне-)	533,992	317,183	Везуль 7,579.
Соны и Луары	558,174	582,137	Маконь 18,006, Шалонъ- на-Сонъ 19,709, Ле-Кре- зо 16,094, Огёнъ 11,897.
Съвернаго берега	688,562	628,676	Сентъ-Бриё 15,341.
Съверный	568,087	1,303,380	Лилъ 131,827, Рубе 49,274, Туркуанъ 33,496, Дун- керкъ 32,113, Валансъ- енъ 24,966, Дуа 24,486, Камбре 22,557, Ватре- ло 12,315, Армантьеръ 11,901, Галлуанъ 10,803. Мобежъ 10,557, Дененъ 10,000, С.-Аманъ 100,000

ДЕПАРТАМЕНТЫ.	ГЕКТАРЫ.	НАСЕЛЕНІЕ въ 1861 г.	ГЛАВНЫЕ ГОРОДА И ИХЪ НА- СЕЛЕНІЕ.
Гарискій.....	574,216	353,833	Альби 15,493, Кастръ 21,538, Мазама 11,000.
Гарны и Гаронны.....	372,016	232,551	Монтобанъ 27,054, Муас- сакъ 10,445.
Финистерскій.....	672,112	627,304	Кемперъ 11,488, Брестъ 67,833.
Шарантскій.....	594,234	379,081	Ангулемъ 24,961.
Шарантскій (Нижне-)...	682,569	481,070	Ларошель 18,904, Рошооръ 30,212, Севтъ 10,962.
Шерскій.....	719,934	323,393	Буржъ 28,064.
Энскій.....	579,897	369,767	Бургъ-анъ-Брессъ 14,052.
Эвы.....	735,200	564,597	Ланъ 10,090, Севтъ-Кан- тевъ 30,790, Суассонъ 10,208.
Эрб.....	619,800	409,391	Монпелье 51,865, Безье 24,270, Севтъ 23,438, Лодевъ 11,864.
Эрскій.....	595,765	398,601	Эврэ 12,465, Луувъ 10,841.
Эры и Луары.....	587,430	298,053	Лонъ-де-Сонье 9,862, Доль 10,605.
Всего.....	54.239,669	37.382,235	

Изъ всей поверхности Франціи (за исключеніемъ трехъ новыхъ департаментовъ) 25.581,659 гектаровъ находится подъ пашней, 7.702,435 подъ лѣсами, 7.171,203 пастбищной, пустошной и болотистой земли, 5.159,226 луговой и 2.090,534 занятой виноградниками.

Число участковъ (parcolles), на которые раздроблена поземельная собственность во Франціи, въ 1842 году, простиралось до 126.210,194 число же землевладѣльцевъ было 11.053,702. Число всѣхъ зданій 7.462,545, изъ нихъ хозяйств. строеній и жилыхъ домовъ, подлежащихъ подати 6.771,899 (1846 г.).

Населеніе Франціи на всемъ пространствѣ ея старыхъ 86 департаментовъ, не включая трехъ новопріобрѣтенныхъ, простиралось въ 1801 году до . . . . . 27,349,902 жителей.
 » 1821 » » . . . . . 30,471,875 »
 » 1841 » » . . . . . 34,230,178 »
 » 1851 » » . . . . . 35,783,170 »
 » 1856 » » . . . . . 36,039,364 »

Распределение жителей по полу. По переписи 1861 года оказалось:

Женщинъ	18,739,721
Мужчинъ	18,642,504

Движеніе народонаселенія. Въ 1861 году брачныхъ союзовъ было заключено 305,203, родилось 1,005,078 дѣтей обоюго пола, умерло 866,598 человекъ. На каждыя 12,10 законныхъ роженій приходилось одно незаконное.

Среднее число незаконнорожденныхъ дѣтей было ежегодно:

въ пятилѣтіе отъ 1836—40.....	71,104	—7,41	проц. всѣхъ рожденій.
» » » 1841—45.....	69,768	—7,15	» » »
» » » 1846—50.....	67,994	—7,16	» » »
» » » 1851—55.....	68,687	—7,29	» » »
Въ 1861 г.—	76,697	—7,63	» » »

Эта послѣдняя цифра распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Въ департам. Сены незаконн.	16,154	Общее число рожденій.	60,889
» городахъ остальной Франціи.	30,920	» » »	257,719
» деревняхъ » »	29,623	» » »	686,470
	76,697	» » »	1,005,078

И такъ въ департаментѣ Сены незак.-р. составляютъ 26,53%, въ городахъ 12%, въ деревняхъ — 4,32% всего числа рожденій.

Мертворожденныхъ въ 1861 году было 45,024, т.-е. 4,29% всего числа рожденій. И такъ, въ сущности число родившихся во Франціи въ 1861 году 1,050,102.

10,782 женщины произвели на свѣтъ по два ребенка.

133 » » » » » три »

Смертность. Сумма всѣхъ смертныхъ случаевъ въ годъ была:

1836—40.....	799,817	—1 умершій на	42,35 жителей.
1841—45.....	785,983	—1 » »	44,29 »
1846—50.....	848,348	—1 » »	41,97 »
1851—55.....	870,670	—1 » »	39,67 »
1856—60.....	870,000	—1 » »	41,67 »

Одинъ смертный случай приходится на 39,52 человекъ въ департаментѣ Сенскомъ (Парижъ).

Въ городахъ остальной Франціи 1 смертный сл. на 40 человекъ.

» деревняхъ » » 1 » » » 45,65 »

Заслуживаетъ вниманія распредѣленіе числа умирающихъ по отдѣльнымъ годамъ.

1845 (благопріятный въ матеріальномъ отношеніи годъ).	741,985	умершихъ.
1846 (начало дороговизны).....	820,918	»
1847 (сильная дороговизна).....	849,054	»
1848 (политическія волненія).....	836,693	»
1849 (холерный годъ).....	982,008	»
1850 (дешевизна жизненныхъ припасовъ).....	761,610	»
1854 (война, дороговизна и холера).....	992,779	»
1855 (война).....	936,833	»
1856 (благопріятный годъ).....	835,017	»
1859 (ит. война).....	990,000	»

Сообщаемъ здѣсь нѣсколько новыхъ данныхъ по переписи 1866 года о народонаселеніи во Франціи, смертности и проч.

Франція. Народонаселеніе по переписи 1866 года—38,067,094; слѣд. въ 5 лѣтъ (съ 1861) оно увеличилось на 680,933.

Мужескаго пола.	19,014,109
Женскаго	19,052,985.

Въ 58 департаментахъ народонаселеніе увеличилось, въ 31 уменьшилось. Всего больше уменьшилось въ Маншскомъ (на 17,522), въ Орнскомъ (на 8,732), въ Майеннскомъ (на 7,308), Кальвадосскомъ (на 6,083); въ Воклюзскомъ (на 6,976), Провидомъ (4,719), Ло и Гароннѣ (4,103), д. Эрн (4,194), д. Нижн. Альповъ (3,368), Верхнихъ — 2,988, Жерск. (3,239), Мозельск. (3,887), Канталъск. (2,529), Дромск. (2,453).

Всего въ 31 департаментѣ уменьшилось народонаселеніе на 106,459 ч.

Въ остальныхъ 58 оно увеличилось на 787,392 (всего болѣе въ Сенскомъ 197,256, въ Сѣверномъ 88,661, Жиронды 34,662, устье Роны 40,791, Сены и Оазы 20,654, Финистер. 34,735.)

Въ Парижѣ—1,825,274 ж. Родившихся въ 1864, безъ мертворожденій—1,005,880. Отношеніе ч. дѣвочекъ къ ч. мальчиковъ 100:104,80.

Средняя жизнь въ 1860.	38	лѣтъ.
Средній возрастъ умершихъ муж. п. . .	36,4	»
женск. п. . .	39,1	»
Средн.	37,6	»

ВСЕГО ЧИСЛО РОДИВШИХСЯ.

Родившихся мужскомъ 1864.	—	75,900
Въ департаментахъ Сены	15,984	26,76%
» городахъ	29,669	11,42%
» деревняхъ	30,247	4,42%

Между ними совершенно непризнанныхъ 66,13%. Мертворожденныхъ въ 1864 г. 46,641.

1864: двойни 10,718 женщинами, тройни 113 (четв. 1).

Бракомъ сочат. паръ въ 1864—299,579 паръ. Отношеніе числа браковъ къ ч. родившихся 1:3,07 (съ 1861—64).

Совершенно безграмотныхъ жениховъ и невѣстъ 34,66%.

Жениховъ	27,88%
Невѣстъ	41,45%

Смертность въ 1864 году 860,330 или 2,27% всего народонаселенія.

Общая торговля. Привозъ 1865.	2,745	милл.
Вывозъ	3,293	»
Спеціальная торговля. Привозъ	3,527	»
Вывозъ	4,087	»

Преступленія (crimes) 1864 г.; обвиненій 3,447, изъ нихъ совершенно отвергнуты присяжными 648 обвиненій. Число обвиненныхъ лицъ — въ 1864 году 4,252 (въ томъ числѣ 3,505 мужчинъ, 743 женщинъ).

Изъ числа обвиненныхъ (1864) 39% совершенно безбрачныхъ.
 1864. Проступки (délits) 139,803, на 4,000 ч. болѣе чѣмъ въ 1863.

Обществъ взаимной помощи въ 1865 году: 5,288. Число членовъ 782,498, изъ которыхъ почетныхъ 96,656 ч.

Имущество общества взаимн. вспом. въ 1865: 69,830,673 фр. (изъ 31 декабря 1865).

1865	}	Доходы Общ. Взаимн. Вспомож.	12,945,900
		Расходы	11,310,870

Пріюты для умалишенныхъ.

(asiles) 99

Число больныхъ, которые могли пріютиться въ этихъ убѣжищахъ, въ концѣ 1860 года 31,550.

Свободныхъ мѣсть было 1,321.

	СУМАСШЕДШИХЪ (fous).	ИДИОТОВЪ.	ИРРЕГЕНОВЪ.
1856	22,602	2,840	43
1860	25,147	3,577	37
1861	26,450	3,746	43

Въ томъ числѣ женщинъ 15,657, мужчинъ 14,582.

Умаленныхъ, не помѣщенныхъ въ пріюты (asiles) было:

1851	24,433	Цифры меньшія дѣйствительныхъ, ибо
1856	34,004	многія семейства не показываютъ сво-
1861	53,160	ихъ больныхъ (при переписи) больными.

И такъ число умаленныхъ въ 1861 году: 84,214.

Въ заведенія для умаленныхъ въ 1860 году принято 10,785, выпущено изъ нихъ — 9,307.

Изъ 38,988 больныхъ, принятыхъ въ 1856—60 г. *) о 8,250 мѣсть свѣдѣній.

Изъ остальныхъ 30,738 у 4,056 эта болѣзнь наследственная.

Наслѣдственный идиотизмъ — у 260 ч. (изъ 2,117).

Отъ физическихъ причинъ лишлись ума 15,866, отъ нравственныхъ 10,357.

ФИЗИЧЕСКИЯ ПРИЧИНЫ.

Старость	2,098
Бѣдность	1,008
Осаннизмъ и половыя зло- употребленія	1,026
Пьянство	3,455
Vice congénital	474
Болѣзни женскія	1,692
Падучая болѣзнь	1,498
прочія болѣзни:	
Первой системы	1,136
Паденіе, раны, ушибы	398
Разныя болѣзни	2,017
Прочія физич. причины	1,164

ПРАВСТВЕННЫЯ ПРИЧИНЫ.

Чрезмѣрный умств. трудъ	288
Домашнія печали	2,549
Потеря имущества	851
Потеря дорогаго человѣка	803
Удары честолюбія	520
Угрызенія совѣсти	102
Гнѣвъ	123
Радость	81
Оскорбленное цѣломудріе	69
Любовь	707
Ревность	456
Гордость	368
Политическія событія	123

*) Въ убѣжища (asiles) для умаленныхъ.

Быстрый переходъ отъ дѣятельной къ пассив. жизни и наоборотъ .	84
Уединеніе	115
Тюремное заключеніе обыкновенное	118
Одноточное заключеніе	26
Носталгія	78
Крайности въ релігіозности	1,095
Другія нравственныя причины	1,728
	10,357

Изъ 13,657 умалишенныхъ, испѣлывшихся съ 1856 по 1860, помѣшавшихся отъ физическихъ причинъ было 5,253, отъ нравственныхъ — 4,536.

Съ 1854 по 1860 умерли въ убѣжищахъ для умалишенныхъ 26,500 больныхъ.

Глухонѣмыхъ въ 51 школѣ 2,000 учащихся.

Журналовъ изд. 1867 г. 1,435.

Писемъ отправлено 1866 г. 327,381,898.

Телеграфныя линіи — 1865 г. 29,669 километр.

Длина проволоки 99,574.

Самоубійство было въ теченіе 17 лѣтъ отъ 1836 до 1852 года 52,136, или по 3,066, среднимъ числомъ, въ годъ;

въ 1860 году ихъ было	4,050
» 1861 » » »	4,454

Средняя продолжительность жизни, по таблицамъ Дювиляра, была: до революціи 1789 года — 28³/₄ лѣтъ. Въ нынѣшнемъ же столѣтїи:

	МУЖЕСКІЙ П.		ЖЕНСКІЙ П.		ОБОВЪХЪ П.		
	лѣтъ.	мѣс.	лѣтъ.	мѣс.	лѣтъ.	мѣс.	
1806 - 1809 включительно.	30	6	32	7	31	6	Отъ 1789 по 1861 г. средняя жизнь людей увеличилась болѣе чѣмъ въ полтора раза.
1810—1814 »	30	7	33	3	31	10	
1815—1819 »	30	8	33	0	31	10	
1820—1824 »	30	2	32	8	31	5	
1825—1829 »	31	5	33	11	32	8	
1830—1834 »	32	1	35	0	33	6	
1835—1839 »	33	5	36	4	34	11	
1840—1844 »	33	5	36	7	35	0	
1845—1849 »	34	4	37	7	36	0	
1850—1854 »	35	0	38	4	36	8	
1855—1859 »	33	8	37	2	35	5	
1860 »	36	0	38	8	37	4	
1861 »	33	4	36	4	34	10	

Немошныя. Въ 1851 году было сумасшедшихъ 44,970 (изъ нихъ 20,527 въ домахъ умалишенныхъ), глухонѣмыхъ — 29,512, слѣпыхъ 37,662, хромыхъ 75,063, горбатыхъ 44,619, лишенныхъ одной или обѣихъ рукъ 9,077, одной или обѣихъ ногъ 11,301. Изъ 267,333 молодыхъ людей, призванныхъ къ военной службѣ, оказалось негодными, по причинѣ физическихъ недостатковъ, 80,320 человекъ.

Вприсоединенїа. Въ 1851 году, по официальнымъ свѣдѣніямъ, считалось:

католиковъ	34,931,032	евреевъ	73,975
реформатовъ	480,507	другихъ исповѣд.	26,348
лютеранъ	267,825	неизвѣстн.	3,483

Но въ этихъ, хотъ и официальныхъ свѣдѣнїяхъ, цифра протестантовъ гораздо ниже дѣйствительной. Утверждаютъ, что число протестантовъ простирается отъ двухъ до двухъ съ половиною милліоновъ.

Племена. Официальная статистика различаетъ только французовъ и иностранцевъ. Дѣйствительная же статистика признаетъ и въ составѣ французскаго народа племенные различїя. Мы полагаемъ, что около 31¹/₂ милліона жителей принадлежатъ собственно къ французскому племени. (Изъ этого числа 12¹/₂ милл. слѣдуетъ отнести къ провансальской вѣтви, стало быть чистымъ французскимъ языкомъ говорятъ только 19 милліоновъ жителей); нѣмцевъ считается почти два милліона (въ Эльзасѣ, Лотарингїи, Парижѣ и пр., изъ нихъ 1,160,000 понимаютъ только нѣмецкїй языкъ); валонцевъ 1,800,000; кимвровъ (бретонцевъ) 1,160,000; итальянцевъ (на островѣ Корсикѣ, въ Ниццѣ и пр.) 350,000; басковъ 160,000; испанцевъ 100,000; евреевъ 74,000 (150,000); цыганъ 5,000; нѣскольکو тысячъ каготовъ и др. Иностранцевъ, не принявшихъ французскаго подданства, считалось въ 1851 году 380,831.

Общины. Законъ не постановляетъ юридическаго различїя между городомъ и деревней. Число общинъ въ 1851 году было 36,835, а именно:

433 съ населенїемъ меньше чѣмъ во		100 жителей каждая.
2,560 съ населенїемъ	100	200 » »
4,157 » »	» » »	300 » »
4,618 » »	» » »	400 » »
3,916 » »	» » »	500 » »
11,955 » »	» » »	1,000 » »
4,423 » »	» » »	1,001 » »
1,462 » »	» » »	2,001 » »
565 » »	» » »	3,001 » »
235 » »	» » »	4,001 » »
271 » »	» » »	5,001 » »
93 » »	» » »	10,001 » »
43 » »	» » »	20,001 » »
13 съ населенїемъ болѣе.....	50,000	— » »

Парижъ имѣлъ въ 1801 году 552,686 жителей, въ 1811—630,686; 1821—723,551; 1831—785,483; 1841—935,261; 1851—1,053,262; 1856—1,174,346, 1861 (при расширенїи города) 1,696,141 ж.

Въ настоящее время во Франціи *два* города съ народонаселенїемъ отъ 200 до 300 тысячъ жителей: Лионъ и Марсель; *пять* городовъ съ населенїемъ 100—200,000 ж.: Бордо, Лиль, Тулуза, Нантъ, Руанъ; *тринадцать* съ нас. 50—100,000: С.-Этьенъ, Тулонъ, Страсбургъ, Гавръ, Брестъ, Амьенъ, Нимъ, Лиможъ, Реймсъ, Монпелье, Анжеръ, Орлеанъ; *десять*—40—50,000: Нанси, Рубе, Ницца, Безансонъ, Мюльгаузъ, Реннъ, Версаль, Каенъ, Шербургъ, Туръ, *шестнадцать* съ нас. 25—40,000 ж.

Въ 1861 году считалось:

Въ департаментѣ Сенскомъ	1,953,660 ж.
» городахъ остальной Франціи	8,877,765 »
» селеніяхъ	26,554,888 »

Финансы.

Бюджетъ. По одобреніи (которое, впрочемъ, ничего незначитъ) законодательнаго корпуса, онъ утверждается на одинъ годъ. Бюджетъ на 1865 годъ содержитъ въ себѣ слѣдующія цифры:

ДОХОДЫ:

Прямые налоги, а именно: поземельный, личный, налогъ на движимость, подать съ дверей и оконъ, патентный сборъ и проч.	315,361,400 франк.
Пошлина съ записей (enregistrement), гербовая пошлина Государственныхъ имущества, дѣса	395,500,000 »
Пошлины таможенные и соляной налогъ	52,445,916 »
Косвенные налоги: налогъ на напитки, на сахаръ внутренняго приготовления, табачная монополія, порохъ и проч.	147,425,000 »
Почта	578,002,000 »
Подать въ пользу учебныхъ заведеній (produits universitaires)	72,410,000 »
Доходы въ Алжиріи	2,858,500 »
Пенсіонныя деньги гражданскихъ чиновниковъ, составляемыя посредствомъ вычетовъ изъ ихъ жалованья	19,250,000 »
Средства кассы погашенія долговъ	14,356,700 »
Разные доходы, въ томъ числѣ: доходы съ выморочныхъ имѣній, доходы отъ телеграфовъ, рудниковъ, отъ владѣній въ Индіи и пр.	95,522,745 »
	58,681,801 »
Всего	1,752,036,082 франк.

РАСХОДЫ:

Государственный дощъ и дотации	699,107,112 франк.
Министерство Государственное	3,112,400 »
» Юстиціи и вѣдомствъ	81,047,196 »
» Иностранныхъ дѣлъ	12,597,300 »
» Внутреннихъ дѣлъ	51,625,845 »
» Финансовъ	22,070,517 »
» Военное	367,862,620 »
Алжирское генералъ-губернаторство	14,356,013 »
Министерство Морское и Колоній	151,092,382 »
» Народнаго просвѣщенія	19,469,121 »
» Сельскаго хозяйства, торговли и публичныхъ работъ	71,370,753 »
» Императорскаго двора и княжескихъ искуствъ	12,314,200 »
Индержки по взиманію податей и по управленію	234,001,774 »
Возвраты суммъ, премій, учеты	10,595,500 »
Всего	1,750,822,583 франк.

Кромѣ того существуютъ: В) *стѣпанный* бюджетъ, простирающійся до 229,493,035 фр., взимающихся съ отдѣльныхъ департаментовъ на департаментскія потребности. С) *Переходящія* статьи — 104,086,154; наконецъ D) *чрезвычайный* бюджетъ съ расходомъ въ 118,852,000 и доходомъ въ 119,350,011 франковъ (въ томъ числѣ 66,170,011 рентъ погашенія, 10 милл. вознагражденія за военныя издержки, взимаемыя съ Китая, 1,080,000 съ Кохинчины, 13,900,000 съ Мексики, 2 милл. отъ чрезвычайной рубки лѣса и проч.). Итакъ, весь государственный расходъ 2,193,303,772
 » » доходъ 2,204,915,262

Увеличеніе государственныхъ расходовъ во времена имперіи.

Расходы увеличивались съ года на годъ, со времени перемѣны республиканскихъ учреждений на монархическія, слѣдующимъ образомъ: въ 1853 году они простирались до 1,487 милл. франк.

» 1854	»	»	»	»	1,517	»	»
» 1855	»	»	»	»	1,562	»	»
» 1856	»	»	»	»	1,598	»	»
» 1857	»	»	»	»	1,699	»	»
» 1858	»	»	»	»	1,717	»	»
» 1859	»	»	»	»	1,765 ³ / ₄	»	»
» 1860	»	»	»	»	1,825	»	»
» 1861	»	»	»	»	1,840	»	»
» 1862	»	»	»	»	1,970	»	»

Уже въ 1855 году государственные расходы были вдвое больше противъ 1815 года. Еще до крымской войны императорскимъ правительствомъ былъ нетолько увеличенъ государственный долгъ, но и уменьшено имущество государства: продажою желѣзныхъ дорогъ на 227 милліоновъ фр., продажою доменъ и орлеанскихъ имѣній на 300,000,000 фр. и наконецъ огромными чрезвычайными порубками лѣса.

Разсматривая одни только годовые бюджеты, мы замѣчаемъ, что они свидѣтельствуютъ о перевѣсѣ (хоть и незначительномъ) доходовъ надъ расходомъ. Но этотъ перевѣсъ не что иное, какъ финансовый обманъ. По утвержденіи бюджета, декретами назначаются огромнѣйшія суммы для непредвидѣнныхъ расходовъ. Суммы эти составляютъ посредствомъ «дополнительныхъ кредитовъ». Еще въ прежней палатѣ депутатовъ докладчикъ о бюджетѣ 1848 г., слѣдовательно при Людовикѣ-Филиппѣ, замѣтилъ: «такая противная всѣмъ финансовымъ началамъ метода обращаетъ разсмотрѣніе бюджета въ простой обманъ и неизбежно приводитъ въ увеличенію расходовъ, не заботясь о средствахъ для ихъ погашенія». Взглядъ на результаты послѣднихъ заключительныхъ счетовъ подтвердить это мнѣніе. Расходы были въ 1855 году: по бюджету 1,562,030,308 фр., по результатамъ счетовъ — 2,375,342,590. Итакъ, передержано: 813,312,282 фр. Затѣмъ:

	ПО БЮДЖЕТУ.	ПО РЕЗУЛЬТАТАМЪ СЧЕТОВЪ.	ПЕРЕДЕР- ЖАНО:
1856	1.598,286,528	2.211,703,504	713,416,526
1857	1.698,904,664	1.873,526,216	173,621,552
1858	1.716,989,496	1.868,128,424	151,138,938
1859	1.765,780,877	2.216,710,764	450,929,887
1860	1.824,957,778	2.084,091,354	159,133,576
1861	1.840,121,858	2.177,836,308	337,714,450
1862	1.969,769,031	2.212,839,327	243,070,296

Всего передержано въ восемь лѣтъ..... 3.042,337,507

отъ 1855 по 1862.

	1863 г.	1864 г.	1865 г.
Обыкновенный бюджетъ....	1.721,581,077	1.775,144,001	1.760,922,583
Спеціальный ".....	217,917,785	221,934,123	229,493,035
Переходящія статьи *).....	97,004,895	100,046,704	104,036,154
Чрезвычайный бюджетъ.....	121,114,500	108,015,000	118,852,000
Всего.....	2.157,618,257	2.205,139,828	2.193,303,772

Департаментскіе расходы покрываются исключительно взиманіемъ прибавочныхъ процентовъ, присоединяемыхъ къ прямымъ налогамъ. Вся составляющаяся такимъ образомъ сумма включается въ государственный бюджетъ. Косвенныхъ налоговъ для этой цѣли не назначается.

Общинные расходы покрываются также, независимо отъ собственно общинныхъ доходовъ, взиманіемъ прибавочныхъ къ прямымъ налогамъ процентовъ, частію же обременительными сборами съ предметовъ внутренняго потребленія (налогами на мясо, напитки, топливо и проч.; такіе налоги называются *octrois*). Такие октруа въ 1856 году введены были въ 1,436 общинахъ и доставляли уже въ то время 95¹/₄ милліоновъ.

Городъ Парижъ имѣетъ бюджетъ, не уступающій бюджету инаго государства, не находящагося при томъ въ финансовомъ упадкѣ. Въ 1847 году расходы столицы не превышали 46 милл., въ 1864 г. они достигли уже 151¹/₂ милліоновъ; въ 1862 же году дошли до 175³/₄ милл. (не по смѣтѣ, а въ дѣйствительности).

Расходы государства въ прежнее время.

	1740 годъ.	ЛИБРОВЪ.
1) Королевскій столъ.....		7,300,000
Menus plaisirs (маленькія развлеченія придворныхъ, подарки, между проч. <i>présents aux maîtresses</i>		1,640,000
Придворныя конюшни.....		1,890,000
Королевскій гардеробъ.....		1,900,000
Содержаніе королевскихъ зданій и садовъ.....		4,300,000
Тайные расходы (полиція, дипломатія и пр.....		44,000,000
Войско сухопутное.....		38,400,000
Флотъ.....		17,400,000
Расходы по сбору налоговъ, на сколько они не были вычтены изъ доходовъ.....		3,200,000

*) *Services rattachés pour ordre au budget.*

1740 годъ.		ливровъ.
Проценты и погашеніе государственнаго долга: вѣчныя ренты		
28,125,000; пожизненныя ренты (послѣднія по 12%) 20,895,000,		
всего.....		40,020,000
Театръ (Въ Парижѣ, Версали, Лионѣ).....		200,000
Чрезвычайные шіоны (espions extraordinaires).....		1,400,000
Всего.....		170,400,000

Доходы не въ состояніи были покрыть расходовъ; пришлось занять 20 милл. подъ условіемъ, что они выплачены будутъ черезъ три года, съ уступкой 30 процентовъ дѣйствительной стоимости займа.

Въ 1781 году, по отчету Неккера, обыкновенные доходы, за вычетомъ издержекъ на взиманіе налоговъ, были:

	МИЛЛ. ЛИВРОВЪ.
Поголовная подать (taille).....	104,59
Двадцатина съ провинцій, неимѣвшихъ своихъ чиновъ.....	44
Приношенія провинцій, имѣвшихъ свои чины.....	11,49
Двадцатина съ этихъ провинцій.....	10
Генеральный откупъ (сол. 54, табачн. моноп. 24 м.).....	126
Откупъ съ Вестъ-индскихъ острововъ.....	4,1
Откупъ акцизныхъ и штемпельныхъ пошлинъ.....	42
Государственными имуществами.....	42
Часть короля въ доходѣ отъ государственныхъ имуществъ и откуповъ: генеральнаго, акцизнаго и штемпельнаго.....	1,2
Доходъ съ почты.....	11,2
Поголовная подать города Парижа.....	6
Пороховая регалія.....	0,8
Десятина на погашеніе (dixième d'amortissement).....	1,182
Съ цеховъ и гильдій.....	1,186
Монетная регалія.....	0,5
Лоттерей.....	7
Лѣса.....	4
Приношенія духовенства.....	3,4
Мелкіе и случайные доходы.....	4,715
Всего около.....	428.250,000

РАСХОДЫ:

Издержки управленія.....	74.937,000
Армія и флотъ.....	103.600,000
Проценты долга и пожизненныя ренты.....	201.111,000
Погашеніе долговъ.....	17.326,666
Всего.....	396.974,666

Доходы духовенства простирались свыше 130,000,000, съ которыхъ оно платило 10%, милл. повинностей. Дворянство и духовенство вмѣстѣ владѣли $\frac{1}{3}$ поземельной собственности.

На 1791 годъ національное собраніе утвердило бюджетъ въ 582,700,000 ливр.

Въ 1813 году бюджетъ достигъ 1,150 милл. фр.

Во времена реставрацій:	1816—20....	960 милл.	СРЕДН. ЧИСЛОМЪ:		НАИБОЛЬШИЯ ЦИФРЫ БЮДЖЕТА:	
			1818:	1415	милл. фр.	»
» Людовика-Филиппа.....	1830—39....	1,170	»	1823:	1,118	»
» ».....	1840—48....	1,432	»	1846:	1,800	»
» революціи....	1848	1770	»			»
» ».....	1849	Фолге	1646	»		»
» Наполеона III.	1854	....	1,988	»		»
» ».....	1855	....	2375	»		»

(См. выше).

Государственный долг. а) Отвержденный долгъ. Состояніе этого долга, заключающагося въ рентахъ, записанныхъ въ большую книгу, было 1 января 1863 года слѣдующее:

ЧИСЛО ОБЯЗАЦІЙ	ВЫСОТА ПРОЦЕНТ.	ЕЖЕГОДНЫЯ РЕНТЫ	КАПИТАЛЪ.
197,866	4 1/2	39,726,987	882,821,933
938	4	472,386	11,809,650
769,698	3	335,568,108	11,185,693,600
968,502		375,767,481	12,080,225,193

Возрастаніе отвержденнаго долга во времена второй имперіи.

Уже во время Наполеонова президентства, въ 1 января 1851 года цифра государственнаго долга простиралась до 5,345,557,360 франковъ.

Къ 1 января 1852 года.....	5,516,194,600	фран.	
» 1853 ».....	5,577,504,587	»	процент. же 219,929,486
» 1854 ».....	5,669,655,012	»	» 222,636,242
» 1855 ».....	6,082,877,852	»	» 236,442,772
» 1856 ».....	7,558,040,822	»	» 284,668,525
» 1857 ».....	8,031,992,466	»	» 299,099,242
» 1858 ».....	8,422,096,777	»	» 310,830,953
» 1859 ».....	8,593,288,155	»	» 315,993,846
» 1860 ».....	9,334,012,006	»	» 338,356,589
» 1861 ».....	9,718,276,913	»	» 349,887,166
» 1862 ».....	9,924,874,218	»	» 356,044,376
» 1863 ».....	12,080,235,183	»	» 375,767,481

Текущій долгъ. Кромѣ отвержденнаго существуетъ еще не отвержденный или текущій долгъ (*dette flottante*). Главнѣйшую часть его составляютъ неуплаты (*découverts*), происшедшія отъ накопленія дополнительныхъ и чрезвычайныхъ кредитовъ сверхъ первоначально утвержденной законодательнымъ корпусомъ сѣмты и присоединенныхъ къ государственному долгу частию съ согласія законодательнаго корпуса, частию безъ онаго. Въ составъ текущаго долга, между прочимъ, вошли затраченные правительствомъ влады сберегательныхъ кассъ, капиталы общинъ, представленныя залогъ, задатки генеральныхъ сборщиковъ податей и т. п. Этотъ текущій долгъ лежитъ тяжелымъ бременемъ на французскихъ финансахъ. Капиталь затраченъ, а между тѣмъ за кредиторами, большею частию, остается право требовать свои влады обратно. Од-

нажды случилось (1848 года), что государственное казначейство, истративъ деньги этихъ вкладчиковъ, оказалось предъ нимъ несостоятельнымъ. Государство вынуло деньги сберегательныхъ кассъ; вкладчики цѣлыми массами требовали ихъ обратно. Удовлѣворить ихъ требованія могли только бумагами, превративъ вынужденнымъ образомъ 289 милл. текущаго долга въ 3 проц. ренты. Сумма текущаго долга, по официальнымъ отчетамъ, простиралась въ 1863 году до 950 милл.; въ дѣйствительности же она нѣсколько болѣе.

с) *Скрытыя займы.* Очевидно, съ намѣреніемъ заранѣе скрыть новыя долги выдумали вмѣсто открытыхъ подписокъ еще «аннукетты», т.-е. такія обязательства, которыя не вписываются въ «большую книгу» и погашаются въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ.

Наконецъ, сюда, по настоящему, относятся и пожизненныя ренты, для которыхъ въ бюджетѣ на 1861 годъ опредѣленъ годичный расходъ въ 73,279,350 фр., что можетъ соответствовать капиталу почти въ 733 милл. фр.

д) *Гарантіи государства.* Кромѣ того, государство приняло на себя рядъ обязательствъ, имѣющихъ случайный характеръ. Сюда относится обязательство доставлять подставныхъ рекрутъ. Правительство беретъ отъ желающаго выкупиться конскрипта извѣстную сумму, а подставнымъ за него обязывается по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ выдать за это капиталъ, пенсія и главныя прибавки къ жалованью. Такимъ образомъ въ дотаціонную кассу поступаетъ ежегодно болѣе 70 милл., между тѣмъ какъ расходы на первыя прибавочныя жалованья составляютъ 31 милл. Остающимися за тѣмъ деньгами покрываются текущіе государственные расходы. Но невозможно еще видѣть, какой оборотъ приметъ дѣло, когда внослѣдствіи правительство должно будетъ взять на себя все бремя своихъ обязательствъ.

Общая сумма государственнаго долга.

Отверженный долгъ 1 января 1863 года.....	12,080 милл. фр.
Текущій.....	1,000 » »
Прежніе спеціальныя займы (аннукетты), соответствующіе капиталу въ.....	17 » »
Займы на тридцатилѣтній срокъ.....	35 » »
Пожизненныя ренты, пенсіоны, соответствующіе капиталу.....	667 » »
Всего...	13,898 милл. фр.

Сюда не вошелъ заемъ 1864 года, соответствующій, номинально, капиталу 475,113,100 фр.

Факты изъ исторіи долга. Во времена регентства у народа было 6,000,000,000 ливровъ бумажныхъ денегъ, когда открылось государственное банкротство. Во времена революціи выпущено было ассигнацій на 45,578 милл. фран., а продано государственныхъ имуществъ на 2,609,000,000. Въ эпоху низверженія Наполеона I, отверженный долгъ простирался до 727½ милл. По парижскому миру союзнымъ державамъ должно было французское правительство уплатить 700 милл. франк. Кромѣ того, почти всюду поднялись

гражданскія претензіи на вознагражденія, которыя и были удовлетворены подпискою рентъ на 16,040,000 франкъ., соотвѣтствующей капиталу почти въ 321 миллионъ. Содержаніе союзной арміи стоило государственному казначейству 449 милл., независимо отъ жертвъ частныхъ лицъ. Въ 1825 году, эмигранты получили миллиардъ вознагражденія. Процентовъ, уплачиваемыхъ по государственному долгу, въ 1814 году было 63¼ милл., въ 1830—199¼ милл.

При правительствѣ второй имперіи до января 1864 г. заключено было пять займовъ, далеко, впрочемъ, не дающихъ понятія о дѣйствительномъ увеличеніи государственнаго долга за это время:

	ПОТРЕБНЫЙ КА- ПИТАЛЬ	ПОДПИСНАЯ СУММА	ЧИСЛО ПОД- ПИСЧИКОВЪ
1) 1854 июль.....	250,000,000	467,000,000	98,000
2) 1855 январь.....	500,000,000	2,175,000,000	177,000
3) 1855 июль.....	750,000,000	3,652,500,000	316,864
4) 1859 май.....	500,000,000	2,509,000,000	690,050
5) 1864 январь.....	300,000,000	4,847,000,000	542,061

Крымская война обошлась Франціи въ 1,722 милл., изъ которыхъ 221 милл. получены посредствомъ возвышенія налоговъ, остальная же сумма посредствомъ займовъ. Если же считать потерю на курсѣ кредитныхъ бумагъ, то вся сумма, въ которую, помимо многихъ другихъ жертвъ, обошлась Франціи война, будетъ не менѣе 2,322 миллионновъ. Итальянская война стоила 350—400 милл.; занятіе французскими войсками Рима отъ 1849 по 1861 не менѣе 644 милл.

Парижъ и въ этомъ отношеніи передовой городъ Франціи. Въ 1855 г. онъ занялъ 60 миллионновъ; затѣмъ Сенскій департаментъ занялъ 50 милл., а въ 1860 Парижъ снова—143 милл. Издержки на распространеніе города, въ министерскомъ отчетѣ, поданномъ императору въ июнѣ 1860 года, предположены въ 150 милл. Общая сумма долговъ города въ 1863 году была 2,680,099,048 фр.

Марсель занялъ въ 1854 г. 16 милл. и въ 1861 г. — 54 милл.; Лионъ 1854 г. 12 милл., 1860 г. 8 милл. и въ 1861 г. еще 10 милл.; Гавръ въ 1854 г. 9¼ милл., Тулуза въ 1860 г. 6 милл., Руанъ въ 1860 г. 4 милл.

Военныя силы.

Сухопутныя силы. Войско набирается главнымъ образомъ посредствомъ конскрипціи, т.-е. набора рекрутъ. Всѣ физически здоровые люди между 21 и 22-хъ-лѣтнимъ возрастами подлежатъ жребію. Каждый годъ закономъ опредѣляется требуемое число рекрутъ. Прежде нормальное число было 80,000. Во время восточной войны (1853—55) и итальянской (1859—60) оно было увеличено до 140,000. Въ настоящее же время 100,000.

Срокъ службы 7 лѣтъ. Повышеніе открыто каждому солдату. Тѣлеснаго наказанія не существуетъ, но военно-уголовные законы весьма строги. Число добровольно поступающихъ на службу прежде было ежегодно 10,000. Въ 1854 — 16,676; въ 1855—21,955.

Для обязанныхъ службою допускается наемъ подставныхъ, и въ 1853 году во всей арміи ихъ было 93,462. Тогда каждый конскриптъ, нежелающій служить, обязанъ былъ самъ отыскивать «охотника» и условливаться съ нимъ въ цѣнѣ. Наполеонъ III обратилъ это замѣщеніе въ дѣло государства и организовалъ его такъ, чтобы ядро войска всегда состояло изъ служилыхъ солдатъ и чтобы каждый изъ нихъ, обезпеченіемъ своего положенія, былъ еще особенно связанъ съ главою государства. Правительство назначаетъ цѣну выкупа отъ обязательной службы (Въ 1864 году выкупная сумма была 2,300 фр.). Изъ собираемыхъ такимъ образомъ суммъ составляется дотаціонная касса арміи. Эта касса платитъ выкупныя преміи подставнымъ, а также прибавочныя жалованья за новый срокъ службы, и наконецъ пенсіи состарѣвшимся на службѣ унтеръ-офицерамъ и солдатамъ. Подставныхъ правительство выбираетъ преимущественно изъ солдатъ, отслужившихъ свой срокъ военной службы, и платитъ имъ по 2,300 франковъ, да кромѣ того, какъ выше сказано, извѣстную прибавку къ жалованью, сообразно числу лѣтъ службы. Составъ французской арміи таковъ :

Пѣхоты.....	114	полковъ съ	373 батальон. и	2,953 ротъ.
Кавалеріи.....	64	»	385 эскадронами	
Артиллеріи.....	23	»	232 батареями.	
Инженеровъ.....	3	»	6 батальон.	

Въ докладной запискѣ, предложенной, по поводу бюджета, законодательному корпусу въ ноябрѣ 1863 года, дѣйствительный составъ арміи былъ опредѣленъ въ 654,247 человекъ. Въ томъ числѣ 325,316 человекъ находилось во Франціи, 59,651 въ Алжирѣ, 15,560 въ Италіи, 1,878 въ Китаѣ и Кохинхинѣ, 34,581 въ Мексикѣ; кромѣ того 217,261 въ резервѣ.

Морскія силы. Въ октябрѣ 1864 года Франція обладала 16-ю панцирными фрегатами съ машинами отъ 900 до 1,000 лошадиныхъ силъ и съ 52—36 орудіями. Винтовыхъ судовъ перваго ранга 3, втораго ранга 5. Первые имѣютъ по 116—106 орудій. Фрегатовъ: снаряженныхъ 11, разоруженныхъ 4, строящихся 1; корветовъ 10 и въ верфи 4, вѣстовое судно 1 съ 6 орудіями; 11 съ 4 пушками, 36 съ двумя орудіями. Канонерскихъ лодокъ 5 (строющихся), транспортныхъ судовъ 29, изъ которыхъ 5 недостроены, 14 разоружены. Пловучая батарея одна съ 16 орудіями; 6 разоружено, 7 сооружаются. Наконецъ 4 винтовыхъ судна предназначены для особыхъ цѣлей.

Колесные пароходы: фрегатовъ 17, корветовъ 9, вѣстовыхъ судовъ 71.

Парусныя суда: линейныхъ кораблей 6, фрегатовъ 24, корветовъ 9, бриговъ 16, малыхъ бриговъ 22, транспортныхъ судовъ 30.

Резервъ: 25 линейныхъ кораблей, каждый въ 80—110 пушекъ, 3 фрегата, 7 канонерскихъ лодокъ.

Одни панцирные фрегаты имѣютъ 632 орудія и 16,600 лош. силъ; винтовые линейные корабли 3,296 орудій, 23,890 лошади.

силъ, фрегаты 940 орудій, 12,990 лошадей, корветы 188 орудій, 5,220 силъ; остальные суда 589 орудій и 23,918 силъ. Колесные пароходы насчитываютъ 525 орудій и 19,340 силъ; парусныя суда — 2,242 орудія.

И такъ во французскомъ флотѣ 408 судовъ съ 8,412 орудій и 100,958 силъ. По другимъ свѣдѣніямъ, судовъ 478; орудій 4,766; силъ 107,075.

Общественныя, промышленныя и торговля отношенія.

Народное образованіе. Въ 1863 году было 67,836 школъ съ 4,731,946 учащихся обою пола. Въ спискахъ гражданскаго состоянія въ 1860 году записано было 288,936 брачныхъ договоровъ. При этомъ оказалось, что 86,142 жениха, равно какъ и 129,744 невѣсты не умѣли подписать свои имена. Въ 818 общинахъ (изъ 37,510) школъ вовсе не было.

Изъ молодыхъ людей, внесенныхъ въ конскрипціонные списки въ 1860 году: не умѣли ни читать, ни писать 90,781
умѣли только читать 9,033
» читать и писать 203,193
Степень образованія неизвѣстно у 9,198

Всего 312,204

Изъ уголовной статистики видно, что изъ преступниковъ, осужденныхъ судомъ присяжныхъ, было въ 1858 году:

безъ всякаго школьнаго образованія 2,365
Умѣвшихъ только читать или плохо читать и писать 2,216
Хорошо читать и писать 706
Обладавшихъ нѣкоторою высшею степенью школьнаго образованія 322

Факты изъ уголовной статистики.

Среднее число обвиняемыхъ въ годъ было за преступленія (crimes) противъ лицъ въ 1826—30 1,824
» собственности 5,306
Всего 7,130

	противъ лицъ.	противъ собствен.	вмѣстѣ.
1831—35	3,371	5,095	7,466
1836—40	2,153	5,732	7,885
1841—45	2,186	4,918	7,104
1846—50	2,438	4,992	7,104
1856	2,108	4,016	6,124
1861	1,696	2,146	3,842
1863	1,673	1,941	3,614

Последніе два года представляют замѣчательное уменьшеніе преступленій, хотя цифры ихъ обнимаютъ собою и три новопріобрѣтенные департамента.

За проступки, подвергающіе виновниковъ исправительнымъ наказаніямъ, судимо было въ 1861 году 180,409 лицъ. Изъ нихъ
 15,671 были оправданы
 1,411 (моложе 16 лѣтъ) отправлены къ родителямъ.
 1,939 (моложе 16 лѣтъ) отправлены въ исправительныя заведенія.

75,380 приговорены къ штрафу.

86,008 » тюремному заключенію.

Въ 1863 г. число проступковъ было уже 135,817.

Число нарушеній полицейскихъ уставовъ въ 1856 году было 533,195; въ 1863—392,605.

Политическія преслѣдованія. По случаю амнистіи, въ августѣ 1859 года, оказалось слѣдующее число сосланныхъ:

Съ іюня 1848 года.....	11,003,	изъ коихъ 138	оставалось въ Алжирѣ.
» декабря 1851 года.....	26,884,	» » 1,708	» въ Алжирѣ и Каеннѣ.

Вслѣдствіе законовъ о безопасности.....	428,	» » 219	» » »
---	------	---------	-------

Всего... 38,315, изъ нихъ 1,927 еще въ Алжирѣ и Каеннѣ.

Пролетаріатъ. Поземельною собственностію во Франціи обладаютъ 25¹/₂ миліоновъ лицъ обоаго пола и всѣхъ возрастовъ; но лишь около 250 тысячъ (или 80,000 семействъ) обладаютъ ею въ размѣрѣ, достаточномъ для вполне безбѣднаго, независимаго существованія. *Пять* миліоновъ собственниковъ имѣютъ не болѣе 170 франковъ дохода (отъ земли) на душу, 20 миліоновъ получаютъ среднимъ числомъ по 16¹/₂ франковъ поземельнаго дохода на душу. Средній поземельный доходъ въ цѣлой Франціи 66 фр. на человѣка.

На поземельной собственности Франціи лежитъ болѣе 10 миліардовъ франковъ гипотечнаго долга, т.-е. на участіи каждаго — около 400 франковъ.

Существуетъ во Франціи около 3,300,000 сельскихъ работниковъ, неимѣющихъ ни клочка собственной земли. Заработная плата сельскихъ работниковъ ниже платы, получаемой городскими рабочими, а эту послѣднюю Легоа, статистикъ весьма основательный, опредѣляетъ среднимъ числомъ въ 1 фр. 40 сантимовъ.

Число лицъ, получающихъ официальное пособіе, полагаютъ въ 3,000,000. Администрація помогаетъ имъ натурою и кромѣ того деньгами, тратя на это ежегодно около 120,000,000 франковъ, или 40 фр. на человѣка. Въ Парижѣ *Vareaux de bienfaisance* выдаютъ бѣднымъ по 8—9 сантимовъ въ сутки и такое пособіе получаютъ въ Парижѣ 116,000 человѣкъ.

Въ томъ же городѣ 11,000 семействъ не въ состояніи платить за свои квартиры болѣе 100 фр. въ годъ; 20,000 семействъ не могутъ платить болѣе 100—200 франк. въ годъ.

Изъ всего числа умирающихъ въ Парижѣ, т.-е. изъ 42,185 человѣкъ, только 29,950 или менѣе двухъ третей умираютъ въ своихъ домахъ или квартирахъ; напротивъ 11,142 или болѣе одной трети умираетъ въ гражданскихъ госпиталяхъ, 578 человѣкъ въ военныхъ госпиталяхъ, 134 ч. въ тюрьмахъ. Кромѣ того 370 человѣкъ было въ 1862 г. найдены мертвыми и 2 умерли на гильотинѣ. Въ Троя изъ 9,000 рабочихъ половина получаетъ официальное пособіе. Почти такая же пропорція бѣдныхъ въ С.-Кантенѣ, Лиможѣ, Руанѣ и другихъ мануфактурныхъ городахъ.

Сберегательныя кассы. Къ 1 января 1863 года было утверждено правительствомъ 478 сберегательныхъ кассъ, но открыто ихъ было и дѣйствовало всего 450. Къ 31 декабря 1864 года ихъ было уже 492; кромѣ того существовало къ концу 1864 года 430 отдѣленій этихъ кассъ. Число выданныхъ книжекъ въ концѣ 1864 года было: 1,554,151, по 3,285 на каждую кассу. Сумма всего капитала, принадлежащаго сберегательнымъ кассамъ, какъ полная собственность, къ 31 декабря 1864 г., простиралась до 12,688,400 фр. 36 сант. Сумма вкладовъ. . . . . 462,075,515 » 47 » (почти въ 2½ раза менѣе, чѣмъ въ сберегательныхъ кассахъ Англіи).

Пенсіонная касса (caisse de retraites pour la vieillesse). Къ 1 января 1863 года въ эту кассу принято (съ 1851 г., т.-е. со времени ея основанія) 73,406,694 фр.; вся эта сумма помѣщена въ государственномъ казначействѣ, отчасти въ пожизненныхъ, отчасти въ обыкновенныхъ рентахъ.

Къ 1 января 1864 года вкладовъ было 1,493,658, на сумму 87,135,992½ фр.

Вспомогательныя кассы (Sociétés de secours mutuel). Основанныхъ на взаимности вспомогательныхъ кассъ, въ 1863 году, было 4,582 съ 639,044 участвующими лицами, изъ которыхъ 73,811 почетныхъ членовъ. Изъ остальнаго числа было 86,308 женщинъ. Капиталъ этихъ обществъ взаимнаго вспоможенія простирался до 30,766,244 фр. Къ 1 января 1866 года было уже 5,027 обществъ съ 714,345 членами (изъ которыхъ 85,559 почетныхъ, а изъ остальныхъ 97,036 женщинъ). Капиталъ этихъ обществъ (со включеніемъ пенсіонныхъ фондовъ) простирался до 36,624,622 фр. 77 сант. Число больныхъ изъ членовъ обществъ въ 1864 году было 165,782 (изъ нихъ 25,856 женщинъ). Средняя продолжительность болѣзни 19,58 для больныхъ мужчинъ, 17,76 — для женщинъ. Оплачено 3.198,224 дня болѣзни (452,402 женскихъ дня). Умерло въ теченіе года 8,377 членовъ.

Примѣчаніе. Кругъ дѣятельности обществъ взаимнаго вспоможенія Франціи вшестеро уже круга дѣятельности «дружескихъ обществъ» Англіи.

ЗАНЯТІЯ ЖИТЕЛЕЙ:	1851 г.	1856 г.	ПРОЦЕНТЪ НАСЕЛЕНІЯ
Земледѣліемъ живи	21.992,874	19.064,071	61,46 52,94
Промышленностію и торговлей	9.283,895	12.202,391	25,95 33,88

ЗАНЯТИЯ ЖИТЕЛЕЙ:	1851 г.	1856 г.	ПРОЦЕНТЪ НА- СЕЛЕНІЯ.	
Свободными искусствами.....	3.483,538	3.262,282	9,73	9,06
Безъ опредѣленнаго занятія или безъ постоянныхъ средствъ.....	1.022,863	1.483,925	2,86	4,12
Всего.....	35.783,170	36.012,669	1,00	1,00

Торговля. Для поясненія нижеслѣдующихъ данныхъ о торговлѣ, должно замѣтить, что опредѣленіе цѣнности товаровъ дѣлается по установленной еще въ 1827 году официальной оцѣнкѣ. Но съ 1827 года цѣны нмѣнились, вслѣдствіе чего возникаетъ другой способъ оцѣнки (дѣйствительная цѣнность). Торговлю дѣлятъ на общую и специальную. Первая обнимаетъ все, даже простой привозъ товаровъ, послѣдняя же только тѣ предметы, которые привозятся во Францію для внутренняго потребленія, или обработанные вывозятся за границу въ качествѣ французскихъ издѣлій.

Общая торговля въ 1863 году:

	ОФИЦІАЛЬНАЯ ЦѢННОСТЬ	ДѢЙСТВИТЕЛЬНАЯ ЦѢННОСТЬ
Ввозъ	2,707 милл. фр.	3,236 милл. фр.
Вывозъ	3,392 » »	3,526 » »
	6,099 милл. фр.	6,762 милл. фр.

Въ сравненіи съ 1862 годомъ:

	ОФИЦІАЛЬНАЯ ЦѢННОСТЬ	ДѢЙСТВИТЕЛЬНАЯ ЦѢННОСТЬ
ВВОЗЪ на болѣе . .	167 милл. фр.	337 милл. фр.
ВЫВОЗЪ	438 » »	467 » »
	605 милл. фр.	804 милл. фр.

Въ 1864 году, результаты торговаго движенія еще болѣе благоприятны.

Ввозъ простирался до	3,407 милл. дѣйств. цѣн.
Вывозъ	3,921 » » »

Все вмѣстѣ . . . . . 7,329 милл. дѣйств. цѣн.

Спеціальная торговля представляла въ 1863 г. цифру привоза и вывоза въ 4,390 милл. фр. по официальной и 5,069 по дѣйствительной цѣнности, въ 1864 году 5,452 милл. по дѣйствительной цѣнности. Торговныя сношенія Франціи съ другими государствами были таковы:

	1864 годъ.			
	Общая торговля.		Спеціальная торговля.	
	ПРИВОЗЪ ВО ФРАНЦІЮ	ВЫВОЗЪ ИЗЪ ФРАНЦІИ	ПРИВОЗЪ ВО ФРАНЦІЮ	ВЫВОЗЪ ИЗЪ ФРАНЦІИ
Англія	680	1,145	567	891 милл.
Бельгія	397	410	285	229 »
Швейцарія	345	360	62	202 »
Германскій тамож. союзъ.	286	237	155	216 »
Итальянское Королевство..	278	410	228	275 »
Турція	167	129	142	80 »
Англійская Индія	117	10	111	8 »
Египетъ	101	97	81	66 »
Россія	93	27	69	24 »
Бразилія	86	129	59	82 »
Соединенные Штаты	76	101	69	89 »
Испанія	72	266	57	169 »

Цѣнность французскихъ товаровъ, отправленныхъ въ Алжиръ, простирается до 129 милліоновъ.

Изъ 3,407 милл. фр. ввоза по общей торговлѣ, 2,130 милл. приходится на матеріалы, обрабатываемые мануфактурною промышленностью. Изъ нихъ 1,278 милл. относится къ специальной торговлѣ.

Таблица ввоза главнѣйшихъ товаровъ. Цѣнность въ милліонахъ франковъ, по специальной торговлѣ.		Таблица вывоза главнѣйшихъ товаровъ. Цѣнность въ милліонахъ франковъ, по специальной торговлѣ.	
Обозначеніе товаровъ.		Обозначеніе товаровъ.	
	дѣльств. цѣна		дѣльств. ц.
Хлопокъ	344,2	Шелковыя ткани	408,2
Шелкъ	285,8	Шерстяныя »	355,9
Шерсть	214,3	Вина	234,5
Лѣсъ обыкновенный	132,4	Токарныя издѣлія	194,8
Уголь и коксъ	115,2	Бѣлье	110,4
Кожы и мѣха	102,8	Шелкъ	101,5
Кофе	83,4	Хлопчатобум. ткани	93,7
Скотъ	77,3	Кожа въ издѣліяхъ	89,9
Заграничный сахаръ	73,3	Рафинированный сахаръ	74,4
Маслянистыя зерна	59,8	Водки	73,1
Ленъ	53,0	Дубленая кожа и пр.	61,6
Мѣдь	46,6	Хлопокъ	57,2
Колональный сахаръ	46,6	Хлѣбъ	56,2
Выжига для золотыхъ дѣлъ мастерства	37,4	Химическія продукты	54,4
Шерстяныя ткани	32,0	Шерсть	51,1
Сало свиное сало	35,2	Сыръ и коровье масло	46,6
Оливковое масло	29,3	Металлическія орудія	45,1
Минералы	25,1	Бумага	39,6
Удобреніе	24,0	Дерево обыкн.	33,2
Хлѣбъ	23,1	Гончарныя и стеклянныя издѣлія	32,4
Сѣмена на посѣвъ	21,5	Яйца	28,0
Морская рыба	21,4	Лошади, скотъ	25,8
Табакъ въ листахъ	20,6	Льняныя ткани	24,5
Индиго	18,8	Щетина, волосъ	23,8
Флоды, содержащія масло	18,4	Льняная и шерстян. пряжа	21,6
Сыръ и масло коровье	15,7	Сѣмена на посѣвъ	21,5
Флоды столовые	15,5	Издѣлія изъ золота и пр.	19,3
Цинкъ	14,6	Моды и цвѣты	18,2
Льняныя ткани	14,3	Столовые флоры	17,5
Рогожи и циновки	13,1	Кожы и мѣха	16,3
Рисъ	12,0	Парфюмерный товаръ	15,5
Машины	11,3	Морская рыба	15,2
		Медикаменты	12,4
		Издѣлія часовыхъ дѣлъ мастерства	10,4
		Мѣдь	10,0
		Оливковое масло	9,7
		Машины	9,5
		Маслянистыя флоры и зерна	9,0

Предметовъ потребления, потребляемыхъ въ сыромъ и обработанномъ видѣ, ввезено было по общей торговлѣ на 1,278 милл., по специальной — 662 милл.

Вывезенныя произведенія распределяются такъ:

	ОБЩАЯ ТОРГ.	СПЕЦИАЛ. ТОРГ.
сырые продукты	1,551 милл.	1,219 милл.
мануфактурные	2,370 »	1,705 »
Всего . . .	3,921 милл.	2,924 милл.

Почта въ 1847 году, при дорогой почтовой платѣ, передала 126½ милл. писемъ, въ 1863 году 290 милл. писемъ и 212 милл. листовъ газетъ.

1864 г. . . 300.543,100 писемъ 264.982,000 журналовъ и газетъ
 1865 » . . 311.095,000 » 275.499,120 » »
 Денежныхъ писемъ было въ 1865 году 1.298,816, въ нихъ денегъ объявлено 775.824,900.

Телеграфныя линіи, всѣ вмѣстѣ, имѣли въ 1863 году протяженіе въ 28,003 километра (3,774 нѣмецкихъ миля). Желѣзныя дороги въ срединѣ 1864 года имѣли протяженіе въ 12,357 километровъ (1,667 геогр. миль). Къ первому января 1866 года линіи желѣзныхъ дорогъ, всѣ вмѣстѣ, составляли 13,570 километровъ. Издержки компаній на эти дороги до 1 янв. 1866 г. 5.840.000,000 фр. Издержки правительства — 984,000,000, кромѣ гарантій процентовъ.

Въ 1864 г. число пассажировъ 77.705,000. Средній путь, сдѣланный каждымъ по желѣзнымъ дорогамъ, 41 километръ. Товаровъ, перевозимыхъ съ незначительною скоростью, было перевезено 31.210,000 тоннъ. Средній путь ихъ 148 километровъ на каждую тонну.

Валовой доходъ желѣзныхъ дорогъ 532.587,626 фр.

Несчастные случаи. Въ 1865 году убито 5 пассажировъ, 7 лицъ служащихъ при компаніяхъ. Ранено 87 пассажировъ, 91 служащій при компаніяхъ.

Торговый флотъ, въ 1862 году, насчитывалъ 14,738 парусныхъ судовъ и 327 пароходовъ.

Мѣра, вѣсъ, монета. Система мѣръ основана на естественномъ мѣрилѣ (на измѣреніи меридіана). Въ дѣленіи принята десятичная система и притомъ такъ, что всѣмъ величинамъ больше единицы присвоены названія греческія (δραχ, ἔκτο, κλο), а величинамъ меньше единицы — латинскія (decī, centī, milli).

Монета. Единица: (франс) = 100 сантимовъ = 25 коп. сереб. Прусскій галеръ = 3 фр. 69,8 сантим. Золотая монета дѣлается господствующею, и цѣна золота въ отношеніи къ серебру опредѣляется по прежней пропорціи 1 : 15½ (для настоящаго времени слишкомъ высоко).

При Наполеонѣ III, до 1859 г., было выбито золотой монеты 2.770.864,775 фр., серебряной только на 176.908,251 фр.

Линейныя мѣры: *метръ*. 100 метровъ составляютъ 140,55 русскихъ аршинъ, 328,12 англійскихъ и русскихъ футовъ.

Французская квадратная миля (lieu) = 0,86 нѣмец. мили = 7,408 метровъ. Русская верста = 1066,8 метровъ.

Поземельная мѣра. Аръ = 100 квадратныхъ метровъ = 21,96 русскихъ квадратныхъ сажень. Гектаръ = 100 аршевъ = 0,91533 русск. десятины.

Мѣра кубическiя. Кубическiй метръ (stère) = 35,31 кубич. футовъ.

Мѣры емкости для жидкостей и хлѣбныхъ мѣръ. Литръ = 0,0813 русскимъ ведрамъ. Гектолитръ = 100 литрамъ = 8,13 русскимъ ведрамъ = 3,81 русскимъ четверикамъ.

Вѣсъ — граммъ. Килограмъ = 1,000 граммъ = 2,2 англ. или 2,44 русскимъ фунтамъ.

Вышшiя владѣнiя.

Алжиръ. Пространство этой области — 7,000 квадр. миль; жителей въ Алжирѣ, за исключенiемъ войска, въ 1861 году, было 2.966,836, изъ которыхъ 204,877 европейцевъ (118,804 француза). Число туземцевъ съ точностию не опредѣлено. Городъ Алжиръ имѣлъ 63,784 жителя.

Обладанiе Алжиромъ уже въ 1853 году стоило Францiи не только болѣе миллиарда денегъ, но и жизни 100,000 солдатъ, изъ которыхъ 3,400 пали отъ непрiятельскаго оружiя, всѣ же остальные отъ болѣзней. Нездоровый климатъ, дурное управленiе — вотъ главныя причины, почему невозможна усиленная колонизацiя этого края.

Вывозъ изъ Алжира въ 1862 году простирался

только до	40,8	млн. фр.
ввозъ же въ Алжиръ въ томъ же году изъ Францiи до	124,8	» »

Колонiи, въ собственномъ смыслѣ, подъ управленiемъ морскаго министерства:

Въ Америкѣ:	нѣм. кв.	НАСЕЛЕНИЕ	ПРИВОЗЪ	ВЫВОЗЪ
	МИЛЬ	1861 г.	1861 г.	
Мартиника	18	135,991	30,976,500	21,879,565
Гваделупа и принадлежаше къ ней острова	20	138,069	26,920,631	18,709,997
Франц. Гвѣана (Кайна)	1,300	19,559	7,078,092	1,299,415
С.-Пьеръ и Микелонъ	4	2,365	4,239,567	4,699,269
Въ Африкѣ (кромѣ Алжира):	нѣм. миль	НАСЕЛЕНИЕ	ПРИВОЗЪ	ВЫВОЗЪ
		1861 г.	1862 г.	
Колонiя на Сенегалѣ	30	113,398	17,790,963	14,112,303
Островъ Соединенiя (Бурбонъ)	39	183,491	55,993,221	55,644,585
Маюггъ и принадлежаше къ нему острова	9	22,570	—	—
Въ Азiи (Ост.-Индiя)	9	220,478	9,114,255	34,136,922
Всего въ колонiяхъ	1,329	835,941	152,113,229	149,578,986

Кромѣ того, французы взяли подъ свое «покровительство» слѣдующiе острова Южнаго моря:

	КВ. МИЛЬ	ЖИТЕЛЕЙ
Маркизскіе острова	20	12,000
5 острововъ Товарищества	28	18,000
Новая Каледонія	380	45,000

Впрочемъ, само морское министерство не рѣшается причислить эти острова къ французскимъ колоніямъ.

По трактату 1864 года, французы приобрѣли «протекторатъ» надъ 6 областями Нижней Кохинкины, области въ 500 квадр. миль съ 2 милл. жителей. Три гавани, и при каждой 9 квадр. километровъ земли уступлены французамъ безусловно.

ОБЩЕЕ ОБОЗРѢНІЕ	КВ. МИЛЬ	ЖИТЕЛЕЙ
Европейскія области	9,885	37,600,000
Алжиръ	7,000	3,000,000
Колоніи	1,330	840,000
	18,220	41,500,000

РОССІЯ (имперія).

Пространство и народонаселеніе.

Европейская Россія состоитъ изъ 50 губерній. Въ это число включаемъ мы и Бессарабскую область и Землю Войска Донскаго. Пространство ея 87,063,99, а безъ внутренникъ водъ — 86,253,⁷⁷ географическихъ квадратныхъ миль. Жителей въ Европейской Россіи 30.082,790 мужскаго, 30.826,519 женскаго пола, а всего — 60.909,309 челоѵ. Если же включить населеніе уральскаго войска, оренбургскаго, внутренней Киргизской орды и города Севастополя, то общее число жителей Европейской Россіи будетъ 61.175,923.

ГУБЕРНІИ	ПРОСТР. ВЪ КВАДР. МИЛ.	НАСЕЛЕНІЕ
Архангельская	13,924	284,244
Астраханская	3,996	377,239
Бессарабская Область	634	1,026,346
Виленская	768	899,993
Витебская	820	766,139
Владимірская	860	1,316,619
Вологодская	7,200	974,723
Волынская	1,295	1,602,715
Воронежская	1,210	1,938,113
Вятская	2,605	2,220,601
Гродненская	691	894,194
Донскаго Войска Земля	2,806	994,682
Екатеринославская	1,225	1,204,751
Казанская	1,116	1,607,122
Калужская	560	964,796
Кіевская	924	2,012,095

ГУБЕРНІИ.	ПРОСТР. ВЪ КВАДР. МИЛ.	НАСЧЛЕНИЕ.
Костромская	1,451	1,073,971
Курляндская.....	495	573,856
Ковенская.....	739	1,052,164
Курская.....	820	1,827,067
Лифляндская	883	925,275
Минская	1,621	1,001,335
Могилевская.....	867	924,080
Московская	601	1,564,240
Нижегородская	923	1,285,196
Новгородская.....	2,139	1,006,293
Олонецкая.....	2,717	296,593
Оренбургская.....	6,917	1,843,371
Орловская.....	859	1,533,619
Певзенская.....	688	1,179,080
Пермская	6,050	2,138,548
Подольская	770	1,868,857
Полтавская.....	902	1,911,442
Псковская.....	816	718,907
Рязанская.....	762	1,418,293
Самарская	2,885	1,690,779
С.-Петербургская.....	813	1,174,174
Саратовская.....	1,486	1,688,561
Симбирская	883	1,183,312
Смоленская	1,018	1,137,212
Таврическая.....	1,161	606,783
Тамбовская.....	1,202	1,974,584
Тверская.....	1,163	1,518,077
Тульская.....	557	1,152,470
Уфимская, Харьковская.....	988	1,590,926
Херсонская.....	1,306	1,930,138
Черниговская.....	951	1,487,372
Эстляндская.....	358	313,119
Ярославская.....	622	969,643

II. КАВКАЗСКОЕ НАМЪСТНИЧЕСТВО.

7,988 квадр. миль, 2,061,348 жителей женскаго, 2,247,172 мужскаго пола, всего 4,308,520 душъ обоюго пола.

1. Абхазія	115	79,000
2. Бакинская губ.....	1,192	781,307
3. Дагестанская обл.....	575	470,847
4. Кубанская обл.....	1,780	512,833
5. Кутаисская обл.....	331	353,125
6. Мингрелия.....	195	212,619
7. Ставропольская губ.....	1,355	356,671
8. Терская обл.....	909	393,020
9. Тифлисская губ.....	886	577,267
10. Эриванская губ.....	504	421,228
Всего.....	7,842	4,157,922

III. СИБИРЬ.

4 губерніи, 7 областей.....	261,132 кв. м.	4,411,845 жит.
1. Амурская область.....	5,129	13,854
2. Енисейская губернія.....	45,708	323,014

3. Иркутская губернія.....	12,786 кв. м.	365,810	жит.
4. Забайкальская область.....	10,057 »	352,534	»
5. Область киргизовъ Оренбургскаго вѣдомства.....	17,230 »	800,000	»
6. Приморская область Восточной Си- бири.....	33,790 »	35,683	»
7. Семипалатинская область.....	7,829 »	397,777	»
8. Область сибирскихъ киргизовъ.....	14,544 »	286,744	»
9. Тобольская губернія.....	26,975 »	1,105,647	»
10. Томская губернія.....	15,674 »	716,576	»
11. Якутская область.....	71,420 »	228,060	»
	261,132 »	4,625,699	»
Въ томъ числѣ мужскаго пола.....	—	»	2,265,532

IV. ЦАРСТВО ПОЛЬСКОЕ.

5 губерній, 2,319 квадр. миль, 4,840,466 ж.

ГУБЕРНИИ:

1. Августовская.....	343 кв. м.	636,531	жит.
2. Варшавская.....	672 »	1,728,690	»
3. Люблинская.....	563 »	967,205	»
4. Плоцкая.....	303 »	561,903	»
5. Радомская.....	438 »	946,737	»
	2,319 »	4,840,466	»

V. ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ФИНЛЯДСКОЕ.

ГУБЕРНИИ:

1. Або-бьернеборгская.....	488 »	306,915	»
2. Вазаская.....	757 »	282,737	»
3. Выборгская.....	779 »	2,257,144	»
4. Куовіоская.....	800 »	207,682	»
5. Юланаская.....	234 »	161,631	»
6. Ст.-Михельская.....	431 »	150,718	»
7. Тавастгустская.....	343 »	153,647	»
8. Улеоборгская.....	3,012 »	176,684	»
	6,844 »	3,697,158	»

Вся Россійская имперія занимаетъ 365,180,000 квадратныхъ миль и имѣла 78,230,554 жителей. Но такъ-какъ статистическія данныя, изъ которыхъ выведена эта послѣдняя цифра, принадлежать частію къ 1863, частію же къ 1860 году, то нынѣшнее (1867 г.) населеніе Россіи должно положить въ 80,000,000.

Движеніе народонаселенія. Въ 1863 году въ Европейской Россіи, за исключеніемъ Польши и Финляндіи, родилось 3,044,991 ребенокъ, въ томъ числѣ мальчиковъ 1,559,384, дѣвочекъ 1,485,607. Въ томъ числѣ незаконнорожденныхъ обоего пола 89,957 *).

Въ 1863 году умерло 2,340,825 человекъ, въ томъ числѣ мужчинъ 1,191,667, женщинъ 1,149,158. И такъ православное населеніе Европейской Россіи въ 1863 году увеличилось на 579,285 ч.

*) Свѣдѣнія о движеніи народонаселенія, особенно относительно раскольниковъ, иновѣрцевъ, кочевыхъ и бродячихъ народовъ, неточны.

Число бракомъ сочетавшихся лицъ въ 1863 году было 1.158,570, брачныхъ же союзовъ 579,285. Приведемъ таблицу движенія народонаселенія за нѣсколько лѣтъ съ начала нынѣшняго столѣтїя.

ГОДЫ.	ЧИСЛО РОДИВШИХСЯ.	ЧИСЛО УМЕРШИХЪ.	РАЗНОСТЬ ЧИСЕЛЪ.
1805	1.360,504	818,433	542,071
1808	1.334,130	891,652	413,478
1810	1.374,906	903,980	470,926
1813	1.099,406	1.102,146	2,740
1814	1.227,077	837,822	390,255
1815	1.336,520	894,311	442,209
1816	1.491,700	829,865	661,835
1820	1.570,399	917,680	652,719
1821	1.545,679	945,088	600,591
1822	1.539,988	977,253	562,735
1824	1.646,224	1.032,301	713,923
1825	1.705,615	1.072,206	634,409
1829	1.922,695	1.216,708	705,987
1831	1.821,052	1.621,273	199,779
1832	1.925,105	1.210,647	714,458
1835	1.869,842	1.482,533	387,309
1837	2.091,911	1.338,203	753,708
1839	2.309,672	1.642,635	667,037
1840	2.002,858	1.688,385	314,473
1842	2 125,090	1.814,119	310,971
1844	2 378,230	1.638,670	839,560
1846	2.280,005	1.718,194	561,811
1848	2.508,078	2.840,354	332,276
1849	2 337,668	1.875,858	461,810
1850	2.517,601	1 799,321	718,281
1851	2.399,558	1.805,740	593,818
1852	2.491,400	1 726,188	765,212
1853	2.672,154	2.094,677	577,477
1854	2.557,590	1.907,749	650,141
1855	2.483,356	2.248,658	234,700
1856	2.405,935	1.923,409	482,546
1857	2.660,772	1.786,744	874,028
1858	2.756,128	1.925,781	836,347
1863	3.044,991	2.340,825	704,166

Изъ этихъ цифръ неизбѣженъ слѣдующій выводъ: 1) смертность въ Россіи вообще гораздо значительнѣе, чѣмъ въ другихъ европейскихъ государствахъ. Въ Россіи умираетъ среднимъ числомъ 1 изъ 28 или 29 человѣкъ *), между тѣмъ какъ въ Великобританіи 1 изъ 42,3 человѣкъ, во Франціи — 1 изъ 44 человѣкъ.

2) Движеніе народонаселенія весьма неправильно. Неурожаи, эпидеміи, войны дѣйствуютъ на него весьма сильно и значительно измѣняютъ цифру смертности. Примѣрами могутъ служить годы: 1820 и 1821, 1832, 1835, 1848, 1855. Въ 1848 холерою заболѣло 1.686,849 ч., отъ нея умерло — 668,012 ч.

Особенно сильна смертность въ дѣтскомъ возрастѣ. Изъ всего числа ежегодно рождающихся — до пятилѣтняго возраста доживаетъ только 46%; умираетъ же 54%. Во Франціи же до 5 лѣтъ умираетъ

*) Средняя смертность въ десятилѣтіе отъ 1849 по 1858 г. была 1:29,54.

раетъ всего 29,7 процентовъ, переживаетъ этотъ возрастъ 70,3%. Отъ 5 до 60-лѣтняго возраста умираетъ въ Россіи 30%, всего числа родившихся въ данномъ году, во Франціи — 37. Шестидесятилѣтній возрастъ переживаетъ въ Россіи 11,1%, во Франціи — 33,3%.

Въ 1863 году въ Европейской Россіи, за исключеніемъ Польши и Финляндіи, считалось:

Православныхъ	51.117,977
Раскольниковъ	801,745
Армяно-григоріанъ	34,683
Римско-католиковъ	2.840,708
Протестантовъ	2.083,152
Евреевъ	1.631,766
Магометанъ	2.091,861
Идопоклонниковъ	200,284

въ царствѣ польскомъ (1856):		Римско и армяно-католи-	
Римско-католиковъ	3.714,016	ковъ	14,954
Православныхъ	4,564	въ Финляндіи (1855):	
Уніатовъ	229,721	Православныхъ	37,352
Протестантовъ	270,412	Лютеранъ	1.651,354
Евреевъ	272,052	въ Сибирѣ:	
Магометанъ	409	Православныхъ	2.926,704
Цыганъ	70	Католиковъ	5,740
въ Кавказскомъ Намѣстни-		Протестантовъ	2,154
чествѣ:		Евреевъ	7,077
Православныхъ	2.070,000	Магометанъ	1.231,689
Армяно-григоріанъ	535,000	Язычниковъ	280,950

Племена. Въ Европейской Россіи считается: русскихъ около 50 милл., въ томъ числѣ 34 милл. великоруссовъ, 12 милл. малоруссовъ, 4 милл. бѣлоруссовъ; поляковъ 5 $\frac{1}{2}$ милл., евреевъ 1 $\frac{1}{2}$ милл., литовцевъ 1 $\frac{1}{2}$ милл., тюркскаго племени 2 милл., нѣмцевъ 600,000, финновъ 3 милл., всѣхъ прочихъ племенъ $\frac{1}{2}$.

б) Туземное населеніе Сибири состоитъ изъ кочующихъ, звѣроловныхъ и охотничьихъ народовъ и принадлежитъ большей частью къ финскому племени. Къ монгольскому племени относятся собственно — монголы и буряты — въ восточной Сибири, тунгузы, обитающіе по Енисею и Амуру, ламуты и племена, живущія на восточныхъ берегахъ Сибири, въ Камчаткѣ и на островахъ Тихаго Океана, какъ-то: юагиры, алеуты, камчадалы, коряки и пр. Монголовъ въ Сибири можно положить до 500,000. По системѣ рѣки Оби живутъ финскія племена, извѣстныя подъ именемъ остяковъ. Сюда же относятся и самоѣдовъ, населяющихъ весь сѣверъ Сибири до Чукотскаго Носа.

Тюркское племя населяетъ киргизскія степи (киргизы, до 800,000) и нѣкоторыя мѣстности Сибири (сибирскіе татары), особенно восточной Сибири.

Большая часть сибирскаго населенія состоитъ изъ выходцевъ Европейской Россіи, и между ними преобладаетъ великорусское племя.

с) Закавказье и скаты кавказской горной цѣпи заселены такъ называемыми кавказскими племенами, это — армяне, грузины, чер-

кесы, абхазы, лезгинь, чеченцы, осетинцы и пр. Число их полагають въ полтора милліона.

Вообще же въ азіатскихъ владѣніяхъ Россіи инородцевъ можно считать болѣе 3 милл. Изъ общаго числа 7 милл. жителей.

Вообще же въ Россійской Имперіи насчитываютъ до 112 различныхъ племенъ, говорящихъ на 40 нарѣчіяхъ.

Города и деревни. По Статистическому Временнику 1866 года, въ Европейской Россіи, безъ Польши и Финляндіи, считается уѣздныхъ городовъ 484, безуѣздныхъ 115, посадовъ 47, мѣстечекъ 1,500, пригородовъ и предмѣстьевъ 61, *всѣхъ же городскихъ поселеній* 2,207.

Слободъ и слободокъ	2,344.
Сель	19,626.
Сельць	16,690.
Деревень и селеній	178,729.
Колоній	695.
Станицъ	223.
Хуторовъ	14,097.
Погостовъ, костеловъ и кистератъ	1,971.
Монастырей, общинъ, скитовъ и часовень	195.
Посадовъ, околицъ	1,337.
Мнзъ, фермъ и усадебъ	28,050.
Имѣній, помѣстій, застѣнковъ, поселеній и гнаденгагеновъ	28,141.
Фабрикъ, заводовъ и мельницъ	1,067.
Остальныхъ мелкыхъ поселеній болѣе	24,000.
<i>Всѣхъ же сельскихъ поселеній около</i>	318,267.

Всѣхъ населенныхъ мѣсть въ губерніяхъ и областяхъ Европейской Россіи 320,474.

Число городскихъ домовъ въ Европейской Россіи, безъ Польши и Финляндіи, считалось въ 1856 году 582,094. Число городскихъ жителей 5,582,068, въ Сибири 252,514, въ Кавказскомъ намѣстничествѣ 349,912.

Изъ городовъ Россіи 4 имѣють болѣе 100,000 жителей, именно: С.-Петербургъ 520,000, Москва 386,000, Варшава 160,000, Одесса 104,000. Восемь городовъ имѣють по 50—100,000 жителей, сорокъ три города отъ 20 до 60,000 жителей и 101 отъ 10 до 20,000 жителей.

Въ губерніяхъ Царства Польскаго городскихъ поселеній 453, въ нихъ жителей 1,164,487 душъ. Сельскихъ поселеній — 22,613, въ нихъ душъ 3,599,959.

Разработка почвы и минеральныя богатства. Въ Европейской Россіи считается пахотной земли 88,802,000 десятинъ, сѣнокосной 52,078,000, лѣса занимають 172,403,000 десятинъ, усадебъ, пастбища и пр. 112,274 десятины. Всего удобной земли 425,557,000 десят. Въ числѣ ихъ находится до девяноста милліоновъ десятинъ чернозема, идущаго полосой отъ средняго Урала до Карпатскихъ горъ.

Неудобныхъ земель въ Европейской Россіи считается 100,000,000 десятинъ.

Отношеніе производительныхъ земель къ пространству слѣдующее: пахотныя земли составляютъ 20,9% всего пространства Европейской Россіи; луговныя — 12,2%, лѣса — 40,3%; неудобныя земли 26,6%. Распределеніе производительной почвы по губерніямъ весьма неравномѣрно. Въ одиннадцати губерніяхъ, именно въ Тульской, Черниговской, Рязанской, Подольской, Курской, Тамбовской, Воронежской, Орловской, Калужской, Ковенской и Кіевской — пахотныя земли занимаютъ болѣе половины всего пространства. Въ 13 губерніяхъ — Пензенской, Полтавской, Московской, Харьковской, Гродненской, Владимірской, Нижегородской, Витебской, Виленской, Казанской, Симбирской и Херсонской и въ Царствѣ Польскомъ отношеніе пахотныхъ земель ко всему пространству колеблется между 40 и 50%. Въ пяти губерніяхъ: Смоленской, Ярославской, Минской, Волынской, Псковской и области Бессарабской — между 30 и 40%; въ трехъ губерніяхъ: Тверской, Вятской и Костромской — между 20 и 30%; въ 9 губерніяхъ: Екатеринбургской, Курляндской, Земль Войска Донскаго, Саратовской, Таврической, Эстляндской, Оренбургской, Новгородской и С.-Петербургской — между 10 и 20%. Въ Великому Княжествѣ Финляндскомъ и въ 6 губерніяхъ: Лифляндской, Пермской, Ставропольской, Олонецкой, Вологодской и Астраханской на пахотныя поля приходится отъ 1 до 10%, а въ Архангельской только $\frac{1}{1000}$ всей поверхности.

Еще болѣшая неправильность существуетъ въ распределеніи лѣсовъ. Такъ напримѣръ въ губ. Вологодской лѣса занимаютъ 92%, въ Вятской, Олонецкой, Костромской и Пермской отъ 70 до 62%, въ С.-Петербургской, Нижегородской, Лифляндской, Смоленской, Виленской и Минской болѣе 40% занимаемаго этими губерніями пространства; напротивъ въ губерніяхъ Екатеринбургской и Херсонской лѣса занимаютъ только 1,3—1,4% всей поверхности этихъ губерній, а въ Астраханской лишь 0,6.

Земледѣльческая промышленность.

Свѣдѣнія объ этой отрасли народнаго труда страдаютъ крайнею неполнотою и неточностію и допускаютъ лишь приблизительные выводы.

По вычисленію Гауснера, очень близкому къ вычисленіямъ Тенгоборскаго, общая стоимость земледѣльческаго продукта Россіи, принимая среднія цѣны, существующія на европейскихъ рынкахъ, въ томъ числѣ и на русскомъ, простирается до 3,410,000,000 франковъ; стоимость же земледѣльческаго продукта, производимаго Франціей, оцѣнивается тѣмъ же статистикомъ въ 2,892,000,000 франковъ, земледѣльческій же годовоі продуктъ Англій — въ 2,170,000,000 франковъ.

Цифры эти свидѣтельствуютъ о довольно печальномъ состояніи русскаго земледѣлія, ибо извѣстно, что количество пахотныхъ

земель въ Европейской Россіи относится къ количеству пахотныхъ земель во Франціи какъ $3\frac{1}{2}$: 1; пахотныхъ же земель въ Англіи въ восемь съ половиною разъ менѣе, чѣмъ въ Россіи.

По официальнымъ свѣдѣніямъ, изъ 88,802,000 десятинъ пахотной земли, при господствующей въ Россіи трехпольной системѣ, засѣвается по крайней мѣрѣ 58 милліоновъ десятинъ; количество же ежегодно собираемаго хлѣба, по официальнымъ свѣдѣніямъ 1859 года, простирается всего до 100,155,565 четвертей. Эта послѣдняя цифра очевидно ниже дѣйствительной. По Тенгоборскому среднее количество ежегодно собираемаго въ Россіи хлѣба простирается до 260 милліоновъ четвертей; по сельско-хозяйственному атласу, изданному въ 1851 году и обнимающему двѣнадцати-лѣтній періодъ—265 милліоновъ четвертей, по министерскимъ отчетамъ за 1840—1848 годы, до 212 милліоновъ четвертей; по вычисленію Кеппена—до 231 милліона, по вычисленію Протопопова (Журн. Министер. Госуд. Имущ. 1842, № 3) до 250 мил. по Шторху — до 212 мил., по Редену — 265 мил.

Общая же стоимость ежегодно собираемыхъ въ Европ. Россіи земледѣльческихъ хлѣбныхъ продуктовъ простирается до 910 мил. рублей серебромъ по Тенгоборскому; по Гауснеру же, какъ мы видѣли, 3,410 мил. франковъ или $852\frac{1}{2}$ мил. рублей. Принявъ цифру Тенгоборскаго и раздѣливъ ее на число жителей въ Россіи, найдемъ, что на каждаго жителя приходится въ годъ пшеницы, ржи, ячменя, овса, гороху, гречихи и другихъ хлѣбовъ почти на 15 р. сер. въ годъ, въ день же по 4 копейки съ небольшимъ.

Во Франціи, по вычисленіямъ Гауснера, общая сумма земледѣльческихъ продуктовъ можетъ быть опредѣлена въ 2.892.000,000 франковъ, слѣдовательно на каждаго жителя приходится почти по 20 руб. сер. Въ Англіи, при 2.170.000,000 франкахъ общаго землед. производства, по $18\frac{1}{2}$ руб. сер.; въ Италиі по 17 руб.: въ Бельгіи — по 16 р., въ Пруссіи и Австріи — по $15\frac{1}{2}$ р.

Всѣ государства Европы, по отношенію къ пропорціи земледѣльческаго продукта къ обрабатываемой почвѣ, могутъ быть раздѣлены на три категоріи. Въ первую войдутъ такія земли, въ которыхъ одинъ гектаръ обработанной почвы приноситъ отъ 15 до 10 гектолитровъ хлѣба. Сюда относятся Бельгія, Нидерланды, Англія, Австрія и восемь нѣмецкихъ владѣній. Во вторую категорію войдутъ страны, въ которыхъ одинъ гектаръ приноситъ отъ 10 до 8 гектолитровъ (Франція, Швейцарія, Италиа, Пруссія, Данія и остальныя владѣнія бывшаго Германскаго Союза). Наконецъ въ третью категорію входятъ государства, въ которыхъ одинъ гектаръ приноситъ менѣе 8 гектолитровъ. Къ этой послѣдней категоріи относится и Россія; въ ней 1 гектаръ даетъ, по Гауснеру, около 6 гектолитровъ.

Еще менѣе благоприятные результаты представляются, если сравнить Россію съ остальною Европою по отношенію пропорціи земледѣльческаго продукта ко всей поверхности. Такъ напримѣръ, во всей Европѣ среднимъ числомъ на 1 квадратную милю приходится 9,890 гектолитровъ хлѣба, въ Бельгіи — болѣе 40%, тысячъ:

въ Саксоніи, Виртембергѣ и другихъ нѣмецкихъ земляхъ болѣе 30,000; во Франціи, Пруссіи, Англии — болѣе 20,000, въ Австріи, Италіи, Нидерландахъ — около 20,000, въ Россіи — 5,940 гектолитровъ.

Распредѣленіе земледѣльческихъ продуктовъ по губерніямъ весьма неравномѣрно. По официальнымъ свѣдѣніямъ (отчетъ министерства внутреннихъ дѣлъ за 1859), въ 34 губерніяхъ недостаетъ хлѣба озимаго для продовольствія жителей. Вотъ эти губерніи:

Архангельская, Астраханская, Витебская, Владимірская, Волынская (?), Воронежская (?), Екатеринославская (?), Калужская (?), Костромская, Курляндская, Курская (?), Минская, Московская, Нижегородская, Могилевская, Олонецкая, Орловская (?), Пензенская (?), Пермская, Подольская (?), Полтавская (?), Рязанская (?), Петербургская, Саратовская (?), Симбирская (?), Таврическая, Тверская, Тамбовская (?), Тульская, Харьковская (?), Херсонская, Черниговская, Эстляндская и Ярославская.

Ярового хлѣба недостаетъ для продовольствія жителей въ слѣдующихъ 21 губ.:

Архангельской, Астраханской, Владимірской, Волынской, Гятской, Гродненской, Екатеринославской, Казанской, Калужской, Костромской, Минской, Нижегородской, Пермской, Подольской, Рязанской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Черниговской, Ярославской и области Бессарабской.

До сихъ поръ мы говорили о главномъ изъ земледѣльческихъ продуктовъ, хлѣбѣ. Но кромѣ хлѣбныхъ растений, въ Россіи производятъ прядильныя, маслянистыя, красильныя и лекарственныя растенія.

Относительно прядильныхъ растений нѣтъ точныхъ статистическихъ данныхъ. Судя по тому, что за границу ежегодно вывозится льна и пеньки до семи миліоновъ пудовъ, Тенгоборскій полагалъ, что внутренняя потребность въ этихъ продуктахъ, едва ли не вдвое превосходящая заграничный сбытъ, должна, по крайней мѣрѣ, равняться 14 миліонамъ пудовъ. Итакъ, все производство этихъ растений можно опредѣлить въ 21 мил. пудовъ.

Но съ 1852 по 1865 годъ ежегодно вывозилось изъ Европейской Россіи льна, пеньки и пряжи почти на 28¹/₂ мил. р. сер., веревокъ и канатовъ почти на 1¹/₂ миліона р. с., итого на 30 мил. р. с., что составитъ ежегодный вывозъ въ 12 мил. пудовъ. Полагая, что на внутреннее потребленіе идетъ этихъ продуктовъ вдвое больше, получимъ итогъ производительности прядильныхъ растений въ 36 мил. пудовъ или въ 70 мил. р. сер.

Масла льнянаго, коноплянаго, подсолнечнаго и др. Россія вывозитъ за границу на 16,000,000 р. с. Если положить, что внутреннее потребленіе этого продукта не превышаетъ вывозъ, получимъ общую стоимость производства въ 32 м. р. с.

Красильныхъ и лекарственныхъ растений (марены, индиго, опіума и др.) въ Россіи, со включеніемъ Кавказскаго Намѣстничества, производится, по исчисленію Тенгоборскаго, на 2¹/₂ мил.

р.; въ одной же Европейской Россіи, безъ Кавказа, Польши и Финляндіи — на 1 мил. р. с.

Табачное производство находится въ наиболѣе цвѣтущемъ состояніи въ губерніяхъ Черниговской, Саратовской и Полтавской. Итогъ годоваго производства табака Тенгоборскій опредѣляетъ въ 1.085,401 пудъ. Цѣнность каждаго пуда онъ опредѣляетъ въ 70 копеекъ, цифра эта гораздо ниже дѣйствительной средней цѣнности пуда. Оцѣнивая пудъ въ 2 р. сер., получимъ стоимость производства въ 2.170,802 р.

Свекловицы добывается ежегодно до 60.000,000 пудовъ.

Шелководство распространено главнымъ образомъ въ Закавказьѣ, гдѣ выдѣлывается свыше 30,000 пудовъ шелку. Въ губерніяхъ же: Таврической, Подольской, Херсонской, Астраханской, Екатеринославской и въ области Бессарабской производится шелку всего 200 пуд. Средняя стоимость пуда шелка 50 р. с.

Общій итогъ ежегодно выдѣлываемаго вина равняется почти 16 миліонамъ ведръ; но половина этого количества выдѣлывается на Кавказѣ. Средняя стоимость ведра, по официальнымъ свѣдѣніямъ, 1¹/₂ рубля за ведро.

Плодовые сады и огороды, принадлежащіе къ жилищамъ, занимаютъ, по вычисленіямъ Андросова, пространство въ 2.250,000 десятинъ (безъ Польши и Финляндіи). Изъ нихъ 46,670 находится въ пяти сѣверныхъ губерніяхъ; 569,360 въ четырнадцати губерніяхъ, расположенныхъ между 60 и 55° сѣв. широты, и 1.393,136 десятинъ въ двадцати губ., расположенныхъ между 50 и 55° сѣв. широты, и 196,113 въ восьми южныхъ губерніяхъ. Полагая доходъ съ каждой десятины въ 25 р. с., получимъ общую сумму производства 55.000,000 р.

Доходъ отъ сѣнокосовъ (52 мил. десят.) полагаютъ въ 3.120,000,000 пудовъ сѣна — по 10 к. сер. за пудъ — въ 312.000,000 руб. сер.

Лѣса въ Европейской Россіи занимаютъ 172.403,000 десятинъ, или 40,3% всей поверхности. Изъ нихъ казенные лѣса занимаютъ 115 миліоновъ дес., и даютъ валоваго дохода 780,000 р. сер. (въ 1847—49), менѣе копейки съ десятины; чистаго же — 80,000 р. с., менѣе ¹/₁₀ коп. съ десятины.

Во Франціи десятина лѣса даетъ 14 р. сер., въ Баденѣ 9 р. с., въ Швейцаріи и Саксоніи — 6 р. Въ Россіи — по Тенгоборскому — 70 коп. Всѣ же лѣса Россіи по этому разсчету дадутъ ежегоднаго дохода 129.000,000 р. с.

Итакъ: хлѣбныхъ растений въ Европейской Россіи производится на 910 мил. р. с., прядильныхъ, маслянистыхъ, лекарственныхъ, красильныхъ растений и тутовыхъ деревьевъ — 105 мил. р. Садоводство, огородничество и виноградники 70 мил. р. с. Луговое хозяйство и лѣсоводство 441 мил. р. Всѣхъ земледѣльческихъ продуктовъ — на 1.524,000,000 р. с.

Скотоводство:

Количество лошадей	14.719,000
Рогатого скота	21.035,000
Овецъ простыхъ	31.586,000
» тонкорунныхъ	11.673,000
Козъ	1.393,000
Свиней	9.394,000
Оленей	263,000
Верблюдовъ	26,539

Минеральныя богатства. Золото. Разработка этого металла на Уралѣ началась въ 1819 году, а въ Восточной Сибири — въ 1823 году. Въ 20-хъ годахъ добывалось во всей Россіи золота всего 200—300 пудовъ, въ 1863 же году добыто его 1,459 пуд. 81¹/₂ ф. Большая часть всего этого золота добыта не на казенныхъ, а на частныхъ промыслахъ (1,244 п.).

Серебро. Главные рудники въ горахъ Алтайскихъ и Нерчинскихъ. Въ 1863 году выплавлено серебра 1,078¹/₂ пуд.

Платины въ 1863 г. добыто 30¹/₂ пуд.

Чугуна въ 1863 г. выплавлено 14.904,364 пуда. Изъ него выковано желѣза нѣсколько болѣе 10¹/₂ милл. пуд. Около ²/₃ всего добываемаго въ Россіи чугуна доставляетъ губернія Пермская; затѣмъ наибольшее его количество приходится на губерніи: Оренбургскую (1¹/₄ мил.), Калужскую (870,000 п.), Вятскую (860,000 п.) и Нижегородскую (766,000 п.). Число рабочихъ, занятыхъ добываніемъ и выдѣлкою чугуна и желѣза, простирается до 99,225 человекъ.

Мѣдь добывается въ Уральскихъ и Алтайскихъ горахъ, въ Финляндіи и за Кавказомъ. Въ 1863 году выплавлено мѣди 286,448 пуд.

Свинецъ 71,721 пудъ.

Цинкъ, въ Царствѣ Польскомъ 210,000 пуд.

Каменный уголь. Главная ломка каменнаго угля — между Днѣпромъ и Донцомъ (донецкій антрацитъ въ Бахмутскомъ и Славяносербскомъ уѣздахъ Екатеринославской губ.). Кромѣ того обширные пласты каменнаго угля существуютъ въ Калужской, Тульской и Рязанской губ., въ Приморской области Восточной Сибири и на Кубани. Добычу каменнаго угля можно полагать въ 10 мил. пудовъ.

Соль. Польскія и прибалтійскія губерніи пользуются почти исключительно заграничною солью. Главная разработка каменной соли находится въ губ. Оренбургской, Иркутской и Эриванской. Соляныя озера: въ губ. Астраханской, въ Бессарабіи, въ Крыму, въ Грузіи и Сибири. Солёные ключи въ губ. Пермской, Новгородской, Вологодской, Нижегородской и въ Сибири. Добыча соли въ 1863 г. 30,929,443 пуда; въ 1862 — 45 мил. пуд.

Нефть, въ Кавказскомъ Намѣстничествѣ, 584,000 пуд.

Промышленность, обрабатывающая сырой материалъ. а) Производства, обложенныя акцизомъ:

Винокурение. Въ 1863—64 годахъ винокуренныхъ заводовъ считалось 4,311; на нихъ выкуривалось спирта 27.357,894 ведра чистаго алкоголя, на что употреблено 66¹/₂ мил. пуд. муки, 4,8 мил. пуд. солода и 17,7 мил. мѣръ картофеля.

Пивоварение. 8 мил. ведръ пива (1863—4).

Медоварение. 227,000 ведръ меда (1863—4).

Свеклосахарное производство. На 273 свеклосахарныхъ заводахъ выдѣлано сахара 3.333,573 пуда, на что употреблено около 6.000,000 берковцевъ свекловицы. Рабочихъ требуетъ эта промышленность 61,672 человекъ. Изъ нихъ мужчинъ 40,304, женщинъ 16,723, несовершеннолѣтнихъ 4,645 (Ст. Временн.). Свеклосахарная промышленность въ послѣднее время приходитъ въ упадокъ. Въмѣсто 450 свеклосахарныхъ заводовъ, существовавшихъ въ началѣ 1861 года, къ началу періода сахароваренія 1863—64 г. ихъ было уже 399; къ періоду 1865—66 годовъ оставалось уже въ 18 губерніяхъ и 1 области только 323 завода, изъ которыхъ дѣйствовали только 249. Причины такого упадка свеклосахарнаго производства слѣдующія: недостатокъ капиталовъ и правильно организованнаго кредита; ежегодно возрастающая цѣна дровъ; недостатокъ въ заводскомъ персоналѣ свѣдущихъ людей, отсутствіе механическихъ заводовъ, непрочность отношеній между хозяевами и рабочими (Биржевыя Вѣдомости, іюль 1867 г.). Эти замѣчанія едва-ли не справедливы относительно всѣхъ почти отраслей нашей промышленности.

Табачное производство. Фабрикъ 638. Сумма производства 37.288,093 р. сер. Рабочихъ 300,000.

Производство, необложенныя акцизомъ. Пенковыя и льняныя издѣлія. По вычисленіямъ Тенгоборскаго, пенковая и льняная промышленность, въ обширномъ смѣслѣ, т. - е. принимая въ расчетъ ручную работу, занимаетъ 4¹/₂ миліона работниковъ и работницъ и даетъ валоваго дохода 112 мил. р. с., чистаго 75 мил. По Статистическому Временнику 1866 года, фабрикъ, на которыхъ приготавливаются льняныя издѣлія — 103, цѣнность ихъ издѣлій 8.043,354. Фабрикъ пенковыхъ издѣлій 139; сумма производства 4.271,120 р. сер.

Промышленность, обрабатывающая шерсть. Фабрикъ 638. Сумма производства шерстяныхъ издѣлій — 37.288,093. Рабочихъ 300,000.

Кожевенныя издѣлія. Заводовъ 2,567; сумма производства 17.354,058 руб. По Тенгоборскому же валовой доходъ этой промышленности 96¹/₂ мил. руб.; чистый 65 мил. руб. Число рабочихъ 400,000.

Хлопчатобумажныя издѣлія. Фабрикъ 459; сумма производства 39.145,544 руб. По Тенгоборскому, валовой доходъ 56 мил. Чистый 35¹/₁₀ милл. Рабочихъ 260,000.

Жельзо и его приложенія. Валовой доходъ 50 мил. Число рабочихъ 325,000.

Сало. Заводовъ 2,849. Сумма издѣлій изъ сала 18,843,126 руб. Рабочихъ 7,000 (Тенгоб.).

Шелковыя издѣлія. Валовой доходъ 15 мил. Чистый 7½ мил. руб. Рабочихъ 40,000 (Тенгоб.). По Статистическому Временнику сумма производства издѣлій изъ шелка 4.282,380. Фабрикъ 143.

Мѣдь и ея приложенія. Валовой доходъ 7½ милл. руб. Рабочихъ 7,500 (Тенгоб.).

Издѣлія изъ драгоцѣнныхъ металловъ и ювелирное дѣло. Валовой доходъ 7½ мил. Чистый — 2½ мил. Рабочихъ 4,000.

Писчая бумага. Сумма производства 6½ мил. Фабрикъ 184. Рабочихъ 18,000.

Красильныхъ и набивныхъ заведеній 377. Сумма производства 21.192,043.

Древесныхъ издѣлій. Заведеній 252. Сумма производства 4.133,200 руб. сер.

Сухая переконка изъ дерева. Сумма производства 1.133,093. Заведеній 333.

Воскъ. Заведеній 186. Сумма производства 2.287,827 руб.

Стекло и хрусталь, около 5 мил. руб. Заводовъ 227.

Химическіе продукты. Сумма производства 5.628,698. Заводовъ 484.

Сахарорафинное производство. Сумма производ. 22.962,431 руб. Заводовъ 22.

Маслобоекъ 658. Сумма производства 2.025,153 руб.

Мукомольныхъ, крупорушныхъ и солодовенныхъ заведеній 541. Сумма ихъ производства 8½ мил.

Разныя мелкія отрасли промышленности. Заведеній 560. Сумма производства 3½ мил. руб.

Тенгоборскій полагаль, что цѣнность всего фабричнаго и заводскаго производства въ Россіи простирается до 500 мил. руб., а за исключеніемъ стоимости сырого матеріала — 325 мил. руб. Различныя ремесла и производства, не входящія въ составъ фабричной и заводской промышленности, занимаютъ, по его разсчету, до 400,000 рабочихъ, а цѣнность произведеній ихъ труда — 48 мил. руб. Такимъ образомъ продукты всей обрабатывающей промышленности Тенгоборскій оцѣнилъ въ 550 мил. руб.; чистый доходъ ея 375 мил., число рабочихъ опредѣлилъ 6½ мил.

Въ Царствѣ Польскомъ, въ 1859 году, показывалось:

	РАБОЧИХЪ	цѣнность издѣлій
на ткацкихъ заведеніяхъ	33,494	10.286,770 руб.
» зволахъ, обработ. растительныхъ веществъ	14,413	9.416,835 »
» » » ископаемыхъ »	15,101	4.996,839 »
» » » животныхъ »	5,218	1.970,834 »

На всѣхъ заводахъ и фабрикахъ работало 68,226 человекъ; ремеслами занималось 105,651.

Въ Кавказскомъ Намѣстничествѣ фабрикъ и заводовъ 552, рабочихъ на нихъ 2,503. Сумма производства — 1¼ мил. руб.

Въ Сибири фабрикъ и заводовъ 735; рабочихъ 3,269; сумма производства 2.856,451 руб.

Внутренняя торговля.

Важнѣйшія ярмарки и ихъ торговые обороты:

Ярмарка	Привозъ товаровъ	100 милл. руб.
Нижегородская	»	44 » »
Ирбитская	»	40 » »
Крещенская, въ Харьковѣ . .	»	30 » »
Ильинская, въ Полтавѣ . . .	»	12 » »
Успенская, въ Харьковѣ . . .	»	10 » »
Коренная, въ Курскѣ	»	9 » »
Покровская, въ Харьковѣ . .	»	7 » »
Кролевецкая, въ Чернигов. губ.	»	7 » »
Маслянская, въ Ромнахъ . . .	»	6 » »
Вознесенская, тамъ же	»	3 » »
Сумская, въ Харьковс. губ. .	»	2 » »
Елисаветградская	»	1 ¹ / ₄ » »
Троицкая, въ Харьковѣ	»	»

Судоходство. По системѣ рѣки Волги, 1859—62 годахъ, среднимъ числомъ въ годъ грузилось товаровъ на сумму 170¹/₄ милл. руб., въ томъ числѣ 82¹/₂ милл. пуд. хлѣба и спирта на сумму 44 милл. руб., сахару на 1¹/₂ милл. руб., табаку на ¹/₂ милл., лѣса и лѣсныхъ издѣлій — на 4³/₄ милл., коровьяго масла, сала, свѣчсн, мыла и стеарина на 10 милл., пушного товара на 2¹/₂ милл., шерсти на 1¹/₂ милл., рыбнаго товара на 3³/₄ милл., металловъ на 14¹/₂ милл., соли на 4¹/₂ милл., стекла, хрусталя и фарфора на 751 тыс. руб., камня, извести, песка, глины и кирпича на 332 тыс. руб. Разныхъ другихъ товаровъ на 20.000,000 руб.

По системѣ Сѣверной Двины товаровъ грузилось въ то же время 6.952,839 пуд. на сумму 5.691,266 руб., въ томъ числѣ хлѣба и спирта на 2 милл. руб., льну и пакли на 1.824,609 руб., пеньки на 25,604 руб., льнянаго и коноплянаго сѣмени на 615,501 руб.

По системѣ Дона 9.950,478 пуд. на 4.577,234 руб. Въ томъ числѣ хлѣба и спирта на 2¹/₄ милл., льнянаго, коноплянаго и подсолнечнаго сѣмени и масла на 1 милл. руб.

По системѣ Днѣпра 20¹/₂ милл. пуд. на сумму 9¹/₂ милл. руб., въ томъ числѣ хлѣба на 2 милл., сѣмени и масла на ¹/₂ милл.

По системѣ Днѣстра	2 ⁴ / ₅ милл. пуд.	1 милл. руб.
» » Вислы	1 ² / ₂ » »	1 » »
» » Нѣмана	3 ² / ₂ » »	1 ⁴ / ₅ » »
» » Западной Двины	8 ¹ / ₄ » »	6 ¹ / ₂ » »
» » Наровы и Луги	1 ² / ₂ » »	314 тыс. руб.
» » Невы	145 ³ / ₄ » »	13 ¹ / ₂ милл. руб.

Всего груза, ежегодно провозимаго по рѣкамъ Европейской Россіи, вѣсь 372 милл. пуд.; цѣнность 167¹/₂ мил. руб.

Ввозная торговля.

Въ 1864 году, по европейской границѣ, вывезено было изъ Россіи товаровъ на сумму 164.902,865 р. с., по азиатской — на 15.538,181 р. с., въ Финляндію — на 3.518,161 р. сер. Въ томъ же году привезено было въ Россію по европейской границѣ товаровъ на сумму 144.174,755 р. с., по азиатской границѣ — на 7.619,286 р. с., изъ Финляндіи — на 3.518,161 р. с.

	ВЫВЕЗ. ЗОЛОТА И СЕРЕБРА.	ПРИВЕЗ. ВЪ РОССІЮ ЗОЛОТА И СЕРЕБРА.
По Европейской границѣ на.....	21.938,307 р. с.	7.619,286 р. с.
» Азиатской » ».....	8.249,667 »	157,385 »

Въ томъ же году таможенный доходъ простирался до 32.520,254 р. сер., т.-е. въ четверо менѣе чѣмъ въ Соединенномъ Королевствѣ Великобританіи и Ирландіи, но немного менѣе чѣмъ во Франціи (гдѣ таможенный доходъ простирается всего до 132 мил. фр. или 33 мил. р. сер.).

Главные статьи вывоза за границу въ 1864—1865 годахъ :

	1864 г.	1865 г.
Хлѣбъ.....	54.727,602	61.313,331
Ленъ.....	15.885,036	25.950,032
Шерсть.....	19.470,739	16.023,663
Льняное сѣмя.....	18.145,228	14.821,079
Садо.....	9.017,245	11.752,308
Пенька.....	8.993,313	11.003,139
Щетина.....	3.308,582	3.387,790
Дерево.....	7.478,646	9.392,505
Скотъ.....	1.821,472	2.600,934
Льняная пакля.....	2.236,878	1.910,132
Шолакъ.....	976,115	1.778,457
Козоляное и льняное масло.....	938,277	1.387,718
Пеньковая пража.....	1.304,118	1.386,856
Поташъ.....	1.656,773	1.335,971
Мѣха.....	664,356	1.293,366
Холстъ и полотна различныхъ сортовъ.....	364,016	1.226,020
Маслянистыя сѣмена.....	1.244,675	1.234,641
Канаты и веревки.....	1.233,228	1.100,675
Кожи невыдѣланныя.....	1.080,857	1.031,371

Главные предметы привоза изъ-за границы въ Россію въ 1864 и 1865 годахъ :

	1864 г.	1865 г.
Бумага хлопчатая (сырецъ).....	22.636,652	16.868,745
Чай.....	8.814,714	10.993,224
Краски.....	7.250,386	8.764,489
Металлическія надѣлы.....	4.450,729	8.362,447
Масла.....	5.758,091	6.730,023
Металлы въ грубомъ видѣ.....	4.147,390	6.412,822
Машины.....	7.027,490	6.246,428
Вино и различные напитки.....	7.640,471	5.969,024
Шерсть.....	3.938,397	5.038,722

	1864 г.	1865 г.
Плоды.....	4.845,993	4.341,700
Рыбный товар.....	3.517,481	4.029,682
Кофе.....	3.339,229	3.658,604
Шококовыя издѣлія.....	2.720,528	3.368,262
Шерстяныя издѣлія.....	3.099,745	3.285,236
Табакъ.....	3.021,008	2.862,114
Хлопчатая бумага пряденая.....	3.647,285	2.787,819
Льняныя ткани.....	2.010,724	2.363,551
Шоэль.....	2.069,429	2.311,200
Хлопчато-бумажныя издѣлія.....	2.054,683	2.224,084
Химическіе продукты.....	2.892,460	2.151,940

Доходы и расходы государства.

ДОХОДЫ ОБЫКНОВЕННЫЕ.

а) *Налоги:*

	НАЛОГИ ПРЯМЫЕ:	1866.	д., ОЖИДАЕМЫЙ въ 1867 г.
1. Подати.....		34.504,141	41.865,131
2. За право торговли.....		10.095,500	10.000,000

НАЛОГИ КОСВЕННЫЕ:

3. Питейный доходъ.....	124.821,692	125.053,316
4. Соляной.....	10.425,243	11.972,550
5. Акцизъ съ табаку.....	5.705,400	7.153,400
6. Акцизъ съ свеклосахарнаго производства.....	668,500	1.079,000
	<hr/>	<hr/>
7. Таможенный доходъ.....	141.620,835	145.258,266
	27.651,393	29.525,954

Почт. н. н.:

8. Гербовыя.....	5.536,500	5.528,800
9. Крѣпостныя и канцелярскія.....	2.438,100	2.362,100
10. Почт. н. н. разныхъ наименованій.....	4.458,032	4.815,488

Въ томъ числѣ, отъ паспортовъ.....	1.786,600
» » » подорожень.....	301,700
» » » судоходства.....	595,396
За повышеніе чинами.....	680,700
Шоссейнаго сбора.....	631,797
На составленіе пенсіоннаго капитала, съ чертежныхъ работъ, штрафныхъ и другихъ.....	813,295

б) *Правительственныя регалии:*

11. Горныя подати.....	2.676,061	424,642 *)
12. Монетный доходъ.....	2.861,061	6.978,312
13. Почтовый.....	7.727,775	7.893,582
14. Телеграфный.....	2.190,000	2.350,200
	<hr/>	<hr/>
Итого отъ регалий.....	15.455,165	17.646,738

*) Уменьшеніе горныхъ податей послѣдовало отъ перенесенія въ слѣдующую статью (монетный доходъ) подати съ добытаго золота.

с) *Отъ казенныхъ имущества.*

	1866	
15. Съ населенныхъ имѣній.....	907,059	1.032,078
16. Съ государственныхъ крестьянъ и поселенъ, живущихъ на казенныхъ земляхъ, оброка за земли и другихъ сборовъ...	33.454,581	86.062,186
17. Съ отдѣльныхъ оброчныхъ статей.....	3.391,256	3.045,536
18. Отъ продажи казенныхъ земель, угодій, рекрутскихъ квитанцій и проч.....	1.959,905	2.811,177
19. Отъ дѣсовъ.....	3.714,179	4.002,954
20. Съ горныхъ заводовъ и промысловъ.....	2.602,595	1.214,245
21. Отъ желѣзныхъ дорогъ.....	10.907,711	14.644,992
d) <i>Поступленія разнаго рода.</i>	44.007,376	46.754,647

Въ томъ числѣ:

Пособія государственному казначейству изъ постороннихъ источниковъ, какъ-то: изъ государственныхъ земскихъ сборовъ, городскихъ доходовъ и другихъ источниковъ — 24.299,240 р. (въ 1866 г.), 23.121,206 (въ 1867), выкупныя отъ рекрутства суммы 2.416,440 р. (1866 г.), 401,791 р. (въ 1867). Доходы по Царству Польскому, не вошедшіе въ сѣты министерствъ Имперіи.....	—	16.456,827
Доходы Закавказскаго края, предоставленныя въ полное вѣденіе и распоряженіе наместника края.....	3.693,123	3.938,292

Итого всѣхъ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ..... 346.530,816 387.092,535
(копейки откинуты).

II.

Экстраординарные ресурсы.....	21.583,931	15.206,294
	изъ англо-голландскаго займа 1866 года.	

III.

Оборотныя поступленія.....	12.872,311	16.076,063
Всего.....	380.987,059	418.376,893

IV.

Ресурсы, специально назначенныя на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ.....	19.930,944	25.473,277
Всего вообще.....	400.918,004	443.850,171

Государственные расходы.

РАСХОДЫ ОБЫКНОВЕННЫЕ.

1. Государственный долгъ.	по росписи на 1866 годъ.	по росписи на 1867 годъ.
	Руб. сер.	Руб. сер.
<i>Платежи процентов и погашенія.</i>		
По вѣшнимъ срочнымъ займамъ.....	14.918,543	13.548,307
» » безсрочнымъ »	19.384,722	19.383,629
» внутреннимъ срочнымъ и безсрочнымъ..	34.883,418	40.914,228 *)
Всего.....	68.586,684	73.846,154

*) Въ томъ числѣ по билетамъ государственнаго банка (металлическимъ) 3.000,000, по билетамъ государственнаго казначейства (серіямъ) 9.331,200; по пятипроцентнымъ съ выигрышами займамъ 15.784,750; по четырехпроцентнымъ непрерывно-доходнымъ билетамъ 6.223,248 р. с.

2. Высшія государственныя учрежденія.....	1.231,024	1.658,273
---	-----------	-----------

Въ томъ числѣ государственный совѣтъ и государственная канцелярія 614,556, собственной Его Императорскаго Величества канцелярія отдѣленія I, II, III и IV около 500,000.

3. Вѣдомство Святѣйшаго Синода.....	6.079,764	6.774,352 *)
-------------------------------------	-----------	--------------

*) Въ томъ числѣ жалованье городскому и сельскому духовенству 4.809,398 р.

4. Министерство Императорскаго Двора.....	7.717,419	8.919,741
---	-----------	-----------

Сверхъ суммъ, отпускаемыхъ изъ государственнаго казначейства въ распоряженіе Министерства Императорскаго Двора, поступаютъ: а) доходы удѣльнаго вѣдомства, поступающіеся до 4 милліоновъ рублей, обращаемые на содержаніе членовъ императорской фамиліи; б) доходы отъ нерчанскихъ и алтайскихъ горныхъ заводовъ, принадлежащихъ кабинету Его Величества, всего 1¹/₂ милліона.

5. Министерство Иностранныхъ Дѣлъ.....	2.222,115	2.219,233
--	-----------	-----------

6. Министерство Военное.....	113.867,347	120.335,085 *)
------------------------------	-------------	----------------

*) Въ томъ числѣ денежное продовольствіе войскъ, около 22¹/₂ милл., провіантъ 26¹/₂

	ПО РОСНИСИ НА 1866 годъ. Руб. сер.	ПО РОСНИСИ НА 1867 годъ. Руб. сер.
м., оружія—10 ¹ / ₂ м., обмундированіе—14 ¹ / ₂ м., постройки, содержаніе зданий, укрѣпленія и помѣщеніе войскъ—около 8 м. р. с., центральная администрація 1 ² / ₅ м., мѣстная 3 ¹ / ₅ милл.		
7. Морское Министерство.....	21.636,417	16.643,115
8. Министерство Финансовъ.		
а) ОБЩЕЕ УПРАВЛЕНІЕ.....	45.963,099	44.804,730
Въ томъ числѣ: центральная администрація 1 ¹ / ₄ милл., мѣстная—5.312,875 р.; пенсин и пособія чинамъ, вдовамъ и сиротамъ—16.877,101; чрезвычайныя по государственному казначейству расходы и экстраординарныя по губерніямъ надобности—8.462,000 р. с.		
б) РАСХОДЫ ВЗИМАНІЯ ДОХОДОВЪ.....	19.173,328	20.726,173
Въ томъ числѣ: содержаніе акціонныхъ управленій 6.874,021 р.; внутренніе хозяйственные расходы до патейной и соляной части относящіеся 1.891,353; таможенные расходы 4.285,586; расходы по взиманію горныхъ и монетныхъ доходовъ 4.322,716.		
9. Министерство Государственныхъ Имуществъ.....	8.432,061	6.973,274
Въ томъ числѣ содержаніе лѣсного управленія въ губерніяхъ и лѣсоустройство 1.322,611 руб. с.		
10. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.....	15.008,104	15.717,496
Въ томъ числѣ: центральная администрація 659,243, цензурное управленіе 231,709, губернская администрація 9.378,310.		
11. Министерство Народнаго Провѣщенія.....	7.062,464	7.255,814 *)
*) Въ томъ числѣ: высшія учебныя заведенія 1.828,558, гимназіи 2.304,035, уѣздныя, приходскія, начальныя училища и особыя учебныя заведенія—1.495,282.		
12. Министерство путей сообщенія.....	18.788,323	22.403,032 *)
*) Въ томъ числѣ расходы на взиманіе доходовъ отъ желѣзной Николаевской дороги 9.002,440.		

	ПО РОСПИСИ НА 1866 годъ. Руб. сер.	ПО РОСПИСИ НА 1867 годъ. Руб. сер.
13. Министерство почтъ и телеграфовъ.....	14.492,073	14.263,796
<p>Въ томъ числѣ приплата за содержаніе на станціяхъ лошадей для возки почтъ и проѣзжающихъ, производимая на счетъ пособій государственному казначейству изъ земскихъ сборовъ — 7.568,800 р.</p>		
14. Министерство Юстиціи	7.732,079	8.315,684
<p>Въ томъ числѣ правительствующій сенатъ и учрежденія, ему подвѣдомственныя—1.199,079, губерскія, уѣздныя, окружныя и особыя мѣстныя судебныя учрежденія 5.372,948 р.</p>		
15. Государственный контроль..	1.510,801	1.716,951
16. Главное управленіе Государственнаго коннозаводства.....	616,193	568,084
17. Расходы по Царскому Польскому, не вошедшіе въ списки министерствъ Имперіи.....	20.119,010	—
18. Гражданское управленіе Западнаго края.....	4.335,444	4.890,550
<p>Итого обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ....</p>		
На подборъ въ доходахъ	4.000,000	4.000,000
II.		
Оборотные расходы	12.872,311	16.078,063
III.		
Расходы временные экстраорд парные по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ.....	19.930,944	25.473,277
Всего расходовъ.....	401.386,048	443.850,171.

Изъ приведенныхъ сію минуту цифръ можно видѣть, что въ росписи на 1866 годъ заявленъ дефицитъ въ 41.513,975 руб., для покрытия котораго предполагалось заимствовать 20 милл. руб. изъ суммы внутренняго 1865 года займа съ выигрышами, 12½ изъ англо-голландскаго займа 1866 года, и наконецъ, выпустить на 9 милл. билетовъ государственнаго казначейства.

Дефицитъ 1867 года также превышаетъ 40 милл. руб.

Дефицитъ есть явленіе не новое въ исторіи русскихъ финансовъ. Даже въ первые годы царствованія Николая I, когда финансовое положеніе Россіи было наиболѣе удовлетворительно, когда и

политика и дѣйствія правительства указывали повидимому на цвѣтущее состояніе финансовъ, и тогда перевѣсъ расходовъ надъ доходами вызывалъ необходимость дѣлать тягостные займы въ кредитныхъ учрежденіяхъ и въ комиссіи погашенія государственныхъ долговъ. Такимъ образомъ средняя цифра дефицита отъ 1832 до 1852 года доходила до 27.219,810 руб., а въ военные годы 1852—56 возвысилась до 175.504,400 руб. Правда, въ то же время постоянно возрастала и ежегодная цифра доходовъ, но расходы возвышались въ болѣе быстрой прогрессіи. Заграничные займы на покрытіе дефицитовъ съ 1840 по 1861 г. составляютъ сумму въ 228.384,904 р.; суммы же, взятая съ 1832 по 1861 г. изъ кредитныхъ учреждений, достигаютъ огромнаго итога въ 557 м. р.; займы изъ комиссіи погашенія долговъ до 90 милл.; бумажныхъ денегъ выпущено на 407 мил.; билетовъ государственнаго казначейства на 93 м. Короче: общій итогъ денежный всѣхъ займовъ, къ которымъ прибѣгаю финансовое управленіе съ 1833 по 1861 годъ, простирается до суммы въ 1.375,385,000 рублей, или 45,846,166 миліоновъ р. сер: въ годъ. Въ 1858 году система тайныхъ періодическихъ займовъ была оставлена. Въ 1862 году въ первый разъ обнародована была министромъ Княжевичемъ роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ; но обыкновенные расходы продолжали превышать государственные доходы на значительныя суммы. Армія и флотъ, несмотря на значительныя сокращенія своей численности, продолжали поглощать прежнія суммы на свое содержаніе. Впрочемъ, значительная доля увеличенія расходовъ должна быть приписана преобразованіямъ и улучшеніямъ произведеннымъ въ послѣдніе годы во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія и хозяйства.

Государственные расходы съ 1845 по 1866 г. увеличились слѣдующимъ образомъ:

1) армія	70	процентовъ.
2) флотъ	70	»
3) вѣдомство внутреннихъ дѣлъ . . .	100	»
4) народное просвѣщеніе	150	»
5) иностранныхъ дѣлъ	10	»
6) юстиціи	100	»
7) Св. Синода	90	»
8) пенсіи	130	»
9) пожалованіе земель	10	»

При такомъ увеличеніи потребностей государства неудивительно, что съ 1845 по 1866 годъ ежегодныя обязательства государственнаго долга возрасли на 193 процента (если считать второй лотерейный заемъ); неудивительно, что выпускъ бумажныхъ денегъ въ тотъ же періодъ времени увеличился на 300 процентовъ. Но въ то же время, когда государственный долгъ утроился, обыкновенные доходы возрасли всего на 75 процентовъ, именно съ 197.000,000 до 345.000,000 р. с. населеніе имперіи увеличилось

всего на 11%, а заграничная торговля осталась почти неизменною. Приведемъ заключение Митчеля о состояніи русскихъ финансовъ съ 1862 по 1866 годъ.

	1862.	1863.	1864.	1865.	1866.
Обыкновенные расходы	306.619,739	343.867,860	397.094,798	376.093,514	400.068,004
Обыкновенные доходы	291.861,839	328.160,090	350.608,670	353.695,407	358.553,128
Дефицитъ	14.757,900	15.707,770	46.486,128	22.398,107	41.514,876

Почти невозможно съ точностію опредѣлить, какія суммы правительство истратило съ 1862 года сверхъ своихъ обыкновенныхъ расходовъ. Расчеты между казначействомъ и банкомъ до такой степени сложны, что представляютъ неодолимое затрудненіе всякому изысканію. Въ дѣйствительности бываетъ такъ, что казна помогаетъ сама себѣ, заимствуя средства у банка, который такимъ образомъ вынуждается къ выпуску большого количества своихъ билетовъ, нанося этимъ вредъ своимъ собственнымъ интересамъ. Оставляя въ сторонѣ текущій долгъ казначейства государственному банку, увидимъ, что займы, къ которымъ правительство прибѣгало въ періодъ времени отъ 1862 по 1866 годъ, составятъ 500.000,000 рублей, то-есть на 361.521,000 рублей болѣе того, сколько публика могла предполагать на основаніи обнародованныхъ бюджетовъ.

Сумма государственного долга къ 1866 году	79.586,000 р.
Внѣшній срочный долгъ (12 займовъ)	44.520,000 „
Внѣшній безсрочный долгъ (6 займовъ)	164.141,660 „
Долгъ государственному банку (со включеніемъ различныхъ премныхъ займовъ, перенесенныхъ на банкъ)	57.320,390 „
Долги казначейства различнымъ общественнымъ учрежденіямъ	4.547,130 „
4% билеты государственного казначейства металлическіе	57.307,500 „
4,32% билеты государственного казначейства — серіи	216.000,000 „
1-й пятипроцентный съ выигрышами заемъ	99.820,000 „
Различные долги внутренне безсрочные (1807 — 1817)	49.811,358 „
Четырехпроцентные непрерывно-доходные билеты, выпущенные въ обмѣнъ на капиталы вложенные, на вѣчное время, въ разныя кредитныя учрежденія	154.258,586 „
Пятипроцентные билеты (1863), выпущенные для увеличенія капитала государственного банка	9.923,750 „
Долгъ государства по выкупной операціи къ 1 янв. 1867 г.	167.013,383 „
Кредитные билеты къ январю 1867	649.635,233 „
Итого	1.669.996,000 „
Къ этому долгу слѣдуетъ присоединить:	
Второй внутренній заемъ съ выигрышами	100.000,000 „
Англо-голландскій заемъ	50.000,000 „
	1.819.996,000 „

Факты изъ исторіи русскихъ финансовъ *). До Петра Великаго расходы и доходы государства были ничтожны. Посредствомъ

*) См. Корсаковъ: Переводъ сравнительной статистики Кольба. 1862. Слб.

отдачи на откупъ, посредствомъ возвышенія старыхъ и введенія новыхъ налоговъ, онъ возвысилъ ихъ вѣнцера. Въ 1725 году, при Екатеринѣ I, доходы простирались до 10.186,000 рублей, по нынѣшнему чекану — до 60.000,000 р. Главными источниками доходовъ были: подушная подать — 4.290,000, таможенные пошлины — 1.200,000, питейный сборъ — 980,000, налогъ на соль — 622,000 р.

Въ 1770 году, при Екатеринѣ II, Шлецеръ считалъ доходы въ 25.623,000 тогдашнихъ рублей; въ 1782, по официальной смѣтѣ, они простирались до 40.685,000.

При Александрѣ I доходы увеличились до 80.853,000, по Шторху — до 110¹/₂ милл. Въ 1811 они простирались, по Вихману, до 113¹/₂ милл. Хотя, вслѣдствіе возвышенія, въ 1810 году, подушной подати, гильдейской и гербовой пошлинъ, цѣнъ на соль и пр., доходы должны были увеличиться, но все же цифры Вихмана и Шторха слишкомъ высоки, судя по тогдашнимъ обстоятельствамъ. Тенгоборскій говоритъ, что государственные доходы до 1839 года никогда не превышали 163.751,000 р. сер.

Происхожденіе государственнаго долга и его исторія. Основаніе государственному долгу положено было ассигнаціями; военныя и другія потребности заставили правительство прибѣгнуть къ нимъ въ царствованіе Екатерины II; съ тѣхъ поръ онѣ сдѣлались обыкновеннымъ способомъ покрывать государственные расходы. По смерти Екатерины, ассигнацій находилось въ обращеніи около 200 милліоновъ рублей, и курсъ ассигнаціоннаго рубля еще не падалъ значительно. Вслѣдствіи, съ умноженіемъ расходовъ, особенно во время войны французской революціи, русское правительство все чаще и чаще прибѣгало къ выпуску бумажныхъ денегъ. Отсюда постоянный и быстрый упадокъ ихъ курса, такъ что наконецъ серебряный рубль сталъ равняться 4 рублямъ ассигнаціями. Мѣдная монета имѣла одинаковую цѣнность съ бумажными деньгами, служа для ихъ размѣна. Въ 1810 году русскіе финансы были крайне разстроены: дефицитъ дошелъ до 105 мил. руб., и ассигнаціонный рубль утратилъ ¹/₄ своей первоначальной цѣнности. Выпускать новыя ассигнаціи казалось дѣломъ невозможнымъ; правительство рѣшилось и не выпускать ихъ. Устроена была коммиссія погашенія, которая постановила продать часть государственныхъ имуществъ, а съ помощію вырученной суммы извлечь изъ обращенія массу ассигнацій. Съ этихъ поръ правительство было намѣрено сдѣлать серебряную монету главнымъ орудіемъ мѣны. Но наступила война 1812 года, и исполненіе реформы приостановлено. Съ 1812 года до исхода 1814, курсъ ассигнацій все болѣе и болѣе падалъ, такъ что въ 1815 году серебряный рубль равнялся 4 р. 18 к. ассигнаціями.

Послѣ всеобщаго мира, внесенный въ государственную долговую книгу долгъ Россіи не превышалъ 125 милл. р. Правительство постановило правиломъ не дѣлать новыхъ выпусковъ ассигнацій и принялось за тѣмъ уменьшать ихъ количество. Для этого оно предпочло сдѣлать заемъ и на соответствующую ему сумму сжечь ассигнацій. Это былъ первый заграничный заемъ (подписанъ

открыта въ Амстердамѣ). Такимъ образомъ въ 1819 году 118 милліоновъ ассигнацій было извлечено изъ обращенія; въ то же время монетный дворъ изготовилъ на 26 милліоновъ звонкой монеты.

Коммиссія погашенія долговъ, основанная въ 1817 году, дѣйствовала энергически. Къ 1822 году она уменьшила процентный долгъ на 62 милліона; въ то же время уничтожено ассигнацій на 236 милліоновъ и въ обращеніи ихъ находилось всего на 596 милл. Новые займы, между прочимъ, съ цѣлю уменьшить число ассигнацій, продолжались.

Въ 1823 году въ управленіе финансами вступилъ графъ Канкринъ. Курсъ ассигнацій значительно улучшился; серебряный рубль стоилъ 3 р. 60 коп. ассигн., тѣмъ не менѣе ассигнацій оставалось въ обращеніи 596 милл., и процентный долгъ обременялъ государство процентами. Улучшеніе курса ассигнацій не выкупалось жертвами, которыя были для этого улучшенія дѣлаемы. Совѣтъ государственныхъ кредитныхъ установленій, по внушенію графа Канкринна, рѣшилъ (въ 1824 г.) оставить уничтоженіе ассигнацій. Суммы, которыя назначались до сихъ поръ на этотъ предметъ, положено обратить на погашеніе консолидированнаго долга. Эта операція погашенія подняла русскіе финансы. Долгъ, внесенный въ государственную долговую книгу, простирался, круглымъ числомъ, до 175 милл. р. серебромъ. Канкринъ употреблялъ при томъ всѣ усилія, чтобы ввести экономію и порядокъ въ финансы. Дѣйствительно, въ теченіе 1823 — 26 г. не было сдѣлано ни одного займа, а уменьшеніе расходовъ дало экономіи 160.300,000 тогдашнихъ рублей (49.933,750 р. сер.).

Во все время управленія Канкринна финансы находились въ удовлетворительномъ состояніи: курсъ ассигнацій былъ прочно установленъ (350 к. на 1 рубль) и былъ обезпеченъ значительными запасами драгоценныхъ металловъ, хранившихся въ Петропавловской крѣпости (70.750,000 руб. сер.).

Въ 1845 году умеръ графъ Канкринъ, но и по смерти его, до 1848 года, финансы Россіи находились въ удовлетворительномъ состояніи. Во время изурожая на Западѣ (1847 г.) Россія могла снабжать Францію не только хлѣбомъ, но зломкою монетою въ обмѣнъ на ренты государственнаго французскаго долга.

Февральская революція во Франціи была поводомъ къ увеличенію въ Россіи военныхъ силъ: это стоило 15 милліоновъ, суммы, которою расходы 1848 года превзошли расходы предидущаго года. Издержки 1849 года были на 30 милліоновъ выше издержекъ 1848 года. Причина заключалась въ венгерской войнѣ, въ занятіи Дунайскихъ Княжествъ, въ сосредоточеніи войскъ въ Польшѣ. Къ этому присоединился шотландскій заемъ, сдѣлавшій большія опустошенія на югѣ Россіи.

На покрытіе расходовъ венгерской войны нужно было выпустить серіи государственнаго казначейства, и ихъ вышумлено на сумму болѣе 13 милліоновъ рублей.

Съ другой стороны, на окончаніе Николевской желѣзной дороги было занято 5¼ мил. фунтовъ стерлинговъ.

Съ 1849 по 1860 государственный долгъ постоянно возрасталъ, особенно во время восточной войны. Къ 1861 году кредитныхъ билетовъ было уже на сумму 629.092,137 рублей, консолидированнаго же долга 555 милліоновъ рублей, всѣхъ же срочныхъ и безсрочныхъ долговъ 1,799.283,700 рублей.

Городское хозяйство. Доходы и расходы 628 городовъ въ 1858 г.:

Доходы обыкновенные.	9.117,805 р.
Расходы »	8.823,852 »
Доходы чрезвычайные.	1.378,109 »
Расходы »	1.823,852 »

Финансы Финляндіи. Существуютъ гражданскій и военный бюджеты. Бюджетъ на 1863 годъ заканчивается слѣдующими цифрами:

	ГРАЖДАН- СКІЙ Б.	ВОЕННЫЙ БЮДЖ.	ВСЕГО.
Доходы въ маркахъ (1/4 рубля сер.) . . .	12.204,501	2.520,960	14.725,461
Расходы » » » »	11.902,715	2.897,488	14.800,203
Остатокъ.	301,786	123,476	425,261

Военная сила.

Сухопутная сила. Формированіе войскъ. Войска формируются посредствомъ рекрутскихъ наборовъ, которымъ подлежатъ всѣ сословія, платящія подушную или соотвѣтствующую ей подать. Кромѣ того въ военную службу отдаются люди всѣхъ сословій за нѣкоторыя преступленія. Въмѣсто отправленія рекрутской повинности натурою допускается ~~наемъ охотниковъ~~. Срокъ службы въ гвардіи былъ сначала 22 года, въ прочихъ регулярныхъ войскахъ 25 лѣтъ; въ 1859 году онъ сокращенъ на 15 лѣтъ безъ обязательства служить въ резервахъ.

Сила войскъ: по Временнику 1866 года считалось: въ войскахъ регулярныхъ:

	ПО МИРНОМУ ПОЛОЖЕНІЮ.	ПО ВОЕННОМУ ПОЛОЖЕНІЮ.
Генераловъ	510	510
Штабъ и оберъ-офицеровъ	26,469	30,195
Классныхъ чиновниковъ	7,505	7,667
Нижнихъ чиновъ	868,977	1.203,810
	902,561	1.242,182
Лошадей	69,591	151,341

Въ войскахъ иррегулярныхъ.

Генераловъ 11, штабъ и оберъ-офицеровъ 1,763, классныхъ чиновниковъ 5, нижнихъ чиновъ 79,309, всего 81,088.

Лошадей 67,225, быковъ 30.

Флотъ.

Паровыхъ судовъ	285,	орудій 2,107,	тоннъ 201,549
Парусныхъ »	59,	» 71,	» 8,393

Всего . . . 344, орудій 2,178, тоннъ 209,935

Машины всѣхъ паровыхъ судовъ вмѣстѣ имѣютъ 37,580 лошадиныхъ силъ.

Личный составъ флота.

Адмираловъ 81, штабъ-офицеровъ 524, оберъ-офицеровъ 1,616, гардемариновъ и кондукторовъ 201, артиллеристовъ, инженеровъ и механиковъ 837, нижнихъ чиновъ 40,000.

Общественныя отношенія. Составъ народонаселенія. По Временнику 1866 года, въ Европейской Россіи считалось:

Дворянъ потомственныхъ	677,417
Дворянъ личныхъ и служащихъ	298,675
Духовенства	611,054
Городскихъ сословій	4.794,175
Сельскихъ сословій	49.484,665
Военныхъ сословій	4.046,619
Иностранцевъ	86,611
Лицъ не принадлежащихъ къ вышеозначеннымъ классамъ	912,093
Всего	60.909,309

Составъ городскихъ сословій.

Потомственныхъ почетныхъ гражданъ	17,502
Личныхъ почетныхъ гражданъ	17,801
Купцовъ	465,996
Мѣщанъ	4.032,530
Цеховыхъ	260,346

Составъ сельскихъ сословій.

Крестьянъ вѣдомства государств. имуществъ	23.138,191
Крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости	23.022,390
Крестьянъ бывшего удѣльнаго вѣдомства	3.326,084

Составъ военныхъ сословій.

Регулярныхъ войскъ	670,137
Безсрочно-отпускныхъ	81,852
Отставныхъ и ихъ семействъ, солдатскихъ женъ и дѣтей	1.559,088
Иррегулярныхъ войскъ	1.736,342

Факты изъ уголовной статистики.

По Временнику 1866 года подсудимыхъ было:

по преступленіямъ противъ религіи	1860 г.	1863 г.
» » » личності государства	7,869	5,404
» » » личності государства	52,926	52,389

	1860 г.	1863 г.
по преступлениямъ противъ собственности государства	73,893	87,275
» » » частной собственности . . .	132,080	158,088
» » » личности	40,301	44,577
» » вслѣдствіе нечаянныхъ случаевъ . .	6,009	4,942
» » судимымъ военнымъ судомъ	8,534	23,844
Всего	321,612	376,519

Число обвиненныхъ.

	1860 г.	1863 г.
По преступлениямъ противъ религіи	1,720	1,072
» » » личности государства . . .	17,338	16,646
» » » собственности государства.	19,086	28,316
» » » частной собственности . . .	24,725	31,809
» » » личности	8,968	9,920
Въ томъ числѣ:		
Убиты въ 1860 г. 1,900, въ 1863 — 1,708; случаевъ нанесенія ранъ—2,186—2,012; преступленій противъ чести вообще—4,090—3,358; противъ чести и дѣломудрія женщины — 254—288; противъ семейнаго и родственнаго союзовъ — 384 — 504.		
по преступлениямъ, судимымъ военнымъ судомъ	6,540	15,293
Всего	79,029	104,031

Наказанія.

Къ смертной казни приговорено	7	287
» каторгѣ	1,486	2,530
» поселенію	6,262	5,549
» заключенію въ арестантскія роты	7,301	9,527
» заключенію	6,167	15,499
» другими наказаніямъ	57,816	70,639

Распределение преступленій по сословіямъ.

Обвинено въ преступленіяхъ:

	1860 г.	1863 г.
дворянъ	1,277	1,474
духовныхъ	186	170
купцовъ и почетныхъ гражданъ	740	1,037
мѣщанъ и цѣховыхъ	8,561	9,409
крестьянъ казенныхъ и удѣльныхъ	34,926	43,939
временно-обязанныхъ крестьянъ	19,600	26,993
колонистовъ	63	161
военныхъ	6,967	11,510
отставныхъ нижнихъ воинскихъ чиновъ	245	384
инородцевъ	1,060	977
ссылъно-каторжныхъ и поселенцевъ	66	172
скрывшихъ свое происхожденіе	4,927	2,853
лицъ гражданскаго званія, судимыхъ военнымъ судомъ.	412	4,952
Всего	79,029	104,031

Народное образованіе.

Въ 1864 году считалось въ Россіи 6 университетовъ, въ нихъ студентовъ 4,084, вольнослушателей 557.

Гимназій считалось 96 съ 28,202 учащимися. Въ томъ числѣ

дворянъ	19,502
духовныхъ	976
городскихъ сословій	5,955
сельскихъ сословій	1,111
иностранцевъ	658

Уѣздныхъ училищъ 413 съ 25,658 учащимися. Въ томъ числѣ

дворянъ	7,121
духовныхъ	543
городскихъ сословій	14,519
сельскихъ сословій	3,383
иностранцевъ	92

Приходскихъ городскихъ и сельскихъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія 1,124 съ 49,320 учащимися мальчиками и 7,319 дѣвочками. Всего же учащихся въ приходскихъ училищахъ 56,639. Въ томъ числѣ

дворянъ и чиновниковъ	5,155
городскихъ сословій	33,122
сельскихъ »	17,450

Частныхъ учебныхъ заведеній.

		УЧЕНИКОВЪ	УЧЕНИЦЪ
На степени гимназій считалось	74	1,541	3,231
» » уѣздныхъ училищъ	187	1,518	4,261
» » приходскихъ и элементарныхъ училищъ	846	7,212	6,608
	1,107	10,272	14,100

Всего же въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія 3,531 учебное заведеніе съ 151,571 учащимися мужскаго и 42,762 учащимися женскаго пола.

Въ 30,000 училищахъ другихъ вѣдомствъ (военныхъ, духовныхъ заведеній и проч.) учащихся 630,000.

Всего въ 33,531 школѣ 824,333 учащихся, именно: 781,571 мужскаго пола и 42,762 женскаго.

По Статистическому Временнику 1866 года, во всей Россійской имперіи считалось слѣдующее количество учебныхъ заведеній:

I. КАЗЕННЫЯ УЧИЛИЩА.

	ЧИСЛО УЧАЩИХСЯ М. П.	ЧИСЛО УЧАЩИХСЯ Ж.
Общеобразовательныя мужскія	высшія 10	5,077
	среднія 103	28,790
	низшія 469	28,228
	582	62,095
Общеобразовательныя женскія	высшія 74	12,051
	низшія 179	9,626
	253	21,677

II. НАРОДНЫЯ ШКОЛЫ.

		УЧАЩИХСЯ МУЖСКОГО ПОЛА	УЧАЩИХСЯ ЖЕНСКОГО ПОЛА
Мужскія	2,444	778,709	119,307
Женскія	91		
Обоего пола	31,103		
Итого народ. шк.	33,638	778,709	149,307

III. СПЕЦИАЛЬНЫЯ УЧИЛИЩА.

Мужскія	482	83,701	—
Женскія	10	—	907
Обоего пола	4	482	407
Итого спец. учил.	496	84,183	1,394
Еврейскія и инородческія училища	381	12,597	10,156

Частныя училища.

Училища при церквахъ и молитвенныхъ домахъ иностраннаго исповѣданія	815	7,521	2,908
Училища, содержимыя частными лицами	828	12,086	14,070
Итого	1,043	19,607	16,978
	школъ	учениковъ	ученицъ
Всего	36,343	957,161	198,612

Железныя дороги.

Николаевская 604 версты; грузъ, отправленный

изъ Петербурга въ 1863 году	7.841,723	пуд.
» Москвы	9.194,879	»
грузъ, доставленный въ Петербургъ	12.585,336	»
» » » Москву	13.059,423	»

Московско-Нижегородская, 410 версть.

Грузъ, отправленный изъ Москвы (1863 г.)	2.371,036	»
» » » Нижняго	3.876,816	»
грузъ, доставленный въ Москву	10.047,028	»
» » » Нижній	1.717,908	»

<i>Петербургско-Варшавская</i>	1,045	версть
ея вѣтвь отъ Вильно до Эйдкунена	179	»
<i>Рижско-Динабургская</i>	204	»
<i>Московско-Рязанская</i>	185	»
<i>Рязанско-Козловская</i>	196	»

<i>Динабургско-Витебская</i>	243	»
<i>Грушевско-Ахсайская</i>	66	»
<i>Одесско-Балтская</i>	194	»
<i>Царскосельская</i>	25	»
<i>Петергофская</i>	24	»
<i>Троицко-Сергиевская</i>	67	»
<i>Царицинская</i>	73	»

Телеграфы: 4,300 географических миль (въ началѣ 1865 г.).

Почта: 16³/₄ милл. писемъ, въ 1855 году.

Монета, мѣра и вѣсъ. Монета: денежная единица — серебряный рубль (83¹/₂ пробы) = 4 золотн. 21 долѣ чистаго серебра; на кельнскую марку чистаго серебра приходится 13 штукъ; 13 руб. сер. = 14 талерамъ; 1 руб. = 4 франк. Рубль подраздѣляется на 100 коп. Цѣнность ассигнаціоннаго рубля опредѣлена въ 1839 г. такъ, что 1 руб. сер. = 3 руб. 50 коп. ассигн. Мѣдной монеты изъ пуда мѣди чеканится 32 руб.

Мѣра. Аршинъ = 315,4 парижскихъ линий; 100 аршинъ = 71,14 метрамъ = 166 берлинск. локтей = 77,78 англійск. ярдовъ. Русскій футъ равенъ англійскому; 6,795 рейнск. футовъ или 7 русскихъ составляютъ 1 сажень = 2,13 метр. *Верста*, 104,25 на 1 градусъ экватора = 1,0666 километр.; 6,95 русскихъ верстъ составляютъ 1 географическую милю. Десятина = 2,400 сажен. = 2,2781 берлинск. моргеновъ или 109 гектаровъ. Хлѣбныя мѣры: четверть = 8 четверниковъ = 64 гарнца, = 209,9 литровъ, или 3,82 берл. шеффелей, или 0,72 англ. квартера.

Вѣсъ: пудъ = 40 фунтовъ = 16,38 килограм. 100 русскихъ фунтовъ = 40,9 килогр. = 81,8 нѣмецкихъ таможенныхъ фунтовъ. Берковецъ = 10 пудъ.

АВСТРІЯ (имперія).

Пространство и народонаселеніе.

Австрія занимаетъ, послѣ потери Ломбардіи и Венеціи, 11,305¹/₂ географическихъ миль съ 32.525,002 жителями.

СТРАНЫ.	1857 г.		1857 г.
	ПРОСТРАНСТВО.	НАСЕЛЕНІЕ.	ГЛАВНЫЕ ГОРОДА.
Австрія ниже Энса . . .	360,08	1.681,697	Вѣна 476,222.
Австрія выше Энса . . .	217,90	707,450	Линцъ 27,628.
Зальцбургъ	130,15	146,769	Зальцбургъ 17,239.
Штирія	407,84	1.056,773	Грацъ 63,176
Каринтія	188,42	332,456	Клагенфуртъ 13,478.
Крайна	181,42	451,941	Лайбахъ 20,747.
Герцъ, Градиска, Истрія и Триестъ	145,10	520,978	Триестъ 65,874.
Богемія	943,70	4.705,825	Прага 142,588.

СТРАНЫ.	1857 г.		1857 г.
	ПРОСТРАНСТВО.	НАСЕЛЕНИЕ	ГЛАВНЫЕ ГОРОДА.
Тироль и Форарльберг	532,04	851,016	Иннсбрукъ 14,224.
Моравія	403,77	1.867,094	Брюннъ 58,809.
Силезія	93,50	443,912	Троава 13,861.
Галиція	1.425,78	4.597,470	Львовъ 70,384.
Буковина	189,91	456,920	Черновицъ 26,345.
Далмація	232,36	404,499	Зара 7,797.
Венгрія	3.896,32	9.900,785	Пештъ 131,705.
Кроація и Славонія	350,16	876,009	Аграмъ 16,657.
Трансильванія	997,51	1.926,727	Германштадтъ 18,588.
Военная Граница	609,38	1.064,922	
Кромѣ того войско	—	531,989	
Всего	11.305,34	32.525,002	

Полагаютъ, что въ 1867 году населеніе Австріи простирается до 36.000,000. Въ Вѣнѣ въ настоящее время жителей не менѣе 578,525.

Города, не представляющіе собою провинціальныя центры.

ВЪ ВЕРХНЕЙ АВСТРИИ:		Арадъ	26,959
Штеиръ	10,752	Гроссвардейнъ	23,171
ВЪ БОГЕМИИ:		Темешваръ	22,507
Рейхенбергъ	18,554	Эденбургъ	18,898
Будвейсъ	14,800	Кашау	16,417
ВЪ МОРАВИИ:		Марось-Васаргели	11,217
Нглау	18,554	ВЪ БАНАТЪ:	
Ольмуць	13,997	Марія Терезіаполь	53,499
Штернбергъ	12,665	Зомборъ	22,436
ВЪ ГАЛИЦИИ:		ВЪ КРОАЦИИ	
Краковъ	41,086	Фіуме	15,319
Броды	22,796	Эссекъ	13,883
Тарнополь	17,210	ВЪ ТРАНСИЛЬВАНИИ:	
ВЪ ВЕНГРИИ:		Кронштадтъ	26,826
Сегединъ	62,700	Клаузенбургъ	20,615
Офень	55,240	ВЪ БЕРЕГОВОЙ ЗЕМЛѢ:	
Пресбургъ	43,863	Гёрцъ	13,297
Кескеметъ	39,434	ВЪ ДАЛМАЦИИ:	
Дабречинъ	36,283	Спалато	10,787

Въ 1857 году приходилось :

	ПРОСТРАН- СТВА ВЪ КВАДР. ПРОЦ. МЛЯХЪ.		ЖИТЕЛЕЙ.	ПРОЦ.
на нѣмецкія земли	3,591	= 30	13.250,000	= 37
» венгерскія »	6,328	= 54	15.000,000	= 43
» польскія »	1,387	= 12	4.480,000	= 13
» итальянскія »		4		7

Племена. Народы, входящіе въ составъ австрійскаго государства, чрезвычайно различны по происхожденію, образованности, языкамъ, обычаямъ и религіи. Притомъ ни одно изъ составляющихъ его племенъ не имѣетъ рѣшительнаго перевѣса надъ прочими.

Чёрнигъ насчитываетъ въ Австріи: *нѣмцевъ* 7.889,925, изъ нихъ около 6.240,000 въ провинціяхъ, принадлежавшихъ къ Германскому союзу.

Славянъ 15.027,646, а именно :

Чеховъ, моравовъ и словаковъ	6.182,742	Итальянцевъ	469,788
Поляковъ	2.159,648	Фриуловъ	416,725
Русскихъ	2.752,482	Ладановъ	14,498
Словеновъ	1.183,533	Ост-романовъ	2.642,953
Кرواتовъ	1.337,010	Албанцевъ	3,175
Сербовъ	1.438,201	Грековъ	2,255
Булгаръ	24,030	Армянъ	16,131
Маджаръ	4.947,134	Цыганъ	146,100
		Евреевъ	1,049,871

Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что въ приведенномъ у Чёрнига числѣ евреевъ большая часть таковыхъ, которые понѣмекки говорятъ какъ на своемъ родномъ языкѣ, и слѣдовательно по языку могутъ быть причислены къ нѣмцамъ.

Чёрнигъ принимаетъ для Австріи 15 различныхъ національностей, не считая евреевъ и цыганъ, живущихъ между другими племенами. Эти 15 національностей на этнографической картѣ раздѣляются 120 различными границами; число же областей, отдѣленныхъ на той же картѣ по различію нарѣчій, превосходитъ 2,000.

Въ нѣмецкихъ провинціяхъ, съ наиболѣе смѣшаннымъ народонаселеніемъ, въ 1857 году жило :

Въ Богеміи	1.766,372 нѣмца,	2.925,982 чеха
		и 86,339 евреевъ.
» Моравіи	483,518 нѣмц.,	1.351,982 чеха
		и 41,529 евреевъ.
» Силезіи	234,843 нѣмца,	92,326 чеха и
		131,602 поляка.
» Штиріи	640,806 нѣмц.,	369,246 словенъ.
» Крайнѣ	29,783 нѣмца,	421,398 словенъ.
» Тиролѣ	525,092 нѣмца,	325,416 итальян.

Въ провинціяхъ нѣмецкихъ :

Въ Венгріи	1.221,714 нѣмц.,	4.333,987 мадж.,
	52,379 словенъ,	120,092 крота,
	1.171,676 ост-романовъ,	62,200
	цыганъ,	393,105 евреевъ.
» Кроаціи и Славоніи	24,470 нѣмц.,	537,880 кرواتовъ,
		271,477 сербовъ.
» Трансильваніи	200,364 нѣмц.,	517,577 маджар.,
	1.104,322 ост-роман.,	79,360
	цыганъ,	14.152 еврея.

» Военной границѣ	38,400 нѣмцевъ, 540,992 кроата. 324,385 сербовъ, 140,826 ост-ром.
» Галиція	114,293 нѣмца, 1.981,076 поляковъ, 2.085,431 русскій, 448,973 еврея.
» Буковинѣ	37,855 нѣмцевъ, 188,288 русск., 175,679 романцевъ, 29,187 евр.

Въроисповданіе (по официальнымъ свѣдѣніямъ 1857 года):

Римско-католикъ	23.968,686
Греко-уніатовъ	3.526,952
Армянъ уніатовъ	9,737
Православныхъ грековъ	2.918,126
» армянъ	3,513

Движеніе народонаселенія.

ГОДЫ	БРАКИ	РОЖДЕНІЯ	СМЕРТНЫЕ СЛУЧАИ	МЕРТВОРОЖДЕННЫЕ
1851	336,801	1.360,573	1.034,163	18,662
1852	316,806	1.369,099	1.058,025	21,302
1853	283,417	1.350,051	1.159,425	20,030
1854	258,034	1.269,722	1.257,558	19,076
1855	245,389	1.214,119	1.525,497	18,111
1856	314,451	1.307,647	1.072,928	19,960
1857	301,524	1.435,651	1.017,027	23,591
1858	298,612	1.418,036	1.081,634	24,346
1860	190,224	864,032	616,702	—
1861	189,058	874,332	682,736	—

	НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫЕ		МЕРТВОРОЖДЕННЫЕ	
	МАЛЬЧИКИ	ДѢВОЧКИ	МАЛЬЧИКИ	ДѢВОЧКИ
1851	60,741	58,009	10,729	7,933
1852	58,215	54,833	12,258	9,044
1853	57,470	54,520	11,477	8,583
1854	57,349	54,149	10,798	8,268
1855	49,779	47,621	10,447	7,664
1856	58,847	56,237	11,461	8,499
1857	75,514	71,580	13,546	10,045
1858	77,930	74,137	13,834	10,512

Число незаконныхъ рожденій, въ 1851 году равнявшееся только 8,73 процентамъ всего числа рожденій, въ 1858 году достигло 10,72 процентъ.

На 100 законнорожденныхъ приходилось незаконнорожденныхъ:

Вѣна	52,01	Богемія	14,52
Остальная Нижняя Австрія	15,84	Моравія	13,44
Верхняя Австрія	19,41	Силезія	13,23
Зальцбургъ	25,40	Краковъ	11,92
Штирія	25,78	Галиція	8,38
Каринтія	34,51	Буковина	7,58
Крайна	8,56	Далмація	3,41
		Ломбардія	4,63

Герцъ, Градиска, Истрия	2,64	Венгрія.....	4,37
Тріестъ.....	22,65	Трансильванія.....	3,22
Тироль.....	6,92	Военная граница.....	1,58

Изъ числа мертворожденныхъ было среднимъ числомъ 80,31% законно- и 19,69% незаконнорожденныхъ.

Бюджетъ на 1864-й годъ.

ДОХОДЫ (въ флоринахъ).

Прямые налоги: поземельная подать 69.981,100, промысловый доходъ 6.868,100, подать съ домовъ 23.235,600, подать съ дохода 19.783,300, личный налогъ 5.193,400, налогъ съ наследствъ 42,600, всего прямыхъ налоговъ... 125.104,000

Косвенные налоги: налогъ на хлѣбное вино 17.630,400, на виноградное вино и мусть 5.949,354, на пиво 16,500,000, на мясо 5.589,860, на сахаръ 5.005,000, прочіе налоги на потребление 2.201,846, откупа 5.235,916, прочіе сборы 1.019,885; *таможенные* сборы 15.700,000, соль 41.849,147, табакъ 61.960,280, гербовая пошлина 19.200,000, таксы 729,361, судебныя пошлины 24.304,138, лотереи 18.268,960, мостовыя деньги 3.419,138, горныя подати 306,266, всего 245.092,887

Государственная собственность: помѣстья 6.647,372, дѣла 11.575,129, конвокаванныя имущества 600,658, фабрики 1.647,941, горныя заводы 32.562,751, монетная регалия 16.472,804, отчужденіе государственной собственности 15.329,810, освобожденіе поземельной собственности отъ налога 122,993, различные доходы 987,326, всего доходовъ отъ государственной собственности..... 85.936,784

Доходы, подлежащіе вѣденію министерства финансовъ: министерство иностранныхъ дѣлъ 115,300, министерство государственное 444,766, венгерская придворная канцелярія 310,705, трансильванская 91,076, кроатская и славонская 45,989, министерство торговли и народнаго хозяйства 15.929,336 (въ томъ числѣ почта 13.653,908, телеграфъ 2.247,800), министерство полиціи 675,750, военное министерство 14.386,276 (въ томъ числѣ прямые налоги съ Военной Границы 2.337,436, косвенные 159,564; прочіе доходы 6.473,423, выручка отъ стараго оружія 5.300,000), морское министерство 309,206 (пристанная пошлина 239,206), итого..... 32.309,404

Всего доходовъ..... 488.453,075 флор.

Изъ этого числа 437.270,632 флорина приходятся на обыкновенныя статьи, и 51.182,443 на чрезвычайныя. Чрезвычайные доходы распределены были въ 1864 году слѣдующимъ образомъ: прямые налоги дали чрезвычайныхъ доходовъ 16.035,200, косвенные — 13.427,868, государственная собственность (отчужденія) 15.329,810, военное министерство (отчужденія) 6.065,000 флориновъ.

Примѣчаніе. Доходы по бюджету 1866—67 г.

Прямые налоги.....	121.998.216 флор.
Налоги косвенные, монополіи государства, регалия.	232.186,900 »
Доходы отъ государственныхъ имуществъ, рудниковъ, монеты.....	95.852,922 »

Различные доходы по министерству финансов....	30.927,003 флор.
Различные доходы прочих отраслей управления..	14.019,197 »
Всего доходов.....	495.004,238 флор.

РАСХОДЫ.

	1864 г.	1866 г.
1. Императорский дворъ.....	7.454,800	7.420,000
2. Канцелярія кабинета.....	63,482	60,737
3. Имперскій совѣтъ.....	453,451	200,000
4. Государственный совѣтъ.....	152,971	142,128
5. Совѣтъ министровъ.....	65,407	26,063
6. Министерство иностранныхъ дѣлъ.....	2.277,759	2.202,280
7. Министерство государственное.....	29.711,094 *)	31.843,913
*) Въ томъ числѣ: внутреннее управленіе 10.334,686, тюрьмы и исправительныя заведенія 1.657,448, благотворительность 629,483, строительное вѣдомство 769,365, вѣдомство путей сообщенія 5.846,517, водныя сообщенія 2.517,254, жандармы 1.582,559, официальные периодическія изданія 212,637; расходы на духовенство и богослуженіе 1.888,240 (въ томъ числѣ на протестантскій культъ 57,042, на греческій 40,115), народное образованіе 3.194,402.		
8. Венгерская дворцовая канцелярія.....	12.015,833 *)	15.259,279
*) Въ томъ числѣ: правительственныя мѣста 5.606,000, вѣдомство путей сообщенія 2.153,200, жандармы 1.301,574.		
9. Трансильванская дворцовая канцелярія (правительственныя мѣста 951.017)....	3.405.136	3.410,377
10. Дворцовая канцелярія Кроаціи и Славоніи	1.935,642	1.751,886
11. Министерство финансовъ.....	319.244,829 *)	132.366,454
*) Въ томъ числѣ: храненіе казны 6.258,421, пособия промышленности 5.866.181, пенсіоны и проч. 11.012,693, проценты государственнаго долга 114.503,980, погашеніе 41.430,143. Расходы на взиманіе государственныхъ доходовъ 53.508,274 (въ томъ числѣ сборъ пошлинъ съ предметовъ потребленія 2.077,363, издержки по сбору таможенныхъ пошлинъ 1.892,022, расходы по солиной рентагін, со включеніемъ стоимости добыванія соли 6.32,517, расходы по сбору пошлинъ съ табаку 30.049,344, лотерейные рас. 11.587,336). Управленіе государственными имуществами 6.465,746, завѣдываніе лѣсами 8.758,866, — конжискованными имуществами 338,628, — фабриками 1.530,816, — горными заводами 30.583,056, расходы по монетной рентагін 16.535,633.		

	1864 г.	1866 г.
12. Министерство торговли и народного хозяйства	12.767,876 *)	14.564,939
*) Въ томъ числѣ: почтовые расходы 9.796,832, телеграфные 2.363,546.		
13. Министерство юстиціи	7.873,477	9.721,678
14. Министерство полиціи (полицейская стража 803,631)	3.010,112	2.836,453
15. Государственный контроль (въ томъ числѣ департаментъ отчетности по военному министерству 1.105,450)	3.882,131	3.470,099
16. Военное министерство	106.841,146 }	96.582,981
17. Морское министерство	9.599,305 }	
Всего расходовъ	520.754,348	24.535.143,384

Примѣчанія: а) Въ эти послѣднія цифры включены и чрезвычайные расходы, которыхъ въ 1864 году было 83.262,789 фл., б) въ цифру расходовъ 1866 года включена необозначенная на нашей таблицѣ потеря на курсѣ, простирающаяся до 1.800,000 флориновъ.

И такъ въ 1864 году расходы превышали доходъ болѣе чѣмъ на 32 милліона флориновъ, въ 1866 же году — на сумму въ 40.139,146 флориновъ.

Бюджетъ 1867 года представляетъ подобныя же цифры. Доходъ 1867 года 407.297,000 фл., расходъ — 433.896,000.

Дефицитъ — явленіе не новое въ австрійскихъ финансахъ Поизслѣдованіямъ фонъ-Чёрнига, съ 1781 года до нашего времени только два раза обыкновенные доходы были больше расходовъ. Правда, что иногда дефициты были обязаны своимъ происхожденіемъ расходамъ производительнымъ, какъ напр. постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. Въ 1781 году государственные доходы равнялись 65.777,780 ф., въ 1794 они возрасли до 92.722,090 и въ то же время расходы простирались до 151 300,660.

Въ 1795 году доходы простирались всего до.	67.649,490	
» 1802 » » » » »	86.204,040	
» 1803 » » » » »	101.419,710	
» 1805 » » » » »	111.808,260	расходы 145.938,560
» 1806 » » » » »	86.708,830	» —
» 1809 » » » » »	94.746,420	» 262.020,890
» 1813 » » » » »	101.511,670	» 111.172,440
» 1814 » » » » »	76.288,004	» —

Во время войнъ съ Наполеономъ наибольшей цифры государственные расходы достигли въ 1810 году, именно до 351.134,170 флориновъ.

Въ 1821 году расходы простирались до. . . . . 159¹/₂ милл.
 » 1822 » » » » . . . . . 215 "

Въ 1838 году доходы	141.981,360	дефицитъ	16.469,236
» 1839 » »	145.213,880	»	17.204,542
» 1840 » »	146.514,322	»	18.132,704

Въ 1841 году доходы	143.937,924	деняцгъ	19.416,767
» 1842 » »	145.599,017	»	11.892,845
» 1843 » »	150.371,826	»	14.952,639
» 1844 » »	152.912,909	»	15.500,723
» 1845 » »	153.509,637	»	17.498,776
» 1846 » »	154.824,481	»	21.874,448
» 1847 » »	153.340,796	»	50.637,476

Изъ этой таблицы видно, что запутанность въ австрійскихъ финансахъ произошла не вслѣдствіе «смутъ 1848 года».

Съ 1848 года передержки дѣлаются значительныя. По неофициальнымъ вычисленіямъ дефицитъ простирается:

Въ 1848 году до.	58.879,661	флор.
» 1849 » »	139.936,224	»
» 1850 » »	90.589,725	»
» 1851 » »	104.399,971	»
» 1852 » »	79.624,518	»
» 1853 » »	86.515,965	»
» 1854 » »	178.163,940	»
» 1855 » »	186.135,017	»
» 1856 » »	111.189,771	»
» 1857 » »	101.663,650	»
» 1858 » »	44.205,054	»
» 1859 » »	280.939,213	»
» 1860 » »	65.062,810	»
» 1862 » »	111.701,887	»
» 1863 » »	59.592,400	»
» 1865 » »	7.982,769	»
» 1866 » »	40.139,146	»

И такъ съ 1848 по 1866 годъ сумма дефицита значительно превышала 2.000.000,000 флориновъ.

Финансовая система Австріи имѣетъ много недостатковъ. Какъ въ Англіи и Франціи, такъ и здѣсь поражаетъ незначительный доходъ отъ государственныхъ имуществъ. Много было растрчено въ давнія времена, еще болѣе — въ критическіе моменты новаго времени. Прибавимъ, что плохо управляетъ государство и тѣмъ, что осталось: относительно малый доходъ съ имѣній государства не соотвѣтствуетъ ихъ цѣнности. Далѣе: налоги распределены весьма несовершенно. Многие налоги падаютъ на предметы первой необходимости: хлѣбъ, мясо, соль. Государство поддерживаетъ вредную для нравственности игру въ лото и подѣ условіемъ уплаты десятипроцентнаго налога, допускаетъ частныя лотереи. Расходы по взиманію податей и пошлинъ необыкновенно велики.

Государственный долгъ къ 31 декабря 1865 г.

а) Долгъ отвержденный старій	30.946,794
б) Долгъ отвержденный новій	2.387.063,945

c) Долгъ текущій	143.735,549
d) Долгъ ломбардо-венеціанскій	65.929,793
e) Капиталъ долга по выкупу операціи	13.026,760
f) Ренты долга баварскаго	1.750,000
	2.642.452,841
Долгъ къ 20 іюня 1866 г.	2.831.211,195

Къ исторіи государственнаго дома. При окончаніи семилѣтней войны (1763) Австрію обременялъ долгъ въ 150 миліоновъ фл.; въ 1779 онъ возвысился до 260 милл., а въ 1790 г. — 342 м. Съ тѣхъ поръ послѣдовало не только колоссальное увеличеніе долга, но и цѣлый рядъ самыхъ необыкновенныхъ финансовыхъ мѣръ, какъ-то: государственное банкротство, насильственные займы. Сначала сбавлены были на половину проценты долга, потомъ правительство принуждало кредиторовъ государства къ дальнѣйшимъ ссудамъ, ибо, въ случаѣ отказа, они терали и прежія. Чтѣ было съ государственными облигаціями, то же случилось и съ бумажными деньгами. Дѣлались самыя положительныя увѣренія, что цѣнность ихъ не будетъ понижена (объявл. 1806 г.), но на самомъ дѣлѣ цѣнность бумажныхъ денегъ упала до $\frac{1}{17}$ номинальной цѣны: 1 флоринъ серебромъ сталъ равняться наконецъ 17 флоринамъ ассигнаціями. Въ мартѣ 1811 года правительство увидѣло себя вынужденнымъ уменьшить номинальную цѣнность бумажныхъ денегъ на $\frac{4}{5}$, т.-е. обмѣнить старыя бумажки на новыя, принимая прежній гульдены только за 12 крейцеровъ. вмѣсто накопившихся 1,060 миліоновъ гульденовъ бумажныхъ денегъ, вслѣдствіе этой финансовой операціи, должно было остаться ихъ всего на 212 миліоновъ. Но масса бумажныхъ денегъ и послѣ этого постоянно возрастала, а цѣна уменьшалась. Въ 1815 году ихъ было уже 650 милл., цѣнность же ихъ понизилась на цѣлыя $\frac{1}{2}$ противъ номинальной, такъ что вся потеря государства простиралась до $\frac{1}{2}$; вмѣсто первоначальнаго гульдена каждый имѣлъ только по три крейцера, вмѣсто 100 флориновъ только пять. Война 1813—15 годовъ требовала необыкновенныхъ усилій. Одни торжества вѣнскаго конгресса стоили государству около 30 миліоновъ *). Въ 1816 году послѣдовали новыя финансовыя мѣры, почти равнявшіяся государственному банкротству: владельцамъ бумажныхъ денегъ было предоставлено обмѣнить ихъ на $\frac{1}{2}$ цѣнности банковыми билетами, а на остальныя $\frac{1}{2}$ взять однопроцентныя государственныя бумаги или же обмѣнить бумажныя деньги на акціи только что основаннаго тогда національнаго банка. Съ 1848 года снова послѣдовалъ новый чрезмѣрный выпускъ бумажныхъ денегъ; курсъ ихъ постоянно колеблется: такъ въ сентябрѣ 1848 года лажъ на серебро, въ сравненіи съ бумагою, былъ 5%, въ 1849 году онъ поднялся до 24 $\frac{1}{2}$ %; въ 1850 году—до 52%, въ

*) Объ изувѣченныхъ инвалидахъ государство не могло позаботиться, а между тѣмъ торжества вѣнскаго конгресса стоили ему около 30 мил. (Гервинусъ).

1852 году упалъ до 8%, въ мартѣ 1854 г. опять возвысился до 44½%, въ 1856 году понизился до 2%, но съ тѣхъ поръ онъ уже поднимался до 50%, а въ началѣ 1865 года стоялъ на 16%. Государство уже вступило на путь улучшеній въ финансовой системѣ.

Военныя силы.

Рекрутскому набору подлежатъ достигшіе 20-ти-лѣтнаго возраста; 8 лѣтъ полагается на службу въ дѣйствующей арміи и затѣмъ еще 2 года въ резервѣ. Тироль выставляетъ только одинъ стрѣлковый полкъ. Въ 1854 году было 1,414 случаевъ членовредительства для избѣжанія военной службы. Замященіемъ рекрутъ за выкупъ (1,200 флориновъ въ 1864 году) распоряжается само правительство. Производство изъ рядовыхъ въ офицеры фактически почти не существуетъ. Дворянство занимаетъ относительно большее число офицерскихъ мѣстъ. Въ 1854 году въ арміи находилось 4,961 офицеръ изъ дворянъ и 10,300 изъ бюргеровъ (въ числѣ первыхъ 103 князя, 590 графовъ, 890 бароновъ, 570 кавалеровъ (Ritter) и 2,800 обыкновенныхъ дворянъ). Жалованье полагается меньшее, нежели въ какой либо другой германской арміи.

СОСТАВЪ ВОЙСКА.	ВЪ МИРНОЕ ВРЕМЯ	ВЪ ВОЕННОЕ ВРЕМЯ
а) 80 линейныхъ пѣхотныхъ полковъ по 4 батальона въ каждомъ (въ батальонѣ 6 ротъ).	150,430	331,230
б) 1 полкъ императорскихъ егерей (8 батальоновъ, по 5 ротъ въ каждомъ, тирольцы).....	25,282	46,922
в) 32 полевыхъ егерскихъ батальона, по 6 ротъ.		
д) 14 пограничныхъ пѣхотныхъ полковъ и 1 пограничный пѣхотный батальонъ.....	8,640	55,598
е) 10 ротъ военно-медицинской команды.....	830	2,858
Всего пѣхоты...	275,106	576,749
ф) 12 кирасирскихъ полковъ, 2 полка драгунъ, 14 полковъ гусаръ, 13 полковъ уланъ (по 6 эскадроновъ каждый). Во всей кавалеріи...	39,188	41,832
г) 12 полковъ полевой артилеріи въ 10 батарей, по 4 роты, 1 полкъ береговой артилеріи, 3 батальона по 4 роты, 1 полкъ ракетчиковъ въ 12 батарей по 3 роты. Во всей артилеріи.....	27,661	50,300
б) 2 полка инженеровъ по 4 батальона и 6 батальоновъ пионеровъ.....	8,932	14,028
Кромѣ того: 1) 48 эскадроновъ военного обоза, погонщиковъ и пр.	2,862	22,670
ж) 10 жандармскихъ полковъ, корпусъ полицейской стражи.....	10,500	10,500

Морскія силы (іюль 1864 г.).

1. Пароходы:

- а) Линейные корабли: 3 перваго ранга, каждый въ 800 лошадиныхъ силъ. Одинъ изъ нихъ имѣетъ 92 орудія, оба остальные по 32 орудія; 3 втораго

	орудій	лошад. силъ
ранга по 31 орудію, и по 650 лошади. силъ; 2 третьяго ранга по 28 орудій и по 500 лоша- динныхъ силъ, всего.....	305	5,350
b) Фрегаты: 2 перваго класса по 50—51 орудію и 400—500 силъ; 3 третьяго класса по 31 орудію и 300 силъ, всего	194	1,800
c) Корветы: 7 втораго класса по 4—22 орудія и 230 силъ.....	64	1,610
d) Кановирскія лодка 8 съ 2—6 орудіями и 50—230 силъ.....	34	960
2. Колесные пароходы: 11 съ 2—6 орудіями и 40—350 силъ.....	42	2,010
Всѣ пароходы имѣютъ...		639 11,730
3. Парусныя суда: 20, изъ нихъ 1 фрегатъ, 3 кор- вета, 2 брига, 8 шкуны и пр.	145	—
4. Рѣчныя и озерныя суда: 5 на Дунай, 28 въ озерѣ Гарда, 7 въ Мантуанскомъ озерѣ 61 въ лагунахъ.....	203	1,600
161 судно...		987 13,330

Общественныя промышленныя и торговля отношенія. Дворянство и католическое духовенство чрезвычайно многочисленны и пользуются большими преимуществами. Утверждаютъ, что къ дворянству принадлежитъ около 160,000 фамилій (800,000 лицъ). Въ Австріи считалось въ 1864 году 720 католическихъ мужскихъ и 298 женскихъ монастырей (уже Иосифъ II упразднилъ 625 монастырей). Католическая церковь имѣла притомъ 1 патриарха, 4 приматовъ, 11 архіепископовъ, 58 епископовъ, 9,660 монаховъ, 5,198 монахинь, а всего 55,370 духовныхъ лицъ. Имущество всего духовенства оцѣнивають въ 367 милліоновъ, ежегодный доходъ — въ 24 милліона. Оцѣнка эта несравненно ниже дѣйствительности.

Распределение населенія по общественному положенію и занятіямъ (1857 г.).

Духовенство.	57,959
чиновники	165,070
литераторы и художники	36,646
адвокаты и нотариусы	9,899
медики и пр.	27,984
землевладѣльцы	2,999,096
домовладѣльцевъ и владѣльцевъ рентъ	715,840
фабрикантовъ и ремесленниковъ	672,378
торговцевъ	127,150
корабельщиковъ, судохозяевъ и рыболововъ	54,628
работниковъ въ сельскомъ хозяйствѣ	3,447,741
работниковъ въ ремеслахъ	1,115,316
работниковъ въ торговлѣ	96,427
прислуги	892,855
поденщиковъ	2,270,390
неимѣющихъ опредѣленнаго промысла	1,281,700 (I)

Школам находятся въ полномъ вѣденіи духовенства, даже большая часть гимназій подчинена монахамъ. Университетовъ теперь 7 (въ Вѣнѣ, Прагѣ, Грацѣ, Инсбрукѣ, Пештѣ, Львовѣ и Краковѣ); въ нихъ въ 1862 году было около 6,000 студентовъ, съ падуанскимъ же 6,702. Кромѣ того въ томъ же году было: 8 техническихъ высшихъ учебныхъ заведеній съ 1,823 учащимися, 125 богословскихъ учебныхъ заведеній съ 3,905 учениками, 227 гимназій съ 51,859 учащимися, но только 48 реальныхъ школъ съ 11,387 учащимися.

Народныхъ школъ считалось 29,445 съ 2.699,288 учащимися. При наборѣ рекрутъ оказалось, что умѣли писать:

въ нижней австріи		въ Богеміи		въ Далмаціи	
1856	изъ 2,092 рекрутъ 1,575	изъ 6,665 рекрутъ 4,383	изъ 751 рекрута 3		
1857	» 2,649 » 2,323	» 11,111 » 6,600	» 928 » 9		
1863	» 3,072 » 3,171	» 12,659 » 6,445	» 911 » 46		

Относительно первоначальнаго образованія первое мѣсто между областями имперіи занимаютъ: Нижняя Австрія и Богемія, послѣдняя же: Тироль, Крайна, Береговая земля, Венгрія, Галиція, Буковина, Воеводство, Кроація и Далмація.

Въ началѣ 1859 года въ Австрійской Имперіи выходило 349 газетъ и періодическихъ изданій, а именно 98 политическихъ и 251 не политическое. Въ 1853 году вышло 6,874 печатныхъ изданій; изъ нихъ 2,787 на нѣмецкомъ, 2,723 на итальянскомъ, 659 на славянскихъ, 428 на венгерскомъ, 24 на французскомъ и 143 на латинскомъ языкахъ.

Народное хозяйство. Страны, входящія въ составъ Австрійскаго государства, обладаютъ великими естественными богатствами, которыя остаются, однако, неразработанными. Иначе и быть не можетъ при множествѣ преградъ духовному и матеріальному развитію народа. Участь крестьянъ удлучилась во многихъ отношеніяхъ вслѣдствіе послѣднихъ политическихъ движеній, особенно 1848 года; прежнія крѣпостныя, барщинныя и прочія феодальныя отношенія уничтожены; старыя, страшно обременительныя, феодальныя тягости объявлены выкупными. До 1857 года въ тѣхъ коронныхъ земляхъ, о которыхъ есть точныя свѣдѣнія (т.-е, за исключеніемъ Трансильваніи и Буковины), объявлено къ выкупу 38.587,940 пѣшихъ и рукодѣльныхъ дней, 30.173,725 конныхъ дней, за тѣмъ десятины на сумму 4.067,495 флориновъ въ годъ, хлѣбныя оброки на сумму 3.707,005 флориновъ и взносы при смѣнѣ владѣльцевъ въ 2.143,911 флор. средней годовою суммой. Число владѣльцевъ было 58.975; число обязанныхъ, т.-е. въ сущности домохозяевъ, 2.872,200; капиталъ выкупа простирался до 292.884,625 флор. Но благосостояніе еще невозможно; выкупныя суммы еще сильно обременяютъ поселянъ, и они все еще не вполне свободны землевладѣльцы. Лучшія земли принадлежатъ по праву смертной руки» духовенству и дворянству, нераздѣльныя имѣнія котораго достигаютъ величины небольшихъ государствъ.

Земледѣльская производительность въ 1851 году, по официальной оцѣнкѣ, составляла 2,467 мил. флориновъ, но для характеристики этой оцѣнки достаточно сказать, что производительность Венгрии показана въ 100 мил., Баната въ 600, Трансильваніи въ 100, и Военныхъ границъ во столько же.

Чѣрнигъ полагаетъ, что средняя цѣнность сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, главныхъ и побочныхъ, простирается всего до 2,073 мил. флор. Главные продукты суть:

		метценовъ, цѣнность	170	милл. фл.
Пшеница	48.584,000	»	»	»
Рожь	64.518,000	»	»	146,8
Halbfrucht.....	15.000,000	»	»	39,4
Ячмень	49.958,000	»	»	87,4
Овесъ	99.544,000	»	»	113,2
Кукуруза	43.076,000	»	»	83
Просо	9.731,000	»	»	20,4
Стручковые плоды	4.904,000	»	»	15,5
Картофель	119.502,000	»	»	50
Рисъ	516,000	тамож. цент.	»	4,8
Коренья	59.666,000	»	»	28
Свекловица	18.500,000	»	»	8,6
Лѣтъ и конопли	2.688,000	»	»	50,4
Льняное и конопляное сѣмя	2.286,000	меценовъ	»	10
Сурьинное сѣмя.....	1.200,000	»	»	10,2
Табакъ	1.120,000	тамож. цент.	»	10,5
Сѣно и вр.	863.000,000	»	»	227
Клеверъ	202.000,000	»	»	157,5
Вино	33.268,000	еймеровъ	»	14
Лѣсъ	29.562,000	кляфтеровъ	»	52
Мясо	17.584,000	тамож. цент.	»	190
Шелковыя коконы	269,000	»	»	21,6
Овечья шерсть.....	672,000	»	»	56,7
Вино	32.268,000	эймеровъ	»	140

Въ рудникахъ и горныхъ заводахъ было исключительно занято въ 1860 году 107,834 работника, въ томъ числѣ 98,556 мужчинъ, 4,009 женщинъ и 5,269 дѣтей. Общая стоимость произведеній рудниковъ и первыхъ заводскихъ издѣлій простиралась до 42.623,313 флор.; производство же соляныхъ варницъ до 38.579,374 флор. Добывались преимущественно:

Каменный уголь.....	34.800,000	центнер. на сумму	6.000,000	+зор.
Бурый уголь.....	27.780,000	»	»	3.600,000
Желѣзо.....	5.565,038	»	»	19.830,000
Свинецъ	125,019	»	»	1.834,891
Мѣдь	47,022	»	»	3.236,800
Серебро.....	68,188	фунтовъ	»	9.068,200
Золото	3,190	»	»	2.153,704
Цинкъ.....	33.340	центнер.	»	257,450
Сѣра	31,866	»	»	206,176
Графитъ.....	176,848	»	»	89,400

Ремесленная и фабричная промышленность. Указомъ 20 декабря 1859 уничтожена прежняя неподвижная система стѣсненій промышленности и административной надъ нею опеки, и если до сихъ поръ

еще не установлена безусловная промышленная свобода, то къ ней сдѣланъ уже большой шагъ. По вычисленію Чёрнига, денежная стоимость всѣхъ произведеній фабричной промышленности простирается до 623, ремесленной — 212 мил. флор. Объ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности за новѣйшее время мало точныхъ свѣдѣній. Извѣстно, что въ 1860 году находилось въ дѣйствиіи 124 свеклосахарныхъ завода, обработывавшихъ 14.355,462 центнера свекловицы. Налогъ на центнеръ свекловицы 12 крейцеровъ. Бумагопрядильныхъ фабрикъ въ 1859 году было 200 съ 1.563,928 веретенами.

Торговля. Въ 1863 году вывезено было изъ Австріи товаровъ на 303.028,656 флор., ввезено же въ эту страну 262.348,115. Въ эти итоги не включены вывозъ и ввозъ Далмаціи, принадлежащей къ отдѣльной таможенной области.

Главные предметы привоза и вывоза суть :

	привозъ.	вывозъ.
Ткацкія издѣлія	47.523,596	35.646,948 флор.
Необработанные и полуобработанные металлы	33.505,135	35.541,670 »
Садовые и полевые плоды	12.299,963	45.538,698 »
Животныя	17.507,927	9.309,386 »
Горючіе, строительные матеріалы	5.670,534	24.897,510 »
Кожа и кожаныя издѣлія	5.333,000	13.505,300 »
Деревяныя, стекляныя и глиняныя издѣлія	3.270,866	22.872,411 »
Металлическія издѣлія	2.670,058	16.362,674 »
Инструменты, машины, мелочныя вещи изъ металловъ	6.238,074	22.493,852 »
Ткацкія готовыя вещи	9.968,830	48.721,535 »
Пряжа	21.169,668	2.582,215 »
Жиры и жирныя масла	13.357,885	3.742,076 »
Колоніальныя товары и южныя плоды ...	15.849,737	5,780 »
Соломенныя, писчебумажныя и другія подобныя издѣлія	9.968,830	5,426,321 »
Химическіе продукты, красильныя, жировыя и зажигательныя товары	2.018,442	4.499,938 »
Экипажи и суда	324,000	3.953,000 »
Животныя продукты	7.189,941	4.355,729 »
Напитки и съѣстные товары	2.203,119	3.940,300 »
Лекарственныя, пареюмерныя, красильныя и дубильныя вещества и проч.	17.434,367	4.303,386 »

Торговый флотъ въ началѣ 1863 года^а: 8,960 кораблей съ 331,568 тоннами груза и экипажемъ въ 33,843 человѣка. Въ томъ числѣ судовъ для дальнаго плаванія: парусныхъ только 528, съ грузомъ въ 207,184 тонны и 5,861 матросомъ, *пароходовъ* — 59 съ грузомъ въ 21,538 тоннъ и 1,700 матросами.

Железныя дороги съ концъ 1863 года: 795 географическихъ миль; въ концѣ 1864 года 802 географической мили. Стоимость постройки 10.885.214,000 флориновъ Число пассажировъ, перевезенныхъ въ 1864 году, было 11.847,997, товаровъ 170.689,119 квинталовъ (квинталь — 50 килограммовъ). Доходъ отъ эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ — 75.883,881 фл., расходъ — 30.116,668 флориновъ.

Телеграфы, въ концѣ 1860 г. 1662 географическія мили; 192 станции.

Почта. Отправленныхъ по почтѣ частныхъ писемъ:

въ 1830 году —	15 ¹ / ₂ мил.,	въ 1840 году —	24 ¹ / ₂ мил.
» 1850 » —	32 ¹ / ₄ »	» 1859 » —	99 »
» 1862 » —	112 ¹ / ₂ »		

Казенныхъ бумагъ отправлено было по почтѣ:

въ 1830 году	3 миллиона
» 1840 »	5 »
» 1850 »	9,82 »
» 1859 »	28,91 »
» 1860 »	26,31 »

Все количество частныхъ писемъ распредѣлялось по провинціямъ такъ (1860):

Австрія ниже Энса	14.150,230	Тироль	2.584,388
» выше »	2.272,892	Богемія	12.699,441
Штирія и Каринтія	3.786,218	Моравія и Силезія . .	5.135,123
Галиція и Буковина	4.791,580	Венгрія	16.184,493
Далмація	578,819	Трансильванія	2.197,517
Крайна, Истрія, Триестъ . . .	3.104,956		
Кромѣ того Ломбардо-Венец. область	10.046,696		

Национальный банкъ. Къ 1 марта 1862 года состояніе банка было слѣдующее: наличный фондъ 99.129,010 флор., банковыхъ билетовъ въ обращеніи на 455.878,471 фл., т.-е. слишкомъ въ 4 съ половиной раза болѣе, часто даже въ шесть разъ больше фонда.

Государство состояло должнымъ банку на слѣдующую сумму:

Отверженнаго гусударственнаго долга	40.220,655 фл.
Долга подъ залогъ государственныхъ имуществъ	89.557,414 »
Ссуды государству подъ залогъ бумагъ	99.000,000 »
Ссуды серебромъ въ дополненіе недоставленныхъ 6 мил. фунтовъ стерл. по займу въ Англіи	20.000,000 »
	<hr/>
	248.778,069 »

<i>Народное богатство</i> . По официальнымъ свѣдѣніямъ,	
общая цѣнность недвижимыхъ имуществъ	9.500,989,276 фл.
» » скота	1.006,149,740 »
» » земледѣльческихъ орудій	278,054,672 »

Итого . . . . . 10.787,173,688 »

Цѣнность однихъ недвижимыхъ имуществъ, не считая скота и орудій, распредѣляется по разнымъ провинціямъ такъ, если только вѣрны, хотя приблизительно, официальные свѣдѣнія:

	флорены.		флорены.
Нижняя Австрія, за исключеніемъ Вѣны . .	722.610,250	Силезія	109.605,076
Вѣна	342.609,912	Моравія	770.182,730
Австрія выше Энса	411.956,699	Галиція	477.496,718
Зальцбургъ	80.497,029	Буковина	51.255,785
Штирія	422.879,456	Далмація	37.487,764

	ФЛОРИНЫ.		ФЛОРИНЫ.
Каринтія	99.415,267	Венгрія	1,903.168,900
Крайна	101.587,286	Банатъ и Воеводство .	458.811,435
Триестъ и его область	136.434,490	Кроація и Славонія...	178.500,000
Герцъ, Истрія, Градиска	105.692,939	Трансильванія.....	251.607,514
Тироль и Форарльбергъ	302.382,462	Кромѣ того: Ломбардо-	
Богемія.....	1,736.085,823	Венеція.....	800.701,743

Сберегательныя кассы. Въ 1860 году ихъ было 110. Число вкладчиковъ къ концу вышеупомянутаго года было 627,509, сумма вкладовъ 107.985,288. Изъ нихъ на Нижнюю Австрію приходилось 44½ мил., на Богемію 30½ мил., на Штирію немного болѣе 11 мил. флориновъ.

Налоги на потребление. О благосостояніи или бѣдности народонаселенія страны можно судить отчасти по суммѣ платимыхъ налоговъ на потребление. Въ 1860 году воловой доходъ съ нихъ былъ слѣдующій:

Доходъ съ налога на водку	14.242,062
» » виногр. и фрукт. морсъ .	6.354,878
» » пиво	15.709,986
» » мясо	6.640,747
» » сахаръ изъ иностранныхъ матеріаловъ	5.113,400
» » прочіе предметы потребленія	4.698,323
Итого	52.759,396

Монета, мѣры, вѣсъ. *Монета.* Изъ таможеннаго фунта чистаго серебра чеканится 45 флориновъ, подраздѣляемыхъ на 100 новыхъ крейцеровъ. Поэтому одинъ австрійскій флоринъ=64 копейкамъ серебромъ или ⅔ прусск. талера. Въ сравненіи съ прежнею чеканкой (20 флориновъ изъ кельнской марки чистаго серебра), настоящая болѣе чѣмъ на 5 процентовъ легче прежней. Вынужденный курсъ, присвоенный бумажнымъ деньгамъ въ 1848 году, и сильное колебаніе валюты произвели переворотъ въ частномъ хозяйствѣ. При продажахъ и покупкахъ въ кредитъ на долгій или короткій срокъ, участники не могли знать, сколько имъ, по действительной цѣнности, придется заплатить или получить сотенъ или тысячъ гульденовъ.

Линейныя и путевыя мѣры. Вѣнскій футъ (въ 12 дюймовъ)=0,4444 аршина, австрійская миля=1.022,373 нѣмецкой геогр. мили=7,086 верстъ.

Поземельныя мѣры. Йохъ (въ 1,600 квадратныхъ вѣнскихъ сажень)=0,5266 русской десятины.

Хлѣбныя мѣры. 100 вѣнскихъ метценовъ=234,59 русскихъ четвериковъ=6149,95 метровъ.

Мѣры жидкостей. Маасъ (дѣлимый на 4 вейдела)=1,41 литра=0,1179 русск. ведра. Эймеръ, какъ счетная мѣра, содержитъ 40 маасовъ или 56, 6 литра=4,7158 русск. ведра. Эймеръ вина въ 41 маасъ немного меньше 5 русскихъ ведеръ.

Вѣсъ. 110 фунтовъ=56 килограммамъ, 1 центнеръ=100 вѣнскихъ фунтовъ=136 русск. фунтовъ 72 золотн. 25 долей.

ПРУССІЯ (королевство).

Пространство и народонаселение.

П А С Е Л Е Н І Е.

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ОКРУГА И ПРОВИНЦИИ.	КВАДР. МИЛЛ.	1817.	1849.	1858.	1861.	1864 (де- кабрь 3).
1. Кенigsбергъ.....	408,13	559,101	847,533	938,059	982,894	982,894
2. Гумблiнгенъ.....	298,21	366,479	614,047	670,788	695,571	695,571
3. Данцигъ.....	152,28	242,547	404,667	453,626	473,570	473,570
4. Мариенвердеръ.....	319,41	339,424	621,046	682,032	712,831	712,831
I. Провинція Прусская.....	1.178,03	1.501,551	2.487,293	2.744,500	2.866,866	2.866,866
5. Познань.....	320,96	584,890	897,339	918,222	963,441	963,441
6. Брѣмбергъ.....	211,08	262,910	454,676	498,933	622,109	622,109
II Провинція Познань.....	532,04	847,800	1.352,014	1.417,155	1.485,550	1.485,550
7. Городъ Браннъ.....	379,07	721,467	423,902	488,637	547,571	547,571
8. » Потсдамъ.....	381,86	556,051	845,013	933,700	947,034	947,034
9. » Франкфуртъ.....	780,93	1.277,518	2.129,022	2.329,996	2.467,759	2.467,759
III. Провинція Бранденбургъ.....	1.541,86	2.544,996	4.397,936	4.751,333	5.062,304	5.062,304
10. Штеттинъ.....	397,63	327,002	592,127	693,729	654,963	654,963
11. Кеслянь.....	256,70	244,515	448,516	501,546	524,108	524,108
12. Штраляундъ.....	83,36	129,239	187,058	203,106	210,668	210,668
IV. Провинція Померанія.....	577,69	700,766	1.197,701	1.328,381	1.389,939	1.389,939
Итого.....	5.178,03	7.541,551	12.487,293	13.744,500	14.866,866	14.866,866

13. Бреславль.....	246,95	804,678	1.174,679	1.249,149	1.293,95
14. Опельзъ.....	241,53	537,085	965,912	1.077,563	1.137,843
15. Лангвизъ.....	248,19	672,112	921,002	942,801	956,892
V. Провинц. Силезія.....	736,67	2.012,875	3.061,593	3.269,513	3.390,695
16. Магдебургъ.....	210,09	472,012	691,374	749,808	779,754
17. Мерзебургъ.....	186,84	501,868	742,644	806,124	831,968
18. Эрфуртъ.....	64,38	240,339	347,279	354,130	364,695
VI. Провинц. Саксонія.....	461,31	1.214,219	1.781,279	1.910,062	1.976,417
19. Мюンスターъ.....	132,55	353,283	421,935	436,085	442,397
20. Минденъ.....	96,59	340,614	463,229	460,105	473,095
21. Арнсбергъ.....	140,84	360,182	579,757	670,251	703,523
VII. Провинц. Вестфалія.....	369,45	1.074,079	1.464,921	1.566,441	1.619,051
22. Кельнъ.....	72,16	338,416	493,330	545,891	567,475
23. Дюссельдорфъ.....	99,59	596,633	907,151	1.062,546	1.115,365
24. Кобленцъ.....	109,73	339,204	502,984	525,564	529,929
25. Триръ.....	130,44	302,901	492,182	528,008	544,269
26. Ахенъ.....	75,48	310,619	411,525	446,663	458,746
VIII. Провинц. Рейнская.....	487,40	1.907,773	2.811,172	3.108,672	3.215,784
IX. Гоенцолмертъ.....	21,15	—	—	64,235	64,958
X. Область Яде.....	0,25	—	—	858	950
Внѣшнія войска.....	—	—	46,174	12,043	14,720
Всего въ Пруссіи до 1866 г.....	5.094,92	10.536,571	16.331,187	17.739,913	18.491,220
					19.255,139

Послѣ войнъ съ Данією и Австрією (1865—66) Пруссія приобрѣла слѣдующія земли:

Шлезвигъ-Гольштейнъ съ.....	318,7	кв. миль и	960,306	жителями
Ганноверъ.....	698,7	» »	1,924,172	»
Гессенъ (курфюршество).....	172,8	» »	787,293	»
Нассау.....	85,2	» »	466,014	»
Гессенъ-Гомбургъ.....	5,0	» »	27,874	»
Франкфуртъ.....	1,6	» »	89,943	»
Отъ Баваріи въ Пруссіи отошло.....	9,8	» »	32,976	»
Отъ Гессенъ-Дармштадта.....	14,9	» »	47,728	»
Всего въ нынѣшней Пруссіи..	6,394,2	кв. м.	23.590,639	»

Движеніе населенія въ Пруссіи безъ ея новыхъ приобретеній: въ 1861 году родилось 723,018 человекъ, умерло 497,641. На 12,02 рожденій приходится одно незаконное. Въ Берлинѣ 1 незаконное рожденіе приходится на 6,60 незаконныхъ, въ административномъ округѣ

Лигницъ.....	7,04
Бреславль.....	7,13
Штральзундъ.....	8,18
Франкфуртъ.....	9,47
Потсдамъ.....	10,84
Оппельнъ.....	12,22
Эрфуртъ.....	11,12
Магдебургъ.....	11,49
Кобленцъ.....	26,23
Дюссельдорфъ.....	28,48
Мюнстеръ.....	37,86
Ахенъ.....	35,61

Особенно выгодныя пропорціи имѣютъ западныя области Пруссіи, благодаря, вѣроятно, болѣе свободнымъ общественнымъ учрежденіямъ.

Число мертворожденныхъ ежегодно превышаетъ 30,000.

Народонаселеніе Пруссіи въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ удвоилось. Въ 1816 году было въ ней 10.319,993 жителя, въ 1864 году 19.304,843, а такъ-какъ ежегодное увеличеніе населенія въ странѣ составляетъ около 1¹/₂ процента, то въ нынѣшнемъ 1867 году въ Пруссіи должно быть не менѣе 21 милліона жителей.

Съ 1816 года по 1860:

	ОДНО РОЖДЕНІЕ ПРИХОДИЛОСЬ.	ОДИНЪ СМЕРТЬ. СЛѢДЫ.
Въ Пруссіи на.....	22,22	жители 29,61
» Познаніи.....	22,63	» 29,68
» Силезіи.....	23,98	» 31,37
» Помераніи.....	25,12	» 39,66
» Бранденбургъ.....	24,69	» 38,17
» Саксоніи.....	26,29	» 37,27
» Вестфалии.....	27,96	» 38,37
» Рейнскихъ земляхъ.....	27,45	» 38,55
Во всемъ государствѣ.....	25,05	» 34,49

Изъ всего числа жителей въ 1861 году было 9.212,413 лицъ мужскаго и 9,278,807 женскаго пола.

Число семействъ 3.825,693, слѣдовательно на каждое семейство въ 1861 году приходилось по 5,85 человекъ.

Средняя продолжительность жизни по Дитеричу:

	1816 г.	1836 г.	1855 г.
	28,55 лѣтъ.	28,9 л.	30,31 л.
Въ Познани	26,9	Въ Силезіи	31,4
» Пруссія	27,9	» Рейнской пров.	31,5
» Померанія	29,3	» Саксонія	31,7
» Бранденбургъ	31,0	» Вестфалія	34,1

Эмиграція. Въ теченіе 15¹/₂ лѣтъ съ 1 октября 1844 года до конца 1859 выселилось изъ Пруссіи 227,236 человекъ; переселилось же въ нее за это время 44,825 чел.

Распределение народонаселенія по вѣроисповѣданіямъ.

По исчисленію 1861 г.

	ПРОТЕСТАНТОВЪ.	КАТОЛИКОВЪ.	ЕВРЕЕВЪ.
Пруссія	2.020,982	760,505	37,635
Познань	477,941	915,211	74,172
Бранденбургъ	2.331,793	46,298	30,694
Померанія	1.343,296	11,932	12,488
Силезія	1.649,235	1.654,860	40,856
Саксонія	1.814,962	122,121	5,775
Вестфалія	706,017	880,252	16,631
Рейнская провинція	767,294	2.371,202	34,248
Гогенцоллернъ	1,209	62,255	958
Область Яде	867	83	—
В. Войско	184,698	82,269	1,328
	11.298,294	6.906,988	254,785

Кромѣ того къ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ принадлежало 32,151 (меннониты, греко-восточные христіане и др.).

Племена. По различію языковъ перепись 1861 года дала слѣдующія свѣдѣнія: *нѣмцевъ* въ этомъ году насчитывалось, за исключеніемъ военныхъ 15.718,656, не нѣмцевъ—2.504,192, а именно: поляковъ, мазуровъ и кашубовъ 2.214,888, вендовъ—82,232, чеховъ и моравовъ—58,880, литовцевъ—136,990, валлонцевъ—10,788. Здѣсь къ нѣмцамъ причислены евреи, ибо всѣ они говорятъ на нѣмецкомъ языкѣ какъ на родномъ (то же правило слѣдовало бы примѣнить къ евреямъ въ другихъ странахъ, напр. въ Австріи, гдѣ ихъ показываютъ отдѣльно). Точно также къ нѣмцамъ причисляются потомки французскихъ эмигрантовъ, хотя они отчасти образуютъ отдѣльныя общины. Относительно племеннаго состава войска нѣтъ свѣдѣній. Племена не нѣмецкія распределяются по провинціямъ слѣдующимъ образомъ:

А. ПОЛЯКИ, МАЗУРЫ, КАШУБЫ:

1) Въ Познани	801,372
2) » Пруссія	690,441
3) » Силезіи	719,365

В. ВЕНДЫ.

Въ округѣ франкфуртскомъ	49,871
» Лигницѣ	32,353

С. ЧЕХИ И МОРАВЫ.

Въ Ошпелънѣ	51,187
» Бреславлѣ	7,484

D. ЛИТОВЦЫ.

Въ округѣ Кѣнигсбергскомъ	32,407
» » Гумбингенскомъ	104,583

E. ВАЛЛОНЫ.

Въ округѣ Ахенскомъ	10,502
-------------------------------	--------

Народонаселеніе болѣе всего смѣшано въ слѣдующихъ правительственныхъ округахъ (войско въ расчетъ не берется).

	нѣмцевъ.	не нѣмцевъ.
Пров. Познань	666,083	801,521
» Пруссія	2.006,178	827,854

Города, имѣющіе болѣе 10,000 жителей:

Берлинъ	547,571 *)	Бургъ	14,996
Бреславль	145,589	Пренцловъ	14,695
Кѣльнъ	120,568	Фирзенъ	14,442
Кѣнигсбергъ	94,579	Наумбургъ	14,352
Магдебургъ	86,301	Ашерслебенъ	14,333
Данцигъ	82,765	Цейцъ	14,210
Штетинъ	64,431	Изерлонъ	14,142
Ахенъ	59,941	Шпандау	13,911
Эльберфельдъ	56,307	Штольне	13,857
Познань	51,232	Вильфельдъ	13,846
Кресельдъ	50,584	Дуисбургъ	13,422
Барменъ	49,584	Мюльгеймъ	13,372
Галле	42,976	Эупенъ	13,190
Потсдамъ	41,824	Бригъ	12,970
Дюссельдорфъ	41,292	Эшвейлеръ	12,801
Эрфуртъ	37,012	Грауденцъ	12,784
Франкфуртъ на Од	36,537	Ратиборъ	12,776
Кобленцъ	28,525	Гаммъ	12,637
Герлицъ	27,983	Шарлоттенбургъ	12,431
Мюнстеръ	27,332	Мерзебургъ	12,339
Эльбингъ	25,539	Иастебургъ	12,323
Штральзундъ	24,214	Пазерборнъ	12,271
Бранденбургъ	23,727	Кеслинъ	12,110
Доргмундъ	23,372	Виттебергъ	12,026
Гальберштадтъ	22,810	Кольбергъ	11,760

*) Въ 1864 г. 609,733.

Бромбергъ.....	22,474	Заабрюкенъ.....	11,703
Триръ.....	21,215	Вейсенфельсъ.....	11,670
Эссенъ.....	20,811	Анклампъ.....	11,668
Боннъ.....	19,996	Гладъ.....	11,414
Нейссе.....	18,747	Глейвицъ.....	11,255
Лигницъ.....	18,662	Крейцнахъ.....	11,189
Мемель.....	17,590	Светъ.....	11,142
Глогау.....	17,533	Эйслебенъ.....	11,118
Нордгаузенъ.....	17,520	Котбусъ.....	11,112
Везель.....	17,429	Нейруппинъ.....	11,098
Гладбахъ.....	17,069	Рейдигъ.....	10,875
Ландсбергъ на Везеръ.....	17,815	Нейсеъ.....	10,769
Ремшейдъ.....	16,415	Герфордъ.....	10,717
Тильзитъ.....	16,146	Солнгицъ.....	10,704
Мюльгаузенъ въ Саксоніи..	16,104	Торгау.....	10,679
Старградъ.....	16,071	Грюндбергъ.....	10,563
Губенъ.....	15,929	Оппельнъ.....	10,223
Кведлинбургъ.....	15,773	Равичъ.....	10,406
Грейфсвальдъ.....	15,714	Эйленбергъ.....	10,393
Торнъ.....	15,505	Лисса.....	10,192
Минденъ.....	15,453	Люкенвалде.....	10,170
Швейдницъ.....	15,381		

Берлинъ имѣлъ въ 1645 году только 9,000 жителей, въ 1721 — 53,000, въ 1807—195,857, въ 1840—311,491.

Распределение почвы по ея назначенію (по Дитерлицу):

	МАГДБУРГСК. МОРГЕНОВЪ.
Виноградники, сады, огороды занимаютъ.....	1.415,998
Пахотныя земли.....	47.769,270
Луга.....	8.359,144
Пастбища.....	8.601,892
Лѣса (изъ коихъ около 8.200,000 государственныхъ)	21.610,419
Прочія земли.....	21.475,578
	<hr/>
	109.232,600

Финансы.

Бюджетъ назначается на одинъ годъ. Государственная смѣта на 1864 годъ, представленная правительствомъ палатѣ депутатовъ, раздѣлялась на слѣдующія статьи.

ДОХОДЫ.

1. *Министерство финансовъ*: 1) Домены 5.274,640, 2) лѣса 8.205,000; но такъ-какъ изъ этихъ двухъ статей вычитается 2.573,099 на расходы короля, то государству остается 10.906,541
- 3) Продажа доменъ и вѣвъ 1.000,000, и 4) остальные доходы отъ доменъ 1862 г., итого..... 1.001,862
- 5) Прямые налоги. Поземельная подать 10.229,700, классифицированная подать съ дохода 3.345,000; классная подать 9.389,000; промысловый налогъ; налогъ на желѣзныя дороги 1.020,000, разные 22,555..... 27.761,255
- 6) Косвенные налоги: таможи 12.000,000, транзитныя пошлины съ вина, муста (морса винограднаго), табуку

235,000, пошлина на свекловичный сахар 4.175,000, со складовъ и пр. 47,000, судоходная пошлина 180,000, акцизъ съ водки и транзитная пошлина съ водки 7.140,000, акцизъ съ пивоваренія и транзитная пошлина съ пива 1.480,000; налогъ на туземное винодѣліе 100,000; налогъ на туземное воздѣлываніе табаку 85,000; налогъ на мельницы 1.390,000 — на бойни 1.600,000; гербовая пошлина 4.800,000; пошесейный сборъ 1.260,000; сборъ на мостахъ и рѣкахъ 900,000; ипотечарныя и канцеларскія пошлины въ судебныхъ мѣстахъ 190,000; штрафныя деньги 80,000, разныя 228,310, итого	35.875,314	
7) Соляная регалия 9.114,771; 8) Лотерея 1.334,500.....	10.449,271	
9) Морской институтъ 500,000; 10) Прусскій банкъ (часть) 811,000; 11) Монета 127,754; 12) Общее управленіе кассами (пенсіонныя суммы, проценты съ акціи желѣзныхъ дорогъ) 718,611	2.157,365	
Всего по министерству финансовъ ..	88.161,668	
II. Министерство торговли, промышленности и общественныхъ работъ: 1) Почта 12.183,600; 2) Телеграфы 1.065,000; 3) Мануфактуры (фарфоровая и проч.) 372,618; 4) Горныя заводы, рудники и добыча соли 12.217,515; 5) Желѣзныя дороги 14.396,124		40.184,757
III. Министерство юстиціи: Взысканныя судебныя издержки 9.492,300, штрафы 240,000	10.331,300	
IV. Министерство внутреннихъ дѣлъ (521,664 отъ исправительныхъ заведеній, 83,660 отъ ошціальныхъ наданій, 85,831 отъ полицейскаго управленія).....	692,639	
V. Министерство земледѣлія	996,164	
VI. Министерство духовныхъ дѣлъ, просвѣщенія и медицины	103,060	
VII. Министерство военное	565,416	
VIII. Министерство морское	22,280	
IX. Министерство иностранныхъ дѣлъ	11,700	
Съ Гогенцоллернскихъ земель.....	273,714	
Всего доходовъ.....	141.333,738	
а съ королевскимъ жалованьемъ.....	143.906,837	

ПОСТОЯННЫЕ РАСХОДЫ:

А) Издержки производства, взиманія и управленія.

I. Министерство финансовъ: домены 791,130; дѣса 3.561,600; центральное управленіе тѣми и другими 78,490; прямые налоги 1.127,342; косвенные налоги 4.405,314, соляная регалия 2.711,800, лотерея 24,300, монета 127,754. Всего по министерству финансовъ	12.827,730
II. Министерство торговли, промышленности и публичныхъ работъ: почта 10.495,900, телеграфы 822,300, мануфактуры 210,000; горныя и соляныя заводы и рудники 9.505,082, желѣзныя дороги 10.124,689. Всего	31.157,971

Сумма А, издержки производства взиманія и управленія..... 43.985,701

В) Дотации.

Прибавка къ королевскому содержанию.....	500,000
Государственный долгъ (проценты 10.490,617, погашеніе 4.617,087, ренты 423,269, управленіе и проч.), всего....	16.606,850

Сеймъ (Landtag).....	239,610
Сумма В, дотація.....	16.346,460

С) Государственное управление.

I. Государственное министерство (счетная камера 124,540, тайный кабинетъ 18,300 и пр.).....	357,600
II. Министерство иностранныхъ дѣлъ (въ томъ числѣ 735,315 содержаніе посольствъ и консульствъ).....	953,755
III. Министерство финансовъ (какъ-то: 701,600 прибавки на содержаніе дома призрѣнія вдовъ, 592,366 пассивъ генеральной государственной ссудной кассы, именно вознагражденія за уничтоженныя права и пр.; 1.711,000 пенсій гражданскимъ чиновникамъ. 42,000 пенсій вдовамъ и сиротамъ чиновниковъ; 59,313 единовременныя денежныя выдачи гражданскимъ чиновникамъ, 260,000 пенсіонный выморочный фондъ (Pensions Aussterbefonds), 1.851,770, верховныя президіи и управленія, 400,000 награды, 56,650 на возвышеніе окладовъ, 300,000 на непредвидѣнные расходы, и проч.).....	6.637,849
IV. Министерство торговли, промышленности и публичныхъ работъ (въ томъ числѣ: 2.492,100 на содержаніе государственныхъ шоссе, 1.000,000 на постройку новыхъ шоссе, 1.371,980 на содержаніе нешоссированныхъ дорогъ, жилищъ служителей и проч., 658,353 оклады завѣдывающимъ ностройкамъ чиновникамъ и проч.)..	6.543,612
V. Министерство юстиціи.....	11.583,000
VI. Министерство внутреннихъ дѣлъ: 2.033,499 на тюрьмы, 1.099,616 на жандармскую команду, 896,807 на полицію, 914,942 на содержаніе ландратамъ, всего.....	5.576,101
VII. Министерство земледѣлія.....	521,250
VIII. Министерство духовныхъ дѣлъ, просвѣщенія и медицины (церковь евангелическая 413,456, католическая 745,916, университетъ 583,854, прибавка къ содержанію гимназій и реальныя школы 349,394, начальное (элементарное) образованіе 541,692, искусства и науки 249,802, учебно-строительный фондъ 400,000, улучшеніе содержанія духовенства и учителей 174,327, лечебныя и благотворительныя заведенія 140,295 и проч.).....	4.137,525
IX. Министерство военное.....	37.845,735
X. Флотъ.....	1.145,193
Сумма С, расходы по управленію.....	76.631,334
Расходы на Гогенцоллернъ.....	281,143
Всего постоянныхъ расходовъ.....	137.194,638

ЕДИНОВРЕМЕННЫЕ И ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ РАСХОДЫ.

Министерство иностранныхъ дѣлъ 10,000, финансовъ 848, торговли и проч. 2.017,000 (въ томъ числѣ на новыя сухопутныя и гидравлическія сооруженія 1.200,000); министерство юстиціи (тюрьмы) 300,000; министерство внутреннихъ дѣлъ 61,410; министерство земледѣлія 102,487; министерство духовныхъ дѣлъ и др. 540,000; военное министерство 1.526,819; министерство морское 1.190,013; на Гогенцоллернъ 42.571, итого.....	6.639,100
--	-----------

Всего государственныхъ расходовъ. 143.833,738
сѣ королевскимъ содержаніемъ..... 146.406,837

Государственные доходы и расходы распределяются следующимъ образомъ, по иной классификаціи чѣмъ въ бюджетѣ:

	ВАЛОВОЙ ДОХОДЪ.	ЧИСТЫЙ ДОХОДЪ.	ПРОЦЕНТЫ.
Домены.....	42.600,000	17.400,000 =	18,16
Прямые налоги.....	27.800,000	26.600,000 =	27,77
Косвенные налоги...	69.500,000	51.800,000	54,02
	139.900,000	95.800,000 =	100,00

РАСХОДЫ.

Войско (съ флотомъ и чрезвычайными расходами) 41.707,700 = 43,54 проц.
 Долгъ (съ пассивомъ генеральной государ. кассы) 16.199,216 = 16,91 "

Эти двѣ статьи: 57.906,916 = 60,45 проц.

Съ 1849 по 1865 годъ, бюджеты представляли слѣдующія цифры (считая весь валовой доходъ):

ГОДЫ.	ОБЫКНОВ. ДОХОДЫ.	РАСХОДЫ.	ДЕФИЦИТЪ.
1849.....	85.993,281	91.601,281	5.608,000
1850.....	88.765,349	93.326,567	4.561,168
1851.....	90.721,860	93.794,433	3.072,573
1852.....	94.277,300	96.911,013	2.633,713
1853.....	97.558,698	101.159,163	3.600,895
1854.....	103.925,069	107.990,069	4.065,000
1855.....	105.953,312	109.835,632	3.882,320
1856.....	113.064,113	116.336,877	3.272,764
1857.....	120.242,312	122.242,312	—
1858.....	126.409,778	126.409,778	—
1859.....	130.399,288	131.859,288	1.460,000
1860.....	130.312,755	136.342,316	6.029,561
1861.....	134.541,701	139.327,337	5.239,358
1862.....	136.523,411	139.908,411	3.385,000
1863.....	137.744,159	139.844,159	2.100,000
1864.....	141.333,738	145.833,738	4.500,000

Всего же въ теченіе 16 мирныхъ лѣтъ расходы увеличились болѣе чѣмъ на 54 милліона талеровъ, т.-е. слишкомъ на 59 процентовъ, а дефицитъ на 52.956,640 талеровъ; дефициты обыкновенно замаскированы увеличенными цифрами доходовъ.

Бюджетъ города Берлина на 1865 годъ заканчивается доходомъ и расходомъ въ 3.029,895 талеровъ, дѣйствительный расходъ города составлялъ въ 1860 году 3,532,344 талера и такимъ образомъ превышалъ расходы янаго самостоятельнаго государства.

По докладу министра сейму, общій государственный долгъ къ 1-му января 1864 года составлялъ круглымъ числомъ 238.900,000 талеровъ, за тѣмъ провинціальный—3.900,000, долгъ желѣзныхъ дорогъ — 19.000,000, безпроцентный государственный долгъ — 15.842,000, весь вмѣстѣ: 277.678,000.

Въ началѣ 1867 года долгъ Пруссіи простирался до 285.000,000 талеровъ, а съ новопріобрѣтенными владѣніями до 378.300,000 талеровъ, или 1,428 милліоновъ франковъ, изъ которыхъ около одной трети занято на постройку желѣзныхъ дорогъ.

Государственный долг въ прежние время.

Вступая на престолъ (1740), Фридрихъ II нашелъ въ государственной казнѣ 8,700,000 талеровъ. Семилѣтняя война стояла одними деньгами до 125 милліоновъ т. Но, несмотря на этотъ и другіе важные расходы, Фридрихъ († 1786) не только не оставилъ никакого долга, но еще собралъ казну въ 60 или даже 70 милліоновъ. Въ теченіе 11-лѣтняго царствованія Фридриха-Вильгельма не только исчезли эти сокровища, но еще выросла масса долговъ въ 50 или даже 60 милліоновъ. Требования Наполеона, тяготившія государственную кассу отъ 1806 по 1813 годъ, простирались до 144.473,626 талеровъ, и сверхъ того повинности, которыя побѣдитель налагалъ непосредственно на народъ, на сколько доступны вычисленію, простирались до 144.473,626 талеровъ. Когда страна была истощена Наполеономъ, войны 1813, 14, 15 годовъ потребовали огромныхъ жертвъ и усилій. Франз контрибуцій, которыя должна была послѣ войны заплатить Франція, прусское государство получило 145 мил. фразковъ или 38²/₃ мил. талеровъ (частныя же лица 2.600,000 фр.). Тѣмъ не менѣе въ первые годы мира былъ постоянный дефицитъ. Заключенный въ 1817 году въ Лондонѣ 50% заемъ въ 5 милліоновъ фунтовъ по курсу 72, не вывелъ Пруссію изъ финансоваго затрудненія. Въ 1818 заключенъ былъ новый заемъ по курсу 70. Въ постановленіи о долгѣ 1820 года дозволили себѣ маленькую хитрость: во внесенной въ законъ суммѣ государственнаго долга имѣли смѣлость показать на 60 милліоновъ *болѣе* облигацій противъ находившихся въ обращеніи (Гервингусъ): имѣсто дѣйствительнаго долга въ 158 милліоновъ показали 218 мил. талеровъ. Къ 1848 году государственный долгъ простирался всего до 131¹/₂ мил. талеровъ.

Военная сила.

Формированіе войска. Военная служба обязательна для всѣхъ, хотя и не всѣ годные къ ней молодые люди въ нее призываются. Подставные не допускаются. Для достигшихъ двадцатилѣтняго возраста срокъ (по новой организаціи) 3 года въ дѣйствительной службѣ и потомъ 4 года въ резервѣ. Ландверъ перваго призыва составляютъ не бывшіе въ дѣйствительной службѣ до 32-ти-лѣтняго возраста, ландверъ втораго призыва—до 36-ти-лѣтняго возраста. По истеченіи 16 лѣтъ службы каждый мужчина переходитъ въ ландштурмъ, въ которомъ и числится до 49-ти-лѣтняго возраста. Кромѣ того къ ландштурму приписываются всѣ молодые люди, достигшіе 17-ти-лѣтняго возраста и ненаходящіеся въ дѣйствительной службѣ. Срокъ дѣйствительной службы для вооружающихся на свой счетъ, при извѣстной степени образованія, только *одинъ годъ*. Многіе избѣгаютъ тягостей военной службы посредствомъ тайнаго выселенія изъ страны.

Въ составѣ офицеровъ господствуетъ дворянство: въ 1864 году было 4,688 офицеровъ изъ дворянъ и 3,300 изъ бюргеровъ. Почти всѣ высшія мѣста въ войскѣ заняты дворянами.

Составъ войска.

	БАТАЛЬОНОВЪ.	ВЪ МИРНОЕ ВР.	ВЪ ВОЕННОЕ ВР.
9 полковъ пѣхоты	27	16,991 ч.	27,054 ч.
72 полка линейныхъ	216	116,208 »	216,432 »
10 батальоновъ стрѣлковъ	10	5,340 »	10,020 »
Всего пѣхоты	253	138,539 »	253,506 »
	КАВАЛЕРІИ ЭСКАДРОН.	ВЪ МИРНОЕ ВР.	ВЪ ВОЕННОЕ ВР.
8 полковъ гвардіи	32	4,769 ч.	4,857 ч.
40 полковъ линейныхъ	168	24,984 »	25,432 »
12 полковъ ландвера	48	204 »	7,272 »
Всего 60 полковъ	248	29,957 »	37,561 »
Артилерія 9 бригадъ 108 батарей		16,381 »	27,918 »
Пионеровъ 9 батальоновъ		4,491 »	5,454 »
Обозы 9 батальоновъ		1,665 »	30,200 »
Полный комплектъ дѣйствующей арміи..		191,033 »	356,532 »

Орудій конныхъ въ мирное время 432, въ военное—864.

Резервы считаются въ 105,423, гарнизоны (ландверъ) въ 135,966, все же войско въ 615,921 человекъ.

Флотъ. Составъ его въ іюнѣ 1864 года. Винтовые пароходы: 3 корвета въ 375 лошадиныхъ силъ съ 28 орудіями; 6 канонирскихъ лодокъ съ 80 лошад. силъ и тремя орудіями. Кромѣ того вновь сооружены 2 тяжелыхъ корвета; въ постройкѣ 3 корвета и 1 яхта.

Колесные пароходы: 2 съ 250 и 120 лошад. силами, 4 и 2 орудіями; 1 вахтенное судно и 2 буксирныхъ парохода.

Парусныя суда: 3 фрегата въ 48, 38 и 28 орудій; 3 брига, 2 въ 16, 1 въ 10 орудій; 2 меньшія судна.

Гребныя суда: 36 канонирскихъ шлюпокъ въ 2 и 4 іюли въ 1 орудіе.

Всего 88 пароходовъ и судовъ съ 370 (а по другимъ свѣдѣніямъ съ 441) орудіями, не считая орудій вновь купленныхъ и вновь сооруженныхъ судовъ.

Общественныя и промышленныя отношенія.

Народное образованіе. Въ 1861 году въ Пруссіи считалось 24,763 элементарныхъ школы съ 36,783 классами, 33,617 учителями и 1,755 учительницами. Число обязанныхъ учиться дѣтей 3.090,294. Гимназій въ 1864 году 144 съ 2,188 учителями (изъ которыхъ 1,390 ординарныхъ) и 43,240 учениками. Въ этомъ послѣднемъ числѣ протестантовъ евангелическаго исповѣданія 28,152, католиковъ 12,309, евреевъ 2,779.

Университетовъ 6: въ Берлинѣ, Боннѣ, Бреславлѣ, Грейфсвальдѣ, Галле и Кѣнигсбергѣ; академія одна—въ Мюнстерѣ; внесенныхъ въ матрикулы студентовъ 5,421.

Изъ 50,010 рекрутъ, поставленныхъ въ 1851—1852 году, имѣли достаточное школьное образованіе . . . . . 37,569—75,13%
недостаточное » » . . . . . 10,029—20,05%
не имѣли никакого образованія . . . . . 2,412— 4,82%.

Если въ 1816 году только 54,14% дѣтей, обязанныхъ посѣщать школы, дѣйствительно ихъ посѣщали, то въ 1846 году отношеніе было 77,98%.

Факты изъ уголовной статистики. Въ 37 лѣтъ (1818—1854) произнесено было 988 смертныхъ приговоровъ, слѣдовательно по 26,49, среднимъ числомъ, въ годъ.

Изъ этихъ смертныхъ приговоровъ приходилось за

душегубство (Mord) и смертоубійство . . .	541=54,76%.
разбой	130=13,16
дѣтоубійство.	124=12,55
поджоги	96= 9,72
грабежъ	52= 5,26
поддѣлку монеты	32= 3,24
государственную измѣну.	12= 1,21
дуэль	1= 0,10.

По этимъ приговорамъ дѣйствительно было исполнено 286 казней.

Въ 1854 и 1855 годахъ приходилось:

Въ Рейнской провинціи одинъ обвин. въ преступленіи на 3,781 жит.	
» Помераніи » » » » 3,088 »	
» Вестфалии » » » » 3,594 »	
» Саксоніи » » » » 2,449 »	
» Бранденбургъ » » » » 2,222 »	
» Познани » » » » 1,837 »	
» Прусской провинціи » » » » 1,602 »	
» Силезіи » » » » 1,337 »	

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что дѣйствующее въ Рейнской провинціи уголовное законодательство несравненно строже законодательства другихъ провинцій.

Въ 1859 году въ Пруссіи было 42 тюрьмы и исправительныхъ заведеній; въ нихъ находился 23,581 заключенный, въ томъ числѣ 19,549 для исправительныхъ наказаній. Заключенныхъ мужчинъ было въ шесть разъ болѣе, чѣмъ женщинъ. Одна треть заключенныхъ состояла изъ бывшихъ въ заключеніи прежде. Изъ вновь поступившихъ $\frac{1}{2}$ не умѣла читать. Отношеніе заключенныхъ католиковъ къ протестантамъ 62 : 100. По провинціямъ одинъ заключенный приходится на слѣдующее число жителей: 7*

Силезія.....	1 на 608	Померанія.....	1 на 991
Бранденбург..	1 » 752	Саксонія.....	1 » 1,028
Пруссія.....	1 » 756	Вестфалія.....	1 » 1,342
Познавь.....	1 » 760	Рейнск. пров.....	1 » 2,152

Занятія жителей и общественное положеніе. Дворянскихъ родовъ считается до 7,093, а дворянъ (по Дитерлицу) 177,525.

Въ кониѣ 1860 года считалось лицъ, живущихъ сельскимъ хозяйствомъ 8.399,730; въ томъ числѣ землевладѣльцевъ было 761,739, арендаторовъ 30,348, лицъ принадлежащихъ къ семействамъ землевладѣльцевъ и арендаторовъ—3.469,414.

Земледѣліемъ не какъ главнымъ, а второстепеннымъ дѣломъ занималось: 360,507 собственниковъ, 30,457 арендаторовъ и 1.501,260 лицъ, принадлежащихъ къ семействамъ тѣхъ и другихъ.

Слуги и помощники при земледѣльческихъ работахъ: управителей и надсмотрщиковъ 32,651, экономокъ 13,745, прислужниковъ 558,435, служанокъ 500,532, поденщиковъ 574,937, поденщицъ 565,705. Общее количество ремесленниковъ было 1.092,877 (въ томъ числѣ 534,556 мастеровъ, 558,321 подмастерье и ученикъ); работниковъ на фабрикахъ и въ большихъ мастерскихъ всякаго рода 764,352 (въ томъ числѣ управляющихъ и надсмотрщиковъ 44,255, мастеровъ 129,612, работниковъ и работницъ 461,551, подмастерій и учениковъ 128,934).

Торговля, передвиженіе товаровъ, занятія, относящіяся къ литературѣ (въ томъ числѣ и типографское дѣло), давали хлѣбъ 364,450 лицамъ; попеченіе о народномъ здравіи—20,299; учительское дѣло—46,227; протестантское и католическое богослуженіе—16,821.

Число дворянскихъ родовъ Ледебуръ опредѣляетъ въ 7,093; число же лицъ, принадлежащихъ къ дворянскому классу, 177,525.

Горные заводы и рудники въ 1860 году.

	ДЕНЕЖНАЯ ЦѢННОСТЬ.	ЧИСЛО РАБОТНИКОВЪ.
	Мужчинъ.	Женщ. и дѣтей.
2,345 рудник. 76,715,918 тоннъ и 9,178,602 центъ.	30.922,289	109,278 195,532
1,063 гор. зав. 18,418,204 цент. и 35,178 фунтовъ	63.551,857	55,630 116,652
21 соловар. 2,612,936 » — »	1.378,090	1,595 4,514
	95.852,236	166.503 316,698

Главнѣйшія произведенія въ 1860 году.

ТОВАРЫ.	ТАЛЕРЫ.
Каменный уголь 53,283,626	21,298,332
Железная руда 2,245,754	1,598,191

Кромѣ того цинковой руды добыто 6,071,916 центнер., свинцовой руды 894,949, мѣдной руды 1,666,408, каменной соли 682,471 центн.

Горнозаводское производство въ 1858 году.

Жельзо	18,274,514 центнер.	63,845,195
Цинкъ	1,255,929 »	8,878,473
Серебро	28,378 »	844,647
Свинець	282,508 »	1,766,574
Мѣдь	66,355 »	2,829,612
Желтая мѣдь	32,980 »	1,227,318
Сѣра	10,592 »	22,870
Квасцы	60,414 »	215,895
Купоросъ	55,636 »	117,200

Изъ 115,627 работниковъ, состоящихъ подъ назоромъ горнозаводскаго вѣдомства, подверглось несчастнымъ случаямъ 190.

Земельные. Въ 1855 году въ государствѣ было имѣній:

1) въ 600 и болѣе моргеновъ	17,675
2) отъ 300 до 600 »	14,481
3) » 30 » 300 »	385,741
4) » 5 » 30 »	598,134
5) Менѣе чѣмъ 5 »	1,052,126

По вычисленію Энгеля земли распредѣляются такъ:

1,777.000 морген. подъ пшеницею приносятъ	15,993,575 шефелей, включая
8,128.000 » » рожью »	69,090,674 » постъвъ.
1,474.000 » » ячменемъ »	15,473,685 » »
6,292.0.0 » » овсомъ »	78,646,564 » »
1,909.000 » » картофелемъ »	143,205.090 » »
26.000 » » табакомъ »	
60,277 » » виноградомъ »	403,732 ведра.

Виноградниковъ гораздо болѣе находится на мелкихъ земельныхъ участкахъ, чѣмъ въ крупныхъ помѣстьяхъ. Въ 1860 году изъ засѣянныхъ виноградомъ земель принадлежало:

къ 1 классу по величинѣ	2 классу	3 классу	4 классу	5 классу	6 классу
150 моргеновъ	1,251	9,147	21,503	13,164	15,062

Въ Рейнской странѣ виноградники занимають 46,457 моргеновъ, въ Силезіи 5,348, въ Бранденбургѣ 4,448, въ Саксоніи 3,164, въ Познани 860.

Скотское хозяйство (безъ Гогенцоллерна).

	ЛОШАДИ.	ОСЛЫ.	РОГ. СКОТЪ.	ОВЦЫ.	КОЗЫ.	СВИННИ.	пу рог. скота.	Общее состояніе скотовод., принимаемая за единицу.
1816....	1,243,261	4,013,912	8,260,396	143,433	1,494,369	7,090,387		
1858....	1,617,160	7,336	5,487,000	15,362,196	664,225	2,577,956	10,154,561	

Промышленность. Промышленная свобода признается въ главныхъ своихъ основаніяхъ. Финансовыл затрудненія государства

послѣ іенской битвы, побудили правительство ввести промышленный налогъ, а чтобы онъ далъ больше дохода, то одновременно введена и свобода промышленности. Для привилегированныхъ классовъ общества это было двойнымъ ударомъ: они утратили свои преимущества и, терпя отъ вновь созданной конкуренціи, должны были платить государству еще особенный налогъ. Но перемѣна, тѣмъ не менѣе, была благодѣтельна для государства, а всѣ ограниченія, къ которымъ постоянно стремилась и отчасти понинѣ съ успѣхомъ стремится реакція, оказались вредными.

Число лицъ, занятыхъ промышленностію, намъ уже извѣстно. Число паровыхъ машинъ въ 1859 году 8,878, именно.

Въ ткацествѣ, пряденнѣ, отдѣлкѣ тканей	878
Въ производствѣ машинъ и обработкѣ металловъ . . .	1,691
На мельницахъ	806
На горныхъ заводахъ	1,498
Въ судоходствѣ	117
На желѣзныхъ дорогахъ	1,264
Для другихъ цѣлей	2,624
Всего	8,878

По провинціямъ цифры паровыхъ машинъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

	1837.	1859.
Рейнская провинція	658	2,153
Бранденбургъ	360	1,190
Саксонія	326	1,650
Силезія	278	1,352
Вестфалія	177	1,656
Померанія	95	298
Пруссія	63	378
Познань	7	201

Внѣшняя торговля. Данцимскій портъ.

	ПРИВЕЗЕНО НА СУММУ.	ВЫРЕЗЕНО НА СУММУ.
1851	8.138,739	7.421,024
1856	12.474,709	10.903,703
1861	25.187,776	30.053,787
1864	20.275,770	19.651,994

Железныя дороги въ концѣ 1862 года, всѣ вмѣстѣ, имѣли длину въ 812 географич. милъ; капиталъ, употребленный на дѣло сооруженіе, простирался до 410 $\frac{1}{2}$ мил. т. Перевезено по этимъ дорогамъ въ 1862 году 26 мил. лицъ, товаровъ же 406 $\frac{1}{2}$ мил. центнеровъ. Доходъ отъ всѣхъ линій — 50 $\frac{1}{2}$ мил., расходы по эксплуатаціи 20 $\frac{1}{2}$ мил.

Въ 1865 году было уже желѣзныхъ дорогъ около 1,000 геогр. миль или 6,922 километра. Доходъ отъ нихъ 254.809,950 фр., на каждый километръ 38,003 фр.

Телеграфы. 1,482 геогр. мили. Переданныхъ въ 1863 году депешъ 877,583.

Почта. Отправленныхъ въ 1863 году писемъ 127 мил. (Въ 1842 году только 34 $\frac{1}{4}$ м.). Въ 1861 году переслано по почтѣ 67.040,472 листа газетъ и казенныхъ пакетовъ.

Судоходство. Въ 1862 году считалось 914 морскихъ судовъ, вмѣщающихъ по 40 ластовъ всего . . . . . 164,349 ласт.
369 береговыхъ судовъ (вмѣщ. менѣе 40 ласт.) 7,062 »
23 морскихъ парохода . . . . . 3,222 »
60 буйсирныхъ и морскихъ пароходовъ . . . . . 1,645 »

1,366 судовъ вмѣстимостью . . . . . 176,278 ласт.

Къ 1 января 1867 года 1,473 суда вмѣстимостью въ 196,049 ласт. (ласть = 2,000 килограммовъ).

» = 20 центнеровъ.

Сберегательныя кассы. Въ концѣ 1862 года ихъ было 483, сумма владовъ 58.506,626 талеровъ. Вкладныхъ книжекъ выдано 739,353. Вкладовъ ниже 20 талеровъ было 249,172, а между 20 и 50 талер. 172,868.

Народный доходъ. Онъ оцѣнивается такъ:

• Сельское хозяйство: 57,544,711 моргеновъ годной земли, по 5 талеровъ съ моргена . . . . . 287,723,555.

(По вычисленію сельскохозяйственной коллегіи 332.550,807 талеровъ).

Доходъ съ домовъ (цѣнность которыхъ 1.162,610,117 талеровъ, сумма, въ которую оцѣнены они страховыми отъ огня обществами) 5%. 58.130,505.

Доходъ 363,878 купцовъ и промышленниковъ, по 1,000 талеровъ на cadaго . . . . . 363.878,000.

2 770,498 ч. прислуги и работниковъ, по 40 талеровъ . . . . . 110.819,920.

528,924 ремесленниковъ и проч. по 200 т . . . . . 105.784,800.

116,671 учителей, ученыхъ, художниковъ по 400 . . . . . 46.668,400.

83,406 горнорабочихъ по 60 т . . . . . 5.004,360.

Всего среднимъ числомъ по 60 тал. на чел. 978.800,540.

Оцѣнка эта ниже дѣйствительности. Если положимъ общую сумму доходовъ въ 1,400 мил., то и тогда государственные расходы потребуютъ 10% народного дохода.

Семь прусскихъ обществъ страхованія отъ огня имѣли на своемъ страхѣ въ 1857 году 3,196 мил., въ 1850 году только 1,225 мил.

Монета, мѣра и вѣсъ.

Монеты: прежде 14 талеровъ равнялись кельнской маркѣ, теперь 30 талер. выходятъ изъ таможеннаго фунта серебра. Талеръ раздѣляется на 30 серебряныхъ грошей (прежде на 24 добрыхъ грошей), въ 12 фенниговъ каждый. Прусскій талеръ (1 р. 20 коп. на русскіе кредитные билеты, по курсу 1867 года (августъ) почти во всей Германіи служить нормальной монетой. 1 талеръ = $1\frac{3}{4}$ рейнск. флориновъ или $1\frac{1}{2}$ австрійск. флориновъ. Прусскій Фридрихсдоръ принимается въ казначействахъ за 5 талеровъ 20 зильбергрошей.

Линійная мѣра. Прусскій (точнѣе рейнскій) футъ имѣетъ 12 дюймовъ, по 12 линій въ каждомъ. 1 футъ = 139,13 парижск. линій = 0,31385354275 метра. Поэтому 100 прусскихъ футовъ = 31,38 метр. = 96,62 парижскихъ, 102,97 англійскихъ и русскихъ фут. = 99,29 вѣнск. = 104,06 баварск. = 110,27 франкф., 109,58 гамб. = 107,45 ганноверскихъ футовъ. Прусскій локоть (Elle) = 666,94 миллиметръ = 26,2579 русск. дюйм.

Мѣра поверхностей и поземельная. Квадр. рута = 144 кв. фут. = 14,1845827 квадрат. метр. Въ моргенѣ 180 квадрат. руть = 25,532249 фр. аровъ = 0,2337 русск. десятины.

Хлѣбная мѣра. Прусскій шеффель въ 16 метценовъ = 2,0948 русск. четверик.; 1 метценъ = 192 прусск. или 173,1714 парижск. куб. дюйм. или 3,435094 литрамъ. 100 прусск. шеффелей = 26,18 русск. четвертямъ.

Мѣры жидкостей. Эймеръ = 60 кварта. Прусская кварта ($\frac{1}{2}$ метцена) = 1,145031 литр., 100 кварта = 9,31 русск. ведрамъ = 93,1 кружкамъ.

Вѣсъ. Закономъ 17 мая 1857 года нѣмецкій таможенный фунтъ принять за норму. Онъ составляетъ ровно половину килограмма или 1 русск. фунтъ 21 золотникъ 21,27 долей. Старый вѣсъ: центнеръ въ 110 ф.; фунтъ = 0,467711012733 килограмма = 1 русск. фунтъ 13 золотник. 61,57 долей.

Новоприобрѣтенныя владѣнія Пруссіи.

ШЛЕЗВИГЪ-ГОЛЬШТЕЙНЪ.

Пространство 318,7, населеніе 960,306 жителей обоого пола.

Бюджетъ. Доходы 7.671,303. Расходы обыкновенные 7.377,309. Расходы экстраординарные 293,994 талеровъ.

Государственный долгъ: 22.000,000 талеровъ.

Торговый флотъ 713 судовъ съ грузомъ 53,776 ластовъ.

Железные дороги 223 километра; доходъ отъ железныхъ дорогъ 1.360,000 талеровъ. Затраченный капиталъ 12.500,000 талеровъ.

ГАННОВЕРЪ (бывшее королевство).

провинція.	кв. миль.	жителей.
Ганноверъ	106 ¹ / ₂	368,973
Люнебургъ	211	367,669
Гильдесгеймъ	82 ¹ / ₂	366,766
Стаде	119	296,626
Оснабрюкъ	113 ¹ / ₂	262,316
Аурихъ	54 ¹ / ₂	192,329
Горный округъ Гарцъ	11 ¹ / ₂	33,391

Всего 698¹/₂   1.888,070
 Въ 1866 г. 1.924,172

Въроисповѣданія.

Лютеранъ	1.555,448
Реформатовъ	97,018
Католиковъ	221,576
Прочихъ христіанъ	1,943
Евреевъ	12,085

Распределение населенія по поламъ.

Мужчинъ	943,581
Женщинъ	944,489

ГОРОДА.		ГОРОДА.	
Ганноверъ	71,170	Клаустваль	9,052
Гильдесгеймъ	17,134	Лееръ	8,750
Оснабрюкъ	16,180	Стаде	8,269
Люнебургъ	14,411	Госларъ	7,730
Целле	14,139	Гамельнъ	6,786
Гёттингенъ	12,452	Норденъ	6,199
Гарбургъ	12,243	Шапенбургъ	6,198
Эмденъ	12,139	Остеродъ	6,179

Финансы. Финансовая смѣта составляется на 2 года. Этотъ двухлѣтній финансовый періодъ начинается съ 1 іюля. Смѣта на 1862—63 годъ представляла слѣдующія цифры: доходъ 20.770,977 талеровъ (въ томъ числѣ государственныя имущества 2.165,465, прямые налоги 3.432,449, косвенные налоги и таможенные пошлины 4.436,336, горное и лѣсное хозяйство верхняго Гарца 2.293,728, почта 1.109,969, желѣзныя дороги 5.529,430). Расходы 20.258,231 (въ томъ числѣ войско 2.628,953, министерство внутреннихъ дѣлъ и желѣзныя дороги 5.520,759, министерство финансовъ 5.781,012, проценты и погашенія государственнаго долга 2.717,523).

Расходы на содержаніе королевскаго семейства и двора показывались въ 600,000, на самомъ же дѣлѣ простирались до 750,000

талеровъ. Эти суммы не вошли въ государственную роспись, а покрывались доходами съ особо выдѣленныхъ на содержаніе двора государственныхъ имуществъ.

По бюджету на 1864—65 годъ	} расходы	простирались до	21.006,940		
		доходы	»	20.753,998	
По бюджету на 1867 годъ	} обыкн. расходы	»	»	22.417,700	
		чрезв.	»	»	172,000
		»	»	»	22.589,700
	} обыкн. доходы	»	»	22.589,700	

Государственный долгъ къ 1 января 1864 г. 48.018,274 талера, изъ этой суммы на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ занято 30.472,235 талеровъ.

Войско. Пѣхоты 8 полковъ и 4 легкихъ батальона; кавалеріи 6 полковъ (2 кирасирскихъ, 2 драгунскихъ, 2 гусарскихъ); артиллерія: 2 роты конной артилл., 3 батальона пѣшей артиллеріи.

Все войско превышаетъ 20,000 человекъ.

Общественный строй Ганновера до присоединенія его къ Пруссіи.

Дворянство обладаетъ особенными преимуществами и члены его почти исключительно занимаютъ важнѣйшія государственныя должности. Большія имѣнія сохраняются нераздѣльными. До 13,100 имѣній занимаютъ, каждое, болѣе 120 моргеновъ. Въ ремеслахъ и мануфактурной промышленности нѣтъ полной свободы. Особенныя предписанія постановлены противъ безнравственности работниковъ и въ томъ числѣ противъ ихъ брака. Только немногія мѣстности удержали промышленную свободу со времени французскаго владычества. Ремесленный классъ немногочисленъ и находится въ очень бѣдственномъ состояніи; фабрикъ, которыя могли бы быть благодѣніемъ для страны, почти вовсе нѣтъ. Торговля незначительна. Земледѣліе питаетъ меньше людей, чѣмъ еслибы поля дѣлились и были свободною собственностью ихъ пахарей. Въ 1862 году считалось 152 горныхъ копи, 78 плавильныхъ заводовъ и 16 соловаренъ; а во всѣхъ этихъ заведеніяхъ считалось 9.751 рабочій; стоимость же производства простиралась до 5.094,364 талеровъ.

Сбережительныя кассы въ концѣ 1862 года: 125 съ 11.203,240 талерами вкладовъ и 113,651 вкладчикомъ. Въ 1849 году было всего 2.242,452 тал. вкладовъ и 35,000 вкладчиковъ.

Желѣзныя дороги всѣ устроены на счетъ государства. Къ 1 іюля 1863 года эксплуатируемо было 119,59 миль желѣзныхъ дорогъ. Въ 1862—63 г. было перевезено 2.447,216 пассажировъ и 35.600,022 центнера товаровъ. Валовой доходъ отъ желѣзныхъ дорогъ 5.587,236, чистый 2.798,36 талеровъ или 5,36% съ затраченнаго на нихъ капитала.

Судоходство въ ноябрѣ 1863 г.

По Эльбѣ	159	морскихъ судовъ съ грузомъ	11,272	ласт.		
» Везеру	65	»	»	»	11,742	»

По Эмсу и Сѣвер-
ному морю . . . 700 морскихъ судовъ съ грузомъ 38,675 ласт.

Всего . . . 924 » » » » 61,889 »
Ластъ — 4,000 фунтовъ.

ГЛАВНЫЯ ГАВАНИ.

Папенбургъ	194 морскихъ судовъ	15,559 ластовъ
Эмденъ	87 »	5,534 »
Лееръ	54 »	3,392 »
Геестемюнде	36 »	8,638 »
Гарбургъ	21 »	3,604 »

ГЕССЕНЪ (бывшее курѣнршество).

СОСТАВНЫЯ ЧАСТИ.	кв. миль.	ЖИТЕЛЕЙ ВЪ 1861 г.
Провинція Нижній Гессенъ	72,45	332,364
Графство Шаумбургъ	35,39	119,493
Провинція Верхній Гессенъ	28,31	108,798
» Фульда	24,66	123,583
Герцогство Шмалькальденъ	8,22	36,467
Провинція Ганау	5,07	27,774
	174,10	738,479

Города въ 1861 г.: Кассель 38,930 жителей; Ганау 16,582; Фульда 9,339; Марбургъ 7,689; Эшwege 6,969.

Населеніе въ 1849 году было 759,751 ж., слѣдовательно въ 12 лѣтъ оно уменьшилось на 33,134 челов.

Финансы. По бюджету 1861—63 г. доходы простирались до 5.117,340 т., расходы — до 4.983,450. Изъ суммы доходовъ 894,300 составляли прямыя налоги, 1.183,350 косвенныя, 344,570 доходы отъ государственныхъ имуществъ, 352 — отъ горнозаводскаго хозяйства.

Главнѣйшіе расходы:

Дворъ	361,664
Долгъ госуд.	441,360
Войско	1.004,540

Капиталъ долга простирался до 14.406,979 талеровъ, причемъ бумажныхъ денегъ на 1½ мильона.

Войско. *Пехота:* 4 полка линейныхъ, одинъ егерскій и одинъ стрѣлковый батальонъ, *кавалеріи* 2 полка гусаровъ, 2 эскадр. кирасировъ, 1 полкъ артиллеріи. Все войско состоитъ изъ 11,998 человекъ.

Промышленность процвѣтаетъ только въ Ганау, гдѣ существуетъ полная промышленная свобода. Въ остальныхъ провинціяхъ существуютъ цеховыя постановленія, и производство въ

количественномъ и въ качественномъ отношеніи стоить значительно ниже производства собственно — Пруссія.

НАССАУ (бывшее герцогство).

85 квадрат. миль съ 456,567 жителями. Главный городъ Висбаденъ съ 21,167 жит. Подати государственныя отдѣлены отъ доменной кассы. Государственная роспись на 1864 годъ представляла слѣдующія цифры: государственная касса 4.673.173 флор., причеъъ 50,748 добавлено изъ доменной кассы. Доменная касса 2.108,173 флорина доходовъ, 1,615,931 обыкновенныхъ расходовъ. Войско 899,328, проценты государственнаго долга государственной кассы 1.486,641. доменной кассы — 325,849, дворъ 492,999. Сумма долга: 1) долгъ доменной кассы 4½ мил., 2) долгъ, суммы котораго употреблены на обыкновенные расходы 2.295,072, 3) долгъ, суммы котораго для сооруженія желѣзныхъ дорогъ — 30.807,654.

Войско: 2 полка и 1 егерскій баталіонъ пѣхоты, 2 роты артиллеріи, всего 5,498 человекъ.

ГЕССЕНЪ-ГОМБУРГЪ (бывшее ландграфство).

5 кв. миль; 27,374 жит. (въ томъ числѣ 3¼ кв. миль и 13,706 жителей въ округѣ Мейзенгеймскомъ). Городъ Гомбургъ (vor der Höhe) съ 7.000 жит. Бюджетъ на 1864: 415,253 флор. доходовъ и 396,823 фл. расходовъ. Долгъ 742,711 фл. Войско 366 человекъ.

ФРАНКФУРТЪ НА МАЙНѢ (прежде вольный городъ).

1,6 квадрат. миль: 89,943 жит., изъ которыхъ въ самомъ городѣ 78,177. Бюджетъ на 1865 годъ: доходы 2.854,365 флор., расходы — 2.849,136.

Долгъ 16.928,020 флор. Войско: 1 баталіонъ 1,018 человекъ. Войско составляетъ посредствомъ вербовки.

Отъ Баваріи къ Пруссіи отошло: 10,05 кв. миль съ 32,976 жителями.

Отъ великаго герцогства Гессенъ-Дармштадтскаго: 14,9 м. съ 47,728 жителями.

Общее обозрѣніе. Королевство Пруссія съ новыми пріобрѣтеніями занимаетъ пространство въ 6,394,2 кв. миль и имѣетъ жителей 23.590,639. По миру 22 августа 1866 года къ Пруссіи отошло 1,308 кв. миль съ 4.285,700 жителями.

Въ этихъ новыхъ владѣніяхъ нѣмцы составляютъ почти исключительное населеніе; не нѣмцевъ весьма мало. По вѣроисповѣданіямъ же оно распредѣляется слѣдующимъ образомъ въ Пруссіи собственно и въ новыхъ владѣніяхъ:

	ПРОТЕСТАНТОВЪ ЕВАНГЕЛИ- ЧЕСКАГО ИСПОВѢАНІА.	КАТОЛИ- КОВЪ.	ДРУГЪ ПРИНАД- ЛЕЖАЩИХЪ КЪ ДРУГ. ИСПОВ.
Въ прежнихъ владѣніяхъ Пруссіи.	60,23 проц.	36,81 проц.	2,96 проц.
» Гогенцоллернскихъ земляхъ ..	1,89	96,81	1,80
» области Яде	99,91	7,06	8,20
» Лауенбургъ	99,91	0,06	0,03
» Шлезвигъ-Гольштейнъ	99,26	0,20	0,54
» Ганноверъ	87,49	11,75	0,76
» Курф. Гессенъ	82,82	14,58	2,60
» Нассау	52,11	16,27	1,62
» Франкфуртъ	69,87	21,51	8,62
» Гессенъ-Гомбургъ	77,79	18,08	4,22
» областяхъ, отошедшихъ отъ Ве- ликаго герц. Гессенскаго....	94,96	1,78	3,26
Во всей Пруссіи.....	64,64	32,71	2,65

СВѢРНЫЙ ГЕРМАНИСКИЙ СОЮЗЪ.

Война Пруссіи съ Австріей въ 1866 году имѣла слѣдствіемъ, между прочимъ, образованіе Северо-Германскаго Союза, во главѣ котораго стала Пруссія. Этотъ союзъ государствъ имѣетъ цѣлю способствовать взаимной ихъ защитѣ и матеріальному развитію, соединенію торговыхъ и промышленныхъ интересовъ. Федеральная, или союзная казна, въ которую должны поступать таможенные сборы, налоги на потребление, доходы отъ почты и телеграфовъ, за вычетомъ издержекъ на полученіе этихъ доходовъ — должна покрывать издержки на союзное войско, флотъ и содержаніе консуловъ. Союзъ имѣетъ свою конституцію и свой парламентъ.

Въ составъ союза входятъ слѣдующія государства (цифры заимствованы у Петермана).

	КВАДР. МЛН.	ВЪ 1864 ЖИТЕЛЕИ.	ЕВАНГЕЛ.	КАТОЛИКИ.	ДРУГ. ВЪ- РОИСПОВ.
Кор. Пруссія	6,395,665	23,590,543	64,64 проц.	32,71 пр.	2,65 пр.
» Саксонія	271,83	2,343,994	97,77	2,03	0,20
В. герц. Мекленбургъ- Шверинское	244,12	552,612	99,28	0,15	0,57
» Мекленбургъ- Стрелицкое.	49,49	99,060	99,36	0,12	0,52
» Ольденбургъ ..	114,25	301,812	74,96	24,18	0,86
» Саксенъ-Вей- маръ	66,03	280,201	96,02	3,54	0,44
Герц. Брауншвейгъ ..	67,022	292,798	98,65	0,94	0,41
» Ангальтъ	48,28	193,046	97,70	0,98	0,32
» Саксенъ-Мей- нингенъ	44,97	178,065	98,33	0,62	1,05
« Саксен-Кобургъ- Гота	35,73	164,527	99,31	0,58	0,11
» Саксенъ-Альтен- бургъ	24,00	141,839	99,77	0,22	0,01
Княж Липпе-Детмольдъ	20,6	111,336	96,64	2,29	1,07

	КВАДР. МИЛ.	ВЪ 1864 ЖИТЕЛЕЙ	ЕВАНГЕЛ.	КАТОЛИКИ.	ДРУГ. ВЪ- РОИСЛОВ.
» Вальдекъ	20,86	59,143	96,44 проц.	1,97 пр.	1,59 »
» Шварцбургъ-Рудольштадтъ	17,58	73,752	99,64 »	2,15 »	1,21 »
» Шварцбургъ-Зондерсгаузенъ	15,63	66,189	99,59 »	0,15 »	0,26 »
» Рейссъ младшей ливни	15,06	86,472	99,70 »	— »	0,30 »
» Шаумбургъ-Липпе	8,05	31,382	98,73 »	0,32 »	0,95 »
» Рейссъ старшей ливни	6,8	43,924	99,70 »	— »	0,30 »
Вольный гор. Гамбургъ	6,39	229,941	94,81 »	1,74 »	3,45 »
» » Любекъ	5,98	50,614	98,50 »	0,52 »	0,98 »
» » Бременъ	3,5	104,066	98,51 »	1,44 »	0,05 »
Провинція Верхній Гессенъ въ Вел. герцогствѣ Гессенскомъ	59,65	252,427	90,49 »	6,35 »	3,16 »
Всего въ 22 государствахъ Союза	7,540,787	29.247,653	70,78 »	26,95 »	2,27 »

Торговый флотъ Сѣверо-германскаго Союза насчитываетъ 7,167 морскихъ судовъ съ грузомъ въ 1.336,719 тоннъ (въ 2,000 фунтовъ каждая).

САКСОНІЯ (королевство *).

ОКРУЖНЫЯ ПРАВЛЕНІЯ:	КВ. МИЛ.	ЖИТЕЛЕЙ ВЪ 1861 Г.	ЖИТЕЛЕЙ НА 1 КВАДР. МИЛЮ.
1) Дрезденъ	79	583,213	7,382
2) Лейпцигъ	63	506,294	8,037
3) Цвиккау	84	827,245	9,848
4) Бауценъ	45 ¹ / ₂	308,488	6,845

Всего 271¹/₂ 2.225,488 8,196

Мужскаго пола лицъ 1.088,933

Женскаго » » 1.136,307

Семействъ 470,199

Обитаемыхъ домовъ 236,416

Къ славянскому племени принадлежать 53,976 человекъ, живущихъ въ 333 мѣстахъ.

Значительнѣйшіе города.

Дрезденъ 128,152 ж., Лейпцигъ — 78,495, Хемницъ—45,432, Цвиккау—20,492. Кромѣ того:

*) Въ статистическомъ обзорѣ нижеслѣдующихъ государствъ мы приводимъ неизмѣненными цифры Кольба. Дополняя ихъ, мы будемъ указывать на источникъ.

Фрейбергъ.....	17,488	Гроссенгайнъ.....	8,968
Глаухау.....	16,586	Дебельнъ.....	8,228
Плауенъ.....	16,166	Миттвейда.....	7,969
Меране.....	13,626	Франкенбергъ.....	7,943
Циттау.....	13,063	Цшопнау.....	7,858
Будшинъ.....	11,237	Шнеебергъ.....	7,582
Кримницнау.....	10,650	Пирна.....	7,441
Рейхенбахъ.....	10,198	Гайнихенъ.....	6,594
Мейсенъ.....	9,866	Вурцель.....	6,408
Аннабергъ.....	9,710	Россвейнъ.....	6,401
Вердау.....	9,298	Эйбенштокъ.....	6,365

Финансы. Бюджетъ на трехлѣтній финансовый періодъ 1864—1866 г. представляетъ 13.658,984 талера ежегоднаго дохода, въ томъ числѣ 5.750,808 талеровъ дохода отъ государственныхъ имуществъ и регалій, 5.340,800 тал. налоговъ (прямые налоги доставляютъ казнѣ 2.230,800 тал.) и 2.567,376 тал. изъ другихъ источниковъ.

Расходъ равенъ доходу. Главныя статьи расхода суть: дворъ 904,214; долгъ 3.121,524, войско 2.305,442.

Государственный долгъ простирается до 70 мил., со включеніемъ 7 миліоновъ бумажныхъ денегъ. Государственнымъ имуществомъ оцѣниваются въ 129 миліоновъ талеровъ, изъ которыхъ 92¹/₂ миліоновъ заключаются въ недвижимостяхъ (железныя дороги, лѣса и проч.).

Войско. 16 линейныхъ пѣхотныхъ полковъ и 4 батальона егерей, 4 кавалерійскихъ полка, артилерія и проч. Всего 25,396 человекъ въ дѣйствующей и 1,232 въ недействующей арміи.

Промышленность и проч. Въ концѣ 1861 года: 1,003 неподвижныхъ машинъ съ 15,633 лошадиными силами, 203 локомотива съ 30,267; 10 на судахъ съ 397 лош. силами и 18 такъ-назыв. локобилей съ 119 силами, всего 1,234 машины съ 46,416 силами (1856 г. 708 м. съ 16,709 силами).

Каменноугольные копи (1861): 81 каменноугольныхъ копей, съ 11,404 рабочими и продуктомъ въ 19.382,976 центнеровъ на сумму 3.229,451 талеръ. 157 копей бураго угля съ 2,760 рабочими и продуктомъ въ 2.754,561 центнеръ, на сумму 378,444 талера.

Типографіи считалось въ 1856 году 110 съ 97 скоропечатными и 268 ручными станками. Въ одномъ Лейпцигѣ 29 типографскихъ заведеній съ 66 скоропечатными и 141 ручнымъ станкомъ.

Бумагопрядильни въ 1861 имѣли 620,000 веретенъ.

Государственные желѣзныя дороги 1863 г. 76 милъ. Перевезено пассажировъ 4.118,165; товаровъ 62¹/₂ миліона центнеровъ. Доходъ 5¹/₂ мил. талеровъ. Частныя желѣзныя дороги: 33¹/₂ мили, изъ которыхъ 8 милъ подъ надзоромъ государства. Пассажировъ 2.021,958, товаровъ 27.910,923 центнера. Доходъ 2¹/₂ миліона талеровъ.

Сберегательныя кассы въ концѣ 1862: 119; число счетовъ 323,915; сумма вкладовъ 21.467,373, резервный фондъ 921,476 талеровъ.

МЕКЛЕНБУРГЪ-ШВЕРИНЪ (Великое герцогство).

244 кв. миль; 551,761 жит. (1863), изъ нихъ 137,382 живутъ въ дворянскихъ или рыцарскихъ имѣнiяхъ, 198,192 въ 40 городахъ. Города: Шверинъ 23,233, Ростокъ 26,396, Висмаръ 13,128, Гюстровъ 10,501, Пархимъ 7,142 жит. По необыкновенно-высокой (вслѣдствiе приготовленiй къ войнѣ) финансовой смѣтѣ на 1858—59 годъ, доходы простирались до 3.404,030 талеровъ (изъ которыхъ 346,283 взяты изъ государственныхъ займовъ), расходы до 2.675,217 тал. Войско стоило почти 1 милiонъ, долгъ около 523,000, дворъ—болѣе 400,000. Капиталь долга простирался до 8.843,944 т., изъ которыхъ 7.200,000—долги герцогскаго двора.

Войско: 5 баталiоновъ пѣхоты, 1 полкъ драгунъ, артил., всего 5,380 ч.

Общественныя отношенiя. Мекленбургъ есть единственное государство въ Германiи, въ которомъ французская революцiя не произвела почти никакихъ общественныхъ измѣненiй; многiя средневѣковыя феодалныя учрежденiя продолжаютъ существовать до сихъ поръ: Владѣльцы дворянскихъ имѣнiй пользуются до извѣстной степени суверенными правами, и положенiе сельскаго населенiя самое бѣдственное. Даже прикрѣпленiе къ землѣ, которому подлежала большая часть жителей, сохранилось здѣсь гораздо дольше, чѣмъ въ остальной Германiи, именно до 1820 года. И вполнѣдствiи положенiе ихъ не много улучшилось. Число землевладѣльцевъ и поселянъ-собственниковъ не велико, всего 15,685; 367,500 сельскихъ жителей не принадлежать къ свободнымъ собственникамъ. Е. М. Арндтъ представилъ слѣдующую картину быта поселянъ (ноябрь 1856 года).

«Плачевное состоянiе сельскаго населенiя Мекленбурга происходитъ отъ прежняго пренебреженiя, въ которомъ находились обязанности (hörige Leute), а еще болѣе отъ полнаго почти разрушенiя деревень, поля которыхъ обращены въ большiя имѣнiя или отошли къ рыцарскимъ замкамъ (Ritter schlösser) съ ежегоднымъ доходомъ въ 5,000—20,000 талеровъ. Это случилось въ прошломъ столѣтiи на всемъ островѣ Рюгенъ и въ шведской передней Померанiи. Въ Мекленбургѣ это было дѣломъ произвола дворянства, позволявшаго себѣ крайнiй произволъ. Въ Мекленбургѣ остались кое-гдѣ деревни и селенiя, принадлежащiя доманамъ, отдѣльнымъ учрежденiямъ и городамъ; не видно было почти ничего, кромѣ большихъ имѣнiй и замковъ; возлѣ нихъ стоятъ домики переходящихъ съ мѣста на мѣсто поселенцевъ или такъ называемыхъ Katenleute. Эти обстоятельства, недостатокъ въ деревняхъ и постоянныхъ жилищахъ людей, служить

Важнѣйшія погрѣшности въ «Очеркѣ Статистики».

	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
Стр. 6 строка 20 сверху	418.300,000; жит.	418.300,000 фунт. стерл.
» 7 » 23 »	3,18цента. 14,90цента.	3,18 фунта 14,90 фунта.
» 9 » 26 »	до 8 копеекъ сер.	до 8 копеекъ <i>въ день на</i> <i>человѣка.</i>
» 9 » 13 снизу	1.200,02	1.207,002.
» 19 » 6 сверху	Вѣстникъ Европы 1867, № 1	Объ ужасахъ голода въ Индіи см. Ж. «Дѣло» 1867, № 11.
» 20 » 17—24 снизу	Лауре, Лаурскій, Лаурь.	Луаре, Луарскій, Луарь.
» 38 » 2 сверху	менѣе двухъ третей	около двухъ третей.
» 38 » 3 »	болѣе одной трети	менѣе одной трети.
» 44 » 14 сверху	Оренбургская.	Оренбургская, Уфимская.
» 44 » 23 снизу	Уфимская, Харьковская.	Харьковская.
» 45 » 1 »	Прямосл. населеніе Евр. Россіи увеличилось на 579,285 человекъ	Населеніе Евр. Россіи увеличилось на 704,166 человѣкъ.
» 45 » 21 »	2.257.144.	257,144.
» 45 » 15 »	Населеніе Фавландіи 3.697,158.	1.697,158.
» 45 » 15—10 »	Вся Россійская имперія занимаетъ 365.180,00 миль и имѣла 78.230,554 жи- теля.	Вся Россійская имперія занимаетъ 365.180,00 миль и въ 1863 году имѣла 76.497,168 жител. (имен- но: Евр. Россія 61.175,923, Кавказъ 4.157,923, Си- бирь 4.625,699, Польша 4.840,465, Финляндія 1.697,158).
» 64 » 26 »	79.586,000 (эту цифру слѣдуетъ уничтожить).	
» 115 » 7 »	Цербеть.	Цербстъ.
» 170 » 6 »	2.500,000 франковъ.	2,500.000,000 франковъ.
» 184 » 14—18 сверху	Число ежегодно расхо- дившихся періодиче- скихъ изданій въ С.-Ам. Штатахъ: 1775 г.—37; 1801—203; 1850—2,800.	Число ежегодно расхо- дившихся номеровъ: 1828 г. — 60.000,000; 1850 — 422.500,000.
» 200 » 14 снизу	На каждомъ изъ 180 мил. жителей.	На каждомъ изъ 180 мил. взрослыхъ жителей отъ 15-ти-лѣтняго возраста.

- XV. — ОБОЗРѢНІЕ 1867 ГОДА. Отличительная черта прошлаго года. — Историко-филологическій институтъ. — Новый уставъ духовныхъ семинарій и училищъ. — Пенсія духовенству. — Замѣщеніе священно и церковно-служительскихъ мѣстъ. — Новые военные и морскіе суды. — Сокращенія во флотѣ. — Царство Польское. — Мингрелія. — Уступка русскихъ владѣній. — Новое генерал-губернаторство. — Русскій языкъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ. — Бѣглая характеристика нѣмцевъ. — Продажа польскихъ имѣній и признаніе прибалтійскихъ нѣмцевъ русскими по происхожденію. — Финляндскій сеймъ. — Земское дѣло въ Петербургской губерніи. — Дополненіе къ закону о печати. — Новая серебряная и мѣдная монета. — Пренія объ измѣненіи тарифа. — Вопросъ о продажѣ николаевской желѣзной дороги и казенныхъ горныхъ заводовъ. — Новый судебный округъ. — Нотариатъ. — Этнографическая выставка. — Заграничные гости: славяне, американцы, японское посольство, туркестанская депутація, высочайшія особы. — Съѣздъ сельскихъ хозяевъ. — Общества новыя и закрывшіяся. — Новыя желѣзныя дороги. — Сибирско-американскій телеграфъ. — Процесы. — Преступленія. — Литературные процесы. — Смертныя казни. — Новые журналы и газеты. — Литературныя и театральныя произведенія. — Опера. — Предостереженія. — Пожертвованія. — Некрологъ. — Съѣздъ естествоиспытателей. — Къ читателю 134
- XVI. — ЗАПИСКИ МЕТАФИЗИКА. — I. О НАСУЩНОМЪ ХЛѢБѢ, В. С. 166

Объявленія: отъ музыкальнаго магазина М. Бернарда и отъ книжныхъ магазиновъ: М. О. Вольфа и С. В. Звонарева.

(См. страницу 4-ую).

ПРИЛОЖЕНІЕ:

XVII. — **ОЧЕРЕЖЪ СТАТИСТИКИ НАРОДОВЪ И ГОСУДАРСТВЪ** (по Колюбу), составленный В. Покровскимъ. (Первая половина, стр. 1—112, въ концѣ книги).

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ выходятъ въ 1868 году ежемѣсячно книжками отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ и болѣе.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ

съ С.-Петербургъ безъ доставки:	съ пересылкою или доставкою:
15 руб. серебромъ.	16 руб. 50 коп. серебромъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Санктъ-Петербургѣ:

Въ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ Редакціи «Отечественныхъ Записокъ», на Литейной, домъ № 38.

въ отдѣленіи конторы:

На Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Меншикова, при книжномъ магазинѣ С. В. Звонарева.

Въ Москвѣ:

Въ Конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», на углу Большой Дмитровки, противъ Университетской типографіи, въ домѣ Загрязскаго, при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева (бывшемъ И. В. Базунова).

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** съ Главную Контору «Отечественныхъ Записокъ».
